

75

ПОБЕДА!

1945–2020

**Великая Отечественная война
в исторической памяти народа:
изучение, интерпретация,
уроки прошлого**

Автономная некоммерческая организация поддержки и развития
гуманитарных исследований «Свободные науки»

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук

Гуманитарный институт Новосибирского государственного университета

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Новосибирский государственный университет
архитектуры, дизайна и искусств им. А.Д. Крячкова»

**Великая Отечественная война в исторической памяти народа:
изучение, интерпретация, уроки прошлого**

Сборник материалов
Всероссийской научно-практической конференции
с международным участием

Новосибирск
2020

УДК 94(47).084
ББК 63.3(2) 622,88

Сборник утвержден к печати
Ученым советом Института истории СО РАН

Сборник подготовлен и издан при поддержке:
Правительства Новосибирской области (субсидия из областного бюджета
Новосибирской области на реализацию мероприятий, посвященных
75-летию Победы в Великой Отечественной войне),
Фонда «История Отечества»

Секция «Подвиг милосердия: врачи и святые»
проведена при поддержке Международного грантового конкурса
«Православная инициатива 2019–2020»

Редколлегия

д-р ист. наук А.А. Николаев (отв. ред.), канд. ист. наук М.А. Семёнов (отв. секр.), д-р ист. наук В.А. Ильиных, д-р ист. наук В.А. Исупов, д-р ист. наук О.Н. Шелегина, канд. ист. наук В.Б. Лапердин, канд. ист. наук С.Г. Петров, канд. ист. наук Р.Е. Романов, канд. ист. наук С.В. Шарапов, канд. пед. наук О.М. Хлытина, Д.Д. Гаркуша.

Рецензенты

д-р ист. наук В.В. Кондрашин
канд. ист. наук. А.И. Савин

Великая Отечественная война в исторической памяти народа: изучение, интерпретация, уроки прошлого: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / редкол.: А.А. Николаев (отв. ред.), М.А. Семёнов (отв. секр.) [и др.]; Ин-т истории СО РАН. – Новосибирск: Изд-во «Параллель». 2020. – 606 с.

ISBN 978-5-98901-242-8

В сборнике освещаются проблемы историографии, выявления новых источников о войне, коллективной памяти и отражения Великой Отечественной войны в учебниках, исторической психологии и микроистории, экономических, социальных и демографических последствий войны и многого другого.

Сборник предназначен для научных работников, преподавателей и студентов вузов, а также для всех интересующихся историей Великой Отечественной войны.

От редколлегии

Победа в Великой Отечественной войне имеет непреходящее значение для всех народов бывшего Советского Союза и запечатлелась в историческом сознании не только как героический коллективный подвиг и общий триумф, но и как горечь невосполнимых потерь, что отражено в метафорической формуле – «праздник со слезами на глазах». Это грандиозное по своим масштабам и историческим последствиям событие и сегодня, 75 лет спустя, оказывает интегрирующее воздействие на общественное сознание народа-победителя. Потребность в переживании и осмыслении героического прошлого приобрела особую актуальность в последние десятилетия, когда поколения, принимавшие непосредственное участие в войне, стали быстро уходить. В то же время заостренный дискурс СМИ, не проходящий накал идеологических противоречий в обществе ведут к размыванию общих оценок войны и Победы. Полемика по этим вопросам зачастую достигает серьезной остроты и содержит обвинения оппонентов в фальсификации истории, дегероизации, или, напротив, лакировке прошлого страны. На этом фоне забываются массовые и личные трагедии, огромная, ни с чем не сопоставимая «цена Победы», которую заплатили народы СССР, ведя вооруженную борьбу с фашистскими агрессорами.

Данная конференция подготовлена в рамках проводимого Автономной некоммерческой организацией «Свободные науки» Форума «Великая Отечественная война в исторической памяти народа». Инициаторы форума – Институт истории СО РАН, Институт археологии и этнографии СО РАН нашли поддержку коллег из других учреждений Новосибирска: Новосибирского государственного педагогического университета, Новосибирского государственного университета архитектуры, дизайна и искусств имени А.Д. Крячкова, Сибирского института управления – филиала РАНХиГС, Новосибирского государственного краеведческого музея, Новосибирской государственной областной научной библиотеки, Центра культуры и отдыха «Победа». Идею форума поддержало правительство Новосибирской

области, предоставив субсидию на его проведение, а Всероссийскую научную конференцию, задуманную как центральное мероприятие форума, поддержали фонд «История отечества» и фонд поддержки гуманитарных и просветительских инициатив.

Предложение обсудить проблемы исторической памяти вызвало большой интерес у ученых-историков, педагогов, широкой общественности. На участие в конференции поступило свыше 140 заявок из самых разных мест нашей Родины, многих стран бывшего СССР. Не все поступившие тексты докладов и сообщений вошли в сборник. Ряд материалов в расширенном виде уже опубликован в журнале Института истории СО РАН «Исторический курьер» (№ 3 за 2020 г.).

Публикуемые в сборнике материалы конференции охватывают широкий круг научных проблем, историографии, выявления и изучения новых вещественных и письменных источников, коллективной и личной памяти о Великой Отечественной войне. Особое внимание уделено анализу экономических, социальных и демографических последствий войны и их интерпретации в разные исторические эпохи. Все это еще раз доказывает, что память о великом подвиге наших предков была и остается живой. Люди, отдавшие жизнь в борьбе против коричневой чумы, не остаются забытыми! С другой стороны, представленные в сборнике материалы показывают, что часть исторического наследия Великой Отечественной войны так и осталась не востребовавшей. Мы еще много не знаем об этой, казалось бы, хорошо известной странице нашей истории. И на живущих лежит обязанность сохранить и приумножить память об этой страшной войне, о людях, положивших свои силы и жизни на алтарь Победы, и донести ее до будущих поколений.

В сборнике отразилась в первую очередь проблематика исторической памяти о войне и трансформации мемориальных практик. Не случайно во многих статьях представлена информация о состоянии музеев и мемориалах, о новых приемах работы с мемориальным наследием, прежде всего, в связи с внедрением новых технологий музейной работы, а также с особенностями

взаимодействия с сегодняшней молодежью, обладателями особого «цифрового» восприятия прошлого. Целый ряд авторов показали роль кинематографа в сохранении и формировании исторической памяти. Для реконструкции исторической памяти о Великой Отечественной войне широко использованы воспоминания ветеранов. Несмотря на широкий поток новых изданий, огромные массивы неизданных источников личного происхождения остаются на архивном и музейном хранении, в личных коллекциях. В целом материалы конференции показали парадоксальность сегодняшней ситуации: мы обладаем огромным, поистине неисчерпаемым запасом исторических источников, хранящих память о войне, и в то же время многое еще предстоит зафиксировать, учесть и ввести в научный оборот, а в диалоге с молодым поколением о Великой Отечественной войне мы только учимся делать первые шаги.

Значительное место в сборнике уделено дискуссиям по ключевым проблемам Второй мировой и Великой Отечественной войны: причинам войны, ответственности за ее развязывание, вкладу в Победу, готовности СССР к войне и др. Участники конференции показали современное состояние историографии по следующим традиционным научным направлениям: ключевые вопросы организации тыла, эвакуация промышленных предприятий из западных прифронтовых территорий в начальный период войны и их восстановление на освобожденных от оккупантов территориях на завершающем этапе, партизанское движение на оккупированных территориях, зверства фашистских захватчиков и их пособников и в целом оккупационная политика германских властей. Многие статьи базируются на большом количестве статистических данных, взятых из архивных фондов разных стран. Приведенные материалы еще раз убедительно свидетельствуют, что оккупационный режим не оставлял никаких надежд на выживание славянских и всех проживающих на территории СССР народов, отнесенных нацистами к низшей расе. Достаточно репрезентативно представлена социально-демографическая проблематика, в т.ч. работа медицинских учреждений и эвакуационных госпиталей. В

статьях анализируются прямые и косвенные потери СССР во время Великой Отечественной войны, повлиявшие на все сферы жизни общества.

Нашли отражение в сборнике такие непростые с точки зрения преломления в исторической памяти проблемы, как трудовое дезертирство, положение депортированных советских народов, детская преступность, беспризорность и безнадзорность, попадание в плен и нахождение в плену военнослужащих Красной армии в контексте выявления реальных потерь противоборствующих сторон на советско-германском фронте, участие коренных малочисленных этносов в Великой Отечественной войне.

Особенно отрадно, что в конференции приняли участие исследователи из ряда стран ближнего зарубежья, представившие доклады об участии титульных этносов в событиях Великой Отечественной войны. Ими освещен и более широкий спектр проблем отношения в современных государствах, являвшихся в прошлом союзными республиками, к наследию Великой Отечественной войны. Литературе ближнего зарубежья о войне и особенностям политики памяти на постсоветском пространстве посвящены и доклады отдельных российских историков.

Если полнота исторических знаний о той страшной войне и победе над фашизмом во многом определяется исследовательской работой, то функцию по их сохранению и трансляции в значительной степени выполняет учебная литература, которая подверглась существенной ревизии и переоценке. При сохранении в вузовских учебниках идеологического плюрализма репрезентаций Великой Отечественной войны отмечается усиление тенденции к трансляции образа войны как центрального события XX в., которое постоянно требует защиты от фальсификации.

В статьях, посвященных анализу текстов учебников в странах Ближнего зарубежья по истории войны, исключая страны Балтии и Украину, отмечается в целом позитивный тренд сохранения близких с российской концепцией причин, характера и основных событий войны. Находят адекватную оценку такие непростые сюжеты, как сотрудничество с врагом на оккупированных террито-

риях (коллаборационизм), в т.ч. выявление количественного и качественного состава советских граждан, действовавших на стороне Германии. В целом авторы учебников идентифицируют воинов-соотечественников как граждан СССР и по достоинству оценивают вклад всех жителей Советского Союза в победу над фашизмом. В то же время в некоторых учебниках наблюдается влияние зарубежной, в основном англоязычной историографии, принижающей роль СССР в победе над Германией.

В сборнике опубликованы статьи, освещающие деятельность врачей во фронтовых условиях и в тылу, особенности работы эвакогоспиталей, современные интерактивные возможности в музейных презентациях этих тем. Данные статьи отражают работу особой секции конференции «Подвиг милосердия: врачи и святые», проведенной при грантовой поддержке конкурса «Православная инициатива». Особое внимание уделяется такой консолидирующей светское и религиозные сообщества нашей страны фигуре, как видный церковный иерарх и выдающийся хирург – архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий), работавший в эвакогоспиталях в годы Великой Отечественной войны.

В целом надеемся, что материалы конференции окажутся полезными не только для историографии, но и организации культурно-просветительной и воспитательной работы. Тема войны и памяти о ней сохраняет свою актуальность в качестве своеобразного «символа веры», важного скрепа в процессе формирования национальной идентичности не только для Российской Федерации, но и всех бывших республик Советского Союза, является одной из платформ по сохранению связи поколений, обеспечению преемственности в патриотическом воспитании.

Организационный комитет конференции выражает искреннюю благодарность Правительству Новосибирской области, Фонду «История Отечества», Международному открытому грантовому конкурсу «Православная инициатива 2019–2020» за финансовую поддержку, благодаря которой стало возможным проведение конференции, а также нашим партнерам, откликнувшимся на инициативу ее проведения.

Меморизация войны и Победы

УДК 94(47).084.8

Д.А. Аманжолова

Память о Великой Отечественной войне в Казахстане – особенности интерпретации

D.A. Amanzholova

Memory of the Great Patriotic War in Kazakhstan – Peculiarities of Interpretation

Аннотация. Основное внимание уделяется анализу историографии Великой Отечественной войны на примере Казахской ССР и специфике интерпретаций и формирования памяти о войне в работах историков Республики Казахстан. В советское время направления, тематика, подходы и оценки в изучении и политике памяти о войне базировались на признании интернационального единства советского народа. Современная казахстанская историография о войне отличается разнонаправленностью подходов и содержательностью наполнения. Наряду с сохранением и реновацией консолидирующих народы бывшего СССР подходов появились попытки отказаться от объективных оценок характера войны и роли в ней СССР. Основной интерес сосредоточен на подвиге казахов-панфиловцев в Московской битве, гуманитарном вкладе казахов в поддержку эвакуированных и депортированных на территорию Казахской ССР, судьбе т.н. Туркестанского легиона.

Ключевые слова: СССР; Великая Отечественная война; Республика Казахстан (РК); историография; память.

Исследовательская ситуация в РК обусловлена «историческим» дискурсом власти, разрывом научного пространства бывшего СССР, эволюцией взглядов и методологической оснащенности ученых. Чувствительность к «голосу власти» отражает транслируемый ею подход, где Великая Отечественная война не исключается из оценки советского периода. В 1993 г.

Н.А. Назарбаев констатировал: в СССР «отношения центра и регионов носили полуколониальный характер. ...Попытка унифицировать все нации в единую суперэтническую общность – советский народ – явно провалилась» [1, с. 6–7, 8].

Вывод достаточно важный, ведь дискуссия о состоятельности/провале советского проекта, межэтнической интеграции граждан СССР в единую культурно сложную общность совсем не завершена. Он противоречит убедительно не опровергнутым аргументам в пользу идейной, ценностной и культурной консолидации советского общества и его освободительной миссии в борьбе против нацизма. В 2002 г. Назарбаев вновь утверждал: «Коммунистический режим более чем за 70 лет так и не сформировал единый советский народ» [2, с. 254]. Версию о сомнительности интернационального целого отстаивает и ведущий философ Нысанбаев: понятие «советский народ» предполагает единство всеобщего и единичного, где первое ассимилирует, подчиняет второе, а единство достигается именно за счет подавления этнического компонента [3, с. 6].

С 1990-х гг. инициировано несколько государственных программ по обновлению исторического знания¹. Но тема войны в общем пространстве историографии РК стала все больше превращаться в часть атрибута кратковременного ритуального возврата к традиционным компонентам коммеморации, где главными остаются подвиг панфиловцев, других казахов-фронтовиков и заметно меньше трудовой вклад казахстанцев в Победу. В «Очерках по истории Казахстана» (Алматы, 1993) военному периоду уделено 4 % объема. Важные изменения в методологических подходах продиктованы трендом на вычленение истории казахов и Казахстана из истории СССР. Советский автор монографий «Коммунистическая партия Казахстана в период Великой Отечественной войны», «Казахстан – арсенал фронта» и др. М.К. Козыбаев в РК руководил изданием «Книги памяти» и призвал изучать историю войны «с точки зрения сегодняшней

¹ Так, в 2014 г. принята программа «Народ в потоке истории» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.inform.kz/> (дата обращения: 14.06.2013).

независимости» [4, с. 71]. Т. Балакаев подчеркивал: этот период оценивался в рамках «советской тоталитарной коммунистической идеологии», что обусловило умолчание «теневых сторон» народной жизни, современность же ставит новые задачи в освещении военного периода¹.

В 2012 г. Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова начал подготовку 10-томной истории Казахстана [4]. Признаком «отчуждения» от советской и российской историографии в 2012 г. стал отказ от понятия «Великая Отечественная война». В новой структуре выделена часть «Казахстан накануне и в период второй мировой войны» с главой «Казахстан в советско-германской войне 1941–1945 гг.» [5, с. 161–163, 167]. В программе исследований Института на 2014–2016 гг. по теме «Казахский народ в советский период» выделены подтемы, где Великая Отечественная присутствовала косвенно: «4.5 Туркестанский легион и военнопленные: документальное исследование; 4.6 Адаптация депортированных народов в Казахстане»; демографические последствия Второй мировой войны в Казахстане².

Определенная часть исследователей сохраняет приверженность доминантам советского времени, когда основное внимание уделялось обоснованию и доказательству роли интернационализма и патриотизма советских людей как консолидированной общности. Показано, что вооруженная борьба на фронте, работа в тылу, сопротивление на временно оккупированной территории, все стороны общественной жизни в СССР касались каждого, объединяя народы общей сверхзадачей [6, с. 37–45, 220–222, 286–288]. Значительное место в таких трудах занимают боевые подвиги казахов-панфиловцев, участников обороны Брестской крепости, взятия Берлина и др. [7; 8; 9; 10; 11]. Х.С. Муханбеткалиев подчеркивает решающую роль интернационального единства советского народа в победе и исключительные качества

¹ Балақаев Т. Соғыс тарихының жалғасы бар // Егемен Қазақстан. 2005. 27 сәуір. 3 б.

² Программа исторических исследований «Народ в потоке истории» [Электронный ресурс]. URL: <https://e-history.kz/ru/contents/view/331> (дата обращения: 08.01.2019).

Б. Момыш-улы, в формировании которых важнейшее место от- вел И.В. Панфилову и К.К. Рокоссовскому [12, с. 17, 21–22, 32]. Литература о Героях Советского Союза – женщинах-казашках А. Молдагуловой, М. Маметовой, первой летчице Х. Доспановой носит популярный характер и основана на советских изданиях [13; 14]. Представляют ценность документальные публикации [15; 16; 17; 18; 19; 20]. Определенное место заняли исследования о развитии экономики [21; 22], образования и деятельности эва- куированных ученых, сыгравших заметную роль в укреплении научного потенциала КАССР [23; 24; 25; 26]. Л.Б. Бердигожин показал, как условия войны стимулировали индустриальный рост КССР, осветил некоторые вопросы депортации, насильственного вовлечения кадров в трудовые армии, молодых детей и престарелых в тяжелое производство и чрезмерные нормы труда [22, с. 12, 26–27]. Новое направление в историографии РК о войне обозначила монография о женщинах Центрального Казахстана в годы войны [27].

В 2010 г. были опубликованы 282 новых документа из Особых папок ЦК Компартии КАССР. Уточняются сведения о формиро- вании воинских интернациональных соединений из казахов, не владевших русским языком, с двуязычным командным составом. Эти источники подтверждают объективную интенсификацию и накопление опыта межнациональных контактов. Обращается внимание на использование идейно-нравственного и пропаган- дистского потенциала национальной культуры [28]. При этом «советская национальная политика в Великой Отечественной войне показала высокую эффективность, проявив маневрен- ность, гибкость и способность к манипулированию нацио- нально-патриотическими чувствами» [29, с. 58]. Все реже обращается внимание на вклад иноэтничных казахстанцев в По- беду; события военных лет на остальной территории СССР, ге- роизм представителей других народов становятся лапидарной частью образовательных текстов.

Достижением историографии РК стало пополнение факто- логии депортаций и эвакуации на территорию республики, в т.ч.

в годы войны [30–41]. Фиксируется их важная роль в росте полиэтничности населения как сложившейся в XIX в. тенденции. Миграционные процессы 1940-х гг., имея организованный, вынужденный и насильственный характер, во многом компенсировали убыль населения периода коллективизации и войны. В контексте этой тематики, как и в целом в оценке военного, нередко и послевоенного периода, самым распространенным определением политической системы стало понятие «тоталитаризм» [42, с. 118; 43, с. 97; 44; 45]. Ведущим лейтмотивом в характеристике общественной атмосферы в связи с размещением репрессированных и депортированных граждан является акцент на благородстве и жертвенности казахского народа [46]: несмотря на все тяготы, он «помог им выжить и устоять перед страшным маховиком тоталитарного государства»¹.

Б.О. Жангуттин, М.Ч. Калыбекова освещают «вопросы размещения депортированных народов в Казахстане, их материально-бытового положения, правового статуса, трудоустройства и последствий насильственного переселения как для них самих, так и для казахстанского общества». Оказавшиеся по воле власти в республике представители разных народов проявили патриотизм, героизм и стойкость, внося важный трудовой вклад в дело победы. Констатируется деформация национальной политики: она в сочетании с негативными политико-экономическими и этническими факторами усиливала социальную напряженность в КССР и создавала новые проблемы – экономические, хозяйственные, идеологические, политические, межнациональные [47, с. 99, 101]. Жангуттин внес вклад в изучение системы лагерей ГУПВИ в Казахстане, как одной «из форм принудительных миграций населения вследствие военных действий периода второй мировой войны», подчеркивая «преемственность колониационной политики Российской империи, Советского государ-

¹ Шаймуханова С.Д., Макалаков Т.Ж. Вклад спецпереселенцев и депортированных народов в развитие экономики Центрального Казахстана [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 3. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=6498> (дата обращения: 11.03.2020).

ства, направленной на освоение ресурсов республики». Депортации, эвакуацию, репатриации и плен он считает формами миграций военного времени, проведя важные статистические подсчеты и реконструировав хронологию миграционных процессов в КССР применительно к славянскому населению СССР и в заключении упомянув понятие «Великая Отечественная» [48, с. 11, 24, 37]. Подвиг поликультурного советского народа нередко сужается до реконструкции боевых заслуг казахов и акцента на милосердии титульного этноса как коллективного целого в отношении эвакуированных, трудармейцев, депортированных, репрессированных. К.Ш. Алимгазинов подчеркивает: «...врожденное добродушие, гостеприимство и толерантность казахов взяли верх над идеологическими постулатами режима», подкрепляя аргумент воспоминанием, что «русские и казахские соседи делились всем, что имели» [49, с. 40].

История Туркестанского легиона изучена недостаточно¹, и в РК она оценивается «как продолжение туркестанцами идеи борьбы Мустафы Чокая за независимость своей Родины». Перебежчики, пишет Б. Садыкова, происходили в т.ч. из потомков именитых людей, надуманно обвиненных в национализме и целенаправленно уничтожавшихся, а Чокай, якобы разработавший идеологию будущего государства, настаивал на использовании легиона «только при подходе к границам Туркестана». Она считает: «впервые в истории Туркестана ядро будущего правительства независимого Туркестана было сформировано за пределами Туркестана в условиях войны, пусть даже при формальной поддержке сильного государства – союзника», хотя туркестанцам не доверяли «ни русские, ни немцы», а война была противостоянием двух тоталитарных режимов [50, с. 10, 56, 63, 73, 80, 226].

¹ Разведчики в Туркестанском легионе? М. Чокай агент Польши. Ч. 2. Дорога людей [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=UYesRZFS7xw&feature=youtu.be&fbclid=IwAR3bC3Ae8Y_0WAvh4A-sEAQZ0WrhTQ4exZQPuOgYIsuDMm5M56_hYхосрw (дата обращения: 22.03.2019); См. также: Кара А. «Истина Туркестанского легиона – между свастикой и красной звездой». Исследование/перевод с каз. Астана: Исследовательский институт «Общественное мнение», 2015. 98 с.

Конструирование советского прошлого как преемственного имперскому в их «колониальной» сущности занимает центральное место в историографии РК, обеспечивающей новое национальное строительство. Понятно: советская риторика дружбы народов и модернизации отсталых окраин сегодня представляется архаичной, что отнюдь не отменяет признания объективных достижений казахского общества в его движении к модерности именно в советской реальности. Фетишизация независимости привела к искусственному отрыву объекта изучения – истории казахского общества – от «внешнего» фактора в лице Российской империи/СССР, в государственных рамках которых оно развивалось около 300 лет. Такое «центрирование» исследовательских интересов, когда фокус переносится вовнутрь, оказывается ограниченным, сосредотачиваясь на создании образа народа как почти перманентной жертвы «сторонних» сил. Центр же присутствует как «извечное зло». Возможно, именно поэтому Великая Отечественная не получила заметного места в историографии.

В целом исследование войны в РК развивается противоречиво. Сохраняется приверженность публикации документов и доказательным версиям событий, но в их этноориентированной реконструкции создается фактологическая база истории репрессий, эвакуации и депортаций в 1940-е гг., наметилось гендерное направление. Отчетливым стал тренд на усекновение прошлого в его этнокультурных и географических границах, перекодировку общего прошлого, из которого исключается СССР как единая поликультурная держава с целостной многонародной общностью. Этноцентризм определяет локализацию и тематическое ограничение истории войны. Это отделяет титульный этнос от советской поликультурной общности, обедняя не только репрезентацию исторического опыта, но и адаптивный потенциал этничности в системе многоуровневой идентификации новых поколений, ограничивает их знания и нарушает межпоколенческую социокультурную преемственность. Замеры исторических знаний и самосознания молодежи РК это фиксируют [51; 52]. Понимание и уважение подвига старших поколений при отчуж-

дении его интернационального компонента обезличивает и нивелирует значение преимуществ межэтнической целостности страны. Интернационализм как маркер развитой культуры общества, амортизатор социальных коммуникаций и идентичности обретает все более декларативный смысл. Меж тем Великая Отечественная война дает ценные примеры того, как разноуровневые социальные практики формировали культурно сложную и подвижную реальность, в которой взаимодействовали люди, общественно-политические и властные группы и структуры, позволяет сохранять полиэтничное прошлое как часть памяти общества, обогатив им актуальные хронотопы.

Список литературы

1. Назарбаев Н.А. Идейная консолидация общества – как условие прогресса Казахстана. Алматы: ФПИ «Казахстан – XXI век», 1993. 32 с.
2. Назарбаев Н.А. Избранные произведения: в 2 т. М.: Экономика, 2010. Т. 1. Макроэкономические проблемы трансформации общества и стратегия Казахстан-2030. 463 с.
3. Нысанбаев А.Н. Казахстан в поисках национальной идеи // Казахстан-Спектр. Научный журнал. 2003. № 2 (24). С. 3–9.
4. Қозыбаев М.Қ. Тарих зердесі (Замана асуы). 1 кітап. Алматы: Ғылым, 1998. 344 б.
5. Структура многотомника «История Казахстана с древнейших времен до наших дней» // Отечественная история. Алматы, 2012. № 3 (59). С. 120–173.
6. Героическое и трагическое лихолетье. Смоленск: Смоленское обл. книжное изд-во «Смядынь», 2000. 352 с.
7. На всех фронтах: Казахстанцы в сражениях Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Алматы: Ғылым, 1995. 336 с.
8. Сергеев А. Звездное небо Талгата: Хроника подвига. Алматы: Қазақстан, 1997. 222 с.
9. Григорьев В.К., Ахметова Л.С. Панфиловцы: 60 дней подвига, ставших легендой. Хрестоматия. Алматы: ИП Волков А.И., 2014. 284 с.

10. Вуколов В.Н. Альпинисты Казахстана в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). Алматы: НИИ туризма университета «Туран», 2015. 320 с.
11. Ахметова Л.С. 1941. Брестская крепость. Казахстан; Алматы: [б.и.], 2016. 623 с.
12. Муханбеткалиев Х.С. Боевой путь и военно-теоретическое наследие Баурджана Момыш-улы: исторический анализ: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Уральск, 2009. 46 с.
13. Героини: очерки о женщинах – Героях Советского Союза / ред.-сост. Л.Ф. Торопов; предисл. Е. Кононенко. Вып. 1. М.: Политиздат, 1969. 447 с.
14. Халимульдина А.И. (Прокопенко), Халимульдин А.К. Звездный час Маншук. Алма-Ата: Жалын, 1985. 400 с.
15. Боздақтар: Жинақтама том / П.С. Белан, Н. Едігенов; Ред. алқасы: А.С. Сарсенбаев /төраға/, М.Р. Сағдиев, М.Қ. Қозыбаев ж.б. Алматы: Қазақстан, 1995. 514 б.
16. Қазақ жауынгері Ұлы Отан соғысы майданында: Тарихи-құжаттық зерттеу. Алматы: Өнер, 2010. 210 б.
17. Восточный Казахстан в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг.: сб. док-тов, воспоминаний. Усть-Каменогорск, 2010. 655 с.
18. Блокада. Мы помним всё...: воспоминания казахстанцев-жителей блокадного Ленинграда: посвящается 70-летию Великой Победы / [сост.: Л.С. Ахметова, В.Ш. Винер-Гимадинова]. Алматы: Алматы кітап баспасы, 2015. 223 с.
19. Из истории научных медицинских учреждений. Казахстан: 1941–1945 гг.: сб. док-тов и мат-лов / отв. ред. Г.С. Сарсенова; сост.: О.С. Богданова, Б.А. Жуматаева, Е.М. Грибанова (отв.), В.Е. Печерских. Алматы, 2015. 534 с.
20. Рассекреченная война: «особые папки» ЦК КП (б) Казахстана. 1941–1945 гг.: сб. док-тов / Е.М. Грибанова, А.С. Зулкашева, Г.Н. Мурзагалиева, Е.В. Чиликова (отв. сост.). Алматы: ЛЕМ, 2020. 608 с.
21. Козыбаев М.К. Труд во имя Победы. Алматы: Казахстан, 1995. 176 с.; Шокаманов Ю. Вклад Казахстана в экономическую

победу в годы Великой Отечественной войны // Статистическое обозрение Казахстана. 2005. № 2. С.73–76.

22. *Бердіғожин Л.Б.* Қазақстанның мұнай-газ өндірісі саласындағы жұмысшы, инженер-техникалық кадрларының қалыптасуы және өсуі (1890–1990 жж.). Т.ғ.д. ... дис. автореф. Орал, 2009. 47 б.

23. *Бисенбаев А.К.* Содружество ученых Казахстана и братских республик в годы Великой Отечественной войны (проблемы историографии) // Братское сотрудничество, взаимопомощь народов СССР (историография, источники). Целиноград, 1992. С. 90–106.

24. *Мармونتova Т.В.* Научные связи Казахстана и России в 1926–1946 гг.: автореф. ... дис. канд. ист. наук. Омск, 2004. 23 с.

25. *Жумашев Р.М.* Высшая школа Казахстана в период Великой Отечественной войны // Вестн. Караган. ун-та. Сер. истории, философии. 2010. № 3(59). С. 109–115.

26. *Абсеметов М.О.* Россия – Казахстан: вклад ученых в великую победу. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2017. 376 с.

27. *Сактаганова З.Г., Турсынова Ж.Ж., Смагулов А.Ж.* Женщины Центрального Казахстана в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Караганда: Изд-во КарГУ, 2016. 256 с.

28. Рассекреченная война: «Особые папки» ЦК КП(б) Казахстана. 1941–1945: сб. док-тов / [сост.: Е.М. Грибанова (отв. ред.) и др.]. Алматы: АП РК, 2010. 604 с.

29. *Абдуллаев Н.А.* Историография национальной политики СССР в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.) // Мат-лы междунар. науч.-практ. конф. «История Великой Отечественной войны: актуальные проблемы методологии исследования и опыта преподавания». Актобе: Актюбинский государственный педагогический институт, 2010. С. 51–65.

30. *Алдажуманов К.С., Алдажуманов Е.К.* Депортация народов – преступление тоталитарного режима. Алматы: Фонд «XXI век», 1997. 243 с.

31. Из истории немцев Казахстана (1921–1975 гг.): сб. док-тов: Архив Президента Республики Казахстан / отв. ред. Г.А. Карпыкова. Алматы; М.: Готика, 1997. 375 с.

32. *Хасанаев М.* «Для расселения выделить районы Казахстана...» // Депортация народов и проблема прав человека: мат-лы сем. Алматы, 1997. С.28–34.

33. Депортированные в Казахстан народы: время и судьбы / сост. Г. Анес. Алматы: Арыс-Қазақстан, 1998. 428 с.

34. *Кыдыралина Ж.У.* Депортированные в Казахстан народы: история и современность. Алматы: Ғылым, 1999. 187 с.

35. *Алдажуманов К.С.* Расселение депортированных немцев в Казахстане в 1941–1945 гг. // История немцев Центральной Азии. Алматы, 2000. С.245–250.

36. Из истории поляков в Казахстане (1936–1956 гг.): сб. док-тов: Архив Президента Республики Казахстан / ред. коллегия: Ж.Б. Абылхожин, Л.Д. Дегитаева (отв. ред.), И.Б. Зинкевич. Алматы: ТОО Издат. дом «Қазақстан», 2000. 344 с.

37. *Козыбаев М.К.* Принудительный труд в СССР. Трудармейцы Казахстана на защите Отечества. [Б.м.]: Феникс, 1997. 255 с.

38. *Кульбаев Т., Хегай А.* Депортация. Алматы: Данекер, 2000. 274 с.

39. *Кыдыралина Ж.У.* Спецпереселенцы и трудармейцы в Западном Казахстане (1937–1956 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 2000. 185 с.

40. От депортации к интеграции: документы и материалы, посвященные 60-летию депортации чеченцев и ингушей в Казахстан / ред. коллегия: Н.С. Абдуев, А.А. Гунашев, Л.Д. Дегитаева и др. Алматы: Дәуір, 2004. 256 с.

41. *Абуов Н.А.* Депортации народов в Казахстан в 1936–1957 годы (на материалах Северо-Казахстанской и Кокчетавской областей): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Караганда, 2008. 28 с.

42. *Күмісбекова Д.А.* Қазақстанға депортацияланған халықтар тарихының зерттелу мәселелері // Мат-лы междунар. науч.-практ. конф. «История Великой Отечественной войны: актуальные проблемы методологии исследования и опыта преподавания». Актобе: Актюбинский госпединститут, 2010. С. 116–119.

43. *Турдалиев А.* // Мат-лы междунар. науч.-практ. конф. «История Великой Отечественной войны: актуальные проблемы ме-

тодологии исследования и опыта преподавания». Актобе: Актобинский госпединститут, 2010. С. 92–98.

44. *Дильманов С.Д.* Исправительно-трудовые лагеря на территории Казахстана (30-е – 50-е годы XX века): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Алматы, 2002. 45 с.

45. *Табулденов А.Н.* Депортация народов и эвакуационно-миграционные процессы в Северном Казахстане (1937–1956 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уральск, 2009. 25 с.

46. *Депортированные в Казахстан народы: время и судьбы.* / сост. Г. Анес. Алматы: Арыс-Қазақстан, 1998. 428 с.

47. *Калыбекова М.Ч.* Депортация народов в Казахстан в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарные науки в Сибири. 2015. Т. 22. № 1. С. 98–101.

48. *Жангуттин Б.О.* Формирование славянского населения в Казахстане (численность, миграционный процесс в конце XIX–XX в.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Алматы, 2010. 45 с.

49. *Алимгазинов К.Ш.* Предисловие // Из истории депортаций. Казахстан. 1939–1945 гг.: сб. док-тов. Алматы: LEM, 2019. Т. 3. 708 с.

50. *Садыкова Б.* История Туркестанского легиона в документах. Алматы: Кайнар, 2002. 248 с.

51. *Амелин В.В., Денисов Д.Н., Моргунов К.А.* Аналитический отчет по итогам проведения социологического исследования «Ретроспектива во имя перспективы: общая и национальная история в восприятии молодежи России и Казахстана». Оренбург, 2019. 20 с.

52. *Аманжолова Д.А.* Социокультурные факторы Победы СССР в Великой Отечественной войне и проблемы формирования исторической памяти молодежи // Казахи в Евразийском пространстве: история, культура и социокультурные процессы: сб. науч. тр. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2019. С. 19–24.

**Негативные и позитивные практики использования
памяти о Великой Отечественной войне**

I.Z. Gerstein

**Negative and Positive Practices of Using
the Memory of the Great Patriotic War
in the Framework of Historical Policy**

Аннотация: В статье анализируется проблема формирования национальной идентичности в современной России в контексте героического образа Победы, превращенного на государственном уровне в исторический канон. Однако практическая деятельность государственных органов по реализации исторической и мемориальной политики оказывается крайне непоследовательной. Наряду с успешными практиками, способствующими единению российской нации, активно проводятся, в т.ч. за государственный счет откровенно неудачные акции и мероприятия, которые сводят на нет эффект позитивных действий.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; историческая политика; политика памяти; национальная идентичность; государственная мемориальная политика; поисковое движение; бессмертный полк; георгиевская ленточка.

В течение всей второй половины XX в. итоги Великой Отечественной войны, как и Второй мировой в целом, были одной из главных составляющих исторической памяти не только в СССР/России, но и во всем мире в целом. Причиной подобного единодушия было то, что итоги войны заложили основы системы международных отношений, существующих до настоящего времени. В исторической политике всех государств – участников антигитлеровской коалиции, Победа в самой страшной войне в истории человечества является фундаментом самоутверждения в современной мировой политике, доказательством существенной роли государства в мировых исторических процессах.

Однако на современном этапе начинается «ползучий» пересмотр итогов Великой Отечественной войны, изменение оценок ее значения как для нашей страны, так и для мира в целом. Основанием для подобного рода изменений являются два объективных процесса:

- во-первых, смена тенденций развития мировой политической и экономической системы, разрушение принципов Ялтинско-Потсдамского мироустройства¹;

- во-вторых, переход исторической памяти о Войне из разряда социальной (свидетельства очевидцев событий) в культурную (зафиксированную в письменных и вещественных источниках), с формированием определенного «канона» изложения проблемы [1, с. 54].

Трансформация образа Второй мировой и, особенно, Великой Отечественной войны задевает как государственные интересы России, так и личные интересы большинства ее граждан. Принижение или отрицание значения Победы в мировой и отечественной истории противоречит интересам Российской Федерации, т.к. является фундаментом особого международного статуса страны (постоянное представительство в Совбезе ООН), а также является важнейшим маркером национальной идентичности, обеспечивая преемственность в сознании граждан от СССР к Российской Федерации².

Для большинства граждан России – потомков участников Великой Отечественной войны, память о ней является частью семейной истории, поэтому десакрализация ее результатов для многих является оскорблением памяти предков, воспринимается как личное оскорбление. В данном вопросе интересы государства и общества полностью совпадают.

¹ Якунин В. Ялта-Потсдам-Хельсинки – исторические уроки в актуальной политической повестке [Электронный ресурс] // Журнал Международная жизнь, 2016. № 1. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1428> (дата обращения: 15.04.2020).

² Путин В.В. Выступление на торжественном мероприятии, посвященном 75-летию победы в Сталинградской битве [Электронный ресурс] // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/56773> (дата обращения: 30.04.2020).

Гораздо сложнее ситуация с исторической политикой, проводимой государством в рамках политического процесса с целью формирования национально-государственной идентичности и мобилизации граждан для решения текущих задач государственного управления и строительства. Под термином «историческая политика» мы понимаем набор приемов и методов, с помощью которых находящиеся у власти политические силы, используя административные и финансовые ресурсы государства, стремятся утвердить определенные интерпретации исторических событий как доминирующие [2, с. 10]. Несмотря на важнейшую роль образа Великой Отечественной войны для национальной идентичности Российской Федерации, последняя была создана на развалинах СССР и периодически противопоставляет себя государству, продолжателем и правопреемником которого официально считается. Это противопоставление находит свое отражение и в исторической политике¹.

На практике это приводит к тому, что у большинства граждан России не складывается целостного образа войны. Память о войне, а вернее, ее «образ», сконструированный на основе государственной мемориальной политики, системы образования, художественных произведений, исторической литературы, рассказов ветеранов отличается не только у разных поколений, но и у одного и того же поколения в разные годы².

Такой важный ресурс исторической политики, как общение с непосредственными участниками событий, постоянно сокращается по естественным причинам. К тому же не все ветераны могут и хотят донести информацию о пережитом современной аудитории (как правило, молодежной) на понятном ей языке.

¹ Путин продолжил серию высказываний по истории СССР [Электронный ресурс] // Телеканал Красная линия. URL: <https://www.rline.tv/news/2016-09-23-putin-prodolzhil-seriyu-vyskazyvaniy-po-istorii-sssr/> (дата обращения: 30.04.2020).

² Гудков Л.Д. «Память» о войне и массовая идентичность россиян [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2005. № 2. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/pamyat-o-vojne-i-massovaya-identichnost-rossiyan.html> (дата обращения: 30.04. 2020).

Центральное место, которое занимает память о Великой Отечественной войне в исторической политике, приводит к неоднозначным процессам. С одной стороны, поощряются творческие подходы к реализации исторической политики, возникают и популяризируются акции, которые идеально увязывают родовую, семейную память и мемориальную политику, официальный исторический дискурс, одобряемый государством – наиболее ярким примером чего является акция «Бессмертный полк». Традиция приходить на праздник Победы с портретами своих предков-ветеранов зародилась еще в советское время. Но свой нынешний вид и формат она обрела в 2011 г. в Томске, когда жители города с портретами участников войны присоединились к ставшей немногочисленной колонне ветеранов. Данное движение поддержали местные журналисты, и в 2012 г. организованное шествие с плакатами и портретами ветеранов широко освещалось по федеральному телевидению. В 2014 г. было зарегистрировано одноименное историко-патриотическое движение. С 2015 г., когда участие в шествии «Бессмертного полка» принял Президент России В.В. Путин, а количество участников по стране превысило отметку в миллион человек, акция получила открытую административную поддержку, став важным элементом государственной исторической политики в России¹. Важным фактором является то, что, будучи международной акцией, «Бессмертный полк» может рассматриваться как элемент «мягкой силы» во внешней политике [3, с. 124].

Большую роль в осуществлении исторической политики методом «живого участия» в событиях прошлого играет поисковое движение. В уставе крупнейшего в РФ поискового объединения – Общероссийского общественного движения по увековечению памяти погибших при защите Отечества «Поисковое движение России» члены организации ставят перед собой задачу «в порядке, установленном законом, осуществлять комплекс исторических архивных исследований в целях выявления неизвестных исторических фактов и противодействия фальсификации

¹ Акция «Бессмертный полк» [Электронный ресурс]. URL: <https://bessmertnyy-polok.ru/> (дата обращения: 30.04.2020).

истории нашей Родины»¹. Поисковая работа, как полевая, так и архивная, является эффективной практикой реализации исторической политики памяти о Великой Отечественной войне. Однако, в силу своей специфики и условий работы, она доступна далеко не всем, уступая в этом аспекте «Бессмертному полку».

Следует отметить, что массовость мероприятия не гарантирует эффективности в достижении цели. В качестве яркого примера неудачной, но популярной меры реализации исторической политики о Великой Отечественной войне можно привести задачу георгиевских лент накануне праздника Победы. Акция «Георгиевская ленточка» является весьма популярной и доступной, но представляет собой неудачную, следовательно, негативную практику реализации исторической политики. Причин этому несколько. Во-первых, несмотря на кодекс акции², запрещающий использование символа в политических целях, этот символ крайне политизирован. В результате, в ряде стран ношение георгиевской ленточки запрещено законодательно³. Во-вторых, георгиевская ленточка как символ лишена собственной смысловой нагрузки: «Ее символическая значимость достигалась изначально в основном посредством механического воспроизводства, распространения и/или демонстрации. Однако и в этом случае не обошлось без проблем. Символическая пустотность знака требовала насыщенного значениями контекста»⁴. В-третьих,

¹ Устав Общероссийского общественного движения по увековечению памяти погибших при защите Отечества «Поисковое движение России» [Электронный ресурс]. URL: <http://rf-poisk.ru/documents/6/> (дата обращения: 30.04.2020).

² Сайт акции Георгиевская ленточка [Электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20150409042955/http://gl9may.ru/about/codex> (дата обращения: 30.04.2020).

³ Парламент Украины ввел наказание за ношение георгиевской ленты [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-39938736> (дата обращения: 30.04.2020); Георгиевские ленточки объявлены в Эстонии вне закона [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=2882213> (дата обращения: 30.04.2020).

⁴ Ушакин С. Вспоминания на публике. Об аффективном менеджменте истории [Электронный ресурс]. URL: <http://gefeter.ru/archive/13513> (дата обращения: 30.04.2020).

механическая раздача ленточки, без объяснения ее символического значения привела к искажению и потере смысла акции. Георгиевская ленточка превратилась в «модный аксессуар». Это прекрасно подметил И. Растеряев в песне, посвященной данному символу¹.

Другим негативным аспектом использования памяти о Великой Отечественной войне в русле исторической политики является формализм при подготовке и проведении различных акций и мероприятий, посвященных этому событию. Эти мероприятия проводятся, как правило, в апреле-мае «под дату», для «галочки», и зачастую готовятся людьми, чьи исторические знания оставляют желать лучшего. Так, в одной из нижегородских школ пришла разнарядка о проведении викторины о событиях войны. Вопросы для викторины готовились методистами городского департамента образования. При просмотре материалов ответственное лицо, по специализации учитель биологии, обнаружила, что правильным ответом на вопрос «Назовите самый известный танк Великой Отечественной войны» является... «Катюша»². Поневоле порадуешься, что мероприятие не состоялось из-за введенного в связи с пандемией коронавируса карантина.

Другие примеры сугубого формализма касаются отношения к ветеранам чиновников невысокого уровня, районных администраций, на которых ложится основная ответственность за реализацию государственной политики по поддержке ветеранов войны. Часто выясняется, что для сотрудников социальных служб это «лишняя» работа, «обуза». В СМИ периодически приводятся факты, когда у умерших требуют вернуть начисленные самой администрацией сверх «положенного» деньги³, или приглашают вернуться с того света за наградой⁴, или просто по-

¹ *Растеряев И.* Георгиевская ленточка [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=WhbBqNt80sc> (дата обращения: 30.04.2020).

² Из личного архива автора.

³ Волгоградские чиновники ждут 500 рублей от умершего ветерана [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ntv.ru/novosti/455419/> (дата обращения: 30.04.2020).

здравляют «по ошибке»¹. Эти факты не только не способствуют популяризации памяти о событиях войны, но, напротив, превращают память о ней в фарс.

Использование памяти о Великой Отечественной войне в качестве элемента исторической политики в современной России является оправданным, т.к. позволяет преодолеть «разрыв» истории, вызванный распадом СССР. В силу этого на высшем государственном уровне звучат заявления о том, что память об этой войне священна². На практике все гораздо сложнее. Десятки тысяч энтузиастов, в большинстве своем молодежь, принимают участие в поисковом движении, Вахтах Памяти, миллионы выходят вместе со своими предками на шествия «Бессмертного полка». С другой стороны, желание угодить вышестоящему начальству, отметить галочкой мероприятие для красивого отчета, а иногда и просто желание заработать и «попилить» бюджет, сводят на нет все усилия по канонизации памяти о войне в рамках исторической политики. А это негативно сказывается на формировании и функционировании национально-государственной идентичности. Поэтому государственная политика в этой сфере должна быть максимально последовательной. Положительные практики должны всемерно поддерживаться, а негативные – пресекаться. Только тогда Великая Отечественная война советского народа станет неотъемлемой частью идентичности современных россиян.

⁴ Брянские чиновники пригласили умершего ветерана за медалью [Электронный ресурс]. URL: <https://gorod-tv.com/news/obschestvo/81062> (дата обращения: 30.04.2020).

¹ Белгородские чиновники по ошибке поздравили с новым годом не того ветерана [Электронный ресурс]. URL: <https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fbel.ru%2Fnews%2Fsociety%2F17-01-2019%2Fbelgorodskie-chinovniki-po-oshibke-pozdravili-s-novym-godom-ne-togo-veterana> (дата обращения: 30.04.2020).

² Президент России. Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63210> (дата обращения: 30.04.2020).

Список литературы

1. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
2. Миллер А.И. Россия: Власть и история // Pro et Contra. 2009. № 3-4. Историческая политика. С. 6–23.
3. Мураталиева З.Т. «Soft power» России в Центральной Азии: ключевые аспекты и пробелы в реализации // Дискурс-Пи, 2017. № 3-4 (28-29). Т. 14. С. 121–128.

УДК 316.93

А.С. Тимощук

Меморизация войны и Победы

A.S. Timoshchuk

Memorization of War and Victory

Аннотация. Великая Отечественная война – концентрация единения, героизма и коллективной воли. Памятование о ней приобретает значение консолидирующего фактора России и ее союзников. Мемориальные тренды модифицировались за 75 лет. К мемуарной, лейтенантской прозе, энциклопедическому и научному дискурсу добавился коллективный нарратив «Бессмертный полк», меморизация третьего поколения. При этом продолжается война за память о Победе, за аутентичный образ Великой Отечественной на фоне процессов фальсификации истории, ее гламуризации. Мы живем в мире нарастающей сложности. Российское и евразийское общество разобщено в своих потоках памяти. Однако Победа – это наша общая судьба.

Ключевые слова: меморизация; самосознание; национальная идентичность; коллективная память; эстафета поколений; вахта памяти; часовые памяти; историческая память.

Можно выделить несколько этапов меморизации войны и Победы в национальном самосознании, что отражалось в статусе дня 9 мая. Его первое восприятие было действительно серьезным и молчаливым: с 1947 по 1965 г. 9 мая был обычным днем. Существовал также трехлетний период до 1947 г., когда

не только 9 мая, но и 3 сентября, когда завершилась война с милитаристской Японией, считались праздничными днями. Почему же Сталин отменил эти выходные? Можно предполагать, что в своей аскетической манере он считал, что праздников должно быть немного, а страна вдов и сирот нуждается не в праздниках, а в восстановлении промышленности и городов. Нерабочими с 1947 г. были 22 января (Кровавое воскресенье), 8 марта, 1–2 мая, 7–8 ноября, 5 декабря (День Конституции СССР). Для сравнения, в 1916 г. в Российской Империи было 42 неприсутственных дня (православные и дни царской фамилии), но не было отпусков. Сейчас же у нас 14 праздничных дней, включая День Победы 9 мая, который возобновлен как нерабочий день в 1965 г. Л.И. Брежневым. Генсек сам был фронтовиком и любил праздники. Страна входила в период развитого социализма и легитимация Победы как триумфа советской власти началась именно тогда.

75 лет Великой Победы подняли новую волну дискуссий о причинах Второй мировой, об ответственности за ее развязывание, о вкладе в Победу [1]. 27 января 1945 г. советскими войсками был освобожден концентрационный лагерь Аушвиц-Биркенау (Освенцим), где общее число жертв оценивается в 4 миллиона человек. В Израиле, США, Польше, России и во всем мире помнят про это событие. В этом году состоялись памятные мероприятия в честь освобождения, которые посетил Президент Украины В.А. Зеленский. Он представил освобождение узников как национальный подвиг украинцев. Дивергенция мемориальных потоков не имеет темпоральных границ, Польская народная армия может стать «солдатами Пилсудского», советские войска – украинцами. Несомненно, в составе Украинского фронта преобладали украинцы, т.к. он формировался на территории, на которую напал враг, однако принцип его сбора был географический, а не национальный. Степной фронт составляли не степняки, Волховской – не волхвы. 100-я стрелковая Львовская дивизия формировалась призывниками Вологодской, Архангельской областей и Коми АССР и получила почетное название за освобождение Львова. На всех фронтах воевали воен-

нослужащие всех национальностей. Советская идентичность – это коллективное социальное образование, которое помогло республикам осуществить грандиозные планы по модернизации промышленности, созданию инфраструктуры и обеспечить коллективную безопасность. Современные стыдливые конъюнктурные игры с памятью не могут принести долгосрочный результат, т.к. основаны на подмене и манипуляциях [2; 3; 4].

Одним из новшеств общественного самосознания и направлений противостояния фальсификации истории является шествие «Бессмертный полк». Это беспрецедентная мемориальная низовая самоорганизация. Вопреки заявлениям о социальной пассивности потребительского общества, в последние годы развивается спонтанная социальная активность, добровольчество. Образец такой неофициальной народной соборности – это акция «Бессмертный полк» на День Победы, собирающая миллионы участников. Помимо России шествие с портретами своих предшественников, отдавших свою молодость и силы Победе, проводят горожане Донецка и Луганска, Киева и Одессы, Кишинева и Минска, Астаны и Бишкека, Риги и Еревана, Берлина и Нью-Йорка [5].

«Бессмертный полк» – это гигантская коммеморативная река, собирающая крошечные ручейки памяти, простые семейные истории: «ушел и остался там», «дедушка не любил говорить про войну», «могила до сих пор не найдена», «прошел всю войну», «погиб от ран», «освобождал Вену и Будапешт». Мемориальные потоки памяти идут через века; внуки и правнуки рассказывают с гордостью о своих предках. В 2018 г. в шествии приняли участие 10 миллионов в России, 800 тыс. по всему миру. «Бессмертный полк» стал своего рода системой распознавания «свой – чужой». При этом, наряду с понятной гуманистической традицией помянуть всех поименно, противники шествия устраивают войну с памятью, пытаются предать эту акцию забвению [6].

День Победы – это ценностно-смысловая эстафета России. У нас много разных праздников: профессиональных, религиозных, однако 9 мая – это самый важный, всенародный праздник

единения, памяти и размышлений о сущности мира и согласия в мировой истории. Это подлинно народный праздник. И как бы кто не говорил, что из него делают фетиш, мол, других побед не было, и поэтому эксплуатируют 9 мая, все до сих пор празднуют победу над Гитлером, этот праздник не искоренишь из памяти, т.к. он стал семейным [7].

Негативные коммеморативные процессы – это гламуризация, десакрализация, политизация Великой Победы. Одним из таких токсичных примеров является гротескный роман М. Кононова «Голая пионерка», десакрализующий образ Евдокии Афанасьевны Мухиной, 16-летней девушки, которая вступила добровольно в ряды Красной армии. Обучившись радиodelу, она десантировалась за линию фронта и помогала советским войскам в тылу врага [8].

У Кононова девочка-подросток Мария Мухина добровольно уходит на фронт, скрыв свой настоящий возраст, переживает взросление, становится объектом сексуальных отношений с офицерским составом своей части; поднимаются темы людоедства в блокадном Ленинграде, показательных мотивирующих расстрелов офицеров. Первоначальное название позорного романа – «Эх, бляха-муха! или Секретный приказ генерала Жуйкова». В кошунственном произведении война становится эротическим действием, образ Богородицы символизирует летающая голая пионерка. По мотивам очерняющего Победу романа в театре «Современник» К. Серебренниковым был поставлен одноименный спектакль с Чулпан Хаматовой в главной роли, который обсуждался во многих сетевых изданиях, защищавших его как «национальное достояние».

Мир стал скоростным, насыщенным, и децентрированным, бессердечным. Потребительское общество холодных контактов. Шоу. Нет ничего святого. Доступно много видеопроодукции со смещенными ценностными ориентациями: насилие, нарушения общественной морали, издевательства, натурализация зла. Хотя по сценарию подобные проявления могут осуждаться, они делаются эстетично, со вкусом. Для людей со слабой рациональной рефлексией достаточно смакования образов для образования

девиантных паттернов. Когда-то религия занималась цензурой культуры, она отбраковывала любование пороками, воспитывала эмпатию. В секулярную эпоху практически не осталось ни одной темной стороны человеческого поведения, которое бы ни стало предметом эстетизации. Постмодернизм дестабилизировал понимание зла, оно стало серым, нюансированным. Произошла деконструкция традиционных оппозиций: добро и зло, праведники и злодеи, герои и подлецы. Скандальное прочтение нарративов о войне не является патриотизмом, а игрой на могилах предков [9].

Модные режиссеры заявляют, что порнографическими постановками они очищают Победу от политического гламура. Для этого не нужно собирать деньги с помощью краудфандинга на черную комедию «Праздник». Сюжет псевдопроблемный, поднимающий руку на святое, на память о подвиге блокадников, преследующий конкретную цель – вбросить в общественное сознание мем: «Пока рядовые граждане умирали, начальство пировало». Другой «движ»: либеральная газета проводит опрос «стоило ли сдать Ленинград, чтобы спасти его жителей?». Таким образом, взамен политического гламура продвигается пропаганда врага [10; 11].

Конечно, нам необходима перезагрузка 9 мая, очищение его от ложных политических мотивов. А.А. Ананьев, Г.Я. Бакланов, Ю.В. Бондарев, В.П. Некрасов, Б.Л. Васильев, В.В. Быков, Н.Н. Никулин, П.А. Михин и другие литераторы в окопах уже создали образ другой, неофициальной, «солдатской» войны [12]. Как Великая отечественная война была подлинно народной, так и 9 мая – это общий праздник долга, самопожертвования и героизма. В нем как бы сливаются в единый хор голоса воинов на Ледовом побоище и на поле Куликовом, Северной войне и Отечественной войне 1812 г., Крымской и Японской, Первой мировой и Великой Отечественной, голоса новых героев. 9 мая – это праздник идентификации себя с воинами, отдавшими свои жизни ради нашей свободы [13].

Сегодня звучит критика того, что 9 мая становится заурядностью. Возможно, современным идеологам стоит обратиться к риторике мастеров слова 1941–1945 гг., когда на передовицах разворачивалась уникальная художественная экспрессия воли к Победе. Сегодня эти тексты и выступления воспринимаются аутентично и мобилизующе. Изучение лингво-риторического инструментария, представленного в различных медиа военных и первых послевоенных лет, может способствовать перезагрузке 9 мая, очищению его от шаблонных фраз.

Положительный эффект медиатизация заключается в том, что она защищает День победы от затирания временем. Благодаря кино- и фотохронике, песням военных лет, мы можем ощутить близость той эпохи, которая, с культурологической точки зрения, очень близка нам. Мы живем в том же цивилизационном типе общества, построенном на городской культуре, производственных циклах и ценностно-смысловых ориентирах. Поэтому когда наступает 22 июня, то нам легко представить ужас войны, когда идут выпускные, летние полевые работы, заводские смены и обычная мирная жизнь, которой мы живем сейчас так же, как и в 1941 г. [14].

Сейчас также есть угроза фашизма в лице скинхедов, националистов, а глобальная информационная сеть опутала нас как колючая проволока. Великая Отечественная война продолжается. И победить в ней можно только с помощью подлинного патриотизма, основанного на памяти и знании.

Список литературы

1. Струкова Е.В., Рябушкина Л.Г. Дискуссии о Великой Отечественной войне в современном журналистском дискурсе // XII Сургучевские чтения. Литература и журналистика в пламени войны: от Первой мировой до Великой Победы: сб. мат-лов Всерос. науч.-практ. конф. Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2015. С. 306–311.

2. Козлов Н.Д. Современные западные историки и средства массовой информации о роли СССР в разгроме Германии // Клио. 2019. № 12 (156). С. 30–38.

3. *Оспенников Ю.В.* Проблема фальсификации истории: на примере оценки выселения народов в годы ВОВ // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Сер.: Юридические науки. 2014. № 3 (18). С. 25–27.

4. *Захарова Е.М.* Фальсификация событий Великой Отечественной войны в представлениях петербургской молодежи // Современные проблемы гуманитарных и естественных наук; мат-лы XXIV междунар. науч.-практ. конф. М.: Науч.-информ. издат. центр «Институт стратегических исследований»; Изд-во «Перо», 2015. С. 341–345.

5. *Тимошук А.С.* Акция «Бессмертный полк» как спайка государственно-гражданской идентичности // Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. С. 333–337.

6. *Тимошук А.С.* Мемориальные войны и пролиферирующая самоиндивидуация // Проблемы региональной и глобальной безопасности в современном мире. Владимир: Изд-во «Шерлок-пресс», 2018. С. 109–115.

7. *Тимошук А.С.* Героическое прошлое России и социальная память // Вторая мировая война: предыстория, события, уроки: мат-лы междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию Великой Победы над немецким фашизмом и японским милитаризмом: в 2-х ч. Ч. 2 / под ред. Е.В. Дроботушенко. Чита: ЗабГУ, 2015. С. 117–119.

8. *Мухина Е.А.* Восемь сантиметров. М.: Воениздат, 1975. 271 с.

9. *Кафтан В.В.* Современные социальные технологии духовно-ценностной компрометации Великой Победы // Педагогическое образование и наука. 2015. № 4. С. 109–114.

10. *Гузенко А.Ю.* Блокада Ленинграда сквозь призму информационной войны // Участие войск НКВД СССР в обороне Ленинграда: сб. мат-лов межвуз. науч.-практ. конф. к 75-летию полного освобождения Ленинграда от немецко-фашистской блокады / под редакцией В.П. Бышовец. СПб.: Санкт-Петербургский военный институт войск национальной гвардии Российской Федерации, 2019. С. 52–54.

11. *Шутько Ю.А., Кравченко И.Н.* Блокада Ленинграда: ошибка Сталина или важный тактический ход? // Наука Парк. 2016. № 7 (48). С. 63–66.

12. *Киличенков А.А.* Как воевали и как победили: неюбилейные историографические заметки (рец. на кн.: Михин П.А. Артиллеристы, Сталин дал приказ!: мы умирали, чтобы победить. М.: Эксмо, 2006. 574 с.) // Новый исторический вестник. 2013. № 1 (35). С. 124–131.

13. *Галиева Ю.А., Тимошук А.С.* Великая Победа как фактор международного права в современных геополитических условиях // Россия в глобальном мире. 2017. № 10 (33). С. 310–316.

14. *Тимошук Е.А.* Повседневность и разрыв: феноменология войны // История повседневности и образ жизни россиян в XIX–XXI вв. Шадринск: ШГПУ, 2019. С. 181–185.

УДК 93/94

А.Т. Канаева

Историческая память о войне в Казахстане

А.Т. Karayeva

The Historical Memory of the War in Kazakhstan

Аннотация. В статье рассматриваются значение и роль праздника Победы в Великой Отечественной войне в Казахстане на современном этапе. Дается оценка попыткам фальсифицировать значение этого праздника со стороны отдельных «национал-патриотов», выражающих сомнение в добровольности участия казахов в войне и призывающих к «деколонизации» сознания. Показана большая работа, проводимая казахстанскими историками в юбилейный год 75-летия Победы СССР в Великой Отечественной войне по объективному освещению участия казахстанцев в войне и их вкладе в общую победу. Приводятся цифры, характеризующие участие казахстанцев на фронтах войны и невосполнимые потери, которые понесла республика. Показаны мероприятия, проводимые в высших учебных заведениях среди молодого поколения, направленные на воспитание патриотизма и разъяснение важного понятия, что у народов бывшего СССР есть объединяющая черта – общая история.

Ключевые слова: история; память; патриотизм; общая победа; объективность; фальсификация; советский период; суверенитет; методология.

Изучение темы Великой Отечественной войны в Казахстане можно условно разделить на два больших этапа: советский период и период независимости. В свою очередь, советский период состоит из двух этапов. Первый охватывает труды, изданные с начала войны до XX съезда КПСС, второй – от развенчания культа личности И.В. Сталина до распада СССР. В каждом периоде решались характерные для него задачи. Отличались они и степенью доступности архивов, зарубежных изданий, свободы выбора тематики исследований.

Выходили статьи, монографии, исследовавшие все стороны военного времени в Казахстане: промышленность, сельское хозяйство, науку и культуру в годы войны.

Первым комплексным произведением по истории республики в годы войны явилась монография Г. Абишева «Казахстан в Великой Отечественной войне 1941–1945» [1]. Обобщающим трудом по сельскому хозяйству в годы войны стала монография Т.Б. Балакаева [2].

Среди работ, которые не утратили своего значения и на сегодняшний день, можно отметить монографии М.К. Козыбаева «Компартия Казахстана в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)» и «Казахстан – арсенал фронта» [3; 4].

Огромную кропотливую работу по уточнению списков героев и сбору материалов о них проводил доктор исторических наук П.С. Белан. Именно ему удалось установить, что к настоящему времени число Героев Советского Союза казахстанцев составляет около 520 человек, из которых 497 удостоены звания за подвиги на фронтах Великой Отечественной войны [5; 6; 7].

В Казахстане до 80-х гг. XX в. существовала одна, не подвергавшаяся никакому сомнению позиция относительно событий Великой Отечественной войны: Казахстан входил в состав СССР, как и остальные союзные республики, защищал свою Родину и внес значимый вклад в Великую Победу.

С началом перестройки проблемы истории Советского Союза, Великой Отечественной войны и участия в ней бывших союзных республик получили новый импульс развития. Сократился перечень закрытых тем и вопросов, расширился доступ к архивным фондам, усилился обмен литературой и мнениями с коллегами из зарубежных стран. Однако был начат открытый поход против ее правдивого освещения. Высказывались мнения, в которых ставился под сомнение справедливый, Отечественный характер войны со стороны СССР. «Новые демократы» начинали с уравнивания обеих воюющих сторон и их лидеров Гитлера и Сталина в ответственности за развязывание войны. Тем самым поставили под сомнение ее справедливый, поистине Отечественный характер со стороны СССР.

Во всех постсоветских странах начали пересматривать значение и роль праздника Победы в новых реалиях становления и развития независимых государств. Особенно активно эта тенденция усиливается в связи с юбилейными датами Дня Победы.

Ежегодно в канун празднования Дня Победы в Казахстане поднимается волна публикаций на тему «А наш ли это праздник?», в которой упражняются писатели, журналисты и политологи.

Попытки переформатирования праздника Победы над фашизмом предпринимаются «национальными патриотами» (как они сами себя называют) и теми, кто рассматривает советский период истории страны только как «черную яму», когда все, что ни происходило, рассматривается ими только с негативной стороны, намеренно принижаются положительные составляющие истории, в то время как назрела необходимость объективного подхода к проблемам. История советского периода охватывает 75 лет, она сложна, противоречива, и нужен серьезный анализ ее удач, поражений, ошибок и исканий. После обретения суверенитета Казахстаном начался пересмотр многих устоявшихся проблем советской истории с новых методологических взглядов. Процессы становления новых национальных государств усиливают у образующих их народов чувство этнокультурной идентичности, что сопровождается поисками своих глубоких исторических

корней, а также попытками переосмыслить основополагающие события своей страны и своего народа.

Справедливо были пересмотрены проблемы, которые на протяжении 70 лет либо умалчивались, либо искажались в советской исторической литературе. Так казахстанскими историками объективно были пересмотрены трагические страницы истории казахского общества: голод 20–30-х гг. XX в. и его последствия, насильственная коллективизация и седентаризация казахского населения, репрессии против национальной интеллигенции, депортация народов в Казахстан и т.д. Вышли в свет монографии, статьи по этим проблемам, проводились многочисленные конференции, дискуссии. Выводы по этим проблемам научно обоснованы архивными источниками, которые ранее были не доступны для исследователей.

С 1991 г. после развала СССР в Казахстане большое внимание справедливо стало уделяться вопросам национальной идентичности. Этноориентированная политика прослеживается в языковой политике, истории, культуре.

Усилиями некоторой части казахского населения заметным фактором внутренней политики стал национализм. Значение, содержание понятия «национализм» трансформировалось за годы суверенного развития: от резко отрицательного в годы советской власти к нейтральному и даже положительному, это понятие зачастую приравнивалось к патриотизму. Но это разные по своему значению понятия. Можно и нужно быть патриотом, не занимая при этом националистические позиции. С точки зрения устойчивого развития страны, этот процесс имеет как положительные, так и отрицательные аспекты. Плюсом можно считать рост интереса со стороны населения к собственной истории, культуре и традициям, а также самоорганизацию по идеологическому признаку, что является важной предпосылкой для становления гражданского общества. В качестве негативных тенденций можно отметить усиление этнической ксенофобии и воспроизводство реваншистских настроений среди казахской части общества, что создает почву для межэтнических конфликтов в стране [8, с. 3].

Данное явление есть необходимая временная фаза обретения утраченной за десятилетия тоталитарного режима своей этнокультурной и национально-культурной идентичности. Конечно, без идеализаций, преувеличений, необъективных оценок здесь не обходится. По мере того, как будет набирать силу тенденция содержательного отношения к национальной истории, по мере этого будут исчезать перегибы, субъективизм и тому подобные формальные признаки этноцентризма и национализма. Однако эта временная фаза затянулась почти на три десятка лет суверенного развития страны.

Что касается вопроса о характере Великой Отечественной войны, то в официальной казахстанской исторической науке концепция осталась прежней: казахи были в составе СССР, они не были самостоятельным объектом международного права и защищали свою Родину, характер войны для всех народов, входивших в состав Советского Союза, был Отечественный.

Однако т.н. национал-патриоты, призывая к деколонизации сознания, ставят под сомнение ценность общепринятых советских символов, в т.ч. – Дня Победы.

Разжиганию националистических взглядов способствуют заявления некоторых представителей официальных российских учреждений. Так, после выступления директора Государственного архива России Сергея Мироненко, назвавшего подвиг 28 панфиловцев мифом, в акимат города Алматы обратилась инициативная группа с предложением убрать надпись на монументе, установленном в память подвига 28 гвардейцев-панфиловцев в одноименном парке южной столицы. Идея об изменении монумента получила как широкий общественный резонанс, так и не менее дружный и решительный отпор со стороны ветеранских организаций и сотен простых горожан.

На фоне возникшей в российских СМИ дискуссии, предприниматель и политик Мухтар Тайжан дал интервью возле памятника 28 гвардейцев-панфиловцев, подчеркивая, что монумент не что иное, как «вымышленный памятник». И вообще, дескать, «войну одинаково развязали два диктатора Гитлер и Сталин, а

нам надо прививать чувство патриотизма к своей стране, а не к другой стране», что знаменитый призыв политрука Василия Ключкова является выдумкой военных корреспондентов.

Критические выступления национал-патриотов против празднования 9 мая как Дня Победы появились на страницах казахоязычной прессы. Политолог Расул Жумалы заявил, что Великая Отечественная война была войной сталинской коммунистической России против гитлеровской фашистской Германии. И что казахи не имеют к ней отношения: их якобы заставили участвовать в этой чужой войне.

Казахский поэт Мырзан Кенжебай опубликовал на сайте qamshy.kz статью под заголовком «В Казахстане настало время отменить 9 мая». В статье автор отмечает, что пора избавляться от «советско-российской пропаганды», выражает сомнение в добровольности участия казахов в войне и предлагает отказаться от празднования Дня Победы.

Историки не оставляют без внимания такие выпады и своевременно реагируют на такие высказывания национал-патриотов. Так, доктор исторических наук, профессор Тлеу Кульбаев отмечает: «Таких ультранационалистов надо привлекать к уголовной ответственности. Это недопустимо. Считаю, парламентам необходимо подготовить конституционный законопроект: за искажение и издевательство над историческими фактами в истории Великой Отечественной войны привлекать к уголовной ответственности. Преступления фашизма против человечества доказаны, они не должны повториться, а для этого необходимо хранить память о войне и знать историю»¹.

Подобные примеры, к сожалению, не единичны, можно перечислять еще долго. Но поистине кульминационным итогом стал выпуск 18 апреля 2014 г. журнала «Жулдыздар отбасы – Аңыз адам» («Звездный дом – Человек легенда»), выходящего на казахском языке, который большей частью был посвящен обсуж-

¹ Бахтигареев Р. Нужен ли Казахстану праздник 9 мая? Обзор СМИ [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2267780.html> (дата обращения: 15.04.2020).

дению личности Адольфа Гитлера и оправданию фашистской идеологии, вышел с портретом Адольфа Гитлера на обложке [9]. Его редактор, Жарылкап Калыбай предоставил трибуну традиционным «национал-публицистам» – Жасаралу Куанышалину и Расулу Жумалы, а также дал слово журналисту Нагашыбаю Есмырзе. Последний в статье «Гитлер не фашист» перечислил все «заслуги» диктатора и сделал вывод о том, что Гитлер является подлинным идеалом для всех тех, кто увлечен идеей национал-патриотизма и национал-социализма, к которым он себя относит. Вышел в свет данный журнал в апреле, к дню рождения Гитлера и, следовательно, накануне празднования Дня Победы. Здравомыслящее большинство негативно приняли высказанные в журнале идеи, понимая, что это часть информационной войны, которая разворачивается через прозападные и националистически ориентированные СМИ и организации. Однако обозначилась и группа поддержки, в которую вошли «национальные патриоты» из числа политиков, политологов, журналистов, заявившие о «свободе слова» и поддержке журнала. Агентство Республики Казахстан по связи и информации после проведения экспертизы сообщило, что в номере журнала присутствуют признаки оправдания экстремизма, что является нарушением статьи 164 Уголовного кодекса Республики Казахстан. 11 мая межрайонный специализированный административный суд Алматы, рассмотрев заявление управления внутренней политики акимата города Алматы, вынес постановление о взыскании штрафа в размере 120 месячных расчетных показателей с главного редактора журнала Жарылкапа Калыбая¹.

В последние годы стало «модным» заниматься историей страны. На любительском уровне ей занимаются все: журналисты, писатели, политологи, чиновники, не имеющие профессионального исторического образования, полагая, что это же не физика и

¹ Месячный расчетный показатель (МРП) для исчисления пособий и иных социальных выплат, а также для применения штрафных санкций, налогов и других платежей в соответствии с законодательством Республики Казахстан в 2014 г. – 1852 т. Штраф составил 222 240 тенге или 38 383 рубля по курсу 2014 г. (1 тенге = 5,79 руб.)

математика, где без специальных знаний не обойтись. Именно они создают «мифологизированную» историю, которая бездоказательна, не имеет под собой никаких источников. Создавая искусственно «сенсации», они тиражируют в различных СМИ, забывая одну истину, что история – это все же наука, которая не должна быть голословна, а должна опираться на комплекс источников, которые сопоставляются, проверяются, анализируются.

Парадоксально, но факт, что сегодня, говоря словами известного казахстанского историка Ж.Б. Абылхожина, «историческая наука превратилась в проходной двор, через который браво маршируют дилетанты. Она зачислена в разряд хобби или сферу досуга...» [10, с. 44].

Подобные настроения, к счастью, не являются официальной позицией властей Казахстана и научной общественности.

Профессиональные историки, занимающиеся историей Великой Отечественной войны, продолжают поиски новых архивных источников как в Казахстане, так и за его пределами, много ценного архивного материала было обнаружено в российских архивах (ГАРФ, РГАНИ, РГВА ЦАМО РФ).

В Институте истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, в отделе истории Казахстана XX в. в 2013–2016 гг. разрабатывался проект «Казахстан в период Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945 гг.». В 2016 г. вышла монография К.С. Алдажуманова, написанная по итогам данного проекта [11].

В текущем году завершается трехлетняя работа над проектом «Национальные войсковые формирования Казахстана на фронтах войны (1941–1945 гг.)», руководитель проекта – главный научный сотрудник института, кандидат исторических наук – К.С. Алдажуманов.

В юбилейном году 75-летия Победы Советского Союза в Великой Отечественной войны ученые Института истории и этнологии принимают активное участие в съемках передач, посвященных войне, выступают с лекциями перед молодежью в университетах, дают интервью по данной теме различным СМИ. Важно предоставлять молодежи объективные научные сведения

о войне, что в наш век информационных технологий не так просто, поскольку в интернете «гуляет» много различных мифов, сознательно фальсифицированных «теорий», направленных на «зомбирование» молодого поколения. Задача ученых-историков, преподавателей направить студентов и учащихся на научные исторические образовательные сайты, где они смогут получить объективные знания.

Работая преподавателем университета, в качестве эксперимента я предложила студентам написать эссе на одну из тем: «Участники Великой Отечественной войны в моей семье» и «Участники трудового фронта в моей семье». Если таковых нет, был предложен третий вариант – написать про участника войны из круга друзей семьи, знакомых, соседей и т.д. По началу одолевали сомнения – все-таки «цифровое поколение», предпочитающее находиться больше в виртуальном мире, нежели в реальном, в абсолютном большинстве рациональное поколение. К счастью, мои сомнения были напрасны. Студенты очень серьезно подошли к заданию, проводили огромную работу по выяснению фактов из жизни семьи в годы войны, обращались в военкоматы, по месту призыва, обращались на сайты поиска солдат, находили старые фотографии, письма с фронта. Эссе, написанные студентами, ежегодно пополняют Книгу памяти Международной Академии Бизнеса (Алматы Менеджмент университета), которая выложена на сайте и доступна всем желающим. Это первый в Казахстане онлайн-проект, в котором собраны воспоминания потомков о своих героических предках.

Студенты вузов Казахстана активно принимают участие в акции «Бессмертный полк».

В ряде крупных городов Казахстана стало традицией 9 мая – в День Победы проводить патриотическую акцию «Бессмертный полк», в рамках которой потомки участников Великой Отечественной войны проходят по улицам с фотографиями фронтовиков. В Алматы акция стартует на площади «Астана» перед памятником Героям Советского Союза девушкам-казашкам Алие Молдагуловой

и Маншук Маметовой и финиширует в Парке имени 28 гвардейцев-панфиловцев у Вечного огня.

Если в 2015 г., когда впервые проводилась акция, в столице принимало участие 1500 чел., то уже в 2017 г. 20 000 чел., которые выстроились в колонну длиной 1,2 км.

С каждым годом акция расширяет свои границы и проходит во всех крупных городах Казахстана, в ней принимают участие люди разных возрастов, особенно много молодежи.

Огромная работа проводилась по сбору данных об участниках войны по областям, которые вошли в «Книги памяти». Эти тома постоянно пополняются новыми именами участников войны.

Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, совместно с Центральным государственным архивом при организационной поддержке Фонда Первого Президента Республики Казахстан проводит работу по подготовке и проведению конференции «Казахстан и казахстанцы во Второй мировой войне», посвященной 75-летию Победы СССР в Великой Отечественной войне.

Таким образом, Казахстан участвовал в Великой Отечественной войне как составная часть единой страны. От Казахстана было призвано в ряды армии 1 млн 200 тыс. человек.

По собранным к настоящему времени сведениям прямые потери Казахстана в людях на фронтах Великой Отечественной войны составили 601 011 человек. Это означает, что с полей сражений не вернулась почти половина призванных к оружию. Погибшие составили 11,2 процента всего населения Казахстана.

Косвенные потери – 592 038 человек. Общие потери составили около 1 202 000 человек. Эта цифра уступает только потерям тех бывших союзных республик и областей России, по которым война прошла дважды, вначале с запада на восток, потом в обратном направлении [12, с. 48].

Казахстанцы героически сражались на всех фронтах Великой Отечественной войны. Звание Героя Советского Союза было присвоено 520 казахстанцам, 4 человека имеют звание дважды Героя Советского Союза.

Мы, граждане суверенного Казахстана должны быть благодарны нашим дедам, отцам, матерям, героически сражавшимся и отстоявшим страну от врага. Задача профессиональных историков – не допускать, чтобы наши дети и внуки учились по фальсифицированным учебникам и читали книги с искаженными фактами. Мы совместными усилиями всех здравомыслящих людей обязаны сохранить историческую память о Великой Отечественной войне, не должны допустить девальвации ключевых понятий, таких как справедливость, правда, совесть, честь, вера, патриотизм.

Список литературы

1. *Абишев Г.* Казахстан в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Алма-Ата: Казгосиздат, 1958. 359 с.
2. *Балакаев Т.Б.* Колхозное крестьянство Казахстана в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Алма-Ата: Наука, 1971. 350 с.
3. *Козыбаев М.К.* Компартия Казахстана в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Алма-Ата: Казахстан, 1964. 363 с.
4. *Козыбаев М.К.* Казахстан – арсенал фронта. Алма-Ата: Казахстан, 1970. 475 с.
5. *Белан П.С.* Казахстанцы в боях за Ленинград. Алма-Ата: Наука, 1973. 242 с.
6. *Белан П.С.* Казахстанцы в битве на Волге. Алма-Ата: Ғылым, 1990. 270 с.
7. *Белан П.С.* Казахстанцы в сражениях Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Алматы: Ғылым, 1995. 320 с.
8. *Бейсембаев С.* Феномен казахского национализма в контексте сегодняшней политики: от отрицания к пониманию. Алматы, Soros, 2015. 36с.
9. Журнал «Жұлдыздар отбасы – Аңыз адам». 2014. № 8 (92). 18 апр.
10. *Масанов Н.Э.* Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана / Н.Э. Масанов, Ж.Б. Абылхожин, И.В. Ерофеева. – Алматы: Дайк-Пресс, 2007. 276 с.

11. *Алдажуманов К.С.* Казахстан в период Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945 гг.» Алматы, Елтаңба, 2016. 235 с.

12. Казахстан в Великой Отечественной войне: сб. мат-лов конф., посвященной 55-летию Победы. Алматы: М-во обороны РК МОН РК. 2000. 159 с.

УДК 947.156

М.К. Чуркин

Великая Отечественная война в поколенческом срезе коллективной памяти российского общества

М.К. Churkin

The Great Patriotic War in the Generation of the Collective Memory of the Russian Society

Аннотация. В статье выявляются факторы и условия формирования и эволюции коллективной памяти о Великой Отечественной войне. Установлено, что война 1941–1945 гг. являлась знаковым историческим событием для общества советского времени, продолжая выполнять важные объединяющие и координирующие функции национальной и культурной идентичности в современный период. В работе также поставлена проблема изменения представлений и памяти о войне в продолжительный временной период второй половины XX – начала XXI в. Выявлены социокультурные, политические и идеологические обстоятельства функционирования коммуникативной памяти о событиях Великой Отечественной войны, обоснованы причины и условия трансформации коммуникативной памяти о событиях военного времени в культуру.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; российское общество; коммуникативная память; культурная память; коммеморативные практики; поколенческая идентичность.

Великая Отечественная война представляет интерес для исследователя не только как эпохальное событие в истории человечества, оказавшее влияние на «мировой порядок» второй половины XX столетия. Для советского и российского народов

события 1941–1945 гг. стали базисом коллективного опыта нации и поколенческой идентичности, в основание которых легло общее представление о прошлом. Ни одно из значимых событий первой половины XX в. (революции, Гражданская война, опыт социалистического строительства в «отдельно взятой стране») не может претендовать на эту роль, поскольку они в большей степени раскалывали общество, формируя не одну, а множество идентичностей.

Тем не менее любое, даже самое грандиозное событие является неотъемлемой частью единого конструкта: историческая память и забвение.

В этой связи коллективная память о Великой Отечественной войне в системе координат памяти поколений обладает такими важными характеристиками, как подвижность и лабильность, что ориентирует сегодня представителей гуманитарного знания к исследованию не столько событийных аспектов прошлого, сколько рефлексии состояний: представлений о войне, заключенных в канву теорий индивидуальной и коллективной (коммуникативной и культурной) памяти, коммеморативных практик, направленных на поддержание памяти о значимом событии или конструирования ее новых форм [1; 2]¹.

Основными носителями и трансляторами памяти о событии выступают его непосредственные участники. Именно поколение фронтовиков неосознанно взяло на себя функцию конструирования пространства оперативной памяти Великой Отечественной войны. Фронтовики, прошедшие горнило войны, представляли собой «сплав» из нескольких поколенческих фракций². Вместе с тем с окончанием войны и вступлением страны в мирный формат жизнедеятельности постепенно складывались условия, в которых возрастные различия нивелировались, уступая место вновь

¹ Хальбвакс М. Коллективная и историческая память [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3(40–41). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html> (дата обращения: 03.04.2020).

² Синявская Е.С. Фронтовое поколение Великой Отечественной: социально психологический феномен [Электронный ресурс]. URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=35842> (дата обращения: 01.04.2020).

формирующейся фронтовой идентичности группы. В данном отношении нам близка трактовка понятия «поколения», предложенная Ульрикой Юрайт, которая в своем определении апеллирует не к возрастным границам сообщества, а к стратегиям и результатам самоидентификации и отграничения от «других»¹.

Процесс складывания фронтовой идентичности был обусловлен спектром социально-экономических, психологических, политических факторов.

Во-первых, демобилизация вернула к мирной жизни многочисленный слой людей, обладавших военными навыками и соответствующей квалификацией, но, как правило, не имевших законченного образования, профессии, семьи. В результате вчерашние победители оказывались в достаточно сложной социальной ситуации «встраивания» в забытую за годы войны модель мирной повседневности. О.С. Поршнёва абсолютно точно фиксирует черту, свойственную носителям кратковременной памяти, непосредственным участникам военных событий: восприятие войны как стихийного бедствия, катастрофы, причины которых малопонятны, а последствия ужасны [3, с. 119]. Следует добавить, что участники Великой Отечественной войны помещали это событие в разряд наиболее ярких и значимых в истории человечества, осознавая свою сопричастность ему, что в послевоенный период подтверждалось государственной социальной политикой и политикой памяти, направленными на преодоление «травмы» военных потерь, посредством конструирования образа народа-героя, действовавшего под мудрым руководством партии и правительства.

В то же время внутреннее противоречие между декларативной героизацией народа-победителя и реальным статусом вчерашних фронтовиков уже в первые послевоенные годы обозначилось довольно четко. Демобилизованные из армии столкнулись с ощутимыми проблемами бытового характера в

¹ Jureit U. Generation, Generationalität, Generationenforschung [Электронный ресурс] // Docupedia-Zeitgeschichte. URL: <https://docupedia.de/zg/Generation?oldid=75515> (дата обращения: 08.04.2020).

части трудоустройства, обеспечения жильем, особенно в районах, входивших в ареал военных действий, о чем косвенно свидетельствует статистика нищенства в СССР в послевоенный период (данные на 1954 г.): из 25 500 человек, вынужденных заниматься этим ремеслом, 70 % приходилось преимущественно на инвалидов войны [4, с. 295].

Во-вторых, на объективные трудности адаптации к мирной жизни (отсутствие образования, специальной профессиональной подготовки и т.д.), накладывалось психологическое состояние комбатантов (участников боевых действий). В России отсутствует открытая статистика, свидетельствующая о количестве случаев психических девиаций среди советского воинского контингента, однако по данным зарубежных специалистов, из всех солдат, участвовавших в сражениях Второй мировой войны, 38 % имели различные расстройства психики, количество которых возросло по сравнению с Первой мировой войной на 300 % [5, с. 259]. Заметим при этом, что с окончанием войны из Советской армии было демобилизовано 8,5 млн военнослужащих, составивших, по сути дела, новый социум СССР [4, с. 48]. Фактическим признанием государством данной «проблемной зоны» стала активная социальная политика военного и послевоенного времени. К разряду основных ее элементов относилось не только пенсионное обеспечение фронтовиков, но и льготное медицинское обслуживание, социальная реабилитация инвалидов и участников Великой Отечественной войны [6, с. 93].

Можно констатировать, что жизнь фронтовиков, участников Великой Отечественной войны как бы распадалась на два этапа: до и после нее, когда посттравматический синдром формировал ситуацию системного кризиса личности, атмосферы недовольства своим статусом, социального аутсайдерства, снижения карьерной активности, поиска новых вариантов социокультурной идентичности.

Выскажем предположение, что психологический стресс, ставший биографическим фоном жизни участников войны в мирное время, постепенно уводил часть фронтовиков из зоны социального комфорта и социокультурных реалий в сферу актив-

ного участия в конструировании памяти о прошлом, что предопределило формирование сложной и расколотой поколенческой идентичности. Одной из характерных черт этого процесса стало стремление власти селективировать результаты складывавшейся оперативной памяти о войне, вписав их в общий стандарт государственной коммеморативной политики.

Короткий «вегетарианский» период советской истории, начавшийся после XX съезда партии, открыл широкие возможности плюрализма памяти о последней большой войне. Вместе с тем разработка коммеморативных стратегий на государственном уровне настоятельно требовала соединения исторического события с действующими идеологическими установками, что было вызвано потребностью постоянной легитимации политического режима СССР в условиях общественной либерализации. Уже с середины 1960-х гг. государство, обладая мощным административным ресурсом, использовало в качестве основного актора пропаганды в сфере корректировки исторической памяти Главпур (Государственное политическое управление Советской армии и Военно-морского флота), что решительно ускорило процесс стандартизации памяти о Великой Отечественной войне.

В 1960-е гг. в дискурс коммуникативной памяти о прошедшей войне включается поколение, появившееся на свет в 1940-х гг. – «шестидесятники». Исследования социальной идентичности данной группы, проведенные психологами, наглядно продемонстрировали, что в ее основе располагается общность интересов и мировоззрения с представителями своего поколения (74 % выборки), память о событиях прошлого (62 %), надежды и тревоги за будущее (42 %), ответственность за перспективы своей страны и народа (36 %) [7, с. 75–76]. Физическое взросление данной группы совпало по времени с взрослением социальным, которое происходило в условиях ослабления государственно-идеологического диктата и разрядки международной напряженности. Вместе с тем публично отрекаясь от «темных» страниц тоталитарного прошлого, советская власть оставалась непреклонной в сфере конструирования коммеморативной политики, в

которой «правильная» память о Великой Отечественной войне занимала приоритетное место. Когда в конце 1950-х – начале 1960-х гг. в западной политологии утвердилась концепция «тоталитаризма» (К. Фридрих, З. Бжезинский), а в зарубежной историографии Второй мировой войны возобладали тезисы о единой природе фашистского и коммунистического политических режимов, советская власть и научное сообщество СССР приложило максимум усилий для опровержения этой теории.

В обстоятельствах свертывания политики общественной либерализации в СССР в середине 1960-х гг. кардинально изменились стратегии социального поведения поколения «шестидесятников». Крушение надежд и ожиданий эпохи «оттепели» поставило их перед фактом социальной адаптации к новым условиям политической и культурной реальности. Поколение, по объективным причинам не реализовавшееся как «бунтари» и «ниспровергатели», достигнув возраста зрелости, обратилось к отчаянным попыткам приспособиться к текущим социальным условиям, выбрав путь профессионального совершенствования, строя партийную, административную, научную карьеры. Стратегия «встраивания», в свою очередь, обязывала принимать и поддерживать конвенции, установленные властью, в т.ч. и в тех вопросах, которые касались практик сохранения и трансляции исторической памяти.

Дальнейшее ослабление активной памяти о Великой Отечественной войне, ускорившее ее переход из коммуникативного в культурное состояние, связано с периодом социальной активности поколения Х (вторая половина 1960-х – начало 1980-х гг.). Исследования идентичности данной группы, чья юность и молодость пришлись на эпоху коренных преобразований общественно-политической жизни страны и государственного устройства («перестройка», «гласность», распад СССР, создание и укрепление новой российской государственности), продемонстрировали высокую степень их общности с представителями своего поколения (53 %), значительно меньшую с поколением родителей (24 %), и мизерную с поколением бабушек и дедушек (10 %) [7, с. 76].

Формирование мировоззрения поколения X происходило в условиях ожесточенного противоборства стремительно дряхлеющей, выхолощенной, состоящей из демагогических «штампов» марксистско-ленинской идеологии образца позднего социализма и набирающих силу теорий рыночного капитализма и политического плюрализма. Фоном становления поколения являлись крайне неблагоприятные обстоятельства материальной жизни, выразившиеся не только в кризисе советской модели экономики, но и в большом количестве конкурирующих проектов ее переустройства, что, с одной стороны, погружало поколение X в состояние социальной и политической апатии, с другой – усиливало их адаптивность и прагматичность.

В условиях трудной жизненной ситуации конца 1980-х – 1990-х гг., по выражению А. Ассман, «распалась связь времен» [8]. Публицистический и исторический дискурсы периода «перестройки» и «постперестройки», ставшие не только важным эпизодом идейно-политической жизни страны, но и фактором переформатирования исторического сознания и исторической памяти, в скором времени были вытеснены на периферию общественных интересов текущими социально-экономическими реалиями. Либерально ориентированный сегмент поколения «шестидесятников» наконец получил возможность не только включиться в государственническую работу, но и занять в ней ведущие позиции, что в итоге привело к разрыву коммуникативных контактов с поколением X, нашедшем себя в системе новых экономических отношений. Показательно, что, отвечая на вопрос «Интересуют ли Вас события Великой Отечественной войны?», поколение «шестидесятников», чьи представления об этом событии формировались не только под влиянием «мертвых» форм памяти, но и через непосредственную коммуникацию с участниками войны, положительный ответ («очень интересуют») дал 68,1 % респондентов, тогда как в группе поколения X утвердительно ответило лишь 18,5 % опрошенных [9, с. 13].

В современной ситуации историческая память о Великой Отечественной войне переживает интересные метаморфозы. Социо-

логические опросы студентов, проведенные накануне празднования 60-летия и 70-летия Победы, продемонстрировали высокий уровень солидарности респондентов в вопросе о приоритете памяти о войне над другими событиями (36 %). В то же время уверенность, что память о Великой Отечественной войне сохранится в сознании нынешней молодежи, оказалась свойственна лишь 6 % опрошенных [10, с. 99]. При этом весьма показательно, что 48 % общей выборки уверенно констатировали, что подвиг народа в войне будет примером для будущих поколений [10, с. 99].

Таким образом, можно с уверенностью констатировать факт завершения коммуникативной фазы памяти о Великой Отечественной войне, а также перемещения культурной памяти о событиях 1941–1945 гг. в контекст исторической политики Российской Федерации, в котором интерпретация знаковых событий прошлого однозначно подчинена интересам правящей элиты.

Подводя общий итог, отметим, что фундамент исторической памяти о самом выдающемся сюжете отечественной истории, на долгие годы ставшем базисом коллективного опыта нации, был заложен поколением фронтовиков, идентичность которого формировалась в условиях активной внутригрупповой коммуникации. Этот процесс был обусловлен не только статусом победителей, чья репутация была окутана героическим ореолом, но и сложностями адаптации к мирной повседневности, требовавшей постоянной актуализации в сознании комбатантов воспоминаний о войне.

Память о Великой Отечественной войне поколения «шестидесятников» складывалась в контексте активных контактов с поколением фронтовиков: семейных, индивидуальных, профессиональных, бытовых. Однако процесс становления послевоенного поколения происходил в условиях иного эмоционального фона, в границах которого победа в войне выступала лишь в качестве события, обеспечившего возможность либерализации общества и важных реформаций в социальной, экономической и культурной сферах. Завершение реформ, инициированное государством, поставило «шестидесятников» в ситуацию, когда дальнейшее су-

ществование и карьерные перспективы оказались возможными только при условии выбора конформистских стратегий, в числе которых было и согласие с государственными коммеморативными практиками стандартизации памяти о прошедшей войне.

Представления о Великой Отечественной войне в памяти поколения Х складывались под влиянием государственных практик и институтов коммеморации (школа, ВУЗ, официальные литература, кинематограф, пресса). Коммуникативные контакты с поколением фронтовиков носили эпизодический характер в силу значительных возрастных различий, а с поколением родителей – «шестидесятников» ограниченность контактов определялась их профессиональной занятостью и политической индифферентностью. Короткий период актуализации памяти поколения Х о войне как знаковом событии в истории страны был связан с социальными потрясениями конца 1980-х – 1990-х гг., когда под влиянием факторов политического плюрализма и публицистического «бума» произошла частичная реанимация интереса поколенческого сообщества Х к Великой Отечественной войне. Однако переформатирование памяти поколения Х происходило уже не в коммуникативной, а в культурной системе координат.

Память о войне поколения Y конструируется за пределами поля традиционных коммуникативных связей под влиянием широкого спектра конкурирующих коммеморативных проектов. При этом определяющее значение приобретает государственная историческая политика, в параметрах которой память о Великой Отечественной войне рассматривается как важный символический ресурс легитимации власти. Обладая неограниченным административным потенциалом, политическая элита оказалась способна предложить поколению миллениалов адекватную их ментальности «игровую» модель восприятия истории, в частности войны 1941–1945 гг., что не только расширило арсенал коммеморативных практик, но и дало власти возможность активно влиять на формирование такого варианта культурной памяти поколения, который будет максимально приближен к «государственническим» представлениям о событиях периода Великой Отечественной войны.

Список литературы

1. Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М.: НЛЮ, 2014. 328 с.
2. Малинова О.Ю. Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа // Полития. 2017. № 4 (87). С. 6–22.
3. Поршнева О.С. Феномен исторической памяти о войне // Уральский вестник международных исследований. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. 2005. Вып. 4. С. 112–119.
4. Зубкова Е.Ю. «Бедные» и «чужие»: нормы и практики борьбы с нищенством в Советском союзе. 1940–1960-е годы // Труды Института российской истории. Вып. 11 / Российская академия наук, Институт российской истории; отв. ред. Ю.А. Петров, ред.-коорд. Е.Н. Рудая. М., 2013. 487 с.
5. Сукиасян С.Г., Тадевасян М.Я. Роль личности в развитии боевого посттравматического стрессового расстройства // ВВ: Психология и психотехника. 2013. № 2. С. 258–308.
6. Бистякина Д.А. Трансформация системы социальной защиты ветеранов Великой Отечественной войны // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2013. № 2 (22). С. 83–94.
7. Емельянова Т.П., Дробышева Т.В. Характеристики коллективной памяти в контексте социально-психологических особенностей двух поколений // Горизонты гуманитарного знания. 2017. № 5. С. 71–85.
8. Ассман А. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна. М.: НЛЮ, 2013. 272 с.
9. Афанасьева Л.И., Меркушин В.И. Великая Отечественная война в исторической памяти россиян // Социологические исследования. 2005. № 8. С. 11–22.
10. Абрамзон М.Г. и др. «Война была... вчера». Российское студенчество о Великой Отечественной войне // Война была позавчера... Российское студенчество о Великой Отечественной войне: мат-лы мониторинга «Современное российское студенчество о Великой Отечественной войне». Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2015. С. 98–106.

**Воспоминания детей о войне
и глубина исторической памяти**

S.S. Tikhonov

**Children's Memories of the War
and the Depth of Historical Memory**

Аннотация. В настоящей работе автор рассматривает устные семейные рассказы людей, которым в начале Великой Отечественной войны было пять-десять лет. Они не могли рассказать о боевых подвигах или ходе войны, т.к. были еще малы и плохо воспринимали прямо не касавшиеся их события. Но то, с чем они соприкасались, они не забыли. Прочнее всего в памяти детей сохранились сведения о постоянном голоде, горе взрослых и радость Победы. Глубина исторической памяти народа отразилась в устных рассказах. Это позволяет сделать вывод, что в течение трех, иногда четырех поколений, события из уст в уста передаются практически без искажений. С увеличением хронологической глубины произошедшего события информация о нем становится более легендарной.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; дети тыла; личные воспоминания; глубина исторической памяти.

... и сотвори им вечную память

В Советском Союзе патриотическое воспитание было очень важным компонентом в идеологическом становлении молодого человека. Книги, кинофильмы, радио- и ТВ-передачи о Великой Отечественной войне, уроки Мужества в школах, встречи с ветеранами, поездки по местам боевой славы, поисковая работа пионерских отрядов, рассказы старших родственников – участников войны – все это давало прочные знания о боевых действиях Красной армии, полководцах, героях, горе людей и мужестве тружеников тыла, радости народа-победителя. В наши дни сведения о войне молодые люди чаще всего получают на уроках ис-

тории, при просмотре фильмов/видеофильмов или телепередач, что дает лишь самые общие представления.

Есть и малоизвестный аспект в истории Великой Отечественной войны: война глазами маленьких детей, миллионы которых пережили ее. Они мало что понимали в политике, не могли оценить масштаб боевых операций. Но каждый из них помнил войну по-своему, хотя многое о ней не рассказывал. Эти сведения еще сохраняются в семьях как предания. А то, что было записано и опубликовано, пробирает до глубины души. Я говорю о дневниках Тани Савичевой из Ленинграда [1] и Анны Франк из Амстердама [2].

Мои родители, их братья и сестры, сверстники родились в первой половине 1930-х гг., и войну они встретили в «нежном возрасте». Они неохотно рассказывали мне о ней, отнекиваясь тем, что были маленькие и ничего не помнят. Однако что-то они вспоминали «к случаю», что в конце концов позволило мне увидеть жизнь во время войны глазами ребенка. Голод и постоянный поиск еды, нужда, радость Победы – вот их ярчайшие воспоминания.

Я приведу свидетельства старших родственников так, как они мне рассказывали. Сначала о голоде и нужде.

Семен Т.: «Мне все время исть хотелось, а наистись не мог»;

«Мы, ребяташки, летом ели все подряд: русьянку, пучку, пеканы, по колбу ходили»;

«Кротоловки делали, кротов ловили, шкурка 20 копеек, и в сельпо несли, хлеб или пряники покупали»;

«Вот на том берегу, прямо против деревни, старались. Весь берег на паи был поделен. Работали человек по 8–10. Кто породу катает, кто воду качает, кто на бутаре, ну, на промывке стоит. Бывало за день грамм, а то и полтора золотишка намывали. Да у нас золото плохое, верховое. Все в золотоскупку несли. В Боярках она была, около Мишки. А там все было, и хлеб белый, и пряники, даже шоколад»;

«Собачка у нас была Тарзан. Где-то хлеб скрала, а мы ее загнали в угол, хлеб отобрали, да съели».

Екатерина Т.: «Картошку в поле запретили садить, так во дворе садили. Только копать, а уже полномочный – на фронт эвот эстолько свезите. И капусту, и морковку, вообще все. Дед увезет, а мы опять голодом сидим. В сорок третьем только стали в поле снова садить, легче стало».

«Возчики приедут ночевать, а мы на полатах сидим и подглядываем, как они едят, а мама ругается, мол, спрячьтесь. А они у нас только ночевали, а еда своя, на печке грели, как мы поедим. Ну, че... Похлебка мороженная, да пельмени иногда. Путь их дальний был. На станцию продукты возили на фронт. Так недели по две, по три ездили, как погода...»;

«С дедом через Томь ездили по рыбу, по озеркам морды ставили. А ветер повдоль реки, а я вытолкаться [шестом. – С. Т.] не могу. Мочи нет. А рыбу надо»;

«Вон там, от Мунгата до Займища весь берег в корчагах стоял, метра через три ставили. Все рыбу ловили»;

«Мама до свету встанет, папку твоего покормит. А он обушок на плечо, тормозок в карман, да и пошел. Шахтер. У их упряжка ранняя была. А мама вослед глядит, да плачет. А че делать? Хоть тринадцать лет, да кормилец, братья-то на войне, а деда в тайгу загнали лес валить».

Валентина Т.: «Отступись от меня, ниче не помню, я ить маленькая была. Исть только вот все время хотелось».

Николай Ш.: «Да я и мало что помню. Маленький был. Вот как шесть лет стукнуло, на речку все бегал, рыбу семье ловил. На булавку, «американка» их называли. Пацаны научили. А че! Десятка два рыбешек поймаю, да мамка уху сварит. Мы и довольны».

Надежда К.: «Мама на работу уйдет, бывало, и по трое суток домой не приходила. А мы на сундуке сидим, на часы посмотрим, как стрелка до четырех дойдет, так кушать хлеб можно»;

«Всякие калачики-малачики ели, да бзднику (паслен. – С. Т.)»;

«У нас и на фронт нечего взять было. Папа на войне, мама на работе, а мы трое маленьких. А мы что, дети, посадим? Картошку только, да и той мало. Сашка старший, ему десять было»;

«Уроки делали при печке. Дверку откроем, вроде светло. Сашка сделает, после я».

Угля то не укупить было, собирали хворост всякий, да кизяки, а Сашка с ребятами к железной дороге ходил. Там кочегары и угля кусок кинуть могли. Да их охрана ругала»;

Дрова мелкие были, за ночь прогорят, вот выйду на улицу, смотрю у соседей, где дым. Ну, туда и иду, они угольков дадут, да я печку и растоплю»;

«Драники мама делала из кожуры картофельной, вкусные такие. А после войны, когда из Тайги в отпуск приехала, попросила их спечь, да есть не смогла»;

«Мама говорила, к ихней работнице муж с войны вернулся безногий. Так всех кошек переловил вокруг, да ели они их. Женщина и их угощала, говорила, мол, кролики»;

«Деда Степана хоронили, народу со всех улиц пришло. А как узнали, что угощение давать не будут, все и разошлись. Мама да тетя Нюра на тележке, на которой дрова возили, его на кладбище отвезли. Да мы с Сашкой. Так и похоронили».

Светлана К.: «Мама рассказывала, что в войну ее готовить бабушка не учила. Не из чего было, а лист лавровый она первый раз уж после войны увидела. Дорогой был».

Горе было постоянным спутником голода. Но малые дети воспринимали его через горе старших.

Екатерина Т.: «Ваню на фронт забирали, пришли к военкомату, а они там все лыка не вяжут, да и на войну страшно идти, убьют же. Уж сколько похоронок пришло. Так их на барже пьяных и увезли. А бабы в голос выли»;

«Мишку ранили тяжело. Мама все молилась, чтобы домой пустили. А его вылечили, да снова на войну».

Надежда К.: «Дядю Максима убили, так бабушка неделю воем выла, сделать ничего не могли, а потом отошла маленько»;

«Работницам кино военное показывали. Атаку показывают, а они в голос режут, солдат жалко. А все смотрят, вдруг, мол, своего увидят».

Окончание войны и объявления о ней дети помнили лучше.

Надежда К.: «Мы в школу пришли, а никого не пускают. Потом директор вышел и говорит: «Дети! Война кончилась! Сегодня уроков не будет, бегите домой»! Ну, мы и дуй-не-стой по домам. Бежим, кричим: «Ура! Война кончилась»!

«Мы с мамой на вокзал ходили солдат встречать. Они едут, все радуются, песни поют, пляшут на перроне. И люди радуются. Кто с огорода что им несет, кто цветы. Так и ходили все лето».

Семен Т.: «Над деревней самолет летал, листовки бросал, что война кончилась. Все радовались, друг дружке листовки давали. А потом бабы пиво варить стали, солдат ждать».

Такие воспоминания сами по себе важны, т.к. показывают один из аспектов Великой Отечественной войны глазами детей 5–10-летнего возраста. Сейчас этим людям 85–90 лет, и их осталось в живых не так много. Поэтому можно предположить, что такой источник, как «личные воспоминания детей войны» постепенно исчезает.

Другой аспект связан с глубиной исторической памяти, с событиями, сведения о которых передавали устно и никогда не записывали. Мои поиски в этой области позволили предполагать, что в третьем-четвертом поколении эти сведения и предания исчезают. Сужу об этом по рассказам о трагической гибели художника В.Д. Вучечевича-Сибирского в 1919 г. [3, с. 116–118; 4, с. 133–138], по скорости исчезновения информации о микротопонимике в г. Тара [5, с. 409–410], а также по сохранности преданий о гражданской войне [6, с. 270–273] и вымыванию из бытовой речи диалектных слов [7, с. 132–137]. При обобщении вышеуказанных предварительных результатов выяснилось, что в первую очередь забываются события, непосредственно касающиеся дедов-прадедов. Если же они были связаны с какими-то масштабными событиями, то память о них хранится дольше [8, с. 33–37].

В целом можно предполагать, что устные сведения сохраняются в семьях в течение трех, редко четырех поколений, и постепенно забываются, что связано с иным восприятием событий прошлого и появлением новых сведений, более актуальных для среднего поколения и молодежи.

Список литературы

1. Миксон И. Жила, была: историческое повествование. Л.: Детская литература, 1991. 223 с.
2. Франк А. Убежище. Дневник в письмах. М.: Текст, 2010. 360 с.
3. Тихонов С.С. О глубине исторической памяти народа и художнике Вучечевиче-Сибирском // Декабрьские диалоги. Вып. XIV. Омск, 2012. С. 116–118.
4. Тихонов С.С. Художник В.Д. Вучечевич-Сибирский и глубина исторической памяти народа // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. Омск: ОИК-музей, 2012. № 17. С. 133–138.
5. Тихонов С.С. К вопросу о микропонимании малого сибирского города и глубине исторической памяти его населения (по материалам города Тары, Омская область) // Третьи Ядринцевские чтения. Омск: ОГИК-Музей, 2015. С. 409–410.
6. Тихонов С.С. Об устной истории гражданской войны и глубине народной памяти // Социально-политические кризисы в истории России. Шадринск: ШГПУ, 2018. С. 270–273.
7. Тихонов С.С. О скорости процесса исчезновения диалектных слов (на примере материалов поселка Крапивинский Кемеровской области) // Народная культура Сибири. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2019. С. 137–142.
8. Тихонов С.С. О глубине памяти жителей Сибири // Народная культура Сибири. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2017. С. 33–37.

**Вклад Рахмона Сафарова в сохранение памяти
о Великой Отечественной войне**

R.Y. Sharifov

**Rakhmon Safarov's Contribution to Reserving
the Memory of the Great Patriotic War**

Аннотация. В статье освещается вклад ветерана Вооруженных сил Советского Союза, члена Союза писателей Республики Таджикистан, лауреата премии Ленинского комсомола Таджикистана Рахмона Сафара по сохранению исторической памяти героев Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. посланцев Республики Таджикистан. Героем доклада были собраны и систематизированы имена и подвиги более ста тысяч посланцев Таджикистана воевавших на фронтах в годы Великой Отечественной войны. Среди них были не только таджики, но представители многих национальностей и народов проживавших на территории Республики Таджикистан. Кропотливый труд Рахмона Сафара по сохранению и увековечению исторической памяти героев Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. получил высокую оценку соотечественников.

Ключевые слова: Таджикистан; Великая Отечественная война; ветеран; посланцы; герои; документы; летопись; историческая повесть; сражение; фронт; список; память; отечество; архив; воспоминание.

Память о героях Великой Отечественной войны – доблестных воинах Таджикистана глубоко сидит в сердцах народа республики. Приблизительно сто пятьдесят тысяч жителей Таджикистана ушли на фронт защищать Отечество. Из их числа девяносто тысяч сложили свои головы на полях сражений.

История подвигов таджикистанцев в годы Великой Отечественной войны как на фронтах, так и в тылу нашла отражение в многочисленных научных и художественных произведениях ученых и литераторов. Военная тематика занимает особое место в творчестве кинематографистов, деятелей театрального и му-

зыкального искусства, живописцев и скульпторов Таджикистана. Научное творчество ученых-историков Л.И. Сечкиной, С.Р. Рахимова, М. Бабаханова, М. Шукурова, Р. Набиевой, литературные произведения С. Айни, Ф. Ниези, Л. Бузургзоде, художественные и документальные фильмы Е. Кузина, Т. Сабинова, Д. Худойназарова, Х. Гадоева, М. Махмудова, Ю. Юсупова и других заложили прочный фундамент для сохранения памяти героев Великой Отечественной войны – посланцев Таджикистана.

Обложка сборника материалов Рахмона Сафарова «Летопись подвигов». Душанбе, 2010. 344 с.

Кропотливая, многолетняя работа Рахмона Сафара по поиску, сбору, систематизации и публикации необходимых сведений по каждому фронтовику поистине является уникальной в республике.

Рахмон Сафар родился в 1930 г. в Бальджуанском районе Таджикистана, закончил педагогическое училище. В 1951 г. был призван в ряды Советской Армии, в 1955 г. закончил военное училище города Ярославля, в 1962 г. двухгодичные курсы при Академии вооруженных сил в Ярославле. После двадцатилетней службы в военном комиссариате в 1978 г. вышел в отставку.

Заочно окончил исторический факультет Педагогического института г. Душанбе. Был принят на работу научным сотрудником Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН РТ. По рекомендации военного комиссара Таджикистана генерал-майора М. Тошмухаммедова продолжил начатое дело в годы службы, а именно поиск имен и сохранение памяти подвигов неизвестных солдат, павших на фронтах Великой Отечественной войны. Эта работа стала смыслом всей его жизни.

Верной помощницей летописца героев Великой Отечественной войны стала его супруга Нелли Дмитриевна Сафарова, а позже и дочь. По всему Таджикистану семья Сафаровых собирала сведения, материалы и документы по каждому человеку. Особый интерес у Рахмона Сафара вызывала судьба без вести пропавших фронтовиков, неизвестные страницы истории подвигов, самоотверженности, места захоронения и не дошедшие до героев государственные награды Родины.

Составив алфавитный список фронтовиков Таджикистана, Рахмон Сафар кропотливо искал сведения с целью полного заполнения данных: даты и места рождения, довоенного периода жизни, участия в битвах на фронтах, места и даты смерти или послевоенной жизни участников ВОВ. На свои собственные средства выезжал не только в отдаленные районы Таджикистана, но и в ряд республик бывшего Советского Союза, куда забрасывала судьба его соотечественников в годы войны. По словам его близкого друга члена Союза писателей Республики Таджикистан Джонибека Акобира, долгое время возглавлявшего литературный журнал «Садои Шарк» («Голоса Востока»), для этих поездок по сбору материалов и документов Рахмон Сафар расходовал свои собственные сбережения.

В ходе поисков Рахмона Сафара в 1974 г. была издана документальная повесть «Сафар Амиршоев», а в 1978 г. повесть «Сын моей земли» на русском языке. Эти издания наполнены большим количеством документов, фотографий и воспоминаниями родных, друзей и однополчан героев, подробно повествуют о жизни и судьбе героев Советского Союза Сафара Амиршоева и Домулло Азизове.

В 1981 г. Рахмон Сафар издает очередную документальную повесть «Герои Вахша и Днепра», повествующую о трудовой и боевой доблести Героя Советского Союза, Депутата Верховного Совета СССР, Заместителя Наркома промышленности Таджикской ССР Саидкуле Турдыеве.

На основе широкого круга документов и воспоминаний соратников С. Турдыева раскрываются личностные черты командира

артиллерийского полка, капитана С. Турдыева. Несмотря на имеющуюся бронь от призыва в Красную армию коммунист Саидкул Турдыев настоял на том, что его отправили защищать Родину. В конце октября – начале ноября 1943 г., под ожесточенным обстрелом германской артиллерии и бомбежек вражеской авиации, артиллерийский полк под командованием капитана С. Турдыева без единой потери солдат и боевой техники успешно форсировал Днепр и вступил в сражение за освобождение Киева.

В повести «Сын моей земли» освещается боевой путь Героя Советского Союза Домулло Азизова. Достойный сын Таджикистана, пройдя героический путь с первых дней ВОВ, самоотверженно участвовал в освобождении Белоруссии от гитлеровских оккупантов. Героизм и подвиг Д. Азизова навсегда сохранился в сердцах братского белорусского народа.

Одна из красивейших улиц столицы Белоруссии города героя Минска до сих пор носит имя Домулло Азизова, а его имя высечено на доске Славы Государственного Музея Великой Отечественной войны Республики Беларусь.

В 70–80-е гг. XX в. Рахмон Сафар на страницах периодических изданий систематически рассказывал о подвигах таджикистанцев в годы Великой Отечественной войны. Эти статьи были посвящены в основном тем героям, о которых было неизвестно или малоизвестно общественности республики. В результате этих публикаций Рахмона Сафара молодежь республики узнавала все новых и новых героев-освободителей великой страны и Европы от фашистской чумы XX века.

Плодотворной была работа Рахмона Сафара в Архиве Министерства обороны СССР в городе Подольске. По рассказам соратников и друзей Рахмона Сафара для работников архива в Подольске он стал своим человеком. Работники архива, убедившиеся в целях и намерениях этого человека, старались внимательно относиться к его заявкам и просьбам по предоставлению нужных документов. Работа в архиве протекала в очень плотном графике. В результате Рахмон Сафар ознакомился с сотнями и тысячами документов фронтовиков, погибших на полях

сражений Великой Отечественной войны. Десяткам родственников его соотечественников была предоставлена информация о их дедах, отцах, братьях и сыновьях, выявлены ценнейшие сведения о неизвестных до сих пор, павших героях.

Но фундаментальным результатом многолетнего труда Рахмона Сафара стало составление списка участников Великой Отечественной войны – доблестных воинов Таджикистана, где указаны сведения о местах рождения, довоенной трудовой деятельности, участии в боевых сражениях, местах гибели и захоронения, послевоенной судьбе.

В результате в 90-х гг. XX в. была составлена многотомная рукопись с указанием данных о ветеранах ВОВ. Число имен, собранных Рахмоном Сафаром, составило 100 тыс. Инициативу Р. Сафара поддержало Правительство Таджикистана, и по призыву главы государства Эмомали Рахмона летописца поддерживали научные учреждения и государственные издательства.

Коллектив редакции Национальной энциклопедии Республики Таджикистан провел большую работу по подготовке к изданию первого тома труда Рахмона Сафара. Данная работа Рахмоном Сафаром была названа «1001 корнома», в буквальном переводе на русский «1001 подвиг». Такое название на таджикском языке определяется символично, в традициях таджикской классической литературы, таджикского исторического фольклора, и по смыслу обозначает «Летопись героизма».

Когда первый том летописи был подготовлен к изданию, в республике усилился экономический и финансовый кризис. Большое количество денежных средств, собранных Рахмоном Сафаром, в одночасье обесценилось. Средств для издания летописи не хватило. Труд Рахмона Сафара для публикации был передан государственному издательству «Ирфон». Большая группа творческой интеллигенции обратилась к населению, труженикам, частным и государственным организациям с просьбой о помощи по сбору необходимых средств для издания первого тома «Летописи подвигов» Рахмона Сафара. В результате

этой кампании удалось в 1995 г. издать первый том летописи героизма доблестных воинов Таджикистана в годы Великой Отечественной войны. В 2000 и 2005 г. в ознаменование 55- и 60-летия Победы в Великой Отечественной войне были изданы второй и третий том летописи подвигов. Финансирование издания этих томов взяло на себя Министерство культуры Республики Таджикистан из бюджетных ассигнований. В первые три тома были включены имена доблестных воинов Таджикистана по алфавитному порядку от букв «А» до «З». По словам друзей Р. Сафара – видных литераторов и общественных деятелей, опубликованных в газете «Чумхурият» («Республика») в августе 2010 г., накануне его 80-летия эти обстоятельства сильно подорвали его здоровье.

После смерти Рахмона Сафара издание последующих томов его труда было возложено на Республиканский Совет ветеранов войны и труда. Для продолжения издания была необходима дальнейшая систематизация материалов. Это требовало дополнительной работы и ассигнований. Последующие тома были изданы уже не по алфавитному порядку.

В середине 1990-х гг. Рахмон Сафар решил создать фруктовый сад из нескольких тысяч саженцев фруктовых деревьев в память погибших героев ВОВ на своей малой Родине, назвав его «Садом героев». В традициях таджикского народа в честь защитников Родины и героев, близкие и родственники сажают фруктовые деревья. От поколения к поколению каждое дерево названо именем героя, этим самым сохраняются его славное имя и память о его подвигах во имя будущего.

Последние годы жизни Рахмон Сафар провел в Ярославле, куда его семья – жена и дочь переехали в конце нулевых годов XXI в.

Исторические повести, статьи и летопись подвигов доблестных воинов Таджикистана в годы Великой Отечественной войны, изданные Рахмоном Сафаром, имеют огромное научное и воспитательное значение не только для молодого поколения, но и для всего народа Таджикистана. На примере подвигов своих земляков воспитывается чувство патриотизма, ответственности за будущее

Родины и гордости настоящего поколения за своих отцов и дедов – освободителей человечества от расизма и геноцида.

Таджикский народ чтит память своих героев Великой Отечественной войны и в дальнейшем внесет достойный вклад в дело сохранения мира, стабильности и процветания не только своей Родины – Таджикистана, но и тех стран и народов, с которыми наши предки бок о бок сражались против ненавистного общего врага.

Избранные произведения Рахмона Сафарова

1. *Сафаров Р. Ҳазору як корнома: Аз корнамоиҳои ҷанговарони ҶБВ (Летопись подвигов). (На тадж. яз.). Душанбе: СИЭНТ, 2005. Ҷ. 3. 448 с.*

2. *Сафаров Р. Ҳазору як корнома: Ба ифтихори 65 – солагии ҶБВ. (Летопись подвигов). (На тадж. яз.). Душанбе: Ирфон, 2010. 304 с.*

3. *Сафаров Р. Ҳазору як корнома (Летопись подвигов). (На тадж. яз.). Душанбе: Ирфон, 2016. 304 с.*

4. *Сафаров Р. Достони марди мубориз: (Об участнике установления Советской власти в Таджикистане Мирзо Пиракове). (На тадж. яз.) // Роҳи Ленини. 1982. 21 сент.*

5. *Сафаров Р. Ҳазору як корнома: ҳуҷатҳо шаҳодат медиҳанд, (Летопись подвигов). (На тадж. яз.). Об участии в Великой Отечественной войне академика Асимова Сайфуддина // Тоҷикистони советӣ. 1990. 2 марта.*

6. *Сафаров Р. Қаҳрамон Домулло Азизов. (О Герое Советского Союза Д. Азизове). (На тадж. яз.) // Омузгор. 1990. 8 май.*

7. *Сафаров Р. Ҳазору як корнома; Тақдир: Иштирокчи ҶБВ Азимов Ҳикмат (Судьба. Об участнике Великой Отечественной войны Хикмате Азизе). (На тадж. яз.) // Тоҷикистони советӣ. 1990. 26 февр.*

8. *Сафаров Р. Ҳазору як корнома: Робита барқарор шуд (Вспоминает участник Великой Отечественной войны Азизов Чунайдулло). (На тадж. яз.) // Тоҷикистони советӣ. 1990. 1 марта.*

9. *Сафаров Р. Ҳазору як корнома; Чуянда ёбанда аст: Иштирокчи ҶБВ Акрамов Юнус (О судьбе ветерана Великой Отече-*

ственной войны Юнус Акрамова). (На тадж. яз.) // Тоҷикистони советӣ. 1990. 27 сент.

10. Сафаров Р. Дар суроғи фарзанди диёри Хучанд: Хуччатҳои тоза оиди Қаҳрамони Иттифоқи Советӣ Фатҳулло Аҳмадов (Новые документы и сведения о Герое Советского Союза Фатхулло Ахмадове). (На тадж. яз.) // Адабиёт ва санъат. 1991. 9 мая.

11. Сафаров Р. Ҳар ки накуном зист. (О ветеране Великой Отечественной войны Х. Шарифове). (На тадж. яз.) // Нидои ранҷбар. 1992. 21 мая.

12. Сафаров Р. Муҳофизӣ лашкаркаш. (Защитник. Воспоминания участников Великой Отечественной войны). (На тадж. яз.) // Адабиёт ва санъат. 1992. 18 июня.

13. Сафаров Р. Маънии зиндагӣ. (Об участниках Великой Отечественной войны Х. Бобожаеве). (На тадж. яз.) // Адабиёт ва санъат. 1992. 22 окт.

14. Сафаров Р. «Аз хизмати аскарӣ наёмад хабаруш» (Неделя памяти павших в Великой Отечественной войны). (На тадж. яз.) // Чумхурият. 1992. 12 май.

15. Сафаров Р. Союз России с Ираном поставит запад на колени // Вечерний Душанбе. 2008. 28 авг.

16. Ҳамяроқон. (Редакционная статья об участниках Великой Отечественной войны С. Амиршоеве и его однополчанах Вазир Касирове, Мирзо Мавизове и Раҳмон Сафарове). (На тадж. яз.) // Қаротегини советӣ. 1972. 9 май.

С.Г. Белов, А.Ю. Суслов

**Писательская эвакуация в Чистополь и Елабугу
в годы Великой Отечественной войны (1941–1943):
проблемы современного восприятия**

S.G. Belov, A.Yu. Suslov

**Writers' Evacuation in Chistopol and Yelabuga
During the Great Patriotic War (1941–1943):
Problems of Modern Perception**

Аннотация. Рассматривается проблема современного восприятия феномена эвакуации советских писателей в Чистополь и Елабугу в 1941–1943 гг. Особое внимание обращается на современные дискуссии, касающиеся морального выбора и стратегий выживания в годы войны. Анализируется материально-бытовое положение писательской колонии, отношение с местным населением.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; советская культура; тыл; фронт; эвакуация; писатели; Татарская АССР; Чистополь; Елабуга; историческая память.

Татарстан в годы Великой Отечественной войны стал одним из основных мест эвакуации советской писательской интеллигенции, а небольшие провинциальные города Чистополь и в меньшей степени Елабуга (население в 1939 г. 32 и 15 тыс. чел.) – литературными центрами страны. Сюда выехали правление Союза писателей СССР и более 200 его членов вместе с семьями, Литфонд СССР. Для ряда писателей пребывание в Чистополе было недолгим – они устраивали свои семьи и отправлялись на фронт; другие уезжали дальше – как правило, в Среднюю Азию; третьи остались практически на два года, до лета 1943 г.

Феномен писательской эвакуации всегда привлекал внимание как исследователей советской культуры, краеведов, так и литературного сообщества. Стоит выделить вышедший в 1987 г. сбор-

ник «Чистопольские страницы: Стихи, рассказы, повести, дневники, письма, воспоминания» (автор-составитель Г.С. Муханов, сбор материалов Н.С. Харитонов) [1]. С начала 1990-х гг. количество публикаций резко возросло – появился целый ряд документальных сборников, посвященных советской культуре в годы войны [2; 3; 4], свод воспоминаний детей писателей, оказавшихся в эвакуации в интернате Литфонда в Чистополе [5], также ряд специальных исследований – в первую очередь цикл основательных работ Н.А. Громовой, ведущего научного сотрудника Государственного музея российской литературы им. В.И. Даля [6; 7; 8], труды по истории повседневности и эвакуации [9; 10; 11; 12; 20]. Активно исследуются персоналии отдельных литераторов [13; 14; 15].

Тема эвакуации сохраняется и в историко-мемориальном пространстве. В 1990 г. в Чистополе открылся первый в СССР мемориальный музей Б.Л. Пастернака (в 2014 г. вошел в состав Чистопольского государственного историко-архитектурного и литературного музея-заповедника), в 2015 г. там же прошла международная научно-практическая конференция «Первые Пастернаковские чтения», во время которой поэту был открыт памятник. Тогда же, в 2015 г. в Чистополе разработан экскурсионный маршрут «Чистополь литературный». В 2011 г. в Казани в выставочном зале Союза художников Татарстана прошла выставка «Далекий Чистополь на Каме», а в марте 2020 г. в Москве в выставочных залах Государственного музея истории российской литературы им. В.И. Даля (отдел «Дом И.С. Остроухова в Трубниках») усилиями Н.А. Громовой открылась выставка «Ноев ковчег писателей. Эвакуация 1941–1944».

Эта тема в последние годы вызывает достаточно ощутимый и противоречивый резонанс в Татарстане. Наряду с попытками серьезного научного изучения есть тенденция найти в истории Великой Отечественной, в т.ч. в эвакуации, в основном негатив, представить ее исключительно в черном цвете. Это особенно заметно в сети Интернет, где зачастую участники различных обсуждений не утруждают себя приведением аргументов. Вот ха-

рактерные комментарии дискуссии по поводу предстоящего выхода энциклопедии «Чистополь литературный» (2017 г.):

«Из Татарии ушли и те, кто имел бронь. Интересно, что где-то между Москвой и Казанью встретились два эшелона писателей и интеллигенции – кто ехал из Казани и кто ехал в тыл. Последние даже не заморачивались участием в концертах-плясках на фронте и работой военных корреспондентов. Будучи в эвакуации, некоторые из них посмеивались над теми, кто стремился на фронт, над тем же Багрицким, что погиб, будучи совсем мальчишкой. О жизни в Чистополе вспоминают как о “суровых буднях”, ведь самим приходилось без прислуги готовить дрова, например. Фраза “сражаться пером” – это, конечно, неправда, хотя можно образно применять в отношении тех, кто был военным корреспондентом, но не в тылу писал “стихи” фельетонного типа»¹.

Другие комментарии звучат в схожем ключе:

«Многие Татарские писатели погибли на войне»².

«А почему собственно обнародуют только писателей? Если уж публиковать, то всех, кто был эвакуирован в Чистополь, по категориям: члены семьи номенклатуры, домашняя прислуга, прочие граждане, ухватившие бронь, но бесполезные в прифронтовом городе. То есть всех, кто в тяжелое время для страны драпал в восточном направлении. Для иллюстрации того, каким уважением пользовались эти “беженцы” у народа, напомним, что в октябре 1941 московские школьники сбегали с уроков, чтобы достойно “проводить” колонны легковых автомашин с бегущими из Москвы “коммунистами”»³.

Таких примеров довольно много, они часто звучат и устно. У определенного круга людей в современном Татарстане сформировалось твердое убеждение, что в то время как все татарские

¹ Комментарии к статье «В Татарстане издадут энциклопедию о 263 писателях, жизнь и творчество которых связаны с Чистополем» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/363326#comments> (дата обращения: 10.05.2020). Здесь и далее орфография сохранена.

² Там же.

³ Там же.

писатели воевали и гибли на фронте, «московские» отсиживались в эвакуации в тылу. Согласиться с этим довольно трудно.

Эвакуация в Татарию началась летом 1941 г. На 18 августа 1941 г. в ТАССР было размещено 164 757 чел., в т.ч. 21 870 детей. По состоянию на ноябрь 1941 г. в ТАССР было уже размещено 212 142 чел., из них в городе Казани – 100 938 чел., в районах республики – 111 202 чел. [16; 17]. Писатели в Чистополь стали прибывать с конца июля 1941 г. В числе первых прибыли Н. Асеев, М. Исаковский, К. Тренев, К. Паустовский, Л. Чуковская. На последнем в навигацию пароходе 18 октября приехали А.А. Ахматова, Л. Леонов, К. Федин. Б. Пастернак.

Эвакуация в значительной степени изменила характер и направление творческой деятельности советской художественной интеллигенции. Огромный массив информации свидетельствует, что писатели и поэты (помимо основной, собственно литературной активности) включились в деятельность Совинформбюро, проводили публичные лекции, работали на местном радио [18], посещали школы, выезжали на предприятия и в колхозы. Приходилось заниматься и тяжелым физическим трудом. Тяготы тыловой жизни в полной мере коснулись эвакуированных – примеров тому множество. Острая нехватка теплой одежды, скудный рацион, теснота стали обычным явлением.

С другой стороны, писатели были «советской аристократией», т.е. обеспеченными, даже богатыми по советским меркам людьми. Их образ жизни до войны, который они пытались вести и в эвакуации, особенно поначалу, явно диссонировал с бытом большинства простых чистопольцев. Местные жители вспоминали, что эвакуированные носили очки на улице. «В Чистополе до войны они были большой редкостью, и на улице никто в очках не появлялся. Очки с толстыми линзами были у М.В. Исаковского. ... Конечно, его очки привлекали внимание». «Эвакуированные казались нам очень красивыми...: и одевались иначе, и выглядели иначе. Почти у всех были радиюли... Женщины были одеты со вкусом... Отличала их какая-то ухоженность» [11, с. 176–177]. Семья Тренёвых приехала на личном легковом

автомобиле ГАЗ-М, что было огромной редкостью для провинциального Чистополя, сняла несколько комнат. Это породило среди чистопольцев и приезжих слухи о чрезвычайной зажиточности Тренёвых [12, с. 428]. Л. Леонов однажды купил на базаре целый бочонок меда [19, с. 13]. Подобные примеры и заставили Б.Л. Пастернака с горечью отметить в 1942 г.: «Я обольщался насчет товарищей. Мне казалось, будут какие-то перемены, зазвучат иные ноты, более сильные и действительные» [13, с. 627]. Часть писателей действительно считала себя привилегированным классом, не хотела уезжать из Москвы и тяжело реагировала на провинциальный Чистополь.

Стоит отметить, что с комфортом устроилось абсолютное меньшинство эвакуированных – основная масса испытывала те же проблемы, что и местные жители. Случались даже самоубийства на почве голода и неустроенности [12, с. 22–23]. Местное население в целом терпимо относилось к эвакуированным. Однако имелись факты враждебного отношения к беженцам на национально-этнической почве. В первую очередь это касалось эвакуированных евреев, прибалтов и поляков. Конфликты чаще всего являлись следствием материально-бытовых трудностей, низкого уровня культуры людей, отсутствия со стороны местных властей учета интересов различных народностей в национальной политике [17].

В эвакуацию в Чистополь ехали в основном те, кто не подлежал мобилизации по возрасту и здоровью. Многие писатели, члены СП СССР находились на фронте, в т.ч. на передовой, погибли, получили ранения. Часть литераторов и членов их семей, эвакуированных в Чистополь, добровольно ушли на фронт. Среди них Всеволод – сын Э. Багрицкого, который по плохому зрению не подлежал призыву, и еще двенадцать молодых литераторов в декабре 1941 г.

Наконец, необходимо рассмотреть вопрос соотношения татарской и советской литературы в годы войны. Татарская советская литература была относительно «молодой». Дореволюционная татарская литература, считающаяся ее «золотым веком» в силу разных причин сошла со сцены. Многие яркие представители погибли

в годы репрессий 1930-х гг. В силу этого большинство творчески активных татарских писателей были призывного возраста и попали на фронт, в т.ч. добровольцами. Из 53 писателей Татарии в первый же год войны ушли на фронт 25 человек. Всего с войны не вернулся 31 писатель из Татарии [21]. Однако целая плеяда известных татарских литераторов осталась в тылу [22].

В силу этого нельзя противопоставлять чистопольскую писательскую эвакуацию и призыв писателей из ТАССР, как якобы противоположные явления в истории Великой Отечественной. Неверным является представление, что вся татарская писательская интеллигенция ушла на фронт и погибла там. Судьбы русской, татарской и других национальных литератур в годы войны были во многом одинаковы. Вероятно, в процентном соотношении доля татарских литераторов-фронтовиков, в т.ч. погибших, была выше. Но это было обусловлено, как сказано выше, «молодостью» татарской литературы.

Современные дискуссии вокруг писательской эвакуации во многом отражают «вечные» проблемы российской действительности: интеллигенция и народ, моральный выбор, мужество и трусость, личное и общественное, героизм и предательство. Каждое поколение, в т.ч. поколение 1940-х гг., дает свои ответы на эти вопросы. Эвакуированные писатели во время войны попали в уникальную ситуацию и в целом с честью выдержали испытания, оказались достойными гражданами страны и внесли вклад в Победу.

Список литературы

1. Чистопольские страницы: Стихи, рассказы, повести, дневники, письма, воспоминания / [сост., авт. вступ. ст. и примеч. Г.С. Муханов]. Казань: Татар. кн. изд-во, 1987. 351 с.
2. Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б)-ВКП(б), ВЧК-ОГПУ-НКВД о культурной политике. 1917–1953 / под ред. А.Н. Яковлева. М.: МФД, 1999. 872 с.
3. Музы в шинелях: советская интеллигенция в годы Великой Отечественной войны: документы, тексты, воспоминания. М.: РОССПЭН, 2006. 400 с.

4. «Мы предчувствовали полыханье...» Союз советских писателей СССР в годы Великой Отечественной войны. Июнь 1941 – сентябрь 1945 г.: док-ты и коммент. М.: РОССПЭН, 2015. Т. 2. Кн. 1: 22 июня 1941–1943 г. 893 с.; Кн. 2: 1944 – 2 сентября 1945 г. 767 с.
5. Странники войны. Воспоминания детей писателей. 1941–1944 / авт.-сост. Н. Громова. М.: Астрель, 2012. 445 с.
6. Громова Н.А. «Дальний Чистополь на Каме...»: писательская колония: Москва-Чистополь-Елабуга-Москва. М.; Елабуга: Дом-музей Марины Цветаевой, 2005. 234 с.
7. Громова Н.А. Ноев ковчег писателей. Эвакуация 1941–1945. Чистополь. Елабуга. Ташкент. Алма-Ата. М.: Corpus, 2019. 650 с.
8. Громова Н.А. Эвакуация идет... 1941–1944: Писательская колония. Чистополь. Елабуга. Ташкент. Алма-Ата. М.: Совпадение, 2008. 411с.
9. Антипина В.А. Повседневная жизнь советских писателей. 1930–1950-е годы. М.: Молодая гвардия, 2005. 407 с.
10. Ворожейкина Е.В. Российская художественная интеллигенция в эвакуации в годы Великой Отечественной войны: 1941–1943 гг.: автореф. ... дис. канд. ист. наук. Кострома, 2004. 26 с.
11. Чистополь и чистопольцы. Из прошлого и настоящего. Казань: По городам и весям, 2004. 462 с.
12. Чистополь литературный. Энциклопедия / авт.-сост.: Н.М. Валеев, Р.Ш. Сарчин. Казань: Изд-во «Заман», 2017. 560 с.
13. Быков Д.Л. Борис Пастернак. М.: Молодая гвардия, 2008. 893 с.
14. Кастарнова А.С. Мария Петровых в Чистополе // Вестник РГГУ. Сер.: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2010. № 11 (54). С. 166–178.
15. Курбатова Т.М. Значение пребывания Бориса Пастернака в Чистополе для города и поэта // Провинциальные страницы жизни: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Казань, 2015. С.62–65.
16. Кабирова А.Ш. Эвакуация гражданского населения в Татарскую АССР в годы Великой Отечественной войны // Вестник Оренбургского гос. пед. ун-та. 2016. № 2 (18). С. 132–141.

17. Федотов В.В. Эвакуированное население в Татарской АССР в 1941–1948 годах // Научный диалог. 2018. № 6. С. 186–197.
18. Кабирова А.Ш. «А вы в эвакуации читали информации...» (О деятельности эвакуированных советских писателей на чистопольском радио в годы Великой Отечественной войны) // Родина. 2011. № 8. С. 147–148.
19. Первые Пастернаковские чтения в Чистополе: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. Казань: Казанская недвижимость, 2016. 260 с.
20. Винокурова И. «Всего лишь гений...» Судьба Николая Глазкова. М.: Время, 2006. 464 с.
21. Гиниятуллина А.К. Писатели Советского Татарстана: биобиблиографический справочник. Казань: Таткнигоиздат, 1970. 511 с.
22. Татарская энциклопедия: в 6 т. Казань: Институт Татарской энциклопедии, 2002–2014.

УДК 94(481).082(047)

А.А. Богданова

**Эпистолярные источники
в формировании исторической памяти
о Великой Отечественной войне**

A.A. Bogdanova

**Epistolary Sources
in the Formation of Historical Memory
of the Great Patriotic War**

Аннотация. В статье анализируются эпистолярные источники, отражающие события Великой Отечественной войны в исторической памяти, дается характеристика письму как культурно-историческому феномену, выявляются особенности эпистолярного жанра, в котором отражается личностный опыт восприятия войны, фиксируются эмоциональные переживания, раскрывается картина военной повседневности.

Ключевые слова: эпистолярные источники; письма; Великая Отечественная война; историческая память; военная повседневность; Победа; символы.

В нашей стране знают и помнят события Великой Отечественной войны, т.к. сохранились крепкие традиции воздания почести всем ветеранам и погибшим участникам войны, созданы мемориалы памяти и музеи воинской славы, многие читают о ней книги и смотрят фильмы. Более того, можно утверждать, что в условиях современного идеологического и геополитического противостояния, неоднозначной оценки всего советского периода российской истории победа в Великой Отечественной войне стала фактически единственной позитивной опорной точкой национального самосознания нынешнего российского общества.

Исследователями в области военно-исторической антропологии А.С. Сеньевским и Е.С. Сеньевской [1] выделены механизмы формирования исторической памяти как феномена массового сознания. По их мнению, историческая память делится на кратковременную и долговременную [1, с. 142], при этом кратковременная связана с непосредственными участниками или свидетелями событий. Долговременная же историческая память, во-первых, всегда символична и мифологизирована, и, во-вторых, основным ее содержанием являются исторические символы как опорные точки национального самосознания. С естественным уходом людей – современников исторических событий историческая память меняется, приобретает новые оттенки, становится менее достоверной и более насыщенной «реальностями» дня сегодняшнего. То есть «историческая память со временем еще больше политически и идеологически актуализируется» [2, с. 45], – нельзя не согласиться с исследователем М.В. Соколовой, т.к. на сегодняшний момент память о Великой Отечественной войне представляет собой систему как правдивых и истинных, так и ложных, искаженных знаний, представлений, понятий, образов и т.д.

В связи с этим актуальным является обращение к письмам времен Великой Отечественной войны, в которых сфокусирован непосредственный опыт ее участников. Письма помогают по-

нять дух той эпохи и истоки героических подвигов во имя свободы Родины. В ряде случаев письма уточняют те или иные вопросы истории Великой Отечественной войны.

Письма как массовый источник по истории Великой Отечественной войны не привлекали специального внимания советских историков вплоть до 1960-х гг., когда стали появляться первые публикации на эту тему. Опираясь на широкий круг эпистолярных источников, исследователи проанализировали содержание фронтового письма как массового документа. Вместе с тем, эти работы отмечены печатью господствовавших в советской историографии цензурных ограничений. Критический анализ источника подчас заменялся простым перечислением опубликованных писем с частичным пересказом их содержания.

Важная особенность писем состоит в том, что они отличаются друг от друга и по содержанию, и по форме. Поэтому по мере вовлечения в научный оборот этого вида источников появилась необходимость в их классификации. В исторической науке сложилось несколько классификаций. В своей работе мы анализируем лишь определенные группы: письма с фронта, письма простых граждан солдатам, переписка советских людей с лицами и организациями зарубежных стран [3, с. 59].

На сегодняшний день значительная часть писем опубликована в документальных сборниках [4, с. 23]. Эти сборники включают письма рабочих, крестьян и интеллигенции на фронт, фронтовики – труженикам тыла, советских людей с фашистской каторги [3, с. 28]. Оригиналы писем сохранились в краеведческих музеях, в частных архивах. Как правило, письма сохранились без конвертов, без указания мест написания и адресатов [5, с. 188].

Огромную ценность представляют письма с фронта, запечатлевшие мысли и чувства советских воинов. Они показывают, как мучительно тяжело переживали фронтовики наши поражения в первые месяцы войны, как в солдатских сердцах росла ненависть к фашистским варварам, крепла уверенность в окончательной победе над врагом. В пример можно привести письмо четверых солдат – Москвичева, Исаева, Карпунина и Чепукаева

20 ноября 1941 г., адресованное рабочим совхоза Алексеевский Аркадакского района. Они заверяли своих земляков: «Никакие временные успехи гитлеровских собак не помогут им уйти от расплаты, от гнева народного. Наш отпор врагу крепнет с каждым часом, с каждым днем, а силы противника истощаются. Молниеносная война им не удалась, война будет затяжной и кончится нашей победой» [3, с. 109]. С тяжелыми боями отступала Красная Армия на восток, покидая родные села и города. Солдаты в своих письмах не скрывали тяжести этих боев и горечи поражений. Они писали землякам о тяготах солдатского быта, о гибели товарищей, о зверствах фашистов, и каждое из писем пронизывала воля к победе, стремление любой ценой уничтожить врага. «Родина наша в большой опасности, и поэтому в боях за нее мы не щадим ни сил, ни жизни», – так писал 24 октября 1941 г. своим односельчанам солдат Михаил Лутков [6, с. 107]. Это письмо типично для периода войны. В нем – понимание смертельной угрозы, нависшей над страной, сознание своего патриотического долга.

Письма с фронта были чутким пульсом войны. В них радостной вестью сообщалось о каждом успехе наших войск. В своем письме родным 15 августа 1942 г. солдат Вишников пишет: «Наконец-то мы на своем фронте начали бить и истреблять фашистских гадов. В ночь на 13 августа наши войска перешли в наступление, которое успешно развивается, уже заняты десятки населенных пунктов, пленные и трофеи» [6, с. 105]. С энтузиазмом встречая приказ командования о наступлении, бойцы спешили порадовать тыл известием о новом ударе по врагу.

Фронтовые письма рассказывают о любви, о верности, о тоске по родному очагу. Солдаты оставили дома любимых детей, жен, невест. Любовь грела сердце воина теплом человеческой ласки в самые жестокие минуты войны. Примером может служить письмо Михаила Шипицына своей дочери: «Нина, береги себя, не простудись и не огорчай маму, а уважай ее и всех старших в доме. Теперь в доме у нас живет много народу, так ты

не огорчай никого, не ссорься. Помогай маме и бабушке. До свидания. Нина. Пиши. Папа Михаил Ш. 2 января 1943 г.» [4, с. 52].

Многие бойцы, потерявшие родных и близких, с благодарностью откликались на сердечные и дружеские приветы, которые присылались на фронт вместе с подарками. Так, комсомольцы Московского пищевого комбината им. Микояна переписывались со старшим сержантом Фильшиным. В своем ответном письме сержант Фильшин писал: «Для меня было праздником получить ваше письмо. Мои родители остались в плену у фашистских палачей. Друзей я растерял. Большинство из них, как и я, наверное, сражаются на фронте. Мне никто не писал. И приятно сознавать, что теперь мною кто-то интересуется, следит за моими успехами, радуется им» [6, с. 112]. Такие письма приободряли бойцов. Они показывали, что им еще есть за что сражаться и ради чего жить.

В годы войны получили широкое распространение коллективные письма с фронта. Они были адресованы трудящимся городов, областей заводов, колхозов и совхозов. Часто в коллективных письмах выражается благодарность трудящимся тыла за глубокую заботу о защитниках Родины и их семьях. К примеру, Тульский рабочий полк в период обороны Тулы получил первый миномет, изготовленный оружейниками города. Год спустя солдаты полка написали секретарю Тульского обкома ВКП(б): «Мы решили с этим минометом дойти до Берлина, а затем привезти миномет в Тулу, отметить его хорошую работу и поставить в музей» [3, с. 65].

Особенно широкое распространение получили письма из городов Советского Союза и зарубежных стран труженикам тыла. Летом 1942 г. в Ленинград пришли письма от женщин трех шотландских городов – Котбридж, Эйрдри и Уирсайд. Работницы промышленных предприятий, домашние хозяйки, женщины – ученые, деятельницы религиозных обществ выражали искреннее восхищение самоотверженностью и стойкостью советских женщин. В одном из ответных писем говорилось: «Расстояние,

разделяющее нас, не мешает нам чувствовать вашу боевую готовность помочь нам одержать победу над врагом» [7, с. 37].

Письма периода Великой Отечественной войны являются ценнейшим историческим источником, но, к сожалению, довольно редко используются исследователями. Письма военных лет играют огромную роль для изучения жизни советского солдата в условиях фронта. Эпистолярные документы являются очень важным источником информации для исследования Великой Отечественной войны. Именно из писем мы можем почерпнуть сведения о том, как жили бойцы в это непростое время, о чем думали и ради чего сражались. Фронтовики постоянно смотрели смерти в глаза: вокруг погибали друзья, однополчане, каждый из них сам был «на волосок» от смерти. мужество, героизм стали повседневными, будничными. Именно поэтому о своих подвигах писали скромно, как о само собой разумеющемся. Боец, отправляющий весточку домой, и не помышлял о том, что, спустя десятилетия его послание будут читать и изучать посторонние люди. Привлекая письма времен Великой Отечественной войны, есть возможность соприкоснуться с «живой», т.е. непосредственной памятью народа. Данный вид источников позволяет составить представление не только о бытовых моментах, но и моральном и психологическом состоянии солдат, позволяет проследить, как трансформируется это состояние от начала войны к ее завершению. В письмах с фронта прослеживается живая история повседневности того времени, уважительное, доброе отношение к людям.

Список литературы

1. *Сенявский А.С., Сенявская Е.С.* Историческая память о войнах XX века как область идейно-политического и психологического противостояния // Отечественная история. 2007. № 2. С. 139–150.
2. *Соколова М.В.* Что такое историческая память // Преподавание истории в школе. 2008. № 7. С. 37–44.
3. *Дорошина М.М., Дьячков В.Л.* Письма Великой Отечественной. Тамбов: Архивный отдел Тамбовской области, 2005. 631 с.

4. Последние письма с фронта: в 5 т. М.: Воениздат, 1992. Т. 3: 1943 г.: сборник / глав. ред. Г.А. Стефановский. 556 с.
5. Белоглазова Г.Н. Письма с фронта как исторический источник времен Великой Отечественной войны // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 2(39). С. 188–190.
6. Жучков Б.И., Кондратьев В.А. Письма советских людей периода Великой Отечественной войны как исторический источник // История СССР. 1961. № 2. С. 103–114.
7. «Я пока жив...» (Фронтовые письма 1941–1945 гг.) / сост. М.Ю. Гусев. Н. Новгород: Ком. по делам арх. Нижегородской обл.: Центральный арх. Нижегородской обл., 2010. 299 с.

УДК 82.091

Е.Л. Сузрюкова

**Тема Великой Отечественной войны
в романе П. Дедова «Светозары»**

E.L. Suzryukova

**The Topic of the Great Patriotic War
in the P. Dedov's Novel "The Heat Lightnings"**

Аннотация. В статье анализируется тема Великой Отечественной войны на материале романа-трилогии сибирского писателя Петра Павловича Дедова «Светозары». Подробно рассматривается первая часть трилогии, поскольку именно там действие происходит в военные годы. Автор изображает жизнь в тылу, трудности военного времени, которые легли на плечи женщин, детей и стариков. Лирическое начало в прозе П. Дедова смягчает трагическую военную тему, связанную с голодом, бедностью, необходимостью много и напряженно работать. В романе появляется и дезертир, который не погибает на полях сражения, а позорно умирает, опустошив чужой погреб. Патриотизм героев трилогии, глубокая любовь к малой и великой Родине являются той нравственной и духовной основой, без которой победа в войне, по мнению П. Дедова, была бы невозможна.

Ключевые слова: П. Дедов; роман «Светозары»; Великая Отечественная война; трилогия; военное детство; голод; деревня; дезертир; патриотизм; Великая Победа.

Петр Павлович Дедов родился в селе Ново-Ключи Купинского района Новосибирской области 5 февраля 1933 г. Он окончил филологический факультет Новосибирского педагогического института, затем учился в Москве, вернулся и работал в периодических изданиях Новосибирска («Советская Сибирь», «Молодость Сибири», «Водный транспорт»). Первые публикации его произведений появились в Новосибирске. Он победитель конкурса Союза писателей СССР за лучшие произведения о крестьянстве, лауреат премии им. Н.Г. Гарина-Михайловского, лауреат конкурса «Лица 2008 года» – «50 самых профессиональных людей года» в номинации «Писатель года»¹. Петр Павлович скончался 17 июля 2013 г. Бюст писателя установлен на его малой родине. Библиотека села Ново-Ключи носит его имя. А на новосибирском доме, где жил лауреат премии М.А. Шолохова за крупный вклад в развитие русской литературы Петр Павлович Дедов, его родными установлена мемориальная доска. С 2014 г. в Новосибирской области проводится литературно-художественный конкурс имени П.П. Дедова. Инициаторами конкурса выступили Министерство культуры Новосибирской области, Новосибирская государственная областная научная библиотека, Новосибирская городская общественная писательская организация Союза писателей России и Новосибирское библиотечное общество².

В своей автобиографической трилогии «Светозары» П. Дедов изображает то, что переживает его главный герой – Сергей Прокосов, через видение которого писатель передает особенности времени. Это произведение Е. Мартышев называет «правдивейшим документом эпохи. Роман-трилогия был издан в Москве сотысячным тиражом, но разошелся мгновенно и после переиздавался еще пять раз в Москве и в Сибири, но все равно не «дошел» до всех желающих»³. Сам автор, как пишет

¹ Дедов Петр Павлович [Электронный ресурс]. URL: <http://infomania.ru/map/?p=1255> (дата обращения: 20.05.2020).

² Золотова Г.В. Дедов Петр Павлович [Электронный ресурс]. URL: <http://kraeved.ngonb.ru/node/8874> (дата обращения: 20.05.2020).

³ Мартышев Е. На стремнине [Электронный ресурс]. URL: <http://kraeved.ngonb.ru/node/8874> (дата обращения: 20.05.2020).

В. Сапожников, «в своем военном детстве <...> возил на быках снопы, работал погонышем на колхозной лобогрейке, бегал ночью с фонарем перед «слепым» трактором, пашущим зябь, ел лепешки с лебедой и полынью, видел, как женщины прятались от почтальонки в подпол, – не несет ли она очередную похоронку...»¹ [2, с. 287]. То же самое приходится делать и Сергею. Однако, как это свойственно ребенку, он и в трудных жизненных ситуациях видит светлую сторону происходящего: «Да, были и у нас счастливые мгновения. Правду сказал кто-то из поэтов, моих сверстников, о военном детстве: «Ели лебеду, крапиву ели, а оно осталось голубым!» [3, с. 106].

О начале войны Сергей узнает в конце третьей главы первой книги трилогии. Радость от того, что его впервые взяли на сенокос, на следующее утро исчезает. Нарушился привычный ритм жизни людей: «Проснулся поздно. Солнце было уже высоко, и я удивился, что дедушка не разбудил меня на работу. А когда огляделся, то понял, что не работал никто. Мужики толпились вокруг бригадира Сереги Киндякова, который, видать, только что приехал из деревни, весь был заляпан грязью. Бабы стояли в сторонке, в горестных позах скрестив на груди руки и подперев ладонями подбородки. Бой-баба Мокрына Коптева тихо плакала и сморкалась в уголок платка.

Дедушка сидел за балаганом и тюкал перевернутым молотком по лезвию косы. Я подошел к нему. Он не взглянул на меня, красная его борода, всегда расчесанная и ухоженная, была всклокочена, в ней запутался засохший цветок ромашки. И еще я

¹ Последней теме – получение похоронки – посвящен рассказ Г. Клепикова «Третья»: «немного радости приносила военная почта, мало было добрых вестей в солдатских треугольниках. Хорошо, если «жив-здоров, воюю помаленьку, гоним немца...» А чаще такие получали: «Пишу с госпиталя. Царапнуло малость. Руки-ноги целы. Доктор говорит, в рубашке родился...» Опустится баба на лавку, ребятишки по углам забудутся, да так и сидят. <...> Но были письма и пострашнее – те самые казенные бумаги, которые похоронками прозывались. Похоронные извещения я словно через конверт видел, как получу такой конверт – меня потряхивать начинает» [1, с. 11].

заметил, дедушка тюкал косу по одному и тому же месту. Наконец он тихо сказал, не поднимая головы:

– Война началась, Серега...» [3, с. 59].

Здесь представлена лишь констатация увиденного персонажем, заданная через эмоцию удивления. Однако и дедушка, и бабы, о которых рассказывает повествователь – еще ребенок воспринимают печальное известие о войне со скорбью. Так открывается военная тема в произведении. Поля сражений здесь не показаны. Изображена только жизнь тыла. Но тяготы и последствия войны во всей полноте отразились на судьбах персонажей трилогии: и тех, кто вернулся с войны, и тех, кто все это время трудился в колхозе.

Военная тема постепенно нарастает в произведении. Рассказчик отмечает вначале: «Всех здоровых мужиков забрали на фронт. Но почему-то все верили – ненадолго. Были ведь недавно войны – финская, на Хасане, – там быстро управились наши орлы и вернулись с победой. Пока никто не голодал и ни в чем не нуждался – всего было впрок запасено на долгую зиму» [3, с. 62]. Но потом война начинает ранить и тех, кто остался, не уехал на фронт: «Где-то в неведомой дали, за тыщи верст, была война, и сюда, в нашу глухую сибирскую деревеньку, стали долетать ее страшные осколки в виде казенных бумажек-«похоронок». Осколки эти ранили прямо в сердце...» [3, с. 63]. И хотя отец рассказчика погиб до начала войны и воюющих старших братьев у него нет, он страдает тем, чьи близкие уже никогда не вернутся домой.

Вместо учебы в школе Сергей едет с дедом на зимовье, где дед заменяет ушедшего на войну Ахмеда. Здесь появляется дезертир – «сват Петро». С этим персонажем связан в тексте мотив метаморфозы: он предстает перед рассказчиком сначала как «маленькая толстая баба, закутанная по самые глаза в белый от инея платок» [3, с. 70]. Затем Петро оказывается мужиком с лысой головой и «рыжими поросычьими ресницами» [3, с. 71]. Наконец, когда Петро неожиданно исчезает из избушки, где жили дед с Сергеем, рассказчик называет его «волком» [3, с. 77], потому что

он украл и зарезал барашка, прирученного еще Ахмедом. Интересно, что с «волками» сравниваются в романе фашисты, которые, по словам школьной учительницы Анны Константиновны, «как волки, не могут жить без крови» [3, с. 64]. Петро же, побоявшись идти на войну, не препятствуя врагу и не помогая, а даже нанося ущерб своим, оказывается в одном ряду с фашистами. Он погибает во время третьей военной осени в погребке «прижимистого старика Петренко», попирав на славу и уничтожив все, что не смог съесть или выпить: «расколотил кринки со сметаной и банки с вареньем, остатки сала и рыбы затоптал в глинистый пол погреба. / Но уйти не смог – околел...» [3, с. 108]. Последнее слово в приведенном фрагменте помещает свата Петра в один ряд с животными. Он боялся смерти и оттого скрывался, но все же умер, и не как герой – защитник отечества, – а позорно, как бессловесное животное.

Война дает о себе знать также и тем, что в магазинах уже не продают спичек, и люди вынуждены сберегать тепло, не гасить очаг до конца. Необходимых для жизни продуктов становится все меньше: «Зиму пробились с горем пополам – на картошке да отрубях, уже и лебеду, и молотое березовое корье в хлебушко подмешивали» [3, с. 82]. Семье Прокосовых пришлось пережить и голод: «<...> перед весною, когда вышли все припасы и голод навалился на нашу семью всей своею чугунной тяжестью, слегла в постель мама, мы, ребятишки, начали пухнуть – водянисто вздулись и стали сизыми наши лица, больно было глядеть на свет и все время клонило ко сну <...>» [3, с. 83]. Из сложившейся ситуации спасает семейство бабушка Федора, которая «из ничего, казалось, – из обметков по сусекам, из сухих листьев от березовых веников, из картофельной ботвы и сорной травы-лебеды – умела она сварить бурду-похлебку, не для сытости, но лишь бы голодного червячка заморить» [3, с. 83]. Спасает, правда, бабушка тем, что просит подавание, и ей дают «кусочки хлеба, картофельные оладьи, черные сухари» [3, с. 83]. Именно ее оптимизм и надежда на лучшее становятся поддержкой для семьи.

Сам Сергей, которому приходится пасти быков, тоже находит утешение для себя: это и общение со сверстниками, и сидение у ночного костра, и молодая печеная картошка, и «блаженные минуты чаепития» [3, с. 106]. Лирические ноты в тексте связаны с воспоминаниями уже взрослого повествователя о детстве. Лиризм смягчает трагическое звучание трудных военных лет. Да и женщины, вынужденные взять на себя мужскую работу, в это время способны петь и плясать, придавая своим тяготам юмористическую окраску. Так, сеяльщицы – тетка Мотря и Дунька Рябова – поют, даже «приударив гопака» при этом. Матрена начинает:

Пошла плясать,–
Дома нечего кусать:
Сухари да корки,
На ногах – опорки!

Дунька подхватывает:

Вот и грянула
Война,
И осталась я одна,–
Сама – лошадь, сама – бык.
Сама – баба и мужик... [3, с. 119]

Потому неслучайно называет Н. Яновский произведения П. Дедова «поэтической прозой» [4, с. 6]. Однако в повествовании автора «Светозаров» есть и трагическая тема. Прежде всего, она связана с образом Саши Гайдабура, который вернулся с фронта без ног. Как пишет Н. Яновский, «вся история его краткой жизни и любви к Тамарке Ивановой, любви трогательной и трагичной, прочерчена как бы пунктиром между другими впечатляющими делами послевоенной деревни, по горло хлебнувшей горя от всякого начальства – от недалеких председателей, от казенных уполномоченных, от разных бригадиров» [4, с. 6].

Перед Великой Победой весна принесла с собой голод из-за морозов: «Что уж говорить о скотине, когда мерли с голоду люди. У наших многодетных соседей Гайдабуров отошла десятилетняя девочка Нюрка, мать ее, тетка Матрена, уже давненько грозилась порешить себя и всю свою семью, чтобы не видеть,

как мучаются, как страдают, умирая голодной смертью, дети, но не решалась, тянула из последнего. А вот в недалеком селе Липокурово мать тоже многодетного семейства, доведенная до безумной крайности голодом и тяжелой нищетой, говорят, уморила всю свою семью угаром: жарко натопила печку и закрыла на ночь трубу. Утром никто из двенадцати человек не проснулся.../ И, главное, происходило все когда?! В самый канун – вот она уже, Победа! Уже наши войска освобождают Европу, приближаются к логову фашистского зверя! Еще, еще одно мгновение – все на пределе, все на грани жизни и смерти: струною натянуты нервы, грозно черны и страшны ледяные апрельские ночи...» [3, с. 135–136]. Благоприятные изменения в природе начинаются в пасхальное время: «И вдруг – сломалось, прорвало, понесло! Как раз в ночь на Пасху с юга, из казахстанских степей, пришел широкий и влажный ветер, загудел в избяных трубах, надавил, прогибая стекла, на окна, а к утру ударила сильная ростепель, пошел моросистый дождик – и сразу в виду стали оголяться степные гривы, в оврагах и буераках забурлила желтая глинистая вода.

– Слава те, Господи! – выползая на волю, крестились старухи. – Услышал наши молитвы, отвел от нас лютую смертеньку...» [3, с. 136]. Победа в войне в произведении семантически связана с темами воскресения Господня и пробуждения природы, общий смысл которых сопряжен с семантикой жизни, победой над смертью.

Однако трудности для жителей деревни и после войны не заканчиваются. Повествователь говорит: «Как бы то ни было, а в войну и послевоенное лихолетье помог нам выжить труд. <...> / Работа, возвращенный трудовым потом кусок черного хлеба сохранили (хотя и не всем) наши жизни. Но если была бы только одна работа, то она вряд ли спасла бы наши души. А мы ведь – говорю от поколения детей военных лет, – большинство из нас, не только остались живы, но не ожесточились сердцем, сохранили человеческое достоинство, сострадание, милосердие к ближним и дальним, а главное – не разлюбили родину, не разуверились в своем народе. Наоборот! Да, всегда были и остаются

колебания в выборе пути (что, наверное, свойственно любому народу), сомнения в тех самых «сияющих вершинах», которые год от года становятся не ближе, а к сожалению (или к счастью?), все дальше... Но всегда в трудный час согревала сердце святая вера в свой народ, потому что – не побоюсь этого слова – посчастливилось увидеть его и познать в пору смертельной опасности, и мы, дети войны, с малых лет постигали широту духа, бескорыстие, великое терпение и трудолюбие русского крестьянина, его всегдашнюю готовность отстоять волю вольную. / Да, если были бы живы только хлебом единым, то жить, может, и остались бы, да не сохранили душу живу...» [3, с. 161–162]. В приведенном фрагменте возникает евангельская цитата, отсылающая к представлению о том, что материальные ценности все же вторичны по отношению к духовным. Любовь к родине, своему народу, милосердие, бескорыстие, трудолюбие – важнейшие для автора ценности. Они помогли и выжить, и выстоять, и одержать победу в трудные годы для страны, и продолжить жизнь дальше, после многих потерь.

И хотя только первая часть трилогии охватывает годы войны, все дальнейшие события в повествовании неразрывно связаны с этим временем, задаются им. «Своеобразной энциклопедией сельской жизни тех десятилетий, которые оглушила своим грохотом война» [2, с. 286], назвал роман «Светозары» В. Сапожников.

Список литературы

1. Клепиков Г. Рассказы / Молодая гвардия. М., 2012. № 9. С. 10–31.
2. Сапожников В. Размышления над прозой Петра Дедова / П.П. Дедов. Страда. Новосибирск: Западно-Сибирское книжное изд-во, 1983. С. 283–287.
3. Дедов П.П. Светозары. Трилогия. Новосибирск: Новосибирское книжное изд-во, 1990. 528 с.
4. Яновский Н. Трилогия Петра Дедова «Светозары» / П.П. Дедов Светозары. Трилогия. Новосибирск: Новосибирское книжное изд-во, 1990. С. 3–8.

**Мемориальное пространство как опредмеченный
источник памяти о Великой Отечественной войне
(Республика Северная Осетия – Алания)**

Е.А. Dzadzieva

**Memorial Space as an Subjectified Source of Memory of the
Great Patriotic War (Republic of North Ossetia – Alania)**

Аннотация. В статье в качестве одной из форм воплощения военного прошлого в настоящем рассматривается Северо-Осетинское республиканское мемориальное пространство Великой Отечественной войны. Данный феномен анализируется как один из факторов, транслирующих опредмеченную в мемориалах историческую память, способных обеспечить связь времен и преемственность поколений. В зависимости от инициаторов мемориализации коротко рассматриваются и возможные варианты интерпретации памяти о военном прошлом. В работе использованы отдельные положения информационно-семиотической концепции культуры (Э. Кассирер, Ю.М. Лотман, А.С. Кармин). Теоретическую основу интерпретации феномена памяти в зависимости от акторов мемориализации составляют работы отечественных и зарубежных исследователей (Ю.А. Левада, М. Хальбвакс, П. Нора).

Ключевые слова: мемориальное пространство; Братские могилы; памятники-хронотопы; историческая память; формы памяти.

Анализируемое в контексте информационно-семиотической концепции культуры мемориальное пространство Великой Отечественной войны представляет собой пространственно-временной конструкт, совокупность конвенциональных (условных) знаков, в которых закодирована социально значимая информация, содержание и смысл, заложенные в них человеком. Будучи носителями смыслов, «безмолвные» лишь на первый взгляд, мемориальные объекты представляют собой историко-культурные «тексты» и как «текст» доступны прочтению [1, с. 38, 66]. Прошлое ведет с нами диалог через условные знаки, прочитав которые

значит не просто увидеть, воспринять визуально, но и понять, осмыслить и прочувствовать.

Попытаемся коротко рассмотреть какую память как историко-культурный текст хранит современное Северо-Осетинское республиканское мемориальное пространство Великой Отечественной войны, проследить особенности его знакового и содержательного многообразия и возможные варианты прочтения.

Республиканское мемориальное пространство Великой Отечественной войны в настоящее время насчитывает более 500 памятных объектов, а формирование его представляет собой длительный непрекращающийся и сегодня процесс.

Систематизированные по хронологии памятники Великой Отечественной войны можно датировать тремя этапами:

1 этап: 1945 г. – конец 1960-х гг.

2 этап: 1970-е – конец 1990-х гг.

3 этап: 1990-е – по настоящее время.

Самые первые мемориальные объекты Великой Отечественной войны в республике – это установленные местными жителями методом народной стройки сразу же после освобождения оккупированных районов памятные знаки – обозначения воинских захоронений, погребений жертв оккупации и останков экипажей сбитых отечественных самолетов. Это простейшие металлические или кирпичные конструкции, представление о которых можно составить по сохранившимся единичным фотографическим источникам или по свидетельствам местных жителей.

Для первых послевоенных десятилетий наиболее характерными являются мемориальные объекты двух разновидностей: обелиски и скульптурные композиции, как правило, одно- или двухфигурные. Их отличительной особенностью являются подчеркнута упрощенные формы и следование определенному стандарту. Существуют даже абсолютно тождественные скульптурные композиции, выполненные из бетона по единому шаблону.

Мемориальное пространство Великой Отечественной войны в 1970–1980-е гг. в республике характеризуется некоторым отступлением от предыдущих официальных художественных

образцов и разнообразием художественных решений мемориальных объектов. Для 1970–1980-х гг. прошлого века характерны, с одной стороны, установка не вполне традиционных для монументальной скульптуры мемориальных объектов: артиллерийских орудий и тяжелой боевой техники, а, с другой, – появление целого ряда высокохудожественных авторских работ. Отличительной особенностью мемориального пространства данного периода является и постепенно приобретаемый этнический колорит.

Особенностью современного этапа развития республиканского мемориального пространства Великой Отечественной войны наряду с работами по ремонту, реконструкции, а, в ряде случаев, и замене физически и морально устаревших мемориальных объектов является формирование мемориальных комплексов и памятных аллей.

Систематизированное по типовой принадлежности современное мемориальное пространство Великой Отечественной войны в республике включает Братские могилы¹; сохранившиеся объекты дислокации воинских подразделений; памятники-хронотопы, установленные на местах боевых действий и памятных событий военного времени; памятники коллективные и персональные (в т.ч. памятники-кенотафы), посвященные воинам-землякам, оставшимся на полях сражений войны.

Памятными знаками военного времени непреходящего значения являются Братские могилы. За четыре с небольшим месяца тяжелых оборонительно-наступательных боев навсегда в осетинской земле остались около 30 тыс. воинов. В небольшой республике протяженностью 125 на 120 км (соответственно с севера на юг и с востока на запад) увенчанные обелисками лежат сто четыре Братские могилы. Десять из них находятся в г. Владикавказе и девяносто четыре на территории 8 административных районов республики (от четырнадцати до восьми в каждом).

Численность покоящихся в Братских могилах воинов – не только свидетельство служения Отечеству и верности

¹ Термин «Братская могила» в предлагаемой статье определяется как имя собственное в знак уважения к покоящимся воинам.

воинскому долгу, но и невосполнимых потерь и неоплатной цены за Победу; а интернациональный перечень фамилий на мемориальных досках обелисков – самый достоверный исторический источник, свидетельствующий о том, что единство народов страны есть решающий фактор Победы.

Несмотря на активную работу поисковых отрядов, имена многих воинов, покоящихся в Братских могилах, и сегодня продолжают оставаться неустановленными. Пожалуй, можно не согласиться с существующим отдельным мнением, что указания воинских званий на мемориальных досках обелисков есть свидетельство дифференцированной оценки опыта военнослужащих различного ранга. Скорее всего, это результат кропотливой и добросовестной работы поисковых отрядов.

Присутствие военного прошлого в настоящем аккумулируют сохраняющиеся объекты размещения военных учреждений и дислокации воинских подразделений (общearмейских, военновоздушных, военно-медицинских), которые как бы выдвинуты из прошлого в настоящее и сохраняют следы военного времени. К сожалению, на фасадах лишь немногих из них существуют соответствующие указатели.

Военную хронику условно репрезентирует и ряд памятных объектов-хронотопов. К памятникам-хронотопам отнесены мемориальные объекты, отличительной особенностью которых (по определению) является их однозначное соответствие памятному месту, его знаковое обозначение. Мемориальные объекты-хронотопы могут отличаться как по типовой принадлежности, так и по своим масштабам. В качестве примеров приведем лишь некоторые из них. К крупномасштабным мемориальным объектам-хронотопам в республике относятся сформировавшиеся на местах тяжелых боев мемориалы в районе Эльхотовских «ворот», где осенью 1942 г. было остановлено наступление противника; «Барбашёво поле», названное в честь П. Барбашёва, Героя Советского Союза (посмертно), закрывшего собой амбразуру вражеского дзота в районе н.п. Гизель на ближних подступах к г. Владикавказу; и мемориал в с. Майрамадаг, посвященный морским пехотин-

цам, курсантам Бакинского военно-морского училища, защищавшим выходы к Военно-Грузинской дороге через Суарское ущелье. Мемориал в с. Майрамадаг включает более 140 памятных объектов, в т.ч. четыре Братские могилы, более ста персональных захоронений, музеев и парк именных деревьев, посвященных морским пехотинцам – защитникам Суарского ущелья.

Существуют в республике и точечные объекты-хронотопы. Такие например, как камень-указатель на рубеже обороны г. Владикавказа, откуда в ноябре 1942 г. начались наступательные бои наших войск по освобождению Северного Кавказа; памятный знак на окраине г. Ардон, где, задержав наступление противника, 31 октября 1942 г. в тяжелом бою погиб личный состав 36-го дивизиона бронепоездов. Текстовая мемориальная плита на южной окраине Владикавказа фиксирует место, где 13 августа 1942 г. состоялся антифашистский митинг представителей народов Северного Кавказа. Здесь они принесли клятву отстоять Кавказ от врага и с честью сдержали ее.

В годы войны на фронт был мобилизован каждый четвертый житель республики. Более половины из них остались на полях сражений. Более 60 семей в республике потеряли четырех и более сыновей. Общее число потерь, включая гражданское население, в республике численностью на тот период не многим более 400 тыс. составило 49 336 человек [2, с. 93].

Сегодня в Северной Осетии нет ни одного населенного пункта, где не существует памятного объекта, посвященного его уроженцам, не вернувшимся с войны. Даже в высокогорных селах, где в настоящее время население отсутствует, установленные первоначально памятники сохраняются и поддерживаются потомками воинов, не вернувшихся с войны, или волонтерами. Чаще всего это коллективные памятники-кенотафы. Сегодня актуальна установка и персональных памятников-кенотафов по инициативе потомков воинов, оставшихся на полях сражений. Подобные мемориальные объекты появляются в различных населенных пунктах республики, а иногда и на обочинах шоссе,

опредмечивая не только личностную семейную память, но и воздавая должное всем воинам, покоящимся на дорогах войны.

Отличительной особенностью мемориальных объектов, посвященных памяти земляков, является стремление подчеркнуть их этнический колорит. Он может выражаться в отдельных деталях монументальной скульптуры, мужском и женском национальных костюмах, непосредственно в сюжете мемориальной композиции. Национальная специфика может быть выражена и через удачно найденное единство мемориального объекта и горного ландшафта.

Ряд памятных объектов республиканского мемориального пространства можно отнести к подлинным произведениям монументального искусства. Такие, например, объекты как памятник семи братьям Газдановым (ск. С. Санакоев), памятник выходцам из Куртатинского ущелья, не вернувшимся с войны (ск. Д. Цораев), мемориальный комплекс в пос. Мизур, посвященный воинам-землякам (ск. М. Дзбоев), признаны значимыми мемориальными объектами войны в истории монументального искусства.

Выше кратко были рассмотрены отличительные особенности республиканского мемориального пространства, во-первых, в зависимости от времени установки памятных объектов, т.е. по хронологии, и, во-вторых, по их типовой принадлежности. Анализ мемориального пространства войны позволяет выделить еще один – третий вариант различий опредмеченной памяти о войне в зависимости от инициализаторов мемориализации. В зависимости от акторов республиканское мемориальное пространство формируют два класса памятных объектов: возведение одних было инициировано республиканскими властными структурами и администрациями местного самоуправления; а инициатива возведения других принадлежит непосредственно потомкам воинов, оставшихся на полях сражений.

В современных исследованиях различаются государственный и лично ориентированный подходы к феномену памяти о военном прошлом. В государственно ориентированном подходе

память о войне понимается как политический феномен, инструмент строительства нации, в лично ориентированном – как результат личной утраты. Существует и объединительный подход, при котором репрезентацию памяти одновременно определяют и политика государства и чувства отдельных людей и социальных групп [3, с. 263].

К числу мемориальных объектов войны, инициированных республиканскими властными структурами, прежде всего, следует отнести такие крупномасштабные комплексы, как мемориал в г. Владикавказе в районе Красногвардейского парка, «Мемориал Славы», сооруженный в ознаменование 60-летия Победы также в г. Владикавказе и Триумфальную колонну, установленную на западной окраине города в ознаменование присвоения Владикавказу звания «Город воинской славы». Мемориальные комплексы подобного типа отличает монументальность и величественность.

Более скромно, по сравнению с ними, но при этом не утрачивая своей значимости, выглядят мемориальные объекты, репрезентирующие личностную форму памяти. К их числу относятся сохраняющиеся послевоенные памятники, которые были установлены по инициативе жителей того или иного населенного пункта в память о воинах, павших на данном рубеже, или односельчан, не вернувшихся с войны. Воздвигались эти памятные объекты, как правило, на личные сбережения жителей села и методом народной стройки. Сегодня, спустя 75 лет после окончания войны, происходит возрождение послевоенной традиции мемориализации как результата личной утраты. Памятники подобного типа инициированы потомками воинов, не вернувшихся с войны. Встретить такие мемориальные объекты (как правило, персоналии-кенотафы) сегодня можно не только на улицах населенных пунктов, но и в горах, и на серпантинах дорог.

Результатом невосполнимой личной утраты является и сформировавшийся в настоящее время на окраине с. Чикола мемориальный комплекс у двух Братских могил. Установленные на бордюрах Братских могил и прилегающих к ним участках

многочисленные памятные знаки с фотографиями и текстами-посвящениями, подобными надписи «Мы нашли тебя, дед», являясь проявлениями благодарной памяти, формируют совершенно особое личностно окрашенное мемориальное пространство.

Репрезентируя одновременно государственно и личностно ориентированные формы памяти, республиканское мемориальное пространство Великой Отечественной войны, скорее всего, представляет собой комплексную модель.

В заключение отметим, что мемориальное пространство вообще и Великой Отечественной войны в частности – сложный социальный феномен, который находится в постоянном взаимодействии с обществом. Не только люди создают памятники, вкладывая в них определенное содержание, но и памятники, оказывая влияние на мировоззрение людей, формируют человека как личность. Установка памятного объекта как свидетельства значимых исторических событий – не только взгляд, обращенный в прошлое. Находясь в постоянном диалоге с обществом, памятники обладают способностью и активного влияния на него. Мемориальные объекты оказывают воздействие на общественное сознание уже самим фактом наличия в историко-культурной среде, не говоря уже о целенаправленном использовании их функциональных возможностей. Как носители социально-значимой информации, отсылая человека к определенным историческим событиям, они выполняют роль специфического коммуникатора, посредника, осуществляющего акт передачи этой информации, тем самым способствуя преемственности поколений. Причем эффективность процесса передачи и осмысления информации многократно усиливается благодаря суггестивным возможностям мемориальных объектов.

Обладая значительным информативно-содержательным потенциалом и исключительными средствами выразительности мемориальное пространство может служить одним из источников не только знания о Великой Отечественной войне, но и формирования исторической памяти, уважения к истории Отече-

ства, бережного отношения к его историко-культурному наследию и, в конечном счете, национального самосознания.

Список литературы

1. Кармин А.С. Основы культурологии. Морфология культуры. СПб.: Лань, 1997. 507 с.
2. Осетия. Историко-этнографический справочник / сост. В.А. Торчинов, М.Ш. Кисиев. СПб.; Владикавказ: [б.и.], 1998. 517 с.
3. Данилова Н. Мемориальная версия Афганской войны // Память о войне 60 лет спустя. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 262–282.

УДК 94(47).084.8

Ф.Б. Дроздов

«Долина смерти» как пространство памяти

F.B. Drozdov

“Death Valley” as a Memory Space

Аннотация. Статья посвящена такому феномену, как «Долины смерти», которые возникли на местах наиболее кровопролитных боев Великой Отечественной войны. Особое внимание уделяется проблемам формирования и трансформации этого феномена в исторической памяти российского общества, а также причинам, которые порождают подобную трансформацию. Делаются определенные выводы по перспективам развития феномена «Долины смерти» в массовом сознании наших сограждан – и как объединяющего фактора, и как элемента фальсификации истории войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; историческая память; место памяти; пространство памяти; «Долина смерти»; потери Красной армии; коммуникативная память; историческая травма; фальсификация истории; поисковая работа.

Великая Отечественная война стала судьбоносным событием для нашей страны – не только по своим масштабам, числу вовлеченных людей и влиянию на историю государства, но и

по количеству понесенных демографических потерь. По этим причинам она продолжает оставаться в памяти нашего народа. Несмотря на то, что за последние десятилетия уровень знаний в отношении ключевых событий/личностей/дат Великой Отечественной существенно снизился, общество продолжает оценивать ее как наиболее масштабное явление XX столетия [1, с. 312–313; 2, с. 50–51]. Проблема демографических последствий занимает одно из ключевых мест – многие люди не помнят или не знают истинных размеров потерь Советского Союза, но хорошо осознают, что они были чрезвычайно велики. Согласно Ю.Д. Артамоновой, любое «ключевое» (т.е. попросту запомнившееся) событие существует в исторической памяти через малое число «основных» действий [3, с. 29]. Таким образом, по отношению к Великой Отечественной как ключевому событию проблема потерь является одним из «основных» действий.

И, пожалуй, настоящей ее квинтэссенцией в исторической памяти нашего общества стали «Долины смерти» – места массовой гибели советских военнослужащих, особенно в начальный период войны, в 1941–1942 гг. Продолжая логическую цепочку, можно считать демографические последствия «ключевым» событием, а феномен «Долин смерти» – «основным» действием.

В течение длительного времени, вплоть до рубежа 1980–1990-х гг., термин «Долина смерти» не имел широкого хождения и не использовался в официальных документах; в те годы подобное можно было услышать только разве от очевидцев кровопролитных боев из числа местных жителей и от ветеранов войны. Однако во время перестройки, когда стала приподниматься завеса над историей поражений Красной армии в начальный период войны, термин обрел достаточно широкую известность и стал общепотребительным. Первой официально признанной «Долиной смерти» можно считать горловину прорыва 2-й Ударной армии у поселка Мясной Бор в Новгородской области [4].

Со временем, по мере того как количество доступной информации по начальному периоду Великой Отечественной

увеличивалось, количество «Долин» стало расти, почти любое более-менее крупное сражение с 1941 примерно по 1943 г. получало свою «Долину смерти», которая становилась объектом пристального внимания. И здесь мы сталкиваемся с первым феноменом, связанным с «Долинами смерти», – механизмом их появления – как в исторической памяти, так и на географической карте. Дело в том, что не существует единого механизма возникновения данного феномена. В большинстве случаев та или иная точка на карте получала обозначение «Долины...» по объективным причинам. Однако были и случаи, когда это понятие возникало с подачи местных жителей или журналистов, присваивавших подобное название той или иной местности. Известны случаи, когда «Долина...» «мигрировала» в памяти людей – подобное обозначение получала гораздо бо́льшая территория, нежели та, на которой действительно велись ожесточенные бои, или его и вовсе получала иная местность. Также известны случаи, когда места массовой гибели воинов так и не удостоивались какого-либо специального обозначения.

Мы можем привести конкретный пример подобной ситуации. Одним из наиболее знаковых мест на территории Бельского района Тверской области, связанных с историей Великой Отечественной, является болотистая долина р. Вишенка, в просторечии называемая как раз «Долиной смерти». На уровне массового сознания считается, что именно в этом месте советские войска понесли наиболее существенные потери. Между тем ни анализ архивных материалов, ни полевые поисковые работы в этой местности не подтверждают данной версии. В документах 6-го стрелкового корпуса за ноябрь 1942 г. указывается, что «Долиной смерти» бойцы и командиры именуют только одну лощину между деревнями Малеево и Огибалово из-за большого количества трупов советских и вражеских солдат, находящихся там¹. Крупномасштабных захоронений в этой местности к настоящему моменту также не выявлено. Механизм «расползания»

¹ Центральный архив министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 65 гв сп. Оп. 123495. Д. 3. Журнал боевых действий.

термина с небольшого участка на много бо́льшую площадь в настоящий момент не вполне понятен. Причем совсем рядом находятся урочища, которые в полной мере являются «Долинами смерти» – бывшие деревни Цицино, Шипарево, Дубровка и др. В ходе боев за них потери советских войск были поистине катастрофическими, но их подобным термином никто не называет.

Главный вопрос, который нас волнует, касается тех причин, которые заставляют «Долины смерти» возникать и трансформироваться в массовом сознании, особенно если реальных предпосылок к подобному обозначению местности нет. На наш взгляд, появление данного феномена обусловлено целым рядом причин.

Во-первых, во многих случаях оно связано с субъективным желанием людей привлечь внимание (властей и общества) к той или иной местности, извлечь пользу из богатых на события минувших лет.

Во-вторых, важную роль в формировании и трансформации исторической памяти играют не только воспоминания героического торжества, побед, но и память скорби. Великая Отечественная война – это великая травма нашей страны, которая глубоко и широко осмыслена российским обществом. Как показывает опыт, страдания соединяют в не меньшей степени, чем радости [5, с. 12]. Осведомленность о том, что в непосредственной близости от места моего проживания есть подобная «Долина», делает меня сопричастным к грандиозным, хотя и трагическим событиям Великой Отечественной. В таком виде «Долины смерти» могут выступать в качестве объединяющего начала для жителей России.

В-третьих, разрастание «Долин смерти» в массовом сознании за последние десятилетия было, вероятно, связано с процессом, в рамках которого отдельные политические деятели откровенно фальсифицировали историю по принципу «чем хуже, тем лучше», считая, что разрушение исторической памяти является необходимым условием разрушения «тоталитарного режима» и его идеологии. В этом плане феномен «Долин» напрямую связан с проблемой гиперболизации потерь Красной армии [6, с. 8].

Стоит добавить, что по мере отдаления от событий 1941–1945 гг. общий индекс знаний о войне падает, их актуальность для каждого нового поколения снижается, на смену им приходит эмоциональная составляющая. А феномен «Долины смерти» как раз относится к информации, которая достаточно легко принимается «на веру». Мало кто, услышав, что та или иная местность называется «Долиной смерти», станет проверять – насколько эти сведения достоверны. Подобное утверждение идеально ложится в элементарные, но эмоционально окрашенные схемы, с которыми легко согласиться: «людей тогда не жалели», «трусами завалили» и т.д. Между тем только архивные документы и полевые поисковые работы могут опровергнуть или подтвердить, что та или иная местность в годы войны была «Долиной смерти».

При этом непосредственные носители памяти о войне уходят, а т.к. горизонт коммуникативной памяти не превышает срока жизни трех поколений, то от воплощения памяти в тех, кто выступает ее носителями и находит для нее новые употребления, во многом зависит содержание исторической памяти о Великой Отечественной войне у жителей России [7, с. 41]. Ситуация, когда все общество отличается ответственным отношением к исторической памяти, критически воспринимает любую информацию, касающуюся собственного прошлого, препятствует появлению откровенно недостоверных сведений, практически нереальна. Значит историческое сообщество должно взять на себя функции носителей памяти о Великой Отечественной, чтобы историческая память россиян формировалась на основании достоверных, проверенных сведений, а не на базе эмоционально окрашенных стереотипов.

В конце нашего небольшого исследования мы приходим к весьма парадоксальному выводу. С одной стороны, настоящие «Долины смерти» – места гибели большого количества советских военнослужащих, и проявления массового героизма должны быть мемориализованы и выполнять роль объединяющего фактора для российского общества. С другой стороны – определение в качестве такой долины безосновательно любого места,

где велись бои, способствует необоснованному, гипертрофированному представлению о масштабах потерь советских войск в годы войны, что является искажением исторической памяти и может стать причиной резонансных последствий.

Список литературы

1. Каменчук О.Н., Федоров В.В. Война, ставшая Великой и Отечественной: о восприятии Второй мировой войны в российском обществе // Вестник МГИМО-Университета. 2009. № 4. С. 311–318.
2. Меркушин В.И. Великая Отечественная война 1941–1945 годов в исторической памяти народа // Социология власти. 2004. № 6. С. 49–59.
3. Артамонова Ю.Д. К вопросу о механизмах исторической памяти // Вестник славянских культур. 2018. Т. 48. С. 29–40.
4. Гаврилов Б.И. В Мясном Бору, в «Долине Смерти» // Отечественная история. 2004. № 3. С. 3–13.
5. Тульчинский Г.Л. Соотношение исторической и культурной памяти: практики забвения // Социально-политические науки. 2016. № 4. С. 10–13.
6. Сенявский А.С., Сенявская Е.С. Вторая мировая война и историческая память: образ прошлого в контексте современной геополитики // Вестник МГИМО-Университета. 2009. № 4. С. 299–310.
7. Проказина Н.В., Старых Н.П. Коммуникативная память о Великой Отечественной войне: теоретические подходы и социальная практика // Среднерусский вестник общественных наук. 2014. № 5 (35). С. 35–43.

**Сохранение истории Великой Отечественной войны
в Узбекистане посредством развития
молодежного историко-краеведческого туризма
по памятным местам и мемориалам**

G.A. Egamberdieva

**Preserving the History of the Great Patriotic
War in Uzbekistan Through the Development
of Youth Historical and Local History Tourism
to Memorable Places and Memorials**

Аннотация. В статье рассматривается развитие молодежного историко-краеведческого туризма в Узбекистане в целях сохранения памяти о Великой Отечественной войне. У молодежи наблюдается интерес к активным, познавательным и образовательным экскурсиям, поэтому туризм молодежи имеет ряд ярких отличительных черт. Он наглядно демонстрирует, что молодежь может быть самостоятельной, организованной и активной группой туристов. В статье анализируются обусловленные вкладом Узбекистана в победу над фашизмом объекты культурного и исторического наследия, мемориальные сооружения, предпринимаемые в Узбекистане меры со стороны государства по сохранению наследия Великой Отечественной войны. Изучаются перспективы развития молодежного туризма по мемориалам и памятникам Великой Отечественной войны. Подведены итоги и даны рекомендации по дальнейшему изучению разных подвидов молодежного туризма.

Ключевые слова: молодежь; туризм; мемориал; памятники Великой Отечественной войны; музеи; эвакуация; героизм; волонтерство; ветераны Великой Отечественной войны.

В попытке предотвратить Третью мировую войну путем лучшего знакомства с другими культурами для молодежи стало очень популярным выезжать за границу, чтобы расширить свой кругозор, получить знания о других культурах и выучить иностранный язык. Поначалу этот вид туризма был лишь частью

традиционной концепции туризма, однако со временем его популярность стала стремительно расти, и профиль молодого путешественника стал дифференцироваться от профиля классического туриста. По мере роста популярности молодежного туризма росли и те виды деятельности, которыми молодежь занималась во время этих поездок.

Понятие «молодежный туризм» получило широкое определение в специальной литературе, однако не существует четкого и общепринятого определения, которое было бы универсально установлено и принято.

Исследования показывают, что молодые туристы путешествуют с определенной целью, которая может быть одной или несколькими из следующих: познакомиться с другой культурой, выучить язык, стать волонтером, работать или учиться. Они также стремятся познакомиться с местным образом жизни и познакомиться с другими людьми, а также пообщаться с другими путешественниками. Большинство молодых туристов путешествуют в рамках строгого бюджета. Они выбирают дешевое жилье, что позволяет им совершать относительно длительные путешествия и тратить свои деньги на широкий спектр мероприятий. Кроме того, молодежный туризм подразумевает гибкие маршруты, поскольку молодые туристы считают, что самые запоминающиеся впечатления от путешествий часто бывают неожиданными, а самые прекрасные открытия – это те, которые они делают сами. Исходя из вышеперечисленных характеристик, одно из наиболее подходящих определений термина «молодежный туризм» было дано Всемирной туристической организацией следующим образом: «молодежные путешествия включают все самостоятельные поездки на период менее одного года людьми в возрасте 16–29 лет¹, которые мотивированы, частично или полностью, желанием познакомиться с другими культурами, накопить жизненный опыт или извлечь выгоду из формальных и неформальных возможностей обучения вне своей

¹ Всемирная туристическая организация [Электронный ресурс]. URL: www.unwto.org (дата обращения: 01.04.2020).

обычной среды. Молодежный туризм может иметь множество видов, однако наиболее часто используются следующие: историко-краеведческий, образовательный туризм, волонтерство, работа и путешествия, культурный обмен, спортивно-приключенческий туризм и досуговый туризм».

После Второй мировой войны, когда во избежание будущих конфликтов поощрялись культурные обмены между молодыми людьми разных национальностей, стал распространяться культурный, историко-краеведческий туризм¹. Традиционно школьные программы культурного обмена объединяли студентов из двух или более школ для личной встречи и взаимодействия, и отношения между студентами часто поддерживались между визитами с помощью писем. Сегодня, с появлением новых и развивающихся коммуникационных технологий и усилением глобализации, программы культурного обмена могут полностью полагаться на интерактивное или «виртуальное» взаимодействие или включать их в дополнение к посещениям культурных памятников.

Развитие молодежного туризма является важной туристической отраслью Узбекистана. Туризм способствует сближению молодого поколения из разных стран, для этого в стране должны внедрить такие маршруты, которые будут удобны и доступны молодежи. Так, в целях усиления чувства патриотизма среди молодежи были организованы индустриальные туры для более 5,5 тыс. чел. на крупные комбинаты, в производственные комплексы, в свободные экономические зоны².

На наш взгляд в Узбекистане необходимо развивать молодежный историко-краеведческий туризм по памятникам Великой Отечественной войны. Необходимо подчеркнуть, что в годы Великой Отечественной войны в Узбекистан (Узбекскую ССР) было эвакуировано более 100 предприятий, из них в Ташкенте было размещено 55. К 1942 г. все перебазированные в республику промышленные предприятия работали на полную мощность, поставляя

¹ Центральный государственный архив Республики Узбекистан (ЦГА РУз). Ф. Р-837. Оп. 41. Д. 4169. Л. 92.

² Развитие туризма в Узбекистане // Сборник Государственного комитета по развитию туризма Узбекистана. Т.: 2018. С. 19–21.

фронту военную технику, боеприпасы и снаряжение. В короткие сроки Узбекистан стал одним из центров оборонной промышленности. Узбекистан усилил местное производство такими эвакуированными промышленными предприятиями, как «Ленинградский завод текстильных машин», «Ростсельмаш», «Красный Аксай», «Сталинградский химкомбинат», московские заводы «Подъемник», «Электростанок» и многие другие [1, с. 36].

«На них по 11 часов ежедневно трудились мобилизованные мужчины от 16 до 55 лет и женщины от 16 до 45 лет. Из-за нехватки рабочих рук к работе были привлечены подростки с 12 лет. За годы войны в фонд обороны страны жителями Узбекистана было внесено более 650 млн рублей и около 55 кг драгоценных металлов. На эти средства были построены и отправлены на фронт танковые колонны, эскадрильи боевых самолетов и бронепоезда. Также в Узбекской ССР было размещено более 113 военных госпиталей, где раненные воины поправляли свое здоровье и опять уходили на фронт [2, с. 38].

Узбекистан всегда славился своим гостеприимством и добротой людей, населяющих его. Наиболее ярко лучшие человеческие качества узбекистанцев проявились тогда, когда республика приняла под своим кровом полтора миллиона человек из оккупированных гитлеровцами районов России, Украины и Белоруссии. Из них – 400 тыс. детей [3, с. 268]. Символом высоких нравственных качеств узбекского народа, воплощенным в бронзе, стал памятник семье Шаахмеда и Бахри Шамахмудовых, которые в годы войны приняли и воспитали 15 детей-сирот разных национальностей. В честь семьи Шаахмеда Шамахмудова был поставлен памятник на площади Дружбы народов. Другой памятник воздвигнут в Алмазарском районе города Ташкент в честь Героя Советского Союза генерала Сабира Рахимова, который был командиром 37-й гвардейской Речицкой дважды Краснознаменной орденов Суворова 2-й степени, Кутузова 1-й степени, Богдана Хмельницкого 2-й степени стрелковой дивизии 65-й армии 2-го Белорусского фронта, гвардии генерал-майор (19 марта 1943 г.), получивший звание Героя Советского Союза в 1965 г. посмертно.

Местом поклонения памяти погибших в Великой Отечественной войне является и мемориальный комплекс «Братские могилы», который был установлен в 1975 г. на месте военного госпиталя, существовавшего в столице Узбекистана в 1941–1945 гг. На территории комплекса похоронены 1,5 тыс. советских солдат и офицеров, скончавшихся в госпитале во время войны от ранений. Одним из символов памяти и скорби по погибшим в Великой Отечественной войне для узбекистанцев давно стал монумент «Скорбящая мать» в центре Ташкента. Ранее на этом месте был мемориал «Могила неизвестного солдата», на котором также горел вечный огонь. Возведен монумент был в 1999 г. и хранит память о сотнях тысяч солдат из Узбекистана, не вернувшихся домой со Второй мировой войны¹. Имена их выбиты золотом в Книге Памяти. В Ташкенте по традиции праздничные мероприятия в честь празднования Дня почестей и победы начинаются у мемориального комплекса «Братские могилы». Здесь собираются люди, чтобы возложить цветы к монументу «Скорбящая мать» и Вечному огню, а также поздравить ветеранов Великой Отечественной войны. Навыки строевой подготовки с оружием демонстрируют курсанты военных училищ Узбекистана, весь день звучат военные марши.

Особо следует отметить символическую акцию памяти, стартовавшую в 2019 г. на нескольких воинских захоронениях в Узбекистане. Здесь была собрана земля для отправки в Россию в рамках акции «Дорога памяти», приуроченной к предстоящей 75-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.² Стартовала акция в Бухаре и Кагане. Аналогичные церемонии прошли в 11 городах республики. Всего в республике 17 братских захоронений в 11 городах. Все эти мероприятия являются доказательством того, что в Узбекистане чтут и берегут память о жертвах Великой Отечественной войны. В связи с этим молодежи Узбекистана необходимо организовать туры и экскур-

¹ ЦГА РУз. Ф. Р-90. Оп. 8. Л. 87.

² О торжественной акции «Дорога памяти» в Узбекистане [Электронный ресурс]. URL: https://uzbekistan.mid.ru/ru/press-centre/news/o_torzhestvennoy_aktisii_doroga_pamyati_v_uzbekistane/ (дата обращения: 01.04.2020).

сии по памятникам и мемориалам Великой Отечественной войны, чтобы молодежь не забывала, какой ценой была достигнута Победа над фашизмом.

В Узбекистане также продолжают реставрировать монументы героям Великой Отечественной войны, примером является решение построить новое здание администрации махалли «Дархан» в Ташкенте, поскольку прежнее, возведенное в 1956 г., требовало ремонта. Во время реконструкции здания пришлось сдвинуть стоявший перед ним монумент героям Великой Отечественной войны, чтобы открыть доступ к пролежавшим под ним коммуникациям¹. Однако из-за ветхости гранитный памятник, которому, по словам председателя махалли, более полувека, стал рассыпаться. В связи с этим было принято решение отправить его на реставрацию. Отреставрированный памятник участникам Великой Отечественной войны установили напротив здания администрации махалли «Дархан». На центральной части архитектурной композиции были выбиты годы войны и надпись «Никто не забыт, ничто не забыто». На двух плитах по краям планировалось высечь перевод этой фразы на узбекском языке «Ҳеч ким ҳеч қачон унутилмайди» («никто никогда не забудет»). После завершения всех строительных работ в здании махаллинского комитета территория вокруг монумента была благоустроена. К сожалению, последние десятилетия в республике не совсем ответственно относились к памятникам героям войны – многие в результате строительства или реконструкции переносились или вовсе терялись.

Также среди молодежи следует развивать волонтерский туризм. Отдельного внимания заслуживают работа с молодежью и сохранение памятников. Участники войны нуждаются в поддержке и внимании круглый год, а не только в канун Дня памяти и почестей, когда ветеранов задаривают подарками. Рассказы и правильные напутственные слова молодежи со стороны

¹ Демонтированная стела вернется в махаллю «Дархан» [Электронный ресурс]. URL: <https://uz.sputniknews.ru/society/20181203/10146128/Demontirovanaya-stela-vernetsya-v-makhallyu-Darkhan.html> (дата обращения: 01.04.2020).

ветеранов войны стали бы неотъемлемой частью в воспитании в духе патриотизма и ответственности перед Родиной. Современная молодежь практически лишена возможности непосредственного общения с участниками Великой Отечественной. Наряду с другими факторами это оказывает воздействие на формирование ее исторической памяти, нравственных приоритетов, личностных представлений о сущности преемственности поколений.

Необходимо отметить, что в 2019 г. была создана международная негосударственная некоммерческая организация «Узбекское военно-историческое общество»¹ для сохранения исторической памяти об общем вкладе Узбекской ССР в победу над фашизмом. Узбекское военно-историческое общество обратилось в Российский организационный комитет «Победа» с ходатайством о присвоении Ташкенту звания «Город трудовой доблести». Государственная Дума России на пленарном заседании в феврале приняла в третьем чтении закон, которым предлагается установить в стране почетное звание «Город трудовой доблести». Основанием для присвоения звания может стать награждение предприятий государственными наградами или вручение им переходящих красных знамен Государственного комитета обороны СССР, награждение работников предприятий государственными наградами за трудовые заслуги, а также документально подтвержденные факты трудового героизма жителей города в 1941–1945 гг. Ходатайство с приложенным к нему экспертным заключением Российской академии наук, подтверждающим наличие указанных оснований, будет рассматриваться Российским организационным комитетом «Победа». Как отмечают в Узбекском военно-историческом обществе, Ташкенту могло бы быть присуждено это звание.

Важную роль в организации туров молодежи играют и музеи. В музее Вооруженных сил Узбекистана интересной считается экспозиция, посвященная участию Узбекистана в Великой Отечественной войне. Музей находится на территории Парка Бое-

¹ См. офиц. сайт: Узбекское военно-историческое общество [Электронный ресурс]. URL: <https://uzvio.com/> (дата обращения: 01.04.2020).

вой Славы «Жасорат», открытого в 1975 г. [4, с. 24]. Здесь находятся образцы различной военной техники – танков, боевых машин, ракет и пушек, и даже самолетов. В 2010 г. на территории парка был открыт монумент «Клятва Родине».

Патриотизм закладывается в человеке с малых лет. Это процесс не одномоментный. Его нельзя вдруг приобрести или потерять. Это состояние души, это мировоззрение. Только планомерная систематическая работа и развитие молодежного историко-краеведческого туризма позволит сформировать его в молодежи, не теряя исторической памяти, не прерывая связь поколений. Мужество и героизм не подвластны времени и сегодня, как и много столетий назад, в народе рождаются новые герои. Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что наше и будущее поколение является главным хранителем прошлого, тех, кто защищал страну и сохранил мир на нашей земле. Именно поэтому долг молодежи и всего народа – суметь пронести память о великих подвигах наших дедов, отцов, сыновей.

Список литературы

1. Голованов А.А., Саидов И.М. Вклад Узбекистана в победу над фашизмом. Самарканд: СамГУ, 2006. Ч. II. 104 с.
2. Ахунова М.А., Лукин Б.В. История исторической науки в Узбекистане. Ташкент, 1970. 200 с.
3. Мамажанов С. Вклад трудящихся Узбекистана в победу в Великой Отечественной войне. Ташкент, 1975. 268 с.
4. Абдурахмонов Э. Вклад ученых из республик Центральной Азии на фронт. Ташкент: Наука, 1990. 47 с.

**Историческая память и бронетехника:
военные музеи как источник новых данных
о периоде Великой Отечественной войны***

N.N. Melnikov

**Historical Memory and Armored Vehicles:
Military Museums as a Source of New Data
About the Great Patriotic War**

Аннотация. В России существует множество государственных, ведомственных и частных музеев, где экспонируется бронетехника периода Великой Отечественной войны. Использование в исторических исследованиях приемов и методов, применяемых в металловедении, позволяет получить новые фактические данные о физических и химических особенностях броневго металла советских танков и самоходных установок. На примере коллекций двух музеев в Свердловской области (Музея военной техники УГМК и Музея бронетанковой техники Уралвагонзавода) показано, какие результаты были достигнуты вследствие применения междисциплинарного подхода к изучению танковой брони.

Ключевые слова: военный музей; война; броня; Т-34; бронетехника; танк; самоходная установка; металловедение; химический состав.

В советской историографии и культуре сложилась традиция интерпретации итогов Великой Отечественной войны, где отечественной бронетехнике отводилась роль одного из главных факторов победы. Уже после войны в качестве мемориальных комплексов отдельные экземпляры танков и самоходных артиллерийских установок были размещены во многих городах и селах по всему Советскому Союзу. В 1972 г. для посетителей начал действовать Бронетанковый музей в подмосковной Кубин-

* Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках гранта № 19-09-00050А.

ке, ставший одной из крупнейших коллекций военной техники в мире. Здесь были собраны в т.ч. редчайшие экземпляры экспериментальных танков СССР и Германии. Множество музеев и выставочных комплексов, где присутствует военная техника, было открыто и в других городах: Военная горка в Темрюке, Музей-диорама «Курская битва. Белгородское направление», постоянная экспозиция образцов военной техники у Музея-панорамы «Сталинградская битва» и многие другие. В последние годы стали появляться многочисленные частные и ведомственные собрания, которые также позволяют получить богатый материал для изучения.

В Свердловской области есть две музейные площадки, обладающие, с точки зрения научного анализа, уникальными экспонатами. Первый – Музей военной техники Уральской горно-металлургической компании (УГМК) в Верхней Пышме (город-спутник Екатеринбурга)¹. Это крупнейшая в стране негосударственная коллекция, где в т.ч. представлены несколько десятков танков и самоходных установок советского производства и бронетехника, поступавшая по ленд-лизу. Нужно сразу же оговориться, что некоторая часть советских образцов – это или современные реплики, или экспонаты, восстановленные с использованием случайных элементов бронекорпуса. Это касается, прежде всего, коллекции танков Т-34². В течение военного времени все модели среднего танка имели одинаковый корпус, менялась только башня и вооружение. Поэтому многие образцы невозможно однозначно определить как машины, выпущенные тем или иным заводом.

Однако в ряде случаев присутствуют полностью аутентичные экземпляры или можно с высокой степенью достоверности идентифицировать отдельные элементы корпуса. Как правило, танковые башни однозначно указывают на какой-либо один за-

¹ Музей военной техники УГМК [Электронный ресурс]. URL: <https://mkugmk.ru/ru/about-complex/military-equipment-museum/> (дата обращения: 10.04.2020).

² Всего выставлено и находится в запасниках: восемь образцов Т-34-76, один Т-34-57 и четыре Т-34-85.

вод-изготовитель, поскольку каждый производитель выпускал свой особенный тип этого элемента корпуса.

Совместно с Институтом физики металлов УрО РАН нам удалось (по договоренности с руководством музея) провести несколько исследований химических и физических свойств брони на тех экземплярах бронетехники, которые нами были идентифицированы как аутентичные. Нами были взяты за основу самоходные установки СУ-122, СУ-85 и СУ-100. Они были спроектированы на базе Т-34 и все военные годы выпускались только свердловским Уралмашзаводом. Следовательно, самоходки имели схожую со средним танком систему бронирования (их отличительная черта – неподвижная рубка вместо вращающейся башни), были изготовлены из той же катаной брони марки 8с и идентифицировались как выпущенные одним предприятием. У всех объектов были взяты измерения химического состава неразрушающим методом с использованием рентгенофлуоресцентного спектрометра X-Met 7500 (Oxford Instruments) по 10–15 элементам. Измерения выполнялись на различных участках броневго корпуса машины (лобовая броня, борт, корма, крыша рубки). Для сравнения был измерен состав кормовой брони танка Т-34 ранней серии, выпущенного Харьковским паровозостроительным заводом в 1940 г.¹ Подобные исследования были проведены с некоторыми другими танками Т-34. Параллельно были сделаны замеры твердости брони на всех обозначенных образцах.

Последняя составляющая нашей совместной работы – срез относительно небольших образцов брони (примерное соотношение сторон каждого образца – 1:1:3 см) на СУ-85 и СУ-100, взя-

¹ Интересно, что корпус именно этого музейного экземпляра был составлен из броневых деталей, изготовленных в разные периоды военного времени разными заводами. При визуальном осмотре было хорошо заметно, что кормовая деталь имеет совершенно иную структуру поверхности, отличную от большинства других элементов корпуса. По данным Музея военной техники УГМК, она была изготовлена на Мариупольском металлургическом заводе им. Ильича. То есть относилась именно к периоду 1940 г. – сентября 1941 г. (Мариупольский завод перестал действовать осенью 1941 г.).

тых с внутренних поверхностей самоходок и не приведших к нарушению их внешнего вида. Эти образцы дали возможность провести более детальный анализ химических и физических свойств броневое металла уже в рамках лабораторий Института физики металлов УрО РАН.

Результаты оказались достаточно интересными, поэтому значительная их доля или опубликована, или находится в печати (на момент подготовки данной статьи) [1; 2; 3], или данные получились столь противоречивыми, что требуется провести некоторые исследования заново. Большая часть изучаемых образцов показала серьезные нарушения технологии производства: недостаток легирующих присадок (Ni, Cr) или избыточность «вредных» химических элементов (C, S, P), пониженная твердость брони, пористость металла литых деталей и прочее. За исключением химического состава и твердости кормового листа Т-34, изготовленного Мариупольским заводом. Его показатели полностью уложились в требования, предъявляемые к броне 8с. Именно эти данные стали нами использоваться как эталонные.

Кроме того, визуальное сравнение советской и ленд-лизовой техники ярко показывает разницу культуры производства, с одной стороны, в СССР, а с другой – в США и Великобритании. Отечественную бронетехнику сразу же выделяют грубо обработанные литые броневые детали и сварочные швы. Дефицит оборудования и квалифицированных рабочих заставлял советских танкостроителей и металлургов жертвовать некоторыми производственными операциями или допускать отступления от технологии. Обстановка того времени требовала максимального количества бронетехники для фронта.

Большой интерес представляет ежегодное торжественное шествие 9 мая, которое организует УГМК совместно с администрацией Верхней Пышмы¹. В этом шествии принимает участие авто- и бронетехника периода Второй мировой войны.

¹ Музей военной техники УГМК [Электронный ресурс]. URL: <https://mkugmk.ru/ru/about-complex/military-equipment-museum/> (дата обращения: 10.04.2020).

В т.ч.: танки Т-34, ИС-2, М4 Sherman, самоходка СУ-100 и другие. Это событие позволяет получить отличную визуализацию броневых машин в движении: особенности хода и поворотов, производимый шум, продольная раскачка (или ее отсутствие). Большая часть техники, принимающей участие в шествии, аутентичная, была изготовлена или в годы войны, или в периоды близкие к ним. Но есть исключения. Например, советский пятибашенный танк особого назначения Т-35, выпущенный в 1930-е гг., является копией подлинной машины.

Вторая музейная площадка в Свердловской области имеет не такую богатую коллекцию, но интересна одним своим экспонатом: Музей бронетанковой техники Научно-производственной корпорации «Уралвагонзавод» (Нижний Тагил)¹. Здесь есть всего два танка времен Великой Отечественной войны (остальные – послевоенные экземпляры): огнемётный ОТ-34-76 и Т-34-85. Наибольшую важность для наших исследований представляет огнемётный танк, выпущенный в 1942 г. Его уникальность в том, что данный образец был отправлен на фронт, но в боевых действиях принять участие не успел. В ходе марша зимой 1943 г. в условиях плохой видимости машина провалилась под лёд и затонула у северного берега подмосковного озера Черное. В течение января – марта 1999 г. поисковики установили точное место нахождения затонувшего танка, он был поднят со дна, отреставрирован² и сегодня экспонируется в музее Уралвагонзавода [4, с. 21–22].

Его корпус покрыт различного размера и объема трещинами, которые фактом своего наличия доказывают несоответствие химических и физических свойств металла бронекорпуса заявленным требованиям (а попросту, прямо говорят о браке). Отметим, что эта машина в свое время не была забракована на заводе, а наоборот, была отправлена на фронт. Также интересно, что ОТ-34 оснащен литой башней, произведенной на Уралмашзаводе

¹ Музей бронетанковой техники [Электронный ресурс]. URL: http://uralvagonzavod.ru/presscenter/technical_museum (дата обращения: 10.04.2020).

² Сегодня это тоже ходовой танк и, как в случае с майским шествием в Верхней Пышме, периодически участвует в торжественных парадах в Нижнем Тагиле.

[4, с. 21]. В самом этом факте нет ничего сверхординарного – Уралмаш в разные годы войны снабжал своими танковыми корпусами и башнями практически все восточные танкосборочные заводы СССР (от Сталинграда до Омска). Но здесь мы можем уверенно определить время и место изготовления всех броневых деталей.

В ходе своих исследований автор установил, что в течение 1942 г. советские заводы танковой промышленности массово выпускали корпуса Т-34, пораженные трещинами. Эта проблема была резко сокращена к концу года. Впоследствии полностью избавиться от трещин не удалось, но советское танкостроение смогло свести эту проблему к минимуму. К подобным выводам пришли и другие исследователи [5; 6; 7, с. 66–67].

Безусловно, это лишь предварительные результаты. Для более существенных выводов необходимо накопить гораздо больший объем данных. Но уже сейчас можно с уверенностью утверждать, что советское танкостроение и бронепрокатное производство, сосредоточенные на востоке СССР, столкнулись с серьезной проблемой, налаживая массовый выпуск танковой брони для Т-34. Изучение бронетехники музея УГМК и осмотр огнемётного танка музея Уралвагонзавода хорошо иллюстрируют те трудности, которые испытывала танковая промышленность в условиях войны. Таким образом, мы получаем эмпирическое подтверждение тем фактам, которые обнаруживаются исследователями при работе с архивными документами. Следовательно, комплексное использование специального оборудования, междисциплинарного подхода для получения новых данных и достижений современной исторической науки позволяют поднять уровень развития историографии Великой Отечественной войны на качественно более высокий уровень.

Автор выражает благодарность заместителю директора Музея военной техники УГМК С.В. Рузаеву и старшему научному сотруднику Института физики металлов УрО РАН, канд. физ.-мат. наук Б.А. Гижевскому за предоставленные материалы и помощь в подготовке статьи.

Список литературы

1. Гижевский Б.А., Мельников Н.Н., Запарий Вас.В., Запарий Вл.В. Броневая сталь самоходок Уралмаша // Черные металлы. 2020. № 1. С. 63–68.

2. Гижевский Б.А., Дегтярев М.В., Чащухина Т.И., Воронова Л.М., Патраков Е.И., Наумов С.В., Мельников Н.Н., Рузаев С.В., Запарий Вас.В., Запарий В.В. Твердость и структура броневой стали уралмашевских самоходных артиллерийских установок СУ-85 и СУ-100 // Мат-лы XIV Междунар конф. «Механика, ресурс и диагностика материалов и конструкций». Екатеринбург, 2020. (В печати).

3. Гижевский Б.А., Дегтярев М.В., Чащухина Т.И., Воронова Л.М., Патраков Е.И., Мельников Н.Н., Запарий Вас.В., Рузаев С.В., Запарий Вл.В. Фрактографическое исследование броневой стали самоходных артиллерийских установок Красной армии // Diagnostics, Resource and Mechanics of materials and structures. 2020. № 2. С. 28–37.

4. Устьянцев С.В., Колмаков Д.Г., Серебрякова О.А., Авраменко Н.Д. Огнеметный средний танк ОТ-34-76 // Памятники индустриальной культуры Уралвагонзавода. Бронетанковые вооружения и техника. Нижний Тагил: [б.и.], 2012. С. 23–31.

5. Запарий В.В. Советская танковая промышленность периода Великой Отечественной войны: технико-технологические ограничения деятельности и борьба за их преодоление // Экономическая история. 2018. Т. 14. № 3. С. 298–310.

6. Пустырев П.В. Проблема трещинообразования при изготовлении корпусов танка Т-34 на заводе № 112 – взгляд военной приемки // Современные научные исследования: тенденции и перспективы: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Чистополь: ПК «Астор и Я», ЧУДПО «НИОЦ», 2020. С. 88–93.

7. Устьянцев С., Колмаков Д. Боевые машины Уралвагонзавода. Танк Т-34. Нижний Тагил: ИД «Медиа-Принт», 2005. 232 с.

Л.Н. Мазур

**Советская деревня в годы войны:
эволюция образа в художественном кинематографе**

L.N. Mazur

**Soviet Village in the War:
Evolution of the Cinema Image**

Аннотация. В статье рассматриваются особенности презентации советской деревни военного времени в художественном кинематографе. На основе анализа фильмографии военных лет выделены три основных варианта образной презентации советской деревни: 1) как символа Родины; 2) как пространства народной борьбы против врага; 3) как «крепости обороны». Конструируемые образы определялись задачами пропаганды и выполняли мобилизационные функции. Созданный пропагандой героический миф войны во второй половине XX в. пережил определенные трансформации, связанные с рефлексией феномена войны в общественном сознании в годы оттепели и перестройки. Однако рациональное переосмысление затронуло в большей степени науку и искусство, но не политические институты, т.е. осталось незавершенным. В результате пропагандистский миф войны трансформировался в пропагандистский исторический миф Великой победы – основной инструмент политики памяти.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; кинематограф; деревня; крестьянство; фильм; образ; миф; пропаганда; память.

Великая Отечественная война и память о ней стали для советского/российского кинематографа наиболее востребованной темой на протяжении второй половины XX – начала XXI в. Актуальность военной тематики была подкреплена политикой памяти, которая ориентировала кинематограф на создание произведений, прославляющих подвиг народа. Исключение, пожалуй, составлял период конца 1980-х – 1990-х гг., когда кинематограф принял активное участие в переосмыслении истории страны.

Историческая значимость Великой Отечественной войны для судеб мира и роль СССР в победе над фашизмом предопределили базовую тональность презентации войны в кинематографе: все внимание было сфокусировано на боевых действиях, подвигах советских воинов и партизан, горе и бедствиях населения, т.е. той жертве, которую принес СССР на алтарь победы. Изначально кинематограф работал в режиме мифотворчества, конструируя героический миф и формируя соответствующие образы: событий, действующих лиц – героев, врага, жертвы (во имя кого совершается подвиг), сподвижников (союзников). Вполне типичны и сюжеты военного мифа, включающего иконографию подвига, предательства, поражения и победы.

Создание кинообразов в годы войны определялось задачами пропаганды. Всего в 1941–1945 гг. на киностудиях СССР было снято около 150 фильмов [Подсчитано по: 1], в числе которых исторические и историко-биографические картины составили 12,0 % (18), военные – 42,0 % (63); тыловые – 12 % (18), экранизации литературных произведений – 11,3 % (17), концертные сборники, агитационно-сатирические фильмы – 8,7 % (13); прочие – 14,0 % (21).

В общем объеме кинопроизводства ожидаемо преобладали фильмы на военную тему. В 1941–1942 гг. они снимались преимущественно в виде короткометражных картин и входили в состав «Боевых киносборников» – новой формы оперативной агитации, сочетавшей как художественные, так и документальные приемы подачи материала. Всего было снято 15 выпусков, куда вошли 43 фильма, формирующих многомерный образ войны в пространственном и событийном отношении.

С 1942 г. в условиях эвакуации разворачивается производство полнометражных фильмов о войне, снятых преимущественно в эпическом или героико-романтическом жанре. Они демонстрировали позитивно заряженные образы героев – защитников Родины, с одной стороны, и зверства фашистов – с другой (см., например: Парень из нашего города, 1942, реж. А. Столпер,

Б. Иванов, А. Птушко; Два бойца, 1943, реж. Л. Луков; Жди меня, 1943, реж. А. Столпер, Б. Иванов; и др.).

В целом, кинематограф периода Великой Отечественной войны отличается, во-первых, жанрово-тематическим разнообразием с высоким удельным весом комедий, мелодрам, сказок. Комедии в изучаемый период составляли от 14 до 33 % кинопродукции, достигнув наибольшего удельного веса в 1943–1944 гг.; во-вторых, созданием особой модели презентации войны, в которой акцент сделан не на событиях (они условны), а на поведении, отношениях людей, типичных боевых и бытовых ситуациях, усиливая эффект сопереживания; в-третьих, концентрацией внимания на чувствах человека. Условными были не только сюжеты, но и презентуемая реальность: фильмы военных лет снимались преимущественно в павильонах.

Несмотря на то, что деревня редко попадала в объектив киноаппарата, анализируя фильмы военных лет, можно выделить три основных варианта ее образной репрезентации:

- 1) символ Родины-матери (Мать, 1941, реж. Л. Луков);
- 2) пространство народной войны, символ мученичества и жертвенности (Радуга, 1943, реж. М. Донской);
- 3) «крепость обороны» (Родные поля, 1944, реж. Б. Бабочкин, А. Босулаев).

В 1941 г. режиссер Л. Луков снял короткометражный агитационный фильм «Мать», главной героиней которого стала крестьянка, проводившая на войну трех сыновей. Трагедия матери стала основой для создания эпического образа Родины-матери, благословляющей своих сыновей на ратный подвиг. Собственно, это и была задача режиссера. Образ сельской женщины как воплощения Родины-матери получил дальнейшее развитие в «оттепельном» кино. Образ матери как воплощение жертвенности занимал особое место в кинематографе. Такова роль А. Максимовой в фильме Г. Чухрая «Баллада о солдате» (1959 г.). Картина рассказывает невоенную историю поездки молодого бойца с фронта домой в краткосрочный отпуск. Кульминация фильма – встреча матери и сына, которая длится всего несколько

минут – раскрывает всю глубину трагедии войны. Завершающий кадр фильма – мать, потерявшая сына – воспринимается зрителем как образ скорбящей Богоматери (рис. 1).

Рис. 1. Кадр из фильма «Баллада о солдате», 1959, реж. Г. Чухрай.

Другая сюжетная линия, непосредственно связанная с оккупацией и жертвенным образом советской деревни, страдающей под гнетом завоевателей, оказалась более жизнеспособной, и сегодня востребована в условиях ремифологизации памяти о войне. В структуре героического мифа оккупированной деревне отводилась роль жертвы, за мучения которой положено возмездие.

Основные черты оккупированной деревни как пространства мученичества, жертвенности и героизма получили воплощение в фильме М. Донского «Радуга» (1943). Украинская деревня накануне освобождения. Предчувствуя свой конец, фашисты устраивают карательные акции, расстреливая заложников. Олицетворением зла выступает немецкий комендант, истязавший беременную женщину и стреляющий в младенца (рис. 2). И высшая мера наказания фашистам – даже не смерть, а гнев народа и память.

Образ народа-мученика, сопряженный с идеей возмездия, получил развитие в послевоенный период в партизанском кино.

В конце 1940-х – в 1950-е гг. снимаются картины о партизанском движении в Белоруссии, Прибалтике, Украине (Марите, 1947, реж. В. Строева; Константин Заслонов, 1949, реж. А. Файнциммер, В. Корш-Саблин; Сашко, 1958, реж. Е. Брюнчугин), появляются детские фильмы на эту тему (Отряд Трубачева сражается, 1957, реж. И. Фрээ). Все они поддерживали и развивали героический военный миф.

Рис. 2. Кадр из фильма «Радуга»,
1943 г., реж. М. Донской.

Некоторое отступление от созданного сталинским кинематографом героического образа оккупированной деревни наблюдается в 1960-е гг. Манифестом нового взгляда на войну стали шедевры периода оттепели «Летят журавли» (1957, реж. М. Калатозов), «Иваново детство» (1962, реж. А. Тарковский), в которых тема героизма отступает на второй план перед осознанием той непоправимой беды, которую несет с собой война.

Подобный взгляд характерен и для фильма «Бабье царство» (1967, реж. А. Салтыков). В нем рассказывается о жизни деревни в условиях оккупации, ее гибели и возрождении. Здесь фашистские зверства показаны не так, как в фильме «Радуга». Нет расстрелов, не жгут дома. Демонстрируются отдельные случаи: солдат насилует девушку; немецкий лейтенант, изображая Дон Кихота, «спасает» женщин, загнанных в реку, от деревенских стариков, которых сбивает на скаку пикой. Вскоре со-

бытия накаляются: гибнет подросток, которого публично выпороли; угоняют девушек на работу в Германию. Потеряв детей, женщины поджигают свои дома и вместе с партизанами расправляются с «хорошими» немцами.

Фильм «Бабье царство» не только о гибели деревни в огне войны и ее возрождении. В нем поднят еще один вопрос – память о войне. Беспамятство – самый страшный грех, который в фильме карается изгнанием из деревни (рис. 3).

Рис. 3. Кадр из фильма «Бабье царство», 1967, реж. А. Салтыков.

В 1970–1980-е гг. тема партизанской борьбы, подкрепленная политикой памяти, вновь востребована кинематографом. Среди снятых в те годы фильмов с типичным «партизанским» сюжетом (Волчья стая, 1975, реж. Б. Степанов; Жду и надеюсь, 1980, реж. С. Шахбазян; Знак беды, 1986, реж. М. Пташук) особо следует выделить картину Э. Климова «Иди и смотри» (1985), которая без прикрас раскрывает «будни» партизанской войны и продолжает тему «детство и война», поднятую в начале 1960-х гг. А. Тарковским. Только герой Э. Климова – 16-летний деревенский парень Флёра – уже вышел из возраста детства и, не успев повзрослеть, состарился. Такова разрушающая сила войны.

Недолгий период исторической рефлексии, сопровождающийся попыткой по-новому взглянуть на события войны, пришелся на эпоху «перестройки» и сложные в политическом и экономи-

ческом отношении 1990-е гг., когда объем кинопроизводства резко снизился (см., напр.: Сто солдат и две девушки, 1989, реж. С. Микаэлян). Кино, обратившись, прежде всего, к теме репрессий, военную деревню не замечало. Эта же тенденция характерна для современного кино, где востребованы сюжеты о великих сражениях и победах.

Мученический образ оккупированной деревни дополняет репрезентация тыловой деревни, не затронутой военными действиями и не пережившей оккупацию. Не сразу тыл стал восприниматься как пространство подвига. На это потребовались время и запрос пропагандистского аппарата. Ответом на него стало появление картин о жизни в тылу, которые были призваны формировать у зрителей чувство сопричастности к победе и мотивировать их на новые достижения.

Больше всего «тыловых» картин (около трети) было снято в переломном 1943 г. (Мы с Урала, 1943, реж. Л. Кулешов, А. Хохлова; Жила-была девочка, 1944, реж. В. Эйсымонт; и др.). Но лишь один фильм повествует о жизни тыловой деревни – это картина «Родные поля», снятая в 1944 г. реж. Б. Бабочкиным и А. Босулаевым в жанре эпической драмы.

Сюжет охватывает начальный период войны (с ноября 1941 г. до весны 1942 г.), когда все находятся в тревожном ожидании («Как там Москва?»). Фильм полон примет повседневности – проводы мужчин в армию, похоронки с фронта, эвакуированные из столицы, беженцы из Смоленщины, сбор вещей и денег в помощь фронту. Показано и то нечеловеческое напряжение, которое досталось на долю женщин, взваливших на свои плечи тяжелую мужскую работу. Картина пронизана верой в победу, позитивной энергетикой, как и положено пропагандистскому кино, и, что важнее, уравнивает труд на полях страны с воинским долгом. «Колхоз есть крепость обороны!» – напутствует своих односельчан председатель колхоза, уходя на фронт (рис. 4).

Закончилась война, гораздо более востребованной стала тема восстановления и подъема сельского хозяйства. Она нашла воплощение в мелодраматических киноисториях о возвращении в род-

ное село фронтовиков, которые становятся председателями колхозов и включаются в строительство мирной жизни (Три встречи, 1948, реж. С. Юткевич, В. Пудовкин, А. Птушко; Щедрое лето, 1950, реж. Б. Барнет; Возвращение Василия Бортникова, 1952, реж. В. Пудовкин).

Рис. 4. Кадр из фильма «Родные поля», 1944, реж. Б. Бабочкин, А. Босулаев.

Этот же сюжет возрождения села после войны, но в более жесткой и правдивой манере, был использован в оттепельном кино (Простая история, 1960, реж. Ю. Егоров; Капа, 1968, реж. К. Геворкян; Дом и хозяин, 1967, реж. Б. Метальников; Журавушка, 1968, реж. Н. Москаленко; Председатель, 1964, реж. А. Салтыков). Фильмы этого времени, в отличие от сталинского кино, показывали реальную картину разорения не только оккупированной деревни, но и тыловой.

В 1970-е гг. жизнь тыловой деревни нашла отражение в многосерийных киноэпопеях В. Краснопольского и В. Ускова «Тени исчезают в полдень» (1971–1973) и «Вечный зов» (1973–1981), снятых по романам А. Иванова.

Хотя тему тыловой деревни активно изучали и изучают историки, раскрывая ее как один из важнейших факторов победы [2–8], в структуре военного мифа она оказалась сюжетом практически невостребованным. Возможно, это случилось потому,

что созданный военной пропагандой кинообраз деревни как «крепости обороны» с точки зрения визуализации и зрелищности уступал другим образам и подавлялся ими.

Военный кинематограф сконструировал три образа военной деревни: Родины-матери; жертвы и мученичества; «крепости обороны». Все они получили дальнейшее развитие в кинематографе второй половины XX в., но имели разную судьбу. В частности, образ деревни как Родины-матери использовался в кинематографе вплоть до 1980-х гг., постепенно утрачивая семантическое наполнение в условиях завершения урбанизации. Тема деревни как «крепости обороны» была актуальной для исторической науки, но не для кинематографа. Наиболее востребованным и в политическом, и в кинематографическом плане оказался образ оккупированной деревни как жертвы и мученицы – необходимого элемента героического военного мифа. Он поддерживается политикой памяти, а в современном российском обществе, на волне ремифологизации военной истории, получает новую жизнь. Характерной чертой военного мифа была и осталась его пропагандистская направленность. Сам же процесс трансформации пропагандистского мифа в миф исторический остался незавершенным, поскольку период его общественной рефлексии был непродолжительным и неполным.

Список литературы

1. Энциклопедия кино Кирилла и Мефодия, 2003 [CD].
2. Анисков В.Т. О бедной деревне замолвите слово... 1941–1945–19???: Социальная жертвенность и судьба крестьянства: Научная публицистика. Вологда; Ярославль: [б.и.], 1996. 208 с.
3. Арутюнян Ю.В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1963. 460 с.
4. Бондарев В.А. Селяне в годы Великой Отечественной войны: Российское крестьянство в годы Великой Отечественной войны (на материалах Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского краев). Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2005. 192 с.

5. *Вылцан М.А.* Крестьянство России в годы большой войны, 1941–1945. Пиррова победа. М.: Рос. науч. фонд. Моск. отд-ние., 1995. 79 с.

6. Западная Сибирь в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). Новосибирск: Наука-Центр, 2004. 293 с.

7. *Корнилов Г.Е.* Уральское село и война. Проблемы демографического развития. Екатеринбург: Уралагропресс, 1993. 173 с.

8. *Мотревич В.П.* Колхозы Урала в годы Великой Отечественной войны. Свердловск: УрО АН СССР, 1990. 196 с.

УДК 791.43-2

М.В. Дядченко

Сохранение исторической памяти и формирование патриотизма у молодежи средствами современного российского кинематографа (на материале фильмов о Великой Отечественной войне, вышедших в прокат в 2015–2020 годах)

M.V. Dyadchenko

Preservation of Historical Memory and Patriotism Instilling in Young People by Means of Modern Russian Cinema: Genre Characteristics, Artistic Expressions and Facts Interpretation (Based on the Great Patriotic War Movies That Had Been Released in the Period 2015–2020)

Аннотация. В статье рассматривается роль кинематографа в сохранении исторической памяти о Великой Отечественной войне, его значение в формировании патриотизма у молодого поколения. Анализируются «кассовые» военные киноленты, вышедшие в прокат с 2015 по 2020 г., и делается вывод о том, что отечественный кинопродукт был нацелен на коммерческий успех, снижая требования к исторической точности, художественной выразительности и глубокому осмыслению трагических событий военных лет.

Ключевые слова: историческая память; патриотизм; современное кино; военные фильмы; цифровое поколение; поколение Z; киноискусство; Великая Отечественная война.

Разрушение традиционной системы ценностей, ревизионистский подход к осмыслению отечественной истории после распада СССР привели к размыванию понятия «исторической памяти» и «патриотизма», появлению новых подходов в интерпретации исторических событий, повлиявших на менталитет, культуры народов РФ, объединенных общим историческим прошлым. Если рассматривать понятие «культура» как коммуникативно-информационную систему, то следует отметить, что ее специфика обусловлена в т.ч. способами производства и передачи информации, а в основе культурной эволюции «лежит процесс передачи знаний из поколения в поколение» [1, с. 5].

Сохранение исторической памяти требует планомерной работы по изучению, анализу значимых событий не только с фактологической точки зрения. Для поддержания национальной идентичности, воспитания патриотизма необходимо уделять особое внимание духовной составляющей, анализировать морально-нравственный выбор личности, приводить примеры проявления истинного гуманизма и героизма человека в критических ситуациях.

Одной из центральных исторических тем, которая используется в качестве главного источника патриотических чувств и национальной идентичности народов России, остаются события Великой Отечественной войны.

О.В. Чернова в исследовании «Историческая память россиян о Великой Отечественной войне»¹, проведенном в 2009 г., констатирует, что роль семьи как источника знаний о войне постепенно снижается, потому что непосредственных участников и свидетелей становится меньше.

Спустя 10 лет после исследования этот тезис только подтверждается. Если поколение «миллениалов» еще имело возмож-

¹ Чернова О.С. Историческая память россиян о Великой Отечественной войне [Электронный ресурс] // Политическое просвещение. 2011. № 1 (60). URL: <https://www.politpros.com/journal/read/?ID=138&journal> (дата обращения: 20.05.2020).

ность получения информации о войне от ее непосредственных участников и свидетелей, то для представителей поколения Z или «цифровой аудитории» события военных лет приобретают исключительно мифологические черты, практически не ассоциируются с исторической реальностью.

Современное поколение людей в возрасте 18–20 лет уже не воспринимает Великую Отечественную войну на уровне «генетической памяти», о которой принято говорить в отношении этого периода истории.

С уходом из жизни ветеранов возрастает значение опосредованных источников памяти. Особая роль отводится экранным видам искусства.

Этот тезис находит отражение в различных современных исследованиях. «По мере того как телевидение и кино становятся основными медиаторами исторических событий, они начинают претендовать и на главную роль в формировании исторической памяти» [2].

Особенности экранного языка и средств художественной выразительности создают иллюзию, что кинофильм является достоверным источником информации об историческом событии. Зритель чувствует себя участником происходящего, благодаря эффекту присутствия, который является одним из главных критериев экранной коммуникации, сопереживает героям картины, анализирует собственные чувства, проецируя предлагаемые обстоятельства на себя.

Кинематограф в течение всего послевоенного периода был важным источником исторической памяти. Картины, созданные режиссерами-фронтовиками, а также экранизации литературных произведений участников и свидетелей военных событий вошли в золотой фонд отечественного кино.

В период перестройки и гласности произошел духовно-культурный кризис. Современные исследователи отмечают, что «в сложившейся ситуации остро встали вопросы развития национальной идеи, реализации духовно-нравственного потенциала народа, накопленного за всю историю существования государства для решения проблем в различных сферах жизни общества»

[3]. Государство ощутило «потребность в воспитании молодого поколения в духе патриотизма и реализации идеи культурно-исторической памяти народа как объединяющего фактора» [3].

Однако очевидно, что идеологические приемы, которые применялись в прошлом, неэффективны в настоящем. Современный кинематограф должен выработать собственный язык, который будет принят новой аудиторией и понятен ей.

Одним из вариантов раскрытия темы войны стало создание ремейков. В 2015 г. на экраны вышла работа Р. Давлетьярова «А зори здесь тихие». Режиссер утверждал, что это новая экранизация произведения Б. Васильева. Однако критики и зрители неизбежно сравнивали ее с кинолентой 1972 г., снятой С. Ростоцким и ставшей классикой жанра.

Особенности экранизации 2015 г. в том, что режиссер использует современный киноязык, предназначенный и понятный новому поколению. В картине Давлетьярова меняется темпоритм, повествование более динамично. Хронометраж 120 минут – в противовес классической ленте длительностью более трех часов.

Стремясь привлечь поколение Z, режиссер уделяет больше внимания батальным сценам, применяет технические спецэффекты, добавляет элементы клипового монтажа. В качестве музыкального сопровождения использована вариация на тему саундтрека культового западного фантастического фильма «Властелин колец», а финальным аккордом к фильму звучит песня в исполнении популярной группы «Любэ», за что картина подверглась критике не только профессионального киносообщества, но и зрителей.

Следует отметить, что новые «Зори...» не выработали особый экранный язык, в отличие от работы Ростоцкого. Несмотря на детальную проработку текста оригинального произведения Б. Васильева, Давлетьяров создает «кальку» повести, не предпринимая попыток объемного раскрытия характеров героев. Этому препятствует и динамичное развитие сюжета в стиле «экшн» и штампы, которые режиссер использует во «флешбэках».

Если у Ростоцкого сцены мирной жизни созданы в формате театральной постановки и контрастируют с общим повествова-

нием, усиливая трагедию обычного человека на войне, то Давлетьяров добавляет штампы, которые широко тиражируются современными режиссерами.

Он дописывает историю главных героинь, отступая от текста Васильева. Так, Лиза Бричкина становится не просто деревенской девушкой, а дочерью кулаков, сосланных в Сибирь. Причины сиротства Гали Четвертак режиссер представляет в образе «черного воронка» НКВД, который увозит мать героини. Подобные стереотипы считываются молодым поколением и укореняются в восприятии советской истории, формируют негативное отношение к прошлому и отождествляют советский период только с жестокими репрессиями.

В картине Давлетьярова нет полутонов. Плоский киноязык проводит четкую грань между Добром и Злом. Поэтому враг предстает в виде карикатурных монстров: съемка крупных планов «зверских» лиц, сцены боя с профессионально поставленными драками, в которых фашисты изображены в роли почти сверхлюдей – все это создает атмосферу нереальности происходящего.

Главные герои не успевают раскрыться. Из повествования вырезаны второстепенные детали, которые в картине Ростюцкого помогали понять внутренний мир каждого персонажа и проанализировать истоки мужества людей разных характеров и социальных пластов.

Уход от неторопливого повествования с глубоким погружением в психологию персонажа привел к тому, что фильм воспринимается как очередной боевик, в котором «внешняя форма» доминирует над «внутренним содержанием».

Мощную государственную и медийную поддержку получила картина «Битва за Севастополь» (реж. С. Мокроусов, 2015 г.). Ее сюжет строится по мотивам биографии легендарного снайпера Людмилы Павличенко. Авторы картины утверждают, что стремились создать психологический портрет героя войны, а не снять очередной блокбастер на военную тему.

Одним из маркетинговых ходов, привлекающих молодое поколение к просмотру ленты, было упоминание о том, что фильм

основан на реальных событиях. Это заставило аудиторию ознакомиться с биографией легендарного снайпера, что является положительной тенденцией. Однако для тех, кто воспринимает художественное воплощение буквально, «Битва за Севастополь» может стать источником недостоверных сведений о героине. Большое количество фактов о жизни и борьбе Л. Павличенко в картине С. Мокроусова является художественным вымыслом.

Создатели фильма не смогли обойтись без современных спецэффектов. Поэтому целые эпизоды созданы в жанре голливудских блокбастеров. Панорамные «технологичные» сцены сменяются классическим киноповествованием с традиционной сменой крупности планов, репликами героев и риторическими паузами. Такие резкие переходы нарушают ощущение целостности сюжета, препятствуют созданию эффекта сопричастности зрителя. Обилие спецэффектов напоминает современные компьютерные игры, создавая впечатление нереальности военных действий.

Особенность киноязыка фильма проявляется и в подборе музыкального сопровождения. Современные поп- и рок-композиции включены в картину не случайно. Понятный молодой аудитории музыкальный материал привлекает внимание к фильму. Однако происходящее на экране в сопровождении современных известных исполнителей выглядит как красивая сказка о войне, не имеющая отношения к реальным историческим событиям.

Кульминацией музыкального раскрытия становится кавер на песню В. Цоя «Кукушка» в исполнении П. Гагариной. Это, по сути, самостоятельный музыкальный клип, включенный в фильм. Для молодой аудитории с клиповым мышлением подборка качественных с художественной точки зрения военных кадров под культовую песню в исполнении популярной певицы становится едва ли не самым запоминающимся эпизодом.

Это отвлекает от образа героини и общей канвы повествования. Таким образом, попытка раскрыть героическую личность на фоне войны средствами современного клипового языка превратила хороший с точки зрения идеи и операторского искусства

киноматериал в еще один блокбастер с претензией на психологическую драму.

Самым противоречивым и одновременно «кассовым» стал отечественный фильм режиссера А. Сидорова «Т-34» (2018). В первый день проката фильм собрал более 111 млн рублей. Общие сборы картины составляют более \$ 35 млн. «Т-34» – шестая российская картина, созданная в формате IMAX. Фильм, по словам создателей, представляет собой образец военно-приключенческого жанра. Режиссер и автор сценария А. Сидоров в интервью телеканалу «Россия» 08 июля 2017 г. заявил, что главная задача «рассказать историю войны так, чтобы увлечь молодежь и не вызвать противоречий у тех, кто еще хранит Великую Отечественную в своей памяти». Ориентация на «цифровое поколение» проявляется во всем: экшн-драма буквально состоит из спецэффектов, объемный звук рвущихся снарядов, частое использование приемов *slow mo* и *rapid*. Мощная технологичность на фоне плоских, нераскрытых характеров героев, однотипных диалогов, простых, не претендующих на интеллектуальную остроту шуток, приправленных сниженной лексикой, создают общую атмосферу сетевой компьютерной игры, а не военной драмы.

Кинокритик А. Долин называет «Т-34» «чистой фантазией, адаптированной для тинейджеров»¹. В картине отработана классическая голливудская схема с традиционным «happy end»: положительный герой побеждает откровенно глупых врагов, спасает прекрасную девушку и преданных друзей. Кинокритики объясняют, в чем принципиальная разница между советскими военными фильмами и современными картинами. «Это образцово-показательное бесстрашие, этот программный героизм слегка смущают. Поначалу сам не понимаешь, чем. А потом вспоминаешь, к чему возводит свою генеалогию «Т-34»: к советским фильмам о войне. В лучших из них противниками были не немцы, как

¹ Долин А. Выходит «Т-34»: блокбастер про Великую Отечественную войну от режиссера «Бригады» – без Сталина и идеологии. Meduza (20 декабря 2018) [Электронный ресурс]. URL: <https://meduza.io/feature/2018/12/26/vykhodit-t-34-blokbaster-pro-velikuyu-otechestvennuyu-voynu-ot-rezhissera-brigady-bez-stalina-i-ideologii> (дата обращения: 20.05.2020).

здесь, а война как таковая... Они показывали, как человек сохраняет в себе человеческое благодаря стремлению к миру и памяти о нем. Пространство «Т-34» устроено принципиально иначе. Оно отдано тотальной нескончаемой войне, в которой царит утешительная простота: есть наши, есть враги, и врагов надо бить до победного конца. Без боли и горечи, с азартом и остервенением игроков компьютерного чемпионата»¹.

Это мнение разделяет и обозреватель «Новой газеты» Л. Малукова, которая сравнивает новый кинопродукт с советскими военными драмами, подчеркивая, что «в тех фильмах живым пульсом билась фолкнеровская идея: с войны нельзя прийти победителем. В них было осознание глобальной катастрофы, которой была для нашего народа Вторая мировая. В новейшей отечественной киновойне не отыскать авторской точки зрения. Вместо обращения к мифу – мифологизация истории. Вместо антивоенного духа – девиз «Можем повторить!», призыв к подвигу. Вместо жестокого умного врага – сплошные идиоты. Романтизация войны, ощущение легкости победы охватывает экран»².

Главная опасность современного прочтения военной тематики заключается именно в романтизации этого трагического периода истории, создании иллюзии легкости победы и ничтожности жертвы, которую принесли народы бывшего СССР во имя свободы и мира.

Современные популярные военные кинофильмы, созданные как коммерческий продукт, часто вольно интерпретируют исторические факты, пренебрегают глубоким анализом фактического материала и духовно-нравственной составляющей, уделяют больше внимания форме, игнорируя содержание. Подобная тенденция опасна, поскольку искажает историческую память и создает у молодого поколения ложное представление о чувстве патриотического долга.

¹ Долин А. Выходит «Т-34»...

² Малукова Л. Главный герой Нового года – танк. Новая газета (11 января 2019) [Электронный ресурс]. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2019/01/11/79153-glavnyy-geroy-novogo-goda-tank> (дата обращения: 20.05.2020).

Список литературы

1. Герасимова С.А. Культурология и теория телекоммуникации: элементарный курс: учебное пособие / С.А. Герасимова. М.: Гардарики, 2007. 173 с.

2. Мердешев Е.Г., Макарова И.И. Формирование исторической памяти у молодежи средствами кинематографа (на примере фильмов о ВОВ) // Актуальные направления научных исследований: от теории к практике: мат-лы V Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 26 июня 2015 г.) / редколл.: О.Н. Широков [и др.]. Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2015. С. 157–158.

3. Мартыненко М.В. Возможности телевидения для пропаганды патриотизма: медиаведческий аспект // Вестник ПГЛУ. 2011. № 3. С. 199–222.

УДК 930.1

Е.А. Полиновская

Подпольная организация «Молодая гвардия» в кинематографической коммеморации

Е.А. Polinovskaya

Underground Organization “Young Guard” in the Movie Memory

Аннотация. Статья посвящена проблеме отражения в кинематографе истории одной из самых известных подпольных молодежных организаций в годы Великой Отечественной войны – «Молодой гвардии» в г. Краснодоне. Автор анализирует отображение деятельности молодых подпольщиков в классическом фильме С.А. Герасимова, снятого по роману А.А. Фадеева в 1948 г., и российском сериале 2015 г. с одноименным названием. На основе проведенного сравнения сделан вывод об эволюции коммеморации легендарных советских героев в кинематографе.

Ключевые слова: подпольная организация; комсомол; коммеморация; герои; фильмы; «Молодая гвардия»; фашистская оккупация.

Комсомольская краснодонская организация «Молодая гвардия» без преувеличения является одной из самых известных подпольных групп Великой Отечественной войны. Всесоюзную и даже всемирную известность героям принес роман Александра Фадеева, написанный буквально по горячим следам событий, а также легендарный фильм выдающегося советского режиссера Сергея Герасимова «Молодая гвардия». «Впечатление от обоих произведений сегодня трудно передать – оно было в полном смысле потрясающим. Грандиозным!» – вспоминал журналист Виктор Кожемяко¹. В настоящее время в связи с возвращением внимания к героическим страницам нашей истории, а также с событиями на Донбассе интерес к краснодонским подпольщикам вновь возродился. К 70-летию Победы Первый канал выпустил на экраны новый фильм, громко прорекламировав его как «подлинную историю» знаменитой подпольной организации.

Фильм С. Герасимова снимался по роману Фадеева, который, воссоздавая историю «Молодой гвардии», использовал документальные источники и все же писал художественный роман, о чем заявлял неоднократно. Сериал 2015 г. режиссер Л. Пляскин охарактеризовал так: «Наш фильм – не ремейк легендарной картины Сергея Герасимова и не экранизация романа Фадеева. Мы представляем свой взгляд на их подвиг, основываясь на историческом материале»². Представляется актуальной и интересной задачей рассмотреть, как изменилась коммеморация героев-краснодонцев и насколько объявленная создателями цель была выполнена.

В отчете ЦК комсомола командир «Молодой гвардии» Иван Туркенич так определил основные направления деятельности подполья: «...нами была разработана программа действий подпольной организации. Борьба с вражеской пропагандой, противодействие немцам во всех мероприятиях, вооруженная борьба – вот коротко задания, которые мы поставили перед собой» [1, с. 35–36]. За три месяца существования молодогвар-

¹ Кожемяко В. Вторая казнь Олега Кошевого // Правда. 2015. 19 мая.

² «Молодая гвардия»: как снимали военную драму [Электронный ресурс]. URL: https://www.vokrug.tv/article/show/molodaya_gvardiya_kak_snimali_voennoy_dramu_47756/ (дата обращения: 04.04.2020).

дейцы распространили более 5 тыс. листовок, спасли раненых советских бойцов из красnodонской больницы, освободили военнопленных из лагеря на хуторе Волченский, осуществили ряд диверсий, среди которых самая дерзкая – поджог биржи труда, где сгорели списки красnodонцев, предназначенных к угону в Германию, нападали на гитлеровские автомашины, уничтожили десятки гитлеровских солдат, казнили нескольких полицейев. На 25-летие Октябрьской революции подняли в городе восемь красных флагов. Обосновались в клубе имени Горького, который стал их нелегальной штаб-квартирой, и не давали нацистам проводить свою агитацию. Большая часть этой боевой деятельности в фильме не попала. Зато присутствуют выдуманные факты – налет на фашистский склад, захват «языка», похищение эсэсовца. В новом фильме историю «Молодой гвардии» изобразили, как отмечали критики, «максимально приближенно к современным боевикам» – «погони, преследования, перестрелки».

Считается, что подпольная комсомольская организация «Молодая гвардия» была создана в конце сентября путем объединения отдельных молодежных нелегальных групп. Решающим толчком в ее создании стала расправа немецко-фашистских оккупантов с 32-мя красnodонцами – коммунистами, активистами советской власти, шахтерами-ударниками, которых живыми закопали в городском парке. О причинах расправы сообщил начальник окружной жандармерии Ренатус, фигурирующий и в новом сериале: «Получив список 32-х местных коммунистов, я вызвал к себе Соликовского и Стаценкова, которые подтвердили мне, что все эти лица являются активными сторонниками Советской власти. Для меня это было вполне достаточно, чтобы расстрелять этих людей. 28 сентября 1942 г. я приказал Соликовскому уничтожить арестованных коммунистов, не ограничивая при этом его в способах уничтожения»¹. И эта жестокая казнь, потрясшая весь город, выброшена из сериала и заменена

¹ «Молодая гвардия»: история, рассказанная палачами [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ostro.org/lugansk/society/articles/406954/> (дата обращения: 06.04.2020).

убийством евреев, которых скидывают в шахту. Представляется, что такая трактовка связана с давно существующим спором по поводу роли партии в организации и деятельности молодежного подполья. Еще во время создания книги и фильма Герасимова Сталин подверг критике обоих творцов, за то, что они не показали руководящей роли коммунистов в подпольной работе комсомольцев. И соответствующие эпизоды были внесены в оба произведения. С постсоветского времени, особенно на Украине, активно продвигалась версия о «стихийности» «Молодой гвардии», о полном отсутствии руководства и связей «взрослого» и комсомольского подполья. Эта же мысль проводится и в новом сериале. Коммунистов, взрослого подполья в новом фильме нет. Но источники говорят о его существовании. Связь его с молодежной организацией осуществлялась через молодого коммуниста Евгения Мошкова, директора клуба имени Горького, где базировался штаб молодогвардейцев, и молодогвардейца Владимира Осьмухина, работавшего в электромеханических мастерских. Старшие товарищи помогали юным подпольщикам советами, а то и передавали им прямые указания и задания. Вот как об этом вспоминает оставшийся в живых член штаба «Молодой гвардии» Василий Левашов: «Мошков требовал, чтобы по всем важным вопросам работы «Молодой гвардии» мы обязательно советовались с ним. Но это предупреждение было излишним. Мы для того искали связи с коммунистами, чтобы пользоваться их опытом» [2, с. 129]. Все коммунисты подпольщики были арестованы, подвергнуты пыткам и вместе с молодыми патриотами расстреляны и сброшены в шурф шахты № 5. Но, к сожалению, на страницах «подлинной истории» этим героям не нашлось места. То есть просматривается характерная для настоящего времени деидеологизация патриотизма героев. В фильме упоминается, что его герои – комсомольцы и молодогвардейцы собираются в каком-то выдуманном гроте, в котором открыто вывешен советский флаг, что, кстати, выглядит нереально. Но нет ни временных комсомольских удостоверений, в которых было написано «действительно на время Отечественной войны» (такие билеты

сохранились и представлены в музее «Молодой гвардии» в Краснодаре), ни приема в комсомол, ни самого функционирования комсомольской организации, ни того духа комсомольской убежденности, который был присущ этим советским ребятам. Эта убежденность позволила молодогвардейцам совершить свой главный подвиг – выстоять под пытками, героически принять смерть. Стойкость советских ребят подтверждена многими свидетельствами как самих палачей, так и узников фашистских казематов, оказавшихся вместе с молодогвардейцами, но сумевшими спастись. «Мы удивлялись, как у молодого человека могла выработаться такая сильная воля, – заявил в своих показаниях на суде жандармский офицер Отто Шен, участвовавший в допросе Сергея Тюленина. Несмотря на все истязания, он ни разу не вымолвил ни слова о пощаде и не выдал никого из молодогвардейцев» [1, с. 82]. В показаниях Гейнста, бывшего личного переводчика шефа Ровеньковской полевой жандармерии Вернера, значилось: «Из числа казненных я только хорошо помню Олега Кошевого и Любу Шевцову и больше потому, что они на допросе в Ровеньках вели себя очень мужественно, смело. Люба Шевцова вела себя исключительно стойко и даже героически, улыбалась на ряд вопросов... На все вопросы Кошевой отвечал отрицательно, за исключением слов, однажды, когда при этих ответах его жестоко били: “Все равно вы погибнете, фашистские гады! Крах приходит к вам, а наши уже близко”¹. К сожалению, ни один из этих моментов исключительной стойкости не нашел места в двенадцатисерийной версии. Сцены в тюрьме, показанные в сериале, отличаются типичным для современного кинематографа натурализмом, демонстрацией зверств, однако не трогают душу и сердце по причине их слабой искренности. Вместо реальных слов узников сценаристы придумывают свои, сочиняют и свой сюжет провала и арестов, когда молодогвардейцев берут всех скопом, одновременно. Интересно сравнить две сцены в женской камере из фильмов Герасимова и

¹ Отрывок из разговора с Гейнстом Томасом [Электронный ресурс]. URL: <http://molodguard.ru/doc73.htm> (дата обращения: 06.04.2020).

Пляскина. У Герасимова нет изуродованных лиц, выбитых глаз, раскрашенных кровью тел. Но сцена, где Ульяна Громова с девушками, только что принесенная после пыток, из последних сил поет украинскую песню, а Любка Шевцова отчаянно бьет чечетку, а потом дерется с фрицами и полициями, производит сильное эмоциональное впечатление. В сериале нам подается сцена коллективного написания девушками писем матерям с сентиментальными словами и рыданиями. Герасимовский вариант основан на свидетельствах заключенных, сидевших вместе с подпольщицами, например М.А. Борц. Она отмечала исключительную твердость девушек, бодрость духа. В условиях тюрьмы подбадривали друг друга, пели, читали стихи. «Девушки были бодры и твердо верили в победу наших войск, – вспоминает Мария Андреевна. – Они говорили: “Разве наш народ будет когда-либо под игом? Пусть запомнят враги, что русский народ никто не ставил на колени”» [3, с. 223].

Что касается казни, то в новом фильме пошли по проторенному пути. В реальной истории молодогвардейцы были казнены в несколько приемов – 15, 16 и 31 января 1943 г. у шурфа шахты № 5 в Краснодоне, и пятеро человек – Олег Кошевой, Любовь Шевцова, Семен Остапенко, Дмитрий Огурцов и Виктор Субботин в конце января – начале февраля в Гремучем лесу в Ровеньках. Сергей Герасимов объединил все казни в один эпизод. Вот как об этом пишет исполнитель роли Олега Кошевого Владимир Иванов: «Нельзя не принять во внимание, что казнь молодогвардейцев в самом Краснодоне свершилась не в одну ночь. В фильме “Молодая гвардия” молодогвардейцев казнят всех вместе и одновременно. Как считал режиссер-постановщик С.А. Герасимов, ежели бы гибель молодогвардейцев была показана на экране, как это было в жизни, то затянулась и стала бы безынтересной драматургия сюжета. Совершенно ясно, что в сценарии был найден единственно правильный ход»!¹ Новый фильм также объединяет все казни, показывая, что Олега и Любу казнят у шурфа. А ведь большое количество

¹ Иванов В.Н. Самая дорогая роль [Электронный ресурс]. URL: http://lilya2009.narod.ru/index/glava_5/0-187 (дата обращения: 09.04.2020).

серий позволяло показать трагедию в Гремучем лесу, тем более что она дает яркие свидетельства героизма молодых подпольщиков. Из показаний Шульца – жандарма немецкой окружной жандармерии в городе Ровеньки: «В конце января я участвовал в расстреле группы членов подпольной комсомольской организации “Молодая гвардия”, в числе которых находился руководитель этой организации Кошевой... Его я запомнил особенно отчетливо потому, что стрелять в него пришлось два раза. После выстрелов все арестованные упали на землю и лежали неподвижно, только Кошевой привстал и, обернувшись, посмотрел в нашу сторону. Это сильно рассердило Фромме и он приказал жандарму Древитцу добить его. Древитц подошел к лежавшему Кошевому и выстрелом в затылок убил его...» Эсэсовец Древитц, казнивший молодогвардейцев, на допросе в ноябре 1947 г. рассказывал: «Из числа расстрелянных во второй партии я хорошо запомнил Шевцову. Несмотря на свою молодость, держала она себя очень мужественно. Она не произнесла ни слова о пощаде и спокойно, с поднятой головой приняла смерть...»¹ Всего и в Краснодаре и Ровеньках было казнено около 60 человек. И в сцене у шурфа в фильме 1948 г. мы видим большую группу в десятки человек – комсомольцев, истерзанных, но не сломленных. В новом сериале подпольщиков не больше 20 человек, выглядят они маленькой горсткой. А ведь «Молодая гвардия» по свидетельствам исследователей была одной из самых крупных молодежных подпольных организаций в относительном выражении в годы Второй мировой войны. Не случайно оккупационные власти не решились расправиться с подпольщиками открыто, отправляли на казнь тайно, ночами, а на дверях тюрьмы вывешивали список фамилий, якобы вывезенных в Ворошиловград на допрос. Поэтому странно и неправдоподобно видеть в сериале, как молодогвардейцев тащат в грузовики среди бела дня, а их родители стоят и смотрят, как их растерзанных детей везут на расправу.

¹ Легенды и реальность. Можно ли верить истории «Молодой гвардии»? [Электронный ресурс]. URL: <http://aif.md/legenda-i-realnost-mozhno-li-verit-istorii-molodoj-gvardii/> (дата обращения: 10.04.2020).

Важное значение имеют образы самих героев. Безусловно позитивным фактом является появление на большом экране героя «Молодой гвардии» Виктора Третьякевича, оклеветанного фашистскими прислужниками, и до 1959 г. неофициально считавшегося предателем. В новом фильме он показан создателем и руководителем «Молодой гвардии», безусловным и единственным лидером, комиссаром и командиром подполья в одном лице. Но при этом все остальные герои, за исключением, пожалуй, Любви Шевцовой, превратились в статистов, второстепенных персонажей. Но и эта героиня далека от исторического образа Героя Советского Союза Шевцовой, которая изображена профессиональной разведчицей, выступающей в никогда не существовавшем в Краснодаре кабаре и получающая сведения путем чересчур вольного общения с немцами, что выглядит весьма спорной трактовкой. Наиболее искаженным смотрится изображение Олега Кошевого. С 50-х гг. XX в. ведется дискуссия о комиссаре организации. В сериале этот вопрос однозначно решен в пользу Третьякевича. Но, даже соглашаясь с этой позицией, нельзя не признать, что практически никто из исследователей, выживших молодогвардейцев, свидетелей событий не отрицал, что Кошевой был членом штаба, одним из руководителей подполья. В сериале он приходит в организацию в конце и является ее рядовым участником. Весьма неоднозначной выглядит версия о терпимом отношении Олега к немецким оккупантам, о его дружбе с вымышленным инженером Гопфом, работа его помощником, его колебания относительно включения в борьбу. А ведь ненависть к захватчикам и убежденность Олега подтверждается многочисленными источниками. Среди самых убедительных свидетельств – подлинные стихи Олега Кошевого, написанные во время войны и оккупации:

И я решил, что жить так невозможно.
Смотреть на муки, самому страдать.
Скорей пора! Пока еще не поздно,
В тылу врага – врага уничтожать.

Стихи завершаются строками: «Я так решил, и это я исполню! Всю жизнь отдам за Родину свою...» [3, с. 109]. Биография главного героя Виктора Третьякевича также искажена. Авторы забывают упомянуть его общественную комсомольскую деятельность в должности комсорга школы им. Ворошилова, члена райкома комсомола. Остался за кадром его старший брат Михаил, работавший секретарем горкома партии в Ворошиловграде, а потом перешедший на подпольную работу, также будучи секретарем подпольного городского комитета ВКП(б). Есть точка зрения, что именно данные о ворошиловградском подполье пытались добыть у Виктора гестаповцы, подвергая его наиболее жестоким испытаниям. Михаил Иосифович свидетельствовал, что Виктор знал две явки коммунистов Ворошиловграда, но они остались нераскрытыми гитлеровцами, что является еще одним весомым доказательством его стойкости [4, с. 56]. И еще один факт бесспорного героизма Виктора – нападение у шурфа на заместителя начальника красnodонской полиции Захарова, попытка сбросить его в шурф – тоже остался за кадром. Вместо этого мы видим ныряние в бочку с мазутом, любовь к выдуманной Соне, философские беседы с Ренатусом, совместную игру на скрипках. Обладая гораздо более значительным экранным временем, авторы новой версии показали меньше героев-подпольщиков, чем Герасимов в двухсерийном фильме. Из истории «Молодой гвардии» исчезли Валерия Борц, сестры Иванцовы, Евгений Мошков, Анатолий Орлов, Виктор Петров, Радик Юркин.

К сожалению, можно сделать вывод, что в новой киноверсии «подлинной истории» легендарной организации не получилось, поскольку представленный вариант сильно далек от известных исторических фактов. Между тем следует констатировать, что легендарные советские герои продолжают играть важную роль в сохранении памяти о войне и Победе. Тем не менее можно видеть изменение акцентов в коммеморации. Прежде всего это стремление к деидеологизации, концепции общего патриотизма, не связанного с советским Отечеством, ставка на индивидуализм героев, стремление привлечь зрителя зрелищностью событий.

Безусловно такой подход является выражением времени, но не всегда идентичным отражением реальных событий.

Список литературы

1. *Васильев В.П.* ...И передай товарищу! М.: Молодая гвардия, 1985. 157 с.
2. *Левашов В.И.* Мои друзья молодогвардейцы // Звезда. 1970. № 1. С. 6–44.
3. Молодая гвардия. Документы и воспоминания о героической борьбе подпольщиков Краснодона. Донецк: Донбасс, 1977. 360 с.
4. *Колотович А., Осинин Н.* Дорогие мои краснодонцы. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1968. 159 с.

УДК 94(470)791.222

А.В. Трофимов

Образ Великой Отечественной войны в советском кинематографе второй половины 1940-х годов

A.V. Trofimov

The Image of the Great Patriotic War in Soviet Cinema of the Second Half of the 1940s

Аннотация. В статье на основе анализа содержания советского кинематографа первых послевоенных лет выявляются тематические поля, сюжетные линии и смысловые единицы, составляющие образ Великой Отечественной войны. Подсчитано, что в 1946–1950 гг. на экраны кинотеатров вышло 92 художественных фильма, снятых в СССР, 32 из них были либо полностью посвящены теме Великой Отечественной войны, либо в сюжетных линиях прослеживалась связь с войной. Анализируются презентуемые в них три составляющие обобщенного образа войны: 1) образ «вождя и полководца» И.В. Сталина, основных битв войны; 2) образ врагов и недавних союзников; 3) образ героизма советских людей.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; художественный кинематограф; образ войны; послевоенный период.

Происходящие в последние годы на международном политическом уровне информационные и мемориальные войны актуализируют обращение к образу Великой Отечественной войны, который занимает одно из центральных мест в исторической памяти нашего народа. Одним из релевантных средств визуализации и инструментом трансляции этого образа является художественный кинематограф.

В послевоенном советском социуме доступным практически всем категориям населения развлечением и видом отдыха, а для государства средством трансляции нормативных визуальных образов и смыслов был кинематограф. О популярности послевоенного кино свидетельствовали очереди за билетами и спекуляция ими. Так, в центре Москвы у кинотеатра «Метрополь» в любое время дня и до позднего вечера подростки перепродавали билеты, купленные за 3 р., по цене 15–20 р. [1, с. 151]. Великая Отечественная война нанесла существенный ущерб материальной базе кинематографа, если в 1940 г. в городах и рабочих поселках РСФСР работало 5 тыс. киноустановок, то в 1945 г. их осталось 3,8 тыс. За 1946–1948 гг. в 16 городах, получивших большие разрушения в годы войны, было введено кинотеатров на 3270 мест, что было почти наполовину меньше запланированного¹. С 1945 по 1950 г. в стране количество стационарных киноустановок увеличилось с 9,1 тыс. до 21,2 тыс., а количество посещений киносеансов возросло с 622 млн в 1945 г. до 1144 млн в 1950 г.².

Советский кинематограф в послевоенные годы выполнял идеологические, пропагандистские, коммуникативные, интегративные функции. С позиции антропологического подхода исследователи [2, с. 23] при анализе советских послевоенных фильмов обращают внимание не только на открытый политико-идеологический смысл фабулы и сюжета, но и на их скрытое содержание, на то, что читается «между кадров», составляет неявный, неосознанный фон реальности; подчеркивают, что фильмы

¹ РСФСР за 40 лет (Статистический сборник) М.: Сов. Россия, 1957. С. 163.

² Народное хозяйство СССР в 1956 г. (Статистический сборник). М.: Гос. стат. изд-во, 1956. С. 238.

о Великой Отечественной войне формировали определенное видение истории, фиксируя его на экране, помогали осмыслить события недавнего прошлого посредством визуально-вербальных образов, кодифицируя вариант интерпретации прошлого для послевоенного советского общества, который предпочитался всем остальным.

Художественные фильмы второй половины 1940-х гг. являются важными историческими источниками, свидетельствами эпохи, отражают ценностные предпочтения, идеалы, модели поведения, детали повседневной жизни. Предложенная в них версия художественного осмысления исторического прошлого, реконструкция феномена войны опиралась на политико-идеологический каркас «сталинизма», а главным методом визуального отображения действительности являлся «социалистический реализм».

По нашим подсчетам, на основе аннотированного каталога «Советские художественные фильмы (1930–1957 гг.)» (М., 1961) [3], в 1946–1950 гг. на экраны кинотеатров вышло 92 игровых фильма, снятых в СССР. Из них 32 либо были полностью посвящены теме Великой Отечественной войны, либо в их сюжетных линиях явно прослеживалась связь с войной.

В ходе подготовки сценариев, а затем их экранного воплощения, авторы должны были следовать политико-идеологическим установкам и учитывать изменения внутри- и внешнеполитической ситуации. В обобщенном образе Великой Отечественной войны в отечественном кинематографе исследователи выделяют пять базовых элементов: «Война», «Враг», «Вождь», «Красная Армия» и «Свои» [4, с. 76]. К ключевым составляющим этого образа, созданным в советском послевоенном кинематографе, можно отнести: 1) образ «вождя и полководца» И.В. Сталина, основных битв войны (предполагалось создать художественные киноверсии «десяти сталинских ударов»); 2) образ врагов и союзников; 3) образ народа, советских людей, героизма и жертвенности.

Первый образ формируется фильмами «Клятва» (1946 г.), «Третий удар» (1948 г.), «Сталинградская битва» (1949 г.), «Па-

дение Берлина» (1949 г.), относящимися к жанру «художественно-документальной эпопеи». На съемках этих фильмов участвовали целые воинские соединения, в батальных сценах «Сталинградской битвы» ежедневно снималось от 500 до 5 тыс. солдат, военнопленные немцы, специально доставленные из лагерей, десятки танков, орудий, самолетов, автомашин, барж, лодок и т.д. [5, с. 161]. Транслируемый в этих фильмах образ мудрого Главнокомандующего, обладающего и реализующего правильную военную стратегию, подтверждался масштабными сценами реконструкции решающих военных битв.

В фильме «Клятва» было отражено предвидение Сталиным войны, подчеркивалась его уравновешенность, спокойствие и полный контроль над ситуацией на фронте. Великая Отечественная война изображалась как один из этапов истории СССР, испытание, которое с честью выдержал советский народ [6, с. 44]. Для того, чтобы подчеркнуть близость вождя к простым людям, в двух фильмах («Третий удар» и «Сталинградская битва») актер А. Дикий, игравший Сталина, говорил без акцента, стремясь показать на экране не реального Сталина, а «впечатление людей от Сталина», т.е. его мифологический образ. В фильме «Падение Берлина», констатирует А.В. Лямзин, главный действующий герой – это «Сталин и его апостолы-генералы», все участники этого идеографического произведения живут и идут в бой со Сталиным на устах, сцены и персонажи выглядят достаточно плоскими, но это сродни обратной перспективе русской иконописи [4, с. 77].

Насыщенность этих фильмов очевидным символизмом неразрывной связи в образе Победы ее главного творца с героическим народом закладывала в общественное сознание краеугольные основы мифологической версии войны. Подвергнутые существенной эрозии и прямой критике в годы «хрущевской оттепели» и «горбачевской перестройки» эти структурные элементы в современном кинематографе России проявились в двух противоположных тенденциях: попытках разъединения фигуры Сталина и Победы народа и возврата к мифологии образа Великого Главнокомандующего.

Обратим внимание на то, что в послевоенные годы эти фильмы встретили неоднозначную реакцию со стороны зрителей (людей, обладавших личным опытом и своими представлениями о войне), о чем, в частности, свидетельствует такой важный показатель, как посещаемость кинотеатров. Проведенный Д.Н. Ряпусовой анализ архивных документов на примере Молотовской (Пермской) области, показал, что широко пропагандированный тогда фильм «Клятва» значительно уступал по посещаемости трофейному мюзиклу «Девушка моей мечты». За пять месяцев 1947 г. в Прикамье было дано 388 сеансов первого и 201 второго фильма, на которых «Клятву» посмотрели 25 783 чел., а зарубежный мюзикл – 55 526 чел. Причем средняя посещаемость киносеанса советской кинокомедии «Небесный тихоход» (1945 г.) составляла 72 чел., тогда как «Девушку моей мечты» в среднем просматривали в сеанс 276 чел., а «Клятву» – 67 чел. [7, с. 191]. Очевидно, что в тяжелые послевоенные годы для многих людей целью похода в кино было стремление на несколько часов попасть в иллюзорный мир мечты и потому легкая музыкальная комедия была более притягательна чем официальный пафосный фильм. В 1949 г., благодаря рекламным мероприятиям удалось повысить зрительский интерес к картинам отечественного производства: так, при одинаковом количестве дней показа фильм «Встреча на Эльбе» (СССР, 1949 г.) посетило 115 тыс. чел., а «Судьбу балерины» (Германия, 1937 г.) – 47 тыс., «Суд чести» (СССР, 1948 г.) – 69 тыс., тогда как «Ошибку дипломата» (Германия, 1939 г.) – 40 тыс. [7, с. 191].

Вторая составляющая образа войны в послевоенном кинематографе предельно четко демонстрирует «Врага», «немецко-фашистских захватчиков». Враг был коварен, расчетлив и жесток. Немецкие офицеры зачастую изображались малопривлекательными сухощавыми немолодыми субъектами. Вожди нацистской Германии выглядели подчеркнуто карикатурно и нелепо, во главе с их бесноватым фюрером [4, с. 77].

В условиях начавшейся «холодной войны» негативные характеристики приобретают и недавние союзники (У. Черчилль

в фильмах «Третий удар», «Падение Берлина»), представители американского командования в остросюжетных кинокартинах «Встреча на Эльбе» (1949 г.) и «Секретная миссия (1950 г.). Неожиданный, на первый взгляд, ракурс на тему коллаборационизма был предложен авторами фильма «Большая жизнь» (1946 г.), где показаны в положительном качестве персонажи, работавшие полицейскими при немецкой оккупации в Донбассе, якобы по заданию партизан. После выхода фильма в прокат последовала критика со стороны А.А. Жданова и И.В. Сталина, обвинивших авторов в фальшивом отображении советских людей и хода восстановительных работ на Донбассе. Еще одним недостатком, противоречащим идеологии советского государства, было названо то, что личному в фильме придано гораздо большее значение, чем общественному [8, с. 598–599]. Иной взгляд на проблему коллаборационизма представлен в фильме «Подвиг разведчика» (1947 г.), где появляется украинский предатель-националист, который добровольно приходит на службу к немцам, заявляя, что он украинец и не любит русской музыки.

Третья составляющая образа войны воплощалась на экране как с помощью обращения к реальным прототипам, так и на уровне художественных типажей. Главными персонажами многих послевоенных фильмов становились не Сталин, генералы и командующие фронтами, а советский народ и отдельные герои, имевшие реальных прототипов или выступающие как собирательные образы («Подвиг разведчика», «Сыновья» (1946 г.), «Рядовой Александр Матросов» (1947 г.), «Повесть о настоящем человеке» (1948 г.), «Молодая гвардия» (1948 г.), «Звезда» (1949 г.), «Сын полка» (1946 г.), «Путь славы» (1948 г.), «Константин Заслонов» (1949 г.), «Смелые люди» (1950 г.) и др.). Наряду с психологически достоверными образами персонажей в киноязыке присутствовала театральность, мифологичность изложения, показ приукрашенной послевоенной действительности («Сказание о земле Сибирской» (1948 г.), «Кубанские казаки» (1949 г.). Главной характеристикой в образе советского человека, ведущего борьбу с фашизмом, становилась именно его совет-

скость, а подвиги героев, их самопожертвование представлялись в полной мере осознанными [9, с. 169]. В ходе просмотра зрители могли вновь пережить свой экзистенциальный военный (фронтовой или тыловой) опыт, поместив его в контекст биографии страны и героического поколения победителей.

Заметный в последние годы тренд на национально- и государственно-ориентированную политику исторической памяти обусловил претензии, предъявляемые к выходящим в постсоветский период фильмам о войне. Их критикуют за очевидную мифологизацию, подмену «правды» о войне спецэффектами и кочующими из фильма в фильм стереотипами в изображении Сталина, НКВД, «Смерша» и т.п. Изобилие исторических неточностей, что в значительной мере объясняется как исторической дистанцией, отказом от обязательной государственной идеологии, так и требованиями современного медийного рынка. В данном контексте обращение к контенту военного кинематографа первых послевоенных лет позволяет лучше понять, что в фильмах, вышедших тогда на экраны, были зафиксированы базовые элементы образа войны, ставшие константой для исторической памяти и коммеморативных практик: огромные усилия всего советского народа и политического руководства страны для достижения Победы; массовый героизм и жертвенность во имя Родины. Наиболее талантливые кинопроизведения, в которых соединились соответствующие историческим реалиям и мифологические сюжетные линии, действовали запоминающиеся зрителю герои, стали классическими, они составляют неотъемлемую часть «золотого фонда» отечественного кинематографа, содержат элементы национального кода памяти о Великой Отечественной войне, объединяющей современный российский социум.

Список литературы

1. Богданов С.В., Орлов В.Н. Из истории борьбы правоохранительных органов СССР со спекуляцией в первые послевоенные годы // Современное право. 2010. № 1. С. 148–152.

2. Волков Е.В., Пономарева Е.В. Игровое кино как исторический источник для изучения культурной памяти // Вестник ЮУрГУ, 2012. № 10 (269). С. 22–26.

3. Советские художественные фильмы. Аннотированный каталог. Ч. 2. Звуковые фильмы (1930–1957 гг.). М.: Гос. Изд-во «Искусство», 1961. 767 с.

4. Лямзин А.В. Базовые образы Великой Отечественной войны в советском и постсоветском кинематографе как элементы национальной российской идентичности // История и современное мировоззрение. 2019. № 1. С. 73–80.

5. Ханютин Ю.М. Предупреждение из прошлого. М.: Искусство, 1968. 285 с.

6. Багдасарян В.Э. Образ врага в исторических фильмах 1930–1940-х гг. // Отечественная история. 2003. № 6. С. 31–44.

7. Ряпусова Д.Н. «Что сегодня покажет нам товарищ Большаков?»: проблемы послевоенного уральского кинопроката в свете сталинской кинополитики // Вестник Пермского университета. 2013. № 1 (21). С. 185–196.

8. Власть и художественная интеллигенция. ВЧК–ОГПУ–НКВД о культурной политике 1917–1953 гг. / сост. А.Н. Артизов. М.: Международный фонд «Демократия», 1999. 872 с.

9. Орлова А.С. Художественные фильмы о Великой Отечественной войне 1946–1956 гг. как отражение изменений в политической жизни СССР // Вестник МГОУ. Сер.: История и политические науки. 2015. № 3. С. 165–172.

О.В. Рыжкова

Гражданско-патриотическое воспитание молодежи в пространстве педагогического вуза

O.V. Ryzhkova

Civil-Patriotic Education of Youth in the Space of a Pedagogical University

Аннотация. В статье представлен опыт организации работы по гражданско-патриотическому воспитанию студентов педагогического вуза, в т.ч. сохранению памяти о Великой Отечественной войне. Описываются как реализованные, так и перспективные проекты по вовлечению студенческой молодежи в культурно-волонтерскую деятельность, направленную на сохранение исторической памяти о героическом прошлом России, культурного наследия уральского региона.

Ключевые слова: гражданско-патриотическое воспитание; Великая Отечественная война; историческая память; культурное наследие; педагогический вуз; молодежь.

Необходимость гражданско-патриотического воспитания современной российской молодежи осознана и на государственном уровне, и на уровне педагогического сообщества. Многие в этом направлении делается, позитивный опыт и проблемы обсуждаются как в СМИ, так и на научных конференциях [1; 2 и др.], в профессиональных изданиях [3–5]. Интерес к вопросам гражданско-патриотического воспитания молодежи заметно оживляется в преддверии юбилейных дат из истории России. В этом году таким мотиватором общественного и профессионального интереса к обозначенной проблеме стало 75-летие Победы в Великой Отечественной войне. По меткому замечанию И.С. Огоновской, «тема войны – одна из самых «воспитательных», потому что она не только о патриотизме и героизме, но и о предательстве, друж-

бе, любви, насилии, жертвах, несправедливости, несбывшихся надеждах и др.» [6, с. 23].

Традиционно в педагогических вузах центрами по гражданско-патриотическому воспитанию были исторические факультеты, которые в последние годы почти повсеместно трансформировались в социально-гуманитарные факультеты и т.п. Социально-гуманитарный факультет филиала Российского государственного профессионально-педагогического университета в Нижнем Тагиле – не исключение, он стал преемником исторического факультета, созданного в 1976 г. на базе Нижнетагильского государственного педагогического института. За эти годы на факультете накоплен огромный опыт по формированию исторической памяти, гражданско-патриотическому воспитанию. В данной работе акцент будет сделан на последние пять лет.

В связи с переходом на стандарты нового поколения структура, содержание и объем аудиторной нагрузки, предназначенной для изучения дисциплины «История», являющейся базовой для развития исторической памяти, существенно изменились в сторону ее сокращения. В этих условиях повысить эффективность воспитательного воздействия «краткого вузовского курса истории» помогают интерактивные методы преподавания, продумывание заданий, требующих не только интеллектуальных, но и эмоциональных затрат. Например, живой интерес у студентов вызывают «лекции вдвоем», на которую приглашается коллега для совместного проведения занятия по дискуссионным вопросам истории, в т.ч. истории Великой Отечественной войны. Зачастую аргументы из уст «студента-солектора» являются для молодежи более убедительными, чем сказанные педагогом. Хорошую подборку «статистических аргументов» для серьезного разговора со школьниками и студентами подготовила в одной из последних своих публикаций И.С. Огоновская [7].

Удачным является также опыт использования тематических портфолио для организации самостоятельной работы студентов по теме войны, о чем сообщалось в ряде публикаций [8]. Творческие задания, направленные на анализ различных источников

информации о войне, создают ее многомерный образ и развивают критическое мышление.

Современный образовательный процесс невозможно представить без визуализации. Большой информационный, эмоциональный и методический потенциал имеют телересурсы [9], документальное и художественное кино о войне. Так, просмотр д/ф «Список Киселева. Спасенные из ада» о подвиге партизана Николая Киселева, спасшего в 1942 г. жизнь 218 жителям еврейского местечка Долгиново, вызвал у многих не только слезы сопереживания, но и нравственный вопрос к самому себе: «А как бы я поступил, оказавшись в данной ситуации?». Для обучения методике конструктивной дискуссии может быть полезен телепроект «Что делать?», применительно к заявленной теме, например выпуск «Советский индустриальный феномен в годы Великой Отечественной войны».

Нередко лекции о героическом прошлом нашей страны заканчиваются поэтической пятиминуткой, когда студентам предлагается наизусть почитать стихи о войне. Непременно в аудитории находится студент, робко спрашивающий: «А можно свои стихи почитать?»

Больше возможностей рефлексировать на тему Великой Отечественной войны у студентов, обучающихся по профилю «История и обществознание». Различные аспекты этой темы включаются в программы профильных дисциплин: «Новейшая история зарубежной Европы», «Историография», «Историческое краеведение» и т.д. Например, на практических занятиях по «Музееведению» студентам предлагается совершить виртуальное путешествие по музеям городов-героев, спроектировать виртуальную выставку из произведений искусства, созданных в годы войны. Интерес вызвало междисциплинарное занятие по «Музееведению» и «Источниковедению», когда студенты создавали минивыставки эго-документов и фотодокументов «Память о Великой Отечественной войне в семейных архивах», а потом проводили по ним экскурсии. На учебных практиках (музейной, архивной) возможно подключить студентов к социально зна-

чимым проектам: оцифровке документов школьных музеев, посвященных теме войны, выявлению новых документов о войне в семейных архивах горожан и подготовке их к передаче в городской исторический архив. В этом году студенты помогли оцифровать и набрать текст рукописи воспоминаний участника войны, трудармейца П. Берга (более 200 листов формата А4).

Важным направлением в деятельности современных институций памяти является ориентация на партиципаторные проекты [10], в основе которых лежит идея соучастия, и проведение политики аффекта [11], направленной на создание особого эмоционального состояния у участников, посетителей. Если мы хотим «достучаться до сердец» студентов, то наши лекции и практические занятия, посвященные войне (и не только ей), должны быть партиципаторными, с элементами аффекта. Конечно, это потребует от педагога значительных временных, интеллектуальных и душевных затрат.

В условиях сокращения аудиторной учебной нагрузки возрастает роль внеучебной работы по гражданско-патриотическому воспитанию и формированию исторической памяти. Важно, чтобы разработчиками «интеллектуальных продуктов», формирующих историческую память о войне, организаторами мероприятий являлись не только преподаватели, но и студенты. Необходимо обучать молодежь участию в конкурсах для получения грантов на реализацию своих идей.

Одним из таких проектов в описываемый период стал Региональный гражданско-патриотический проект «Имена Героев». У проекта богатая история. Четыре года назад вопросом об улицах, носящих имя героев войны, задалась ученица школы № 40 г. Нижний Тагил – Екатерина Култышева. Эту идею подхватили студенты социально-гуманитарного факультета, и появился проект «Имена Победы», в рамках которого была подготовлена передвижная выставка о семи Героях Великой Отечественной войны, в честь которых названы улицы Нижнего Тагила. Она побывала во многих школах города.

Осознавая, что улицы, носящие имена героев, есть и в других городах Свердловской области, было решено вывести проект на новый уровень. Был выигран грант для физических лиц от Федерального агентства по делам молодежи «Росмолодежь» в размере 150 тыс. рублей на реализацию проекта в 10 муниципалитетах Свердловской области: Нижнем Тагиле, Верх-Нейвинске, Невьянске, Нижней Туре, Полевском, Ревде, Белоярском, Алапаевске, Верхней Синячихе и Черноисточинске.

Реализуя проект в Нижнем Тагиле, его участники выстроили партнерское взаимодействие с учреждениями образования и культуры. Совместно с ними в рамках проекта удалось провести несколько крупных городских образовательных квестов. Например, квест 13 мая 2018 г. стартовал в школе № 1 им. Н.К. Крупской, в пространстве выставки «У Победы наши лица». Другой квест начался в День памяти и скорби, 22 июня в 4 утра по московскому времени. В ходе организации совместных мероприятий родилась новая команда проекта, да и сам проект «Имена Победы» расширил свои содержательные и географические рамки.

Многие улицы, как в нашем регионе, так и по всей России названы не только в честь Героев Великой Отечественной войны, но и в честь Героев Социалистического Труда, Героев Советского Союза, получивших награду в другое время, Героев России. Именно поэтому был разработан региональный гражданско-патриотический проект «Имена Героев», который также получил грантовую поддержку.

Гражданско-патриотическая тематика актуализируется и в других образовательных квестах, которые в последние годы вуз организует не только для своих студентов, но и для учащихся школ, ссузов. 27 сентября 2019 г. в рамках празднования Международного дня туризма и Городского праздника «Посвящение в студенты» был проведен Фест-квест «PRO Город» для студентов-первокурсников вузов и ссузов Нижнего Тагила. Социальными партнерами вуза в этом проекте стали МБУ Центр по развитию туризма города Нижний Тагил, МКУ «Управление по развитию физической культуры, спорта и молодежной политики

Администрации города Нижний Тагил», МКУ «Нижнетагильский городской исторический архив». Фест-квест включал три образовательных квеста, один из них был назван «Героический Тагил» [12]. Помимо образовательного результата, квесты по городу способствуют формированию городской идентичности, установлению социального партнерства между учреждениями культуры и образования. Включение в маршрут квестов городской монументальной скульптуры, памятных досок на зданиях позволяет горожанам устанавливать диалог о прошлом с этими молчаливыми «каменными свидетелями» прошедших событий.

С 1 января 2020 г. в вузе создано студенческое объединение «Pro_Патриот», которое стало координатором студенческой гражданско-патриотической активности. В своей деятельности ребята широко используют инструменты, популярные в молодежной среде: социальные сети, видеоролики и т.п. Только за период карантина волонтеры организовали онлайн-акцию «С памятью в сердце» (студенты и преподаватели НТГСПИ рассказывают о родственниках, участниках Великой Отечественной войны), поэтический онлайн-марафон «Поэзия войны», публикацию в социальных сетях (ВК) «Война в агитплакатах» и т.д.

Дополнительным каналом формирования исторической памяти являются публичные лекции соответствующей тематики, которые в течение ряда лет организует социально-гуманитарный факультет совместно с научной библиотекой (ныне информационно-ресурсным отделом) вуза.

Интересующая проблематика обсуждается и на научных конференциях, организуемых факультетом. Так, региональная научно-практическая конференция «Великая Отечественная война: уроки прошлого в интерпретации настоящего», проведенная 14 мая 2015 г., стала своеобразным итогом многочисленных мероприятий, подготовленных к 70-летию Победы, как на всероссийском, так и на муниципальном уровне [1]. В этом году будет организована конференция «Память поколений: Великая Отечественная война в образовании, музейном пространстве и социальных практиках».

В работе по формированию исторической памяти широко используются ресурсы Музейно-выставочного комплекса вуза. В постоянной экспозиции центральное место занимает комплекс, посвященный педагогам и выпускникам, участникам Отечественной войны. Он востребован и на кураторских часах и на тематических мероприятиях к 9 мая. Музей принимает и внешние выставки гражданско-патриотического содержания. Так, в ноябре-декабре 2018 г. в музее работала выставка «Живая Победа. История войны в лицах», подготовленная инициативной группой уральских журналистов во главе с Аленой Вугельман на средства Фонда президентских грантов. Выставку посетило 8460 человек. Проводя экскурсии по этой выставке для студентов различных факультетов, автор статьи обратился к студентам с просьбой поделиться историями о войне. Постепенно стал накапливаться виртуальный архив, состоящий из этих историй. В марте этого года на сайте вуза появился проект «Память поколений. История войны в лицах». Открытие проекта совпало с Международным Днем театра, поэтому галерею памяти начала история об артистке, которая приближала Победу своим искусством, рассказанная ее правнучкой Кристиной Кантария (также правнучка того самого легендарного Милитона Кантария, водрузившего в 1945 г. знамя Победы над рейхстагом вместе с М. Егоровым и А. Берестом).

Таким образом, формирование гражданской позиции, исторической памяти о Великой Отечественной войне у будущих педагогов является важной составляющей учебно-воспитательного процесса педагогического вуза. Эффективность этой кропотливой работы зависит от многих факторов. Определяющими, на наш взгляд, являются осознание значимости этой работы всем педагогическим сообществом вуза, систематичность, жанровое и содержательное разнообразие, использование ресурсов локальной истории, интерактивных методов, ИКТ, тщательная подборка материалов для просветительской деятельности и вовлеченность в нее студентов и социальных партнеров. Опыт педагогической работы преподавателей социально-гуманитар-

ного факультета филиала Российского государственного профессионально-педагогического университета в Нижнем Тагиле показал, что процесс формирования исторической памяти становится наиболее эффективным тогда, когда он выходит за рамки аудиторных занятий. Это мнение разделяют и коллеги из других вузов¹.

Список литературы

1. Великая Отечественная война: уроки прошлого в интерпретации настоящего: мат-лы регион. науч.-практ. конф. Нижний Тагил, 14 мая 2015 г. / отв. ред. М.В. Гонцова, М.В. Уманская – Нижний Тагил: МАОУ гимназия № 18, 2015. – 154 с. + 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). Загл. с этикетки диска.

2. Война и общество в XX веке: теоретико-методологический, общественно-политический и методический аспекты: XXIV всерос. с междунар. участием ист.-педагог. чтения / Уральский государственный педагогический университет; глав. ред. Г.А. Кругликова; отв. за вып. А.В. Антонова. Электрон. дан. Екатеринбург: [б.и.], 2020. 1 CD-ROM. Текст: электронный.

3. Баяндин В.И., Запорожниченко А.В. Источники визуальной информации на публичных лекциях по военной истории России в школе и вузе // Роль изобразительных источников в информационном обеспечении исторической науки: сб. ст. / авт.-сост. Е.А. Воронцова; отв. ред. А.Г. Голиков. М., 2019. С. 963–970.

4. Грибан И.В. Не потерять связь поколений: проект «Живая история. 70 лет великой победы» // Педагогическое образование в России. 2015. № 8. С. 112–117.

5. Патриотическое воспитание детей и молодежи средствами музейной педагогики. Сборник методических материалов по развитию музейной работы в образовательных организациях

¹ Красильникова Е.В., Кольцова А.А., Тюлина А.В., Шевлякова С.А., Кайимова С.В., Луковников Н.Н. Формирование исторической памяти как составляющая учебно-воспитательной деятельности аграрного ВУЗа [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2018. № 3. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=27690> (дата обращения: 13.11.2019).

субъектов Российской Федерации / сост. В.А. Березина, А.Н. Бубнова; под общ. ред. В.А. Березиной. М.: АНО «ЦНПРО», 2015. 253 с.

6. *Огоновская И.С.* Великая Отечественная война в памяти и сердце: что, как и почему сохранять в историческом сознании поколений? // Великий подвиг народа по защите Отечества: вехи истории: сб. науч. ст. / Уральский государственный педагогический университет. Екатеринбург: [б.и.], 2020. Ч. 1. С. 20–29.

7. *Огоновская И.С.* Сухая статистика Великой Отечественной войны: серьезный разговор со школьниками и студентами // Война и общество в XX веке: теоретико-методологический, общественно-политический и методический аспекты: XXIV всерос. с междунар. участием ист.-педагог. чтения / Уральский государственный педагогический университет; глав. ред. Г.А. Кругликова; отв. за вып. А.В. Антонова. Электрон. дан. Екатеринбург: [б.и.], 2020. 1 CD-ROM. Текст: электронный. С. 138–153.

8. *Рыжкова О.В.* Портфолио как способ личностного освоения истории // Преподавание истории в школе и вузе: актуальные проблемы методологии и методики: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. с международ. участием / отв. ред. П.Н. Волков. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. Ун-т, 2018. С. 235–243.

9. *Рыжкова О.В.* Телересурсы о Великой Отечественной войне: в помощь преподавателю истории // Война и общество в XX веке: теоретико-методологический, общественно-политический и методический аспекты: XXIV всерос. с междунар. участием ист.-педагог. чтения / Уральский государственный педагогический университет; глав. ред. Г.А. Кругликова; отв. за вып. А.В. Антонова. Электрон. дан. Екатеринбург: [б.и.], 2020. 1 CD-ROM. Текст: электронный. С. 305–310.

10. *Саймон Н.* Партиципаторный музей / пер. А. Глебовской. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. 368 с.: илл.

11. Политика аффекта: музей как пространство публичной истории / под. ред. А. Завадского, В. Склез, К. Сувориной. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 400 с.: илл.

12. Рыжкова О.В. Формирование городской идентичности как составляющая учебно-воспитательной деятельности педагогического вуза // Актуальные проблемы современного социально-гуманитарного знания: социальные трансформации и историческая память: мат-лы XI Всерос. науч.-практ. конф. Нижний Тагил, 22 ноября 2019 г. / отв. ред. Н.Ю. Мочалова. Нижний Тагил: НТГСПИ(ф) РГППУ, 2019. С. 149–153.

УДК 378.147:811.161.1'243

К.К. Ахметова

Помним, преклоняемся, не забудем

К.К. Akhmetova

Remember, Bow Down, do not Forget

Аннотация. В статье излагается содержание работы по пропаганде и увековечиванию памяти о Великой Отечественной войне как на занятиях по русскому языку, так и во внеаудиторной работе со студентами с казахским языком обучения. Если раньше мы привязывали эту работу к определенным датам, то последнее десятилетие она проводится системно, а ее итоги выносим на открытое мероприятие к праздничным датам.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; подвиг; народ; память; герои; акт; победа; капитуляция; орден; медаль; дата; студенты; отец.

Сегодня, когда в различных регионах мира предпринимаются попытки переписать историю Великой Отечественной войны (оспаривают ее название, отдельные политики пытаются убедить мировое сообщество в готовившемся нападении СССР на Германию), нельзя оставлять без внимания тему Великой Отечественной войны, забывать ее участников, ветеранов этой войны. В этом плане многое делается в Евразийском национальном университете им. Л.Н. Гумилева.

За последние 15 лет у нас выработалась своя система работы по увековечению Великой Победы, именно по увековечению, поскольку редуют ряды ветеранов, даже т.н. младшего поколения.

Например, в Республике Казахстан к 65-летию Победы проживало 15 000 (1 % от общего числа населения на тот момент), к 70-летию – чуть больше 3 000, в Астане – 210 ветеранов. На сегодня же в Казахстане – 1399 ветеранов, из них в Нур-Султане – 71 ветеран Великой Отечественной войны.

Мы на занятиях используем возможности работы с текстом, потому что преподаем русский язык студентам с казахским языком обучения.

В последние годы редко употребляем слово «Родина», почти не говорим о необходимости повсеместной презентации ее, любимой. Об актуальности проблемы воспитания, особенно – патриотического, говорят и данные анкеты, проведенной журналистами накануне 50-летней годовщины Дня Победы, когда школьникам Алматы разных возрастов и молодежи были предложены всего семь вопросов в форме тестов.

Ответы шокировали не только журналистов, но и читателей старшего поколения: Советская армия воевала с Австрией, а Казахстан был союзником Японии... Абылай хан – военный летчик, дважды Герой Советского Союза, живущий в Алматы... Александр Матросов – прототип Штирлица, который первым

вышел в открытый космос... Алия Молдагулова – победительница конкурса красоты 2000 года...¹

И мы спохватились, стали более обдуманно, творчески подходить к теме памяти. Задолго до памятной даты в нашем вузе начинаются разного рода сочинения, конкурсы, встречи, например конкурс сочинений к 65-летию Победы «Менің атам – майдангер», «Мой дед – ветеран», «Ветераны в нашей семье», «Поклон ветеранам», «Что я знаю о Великой Отечественной войне?», «Письмо в прошлое», «Что бы я сказал деду?» и т.д.

О Победе в Великой Отечественной войне всегда помнили, говорили но как-то приглушенно что ли, между другими красивыми датами. Помнится, ветераны старшего поколения, в их числе и мой отец – Назаров Кокий, не любили вспоминать о пройденном, пережитом – «зачем вам это знать?», «лучше вам этого не знать», «война – зло», «не дай вам бог такое переживать» и т.д. И только когда на весь Союз к очередному десятилетию Победы прозвучал призыв: «Фронтовики! Наденьте ордена!», начали они немножко оттаивать, но не все! Наш отец ушел в феврале 1975 г., так и не проронив ни слова о пройденном пути, а он – этот путь, как и у немногих выживших пехотинцев, прошедших путь войны от начала до конца, не был легким. Ни для кого не секрет, что самые большие потери на войне несла пехота. И я вспоминала о нем молча, потому что к этому времени из его наград сохранился только орден Красной Звезды, остальное мы, дети, «заиграли», не было игрушек и нам давали то, что имелось в доме, не придавая значения цене этих вещей. А наградной лист гвардейского стрелка гласил следующее:

«Назаров Кокий, гвардии рядовой, стрелок 3 стрелкового ордена Богдана Хмельницкого и Суворова полка, 109 гвардейской стрелковой Бориславской Краснознаменной ордена Суворова Хинганской дивизии. Представляется к ордену “Красная Звезда”. Год рождения 1901, национальность – казах, беспартийный.

Достоин награждения орденом “Слава – третьей степени”. Командир 3-го стрелкового батальона, гвардии капитан. (п/п)

¹ «Экспресс К». 2010. № 80 (16952). 8 мая; «Время». 2002. № 19(156).

Ивенков. Достоин награждения орденом “Слава – третьей степени”. Командир 309 Гвардейского стрелкового ордена Богдана Хмельницкого и Суворова полка – гвардии подполковник. (п/п) Пеньков. Печать октября 1945 года»¹.

Только в 2014 г. мы немножко узнали об отце из вышедшей Книги памяти. В ней указывалось, что он призван Адамовским РВК в сентябре 1941 г. и ему пришлось воевать на Юго-Западном, 2-м и 3-м Украинских фронтах. Служил в составе 109-го гв. сп, 309-й гв. сд. В боях и сражениях получил пять ранений. После тяжелого ранения его посчитали погибшим, родным была отправлена похоронка, что боец погиб в феврале 1944 г. и похоронен в Новгородской области. Но гвардеец вылезился и продолжил воевать. В феврале 1945 г. ему была объявлена Благодарность Верховного Главнокомандующего И. Сталина за отличные боевые действия в битве за Будапешт. Пройдя всю войну с фашистами, он участвовал в войне с Японией в августе 1945 г. в составе Забайкальского фронта. В марше через Хинганский хребет до г. Туяляо с 18 июля 1945 по 28 августа 1945 г., несмотря на слабое здоровье и преклонный возраст, прошел около 900 км. В походе помогал своим товарищам, поднимал их боевой дух. Приказом по 309-му гв. сп 109-й гв. сд от 10.09.1945 г. награжден был медалью «За боевые заслуги» [1, с. 162–163]. Поздно! Слишком поздно!

Поэтому, спохватившись, начали проводить показательные мероприятия: встречи, парады и другое, но только ко Дню Победы. 75 лет Победе. Много это или мало? Назаров Кокий скончался в 75-летнем возрасте – он из старшего поколения ветеранов, еще меньше прожил наш зять – Бекмухамедов Казтай, познакомившийся со своим тестем на фронте, два сына последнего служили в ГДР.

Нынешнюю молодежь трудно чем-нибудь удивить, еще труднее вовлечь в показательные мероприятия, поэтому, пользуясь обилием материала по теме Великой Отечественной войны, мы практикуем регулярные, непрерывные задания: это не только

¹ Наградной лист Назарова Кокия за № 7.

рефераты и заучивание с тщательным анализом смысла и содержания стихотворений, но и семейные воспоминания. Огромная работа была проведена к 65-летию Победы, когда открылись архивы. Буквально на всех факультетах мы, русисты, провели защиту памяти семьи. Это было незабываемо, студенты встряхнулись, вздохнули. Итоговое занятие начали со «Священной войны», на фоне голоса Левитана о начале войны аудитория дружно встала и стоя прослушала информацию. Был общий видеоряд. Студенты подготовили чтение стихотворений. Никогда не обходится без стихотворения К. Симонова «Жди меня», все читают его с трепетом. Исполняют песни «Катюша», «Смугляночка», «Алия» и др. На это мероприятие мы отбирали конкурсно: кто лучше читает, поет, танцует. Мероприятие завершили выступлением Левитана, посвященного Победе, и пели песню «День Победы». Студенты долго не расходились, говорили и по-русски, и по-казахски: «не можем уйти, хочется оставаться здесь, какой-то дух удерживает», «біз бір түрлі рухтанып, кете алмай тұрмыз»... Вот этот итог и побудил меня дальше, несмотря на изменения в программе обучения, продолжать говорить со студентами, отправлять их на поиски материала, давать учить наизусть стихи о Великой Отечественной войне. Поскольку основная наша цель – развитие русской речи обучающихся, материалом у нас служат произведения литературы, искусства и СМИ. Большую роль в подготовке к 65-летию Победы сыграл модератор мероприятия – студент группы ДТ-11 (религиоведение) Кайдар Мирас – сегодня это докторант по своей специальности и руководитель русскоязычного канала по разъяснительной работе специфики ислама.

В последующие годы я от общего перешла к частному, на примере изучения общеизвестных имен героев мы пополняем эти ряды новыми именами. Так, в год 70-летия Победы страна потеряла дважды Героя Советского Союза – Талгата Бегельдинова. Рефераты о его жизненном пути были дополнены заданием: «Кто еще воевал в авиации из Казахстана?» Так студенты узнали о Хиуаз Доспановой, что послужило содержанием их сообщений

и презентаций. Именно с этого года, 70-летия Победы, мы начали презентовать «заочного гостя», рассказывая о нем, вынося материал как основной на итоговый баннер. Так, очередным гостем стал Бахтыораз Бейсекбаев. Это было нашим ответом на вопросы первокурсников: «Кто такой Бейсекбаев? За какие заслуги его именем названа улица в столице страны? Что такого он сделал?». Гость 2016 г. появлялся на страницах «Казахстанской правды»¹, но кто из молодежи читает газеты? При подготовке к Дню Победы 2017 г. дали задание студентам, чтобы они сами нашли ответы на свои вопросы, посоветовали обратиться к подшивкам «Казахстанской правды» за 2016 г. В статье «Казахстанской правды» ее автор Максут Иржанов ссылается на книгу Эдуарда Харитонов «Тернистый путь к истине», я же далее приведу лишь некоторые моменты, взятые студентами для презентации.

Указ о присвоении звания Героя Российской Федерации (посмертно) капитану А. Маслову и трем членам его экипажа: «За мужество и героизм, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» был подписан Президиумом РФ 2 мая 1996 г. А 7 мая 1998 г. Бахтыоразу Бейсекбаеву, как и отважной казахской летчице Хиуаз Доспановой, было присвоено звание «Халық Қаһарманы». Символично, что днем раньше Глава государства Нурсултан Назарбаев подписал указ о переименовании города Акмолы в Астану, где одну из улиц называли именем Б. Бейсекбаева. «Нельзя воскресить ни одного героя, – пишет Э. Харитонов. – Но можно, воздав должное герою, увековечить его имя. Что и сделано и продолжает делаться в Казахстане по отношению к Бахтыоразу Бейсекбаеву и другим ветеранам».

Несколько слов хочу сказать о госте 2018 г., отметив при этом, что мы постоянно отправляем своих студентов к медиатекстам на русском языке. Так у нас появился очередной «заочный гость» – Александр Павлович Мин – советский офицер, участник Великой Отечественной войны, Герой Советского Союза

¹ Казахстанская правда. 2016. 21 окт.

(1945 г., посмертно). Единственный кореец, удостоенный этой высшей степени отличия в годы Великой Отечественной войны.

В мае 1941 г. призван в Красную Армию. Окончив Рязанское военно-пехотное училище, красноармеец Мин проходил службу в строительном батальоне, участвовал в обороне Москвы.

Во время Курской битвы с 5 июля 1943 г. адъютант 1-го стрелкового батальона лейтенант А.П. Мин организовал круговую оборону батальона и лично участвовал в отражении четырех атак немецких войск, записав на свой боевой счет 7 немецких солдат. За этот эпизод награжден орденом Красной Звезды (25 июля 1943 г.). В дальнейшем неоднократно награждался боевыми орденами за организацию взаимодействия между подразделениями.

Отличился в боях за освобождение Украины на территории Волынской области. 4–5 июля 1944 г. в боях за город Ковель батальон под командованием капитана А.А. Мина отразил пять контратак и, преследуя отходящего противника, захватил село Старые Кошары. Погиб в бою 9 июля 1944 г. при прорыве сильно укрепленной обороны противника в районе села Паридубы.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1945 г. «за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецко-фашистским захватчиками и проявленные при этом мужество и героизм» капитану Мину Александру Павловичу посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Далее студенты рассказывают о почестях, оказываемых Герою на родине – в Приморском крае, в местах совершения подвига, подчеркивая при этом, что все это посмертно¹.

Гость 2019 г. появляется у нас второй раз. Дело в том, что Иван Васильевич Косенков – последний Герой Советского Союза в Казахстане, доживший до 70-летия Победы, по состоянию здоровья он отказался от участия в параде Победы в Москве.

¹ Мин Александр Павлович [Электронный ресурс]. URL: https://ru.m.wikipedia.org/wiki/Мин,_Александр_Павлович (дата обращения: 20.04.2020).

В сентябре 2015 г. его не стало. Несколько строк из воспоминаний Героя:

«С волжанином Михаилом Голяковым шесть дней и ночей мы вели ожесточенный бой с врагами. Это была смертельная схватка, в которой мы подбили три танка, взорвали машину со снарядами, бронетранспортер, – вспоминает ветеран. – За смелость и беспримерную отвагу я был награжден орденом Отечественной войны второй степени, а мой друг – орденом Красной Звезды».

В марте 1944 г. друзей вызвали в штаб армии, где им вручили выписки из Указа Президиума Верховного Совета СССР от 22 февраля о присвоении Ивану Васильевичу Косенкову и Михаилу Николаевичу Голякову звания Героя Советского Союза. Последняя награда была у Героя похищена.

До сегодняшнего дня грудь 91-летнего героя украшала звезда, которую уштобинский слесарь сделал из медной «болванки», сразу же после того, как Косенкова ограбили злоумышленники.

Местные органы военного управления Алматинской области узнали о потере героя и оказали содействие в изготовлении дубликата золотой Звезды Героя Советского Союза. После нескольких месяцев ожидания Иван Косенков получил награду, чему бесконечно рад. Звезда изготовлена Монетным двором Астаны¹.

Слушатели, зрители тоже могут участвовать в итоговых презентациях: кто-то в нескольких словах вспомнит своих родственников, знакомых, могут задавать вопросы (только на русском языке – мое требование, поскольку провожу как зачетное занятие по русскому языку). И всегда ребята были на высоте. А вот вопрос профессора Евгении Александровны Журавлёвой (заведующей кафедры ТиПЛ): «Ребята! Как вы думаете, что можно взять у мертвого человека?» поставил ребят в тупик. Тогда Евгения Александровна объяснила свой вопрос: «Я была дважды на

¹ Иван Косенков – последний герой Советского Союза, живущий в Акмолинской области [Электронный ресурс]. URL: www.24.kz/ru/our-heroes/item/5660-ivan-kosenkov-poslednij-geroj-sovetskogo-soyuza-zhivushchij-v-ak-molinskoj-oblasti (дата обращения 20.04.2020).

экскурсии в Освенцимском лагере. Вы слышали о таком?» Выяснилось, что кое-что слышали, знают, что это лагерь смерти, что людей сжигали, что большинство были евреи. Когда они узнали, что останки человека использовались фашистами в полной мере, без остатка: кожа – на перчатки, портсигары, портфели, волосы – на матрацы, кости и зола – на удобрение. Это был уже не шок, а ужас. Тогда же мы решили вести постоянный баннер с темой: «ПОМНИМ, ПРЕКЛОНЯЕМСЯ, НЕ ЗАБУДЕМ», он у нас действует и по настоящий день. Есть на нем постоянная рубрика – это слева стихотворение на русском языке (к сожалению, автора не удалось установить), справа – стихотворение Муқағали Мақатаева на казахском (родном для студентов) языке.

Я понимаю, что значит Победа
Для ветеранов, познавших все беды
Страшной войны, уцелевших надеждой,
Что День Победы придет неизбежно.
Мы про войну только в книгах читали.

...

Разве затянута прошлого раны?
Ждут не хвалебных речей ветераны,
А чтобы память была постоянной.

Жеңіс жыры!
Біздер жеңдік!
Жоқ болып, жаралы боп.
Біз қуандық, алдымен қаралы боп
Қарсы тұрдық аждаһар алдында біз,
Туған жердің аязы, бораны боп.

...

Біздер жеңдік: анамыз ақтай солды,
Мамық төсек қайғыдан тақтай болды.
Майдансыз біз шайнаған бір түйір нан,
Кеудемізде қадалған оқтай болды!!!

...

...Аждаһарлар тіріліп келе жатыр!
Сақтаныңдар, Адамдар!
Күресіндер!!!

В нескольких словах о содержании Песни Победы. «Мы победили!» – фраза повторяется рефреном четырежды, когда поэт говорит о цене Победы. «Погибшие, раненные, мы радовались, пережив траур, сопротивлялись дракону, став морозом и бураном родной земли. Мы победили, не уронили чести. Пусть не нападает, нарушая покой, на мирную страну другая страна. Мы победили оружием, духом, Когда хмурое небо исходило кровью, Провожая отцов на фронт, себя считали в запасе!!! Мы победили: ували поседевшие матери, Тверже доски стала им пуховая перина, Кусок хлеба, съеденный нами вне фронта, Стал для нас как пуля в сердце!!! Было!.. Было!.. Все знаете, наверное, Каж-

дый скажет, что это его Победа. Драконы войны оживают, наступают! Берегитесь, Люди! Боритесь!»

Предполагаемый заочный гость 2020 г. – Кадан Бекенов, житель Астаны (г. Нур-Султан), скончавшийся 12 января 2017 г. в возрасте 92 лет. Кавалер многих наград, достойный офицер МВД РК, супруг, отец, дед, прадед. И активный участник встреч с молодежью, он был частым гостем клуба «Парыз», организованного студентами исторического факультета Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева в честь 70-летия Победы. Свое выступление он всегда начинал со слов: «Мен бақыттымын – өлім құшпай, аман-есен үйге қайта ораддым» (буквально: «я счастливый, не погиб, вернулся живым и здоровым»). К. Бекенов везде пропагандировал подвиги своих современников [2, с. 73].

Наши мероприятия не требуют больших материальных затрат, но требуют больших моральных усилий.

Список литературы

1. Книга памяти. Адамовский район в 1941–1945 гг. / сост. В.А. Головина. Новоорск: «РИД», «Новоорская газета» – Новоорский филиал ГУП «РИА», «Оренбуржье», 2014. Т. 2. 448 с.

2. Тулегенов Д., Бекенов Р. Кадан Бекенов (биографические и документальные данные). Астана, 2018. 208 с.

Цена Победы: демографические, социальные и культурные последствия Великой Отечественной войны

УДК 94(47).084.8(470.5)

Н.П. Палецких

Материально-вещная среда тыловой повседневности на Урале (по свидетельствам эго-документов)

N.P. Paletskikh

Material-Proprietary Environment of the Rear Everyday Life in the Urals (According to the Evidence of Ego Documents)

Аннотация. В статье на материалах Урала периода Великой Отечественной войны анализируется материально-вещная сторона тыловой повседневности. Основное внимание уделено бытовым вещам массового потребления и отношению людей к ним. Показаны изменения в статусе и функциях вещей, рассмотрены социальные практики организации и использования материально-вещной среды в обстановке тотального дефицита. Отмечена социальная дифференциация в промтоварном обеспечении населения, охарактеризованы отдельные аспекты отношений между людьми по поводу вещей.

Ключевые слова: бытовые вещи; предметы массового потребления; ширпотреб; тыловая повседневность; Урал; Великая Отечественная война.

Социально-антропологическая литература изобилует суждениями о мире вещей. Классической работой, посвященной проблеме «бытовых вещей», является труд Ж. Бодрийяра [1]. В отечественных исследованиях (см., напр.: [2; 3; 4]) используется

типология режимов отношения людей к вещам, предложенная В.Б. Голофастом [5]. Не вдаваясь в детальный анализ его гипотезы, следует согласиться с М.А. Рыбловой в том, что «в предложенной типологии не нашлось места режиму экстремальности, который с неизбежностью формируется в любом обществе в условиях антропогенных катастроф» [6, с. 25]. Задача нашей статьи – рассмотреть режим экстремальности на материале уральского региона, сконцентрировав внимание на вопросах включенности предметов массового потребления в социокультурный контекст глубокого тыла.

Жизнь уральцев в межвоенный период характеризовалась бытовой неприхотливостью, привычкой к скромному и слабо обновляемому вещественному набору. Перед войной все социальные практики, связанные с организацией и использованием материально-вещной среды, выстраивались на дефицитарной матрице. Важным признаком тыловой экстремальности явилось сужение до минимума возможности обзавестись новыми бытовыми вещами. Массовой поведенческой реакцией на начало войны стало «запасничество». Объемы продаж предметов первой необходимости резко выросли, полки магазинов неуклонно пустели. Но в первые полгода войны свободная торговля сохранялась. Летом в кооперативных лавках, например в Уфе, еще можно было приобрести сапожный крем, нитки, ламповые стекла¹. В октябре 1941 г. Б.С. Катаев, работавший зам. председателя Челябинского облплана, записал в дневнике: «Теперь торговля идет рывками. Получат какой-нибудь товар, выбросят, моментально создается огромная очередь, и все расхватывается» [7, с. 96–97].

Во все последующее время войны свободная торговля товарами фактически исчезла. Тотальный дефицит предопределялся как довоенным состоянием легкой и местной промышленности, так и сокращением производства товаров гражданского назначения в условиях войны, уменьшением поставок централизованных фондов. В разряд недоступных товаров попали ложки,

¹ Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. 472. Оп. 8. Д. 1465. Л. 24–25.

тарелки, стаканы, иголки, пуговицы. В Свердловской области промкооперация сократила выпуск ведер в 3,5 раза, утюгов – в 10 раз, лаптей – в 20 раз; из производства совершенно выпали кровати, примусные горелки, сумки, портфели, чемоданы, ко-рыта, топоры¹.

Кризис снабжения промтоварами усиливался на фоне роста населения за счет эвакуированных. В дорогу им разрешалось брать лишь самое необходимое. Многие приехали на Урал налегке. П.М. Ануприенко, прибывшая вместе с заводом в Чкалов, вспоминала: «Приехали одетые по московским морозам – в легких полусапожках, туфлях. Бывало, обмотаем поверх обуви всякие тряпки – вот и валенки готовы» [8, с. 35]. Когда собирали в дорогу вещи эвакуируемому со школой подростку, соседка удивлялась: «Зачем вы берете свитер и теплую рубашку? А валенки зачем? Ведь война к зиме, наверное, кончится» [9, с. 111]. Для обустройства на новом месте приезжим понадобились предметы домашнего обихода, одежда и обувь. Поначалу проблему пытались решать путем сбора вещей среди местного населения.

С февраля 1942 г. в уральских городах были введены промтоварные карточки. Но на деле карточная продажа заменялась ведомственным распределением на предприятиях. Оно шло через отделы рабочего снабжения (ОРСы) по «биркам», ордерам, талонам, которые выделялись работникам чаще всего в качестве премий. Н.А. Люцко-Волковая вспоминала: «За постоянное перевыполнение плана на 200 и более процентов, за участие в общественной жизни цеха однажды мне дали талон на бесплатный пошив туфель <...> Сколько было радости, когда я получила новые «лодочки»!» [10, с. 199]. Работницы завода шлифизделий вспоминали, что выделяемые администрацией и завкомом премии (отрезы ситца, цветочное мыло, духи, носочки) давались по жребию. Директор завода объяснял проверявшим: «Все трудятся по-ударному, но отрезов ситчика у нас всего три, коробо-

¹ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 88. Оп. 1. Д. 5214. Л. 83–84.

чек с мылом – пять. Что прикажете в этом случае предпринять?» [11, с. 78].

Социальная дифференциация в промтоварном снабжении проявлялась, когда вещи распределялись дирекцией предприятий нужным людям или ближнему кругу. На заводе № 72 в Свердловске за 9 месяцев 1944 г. промтовары получили всего 13 % работников, и половина из них относилась к командному составу. При этом некоторые взяли по десять и больше вещей. Практика неумеренного самоснабжения вызывала крайне негативную реакцию простых людей. К примеру, житель Карабаша в 1944 г. писал на фронт: «Начальство сыто по горло и одеваются в то, что и в мирное время не видели сроду, им и все отоваривают»¹.

Сельское население обслуживалось кооперативной торговлей. Потребкооперация, как и ОРСы, являлась формой закрытого распределителя, но на условиях паевого членства и, как правило, в обмен на заготовки сельхозпродукции. Централизованные фонды уральской потребкооперации назначались НКТоргом РСФСР. Промтоварная группа охватывала узкий круг предметов: ткани, кожаную обувь, швейные изделия, мыло, керосин, спички, нитки, иглы. Уровень реального наполнения фондов являлся низким. Удмуртский потребсоюз в 1943–1944 гг. совершенно не получал хлопчатобумажные и шерстяные ткани, а кожаная обувь поступила в объеме 50 % от выделенных фондов. Подобные сбои наблюдались и в других местах. В Катайский район Курганской области, к примеру, на протяжении двух лет войны не поступало мыло для продажи населению². Это-документы рисуют картину катастрофического вещевого дефицита в деревне. С.Е. Шляхова вспоминала: «У нас с сестрой было всего по одной

¹ Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 39. Д. 240. Л. 108–116; Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. П-314. Оп. 1. Д. 208. Л. 9.

² Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики (ЦДНИ УР). Ф. 16. Оп. 14. Д. 773. Л. 102; Государственный архив общественно-политической документации Курганской области (ГАОПДКО). Ф. 166. Оп. 1. Д. 160. Л. 114.

кофточке и по одной юбочке, когда мама стирала, а точнее просто пропаривала в печи нашу одежду, мы голенькие сидели возле печки и ждали, пока она высохнет»; «Когда пришла гуманитарная помощь из Америки и начали делить одежду, то одному мальчику досталось платье. В нем он и ходил в школу, и никто над ним не насмехался» [12, с. 83, 84].

В условиях дисбаланса между спросом и предложением бытовые предметы подвергались многократной утилизации и приспособлению к нуждам хозяина. Главным местом приобретения вещей, бывших в употреблении, служили базары. Мотивы обращения к «черному» или «серому» рынку (т.е. безденежному, натуральному товарообмену) являлись разными: как с целью спекуляции, так и ради выживания. Во втором случае утилитарная ценность вещей трансформировалась, с ними легко расставались, чтобы приобрести продукты. По свидетельству Н.И. Кулаевой (г. Миасс), за годы войны ей пришлось продать велосипед (1300 руб.), отрез (400 руб.), жакет (1800 руб.), юбку (800 руб.), пиджак (500 руб.), книги (200 руб.), шторы (200 руб.). Вырученные деньги шли на питание [13, с. 155]. Покупателями чаще всего выступали те эвакуированные граждане, у кого имелись деньги, но отсутствовали вещи. И в этом своем качестве они воспринимались местным населением недружелюбно: «поднимают цены на базаре».

Особая тема – отношение эвакуированных к оставленному имуществу. Б.С. Катаев 3 августа 1941 г. записал впечатления о встрече с руководителем строящегося завода: «Директор – эвакуированный минчанин <...> Отравлен воспоминаниями о приятном житье в Минске в качестве управляющего республиканским трестом стройматериалов, о своей роскошной четырехкомнатной квартире в центре города, об отрезках на костюм и самих костюмах, оставленных в Минске» [7, с. 19].

В связи с выходом постановления СНК СССР «Об освобождении жилой площади местных Советов и предприятий, занимавшейся ранее рабочими и служащими, эвакуированными на Восток» газета «Правда» разъясняла: «Коль скоро война прину-

дила к эвакуации, коль скоро заводы расположились в глубине страны, рабочим и служащим этих предприятий надо оседать на новых местах»¹. По поводу такого решения люди высказывали недовольство, беспокоились о судьбе имущества, оставленного в прежних квартирах: «При эвакуации обманули, теперь последние вещи, которые годами наживались, отнимают... и люди превращаются в нищих»². Рабочие подавали заявления, в которых просили часть имущества им вернуть, а часть продать через комиссионные магазины и отдать деньги³. Для решения этих вопросов создавались комиссии, но результаты их работы автору неизвестны.

Дефицит новых предметов, рыночная дороговизна диктовали разные способы продления жизни вещей: приспособление для новой функции, починка и перелицовка, донашивание одежды младшими поколениями, использование по очереди. В.П. Тимофеева вспоминала: «Учились в две смены. Вторая обувь была по очереди. Форму старались шить сами. У многих одежда была в заплатках <...> Чернила были из разведенной сажи <...> на чистописании писали на оберточной бумаге, а на уроках писали на склеенных газетах – там, где было свободное место» [14, с. 18]. Важными адаптационными практиками выступали самodelки и ремонт. Эго-источники содержат сведения о самотканых половиках, деревянных сундуках, детских штанишках из крапивных мешков, брезентовых тапочках, сшитых из рабочих рукавиц, одежде из «неизносимой и крепчайшей чертовой кожи» (тонкого брезента), вязаном платке из ваты и т.д.

В помощь умельцам печатались полезные советы. Ими могли воспользоваться те, кто имел домашнее хозяйство и личный «фонд вторсырья». И они никак не могли быть применены обитателями заводских общежитий (основным занятым населением уральских городов военных лет). Для них ремонтной базой служили ОРСовские починочные мастерские.

¹ Правда. 1942. 18 февр.

² Пермский государственный архив социально-политической истории (ПермГАСПИ). Ф. 105. Оп. 7. Д. 110. Л. 69, 70.

³ ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 7. Д. 128. Л. 17.

В общежитиях бережливое отношение к одежде или обуви (а только они и были личным имуществом жильцов общежитий) состояло в том, чтобы уберечь их от кражи: не снимать вообще или укладывать под голову на время сна. Распространенность краж в общежитиях выявляет общую тенденцию нарастания области девиантного поведения в тылу. Запись в дневнике Б.С. Катаева (24 февраля 1944 г.): «Вообще воровство развелось сейчас в сильнейшей степени. <...> И никакая казуистика по поводу того, что не все же воруют, здесь не поможет. Кто-то ворует «на законном основании» (блат), кому-то случай не подвертывается, кому-то трусость мешает, но так или иначе всеобщая нехватка действует развращающе, и мораль явно в упадке» [7, с. 209].

Ценность вещей в тылу не исчерпывалась функцией личного или коллективного потребления, она приобрела оборонный смысл. На основании постановления ЦК ВКП(б) «О сборе теплых вещей и белья для Красной армии среди населения» развернулось движение добровольных пожертвований, принявшее характер общегосударственного мероприятия с разверсткой заданий по областям и районам. Б.С. Катаев 18 сентября 1941 г. записал в дневнике: «...сегодня сдаю пару белья (единственную свою смену), наволочку, полотенце, рукавицы и байковую пеленку на портянки. И представьте себе, что я, зампреда Областной плановой комиссии, не в состоянии больше ничего сдать, не рискуя сам остаться в чем мать родила» [7, с. 54].

Вещи для фронта изыскивались при любых обстоятельствах. Примечательно выступление на сессии Челябинского облсовета 24 ноября 1941 г. зам. председателя облисполкома М.Д. Ковригиной: «Валенки, конечно, не у каждого есть, их трудно бывает купить. Но наволочки верхние и нижние, простыни, портянки летние можно найти. <...> Можно было прийти в селе к любой старушке и сказать ей – это важное мероприятие, и что она оставила себе покрыться, когда она умрет, то она бы разрешила и отдала. Но это нужно рассказать» [15, с. 79].

Анализ уральских материалов позволяет сделать некоторые выводы. В долговременной экстремальной обстановке войны на

передний план выходила прагматическая суть вещей. В восприятии людей они возвращались на первичный уровень функциональности: кровать – приспособление для сна, ботинки – защита для ног, стул – конструкция для сидения и т.д. Максимальная функциональность вещей свидетельствовала о всеобщем (за малым и бросающимся в глаза исключением) оскудении материально-вещной среды тыловой повседневности. Социальные практики добывания и использования вещей различались в зависимости от статуса людей в социальном пространстве, но в любом случае носили характер адаптации к ситуации «Все для фронта, все для победы над врагом» и в массе своей свидетельствовали о готовности претерпеть бытовые лишения.

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. Система вещей / пер. с франц. М.: Рудомино, 2001. 224 с.
2. Гурова О. Раздел 1. Вещи в советской культуре // Люди и вещи в советской и постсоветской культуре: сб. ст. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2005. С. 6–49.
3. Тажидинова И.Г. Ценность вещей: измерение военного времени // Проблемы российской истории. Магнитогорск, 2010. Вып. X. С. 497–514.
4. Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г., Хлынина Т.П. Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: Жизнь в условиях социальных трансформаций. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. С. 183–199.
5. Голофаст В.Б. Люди и вещи // Социологический журнал. 2000. № 1-2. С. 58–65.
6. Рыблова М.А. Мир вещей и культура городской повседневности в экстремальных условиях // Социология города. 2015. № 4. С. 22–35.
7. Катаев Б.С. Повседневность и война: Челябинский дневник 1941, 1943, 1944. Санкт-Петербург: Издательский дом «Первоград», 2016. 312 с.
8. Федорова А.В. Оренбург в годы Великой Отечественной войны. Оренбург: Оренбург. кн. изд-во, 1995. 216 с.

9. *Потемкина М.Н.* Эвакуация в годы Великой Отечественной войны на Урале: люди и судьбы. Магнитогорск: МАГУ, 2002. 265 с.

10. *Александров А.И.* Девочки с патронного // Женское лицо Победы. 100 документов о женщинах Челяб. обл. в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. / глав. ред. А.П. Финадеев, отв. сост. Е.П. Турова. Челябинск: ЧПО «Книга», 2001. С. 193–201.

11. *Подтяжкин Э.А.* Круг вулкана. Челябинск, 2007. 270 с.

12. *Глухих Л.В.* Повседневная жизнь мокроусовцев в годы Великой Отечественной войны // Зауралье и Победа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: мат-лы регион. науч.-практ. конф. / под ред. Д.Н. Маслюженко (отв. ред.), В.А. Кислицына. Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2015. С. 79–86.

13. *Чухарева Н.Н.* Жизнь и быт жителей Миасса в годы Великой Отечественной войны // Сб. мат-лов науч. конф. «Симоновские чтения», посвященной 70-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. / сост. Д.В. Баннова. Миасс: «Мастерская Правдина», 2016. С. 152–158.

14. *Колмурзина Р.Г.* Дети войны // Истоки. Краеведческий сборник № 6. Челябинск, 2015. С. 14–21.

15. *Летопись Челябинской области: сб. док-тов и мат-лов.* Челябинск: Книга, 2008. Т. 3. 1941–1945 / [сост.: Е.П. Турова, И.С. Янгирова; глав. ред. А.П. Финадеев; науч. ред. Н.П. Палеев]. 494 с.

Оценка эффективности профилактики трудового дезертирства периода Великой Отечественной войны в современной российской историографии

Yu.G. Belonogov

**Evaluation of the Effectiveness of Prevention
of Labor Desertion During the Great Patriotic War
in Modern Russian Historiography**

Аннотация. Предпринята попытка историографического анализа проблемы трудового дезертирства периода Великой Отечественной войны. Рассмотрены дискуссионные сюжеты о социально-экономических предпосылках этого явления, «группах риска» из числа работников, занятых на производстве. Анализируется эволюция методологических подходов, представлений и авторских оценок трудовому дезертирству. Сделан вывод о низкой эффективности «трибунального правосудия» для профилактики трудового дезертирства.

Ключевые слова: трудовое дезертирство; Великая Отечественная война; Указ от 26 декабря 1941 г.; историография.

Накануне Великой Отечественной войны в целях закрепления рабочей силы на промышленных предприятиях и стройках был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г.¹, который вводил уголовную ответственность за прогулы, самовольную смену места работы, «покровительство» прогульщикам. Однако с началом войны проблема текучести рабочей силы и нарушений трудовой дисциплины продолжала оставаться крайне актуальной. Ее решение усматривалось вла-

¹ О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений. Указ Президиума ВС СССР от 26.06.1940 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 11.08.2019).

стями, прежде всего, в ужесточении уже имевшихся уголовных наказаний за самовольный уход трудящихся с прежнего места работы, поскольку незапланированный «переток» рабочей силы ставил под угрозу выполнение планов предприятиями оборонного значения.

Данная тенденция отразилась в принятии ряда нормативно-правовых актов. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г. рабочие и служащие предприятий военной промышленности и других отраслей, обслуживающих оборонное производство по принципу кооперации, объявлялись на период войны мобилизованными и закреплялись для постоянной работы на тех предприятиях, где они работали. В сравнении с предшествующим законом данный Указ увеличил срок заключения за самовольный уход с прежнего места работы (отныне это рассматривалось как трудовое дезертирство) с трех-четырёх месяцев до пяти-восьми лет¹. 15 апреля и 9 мая 1943 г. вышли Указы ПВС СССР «О введении военного положения на всех железных дорогах» и «О введении военного положения на морском и речном транспорте»: отныне самовольный уход работников транспорта приравнивался к самовольной отлучке и дезертирству из армии и, в соответствии со статьей 1937 УК РСФСР, предусматривал лишение свободы в диапазоне от 3 до 10 лет.

В период Великой Отечественной войны дела о трудовых преступлениях продолжали оставаться самой массовой категорией уголовных дел для органов правосудия. О масштабах работы последних свидетельствуют данные В.Н. Земскова: только за самовольный уход с предприятий за 1941–1945 гг. в целом по СССР было осуждено 1 970 186 человек, из них по Указу от 26 июня 1940 г. – 1 053 019, по Указу от 26 декабря 1941 г. – 836 893, по ст. 193-7 п. «г» УК РСФСР – 80 275 [1, с. 111].

¹ Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=3990#09100055075670468> (дата обращения: 21.09.2019).

Масштабы численности осужденных за самовольное оставление места работы актуализируют проблему негативных трудовых девиаций в период войны. Историографическое изучение темы карательной политики на трудовом фронте представляет научный интерес с точки зрения анализа причин этого масштабного феномена, изучения спектра методологических подходов, авторских оценок тех или иных явлений. Данная работа будет посвящена историографическому осмыслению проблемы профилактики трудового дезертирства, главной научной проблемой сюжетом которой будет оценка эффективности карательной политики.

Советские историки в рамках марксистско-ленинской методологии «рабочей истории» стремились, прежде всего, показать с патриотических позиций единство фронта и тыла, делали упор на самоотверженном труде рабочих и крестьян. Но они, как правило, не рассматривали негативные последствия чрезвычайного напряжения народных сил, либо оценивали их как проявления несознательности отдельных рабочих [подробнее об этом см.: 2, с. 7–18].

Однако на последнем этапе существования СССР, в условиях «политики гласности» стали появляться публикации, посвященные реализации «репрессивных» нормативно-правовых актов в сфере трудовых отношений периода войны [3; 4]. Примечательно, что, авторские оценки данной политики исключительно как карательной хорошо вписывались в получившие широкое распространение в 1990-е гг. в научной и (особенно) публицистической среде представления о тоталитарности сталинского политического режима. По мнению современных российских авторов, в 1990-е – начале 2000-х гг. в постсоветской исторической науке сознательно делался акцент на доминировании в период Великой Отечественной войны необоснованных репрессивных и карательных правовых мер, в результате которых насаждался культ страха для предотвращения пассивного сопротивления рабочих в виде самовольного ухода с предприятий [5, с. 306; 6, с. 8]. При этом последователи концепции тоталитаризма, акцентируя

внимание на насилие и принуждении как механизмах функционирования тоталитарного режима в сфере взаимоотношений власти и трудящихся, зачастую игнорировали факт сочетания различных методов стимулирования занятости и повышения производительности труда в изучаемый период.

Безусловно, современная российская историография при изучении многообразной проблематики профилактики трудового дезертирства, опираясь на большой пласт источников, с одной стороны, не может не учитывать достижения предшествующих периодов, а с другой – может рассматривать феномен негативных трудовых девиаций с научных, а не с политизированных (прокоммунистических или антикоммунистических) позиций. Так, само трудовое дезертирство, в основном, трактуется как результат конфликта между интересами государства и интересами трудящихся. Основное противоречие заключалось в том, что в период войны государство проводило многообразную по формам политику принуждения к труду (в т.ч. и в сфере занятости). В условиях крайней ограниченности материальных ресурсов, необходимых для усиления экономических методов мотивации работников [об этом см.: 7], государство сделало акцент на использование карательных мер для снижения уровня стихийной текучести кадров, которая была критически опасна для выполнения оборонными предприятиями военных заказов [8, с. 93–94].

Ответной реакцией части трудящихся на ухудшение уровня жизни стало самовольное оставление места работы. В пользу этого свидетельствует историографический анализ экономических и социальных предпосылок трудового дезертирства. Все авторы справедливо указывают на несоответствие между тяжелыми условиями труда и низкой реальной заработной платой, неудовлетворительный уровень жилищно-бытового, промтоварного и продуктового обеспечения [9; 10]. Обращается внимание и на социальные предпосылки трудового дезертирства: за годы войны очень изменился социальный портрет представителя рабочего класса. К основным «группам риска», склон-

ным к самовольному оставлению места работы относились молодые рабочие (недавние выпускники училищ и школ ФЗО), завербованные на работу в промышленности и на стройках сельские жители, мобилизованные из числа военнообязанных «трудармейцы», заключенные пенитенциарной системы [об этом см.: 11; 12; 13]. Именно эти социальные группы в наибольшей степени оказались заложниками перевода советской экономики на «военные рельсы» [о взаимосвязи милитаризации экономики и проблемы негативных трудовых девиаций см.: 14, с. 42]. Примечательно, отмечая более высокий уровень трудового дезертирства в отраслях с тяжелыми условиями труда [15, с. 24], исследователи значительную долю вины возлагают непосредственно на руководство предприятий, «политическую близорукость» и потребительское отношение заводской администрации к мобилизованным работникам [16; 17; 18; 19].

Исходя из вышеизложенного, подавляющая часть современных авторов трактует дезертирство как осознанную (но не политически активную) акцию протеста в виде «голосования ногами» против принуждения к труду. Так, Р.Е. Романов в качестве закономерного следствия «репрессивного менеджмента» определял «скрытое и пассивное сопротивление работников, нередко выражавшееся в их бегстве с производства» [20, с. 382].

По поводу оценки эффективности карательной политики в отношении трудовых дезертиров периода Великой Отечественной войны сложилось несколько точек зрения. Часть исследователей традиционно проводят прямую причинно-следственную связь между принятыми накануне и во время войны законами, значительно ужесточившими наказания за трудовые правонарушения, и победой в войне [6; 12]. Другие авторы весьма критически оценивают эффективность карательных мер по профилактике дезертирства с трудового фронта, поскольку вплоть до завершения войны проблема дезертирства с военных предприятий оставалась нерешенной. «Трибунальное правосудие», кроме роста статистики судимости, не могло качественно изменить ситуацию на производстве: процесс текучести кадров на предприятиях и

система уголовных мер развивались независимо друг от друга, трибуналы в экономическом отношении были бесплодны [21, с. 77–78]. Попытки же хозяйственных руководителей улучшить положение рабочих на оборонных заводах носили эпизодический характер и не могли оказать существенного воздействия на повседневный быт трудящихся [22, с. 58–59]. Одновременно заслуживает внимания вывод о том, что дезертирство как социальное явление постоянно «воспроизводилось» войной. Поэтому ключевой задачей органов власти стала не ликвидация этого явления, а лишь недопущение увеличения его масштабов [23, с. 33]. Работа же правоохранительных органов и прокуратуры по поиску и возврату дезертиров оценивается исследователями в большей степени как борьба со следствиями, а не с причинами [24, с. 33].

В целом в отличие от советского периода и начала 1990-х гг. современная историография более свободна от идеологических догм в выборе методологического инструментария, сюжетных аспектов изучения проблемы трудового дезертирства, авторских выводах. При оценке эффективности профилактики дезертирства с производства авторы достаточно критически оценивают методы карательной политики, подчеркивая вывод о постоянном воспроизводстве этого явления сложными условиями военного тыла.

Список литературы

1. Земсков В.Н. Организация рабочей силы и ужесточение трудового законодательства в годы Великой Отечественной войны // Международные отношения. 2014. № 1. С. 104–114.
2. Сомов В.А. По законам военного времени. Очерки истории трудовой политики СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2001. 154 с.
3. Хлевнюк О.В. 26 июня 1940 г.: иллюзии и реальности администрирования // Коммунист. 1989. № 9. С. 86–96.
4. Земсков В.Н. Указ от 26 июня 1940 года ... (еще одна круглая дата) // Радуга. 1990. № 6. С. 44–49.

5. *Романов Р.Е.* Советское государство и рабочие Сибири в годы Второй мировой войны: принудительная стратегия социально-трудовой коммуникации // Историко-экономические исследования. 2018. Т. 19. № 3. С. 303–329.

6. *Рогалева Н.В.* Уголовно-правовая политика советского государства в годы Великой Отечественной войны // Вестник Кузбасского института. 2011. № 2 (5). С. 4–8.

7. *Сомов В.А.* Материально-бытовые факторы мотивации труда в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 1. С. 230–236.

8. *Скрипник А.Н.* Методы стимулирования трудовой дисциплины на советских оборонных предприятиях в 1941–1945 гг. // Экономическая история. 2019. Т. 15. № 1. С. 91–102.

9. *Савичева Ю.О.* Организация труда на Магнитогорском металлургическом комбинате в годы Великой Отечественной войны: гендерный аспект // Вестник Удмуртского университета. Сер.: История и филология. 2018. Т. 28. Вып. 4. С. 662–668.

10. *Скрипник А.Н.* Социально-бытовые аспекты проблем трудовой дисциплины на советских оборонных предприятиях в 1941–1945 гг. // Genesis: исторические исследования. 2017. № 9. С. 142–158.

11. *Гончаров Г.А.* Люди «второго сорта» в условиях военного времени: из повседневной жизни «трудармейцев» Урала в годы Великой Отечественной войны // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: История России. 2003. № 2. С. 116–126.

12. *Пашкин А.Г.* К вопросу о численности осужденных за совершение уголовных преступлений в сфере соблюдения трудовой дисциплины на территории Ульяновской области в 1943–1945 гг. // Сибирский научный вестник. 2011. № 3. С. 115–118.

13. *Бурчак В.Я.* Деятельность милиции Кемеровской области по борьбе с дезертирством с производства и фронта (1943–1945 гг.) // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2015. № 15-2. С. 220–223.

14. *Точенов С.В.* Волнения и забастовки на текстильных предприятиях Ивановской области осенью 1941 года // Отечественная история. 2004. № 3. С. 42–47.

15. *Клинова М.А.* Закрепление кадров в советской индустрии второй половины 1940-х гг.: административное принуждение и (или) материальное стимулирование // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 2. С. 24–30.

16. *Кабилова А.Ш.* Влияние правовых и социально-экономических факторов на трудовое поведение рабочих в промышленности Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2014. Т. 4. № 3. С. 169–180.

17. *Палецких Н.П.* Население Урала в условиях Великой Отечественной войны: проблемы социальной мобильности // Уральский исторический вестник. 2018. № 4 (61). С. 135–141.

18. *Парамонов В.Н.* Социальное положение рабочей молодежи на предприятиях РСФСР в 1941–1945 гг. // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. 2015. № 4 (34). С. 150–162.

19. *Тряхов И.С.* Трудовая дисциплина на предприятиях Владимирской области в годы Великой Отечественной войны // Вестник РУДН. Сер.: История России. 2015. № 3. С. 71–80.

20. *Романов Р.Е.* Побуждение или принуждение?: проблема моральных факторов трудовой мотивации советских рабочих в годы Великой Отечественной войны в российской историографии 90-х годов XX – начала XXI в. // Труды Института российской истории РАН. 2014. № 12. С. 382–390.

21. *Папков С.А.* Карательное правосудие на трудовом фронте в СССР в 1941–1945 гг. // Вопросы истории. 2011. № 12. С. 72–80.

22. *Кладов В.Ю.* Дезертирство с оборонных предприятий Пензенской области в 1942–1944 гг. // Альманах современной науки и образования. 2015. № 10 (100). С. 55–59.

23. *Гусак В.А.* Деятельность советской милиции по обеспечению функционирования тыла в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941–1945 гг.): историко-правовое исследование:

автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Акад. упр. МВД РФ. М., 2010. 50 с.

24. Печерский А.В. Деятельность прокурорских органов Красноярского края в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарный вектор. 2016. Т. 11. № 4. С. 25–34.

УДК 94(47).084.8

Р.Е. Романов

**Постсоветская историография проблемы
стимулирования труда рабочих
в военное время (1941–1945 годы)**

R.E. Romanov

**Post-Soviet Historiography of the Problem
of Stimulating the Labor
of Wartime Workers (1941–1945)**

Аннотация. Статья посвящена изучению в постсоветской историографии вопроса о трудовых стимулах рабочих в СССР в годы Великой Отечественной войны в контексте мировоззренческого конфликта между противниками и сторонниками «Советского проекта». Показано, что в научно-исторической литературе сложились три объяснительные модели процесса формирования мотивации труда. Сделан вывод, что «тоталитарный» и «трехфакторный» подходы соответствуют дискурсу «антисоветизма», историко-психологический подход – «неосоветизма». Анализ историографической ситуации подтверждает авторский тезис о смысловом разломе исторической памяти в современной России.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; постсоветская историография; трудовые стимулы; мотивация труда; рабочие; тоталитарная школа; история ментальностей; концепция Ч. и К. Тилли.

Постановка проблемы. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. под влиянием перестройки позднесоветское общество пережило смысловой разлом, приведший к распаду СССР. Суть данного явления заключалась в мировоззренческом конфликте между противниками и сторонниками «Советского проекта», полу-

чившем продолжение в конце XX – начале XXI в. В современную эпоху борьба за дискредитацию «тоталитарного» (дискурс «антисоветизма») или реабилитацию «социалистического» (дискурс «неосоветизма») прошлого ведется, главным образом, в сфере массовых коммуникаций. Полем решающей битвы служит Интернет, а ее участниками – веб-пользователи, находящиеся по разные стороны виртуальных баррикад. Краеугольным камнем, вокруг которого разворачивается противостояние, выступает победа СССР во Второй мировой войне. Одним из ее факторов было стимулирование труда рабочих, обеспечивавших фронт вооружением и боеприпасами. В связи с наличием антагонистических полюсов исторической памяти ответы на вопрос о стимулах тружеников тыла оказываются неизбежно связанными с противоположными оценками феномена «советскости» в целом. На фоне информационной глобализации, усилившей роль субъективного восприятия прошлого, возрастает значение объективной экспертизы исторического опыта. Эту функцию выполняет историография, находящаяся в центре нашего эвристического поиска. Вместе с тем возникает вопрос о закономерном отражении тех или иных социальных позиций в сознании профессиональных историков. Целью исследования является выявление научных интерпретаций истории трудовых отношений военного времени, релевантных конфликтующим трендам общественных настроений в постсоветской России.

Периодизация постсоветской историографии проблемы трудовых стимулов 1941–1945 гг. В развитии обозначенного исследовательского направления можно выделить три этапа:

1991–1999 гг. – рассмотрение стимулов труда в рамках изучения других вопросов истории Великой Отечественной войны;

1999–2008 гг. – появление первых исследований, непосредственно посвященных этой тематике;

С 2008 г. – комплексное изучение проблемы стимулирования труда в эпоху «грозовых сороковых».

Первый этап, 1991–1999 гг. В данный период тема стимулирования промышленного персонала в годы войны освещалась в

работах по истории принудительного труда [1], государственной мобилизационной политики [2], чрезвычайных органов власти [3], массовых настроений в советском обществе [4; 5]. В 1990-е гг. в российской историографии преобладала концепция тоталитаризма, предполагавшая изучение «сталинской» командно-административной системы как механизма насильственной мобилизации общества. Одновременно стал актуальным историко-психологический подход, ориентированный на выявление культурно-ментальных особенностей советского человека. Становление и развитие новых историографических трендов происходило в условиях «архивной революции». Последователи тоталитарной школы вводили в научный оборот рассекреченные документы органов государственной власти, партаппарата и исполкомов советов, НКВД и ГУЛАГа. Сторонники истории ментальностей задействовали документальные материалы госучреждений и общественных организаций с анонимными вопросами и суждениями граждан, периодику и воспоминания.

В результате развития исторической науки в этот период оформились два различных подхода к проблеме.

«Тоталитарный» подход. При изучении стимулов труда военного времени историки-тоталитаристы (В.Н. Данилов, П.Н. Кнышевский) анализировали формы внеэкономического принуждения работников со стороны «сталинского режима». По мнению исследователей, в СССР проводилась политика «кнута и пряника» с регулируемой системой выживания населения, базировавшейся на денежном и натуральном поощрении занятости. Кардинальная переоценка государственной политики в сфере трудовой мотивации в 1941–1945 гг. окончательно дезавуировала советский эпос о героизме рабочего класса в глубоком тылу.

Историко-психологический подход. Для историков-менталистов (Н.Д. Козлов, Ю.А. Поляков) на первый план вышла проблема глубинных истоков народного подвига военной поры. В качестве главного фактора Победы рассматривалась мобилизация морального духа народа за счет возрождения властью нацио-

нальных ценностей, культурных традиций и моральных норм, нравственного неприятия идеологии и практики захватчиков и т.д. Такое переосмысление феномена массового подвижничества ознаменовало начало пересмотра не только героико-эпического, но и «тоталитарного» взгляда на историю Великой Отечественной войны. Возникший вектор в значительной мере определил перспективы дальнейшего исследования данной темы.

Второй этап, 1999–2008 гг. В это время «движущие пружины» занятости в тыловых районах России изучались в контексте комплексного изучения истории чрезвычайных органов власти [6], народного менталитета [7], обыденного сознания [8], поведенческих мотивов людей [9], стимулирования [10] и факторов мотивации труда [11; 12]. С началом XXI в. тоталитарный подход утратил господствующее положение в отечественной историографии. Под влиянием идей научной школы Анналов в ней усилилось развитие историко-психологического направления. Важной вехой в становлении междисциплинарных исследований в области социальной истории стала реализация на базе концепции Ч. и К. Тилли российско-голландского проекта «Эволюция мотивации труда в российской промышленности, 1861–2000 гг.» (1999–2002). Его осуществление позволило установить влияние трех факторов – вознаграждения, побуждения и принуждения, на отношение работников к производственной деятельности. В научный оборот вводились массивы архивных документов, обеспечивших выявление закономерностей и особенностей этих процессов на уровне макро- и микроистории советского тыла.

Под влиянием данной концепции оформился **«Трехфакторный» подход**. Последователи концепции Ч. и К. Тилли (А.К. Соколов, С.И. Тогоева) занимались изучением «поворота к принуждению», произошедшего в СССР накануне и в годы войны. С точки зрения исследователей острый дефицит материальных ресурсов вынудил власть к тому, чтобы заставить людей работать под угрозой наказания. Интересы государства и работников зачастую не совпадали, что приводило к неэффективности

насилия как способа формирования мотивации труда. Эти выводы были близки к идеям тоталитарной школы, поскольку в обоих случаях система социально-трудовых отношений характеризовалась как следствие государственной политики. Менее категоричные оценки (В.А. Сомов) сводились к представлению о более сбалансированном сочетании мотивационных факторов в тыловых регионах страны.

Продолжалось развитие и других подходов к проблеме.

«Тоталитарный» подход. Историки-тоталитаристы (В.Н. Данилов) продолжали уделять внимание теме принудительной мобилизации в условиях «сталинской» командной экономики. Государственная стратегия создания мотивации труда по-прежнему, оценивалась в духе политики «кнута и пряника» с регулируемой системой выживания. В данном случае сохранялась полная преемственность с концептуальными наработками 1990-х гг.

Историко-психологический подход. Историки-менталисты (М.В. Адриенко, В.Ф. Зима, Н.Д. Козлов) разрабатывали проблему побудительных мотивов всенародного подвига в 1941–1945 гг. Среди них выделялись крестьянский менталитет, осознание нависшей военной угрозы, национальные и общечеловеческие ценности, готовность к самопожертвованию, социальный оптимизм, сочетание патриотизма и интернационализма, социалистическая идеология, массовая пропаганда и т.п. По мнению исследователей, культурно-психологические черты советского человека создали условия для налаживания социально-трудовой коммуникации между государством и работниками. В дальнейшем историко-психологический подход оказался наиболее перспективным в плане системного изучения внутренних стимулов занятости во время войны.

Третий этап, 2008 г. – наст. время. В данный период в историографии началось комплексное исследование мотивационных установок гражданского населения в прифронтовых регионах России [13]. Эта тематика разрабатывалась также в контексте истории первого советского поколения [14], репрессивной политики «сталинизма» [15], становления системы трудовой мотивации на

советских предприятиях [16]. С конца 2000-х гг. изучение отношения к труду в военное время происходило за счет синтеза локально-исторического подхода и историко-психологической реконструкции на основе партийно-государственной документации, материалов периодической печати, радиоцензуры, наглядной пропаганды, речей И.В. Сталина, «писем во власть» и дневников. В меньшей степени искомая проблематика разрабатывалась в русле тоталитарной школы с опорой на законодательство о труддисциплине, документы органов юстиции и НКВД, областных парторганизаций. В рамках концепции Ч. и К. Тилли продолжался анализ системы трудовой мотивации на уровне микроистории заводских коллективов. Упомянутая концепция применялась при интерпретации директив государственной власти, отраслевых ведомств, региональных парткомитетов, руководства предприятий и газетной периодики.

В рамках выделенных подходов развитие взглядов происходило следующим образом:

Историко-психологический подход. Историки-менталисты (В.А. Сомов) делали акцент на характеристике внеэкономических факторов мотивации труда в 1941–1945 гг. Предметом анализа являлись советское законодательство, политический и информационно-идеологический контроль, распространение слухов и информации религиозного содержания, письма с фронта, эмоция-шок и внешняя угроза, коллективная ответственность и чувство долга, восприятие образа И.В. Сталина. Основной вывод заключался в том, что власть актуализировала в народном сознании нравственные мотивы занятости на производстве. Важную роль в их формировании сыграло воспитание коллективистской психологии у молодежи 1930-х гг. Комплексное представление о ментальном фундаменте экономической победы над нацистской Германией поставило окончательную точку в пересмотре идей тоталитарной школы, начавшемся в середине 1990-х гг.

«Тоталитарный» подход. Для историков-тоталитаристов (С.А. Папков) на переднем плане оказалась роль репрессивной

политики «сталинизма» в эволюции социально-трудовых отношений в глубоком тылу. Показана замена экономических стимулов системой уголовных наказаний, которые не смогли укрепить дисциплину и обеспечить прочное закрепление кадров на производстве. Вместе с тем жесткие мобилизационные меры отчасти компенсировали неэффективность системы материального вознаграждения рабочих. В отличие от истории ментальностей «тоталитарное» направление отличалось меньшей продуктивностью в разработке проблем стимулирования труда в силу инертности своего историографического канона. В связи с этим инициатива в развитии темы «поворота к принуждению» полностью перешла к исследованиям в русле трехфакторного подхода.

«Трехфакторный» подход. Сторонники концепции Ч. и К. Тилли сфокусировали внимание на комплексном анализе системы трудовой мотивации рабочих в 1940-е – 1980-е гг. В частности, военный период вновь рассматривался под углом усиления принудительных стимулов. Принуждение характеризовалось как совокупность уголовных и материальных санкций за прогулы, самовольный уход с предприятий, производственный брак; форм централизованного распределения рабочей силы; кампаний по обязательному повышению норм выработки. В промышленности практиковались также сдельные заработки и натуральное поощрение. Механизмы стимулирования заводского персонала оценивались как нефункциональные в силу сокрытия дисциплинарных проступков, завышения показателей выработки и зарплаты работников со стороны начальников цехов.

Выводы. В конце XX – начале XXI в. в отечественной историографии сложились три объяснительные модели процесса формирования трудовой мотивации в годы войны, соответствующих конфликтующим трендам общественного сознания в современной России. С точки зрения «тоталитарного» и «трехфакторного» подходов, референтных дискурсу «антисоветизма», данное явление изучалось как один из результатов политики советского государства. В контексте истории ментальностей, релевантной дискурсу «неосоветизма», отношение к труду в 1941–

1945 гг. исследовалось в качестве продукта массового общественного сознания. Анализ историографической ситуации подтверждает авторский тезис о смысловом разломе исторической памяти, присущем не только российскому социуму в целом, но и научно-историческому сообществу в частности.

Список литературы

1. ГУЛАГ в годы Великой Отечественной войны: материалы «круглого стола» // Военно-исторический журнал. 1991. № 1. С. 14–24.
2. Кнышевский П.Н. Государственный Комитет Обороны: методы мобилизации трудовых ресурсов // Вопросы истории. 1994. № 2. С. 53–65.
3. Данилов В.Н. Война и власть: чрезвычайные органы регионов России в годы Великой Отечественной войны. Саратов: Изд-во Поволж. фил. Рос. учеб. центра, 1996. 391 с.
4. Поляков Ю.А. Почему мы победили? О массовом сознании в годы войны // Свободная мысль. 1994. № 11. С. 62–76.
5. Козлов Н.Д. Общественное сознание в годы Великой Отечественной войны. СПб.: ЛОУУ, 1995. 138 с.
6. Данилов В.Н. Советское государство в Великой Отечественной войне: феномен чрезвычайных органов власти 1941–1945 гг. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2002. 400 с.
7. Зима В.Ф. Менталитет народов России в войне 1941–1945 гг. М.: Ин-т рос. истории РАН, 2000. 277 с.
8. Козлов Н.Д. С волей к Победе. Пропаганда и обыденное сознание в годы Великой Отечественной войны. СПб.: Ленингр. гос. обл. ун-т им. А.С. Пушкина, 2002. 312 с.
9. Адриенко М.В. Население Ставропольского края в годы Великой Отечественной войны: оценка поведенческих мотивов: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2005. 27 с.
10. Соколов А.К. Принуждение к труду в советской промышленности и его кризис (конец 1930-х – середина 1950-х гг.) // Экономическая история: ежегодник. 2003. М.: РОССПЭН, 2004. С. 74–99.

11. *Тогоева С.И.* Факторы влияния на мотивацию труда (на материалах Тверского вагоностроительного завода в 1941–1951 гг.) // Экономическая история. Обзорение. М., 2002. Вып. 8. С. 39–56.

12. *Сомов В.А.* Трудовое законодательство и мотивация труда в годы Великой Отечественной войны // Историко-экономические исследования. 2007. Т. 8. № 2. С. 163–174.

13. *Сомов В.А.* Потому что была война...: Внеэкономические факторы трудовой мотивации в годы Великой Отечественной войны. Н. Новгород: Изд-во Волго-Вят. акад. гос. службы, 2008. 234 с.

14. *Сомов В.А.* Первое советское поколение: испытание войной. М., АИРО-XXI, 2015. 176 с.

15. *Папков С.А.* Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири. М.: РОССПЭН, 2012. 440 с.

16. *Прибыткова К.П.* Мотивация труда в промышленности Алтайского края в 1940-е – 1980-е гг. Барнаул: АЗБУКА, 2019. 283 с.

УДК 94(47).084.8

О.С. Мозговая

Вклад немецкого населения СССР в победу в Великой Отечественной войне

O.S. Mozgovaya

Contribution of the German Population of the USSR to Victory During the Great Patriotic War

Аннотация. В статье рассматривается неоспоримый вклад в победу над фашизмом, внесенный советскими немцами, которые стремились служить в рядах Красной армии, работали на полях и заводах, занимались агитационной работой, но не смогли избежать депортации и клеветнических обвинений в измене советскому режиму. Работа немцев продолжалась и в ходе депортации в рамках «трудовой армии».

Ключевые слова: Великая Отечественная война; немцы СССР; Республика немцев Поволжья.

О начале Великой Отечественной войны советские немцы узнали одновременно со всем населением страны, 22 июня 1941 г. Данное сообщение вызвало типичные для любого человека реакции – чувство страха, опасение за жизнь близких, но и патриотизм. В российской историографии имеется достаточное количество научных трудов, которые посвящены проблеме репрессий в отношении немецкого населения СССР в 1930-е гг. и предвоенный период. Архивные документы не подтверждают опасений советского руководства, которое видело в немецких гражданах т.н. «пятую колонну». В ряде документов НКВД встречаются высказывания отдельных немцев о надежде освобождения от советского ига с помощью немецких братьев. Война также породила массу слухов о скором приходе Гитлера на Волгу, что вызывало среди немецкого крестьянства чувство опасения, боязни оказаться между «двух диктатур»¹. Но большинство немцев, которые воспринимали Советский Союз как свою Родину, готовы были внести посильный вклад в победу и сражаться на ее независимость.

Например, руководство Республики немцев Поволжья (АССР НП) приняло меры по мобилизации всех ресурсов в пользу фронта. В Энгельсе, Маркштадте, Бальцире и других городах, селах республики была проведена агитационная работа. В митингах приняло участие свыше 270 тыс. человек. Люди, выступая на митингах, осуждали нападение Германии, выражали «непоколебимую уверенность» в быстрой победе Красной армии, «преданность идеям Коммунистической партии Ленина-Сталина»². Конечно, данные мероприятия были организованы партийными структурами и направление их агитационной работы было предсказуемо, но непосредственная деятельность народа подтверждала слова агитаторов.

¹ Государственный архив новейшей истории саратовской области (ГАНИСО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 5031. Л. 35, 36, 76.

² Там же. Д. 3077. Л. 153.

22 июня 1941 г. в АССР НП в действие был введен мобилизационный план. В течение 23 июня были открыты все призывные и сборно-сдаточные пункты, оповещены поставщики автотехресурсов и подлежавшие мобилизации призывники. На предприятиях, в учреждениях, колхозах, совхозах, МТС развернулась кампания «борьбы» за выполнение и перевыполнение производственных планов и заданий. В Докладной записке на имя тов. Сталина 1 июля 1941 г. руководство АССР НП сообщало о проделанной работе: «За время с 24 по 29 июня патриотизм был подтвержден делами при проверке мобилизации: стопроцентной и организованной явкой на сборные пункты людских резервов с высоким патриотическим подъемом и верой в победу над обнаглевшим врагом; ростом количества заявлений о добровольном вступлении в Красную Армию, которых по состоянию на 29 июня по республике подано свыше 1500; качественной и в срок поставкой материальных ресурсов»¹.

В городах и кантонах республики осоавиахимовские организации проводят массовое обучение населения противовоздушной обороне и химической обороне. Организуются постоянные отряды по борьбе с вражескими парашютистами².

В приведенной записке на имя Сталина говорилось, что «коренное население республики (немцы) выражают недовольство тем, что их не призывают наряду со всеми в ряды Красной армии. Как в партийные органы, так и военкоматы обращается очень много людей с просьбой разъяснить им, почему их не берут, а на объяснение, что сейчас, пока требуются люди определенных военных специальностей, – просят зачислить их в любой род войск. В числе подавших заявления о вступлении добровольцами 40 % составляют немцы».

В боевом строю находились только те немцы, которые были призваны до начала войны. Это примерно 33 516 военнослужащих, в т.ч. 1605 офицеров [1, с. 75]. С сентября 1941 г. немцев-

¹ ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5031. Л. 80–81.

² Там же. Л. 82.

военнослужащих начали изымать из армии¹, но, несмотря на короткий срок службы в условиях активных военных действий, среди них появились герои. Так, в газете «Комсомольская правда» от 24 августа 1941 г. была опубликована статья «Мы отмстим за тебя, товарищ Гофман!», в которой рассказывалось о подвиге 20-летнего уроженца АССР НП. «Будучи тяжело ранен, – писали в статье, – Генрих попал в плен... Злодеи пытали храброго героя, но не сломили его духа. Подлые фашисты отрубили ему обе руки, выкололи глаза, отрезали язык. Они прокололи ему штыком грудь и комсомольский билет, который он хранил на груди, был обагрён кровью Генриха. Рядом положили пятиконечную звезду»².

Немногим ранее, в июле 1941 г. органы НКВД провели безрезультатную операцию возле села Диттель, где якобы имела место высадка германского десанта, была сфабрикована группа «фашистских дел» [2, с. 402]. Подобный инцидент и другие «недоразумения», беспочвенные обвинения в антисоветских настроениях строго фиксировались и направлялись в соответствующие инстанции. Подобная активная деятельность органов НКВД привела к «разоблачению» на территории АССР НП «контрреволюционного формирования фашистско-эмиграционного направления». С 22 июня по 10 августа 1941 г. в Республике немцев Поволжья было арестовано 145 человек, в т.ч. по обвинению в шпионаже – 2, «террористических намерениях» – 3, «диверсионных намерениях» – 4. Остальных арестовали в основном за «пораженческие и повстанческие высказывания»³.

Из экономических задач, которые были поставлены правительством, приоритетной являлось проведение хлебозаготовительной кампании в Республике. 27 июня 1941 г. Москва опреде-

¹ История российских немцев [Электронный ресурс]. URL: <https://geschichte.rusdeutsch.ru/21/44/182> (дата обращения: 10.05.2020).

² Комсомольская правда. 24 августа 1941 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://aussiedlerbote.de/2016/08/24-avgusta-1941-goda-my-otomstim-za-tebya-tovarisch-gofman-k/> (дата обращения: 05.05.2020).

³ История российских немцев [Электронный ресурс]. URL: <https://geschichte.rusdeutsch.ru/21/34> (дата обращения: 05.05.2020).

лила план сдачи зерна в размере 354 509,1 т¹. На достижение данной цели были направлены все имеющиеся средства. На сельхозработы мобилизовали свыше 40 тыс. горожан, жителей рабочих поселков и кантонных центров. Прежде всего, это были школьники и студенты, люди, не занятые в производстве². Однако брошенных на поля сил не хватало, поэтому в августе 1941 г. Совнарком и бюро Обкома ВКП(б) АССР НП постановили «О дополнительном привлечении рабочих рук на уборку урожая»³. В уборку должно было включиться все работоспособное население республики, должны были быть использованы средства колхозов, МТС, весь имеющийся инвентарь, скот. Главное – собрать и сдать зерно государству.

Движение за создание фондов обороны и помощи Красной армии развернулось во всех селах и городах республики. Колхозники, рабочие и служащие вносили деньги, хлеб, мясо, масло, шерсть и другие продукты. По Мариентальскому кантону за короткое время колхозники внесли в фонд Красной армии около 200 ц пшеницы, 475 кг масла, более 13 тыс. яиц, 1490 кг мяса, 3770 л молока и т.д.

Усилился приток средств по займу, а также увеличилась сумма взносов в сберегательные кассы. Так, на 28 июля сумма поступлений взносов по займу от колхозников достигла около 3 млн руб. За месяц новых вкладов в сберегательные кассы поступило в сумме 363 800 руб⁴.

В июле было принято решение о выполнении плана за счет резервов предыдущего урожая, «общественных зерновых фондов». Но, несмотря на изъятое у крестьян и собранное на полях зерно, план к середине августа 1941 г. был выполнен на 10 % [2, с. 404]. Это может говорить только о завышенных требованиях Центра. С 20 августа 1941 г. в Энгельсе и Марксштадте продукты распределялись уже по карточкам⁵.

¹ ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4807г. Л. 95.

² ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4807г. Л. 125–128, 151.

³ Там же. Л. 311–312.

⁴ ГАНИСО Ф. 1. Оп. 1. Д. 5031. Л. 32–37.

С 9 августа 1941 г. было заморожено строительство большей части промышленных объектов, а функционировавшие предприятия, как, например, Маркштадтский завод «Коммунист» в течение месяца перестроились на производство боеприпасов для фронта. Продукция большинства из них направлялась на нужды фронта.

Дополнительные расходы внесла эвакуация из западных районов СССР как оборонных, так и гражданских промышленных предприятий на территорию Республики.

В докладной записке первого секретаря Обкома ВКП(б) АССР немцев Поволжья С. Малова на имя секретаря ЦК ВКП(б) И. Сталина от 31 июля 1941 г. приводились примеры стахановского труда «на промышленных предприятиях, на полях». «Патриотический подъем, стремление помочь Родине в разгроме врага видно также на широко развернувшемся движении за создание фондов обороны и внесения подарков бойцам Рабоче-Крестьянской Красной Армии», – далее говорилось в записке¹.

В июле-сентябре 1941 г. по решению ГКО СССР в РНП началось создание шести оперативных аэродромов. Их строительство осуществлялось мобилизованным населением; на строительство привлекались трактора и автомобили близлежащих МТС и колхозов.

Перераспределение финансовых средств привело к краху системы образования РНП. В августе-сентябре 1941 г. были ликвидированы Немецкий сельскохозяйственный институт, техникумы, пединститут. Многие школы лишились своих помещений. Под военный топор попала и пресса. Сохранились лишь газеты *Nachrichten*, «Большевик», кантональные газеты, однако их объем существенно сократился. Они стали выходить лишь три раза в неделю [3, с. 49].

Одновременно проводилась политическая акция по организации давления на вооруженные силы Германии с помощью насе-

⁵ Государственный исторический архив немцев Поволжья (ГИАНП). Ф. 998. Оп. 1 о/д. Д. 813. Л. 297–298.

¹ ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5031. Л. 32–37.

ления Немреспублики. По всем кантонам проводились митинги, готовились документы на самом высоком уровне, где немцы Поволжья описывали свою «прекрасную» жизнь в СССР и призывали своих германских братьев «поднять оружие против Гитлера» [4, с. 275–277]. Так, 14 июля 1941 г. крестьяне села Норка Бальцерского кантона АССР немцев Поволжья в открытом письме крестьянам Германии призывали их к борьбе против фашистов¹. К переходу на сторону Красной армии призывали летчики – немцы АССР НП летный состав фашистской Германии².

«Трудящиеся Германии» не ответили на призыв своих братьев из СССР, война продолжалась. Следует отметить, что и германская пропаганда использовала положение этнических немцев СССР в своих целях как средство нагнетания антисоветских настроений. Так, популярный в Германии еженедельный журнал «Koralle» в своем номере за 19 октября 1941 г. поместил большую иллюстрированную статью «Hölle der Wolga–Deutschen» («Ад немцев Поволжья»), с многозначительным подзаголовком «1921 г. – смерть от голода, 1941 г. – изгнание в Сибирь». Вся статья посвящена описанию страданий поволжских немцев под гнетом коммунистического режима³.

Патриотические акции, в которых участвовало немецкое население, не принимались в расчет Центром. Кроме того, данные НКВД на протяжении нескольких последних лет говорили о «раскрытии» вражеских групп, действовавших среди немецкого населения. Все это наталкивало Сталина на мысли об опасности советских немцев.

На Украине переселение немцев началось еще в 1939 г., ввиду близости к пограничным районам. 15 августа 1941 г. началась эвакуация 60 тыс. немцев Крыма [5, с. 29]. 26 августа 1941 г. было принято постановление Совнаркома ЦК ВКП(б) «О переселении всех немцев из Республики немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей в другие края и области» [6, с. 229–

¹ ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4835. Л. 126.

² Там же. Л. 109–112.

³ Koralle (Berlin). 1941. 19 Oktober. S. 2–3.

233], 28 августа – издан указ Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». Всего из АССР НП в Сибирь и Казахстан было выслано примерно 365,5 тыс. человек [2, с. 303]. Далее было осуществлено переселение немцев и из других районов (Запорожской, Сталинградской и Ворошиловградской областей 22 сентября 1941 г. 8 октября 1941 г. из Грузинской, Азербайджанской и Армянской ССР) [7, с. 163, 165] и т.д.

За депортацией, спустя несколько месяцев, последовала мобилизация в трудовую армию практически всего взрослого немецкого населения: мужчин от 15 до 55 лет, женщин от 16 до 45 лет [7, с. 168–169]. Из всех наркоматов, использовавших труд мобилизованных немцев, НКВД прочно удерживал лидерство по численности трудармейцев в течение всех военных лет. Немцы трудились еще в 39 наркоматах Советского Союза [8, с. 17–18].

Руководство пыталось навязать трудармейцам идею, что немцы должны честным трудом «искупить вину перед Родиной». Но трудармейцы вины за собой не чувствовали. Инициативная группа немцев-коммунистов Богословстроя НКВД на приеме у начальника политотдела строительства открыто заявила: «Мы хотим, как граждане СССР, с достоинством выполнять свой долг перед Родиной и работать под лозунгом: “Все для фронта, все для победы!”»¹.

Таким образом, даже находясь в местах депортации и будучи призванными в ряды «трудовой армии», немцы продолжали трудиться на благо Отечества, приближая великую общую Победу.

Список литературы

1. Бугай Н.Ф. Иосиф Сталин – Лаврентию Берия: «Их надо депортировать...»: документы, факты, комментарии. М.: Дружба народов, 1992. 288 с.
2. Герман А.А. Немецкая автономия на Волге 1918–1941. М.: МСНК-пресс, 2007. 576 с.

¹ Айрих Э. Строки жизни. Заметки о былом // Нойес Лебен. 1991. № 28. С. 2

3. *Герман А.А., Плева И.Р.* Немцы Поволжья: Краткий исторический очерк. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2002. 144 с.
4. *Герман А.А.* Немецкая автономия на Волге. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1994. Ч. 2. 410 с.
5. *Герман А.А., Курочкин А.Н.* Немцы СССР в «Трудовой армии» (1941–1945). М.: Готика, 1998. 208 с.
6. *Герман А.А.* История Республики немцев Поволжья в событиях, фактах, документах. М.: Готика, 1996. 270 с.
7. История российских немцев в документах. М.: МИГУП, 1993. Ч. 1. 447 с.
8. *Герман А.А.* (Саратов) Российские немцы в годы Великой Отечественной войны: вклад в Победу // Гражданская идентичность и внутренний мир российских немцев в годы Великой Отечественной войны и в исторической памяти потомков: материалы XIII междунар. науч.-практ. конф. Москва, 21–23 октября 2010 г. М.: МСНК-пресс, 2011. С. 13–21.

УДК 93/94

М.А. Рахимов

Участие Узбекской ССР в войне против фашизма и вопросы послевоенного мироустройства

М.А. Rakhimov

Participation of the Uzbek SSR in the War Against Fascism and Issues of the Post-War World Order

Аннотация. Наряду с другими союзными республиками народ Узбекистана сыграл большую роль в победе СССР в Великой Отечественной войне. Важнейшим аспектом переговоров коалиции СССР, США и Великобритании стало обсуждение послевоенного мироустройства. В целях расширения влияния СССР союзные республики получили право на внешнеполитическую деятельность, были созданы республиканские министерства иностранных дел (МИД). В 1945 г. в состав ООН вошли только три союзные республики, тем не менее МИД других республик сохранились как субъекты внешней политики СССР. В настоящее время представляется весьма актуальным

комплексное и междисциплинарное исследование периода войны и последующих десятилетий.

Ключевые слова: Вторая мировая война; Великая Отечественная война; Узбекистан; ООН; Министерство иностранных дел.

Вклад Узбекистана в Великую Отечественную войну. Вторая мировая война 1939–1945 гг. являлась самым масштабным конфликтом в истории человечества с участием более 70 стран мира. Военные действия развернулись на территории Европы, Азии, Африки и на всех океанах. Из 110 миллионов человек, призванных в вооруженные силы, общие людские потери составили 70 миллионов. Значительная часть этих потерь пришлось на СССР, подвергшийся в 1941 г. крупномасштабной военной агрессии со стороны нацистской Германии и ее союзников.

С первых же дней Великой Отечественной войны народ Узбекистана, сражавшийся на фронте и выполнивший священный патриотический долг, в первую очередь преследовал цель защитить свою Родину. Из 6,5 млн человек, проживавших в то время в Узбекистане, более 1,5 млн участвовали в войне. Более 500 тыс. из них погибли на полях сражений, около 133 тыс. наших соотечественников пропали без вести, свыше 60 тыс. вернулись домой инвалидами [1, с. 460–466]. За мужество и героизм, проявленные в боях, более 120 тыс. узбекских солдат и офицеров были награждены боевыми орденами и медалями, 280 удостоены звания Героя Советского Союза, 82 – ордена Славы трех степеней [2, с. 172–173].

Узбекистан стал одним из важнейших центров, производивших все необходимое для фронта. Предприятия перешли на выпуск продукции военного назначения. В республике вступили в эксплуатацию 280 новых предприятий. В промышленности создавались новые отрасли – авиастроение, машиностроение, тяжелая промышленность, цветная и черная металлургия и др. К концу 1941 г. производство военной продукции было налажено более чем на 300 предприятиях [3, с. 110; 4].

Узбекистан выпустил для фронта более 2000 самолетов, свыше 17 000 авиамогоров, более 17 000 минометов, 560 000 снарядов, более 300 000 парашютов, 1 млн гранат, почти 2,5 млн авиабомб, 22 млн мин и другой продукции военного назначения. Фронту жертвовались денежные средства, доставлялось продовольствие, теплая одежда¹.

В 1941–1945 гг. Узбекистан стал всесоюзным госпиталем. Десятки тысяч солдат и офицеров прошли здесь лечение и вернулись на военный или трудовой фронт. В годы войны Узбекистан принял примерно 1 млн человек, эвакуированных с захваченных или находящихся под угрозой захвата фашистами территорий. В республике нашли приют и обрели новые семьи 200 тыс. детей-сирот, лишившихся родителей.

Вместе с тем в изучении истории Узбекистана в период Великой Отечественной войны имеется целый ряд пробелов. Например, до сих пор по ряду объективных и субъективных причин не введены в научный оборот многие архивные документы, личные дела генералов, Героев Советского Союза и кавалеров орденов Славы трех степеней. Глубокое исследование истории Второй мировой войны позволит шире осветить всю палитру событий, предоставить более твердую почву для изучения современных общественных трансформаций, компаративного анализа закономерностей развития современного общества и государства.

Антигитлеровская коалиция и вопросы послевоенного мироустройства. Не только вопросы военного сотрудничества, но и послевоенного мироустройства занимали важное место во встречах и консультациях между представителями СССР, США и Великобритании. Так, в январе 1942 г. президент США Франклин Рузвельт, премьер-министр Соединенного Королевства Уинстон Черчилль, Посол Советского Союза Максим Литвинов и Посол Китайской Республики Цзы-вень подписали совместный документ, который впоследствии стал известен как «Декларация Объединенных Наций». На следующий день Декларацию

¹ Узбекистон ПДА. 58-фонд, 25-руйхат, 12-иш, 307-в.

подписали представители 22 других государств¹. В документе подписавшие его государства приняли на себя торжественное обязательство приложить максимум усилий для достижения победы и не заключать сепаратного мира. Следует отметить, что название «Объединенные Нации» (United Nations) предложил президент США Франклин Д. Рузвельт².

30 октября 1943 г. в Москве состоялась встреча министров иностранных дел Великобритании, Советского Союза и Соединенных Штатов Америки. В результате переговоров Вячеслав Молотов (СССР), Антони Иден (Великобритания), Корделл Хэлл (США) и Фу Бин-шян (посол Китая в СССР) подписали Московскую декларацию, указывавшую на необходимость учреждения в возможно более короткий срок всеобщей международной организации для поддержания международного мира и безопасности, основанной на принципе суверенного равенства всех миролюбивых государств [5, с. 4].

1 декабря 1943 г. в Тегеране состоялась первая встреча Рузвельта, Сталина и Черчилля. По результатам встречи была принята Декларация четырех держав, в которой стороны извещали друг друга о разработке согласованных планов для окончательной победы. В частности, они призвали к скорейшему созданию международной организации для поддержания мира и безопасности.

Советскому Союзу было важно участие союзных республик в формате будущей международной структуры. Но для этого республикам требовались атрибуты суверенных государств. В результате, в январе 1944 г. 10-я сессия Верховного Совета СССР приняла решение об образовании Народных Комиссариатов иностранных дел союзных республик. В феврале 1944 г. вступил в силу закон³, согласно которому республики СССР по-

¹ 1942 Декларация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/ru/sections/history-united-nations-charter/1942-declaration-united-nations/index.html> (дата обращения: 05.01.2020).

² 1942 Декларация Объединенных Наций...

³ «О предоставлении союзным республикам полномочий в области внешних сношений и о преобразовании в связи с этим Народного комиссариата

лучили право самостоятельно вступать в международные отношения. Данное изменение было внесено и в ст. 18, п. «а» Конституции СССР 1936 г.: «Каждая союзная республика имеет право вступать в непосредственные сношения с иностранными государствами и заключать с ними соглашения».

В сентябре 1944 г. Верховный Совет УзССР принял Закон о создании Народного Комиссариата иностранных дел УзССР [6, с. 305–306]¹. В период 1943–1944 гг. также были созданы Академии наук в республиках, а также Среднеазиатское духовное управление мусульман (САДУМ) в Ташкенте. Данные действия советского государства, по нашему мнению, не только отражали стремление уменьшить критику стран Запада в сфере антирелигиозной политики, но и определялись геостратегическими интересами СССР и процессом формирования новой структуры международных отношений в конце Второй мировой войны, в частности в вопросе создания ООН [7, с. 233–239].

С 21 августа по 28 сентября 1944 г. в Думбартон-Оксе (США) состоялась встреча экспертов, юристов, историков, дипломатов США, СССР, Великобритании и Китая, где обсуждалось и планировалось принятие проекта Устава, принцип голосования и принятие решения о создании Организации Объединенных Наций.

В процессе обсуждения Великобритания и ее доминионы, США и страны Латинской Америки с одной стороны, СССР – с другой, стояли на разных позициях. 24 августа 1944 г. СССР впервые предложил включить союзные советские республики в число имеющих право голосования в будущей международной организации [8, с. 136, 9, с. 319]. В результате долгих переговоров СССР, США и Великобритания согласились на включение в ООН нескольких стран-членов их сообществ. В случае с Британией речь шла о членах ее сообщества, США – о некоторых штатах. Однако позже США отказались от этих прав, аргументируя, что данные нормы противоречат Конституции страны, где указывает-

и иностранных дел из общесоюзного в союзно-республиканский Народный комиссариат». Закон от 1 февраля 1944 г. // Сб. законов СССР и Указов ПВС СССР. 1938–1958 гг. М.: Юрид. лит., 1959. С. 32–33.

¹ ЦГА РУз. Ф. 837. Оп. 42, Ед. хр. 1678. Л. 37.

ся, что отдельные штаты не могут ввести внешнюю политику. В завершение встречи в Думбартон-Оксе США, СССР, Великобритания и Китай выработали план создания международной организации, представленный на изучение и обсуждение всем правительствам Объединенных Наций и народам всех стран¹.

В феврале 1945 г. состоялась очередная встреча Сталина, Рузвельта и Черчилля с участием министров иностранных дел и начальников штабов. 11 февраля 1945 г. от имени этой конференции было объявлено о разрешении вопроса о порядке голосования в Совете Безопасности и о созыве Конференции в Сан-Франциско.

С 17 июля по 2 августа 1945 г. состоялась Потсдамская конференция – третья и последняя официальная встреча лидеров крупнейших держав антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне. В конференции участвовали председатель Совета народных комиссаров СССР и председатель Государственного комитета обороны СССР И.В. Сталин, президент США Г. Трумэн, премьер-министры Великобритании У. Черчилль (до 25 июля) и К. Эттли (с 28 июля). Потсдамская конференция проводилась после победы над гитлеровской Германией с основной целью выработать послевоенную программу безопасности в Европе и мире в целом.

В октябре 1945 г. в Сан-Франциско собрались делегаты 50 стран. На повестке дня Конференции стояли предложения, принятые в Думбартон-Оуксе, на основе которых делегаты должны были выработать Устав, приемлемый для всех государств.

Устав Организации Объединенных Наций был подписан 26 июня 1945 г. в Сан-Франциско по завершении Конференции Организации Объединенных Наций и вступил в силу 24 октября 1945 г. Однако в состав ООН вошли СССР и только Украина и Белоруссия, а остальным республикам, включая Узбекскую ССР, в членстве отказали. В дальнейшем МИД союзных республик со-

¹ 1944–1945: Думбартон-Оукс и Ялта [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/ru/sections/history-united-nations-charter/1944-1945-dumbarton-oaks-and-yalta/index.html> (дата обращения: 05.01.2020).

хранились, но не имели реального права участвовать во внешнеполитических событиях [10, с. 35].

В стремлении расширить влияние СССР в мире союзные республики получили номинальное право на внешнеполитическую деятельность. Это позволило им наладить некоторые ограниченные связи, однако, конечно, под контролем МИД СССР.

Участие МИД Узбекской ССР во внешней политике Советского Союза. МИД республик Центральной Азии постепенно были вовлечены в процесс международных отношений СССР с зарубежными странами, в особенности в Азии. В период существования МИД Узбекистана его возглавляли известные дипломаты и ученые – Я. Алиев, Б. Абдураззоков, У. Абдураззоков, С. Азимов, А. Бобохужаев. Руководители узбекского внешнеполитического ведомства выступали с докладами на различных международных площадках. В частности, в 1950 г. на заседании сессии Генеральной Ассамблеи ООН министр иностранных дел Узбекистана Абдусамат Бабаходжаев выступил с докладом. Ряд представителей Узбекистана проходили обучение в московском Институте международных отношений, где получили дипломы и работали в дипломатических ведомствах и учреждениях СССР [11, с. 14].

История развития международных отношений СССР свидетельствует о подключении Узбекистана к ряду политических мероприятий. Так, Ш. Рашидов являлся главой советской делегации на Кубу во время Карибского кризиса. В книге С. Лавренёва и И. Попова отмечается: «31 мая 1962 г. на Кубу прилетает представительная советская делегация во главе с Ш. Рашидовым. Советская делегация вначале вызвала у Ф. Кастро недоумение и даже замешательство, однако затем, выслушав аргументы Ш. Рашидова, “команданте” Фидель согласился с советским проектом: “Если это нужно для укрепления социалистического лагеря”» [12, с. 135].

В начале января 1966 г. в Ташкенте состоялась встреча по подписанию мирного соглашения между Индией и Пакистаном. Переговоры шли трудно, каждая воюющая страна считала себя

обиженной и выдвигала неприемлемые условия. Через неделю, после сложных переговоров, стороны заключили соглашение о завершении войны и объявлении мира между Индией и Пакистаном. Ташкентская декларация «О прекращении боевых действий, отводе войск и восстановлении дипломатических отношений» была подписана 10 января 1966 г. Декларация предусматривала меры по ликвидации последствий конфликта: отвод вооруженных сил обеих стран на позиции, которые они занимали до начала вооруженного столкновения, возобновление нормальной деятельности дипломатических представительств, обсуждение мер по восстановлению между Индией и Пакистаном экономических и торговых связей и пр.¹ Ташкентская декларация создала реальную основу для решения спорных вопросов в отношениях между Индией и Пакистаном.

В Узбекистане проходили важнейшие международные форумы, общественно-политические саммиты, фестивали, встречи работников науки и культуры, спортивные соревнования. Большую известность получил Международный кинофестиваль стран Азии, Африки и Латинской Америки. Проведенный впервые в 1968 г. кинофорум обрел постоянный статус, проводился каждые два года. За 1968–1988 гг. прошли десять кинофестивалей². Ташкент стал символической столицей Центральной Азии, и неслучайно Организация Объединенных Наций наделила Ташкент особым статусом «Посланника Мира».

Таким образом, наряду с другими союзными республиками, народ Узбекистана сыграл большую роль в победе СССР в Великой Отечественной войне. Советские республики были вовлечены в геостратегические интересы СССР и процессы формирования новой структуры международных отношений послевоенного времени. Вместе с тем некоторые региональные аспекты событий остаются недостаточно изученными. Углубленное изучение истории Второй мировой войны с привлечением

¹ Ташкентская декларация // Правда. 1966. 11 янв.

² ЦГА РУз. Ф. 2564. Оп.1. Д. 826. Л. 2–4.

комплексного и междисциплинарного подходов позволит точнее представить панораму тех грандиозных событий.

Список литературы

1. Ўзбекистон тарихи (1917–1991 йиллар). 2-китоб. Тошкент: Ўзбекистон НМИУ, 2019. 576 б.
2. Вклад трудящихся Узбекистана в победу в Великой Отечественной войне. Ташкент, 1975. 250 с.
3. Узбекская ССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). 1981. Т. 1. 405 с.
4. Голованов А.А., Саидов И.М. Вклад Узбекистана в победу над фашизмом. Самарканд: Изд. СамГУ, 2006. Ч. 1–2. 104 с.
5. Московская декларация. 1943 г. П. 4.
6. Очерки истории Министерства иностранных дел России. М.: Оллия-Пресс, 2002. Т. 2. 1917–2002. 617 с.
7. Рахимов М.А. Геополитические особенности формирования внешнеполитических ведомств советских республик: на примере МИД Узбекской ССР // IX Международная научно-практическая конференция «Коммуникативная культура: история и современность». Новосибирск: НГУ, 2019. 278 с.
8. Советский Союз на международных конференциях. М., 1984. Т. 3. Конференция представителей СССР, США и Великобритании в Думбартон-Оксе, 21 августа – 28 сентября 1944 г. 271 с.
9. Очерки истории Министерства иностранных дел России. М., 2002. Т. 2. 617 с.
10. Рахимов М. Международное сотрудничество Узбекистана в контексте обеспечения стабильности и устойчивого развития в Центральной Азии. Ташкент: Изд-во Tangi Nashr, 2011. 224 с.
11. Раҳимбоева Д. Ўзбекистонда дипломатия хизматининг шаклланиши ва ривожланиши тарихи (1944–2001 йиллар; Ташқи ишлар вазирлиги мисолида) // Тарих фанлари номзоди ... дис. автореф. Тошкент, 2007. 26 б.
12. Лавренёв С., Попов И. Советский Союз в локальных войнах и конфликтах. М.: Изд-во Аст, 2005. 778 с.

Р.Т. Джамбулатов, Н.Д. Чекулаев

**О вкладе населения Дагестана в фонд обороны
в годы Великой Отечественной войны**

R.T. Dzhambulatov, N.D. Chekulaev

**About the Contribution of the Population of Dagestan
to the Defense Fund in the Great Patriotic War**

Аннотация. В данной статье на основе публикаций прессы периода Великой Отечественной войны делается попытка показать вклад населения Дагестана в дело победы над фашистской Германией. Труженики Дагестана выступили с инициативой о создании фонда обороны страны. Эта инициатива нашла поддержку руководства Дагестана и получила широкое распространение в промышленности и сельском хозяйстве.

Ключевые слова: Дагестан; Великая Отечественная война; ВКП(б); Горком ВКП(б); колхозники; трудящиеся; комсомольцы; деньги; зерно; трудодни.

Великая Отечественная война стала величайшим испытанием сил, мужества, стойкости народов многонациональной страны, каждого советского человека на фронте и в тылу. В годы войны сплотились народы страны в единое целое, основанное на необходимости борьбы со злейшим врагом – фашизмом и нацизмом, достижения Победы над врагом.

К сожалению, в последнее время в некоторых средствах массовой информации зарубежных стран возникают попытки очернить подвиг советского народа, освободившего народы Европы от фашистской чумы. В ряде учебников истории и в различных околонуточных публикациях оспаривается или вообще замалчивается решающая роль и подвиг народа, его вооруженных сил в Победе над гитлеровской Германией и ее союзниками. Решающий вклад в нее приписывается в значительной степени союзным силам, во главе которых стояли США, Великобритания, хотя принижать и их роль в разгроме гитлеровской Герма-

нии и ее сателлитов, на наш взгляд, нельзя. Вместе с тем нужно помнить, что именно народы СССР и его армия понесли самые значительные потери в ходе этой войны и именно Советский Союз нес на своих плечах самую тяжелую ношу борьбы с фашизмом. В этих условиях публикация подлинных источников по истории Великой Отечественной войны чрезвычайно важна и актуальна, ибо они служат убедительным опровержением всяческих фальсификаций истории Отечественной войны [1, с. 3–6].

В течение лета 1941 г. коллективы рабочих и служащих Двигательстроя, Рыбоконсервного завода, Махачкалинского порта и фабрики им. III-го Интернационала обратились с инициативой о создании Фонда обороны и предложили горкомам и райкомам ВКП(б) возглавить это патриотическое движение трудящихся Дагестанской АССР. Руководство Дагестана не только одобрило инициативу, но и обязало горкомы и райкомы ВКП(б) обсудить и разъяснить на собраниях рабочих, колхозников, интеллигенции передовую статью газеты «Правда» от 1 августа 1941 г. «Фонд обороны – новое проявление советского патриотизма» с принятием конкретных обязательств тружеников по их участию в создании Фонда обороны. Помимо этого, руководство республики предложило областным и районным газетам и Даградиокомитету широко популяризовать примеры советского патриотизма как на трудовом фронте, так и в создании Фонда обороны.

Все поступления в Фонд обороны страны – денежные и материальные ценности как от производственных коллективов, так и от отдельных лиц вносятся в районные и городские отделения Госбанка¹. По неполным данным, к 25 августа 1941 г. в отделения Государственного банка, в сберегательные кассы и заготовительные пункты от трудящихся Дагестана для зачисления в Фонд обороны поступили около 200 тыс. руб. наличными деньгами, облигации госзаймов на сумму 2 901 755 руб., около 400 ц мяса, около 500 кг масла, свыше 1000 ц зерна, более 30 т цвет-

¹ Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГАРД). Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 4903. Л. 215–216.

ных металлов, большое количество лома черных металлов, золота, серебра и т.д.

Власти установили порядок приема продуктов сельского хозяйства, вносимых в Фонд обороны. Денежные средства за сданные продукты перечислялись заготовительными пунктами на текущий счет Госбанка. Колхозники республики вносили в Фонд обороны огромное количество трудодней. Например, колхозники Касумкентского района сдали в Фонд обороны 7368 трудодней. Средства за достигнутую выработку правления колхозов перечисляли сразу же по сметной стоимости трудодня¹.

Коллектив рабочих и служащих Первомайского рыбозавода постановил до окончательной победы над гитлеровской шайкой бандитов ежемесячно направлять в Фонд обороны двухдневный заработок. Колхозники сельхозартели «Красный флаг» Дербентского района решили вносить в него ежемесячно по одному трудодню. Кроме того, они решили внести 30 овец, 5 свиней, 30 кг масла, 1 т лука и 3 т пшеницы и полностью внести взносы по займу к 1 сентября 1941 г. Рыболовецкий колхоз им. Ворошилова Касумкентского района отчислил в Фонд обороны 100 тыс. руб., подлежащие распределению между членами артели.

Колхозники Казбековского района досрочно погасили займовые взносы. Так, колхозники сельхозартели им. Ленина, им. Молотова и других уже полностью внесли взносы по займу. Колхозники сельхозартели им. Сталина (г. Махачкала) решили отчислять в Фонд обороны ежемесячно по одному трудодню. Из общественного фонда колхозники передали в Фонд обороны 6 т овощей, 1 т винограда. Бригадир овощной бригады тов. Драцов внес личные сбережения 1000 руб.²

8 сентября 1941 г. с небывалым подъемом прошел воскресник на Двигательстрое. Рабочие тт. Азолин и Давиденко выполнили дневное задание к 11 часам. Слесари Акимов, Розаренко выполнили в этот день две нормы. Также работали молодые рабочие Кадыров, Назаренко, Абутаев, Борисов, Карташев.

¹ Дагестанская правда. 1941. 30 авг.

² Там же. 31 авг.

Демонстрация советского патриотизма ярко выражена в делах железнодорожников. Накануне воскресника на митингах, прошедших по всему Махачкалинскому отделению железной дороги, они ударно работали два-три воскресных дня и заработанные деньги внесли на строительство бронепоезда. В Берикее, Манасе, Хасавюрте, на всех станциях и маленьких разъездах кипела работа. Каждый железнодорожник внес в этот день свой трудовой вклад на строительство бронепоезда.

Это воскресенье ознаменовалось большим трудовым подъемом и в колхозах нашей республики. Комсомольцы-колхозники показали образцы стахановского труда на уборке овощей и фруктов, обмолота хлеба. По-хозяйски заготавливали корма, ремонтировали скотные дворы. Только по 16 комсомольским организациям Левашинского района участвовало в комсомольском воскреснике 3350 человек. Ими выработано 2713 трудодней. Комсомольцы Рутула внесли в Фонд обороны 3530 руб., заработанные в этот день.

С большим трудовым подъемом прошел в Дербентском районе Второй Всесоюзный комсомольский воскресник, посвященный международному юношескому дню. С раннего утра сотни комсомольцев и несоюзной молодежи города и села организованно вышли на воскресник. Основная масса членов ВЛКСМ работала на подготовке железнодорожного узла к зиме и на консервном комбинате им. Горького. Образцы самоотверженного труда показала бригада комсомолки Гориной. Задание по укладке балласта бригада выполнила на 250 %. Бригада комсомольца Бутаева, работавшая на замене и укладке шпал, выполнила дневное задание на 270 %.

В большинстве селений района, наряду с комсомольцами, в воскреснике приняли участие пожилые работники, колхозники и учителя. Сотни людей работали на уборке овощей, винограда, осенней вспашке и других сельскохозяйственных работах. Только по шести колхозным комсомольским организациям в воскреснике приняли участие 846 чел., которые выработали 872 трудодня. Учащиеся неполной средней школы селения Рукель на

уборке помидоров в колхозе «Сталин-Чиляр» выработали 75 трудодней. Комсомолец Ахмедов выработал два трудодня. Две нормы дал ученик 7 класса Наджафов и ряд других комсомольцев. В колхозе им. Буйнакского в воскреснике участвовало 159 чел., выработали 163 трудодня.

940 участников воскресника в городе дали в Фонд обороны страны 13 тыс. руб., в два с лишним раза больше, чем за первый воскресник¹.

В заключение отметим, что в данной статье мы коснулись лишь небольшого числа примеров инициативности трудового народа в тылу. Несмотря на все тяготы свалившегося на нашу страну военного лихолетья, именно патриотизм и инициативность трудового советского народа стали тем самым моральным стержнем, который помог армии и советским служащим не потерять веру в себя и в свою способность побеждать в последующем на фронтах Великой Отечественной войны.

Список литературы

1. Бутаев М.Д, Джамбулатова Р.И., Какагасанов Г.И., Чекулаев Н.Д. Народы Дагестана в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (документы и материалы). Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2005. 776 с.

¹ Дагестанская правда. 1941. 8 сент.

Д.В. Кирюхин

**Вклад Большемурашкинской средней школы
в победу в Великой Отечественной войне**

D.V. Kiryukhin

**Bolshoe Murashkino Secondary School's
Contribution to the Victory in the Great Patriotic War**

Аннотация. В статье рассматривается положение советской школы в годы Великой Отечественной войны, акцент сделан на вопросах вклада сельской школы в дело победы над фашизмом на примере средней школы рабочего поселка Большое Мурашкино. В военное время перед педагогическим коллективом школы стояли нелегкие задачи не только по реализации программы всеобщего обучения, но и по воспитанию мужественных защитников Родины. Школа и ее воспитанники оказывали помощь колхозам и совхозам в полевых работах, осуществляли подготовку оборонительных сооружений, проводилась работа по информированию и оповещению населения.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; тыл в годы войны; советская общеобразовательная школа; школьное образование; патриотическое воспитание; учительская интеллигенция; сельская школа; Большое Мурашкино; Р.С. Гражданинов; «Фронтовые записки сержанта».

События Великой Отечественной войны коренным образом изменили все сферы жизни общества нашей страны. Эти 1418 дней и ночей стали периодом наивысшего напряжения духовных и физических сил всего народа. Новая школа, созданная в годы советской власти, являлась одним из значимых источников победы, выступая не только «кузницей кадров», обеспечившей Красную армию и тыл высококвалифицированными специалистами, но и важнейшим средством воспитания патриотизма у молодого поколения в нелегкие годы войны. Неслучайно перед школой стояли особые задачи, способствующие достижению главной цели – воспитания молодого гражданина, мужественного защит-

ника своей Родины [1]. Немалую роль в осуществлении этой цели сыграли не только городские, но и сельские школы.

Исследования, посвященные истории советской общеобразовательной школы, вышли еще в 1940-е – 1950-е гг., однако их общей чертой являлась идеологическая ангажированность [2, с. 111–118]. Среди работ обобщающего характера особого внимания заслуживает серия «Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР» [3]. В последние годы появляется больше исследований, позволяющих оценить дискуссионные вопросы прошлого нашей страны объективно. Следует выделить коллективную монографию «Острова утопии: Педагогическое и социальное проектирование послевоенной школы (1940–1980-е)» (2015 г.) [4]. Репрессивной политике сталинского режима в отношении научно-педагогических кадров посвящены работы К.А. Юдина [5, с. 56–73]. Диссертационное исследование С.А. Курасова рассматривает вопросы повседневности педагогических вузов Владимирской области в 1919 – начале 1950-х гг. [6]. Однако число работ, обращающихся к материалам региональных источников, сравнительно невелико [7]. Особенно это касается Большемурашкинского района Нижегородской области [8, с. 71–74].

Поселок городского типа Большое Мурашкино Нижегородской области расположен в 90 км к юго-востоку от Нижнего Новгорода. В годы Великой Отечественной войны в Большом Мурашкино существовали школы трех ступеней: начальная (1–3 классы), неполная средняя (4–7 классы) и средняя (8–10 классы). К 1940/1941 уч.г. количество учащихся достигло 550–600 чел., занятия проводились в две смены¹.

Однако с началом войны жизнь школы, ее педагогов и учеников необратимо изменилась. По всему Советскому Союзу с первых дней учителя и учащиеся занимались строительством оборонительных сооружений, участвовали в противовоздушной обороне, уборке урожая в колхозах и совхозах, в сборе металли-

¹ Большое Мурашкино. История развития. Материал предоставлен директором Большемурашкинского историко-художественного музея С.Ф. Мартазовой [Электронный ресурс]. URL: http://www.gtp.ru/MP/mp_51.htm (дата обращения: 17.02.2020).

ческого лома, лекарственных растений, в оказании помощи раненым в госпиталях, в шефстве над семьями фронтовиков школы развернули широкую общественно полезную работу [9].

Важнейшими источниками о жизни школы в годы Великой Отечественной войны являются воспоминания самих педагогов и учащихся, которые собирают современные ученики Большемурашкинской средней общеобразовательной школы под руководством учителей истории¹. «Зимой было очень холодно, дети сидели в шубах и шапках, даже чернила замерзали. Нам приходилось самим заготавливать дрова для себя и для школы. <...> Кроме работы выполняли еще и общественные нагрузки. Так, с началом авианалетов на Горький и область приходилось дежурить ночами, патрулировать улицы, следить, чтобы в окнах не было света», – сообщает учитель начальной школы № 3 В.И. Даранова². О помощи в сельскохозяйственных работах колхозам свидетельствуют и воспоминания учителя русского языка и литературы М.Г. Ковановой: «Учащиеся из деревень помогали матерям: тогда вся колхозная работа нелегким бременем легла на женщин и детей-подростков. <...> Учащиеся Большого Мурашкина с преподавателями ходили работать в Ключищинский и Большемурашкинский колхозы: пололи, косили траву, сушили, сгребали, убирали в клады. Когда созревали хлеба, косили рожь, вязали снопы, молотили»³.

Осенью 1942 г. учащиеся старших классов с преподавателями и директором школы И.А. Романычевым ходили в д. Румянцево Дальнеконстантиновского района и там в течение нескольких недель участвовали в сооружении противотанковых рвов. «Работа была тяжелая: рыли лопатами глубокие трехметровые траншеи,

¹ Большемурашкинская школа в годы Великой Отечественной войны. Презентация для Всероссийской интеллектуальной олимпиады «Наше наследие». Выполнил: учащийся 8 «А» класса С. Купаев. Руководитель: Д.Г. Урезков. Нижегородская обл., Б. Мурашкино, 2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.myshared.ru/slide/953005/> (дата обращения: 17.02.2020).

² Большемурашкинская газета «Знамя». 2005. № 65 (9977). 5 авг.

³ Там же.

вытаскивали из глубоких рвов землю», – сообщает учитель биологии З.И. Петрова¹.

Одной из важнейших задач для школы стало оповещение учащихся и граждан о положении на фронтах. Эта работа легла на плечи директора и учителей школы, которые выступали перед населением Мурашкина, а также в колхозах с докладами и лекциями о военных событиях. Иногда в данном деле помогали и сами фронтовики: в 1943 г. в кратковременный отпуск приехал бывший воспитанник школы лейтенант А.Д. Кованов, рассказавший учащимся о борьбе с фашистами на Севере в районе Мурманска. Данные мероприятия способствовали патриотическому подъему в борьбе против фашистских захватчиков, что в конечном итоге определило победу в войне [10].

Трудно переоценить вклад школы в пополнение вооруженных сил СССР в годы войны. На фронт уходили как учителя, так и рано повзрослевшие ученики. «Из нашего 10 «А» на войну ушли все юноши, десять человек. Брали и девушек, обычно по комсомольскому набору. Девушки вернулись все, а из мальчишек только трое»², – вспоминает А.А. Домнина, выпускница 1941 г. Одними из таких выпускников являлись Рафаэль Семенович Гражданинов и его будущая супруга Антонина Ивановна Чичмарина, впоследствии посвятившие многие годы самоотверженной работе в Большемурашкинской школе. Свои воспоминания о тяжелом военном времени Р.С. Гражданинов изложил во «Фронтowych записках сержанта», частично опубликованных при жизни автора и переживших два переиздания в 2015 и 2017 г. [11].

Очень многие из ушедших на фронт учителей и учеников школы не вернулись с войны: из почти 6 тыс. большемурашкинцев с победой домой возвратились лишь единицы. Остались навечно на полях сражений ученики средней школы Федя Кишкинцев, Саша Реунов, Коля Бердинских, Миша Бармин, Валя Рыбаков, Саша Фомин, Миша Шеронов, Ваня Красильников, Миша Монов, Лева Романов. «Были они умные, любознатель-

¹ Большемурашкинская газета «Знамя». 2005. № 65 (9977). 5 авг.

² Там же.

ные, жизнерадостные. Перед ними открывались светлые горизонты, им хотелось жить и учиться, но война отняла у них самое прекрасное и дорогое, что есть у человека – это жизнь. Они отдали ее в борьбе за свободу и независимость своей Родины»¹, – вспоминает М.Г. Кованова.

Великая Отечественная война серьезно отразилась на деятельности отечественной школы, которая выполняла важные государственные задачи [12]. В 1941–1945 гг. к ним добавились и новые, продиктованные военным временем: помощь колхозам и совхозам, повседневная забота о детях, родители которых защищали Родину или работали на производстве, обеспечение необходимой физической подготовки молодежи для обороны страны, работа по подъему патриотического духа и информированию населения. Советские педагоги и их воспитанники героически трудились в тылу и проявляли героизм на фронте. Многие учителя Большемурашкинской средней школы пали смертью храбрых в борьбе за освобождение родной земли от фашистов. Часть из них получила правительственные награды. Самоотверженный труд работников образования был отмечен Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 декабря 1944 г. «За успешную и самоотверженную работу по обучению и воспитанию детей в школах РСФСР»². В соответствии с ним советское правительство вручило ордена и медали более чем 5 тыс. учителей, воспитателей и других работников народного образования. Деятельность советской школы в военный период подтвердила необходимость тесной связи школы с жизнью, с трудом. Перед советской школой и педагогикой в условиях послевоенного периода встали новые задачи.

¹ Большемурашкинская газета «Знамя». 2005. № 65 (9977). 5 авг.

² Указ Президиума Верховного Совета СССР «За успешную и самоотверженную работу по обучению и воспитанию детей в школах РСФСР» от 14 декабря 1944 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=37262> (дата обращения: 17.02.2020).

Список литературы

1. Константинов Н.А., Медынский Е.Н., Шабаетова М.Ф. История педагогики. М.: Просвещение, 1982. 447 с.
2. Арнаутков Н.Б. Развитие системы советского среднего образования в 1920–1930-е годы // Вестник НГУ. Сер.: Педагогика. 2010. Т. 11. Вып. 1. С. 111–118.
3. Кузин Н.П., Колмакова Н.М., Равкин З.И. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. 1917–1941 гг. М.: Педагогика, 1980. 284 с.
4. Острова утопии: Педагогическое и социальное проектирование послевоенной школы (1940–1980-е): Коллективная монография / ред. и сост.: И. Кукулин, М. Майофис, П. Сафронов. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 720 с.
5. Юдин К.А. Репрессивная политика сталинского режима в отношении научно-педагогической интеллигенции в 1930-е гг.: методы и практика // Интеллигенция и мир. 2014. № 4. С. 56–73.
6. Курасов С.А. Повседневность педагогических вузов в 1919 – начале 1950-х гг. (На материалах Владимирской области): дис. ... канд. ист. наук. Владимир: ВлГУ им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, 2015. 256 с.
7. Школа советского общества: опыт политической истории. По материалам Нижегородской области: учеб. пособие по курсу «История образования» / под. ред. И.В. Берельковского, Э.М. Фильченковой. Н. Новгород: НГЦ, 1997. 206 с.
8. Кирюхин Д.В. Средняя школа Большого Мурашкино перед началом Великой Отечественной войны: материалы школьного дневника Р.С. Гражданинова за VIII класс (1940–1941 учебный год) // Преподавание истории в школе, 2016. № 7. С. 71–74.
9. Паначин Ф.Г. Педагогическое образование в России: историко-педагогические очерки. М.: Педагогика, 1979. 216 с.
10. Книга памяти. Большемурашкинский район в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Н. Новгород: Литера, 2004. 384 с.
11. Фронтовые записки сержанта Гражданинова Рафаэля Семеновича: рукописи, фронтовые письма, материалы периоди-

ческой печати / сост. Кирюхин Д.В. Н. Новгород: Типография «Растр», 2017. 310 с., 32 с. илл.

12. *Малхасян Н.В.* Реализация программы всеобща в годы Великой Отечественной войны // Ярославский педагогический вестник. 2011. № 2. Т. I (Гуманитарные науки). С. 60–63.

УДК 94(47) «1941-1942»

К.А. Голодяев

Прием и размещение в Новосибирске гражданского населения и организаций, эвакуируемых из западных регионов СССР в 1941–1942 годах, в социальной памяти горожан

K.A. Golodyaev

Reception and Accommodation of Civilians and Organizations Evacuated in 1941–1942 From the Western Regions of the USSR in the Social Memory of Novosibirsk

Аннотация. Цель данной работы показать восприятие и сложности эвакуации гражданского населения в годы Великой Отечественной войны через источники мемуарного происхождения. В большей части в работе использованы воспоминания жителей города, которые в течение последних лет собирались Центром устной истории Музея Новосибирска. По мнению автора, социальная память как живое свидетельство времени представляет собой исторический материал, наиболее эмоциональный и доступный для восприятия основной частью неискушенной аудитории. Такой информационный подход для передачи «больших» событий позволяет использовать мемуарные источники как феномен сохранения национальной культуры.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; Новосибирск; Ленинград; эвакуация; блокадники; детдом; мемуары; воспоминания; социальная память.

Накануне войны границы Новосибирской области сильно отличались от современных. В нее также входили ныне отдельные Кемеровская и Томская область с Нарымским краем. Ее площадь состав-

ляла 595 тыс. кв. км (против 177,7 тыс. сегодня, т.е. в три раза больше), а численность населения 4,1 млн человек (против 2,8 млн).

Уже через полторы недели после начала войны, 3 июля 1941 г. в Новосибирск прибыл первый эшелон беженцев из западных областей страны. Пятого июля органы власти распорядились на местах организовать прием и размещение эвакуируемых, устроить на работу трудоспособных лиц или зачислить их на курсы по переподготовке кадров. При крупных железнодорожных станциях области были организованы эвакупункты с оказанием медицинской помощи. К осени 1942 г. в город приехало почти 100 тыс. человек. В основном это жители Москвы, Ленинграда, Украины, Смоленской, Воронежской и Сталинградской областей. Как отмечал современник тех событий Эдуард Ипполитович Ельский: «Когда началась война, в Новосибирск хлынули люди эвакуированные, как сегодня говорят, люди совсем другого менталитета, в основном ленинградцы»¹.

Только за 1941 г. Новосибирский эвакупункт принял более 227 тыс. чел., четверть из них – дети², а за два года войны через него прошло почти полтора миллиона человек [1, с. 42]. Прибывшие по возможности прикреплялись к бытовым и лечебным, детским учреждениям, к столовым, обеспечивались топливом.

Много людей приехали с оборонными заводами: руководство, инженеры, кадровые рабочие. Их семьи временно размещают в школах, подселяют к жителям. В пик подселений на человека приходилось менее 2 кв. м жилой площади [2, с. 484]. Спустя десятилетия Александр Александрович Каптаренко вспоминал о тех событиях так: «Сначала нас поселили в Дом Культуры в Ельцовке, где мы сложили свои пожитки. <...> выдали ордера на уплотнение, у меня их было четыре. Я проходил по трем адресам, жить там было невозможно: маленькая комната, где-то шесть метров, детей полно. В общем, все три комнаты мне не подошли, у меня появились мысли, не отрыть ли мне землян-

¹ МАУК «Музей Новосибирска». Фонд «Центр устной истории».

² Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 181. Л. 48–51.

ку? Но четвертый адрес оказался подходящим, на улице Достоевского стояла избушка. Хозяйка жила в городе, а половину избушки сдавала под складское помещение, где также жил кладовщик с женой, а другую половину отдали мне. Комната была метров двенадцать, там стояла русская печь, шкаф и стол»¹.

В городе принимается решение о мобилизации жилого фонда для семей эвакуированных. В течение нескольких дней было освобождено 10 тыс. кв. м жилья. Чтобы обеспечить прибывших жилплощадью, ряд новосибирских учреждений пришлось даже пере-

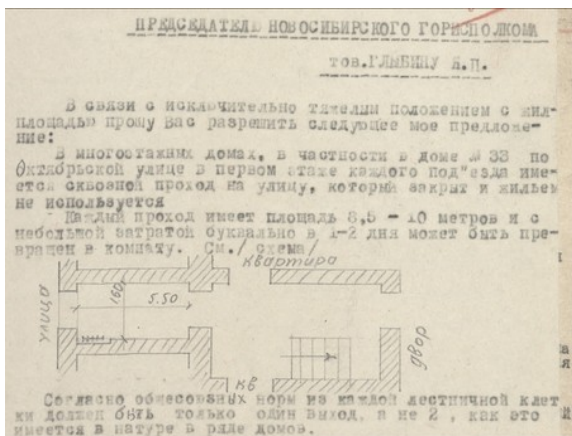

Рис. 1. Предложение по использованию сквозных проходов. Новосибирский городской архив (НГА). Ф. 33. Оп. 1. Д. 506. Л. 68.

вести в другие населенные пункты области, вместе с сотрудниками и их семьями. Позднее Инна Евдокимовна Захарова в своих воспоминаниях отмечала: «Не спрашивали,пустишь ты на квартиру или непустишь, не спрашивали. Видят, что у тебя лишняя площадь, кого-нибудь к тебе поселят. И ничего, все мирились. Никто, что я не хочу, этого не было. Народ был очень дружный, я даже часто вспоминаю, что народ в войну был очень дружный, каждый хотел помочь»².

На 11 июля было освобождено также 52,5 тыс. кв. м служебной площади³. Под жилье приспособлялись части кухонь, сквозные проходы в домах, «сарай, подвалы, чердаки по типу мансард». Принято решение по скорейшему завершению строительства уже

¹ МАУК «Музей Новосибирска». Фонд «Центр устной истории».

² Новосибирский городской совет ветеранов войны, труда, военной службы и правоохранительных органов. Видеоархив.

³ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 503. Л. 108.

начатых жилых и производственных помещений с «учетом использования чердачных помещений под жилье»¹. Архитектор Андрей Дмитриевич Крячков писал, что есть «...весьма простой и эффективный способ увеличения жилой площади путем реконструкции чердачных помещений деревянных и балочных домов. Как показала практика, для того чтобы приспособить чердак под жилье, требуется не больше недели... Даже самый примитивный земляной барак, санитарно-технические качества которого низки, и то построить дороже, чем реконструировать чердачное помещение... Если реконструировать чердачное помещение в каждом новом доме, то можно увеличить жилую площадь на 25–50 процентов при минимальной затрате рабочей силы, материалов и времени»².

Но не всем везло. Некоторым поначалу приходилось жить в палатках, в облупленных и холодных общежитиях. Приближалась зима, а народ все прибывал. Семнадцатого октября Новоси-

Рис. 2. Палатки на берегу Оби.

бирский горком партии распоряжается: «отвести районам территории под строительство землянок, используя для этой цели косогоры, окраины города, обрывистые берега рек Каменки, Ини, Ельцовки, территории рабочих поселков и т.д.»³

Ускоренно строилось жилье упрощенного типа: засыпные землянки, деревянные бараки. Электричество в них было редкостью, на половину барака полагалось по две стеариновые свечи в месяц. Водоснабжение, канализация, бани – отдельная история. «Сначала остановились у

¹ ГАНО. Ф. Р-1020. Оп. 5а. Д. 18. Л. 109–110.

² Крячков А.Д. Ценное начинание строителей // Советская Сибирь. 1941. № 227. 25 сент.

³ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 503в. Л. 172, 173.

двоюродной сестры и ее мужа военного, а потом переехали в заводское общежитие, – вспоминала Александра Георгиевна Максимова, – Несмотря на то, что в комнате жили одновременно три-четыре семьи, у нас был водопровод, могли мыться. Поэтому для войны мы устроились хорошо»¹.

Большинство горожан, от мала до велика, старались чем могли поддержать и воюющую армию, и приезжих. В городе был создан специальный фонд помощи эвакуированным. Новосибирцы делились с ними не только кровом. Они отдавали им теплые вещи, в т.ч. своих родных, ушедших на фронт. Ведь у многих беженцев с собой даже не было теплых вещей – лишь документы да небольшие котомки. В воспоминаниях Деборы Борисовны Хотинной по этому поводу отмечалось следующее: «В Новосибирске нас встречали родственники Моисея Григорьевича. И сразу, тут же на вокзале, препроводили нас в дезинфекцию, по-русски это называлось “вошебойка”. Ну вот здесь и обработали меня вместе с ногами, и только после этого всего нас привели к родственникам Моисея Григорьевича. Это были чудесные люди, они поделились со мной своими продуктовыми карточками. Как говорится, спать в постельку уложили, тепленьким укрыли, а сами в это время как страдали! Сын их был на фронте, и уже давно от него не было известий, и только потом уже стало известно, что он погиб. Они меня, чужого человека, приютили, а их дитя вот где-то погиб»².

Принимающие люди были разными. Имели место, конечно, и случаи неприятия «эвакуированных», черствого и высокомерного отношения к ним. Причины негативных настроений коренились в уплотнении, выдаче пайков, интеллигентности и

¹ Метелькова И. В заложниках у воспоминаний: эвакуация из блокадного Ленинграда глазами Александры Максимовой [Электронный ресурс] // Форпост Северо-Запад. URL: <https://forpost-sz.ru/a/2019-01-27/v-zalozhnikakh-u-vozpominanij-ehvakuaciya-iz-blokadnogo-leningrada-glazami-aleksandry> (дата обращения: 04.01.2020).

² Подосокорский Н. Воспоминания об эвакуации из блокадного Ленинграда 9 февраля 1942 года [Электронный ресурс] // Живой Журнал. URL: <https://philologist.livejournal.com/7220242.html> (дата обращения: 05.01.2020).

столичности эвакуантов¹. Но, к счастью, речь идет о единичных случаях. Ирина Яковлевна Шелагина вспоминала об этом так: «“Выковырянные”, “Узе – узе приехали на козе” – слышали мы в свой адрес по осени, и тогда нам на это было наплевать. Плохо, когда тебе плохо. Вдвое плохо, когда ты чувствуешь себя хуже других, и совсем уже плохо, когда другие считают тебя хуже себя. Недоброжелательство к ленинградцам было необычно и непонятно. Лишь потом это несколько сгладилось»². Эдуард Ипполитович Ельский свидетельствовал: «Это обвал для Новосибирска. Хлынули и заводы, и искусство, и фабрики, и кино, и еще кого только не было. И они-то, конечно, сильно разнились от сибирского посконного чалдона. Хлынула эта масса, у них менталитет совсем другой. Там же и рабочий класс по-другому выглядел, и фабричные с крупными этими заводами. Я уж не говорю про театр»³.

А приток беженцев в область все продолжался. 1 августа 1941 г. на Комсомольском проспекте открылся новый детский дом⁴. 9 августа завод имени Чкалова принял четыре эшелона женщин и детей, эвакуированных из еще не окруженного Ленинграда. «Нас на руках выносили. Стояла телега, и славная Александра Павловна – директор дома малютки – начала укладывать детей в коробочки – многие были немощными и не могли сидеть»⁵, – вспоминала о пережитом Лариса Николаевна Евдокимова.

¹ НГА. Ф. 33. Оп. 1. Д. 511. Л. 58.

² Шелагина И.Я. О маме, родственниках, войне и семье [Электронный ресурс] // Шелагина РФ. URL: <http://Шелагина.рф/memuari/mama.html#16> (дата обращения: 04.01.2020).

³ МАУК «Музей Новосибирска». Фонд «Центр устной истории».

⁴ НГА. Ф. 33. Оп. 1. Д. 475. Л. 153.

⁵ Толмачёв С. Реалии Новосибирска в годы войны рассказаны в новой книге по истории [Электронный ресурс] // Все новости Новосибирской области. URL: <https://vn.ru/news-realii-novosibirska-v-gody-voyny-rasskazany-v-novoy-knige-po-istorii> (дата обращения: 05.01.2020).

Список детей 2-го Болотнинского детского дома									
№	Фамилия, имя, отчество ребенка	Дата рождения	Фамилия, имя, отчество отца	Фамилия, имя, отчество матери	Место рождения отца	Место рождения матери	Дата отъезда	Место отъезда	Дата отъезда
1	Павлов, Иван, отчество неясно	20/11-34	Павлов, Иван, отчество неясно	Павлов, Иван, отчество неясно	Р.Р.Р.Р.	Р.Р.Р.Р.	20/11-34	Вологда 25.11.34	
2	Заварова, Мария, Вас.	20/11-34	Заваров, Василий, Павлович	Заварова, Мария, Вас.	Р.Р.Р.Р.	Р.Р.Р.Р.	20/11-34	Вологда 25.11.34	
3	Попов, Алексей, Пав.	14/11-35	Попов, Алексей, Пав.	Попов, Алексей, Пав.	Р.Р.Р.Р.	Р.Р.Р.Р.	14/11-35	Вологда 25.11.34	
4	Козин, Анатолий, Мих.	20/11-35	Козин, Николай	Козин, Анатолий, Мих.	Р.Р.Р.Р.	Р.Р.Р.Р.	20/11-35	Вологда 25.11.34	
5	Ташкина, Нина, Васильевна	10/11-36	Ташкин, Василий, Мих.	Ташкина, Нина, Васильевна	Р.Р.Р.Р.	Р.Р.Р.Р.	10/11-36	Вологда 25.11.34	
6	Заваров, Андрей, Васильевич	10/11-36	Заваров, Василий, Васильевич	Заварова, Мария, Вас.	Р.Р.Р.Р.	Р.Р.Р.Р.	10/11-36	Вологда 25.11.34	
7	Богачев, Анатолий, Пав.	10/11-36	Богачев, Анатолий, Пав.	Богачева, Мария, Вас.	Р.Р.Р.Р.	Р.Р.Р.Р.	10/11-36	Вологда 25.11.34	
8	Богачева, Вера, Павловна	10/11-36	Богачев, Павел, Пав.	Богачева, Вера, Павловна	Р.Р.Р.Р.	Р.Р.Р.Р.	10/11-36	Вологда 25.11.34	
9	Попов, Юрий	10/11-36	Попов, Юрий	Попов, Мария, Вас.	Р.Р.Р.Р.	Р.Р.Р.Р.	10/11-36	Вологда 25.11.34	
10	Заварова, Мария, Вас.	20/11-34	Заваров, Василий, Павлович	Заварова, Мария, Вас.	Р.Р.Р.Р.	Р.Р.Р.Р.	20/11-34	Вологда 25.11.34	
11	Михайлов, Юрий	20/11-35	Михайлов, Юрий, Пав.	Михайлова, Мария, Вас.	Р.Р.Р.Р.	Р.Р.Р.Р.	20/11-35	Вологда 25.11.34	
12	Орлов, Евгений	10/11-36	Орлов, Евгений	Орлова, Мария, Вас.	Р.Р.Р.Р.	Р.Р.Р.Р.	10/11-36	Вологда 25.11.34	
13	Александров, Николай, Пав.	10/11-35	Александров, Николай, Пав.	Александрова, Мария, Вас.	Р.Р.Р.Р.	Р.Р.Р.Р.	10/11-35	Вологда 25.11.34	
14	Смирнов, Александр, Мих.	20/11-36	Смирнов, Александр, Мих.	Смирнова, Мария, Вас.	Р.Р.Р.Р.	Р.Р.Р.Р.	20/11-36	Вологда 25.11.34	
15	Рябов, Николай	10/11-37	Рябов, Николай	Рябова, Мария, Вас.	Р.Р.Р.Р.	Р.Р.Р.Р.	10/11-37	Вологда 25.11.34	
16	Александров, Вера, Пав.	10/11-36	Александров, Павел, Пав.	Александрова, Мария, Вас.	Р.Р.Р.Р.	Р.Р.Р.Р.	10/11-36	Вологда 25.11.34	
17	Павлов, Юрий	10/11-36	Павлов, Юрий	Павлова, Мария, Вас.	Р.Р.Р.Р.	Р.Р.Р.Р.	10/11-36	Вологда 25.11.34	
18	Рябов, Павел	10/11-36	Рябов, Павел	Рябова, Мария, Вас.	Р.Р.Р.Р.	Р.Р.Р.Р.	10/11-36	Вологда 25.11.34	
19	Шошкова, Василий	3/11-35	Шошков, Василий	Шошкова, Мария, Вас.	Р.Р.Р.Р.	Р.Р.Р.Р.	3/11-35	Вологда 25.11.34	
20	Александров, Евгений	20/11-37	Александров, Евгений	Александрова, Мария, Вас.	Р.Р.Р.Р.	Р.Р.Р.Р.	20/11-37	Вологда 25.11.34	
21	Александров, Елена, Мих.	1934	Александров, Николай, Пав.	Александрова, Мария, Вас.	Р.Р.Р.Р.	Р.Р.Р.Р.	1934	Вологда 25.11.34	
22	Александров, Вера, Евг.	7/11-35	Александров, Вера, Евг.	Александрова, Мария, Вас.	Р.Р.Р.Р.	Р.Р.Р.Р.	7/11-35	Вологда 25.11.34	
23	Александров, Александр, Пав.	1935	Александров, Александр, Пав.	Александрова, Мария, Вас.	Р.Р.Р.Р.	Р.Р.Р.Р.	1935	Вологда 25.11.34	
24	Александров, Павел, Пав.	1936	Александров, Павел, Пав.	Александрова, Мария, Вас.	Р.Р.Р.Р.	Р.Р.Р.Р.	1936	Вологда 25.11.34	
25	Александров, Александр, Пав.	20/11-36	Александров, Александр, Пав.	Александрова, Мария, Вас.	Р.Р.Р.Р.	Р.Р.Р.Р.	20/11-36	Вологда 25.11.34	

Рис. 3. Список детей-ленинградцев 2-го Болотнинского детского дома.

С городом на Неве у Новосибирска сложились особые отношения. Наслышанные о героизме обороны Ленинграда, сибиряки очень тепло встречали блокадников, принимая в их судьбе самое живое участие. Заводы, различные учреждения брали над детскими домами шефскую помощь. Одинокие женщины брали приехавших ребятишек к себе домой. Это естественное желание подкреплялось и тем, что помогало избежать отправки на длительные работы в колхоз. А дети на долгие годы находили свою семью. О приеме самых маленьких эвакуантов воспоминаниями делилась Лариса Николаевна Евдокимова: «В детстве мне каждый год снилась война. Каждый год я просыпалась от ужаса. То, что было на вокзале, когда я маленькая сидела, как бомбили вокзал, и как бегали люди, — это мне приснилось очень сильно. Мне было, наверное, около трех лет, оттуда меня уже привезли в Новосибирск на поезде. На Алтайке нас разгружали. Было обращение, чтобы детей из Ленинграда брали в семьи. Мама пришла в дом малытки и сказала: “Мне бы девочку, на меня по-

хожую”. Меня вывели к ней. Я на нее сморю, она на меня смотрит. Я подошла, взяла ее за руку и сказала: “Мама”»¹.

Еще до прибытия эшелонов в город местные власти приказывают обеспечить эвакуированных из Ленинграда питанием на

Рис. 4. Детприемник для беспризорных на Каменском шоссе (пр. Дзержинского).
НГА. Ф. 33. Оп. 1. Д. 507. Л. 161.

станциях, медпомощью, а паровозы топливом: «Обком ВКП(б) и Облесполком еще раз напоминают о необходимости самого чуткого и внимательного отношения к эвакуированным и предупреждают, что лица, допустившие

бездушное и чиновничье отношение к нуждам эвакуированных, будут преданы суду»².

128 тыс. ленинградцев нашли в Новосибирской области второй дом³. К началу 1943 г. в регионе находилось 48 эвакуированных детских учреждений (более 5 тыс. чел.)⁴, из них – 37 из Ленинграда. Дети были размещены в хороших помещениях, обеспечены топливом, необходимой мебелью и одеждой, получали питание по повышенным нормам, нуждающиеся проходили лечение в туберкулезном санатории⁵.

¹ Ларин Е. Однажды в Новосибирске: «щеглы», первая ОПГ, контрразведка против бандитов [Электронный ресурс] // Новосибирские новости. URL: <http://nsknews.info/materials/odnazhdy-v-novosibirske-shchegly-pervaya-opg-kontrrazvedka-protiv-banditov/> (дата обращения: 12.01.2020).

² ГАО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 418. Л. 9.

³ Наша малая Родина. Хрестоматия по истории Новосибирской области 1921–1991 гг. / сост. В.И. Баяндин и др. Новосибирск: Экор, 1997. С. 222.

⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-327. Оп. 2. Д. 400. Л. 22. Цит. по: Снегирёва Л.И. Прием и размещение эвакуированных детских учреждений в западносибирском тылу (1941–1943) // Вестник ТГПУ. 2018. № 5. С. 143–156.

⁵ НГА. Ф. 33. Оп. 1. Д. 509. Л. 3.

В январе 1942 г. в Ленинград был отправлен эшелон масла, подготовленный Новосибирским жиркомбинатом. В марте эшелон вернулся обратно с эвакуированными ленинградцами. О состоянии прибывших вспоминала Мария Филипповна Заливина: «Ей было лет 17, а выглядела она на все 70. Волосики на руках были зеленого цвета. Ее везла из блокадного Ленинграда женщина-капитан, старшая сестра. Девочке еще нельзя было много есть, мама варила для нее кашу, кормила маленькими порциями» [3, с. 62].

Прорыв блокады города на Неве стал праздником и для Новосибирска. Была объявлена Неделя усиленной помощи Ленинграду. Все предприятия Новосибирска передавали ему сверхплановую продукцию.

Но не забывали и остальных. Зимой 1942 г. принимается решение «Об оказании помощи хлебом нуждающимся семьям красноармейцев, колхозникам и семьям эвакуированных»¹. Организовывались новые предприятия бытового обслуживания, столовые, бани, расширялась сеть детских учреждений. В них

Рис. 5. Хлеб защитникам Ленинграда.
ГАО. Ф. Р-2190. Оп. 1. Д. 274.

создавались «интернатные» (круглосуточные) группы, занятия в школах проходят в три-четыре смены, для них приспособлялись бараки, помещения клубов, красных уголков.

По данным на 1 июля 1943 г. в Новосибирскую область было эвакуировано более 301 457 чел.² Из них Новосибирск принял почти 50 тыс. чел. с эвакуированными предприятиями и более 92 тыс. в индивидуальном порядке [4, с. 81]. Это сравнимо с населением всего Заельцовского района.

¹ ГАО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 544. Л. 48.

² ГАО. Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 280. Л. 32.

Всего за годы войны в Новосибирске власти ввели в эксплуатацию 372 тыс. кв. м жилья. Новые заводы дали начало целым жилым городкам в Кировском, Дзержинском, Заельцовском, Октябрьском районах. Для семей эвакуированных, погибших воинов, инвалидов было отремонтировано 37 тыс. квартир и домов, на льготных условиях им выделялись 34 тыс. голов домашнего скота [5, с. 190–217].

Такая массовая эвакуация не могла не отразиться на демографическом положении в городе. До войны в Новосибирске проживало 450,8 тыс. человек. На 1 января 1944 г. в городе числилось до 700 тыс.¹, а сразу после войны – 609 тыс. чел. [6, с. 70, 92]. Часть эвакуированных должны были уехать домой вместе со своими предприятиями. Многие из них возвратились в свои родные города, но и немало людей, особенно ленинградцев, осталось здесь. Они съездили домой, увидели свои разрушенные здания и вернулись обратно в Сибирь, где у них уже было гарантированное жилье и работа. А у некоторых и... любовь. Куда ж от нее. Много лет спустя Борис Николаевич Антипенко вспоминал: «Мне на заводе Коминтерна рассказали – там много было ленинградцев, которые застряли. Многие просили о переводе, уже позже, после войны, но им просто отказывали. А кто-то здесь стал начальником, замначальника цеха. А там что, куда, мол, соваться? <...> Некоторые в силу других причин, вроде того, что

№ пп	Наименование республик и областей.	Кол-во эвакуированных.	Примечание.
1	Белорусская ССР	20629	
2	Украинская ССР	48507	
3	Молдавская ССР	2541	
4	Литовская ССР	590	
5	Латвийская ССР	3859	
6	Эстонская ССР	4577	
7	Карело-Финская ССР	76894	
8	Гор. Ленинград		
9	Ленинградская область	18300	18300 - 2000
10	Курманская область	1929	2750 - 3000
11	Челябинская область	9758	
12	Омская область	8247	6000 - 2000
13	Город Москва	16796	
14	Московская область	19711	8000 - 8000
15	Тульская область	3473	1800 - 1700
16	Орловская область	2600	
17	Курская обл.	4087	3332 - 1400
18	Рязанская обл.	2670	
19	Ростовская обл.	2800	1600 - 1000
20	Армянская АССР	1615	
21	Д. В. А.	2482	1000 - 1400
22	Сталинградская обл.	10689	
23	Прочие области	44245	24000 - 10000
	Всего:	301459	

Сам. зав. отделом Обл.военкома по хозяйственному эвакуированным - /В.Маркова/
С.У.П. М.С.

Рис. 6. Количество эвакуированных на 1 июля 1943 г.

¹ НГА. Ф. 33. Оп. 1. Д. 564. Л. 73.

многие погибли родные, тяжелые воспоминания остались. Причины у каждого были разные»¹.

Ленинград врос в Новосибирск. Начиная с постройки железнодорожного моста в конце XIX в., массовых репрессий 1930-х, военной эвакуации. У нас даже до сих пор есть общие «словечки». По воспоминаниям Александра Александровича Каптаренко «Общение сибиряков и ленинградцев немножко, конечно, отличалось. <...> разговор был разный, не все выражения мы могли понять. Например, выражение “простая кастрюля” – почему “простая”? Оказывается, это означало “пустая” кастрюля! Меня это не удивляло, так как нашего брата было уже много в Новосибирске, и они стали приспосабливаться к нам»².

В 2005 г. на улице Восход был установлен памятник трудовому подвигу эвакуированных ленинградцев. Около него ежегодно проходят встречи детей и внуков рабочих, участвовавших в обороне своего города издалека, и выросших ребят из детских домов, нашедших свое убежище в теплой Сибири. Все они теперь наши земляки.

Да и в северной столице до сих пор с любовью и уважением относятся к сибирякам. Автор заметил это даже на себе – стоит упомянуть, что ты приехал в Питер из Новосибирска, отношение местных жителей (особенно старшего поколения) сразу меняется: тебе готовы подсказать, помочь. Это результат того доброго приема, оказанного горемычным беженцам нашими бабушками и дедушками.

Список литературы

1. Книга памяти / ред. кол.: И.И. Индинок (пред.) и др. Новосибирск: Новосибирское кн. изд-во, 1994. Т. 1: А. 512 с.

2. *Савицкий И.М.* Создание в Новосибирске крупнейшего в Сибири центра оборонной промышленности в годы Великой Отечественной войны // Местное самоуправление и стратегия устойчивого развития крупного города: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. 27–29 янв. 2004 г., Новосибирск / Мэрия г. Новосибирска, Новосиб. ин-т информатики и регионального управления; под ред. В.М. Чистякова. Новосибирск, 2004. 560 с.

¹ МАУК «Музей Новосибирска». Фонд «Центр устной истории».

² Там же.

3. Затонцы: герои войны и тыла / сост. Н.Ф. Юмина. Новосибирск: МКУК ЦБС Ленинского р-на, 2015. 153 с.

4. Оборонная промышленность Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны: сб. док-тов / отв. ред. И.М. Савицкий. Новосибирск: Государственный архив Новосибирской области, 2005. 873 с.

5. *Фабрика Ю.А. ...И зовет нас на подвиг Россия (о сибирском характере)* // Архивный вестник. 2010. № 29. С. 190–217.

6. *Исупов В.А.* Главный ресурс победы: людской потенциал Западной Сибири в годы Второй мировой войны, 1939–1945 гг. Новосибирск: ИД «Сова», 2008. 378 с.

УДК 94(47+57)

О.С. Павлова

**Производственная деятельность
эвакуированного населения в Башкирской АССР
в годы Великой Отечественной войны**

O.S. Pavlova

**Production Activities of the Evacuated Population
in the Bashkir ASSR During the Great Patriotic War**

Аннотация. В статье изучены вопросы, связанные с организацией и осуществлением трудовой деятельности кадров рабочих, инженеров, техников, эвакуированных из западных прифронтовых территорий в Башкирскую АССР. Рассмотрена динамика их численного состава в годы Великой Отечественной войны, территория размещения, а также ряд вопросов, связанных с организацией их производственной деятельности на эвакуированных в республику промышленных предприятиях. Квалифицированные специалисты-эвакуанты сыграли важную роль и в подготовке местных кадров для работы на предприятиях.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; эвакуированное население; Башкирская АССР; промышленность; производство; трудоустройство.

На начальном этапе Великой Отечественной войны эвакуация населения из прифронтовой полосы стала одной из главных составляющих перестройки экономики страны на военный лад. Важной государственной задачей было спасение главной производительной силы общества. Башкирская АССР стала одним из крупных мест эвакуации населения и промышленных объектов из районов, оккупированных врагом. За годы Великой Отечественной войны в республику было эвакуировано 247 тыс. чел. Выбор республики как места крупного сосредоточения эвакуированных предприятий определялся ее стратегическим положением – нахождением в глубоком тылу, наличием крупных залежей рудных и нерудных ископаемых и энергетических ресурсов (нефть, уголь), сети рек, близостью к центрам уральской металлургии. Среди эвакуированных в республику предприятий большинство составляли производственные мощности машиностроительной, электротехнической, химической, пищевой и легкой промышленности. Большинство эвакуированных предприятий (численностью 86) было размещено в городах и рабочих поселках БАССР. Крупным центром концентрации эвакуированного промышленного потенциала и местом сосредоточения квалифицированных работников стала Уфа. В городе уже в начале войны (по состоянию на 1 января 1942 г.) разместились 30 заводов и фабрик, прибывших с западных областей страны, 104 тыс. рабочих, служащих и членов их семей. В столицу БАССР было передислоцировано преимущественно машиностроительное, электротехническое, химическое производство, а во второй по численности город республики, Стерлитамак, – предприятия по выпуску нефтяного оборудования, станков, соды и цемента. Как свидетельствуют документы, в условиях дефицита материальных и людских ресурсов республика не сразу смогла адаптироваться к столь стремительным и крупным изменениям в ее хозяйстве [1, с. 84].

Как было отмечено, в республику по эвакуации прибыли сотни инженеров, техников, рабочих. Только с эвакуированными заводами машиностроения приехали более 19,5 тыс. квалифициро-

ванных рабочих, несших с собой богатые традиции, ценный производственный опыт. Местные партийные и советские органы стремились устроить эвакуированное население по специальности, хотя по объективным причинам не всегда это удавалось сделать. Прибывшие кадры специалистов оказали значительную помощь в мобилизации всех ресурсов Башкирской АССР на нужды фронта. Вместе с эвакуированными предприятиями прибывало обычно не более 30–40 % производственного персонала [2, с. 52; 3, с. 153].

Немало квалифицированных рабочих было выделено местными предприятиями, и без того испытывавшими острый дефицит кадров. 13 февраля 1942 г. Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве» [4, с. 64]. Мобилизации подлежали все трудоспособные граждане – женщины от 16 до 45 и мужчины от 16 до 55 лет. Это постановление сыграло большую роль в обеспечении предприятий рабочей силой. В 1942–1945 гг. на перебазированные предприятия было мобилизовано 9 756 человек, не занятых в военной промышленности. Принимались меры по расширению сети ремесленных училищ и школ ФЗО. К концу 1941 г. они обучили для работы в промышленном производстве более 2 тыс. молодых рабочих. Пополнялись эвакуированные предприятия и путем индивидуального набора рабочих [2, с. 53].

Новых рабочих необходимо было быстро обучить заводским профессиям. И в этом большую помощь оказали квалифицированные рабочие, прибывшие из старых промышленных центров – Москвы, Ленинграда, Минска, Одессы, Баку. Имея высокий уровень профессиональной подготовки, они внесли значительный вклад в развитие военно-промышленного потенциала БАССР, способствовали культурно-техническому росту местных кадров. Эвакуированные рабочие брали шефство над новичками, работали с ними на один наряд, способствовали росту национальных кадров. Инженерно-технические работники развернули работу по внедрению новых технологий,

совершенствованию организации производства и конструкций деталей, машин, организации курсов техминимума для новых рабочих, улучшению бухгалтерского учета [5, с. 103–109].

Так, коллектив Стерлитамакского завода «Авангард», тогда еще очень малочисленный, своими силами изготавливал специальное технологическое оборудование, напряженно готовился к пуску завода в эксплуатацию. В условиях Стерлитамака предприятие представляло совершенно новое производство. Опытные кадры аппаратчиков на нем отсутствовали. Их готовили из 16–17-летних девушек, прибывавших из районов республики по мобилизации. Руководила подготовкой кадров В.И. Буйнова. Ученицы проходили производственную практику на родственных действующих заводах [6, с. 3]. В воспоминаниях об этом периоде своей жизни Е. Чарикова отмечает следующее: «Стоишь у станка 12 часов, руки уже еле двигаются, глаза слипаются – тянет ко сну. Цех не отапливается, холодно. Оборвется ремень станка – берешь его и бегом к шорнику. А там очередь. Ждать приходилось долго. Но мы время даром не теряли. Каждый из нас осваивал по 2–3 профессии. И вот займешь очередь у шорника, а сама скорее к другому станку. Не пропал час, что-то сделал, чем-то помог фронту. Помочь фронту! Где бы ты ни проходил по цехам, по заводскому двору – всюду видел плакаты, лозунги, призывы: «Стой! Что ты сделал для фронта?», «Каждый выпущенный станок – удар по врагу!», «Все для фронта, все для победы!», «Фронт и тыл едины, вместе кум победы над врагом». Но мы и так сознавали свое место в строю» [7, с. 2].

Местные партийные и советские органы, руководство прибывших предприятий каждый день работали с новым рабочим пополнением, готовили из них основной костяк квалифицированных кадров. В марте 1942 г. Стерлитамакский горком ВКП(б) принял постановление «О работе с молодым рабочим на заводе имени В.И. Ленина». Горком партии обязал руководство эвакуированного из Одессы станкостроительного завода «организовать производственное обучение молодых рабочих, не имеющих квалификации, обратив особое внимание на вовлечение новых

рабочих в социалистическое соревнование, популяризовать опыт квалифицированных рабочих» [8, с. 36]. На заводе было организовано техническое обучение местных рабочих. Инженеры и техники проводили доклады и беседы о значении выпускаемой заводом продукции для фронта, о дисциплине труда, организовывали встречи с рабочими-передовиками производства, героями-фронтовиками. На заводе только в 1942 г. квалифицированными рабочими стали 500 стерлитамаковцев [2, с. 53]. Коллектив завода выпускал вертикально-сверлильные, радиально-сверлильные, координационные, хонинговальные, координатно-расточные, доводочные, агрегатные, сверлильно-расточные станки для предприятий наркоматов танковой, авиационной, станкостроительной промышленности, вооружения, среднего машиностроения. Если до войны завод выпускал станки 26 типоразмеров, то в 1942 г. – 43, в 1943 г. – 154, а в 1944 г. – уже 164 типоразмеров. В 1941 г. был изготовлен 1 271 станок, в 1942 г. – 1535, в 1943 г. – 1991, в 1944 г. – 2 837, 1945 г. – 2 659 [8, с. 49–56]. О том времени В.А. Маслов рассказал следующее: «Поступить на завод имени Ленина оказалось непросто. Те мои сверстники, которые пошли туда в начале октября 1941 года, были приняты сразу, а тем, кто пришел к концу месяца, пришлось стоять на больших очередях в отдел кадров. Я ходил почти неделю, пока попал в отдел кадров и меня направили в 3-й механический цех. Но меня туда не приняли, сказали, ты еще маленький и до станка не дотянешься. Я чуть не плачу и прошу направить туда, где могут принять. Меня направили в сборочный цех. Захожу в цех смотрю стоит человек, по виду мастер или другой начальник, около него перевернутый ящик. Я машинально вскакиваю на ящик и обращаюсь к этому человеку. Он внимательно выслушал меня и говорит: «А почему ты вскочил на ящик?». Я ответил, что меня не приняли в 3 цехе из-за малого роста, вот я и хочу быть повыше. Он посмеялся и принял меня в свой цех. Этот человек оказался мастером по фамилии Болюк. Так я с 1 ноября 1941 года стал рабочим сборочного цеха» [9, с. 3].

В июле 1941 г. в Уфу из Ленинграда прибыло оборудование телефонного завода «Красная Заря» (№ 628), а уже через два месяца он выдал первую продукцию. Партбюро предприятия призвало руководство «особое внимание обратить на обучение местных кадров, в частности, организовать подготовку бригадиров и мастеров из местных жителей» [2, с. 53]. Завод выпускал полевые телефонные аппараты и коммутаторы. Была изменена конструкция аппаратов. Корпус начал изготавливаться из фанеры, а остальные части – из металла, прокат был заменен на литье. В 1941 г. завод выпустил продукции на 2,9 млн руб., в 1942 г. – 12,7, в 1943 г. – на 13,9 млн руб. [10, с. 51].

Выделившийся из «Красной Зари» завод № 697 (завод аппаратуры связи) начал функционировать в здании Башкирского государственного педагогического института имени К.А. Тимирязева. Здесь сосредоточилось производство аппаратуры дальней связи. Сотрудники эвакуированного из Москвы НИИ № 56 Наркомата электропромышленности СССР совместно с Центральным НИИ связи разработали в Уфе 26 новых типов высокочастотной аппаратуры, которая внедрялась в производство [11, с. 487]. По проектной документации института на заводе № 697 в 1943 г. было освоено производство аппаратуры связи для Ставки Верховного Главнокомандования. Она использовалась для связи Ставки с командованием фронтов, а также с Тегераном и Ялтой во время конференций руководителей трех союзных держав антигитлеровской коалиции. Сотрудники института К.П. Егоров, В.А. Котельников, Г.В. Старицын получили Государственную премию СССР. Выпуск продукции заводом уже в 1943 г. превысил уровень 1942 г. почти в четыре раза. В июне 1943 г. коллектив завода был удостоен переходящего Красного знамени ВЦСПС и Наркомата электропромышленности СССР, а в августе 1943 г. – Красного знамени ГКО [11, с. 485].

На Белорецком сталепроволочно-канатном заводе, куда вошло оборудование с трех перебазированных предприятий, для прибывших по эвакуации открылись краткосрочные курсы техминимума с обучением на рабочих местах. В качестве руководителей

курсов привлекались лучшие мастера и рабочие завода [2, с. 54]. Совместными усилиями местных и прибывших кадровых рабочих на предприятиях республики за 1942–1945 гг. получили квалификацию непосредственно на производстве 79,5 тыс. человек [12, с. 42].

В результате огромной работы руководства республики и предприятий задача обеспечения кадрами перебазированных заводов и фабрик была решена в сжатые сроки. По мере освобождения оккупированных немецко-фашистскими войсками регионов эвакуированные начали возвращаться в родные места. В первую очередь возвращались специалисты, необходимые для восстановления промышленности, транспорта, сельского хозяйства. В целом реэвакуация носила организованный характер. Правления колхозов, месткомы предприятий, где трудились эвакуированные, выделяли материальную помощь, питание на дорогу, транспорт до станции отправления. Заготовительные пункты республики принимали от проживавших в селах эвакуированных до 2 ц зерна, 4 ц картофеля и овощей, полученных ими по трудовым или с индивидуальных огородов, с условием выдачи им равноценного количества продуктов по прибытии к месту реэвакуации. Наркомат торговли БАССР обеспечивал уезжавших сухим пайком на дорогу на 12 суток. Наркомат здравоохранения выделил медикаменты, медицинский персонал для сопровождения эшелонов до места назначения.

Реэвакуация населения проходила довольно быстрыми темпами: в мае 1943 г. в республике оставались 238 764 эвакуированных, в январе 1944 г. – 136 683, в феврале 1945 г. – 68 208, в январе 1946 г. – 42 110, в январе 1947 г. – 30 536 человек [2, с. 56]. Столь малое число оставшихся в БАССР не могло серьезно повлиять на демографическую и национальную структуру населения республики.

Таким образом, созданная в Башкирской АССР в годы предвоенных пятилеток индустриальная база, усиленная эвакуированными предприятиями, в 1941–1945 гг. стала важным звеном в системе военной экономики. За время Великой Отечественной войны регион превратился в крупный промышленный центр. Благодаря самоотверженному труду рабочих и инженерно-техни-

ческих работников, из республики направлялись на фронт эшелоны с боеприпасами и горючим для танков и самолетов, различные виды военного снаряжения, обмундирование и продовольствие. Ввод в эксплуатацию эвакуированных предприятий намного увеличил промышленный потенциал республики. На этой основе получили развитие новые отрасли промышленности: электротехническая, резиновая, химическая, авиационное моторостроение. За счет эвакуированных предприятий также значительно выросли показатели легкой и пищевой промышленности.

Список литературы

1. Кучумов И.В. Влияние эвакуации населения и предприятий из западных областей СССР на социально-экономические процессы в Башкирии в годы Великой Отечественной войны // Genesis: исторические исследования. 2018. № 10. С. 84–93.
2. Мухаметдинов Г.Р. Прием и размещение эвакуированного населения в БАССР в годы Великой Отечественной войны // Вестник Академии наук РБ. 2010. Т. 15. № 1. С. 49–57.
3. Арсланова Ч.Р. Трудовая деятельность эвакуированного в БАССР населения в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Вестник Башкирского университета. 2006. № 4. С. 153–155.
4. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967 гг.). М.: Политиздат, 1968. Т. 3. 751 с.
5. Горбунов С.В. Эвакуация заводов и фабрик, населения и учреждений на территорию Башкирии и их размещение в годы ВОВ // Клио. 2007. № 1(36). С. 103–109.
6. Фалькова С. Заряды для «катюш» делали в Стерлитамаке // Стерлитамакский рабочий. 2009. 6 мая.
7. Долгушин М. Каждый станок – удар по врагу! // Станко-строитель. Станкостроитель. 1965. № 5. С. 2.
8. Аллагулова Е.М., Гавролов П.К., Назаров З.И. Энергия действия. Очерки истории акционерного предприятия «Стерлитамакский ордена Ленина станкостроительный завод им. Ленина». Стерлитамак: гор. Тип. Госкомиздата БАССР, 1991. 266 с.
9. Юсупов Б. Выпускники ремесленного училища // Станко-строитель. Станкостроитель. 1995. № 5. С.3.

10. Деева Л.Ф., Савельев, И.П. Формирование и развитие советского рабочего класса Башкирской АССР. Уфа: Башкнигоиздат, 1971. Ч. 1. 327 с.

11. Башкирия в годы Великой Отечественной войны: док-ты и мат-лы. Уфа: Китап, 1995. 540 с.

12. Резолюции областных конференций Башкирской партийной организации и пленумов обкома КПСС (1941–1960 гг.). Уфа: Башкнигоиздат, 1962. 928 с.

УДК 93/94

В.В. Цысь

**Об участии Главного управления
военно-промышленного строительства
при СНК СССР в восстановлении
народного хозяйства на завершающем этапе
Великой Отечественной войны (1944–1945 годы)**

V.V. Tsys

**On the Participation of the Main Department of Military-
Industrial Construction Under SNK of the USSR
in the Establishment of the People's Economy at the Final
Stage of the Great Patriotic War (1944–1945)**

Аннотация. В статье рассматривается деятельность Главного управления военно-промышленного строительства при СНК СССР, связанная с восстановлением промышленных предприятий, жилищным строительством на освобожденных от оккупантов территориях на завершающем этапе и вскоре после окончания Великой Отечественной войны. Обращается внимание на милитаризованные формы труда в данной организации. Характеризуются меры, связанные, с одной стороны, с обеспечением экономии материальных ресурсов, с другой – с поощрением повышения производительности труда. Указан общий объем выполненных ГУВПС работ в означенный период.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; восстановление народного хозяйства; Главное управление военно-промышленного строительства; Главвоенстрой; Наркомвоенстрой; милитаризация труда; освобождение ок-

купированных территорий; рабочая сила; военные строители; военно-строительные управления.

В условиях Великой Отечественной войны возникла необходимость перейти от характерных для мирного времени форм и методов организации труда к их милитаризации, что следует признать неизбежным и закономерным решением военного и политического руководства, обеспечившим в целом успешное восстановление разрушенных народнохозяйственных объектов, жилья, транспортной инфраструктуры.

Особое место в системе военно-строительного комплекса нашей страны занимало Главное военно-строительное управление (Главвоенстрой) при Совнаркоме СССР, которое представляло собой систему строительно-монтажных, специализированных, научно-исследовательских и проектных организаций, предприятий строительной промышленности и учебных заведений. Его деятельность, до настоящего времени почти не привлекавшая внимание отечественных исследователей [см., напр.: 1; 2; 3; 4; 5], раскрыта в статье на основе преимущественно материалов фондов «Министерство строительства военных и военно-морских предприятий СССР» (Ф. 8518) и «Главное управление военно-промышленного строительства при СНК СССР» (Ф. 8516) Российского государственного архива экономики.

В июне 1941 г. в состав Главвоенстроя входили 16 военно-строительных управлений округов, военно-строительный трест, 237 участков военно-строительных работ, 1 195 строительных площадок. В Главвоенстрое к началу войны работало 112 тыс. человек. Входившие в него 89 строительных батальонов насчитывали 79 тыс. специалистов – строителей. Трудовые подразделения формировались по профессиональному признаку: землекопы, бетонщики, плотники, водители, сварщики, слесаря, механики, кузнецы и др.

В соответствии с постановлением ГКО от 13 апреля 1942 г. на базе Главного военно-строительного управления создано Главное управление военно-промышленного строительства при СНК СССР (ГУВПС, Главвоенпромстрой), участвовавшее в

восстановлении народного хозяйства на освобожденной территории. В составе данной организации на 20 апреля 1944 г. насчитывалось 105 186 чел., в т.ч. 92 930 рабочих¹, в 1945 г. соответственно 119 050 чел. и 97 778 чел.²

На 1 мая 1944 г. в структуру ГУВПС входило 14 окружных военно-строительных управлений, 6 фронтовых управлений, 7 специализированных трестов. Все они объединяли 306 строительных хозяйственных организаций, в т.ч. – 190 участков военно-строительных работ, 40 контор спецработ, 76 предприятий окружного значения³. В течение 1944 г. в освобожденных районах было введено 82 новые строительные площадки, а также произошло переформирование фронтовых военно-строительных управлений в окружные – Северо-Кавказское, Одесское, Киевское, Белорусское, Прибалтийское и др.

Труд учреждений Главного управления военно-промышленного строительства (с января 1946 г. – Наркомвоенстрой СССР) использовался на широком фронте восстановительных работ. Управление активно участвовало в обустройстве как военных, так и гражданских объектов на освобожденной территории, выполняя заказы не только наркоматов вооружения и танкостроения, но и наркоматов химической промышленности, электростанций, угля, текстильной промышленности, стройматериалов, пищевой промышленности.

Хотя округа ГУВПС охватывали всю страну, уже в 1944 г. 40 % работ выполнялось на ранее оккупированной территории. В области снабжения подразделений сырьем и оборудованием проводилась политика «максимального использования местных материалов» и режима жесткой экономии. В г. Гжатске действовало совместное с Академией коммунального хозяйства при СНК СССР опытное строительство «в целях изучения вопросов строительства и восстановительных работ в местах, разрушен-

¹ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 8516. Оп. 1. Д. 387. Л. 1 об.

² РГАЭ. Ф. 8518. Оп. 1. Д. 1 а. Л. 9.

³ Там же. Д. 387. Л. 1.

ных немецко-фашистскими оккупантами¹. Для экономии ресурсов применялись пустотные кладки с засыпкой различными дешевыми материалами. Брусчатые фермы замещались на легкие деревометаллические, деревоплита – на сборные щиты с утеплителями, применялись некондиционные трубы и сорта металла. Благодаря этим мерам удалось сэкономить 200 тыс. м³ лесоматериалов (по исчислению в нормативах 1943 г.), 64 млн шт. кирпича, 6 тыс. т металла².

При том, что в течение года $\frac{3}{4}$ личного состава ГУПВС обновлялось по разным причинам (призыв в Красную Армию, демобилизация по болезни, смерть, дезертирство (составило за 1944 г. до 9 % от общего числа рабочих), возвращение прикомандированных на прежнее место службы или работы и др.), руководству удавалось достигать высоких показателей производительности труда и плановых значений по объему и стоимости выполненных работ.

Практически все рабочие (97,9 %) были переведены на сдельную оплату труда. Проводится единовременная перепись рабочих, данные которой использовались для определения направлений на производстве. В ходе ротации регулярно пересматривался состав бригад с целью включения в них неквалифицированных рабочих, с тем, чтобы квалифицированные не выполняли не соответствующие их компетенциям работы. Организуется институт инструкторов стахановских методов труда по каменным, штукатурным, арматурным, печным, плотничным и столярным работам. Всего овладело стахановскими методами 6400 чел., выполнявших нормы на 150–200 %. Выпускается справочник унифицированных норм. Всячески поощрялась творческая инициатива по внедрению рацпредложений, которых внесено 4300, реализовано 3600, что дало сокращение 145 тыс. челочко-дней или в денежном выражении экономию 4363 тыс. руб.³

¹ Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО). Ф. 208. Оп. 2618. Д. 20. Л. 336.

² РГАЭ. Ф. 8518. Оп. 1. Д. 277. Л. 167.

³ Там же. Л. 168 об.–169.

В итоге среднее выполнение норм выработки по ГУПВС составило 118,4 %. Среднедневная выработка рабочего основного производства достигла 61,58 руб. при зарплате 14,96 руб., среднегодовая – на 1 рабочего 18 066 руб.¹

Всего же в течение 1944 г. силами подразделений ГУПВС было построено, реконструировано или восстановлено после разрушения 1912 производственных цехов и др. объектов общей площадью 1792,9 тыс. м², в т.ч. для НКО и НК ВМФ 794 тыс. м². Стоимость сданных объектов составила 777 млн руб.² В 1945 г. общий объем капиталовложений по ГУВПС составил около 230,5 млн руб., в т.ч. было введено в строй объектов общей стоимостью 176,1 млн руб.³

Ниже приводится неполный список предприятий, в восстановлении и строительстве которых участвовал ГУВПС на бывших оккупированных или пострадавших в ходе военных действий территориях в 1944–1946 гг.:

заводы – «Пролетарий» (Ленинград), «Коммунар» (Запорожье), «Серп и молот» (Харьков), «Красный Аксай» (Ростов-на-Дону), телеграфных и телефонных аппаратов (Львов), шлаковых материалов (Запорожье), судоремонтный (Николаев), комбикормовый (Ворошиловград), кожевенный (Харьков), шинный (Воронеж), рубероидный (Одесса), цементный (Кричев, Могилевская обл.), им. Январского восстания (Одесса), Дормашин (Николаев), им. Сталина (Кременчуг), им. Коминтерна (Воронеж), мотоциклетный (Киев), велосборочный (Львов), автосборочный (Львов), вагоностроительный (Рига), вагоностроительный (Калинин), локомобильный (Херсон), «Воронежсельмаш» (Воронеж), «Ростсельмаш» (Ростов-на-Дону), «Гомсельмаш» (Гомель), «Красная звезда» (Кировоград), им. Октябрьской революции (Одесса), ВЭФ (Рига), «Проводник» (Рига), «Вольта» (Таллин), им. Воровского (Мелитополь), им. Шевченко (Харьков), № 831 (Феодосия), № 444 (Николаев),

¹ РГАЭ. Ф. 8518. Оп. 1. Д. 328. Л. 9.

² Там же. Д. 277. Л. 167.

³ Там же. Д. 1а. Л. 79.

им. Кагановича (Днепропетровск), «Прогресс» (Бердичев), им. Войкова (Запорожье); метизный цех тракторного завода (Сталинград), городская электростанция (Севастополь), текстильный комбинат (Сталинград), фабрика шерстяных тканей (Каунас), фабрика искусственного волокна (Могилев)¹.

ГУВПС принял деятельное участие в жилищном строительстве (табл. 1).

Таблица 1

**Жилищное строительство ГУВПС
на подвергшейся оккупации территории в 1945 г.***

Республика	Построено (м ²)	Капиталовложения
РСФСР	20 781	9131
Украинская ССР	20 322	7060
Белорусская ССР	19 878	2797
Латвийская ССР	2161	309
<i>Всего:</i>	63 142	19 297

* Составлено по: РГАЭ. Ф. 8518. Оп. 1. Д. 1а. Л. 35.

В РСФСР почти половина всех работ по жилищному строительству была выполнена на территории Крыма, на Украине – в Николаевской и Харьковской областях, в Белоруссии около трети – в г. Минске, т.е. в районах, серьезно пострадавших во время боевых действий или при оккупационном режиме.

Некоторые виды работ представлены в форме, дающей лишь самое общее представление об их конкретном содержании. Например, УВСР № 10, Гомель, «ремонтно-восстановительные работы по городу», УВСР № 25, Бобруйск – «ремонтно-восстановительные работы по городу» и др.² ГУПВС также активно участвовала в демонтаже и транспортировке в нашу страну трофейного оборудования (расходы по этой статье составили в 1945 г. 3,6 млн руб.).

¹ Составлено по: РГАЭ. Ф. 8518. Оп. 1. Д. 54.

² РГАЭ. Ф. 8518. Оп. 1. Д. 54. Л. 1.

Общий объем работ постоянно возрастал (в 1944 г. – в 1,5 раза по сравнению с 1943 г.) (табл. 2).

Таблица 2

Основные показатели производственной и хозяйственной деятельности ГУПВС при СНК ССР за 1940–1945 гг.*

Показатели	Ед. изм.	1940	1941	1942	1943	1944	1945
План строительства	млн руб.	1524,8	847	561	632	996	1570
Выполнено	млн руб.	1374,2	738	530,6	701,6	1060,2	нет. свед.
Персонала на строительстве и промышленных предприятиях	тыс. чел.	218,9	101,2	86,7	106,6	142,3	119,05
в т.ч. на строительстве	тыс. чел.	184,8	93,9	76,1	93,4	120,8	нет. свед.
Рабочих всего	тыс. чел.	170,5	83,0	71,3	85,6	112,4	97,8
в т.ч. на строительстве	тыс. чел.	146,9	77,8	64	77,1	99,1	нет. свед.
Автомашин	шт.	7214	4609	2847	3016	3468	3860

* Составлено по: РГАЭ. Ф. 8516. Оп. 1. Д. 328. Л. 4.

В целом же значительная часть работ по восстановлению народного хозяйства в условиях войны осуществлялась силами различных милитаризованных формирований. Их применение, как и использование многих других аналогичных мер, позволило в кратчайший срок хотя бы отчасти компенсировать экономические потери от самой разрушительной в истории человечества войны. После Победы сфера деятельности ГУПВС постепенно сужается, оно объединяется с другими, выполнявшими сходные задачи организациями в Наркомвоенстрой СССР.

Список литературы

1. Богданов Е.Г. Производственно-материальная база Приволжского окружного военно-строительного управления в 1941 году // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2014. № 3-2. С. 486–489.
2. Колесник А.Н. Советские военные строители. М.: Воениздат, 1988. 302 с.
3. Ляшов В.Е. Организаторская и идеологическая деятельность Коммунистической партии по мобилизации военных строителей на восстановление народного хозяйства Ленинграда и области (1944–1950 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Л., 1989.
4. Тыл Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. / под ред. С.К. Куркоткина. М.: Воениздат, 1977. 559 с.
5. Цысь В.В. Использование труда военнослужащих Красной армии в восстановлении народного хозяйства на завершающих этапах и после окончания Гражданской и Великой Отечественной войн. Нижневартонск: Изд-во НВГУ, 2017. 345 с.

УДК 94 (470)

И.В. Упоров

Уголовно-правовая политика в отношении лиц, совершивших преступления против государства, в период Великой Отечественной войны

I.V. Uporov

Personal Policy for Persons Criminals Against the State, in the Period of the Great Patriotic War

Аннотация. Раскрываются уголовно-правовые аспекты привлечения к ответственности лиц, совершивших преступления против государства в военное время (1941–1945 гг.), а также организационно-правовые особенности исполнения наказания в виде лишения свободы. Отмечается, что советское государство применяло к «политическим» преступникам жесткие репрессивные ме-

ры. В частности, в 1943 г. были введены каторжные работы за наиболее тяжкие преступления (шпионаж, измена Родине и др.). Заключенные привлекались, как правило, к тяжелому физическому труду, а в ИТЛ, где они содержались, предусматривались более строгие режимные требования. Такой подход имел серьезные основания; вместе с тем это не оправдывает нарушения законности в деятельности лагерных администраций, связанные с неоправданно жестоким обращением с заключенными.

Ключевые слова: преступления против государства; заключенные; военное время; каторжные работы; наказание; политика; лишение свободы; закон; ИТЛ; система; режим.

После начала Великой Отечественной войны в СССР получило развитие вполне объяснимое усиление уголовной ответственности. При этом в сферу соответствующего законодательного регулирования входили в основном вопросы, так или иначе связанные с ведением советским государством военных действий. Как следствие такого подхода, увеличивалась доля уголовного наказания, связанного с лишением свободы – согласно ст. 20, 28 действовавшего тогда Уголовного кодекса РСФСР¹. Исполнение данного вида наказания предусматривалось в исправительно-трудовых лагерях (ИТЛ) и исправительно-трудовых колониях (ИТК). При этом в числе осужденных заметно больше стало лиц, совершивших преступления против государства.

Если иметь в виду правовое регулирование уголовной политики советского государства в военное время, то законодательные акты издавались в относительно небольшом количестве. Среди них преобладали акты Государственного комитета обороны (ГКО), а также ведомственные акты, и прежде всего НКВД СССР, поскольку в ведении именно данного ведомства находился печально известный ГУЛАГ, включавший в себя всю сеть ИТЛ и ИТК. Помимо этого, вводились новые репрессивные меры в отношении членов семей тех лиц, которые совершали преступления против государства. В частности, по постановлению ГКО от 24 июня 1942 г. аресту и ссылке в отда-

¹ Постановление ВЦИК от 22.11.1926 (ред. от 25.11.1935) «О введении в действие Уголовного Кодекса РСФСР редакции 1926 года» (вместе с «Уголовным Кодексом РСФСР») // СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.

ленные местности СССР на срок до пяти лет подлежали совершеннолетние члены семьи осужденного, что в уголовном праве обозначается как объективное вменение [1, с. 58].

Важным событием в контексте рассматриваемой проблематики было принятие 19 апреля 1943 г. закона о наказании наиболее одиозных преступников, виновных в тягчайших преступлениях в годы войны (убийства и истязания гражданского населения, шпионаж, измена Родине, пособничество указанным преступлениям)¹. Этот закон действовал самостоятельно, без включения его в УК республик. В вводной части отмечалось: «В освобожденных Красной Армией от немецко-фашистских захватчиков городах и селах обнаружено множество фактов неслыханных зверств и чудовищных насилий, учиненных немецкими, итальянскими, румынскими, венгерскими, финскими фашистскими извергами, гитлеровскими агентами, а также шпионами и изменниками родины из числа советских граждан над мирным советским населением и пленными красноармейцами. Многие десятки тысяч ни в чем неповинных женщин, детей и стариков, а также пленных красноармейцев зверски замучены, повешены, расстреляны, заживо сожжены по приказам командиров воинских частей и частей жандармского корпуса гитлеровской армии, начальников гестапо, бургомистров и военных комендантов городов и сел, начальников лагерей для военнопленных и других представителей фашистских властей»².

Тяжесть описанных составов преступлений была настолько высока («самые гнусные злодеяния»), что законодатель посчитал недостаточными действовавшие тогда уголовно-правовые репрессивные средства для наказания за их совершение. Соответственно вводились смертная казнь через повешение, ссылка на каторжные работы на срок от 15 до 20 лет. Рассматривать

¹ Указ Президиума ВС СССР от 19.04.1943 № 39 «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников родины из числа советских граждан и для их пособников» [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.03.2020).

² Указ Президиума ВС СССР от 19.04.1943 № 39...

такие дела должны были военно-полевые суды. Исполнение ссылки на каторжные работы как нового вида наказания в виде лишения свободы осуществлялось в специальных отделениях ИТЛ. Находившиеся там заключенные длительное время не имели права переписки и свиданий, их труд стал оплачиваться только после окончания войны. Каторжане привлекались, как правило, к тяжелым физическим работам. В частности, в Воркутлаге они добывали уголь [2, с. 37]. По состоянию на середину 1944 г. в каторжных отделениях отбывали наказание 5,2 тыс. заключенных (эта цифра постепенно возрастала, осенью 1947 г. она составлял уже 6 тыс. человек¹);

Следует заметить, что каторжные работы как разновидность меры наказания в виде лишения свободы, выпадали из сформировавшейся к началу войны советской исправительно-трудовой системы. Как мы отмечали, этот вид уголовного преследования обуславливался исключительными обстоятельствами, в которых оказалась советская страна (ведение военных действий). Примечательно, что каторжные работы после Октябрьской революции 1917 г. были отвергнуты советской властью как жестокое наказание, применяемое царской властью против эксплуатируемого народа. Однако большевистская концепция замены тюрем воспитательными учреждениями довольно быстро показала свою несостоятельность (не было учтено, что преступность имеет объективный характер), и большевикам в сфере борьбы с преступностью приходилось последовательно ужесточать меры уголовного наказания. В частности, в 1936 г. новый политический режим реанимировал такой вид уголовно-исполнительного учреждения, как тюрьма, а в 1937 г. максимальный срок лишения свободы увеличился с 10 до 25 лет². Затем в 1943 г. советское государство восстановило каторжные работы (данное наказание действовало до 1953 г.).

¹ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 28. Л. 7.

² Постановление ЦИК СССР от 02.10. 1937 г. «Об изменении ст. 18 Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик» // СЗ СССР. 1937. № 66. Ст. 297.

Уголовная политика в сфере исполнения наказания в виде лишения свободы в военное время имела свою специфику также и в отношении большевиков к заключенным, в т.ч. при их эвакуации в начальный период войны. В некоторых случаях заключенные, когда отсутствовала возможность их эвакуации, подлежали расстрелу. Однако такого рода случаев было немного и все они, несмотря на военное положение, расценивались как чрезвычайное происшествие. Так, в докладной записке ответственного работника Тюремного управления НКВД БССР лейтенанта государственной безопасности Опалева, которая датируется 3 сентября 1941 г., отмечается следующее: «начальник тюрьмы г. Глубокое Приемышев, доведя заключенных поляков до леса, расстрелял до 600 человек»¹. Данное решение и его исполнение стало предметом уголовного дела, возбужденного против Приемышева, в результате расследования которого следственные органы определили, что в его действиях отсутствовал состав преступления. В литературе по этому поводу ставится вопрос о юридической ответственности за расстрелы без приговора суда [3, с. 27]. Однако возникший вопрос вряд ли может иметь какое-либо решение – и потому, что Приемышева давно нет в живых, и потому, что тогда сложилась чрезвычайная ситуация.

Если характеризовать всю уголовно-исполнительную систему СССР накануне Великой Отечественной войны, то она включала в себя 53 ИТЛ, 425 ИТК, 172 контрагентские колонии и 50 колоний для несовершеннолетних преступников, где содержалось около двух миллионов заключенных [4, с. 29]. Во многих подразделениях ГУЛАГа условия отбывания наказания отличались от нормативных в худшую сторону. Так, в целом по ГУЛАГу за 1941 г. умерло 100 997 заключенных, в 1942 г. – 248 877, в 1943 г. – 166 967, в 1944 г. – 60 948, в 1945 г. – 43 848 заключенных [1, с. 23; 5, с. 14–25]. Вместе с тем ради выполнения производственных заданий государство создавало для заключенных улучшенные условия, которые в некоторых случаях противоречили режимным требованиям. Так, в приказе по НКВД СССР от

¹ ГАРФ. Ф. 9413. Оп. 1. Д. 22. Л. 14.

30 декабря 1943 г., указывалось на то, чтобы «разрешить Печор- лагу производить в порядке поощрения за наличный расчет спирта заключенным, занятым на сеноводоборьбе и других важных работах, связанных с эксплуатацией ж.-д. транспорта»¹.

Во время войны в ведении НКВД СССР находились также спецлагеря для бывших советских военнопленных, в отношении которых требовалось проведение проверок. Кроме того, с началом военных действий возникла необходимость создания лагерей для содержания пленных из армий противников, и в первую очередь фашистской Германии. До недавних пор эта тема оставалась закрытой для исследователей, и лишь с начала 1990-х гг. по данной проблематике стали появляться работы (см. труды В.Б. Коносова, А.С. Смыкалина, Е.А. Порошиной, В.А. Иванова, В.В. Шевченко, С.Г. Сидорова и др.). Правовой статус военнопленных был принципиально иным, чем правовой статус осужденных. Нахождение военнопленных в местах лишения свободы юридически не составляло уголовного наказания. Тем не менее они содержались как заключенные. Аналогично обстояло дело и с военнопленными других государств, и прежде всего Германии. Так, в директиве НКВД от 2 июля 1945 г. указывалось на неудовлетворительное состояние с трудоустройством военнопленных, в связи с чем, в частности, предписывалось «принуждать каждого военнопленного к выполнению государственных норм выработки... считать трудовое использование военнопленных и возмещение государству расходов на их содержание важнейшей задачей»². Позже в развитие этой директивы было разработано специальное Положение о трудовом использовании военнопленных, объявленное приказом НКВД СССР от 22 сентября 1945 г. В нем указывалось, что «трудовое использование военнопленных осуществляется ...исходя из потребности промышленности и строительства СССР и задачи ликвидации ущерба, причиненного войной ... Военнопленных,

¹ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 143. Л. 162.

² Специальный архивный фонд ГУ МВД по Краснодарскому краю (САФ ГУ МВД по КК). Д. 19. Л. 4.

злостно уклоняющихся от работы, надлежит передавать суду военного трибунала»¹. Советское государство достаточно активно использовало в качестве дешевой рабочей силы также интернированных немцев, содержащихся в лагерях. Так, 29 декабря 1944 г. вышло постановление ГКО «О трудовом использовании интернированных немцев». Речь шла о более чем ста тысячах человек [6, с. 115]. Фактически эти люди отбывали лишение свободы (вплоть до решения вопроса об их репатриации).

Поскольку страна находилась в состоянии войны, все категории заключенных в системе ГУЛАГа, а не только совершившие преступления против государства, рассматривались как представляющие повышенную опасность. Потому в ИТЛ и ИТК устанавливался один вид режима – строгий, что нашло отражение в изданной в феврале 1942 г. «Инструкции о режиме содержания и охране заключенных в исправительно-трудовых лагерях и колониях НКВД СССР в военное время». Историки С.И. Кузьмин и Н.К. Дорофеев отмечают, что указанный документ «наделял оперативно-служебные наряды охраны правом применять в ряде случаев оружие без предупреждения (при побеге заключенных и их преследовании, при нападении на администрацию или конвой)» [7, с. 4]. Данные авторы отмечают, что «успешные боевые действия Красной Армии в конце 1942 – начале 1943 г. повлияли на обстановку в стране самым положительным образом <...> Так, в 1943 г. на 30 % были увеличены нормы питания, повышено премиальное вознаграждение заключенных. С руководителей ИТУ ужесточился спрос за неудовлетворительное выполнение требований в части поддержания порядка среди контингента, за отступления от требований режима содержания заключенных» [7, с. 4].

В целом для «политических» преступников условия содержания в ИТЛ в годы войны являлись более строгими, чем для основной массы заключенных. Вместе с тем эта строгость касалась прежде всего режимных требований (больше ограничений в передвижении, в контактах с внешним миром, наличие решеток на окнах в бараках, усиленный конвой и надзор и др.) при примерно

¹ САФ ГУ МВД по КК. Д. 19. Л. 25.

одинаковых бытовых условиях (проживание, питание и т.д.). И такой подход мы полагаем оправданным – не будем забывать, что среди совершивших преступления против государства присутствовало немало убежденных противников советской власти, бандеровцев, изменников Родины, пособников фашистов. Разумеется, мы не поддерживаем противозаконные и неоправданно жесткие меры, допускавшиеся в отношении «политических» заключенных в ИТЛ, а такие факты имели место, и в литературе они довольно подробно исследованы. После окончания войны советская исправительно-трудовая система довольно быстро перешла на мирные рельсы. После смерти Сталина в 1953 г. политическая составляющая в деятельности ГУЛАГа была сведена к минимуму. В конце 1950-х гг. данная система претерпела существенные изменения и ГУЛАГ ушел в историю.

Список литературы

1. Романовская В.Б. Репрессивные органы и общественное правосознание в России XX века: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 1997. 432 с.
2. Упадышев Н.В. Воркутинский исправительно-трудовой лагерь в годы Великой Отечественной войны // Вестник Северного (Арктического) федерального ун-та. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 3. С. 35–40.
3. Гурьянов А., Кокурин А. Эвакуация тюрем // Карта (российский независимый исторический и правозащитный журнал). 1994. № 6. С. 21–38.
4. Кузьмин С., Гилязутдинов Р. ГУЛАГ в годы войны // Преступление и наказание. 1998. № 5. С. 28–31.
5. ГУЛАГ в годы Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 1991. № 1. С. 14–25.
6. Полян П.М. Интернированные немцы в СССР // Вопросы истории. 2001. № 8. С. 113–123.
7. Кузьмин С.И., Дорофеев Н.К. Исправительно-трудовые учреждения в годы Великой отечественной войны // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2005. № 2. С. 2–6.

А.В. Толмачева

**Проблема плена и ее влияние
на соотношение потерь противоборствующих сторон
на советско-германском фронте
в годы Великой Отечественной войны**

A.V. Tolmacheva

**The Problem of Captivity and its Influence
on the Ratio of Losses of the Opposing Sides on the
Soviet-German Front During the Great Patriotic War**

Аннотация. В статье рассматривается проблема определения количества военнопленных из числа военнослужащих РККА, попавших во вражеский плен в годы Великой Отечественной войны, а также проблема исчисления количества вражеских военнопленных, попавших за годы войны в советский плен. Кроме того, в статье поднимается проблема определения смертности среди военнопленных, которая повлияла на итоговое соотношение потерь противоборствующих сторон на советско-германском фронте. Приводится большое количество статистических данных, взятых из разных российских и зарубежных архивных фондов.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; советско-германский фронт; плен; советские военнопленные; вражеские военнопленные; проблема плена; величина потерь; смертность в плену; соотношение количества пленных.

В определении масштабов людских потерь Советских Вооруженных Сил в годы Великой Отечественной войны особое место занимает проблема, связанная с уточнением количества пленных и пропавших без вести.

К сожалению, долгие годы эта тема была закрытой для печати. Первые статистические данные о военнослужащих Красной армии, захваченных в плен, появились в исследовании «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–

1945 гг.». Так, опровергая немецкие данные о 665 тыс. чел., взятых в плен в районе Киева, авторский коллектив указывает, что перед началом Киевской операции в составе Юго-Западного фронта насчитывалось 677 085 чел. К концу операции только в соединениях фронта, избежавших окружения и отошедших с боями на тыловые рубежи, насчитывалось 150 541 человек [1, с. 110–111].

Обращает на себя внимание тот факт, что исследователи не учли размер пополнения фронта за указанный период. Он, по современным данным, составил около 300 тыс. чел. в составе соединений (28 дивизий, 4 бригады) и 251 820 человек маршевого пополнения [2, с. 270]¹. Поэтому немецкая оценка пленных, пожалуй, в большей степени отражает количество пленных.

Публикация подобной информации была связана с изменением политической обстановки в стране. Но «оттепель» в нашей стране длилась недолго и начиная с середины 1960-х гг. военно-историческая наука опять предпочла «забыть» о проблеме плена.

Ситуация резко изменилась с началом «перестройки». Так, в 1991 г. были опубликованы данные СС, согласно которым в годы войны в плену находилось 5 237 660 советских солдат и офицеров [3, с. 243].

Анализируя проблему количества советских военнопленных, отметим, что до сегодняшнего дня единой оценки количества советских военнопленных нет. В конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. назывались различные цифры: 4,0; 5,16; 5,2; 5,7 и 5,8 млн чел.² Авторы их ссылались, как правило, на немецкие источники, в которых содержалась весьма разнообразная и противоречивая информация. Так, названная Военно-историческим институтом ФРГ цифра 5,2 млн восходила к данным архивных фондов; но наряду с ней, со ссылкой на документы ОКХ и ОКВ появилась

¹ ГОМУ ГШ. Сведения о количестве сержантов и солдат, направленных в составе маршевого пополнения фронтам в период Великой Отечественной войны // Архив ИВИ МО РФ. Материалы и документы. № 309. С. 36.

² См.: Известия. 1990. 28 мая; Ветеран. 1990. № 9; Известия. 1988. 5 февр.; Красная звезда. 1990. 24 янв.; Советская культура. 1988. 3 сент.; Иностранная литература. 1985. № 12. С. 222; Вопросы истории. 1988. № 9. С. 117.

оценка на 0,5 млн больше – 5,7 млн. Впрочем, последняя еще в 1945 г. была оспорена в справке, подготовленной генералом США Вудом, оценившим общее число советских военнопленных всего в 4 млн, а уцелевших к концу войны примерно в 3 млн.

В официальном письме главы имперского министерства по делам оккупированных восточных территорий А. Розенберга, адресованном В. Кейтелю, было указано количество советских военнопленных к февралю 1942 г. – 3,6 млн. Но следует иметь в виду, что в тот период немецкие власти произвольно зачисляли в число военнопленных задержанных гражданских лиц, партийных и советских работников, подпольщиков и партизан и пр. Так, еще 10 июля 1941 г. в докладной записке немецкого чиновника высокого ранга, адресованной тому же Розенбергу, сообщалось, что в минском лагере вместе со 100 тыс. военнопленных содержатся 40 тыс. гражданских заключенных [4, с. 132, 146].

Также затруднительно судить об общем количестве советских солдат, взятых в плен, по донесениям немецких штабов об итогах боевых действий. Известно, что в ходе крупнейших операций 1941 г. в плен попало до 2,3 млн чел., а в операциях летне-осенней кампании 1943 г. – более 300 тыс. Но точный подсчет осложнялся принятой в 1941 г. практикой «отпуска домой» большого количества военнопленных определенных национальностей. Приказ об этом был отдан генерал-квартирмейстером генерального штаба Сухопутных войск вермахта уже 27 июля 1941 г. в связи с переполнением лагерей военнопленных и невозможностью содержания их силами действующей армии. Освобождению подлежали пленные из числа немцев Поволжья, прибалтов, украинцев и белорусов. Всего в тот период было освобождено из лагерей 318,8 тыс. чел. Но позднее – в ноябре того же года – этот приказ был отменен, и в дальнейшем освобождению подлежали лишь лица, добровольно изъявившие желание вступить во вспомогательные службы и формирования вермахта, местную полицию и др. По данным федерального архива ФРГ всего до мая 1944 г. было освобождено из плена на таких основаниях 823,2 тыс. чел. [5, с. 334].

При отступлении советских войск в 1941 и 1942 г. на оккупированной врагом территории оставалось не менее 1 млн советских солдат и офицеров – попавших в окружение, отставших от своих частей, раненых и пр. Часть их влилась в партизанские отряды и продолжала борьбу с врагом. Более 900 тыс. в 1943–1944 гг. были вновь призваны в ряды Вооруженных Сил, о числе же погибших во вражеском тылу никаких точных сведений, естественно, нет.

В табл. 1 представлена сводка донесений немецких штабов о количестве военнопленных Красной армии, взятых в плен за 6,5 месяцев войны (с 22 июня 1941 по 10 января 1942 г.), которое оценено в 4,2 млн. На Нюрнбергском судебном процессе советская сторона представила Международному военному трибуналу в числе доказательств документ из аппарата Геринга, в котором утверждалось, что за первые полгода войны было захвачено 3,9 млн советских военнопленных, из которых к началу 1942 г. осталось в живых всего 1,1 млн чел.

Во втором и третьем периодах войны, когда Красная армия вела стратегическое наступление, в плен попало сравнительно небольшое число ее солдат и офицеров. Американский историк А. Даллин приводит следующие данные: в течение 1941 г. в плен было взято 3 355 тыс. советских военнопленных, в 1942 г. число пленных составило 1 653 тыс. человек, в 1943 г. – 565 тыс., в 1944 г. – 147 тыс., в 1945 г. – 34 тыс. [6, р. 427].

Судя по данным учета ГШ сухопутных войск вермахта, количество военнопленных, взятых германскими войсками на Восточном фронте, снижалось из года в год:

- за 1941 г. было взято 3 350 тыс.;
- за 1942 г. – 1 653,7 тыс.;
- в следующие 14 месяцев (до февраля 1944 г. включительно) – 633,8 тыс.;
- за последний год войны (до февраля 1945 г.) – 97,1 тыс. [7, с. 472].

Таблица 1

Сведения о количестве пленных, взятых немецкими войсками в период с 22 июня 1941 по 10 января 1942 г.

Время		Количество пленных (в скобках – из них офицеров*)	
		За декаду	Всего с 22 июня 1941 г.
1941	22–30.6	112 784 (645)	366 372 (1 969)
	1–10.7	253 588 (1 324)	
	11–20.7	234 566 (405)	813 830 (3 022)
	21–31.7	213 092 (648)	
	1–10.8	271 714 (1 625)	1 512 410 (5 846)
	11–20.8	211 225 (647)	
	21–31.8	215 641 (522)	
	1–10.9	203 668 (749)	2 501 613 (8 753)
	11–20.9	234 574 (605)**	
	21–30.9	550 961 (1 553)	
	1–10.10	288 485 (861)	3 539 391 (13 937)
	11–20.10	499 476 (3 392)	
	21–31.10	249 817 (931)	
	1–10.11	152 296 (742)	3 831 325 (15 055)
	11–20.11	85 786 (312)	
	21–30.11	53 852 (64)	
	1–10.12	39 596 (74)	3 906 765 (15 179)
	11–20.12	19 277 (0)	
	21–31.12	16 567 (67)	
1942	1–10.1	11 383 (25)	3 918 148 (15 221)

* Учтены также умершие, отпущенные и бежавшие.

** Донесения о пленных, взятых в киевском «котле», приведены лишь частично.

Составлено по: BA-MA, III W 805/5-7 // Schustereit H. Vabanque. S. 73.

Итог этой статистики – 5 734,6 тыс., – очевидно, может быть оспорен в связи с имеющейся информацией о включении немецким командованием в число военнопленных лиц, не принадлежавших к личному составу советских вооруженных сил. Представляется ближе к истинной более скромная оценка количества советских военнопленных, названная институтом военной истории ФРГ – 5,2 млн.

Что касается современной российской историографии этой проблемы, то отметим, что и та, и другая немецкие оценки противоречат объявленной в труде «Гриф секретности снят...» сумме потерь Красной армии пропавшими без вести и попавшими в плен за четыре года войны – 4 559 тыс. чел. [5, с. 130] Мы же считаем, что количество военнопленных красноармейцев не превышало 5,2 млн человек.

Наряду с определением общего количества советских военнопленных к нерешенным вопросам относится и исчисление количества погибших в плену, поскольку эта категория потерь важна нам для определения итоговых демографических потерь вооруженных сил. Данные учета военнопленных, содержавшихся в лагерях ОКВ (т.е. вне тыловой границы полос групп армий, составлявших зону ответственности ОКХ), а также задействованных на работах в военной экономике Германии, крайне ненадежны: они охватывают лишь период с февраля 1942 по 25 апреля 1945 г. с рядом пропусков и не отражают смертности в лагерях и на работах. По этим данным можно судить лишь о пиках числа военнопленных, находившихся на территории рейха, которые достигали: на 1 сентября 1942 г. – 2 051,1 тыс. чел., а на 1 января 1945 г. – 1 680,3 тыс.¹

Достоверные цифры – число возвратившихся из плена после войны (1 836,6 тыс.) и отпущенных немцами из лагерей лиц, пожелавших продолжить войну на стороне противника (как минимум 823,2 тыс.) – не учитывают количества бежавших из лагерей и освобожденных советскими войсками в ходе военных действий, а также тех, кто после освобождения союзниками

¹ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12450. Д. 86.

предпочел не возвращаться на Родину. Если предположить, что таковых было не менее 0,5 млн [7, с. 473], то количество погибших в плену должно составить более 2 млн чел.

По подсчетам К. Штрайта, исходившего из максимальной оценки количества военнопленных – 5,7 млн, – в немецком плену погибло 3,3 млн – 57,9 % [7, с. 473]. Эта оценка представляется нам завышенной. Но противопоставленная ей оценка авторов труда «Гриф секретности снят...» – до 1,2 млн погибших в плену [5, с. 338] – наоборот, занижена.

Сопоставление итога баланса численности личного состава Вооруженных Сил и сведений о количестве пленных [8, с. 24] приводит к выводу о величине потерь более 6 млн, из которых военнопленных было не менее 5 млн. Возвратившиеся из плена в период 1945–1952 гг. более 1,8 млн вместе с освобожденными в ходе военных действий составили меньше половины этого контингента.

Как подтверждение приведенных здесь расчетов можно рассматривать опубликованную в нашей печати за три года до выхода в свет труда «Гриф секретности снят...» оценку безвозвратных потерь советских войск к концу 1941 г. – более 5,3 млн чел. [9, с. 76].

К сожалению, нет единого мнения не только о числе советских военнопленных в Германии, но и иностранных военнопленных в СССР. Так, общее количество пленных, взятых советскими войсками в 1941–1945 гг., согласно данным фронтовых документов, составило 5 635 500 чел., при этом в докладе начальника Генерального штаба А.И. Антонова правительству СССР прозвучала другая цифра – 3777,85 тыс., а с учетом взятых в плен по капитуляции (1284 тыс.) – 5061,85 тыс.¹ Но в лагерях Управления по военнопленным НКВД СССР было учтено только 3486,85 тыс. военнопленных, взятых на Западном театре [10, с. 6; 11, с. 13]. Дефицит – 1575 тыс. чел. – включает освобожденных непосредственно на фронтах – по разным данным от 615,1 до 680 тыс. [10, с. 96] и от 895 до 960 тыс. не дошедших до лагерей – погибших на

¹ ЦАМО. Ф. 13. Оп. 3028. Д. 10. Л. 3–6.

этапах эвакуации (по другим данным их было 753 тыс.). С фактами массовой смертности военнопленных при эвакуации от фронта до органов УПВИ НКВД советское командование столкнулось уже в зимней кампании 1942/43 г., что нашло отражение в специально изданном приказе наркома обороны¹.

За период пребывания в плену – до 1950 г. – смертность военнопленных в лагерях составила 612,72 тыс. чел.² Всего из плена не вернулось более 1,5 млн чел. – до 30 % взятых в плен на советско-германском фронте.

До сегодняшнего дня эта проблема не нашла решения в современной отечественной историографии. В 2001 г. в работе «Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование» указывается, что из 3777,3 тыс. вражеских военнопленных, учтенных во фронтовых документах, до лагерей НКВД добрались только 3486,2 тыс. чел. Разница же между числом направленных и учтенных военнопленных, которая составила 291,1 тыс. человек, объясняется авторами труда тем, что военнопленные из числа граждан Советского Союза, служивших в вермахте или принимавших участие в войне на стороне фашистской Германии (более 220 тыс.), а также военные преступники (14,1 тыс. чел.) были направлены в специальные лагеря НКВД, а другая часть (около 57 тыс. чел.) умерла в пути от болезней и обморожений, так и не достигнув тыловых лагерей [2, с. 511]. Эта оценка количества пленных военнослужащих противника ныне принята как официальная.

По нашему мнению, количество вражеских военнопленных на советско-германском фронте в годы Великой Отечественной войны достигало 5 млн чел., из которых 1,5 млн умерло.

Заметим, что при практически равном количестве пленных военнослужащих с обеих сторон, число вернувшихся живыми на родину советских военнослужащих было в 2,2 раза меньше, нежели число возвратившихся к родным очагам вражеских солдат, побывавших в советском плену. Выявление причин такой

¹ Приказ НКО № 001. 2 января 1943 г. Российский государственный архив. Ф. 4. Оп. 11. Д. 74. Л. 1–6.

² Сообщение В.В. Гуркина на научной конференции в Институте российской истории Российской академии наук 15 марта 1995 г.

диспропорции не входит в рамки нашего исследования. Мы лишь заметим, что смертность в плену напрямую влияет на величину безвозвратных демографических потерь вооруженных сил и на итоговое соотношение потерь личного состава вооруженных сил противоборствующих сторон.

Список литературы

1. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. М.: Воениздат, 1968. Т. 2. 688 с.
2. Россия и СССР в войнах XX века. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. 607 с.
3. *Сергеев Ф.* Тайные операции нацистской разведки 1933–1945. М.: Политиздат, 1991. 414 с.
4. Преступные цели – преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1944 гг.). М.: Экономика, 1985. 328 с.
5. Гриф секретности снят: Потери вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. 1918–1989. М.: Воениздат, 1993. 417 с.
6. *Dallin A.* German Rule in Russia 1941–1945. A Study of Occupation Policies. L.; N.Y.: Westview Press, 1957. 725 p.
7. *Штрайт К.* Они нам не товарищи: Вермахт и советские военнопленные в 1941–1945 гг. / пер. с нем. М., 1991.
8. *Толмачева А.В.* Боевой и численный состав и потери противоборствующих сторон на советско-германском фронте в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2006. 30 с.
9. Великая Отечественная война 1941–1945: События. Люди. Документы. Краткий исторический справочник. М.: Политиздат, 1990. 463 с.
10. *Галицкий В.П.* Содержание военнопленных армии противника в СССР. М., 1990.
11. *Галицкий В.П.* Военнопленные германской армии в Советском Союзе. М., 1992.

А.В. Трушкова

Демографический кризис в военный и послевоенный период

A.V. Trushkova

Demographic Crisis in the Military and Post-War Period

Аннотация. В статье рассматриваются прямые и косвенные потери СССР во время Великой Отечественной войны и после нее, различия потерь по половому и возрастному составу, а также их проявление в социально-экономической сфере. Рассматриваются влияние последствий войны на брачные отношения и такая проблема, как сиротство. На основе проведенного анализа делается вывод, что социальные и демографические последствия в той или иной сфере повлияли на все сферы жизни общества.

Ключевые слова: брак; возрастной состав; война; восстановление; население; половой состав; послевоенные годы; семья.

Великая Отечественная война закончилась долгожданной Победой, но ее радость была омрачена огромными жертвами, которые понес советский народ в борьбе с нацизмом. Военные действия происходили на огромной территории и отличались масштабностью, жестокостью и значительными потерями. 1,9 млн км² европейской части СССР, на которой до войны проживало около 45 % населения, были временно оккупированы противником. Во время войны людям приходилось жить в невероятно тесных жилищах: землянках и подсобных помещениях, в полуразрушенных домах. Суровые условия оккупации, фашистский террор, голод привели к массовой гибели мирного населения. Экономика многих районов, оккупированных нацистами и оказавшихся в зоне военных действий, была сильно подорвана. Захватчики уничтожили и сожгли 1710 городов и

рабочих поселков, более 70 тыс. сел и деревень, лишив своих домов 25 млн мирных жителей [1, с. 135].

Послевоенный период был связан с ускоренным восстановлением разрушенной войной экономики, что требовало от населения большой физической и умственной нагрузки. Промышленные предприятия потеряли миллионы квалифицированных специалистов. Ситуация в сельском хозяйстве была чрезвычайно сложной. Если накануне войны в селе было почти 17 млн чел., то к 1945 г. осталось только 6,5 млн – чуть более трети от их числа в начале войны, и значительную часть из них составляли пожилые люди, подростки и комиссованные инвалиды [2, с. 19]. Из этих 6,5 млн относительно трудоспособных мужчин на 1 января 1946 г. в колхозах оставалось только 1,2 млн чел. Основное бремя тяжелого сельскохозяйственного труда легло на плечи женщин и подростков. Мужская сила требовалась в городе для восстановления промышленности, жилья и городской инфраструктуры.

Демографическое эхо Второй мировой войны оказалось сложным и длительным. По данным исследователей, прямые жертвы в Великой Отечественной войне составили около 27 млн чел., включая погибших в результате боевых действий и в результате роста смертности как в тылу, так и на оккупированных территориях [3, с. 84]. Причиной этого являются неучтенные последствия потерь во время войны, рост смертности в первые послевоенные годы и другие косвенные демографические потери. Подсчитано, что косвенные потери населения СССР во время войны составляют 23 млн чел., а по РСФСР эта цифра составляет 14 млн чел. [4, с. 41–42].

Изменения в возрастном и половом составе населения оказывали сильное негативное влияние на семью и демографические процессы на многие десятилетия. После войны в РСФСР произошло кратковременное увеличение числа браков. Анализ текущей статистики показал, что наибольшее количество браков было зарегистрировано в первом послевоенном 1946 г. – 12,3 (на 1000 чел.). Это было связано с браком людей, которые не успели

создать семью до войны. Но уже в 1947 г. на 1000 чел. населения было зарегистрировано 10,4 брака, а в 1948 г. – 10,6 брака.

Число замужних женщин заметно сократилось почти во всех возрастных группах, причем наибольшее число вдов и незамужних женщин составляли те, кому было 17–25 лет в 1941 г. По сравнению с 1940 г. отмечалось снижение брачного возраста женщин. В 1959 г. большинство браков заключались молодыми женщинами в возрасте от 20 до 24 лет. Значительная часть женщин, чья молодость пришлась на годы войны, больше не могли найти супруга после нее. Безбрачие – прямое следствие войны, стало серьезной проблемой.

Произошло сокращение размера семьи. В РСФСР в 1939 г. средняя семья насчитывала 4,1 чел., а в 1959 г. – 3,6. Более значительным было уменьшение сельских семей: в 1939 г. они превышали городские семьи на 19 %, а в 1959 г. – на 9,9 %. Эксперты обычно связывают это явление с «демографическим переходом» к новому типу воспроизводства населения в развитых индустриальных странах с преобладанием небольшой нуклеарной семьи. Однако в этом случае было бы неправильно забывать о последствиях войны: смерти супругов, повышенной смертности детей, преждевременной смерти членов семьи от ран, полученных на фронтах, и т.д. В результате в РСФСР наблюдалось увеличение числа семей из двух человек. Такие семьи, как правило, состояли либо из бездетной пары, либо чаще всего из супругов, потерявших детей в годы войны. В эту категорию также входят семьи с одним родителем, возглавляемые женщинами: семьи вдов или разведенных женщин и т.н. материнские семьи (мать и внебрачный ребенок).

Другим следствием войны стало распространение такого явления, как безотцовщина. С 1945 по 1958 г. в СССР родилось 10,6 млн детей, у которых отец не указан в свидетельствах о рождении. Наибольший процент детей, рожденных вне брака (из общего числа новорожденных), был отмечен в 1949 г. – 19,6, а в 1950 г. – 19,7. В городах Советского Союза процент незаконно рожденных детей был особенно высок в 1945 г. – 24,7, в 1949 г. –

22,2, в 1950 г. – 21,5. Запрет на искусственное прерывание беременности (аборт) в 1936 г. сыграл большую роль в росте числа незаконнорожденных детей. Не случайно, что снятие этого запрета в 1955 г. помогло сократить число рождений вне брака. В 1958 г. процент таких рождений составил 12,5 [5, с. 132].

В семьях, где у детей не было отцов, женщины должны были обеспечивать семью, воспитывать детей и заботиться о престарелых родителях. Это были семьи вдов, в которых мужья погибли на фронте, а также семьи разведенных женщин. В наиболее сложной ситуации, особенно после ликвидации института фактического брака в июле 1944 г., были семьи с детьми, рожденными в незарегистрированном браке, чьи отцы не вернулись с фронта. Таким образом, пострадали дети, родившиеся до войны или в самом ее начале, в считавшейся по тем временам законной, полной семье, при совместном проживании обоих родителей, чьи отцы ушли на фронт и погибли, защищая Отечество. Такие дети неожиданно оказались неполноценными по сравнению со сверстниками, чьи родители были расписаны в ЗАГСах и сельсоветах.

Вернувшиеся с войны мужчины, которые ранее были фактически женаты, регистрировали семейные отношения, тем самым узаконивая своих собственных детей. Но сыновья и дочери погибших на фронте были лишены законного происхождения, отцовского имени, пенсии и права на «светлую память»¹. Отношение к таким детям и их матерям со стороны других, в т.ч. даже родственников, зачастую было негативным. Последствиями этого явления часто были психоневрологические заболевания детей и подростков, алкоголизм, преступность и т.д.

Самым тяжелым последствием войны стало сиротство. Помимо детских домов, существовавших до войны, были созданы новые учреждения: интернаты, колхозные детские дома, специальные детские дома для детей Красной армии и партизан, детские дома для детей иностранцев и другие. Всего к 1946 г. в

¹ Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР: в 3 т. М.: Известия, 1968. Т. 2. С. 253.

СССР насчитывалось 5390 детских домов, в которых содержалось 560 тыс. детей, из них в РСФСР – 3700 детских домов различного типа, в которых проживало 375 тыс. детей.

В условиях войны и после ее окончания по инициативе граждан стали создаваться общественные организации для опеки детских домов. Тысячи детей были взяты из детских домов и приемных центров для воспитания в семье. Например, к концу войны только жители РСФСР взяли в свои семьи 308 тыс. детей. 8 сентября 1943 г. Президиум Верховного Совета СССР принял специальный указ, в котором отмечалось, что по просьбе приемного родителя его фамилия и отчество могут быть присвоены усыновленному ребенку [6, с. 51]. Приемные родители могут быть внесены как родители – в книги регистрации рождений. Однако при усыновлении детей старше 10 лет было запрещено присваивать им фамилию и отчество усыновителя без их согласия, а также регистрировать усыновителей в качестве родителей. В таких семьях часто возникали сложные психологические ситуации, если дети узнавали об их усыновлении. Отношения стали особенно драматичными, когда спустя годы после войны находились биологические родители ребенка или один из них.

Подводя итоги, можно сказать, что война напрямую повлияла на сокращение населения, сокращение доли мужчин, увеличение доли пожилых возрастных групп в российском обществе и ухудшение состояния здоровья людей. Это способствовало углублению неблагоприятных демографических тенденций, выразившихся в медленном выравнивании полового и возрастного состава населения РСФСР. С увеличением числа сирот, одиноких пожилых людей и людей с ограниченными возможностями в обществе возросла нагрузка на социальную и медицинскую поддержку населения.

Список литературы

1. История Второй мировой войны. 1939–1945: в 12 т. М.: Воениздат, 1978. Т. 5. 254 с.
2. Волков И.М. Трудовой подвиг советского крестьянства в послевоенные годы. Колхозы СССР 1946–1950 гг. М.: Мысль, 1972. 19 с.

3. Население России в XX веке. Исторические очерки: в 3 т. М.: РОССПЭН, 2001. Т. 2. 132 с.

4. Людские потери СССР в период Второй мировой войны: сб. ст: (мат-лы конф., 14–15 марта 1995 г.). СПб.: 1995. 190 с.

5. Новосельский С.А. Демография и статистика. Избранные произведения / под ред. Л.Е. Полякова. М.: 1978. 250 с.

6. Великая Отечественная война, 1941–1945: Энциклопедия / Ин-т воен. истории М-ва обороны СССР; глав. ред. М.М. Козлов. М.: Сов. энцикл., 1985. 832 с.

УДК 94(571.1/.5) «1941/45»

С.Н. Андреенков, В.А. Ильных

Сельское хозяйство Сибири в годы Великой Отечественной войны

S.A. Andreenkov, V.A. Ilinykh

Agriculture of Siberia During the Great Patriotic War

Аннотация. В статье анализируется функционирование сельского хозяйства Сибири в годы Великой Отечественной войны. Выявлены динамика аграрного производства, эволюция его производительных сил, отраслевой и организационно-хозяйственной структуры, а также особенности налогово-заготовительной политики государства. Сделан вывод о том, что колхозно-совхозная система показала относительную эффективность в экстремальных условиях. Несмотря на невосполнимые людские и материально-технические потери, деревня за счет мобилизации внутренних резервов обеспечила фронт и тыл необходимым минимумом продовольствия и сырья.

Ключевые слова: сельское хозяйство; Великая Отечественная война; колхозы; деревня; растениеводство; животноводство; Сибирь.

В начальный период Великой Отечественной войны СССР лишился значительной части производительных сил сельского хозяйства. На территории, оставленной Красной армией, до войны проживало около 40 % всего населения страны, две третьих

которого составляли жители села. В оккупированной зоне оказалось 47 % всех посевных площадей, в т.ч. 38 % посевов зерновых, а также почти 60 % поголовья крупного рогатого скота (КРС) и свиней. Эвакуированные скот и сельхозтехника достались по большей части неоккупированным регионам Центральной России, восточные районы страны почти ничего из этих ресурсов не получили [1, с. 245–246].

Потерю производственных мощностей в оккупированных регионах могло компенсировать только увеличение объемов выпуска сельхозпродукции в Поволжье, Казахстане и Сибири. Особенно большая нагрузка ложилась на Сибирь, превращавшуюся в важнейшего поставщика продовольствия и сырья фронту. Возрастание роли региона в сельхозпроизводстве обуславливалось и эвакуацией сюда сотен тысяч рабочих и служащих, нуждавшихся в продуктах питания. На продовольственном обеспечении хозяйств Сибири находились крупные воинские соединения, охранявшие дальневосточные границы. Значительная часть производимой в регионе сельхозпродукции шла в индустриальный Урал.

Колхозам и совхозам Сибири, как и хозяйствам других тыловых территорий, приходилось выполнять производственные задачи в условиях существенного сокращения трудовых и технических ресурсов. На фронт и на промышленные предприятия в результате мобилизации ушли миллионы колхозников. За первые шесть месяцев войны трудоспособное население колхозов Сибири уменьшилось на 21 %. В последующие военные годы его численность продолжала сокращаться, составив в конечном итоге 60 % от довоенного уровня. К началу 1942 г. в Красноярском крае число трактористов снизилось на 50 %, комбайнеров – почти на 70 %. Во втором полугодии 1941 г. в Западной Сибири в армию было призвано более 40 % колхозных председателей [2, с. 92; 3, с. 103–105].

Основная тяжесть сельскохозяйственных работ легла на плечи женщин. Для частичного восполнения многократно обострившегося дефицита рабочей силы в производственную сферу в значительно больших, чем до войны, масштабах стали

привлекаться старики, подростки, дети. Колхозные кадры также пополнялись эвакуированными жителями европейской части СССР, представителями депортированных народов. На уборочные работы широко привлекались не занятые в аграрном производстве сельские жители, учащиеся, население городов и поселков городского типа.

Материально-техническая база сельхозпроизводства существенно ослабла. К началу 1942 г. в Западной Сибири количество тракторов сократилось на 9 %, в Восточной Сибири – на 10 %. Фронту передавались наиболее мощные, в основном гусеничные машины. Оставшийся в хозяйствах тракторный парк состоял главным образом из устаревших марок. К минимуму сводилось обеспечение сельхозтехники запчастями и горюче-смазочными материалами. Объем работ МТС в колхозах сократился на 53 %. В этих условиях существенно выросло значение живого тягла. Однако лучший конский состав был передан армии. К полевым работам стали широко привлекаться коровы [1, с. 246; 3, с. 104].

В 1941–1942 гг. увеличилось налогово-податное обложение аграрного производства. Вводились новые натуральные повинности (поставки в хлебный и мясной фонды Красной армии, гарнцевый сбор, сдача государству соломы и используемых в качестве семян верхушек клубней картофеля) и увеличились размеры уже существовавших. Возросла роль поставок продукции в фонды обороны, помощи освобожденным районам, инвалидам войны и т.п. Возросшее нормативное обложение сельхозартелей существенно превышало их реальные производственные возможности. В этих случаях государство изымало практически всю продукцию, опустошая даже семенные фонды [4, с. 133–134, 136, 145–146].

Уровень доходов колхозников от работы в артельном хозяйстве значительно сократился. В 1945 г. в Западной Сибири выдача зерна и бобовых культур колхозникам и трактористам на трудодни снизилась по сравнению с 1940 г. в два раза, в Восточной Сибири – в три раза [3, с. 212].

Существенно возросло налогообложение сельского населения. В конце 1941 г. был введен подушный военный сбор, а также налог на холостяков, одиноких и бездетных граждан. Увеличились ставки взимаемого с ЛПХ сельскохозяйственного налога. Выросли размеры государственных займов [4, с. 63–65].

Основными стимулами героического труда сельских жителей выступало осознание того, что они кормят своих мужей, братьев и отцов, воевавших на фронте, а также вера в победу. Эта вера всячески поддерживалась в ходе проводимых массово-политических мероприятий. Однако во время войны использовались не только моральные стимулы. В законодательном порядке увеличился обязательный минимум трудодней. Вводился обязательный минимум и для подростков. Стало широко практиковаться списывание трудодней за нарушения трудовой дисциплины. Осенью 1941 г. были воссозданы чрезвычайные органы управления на селе – политотделы МТС и совхозов.

Быстро увеличить производство продукции растениеводства можно было только за счет существенного расширения посевных площадей. В первые месяцы войны принимается оправдавшее себя решение резко увеличить озимый клин. В основных сельскохозяйственных регионах Сибири произведенные осенью 1941 г. посевы озимых выросли в полтора раза. Нарращивание площади посева планировалось продолжить и осенью 1942 г. Однако намеченные планы выполнить не удалось. Более того, площадь под яровыми культурами в колхозах тыловых районов СССР несколько сократилась. Но в целом с учетом озимых и картофеля в 1942 г. посевы в сибирских колхозах выросли на 5,6 %.

Показателями нарастания кризисных явлений в земледелии стало затягивание сроков выполнения сельхозработ. Их низкое качество и несоблюдение правил агротехники привели к значительной засоренности полей, которая в сочетании с неблагоприятными погодными условиями способствовала падению урожайности. Валовой сбор зерна в колхозах региона в 1942 г. снизился на треть. Тем не менее в этом году колхозы Сибири передали государству 2,7 млн т зерновых (79 % от уровня 1941 г.). Удель-

ный вес Сибири в общесоюзных колхозных хлебозаготовках 1941 г. составлял 24 %, в 1942 г. – 25 %.

Весной 1943 г. в связи со сверхнормативным изъятием зерна, затронувшим страховые и семенные запасы, возник острейший дефицит семян. В Алтайском крае и ряде других регионов семенные фонды были засыпаны на 35–38 %. Для их восполнения использовалось зерно из государственных резервов, что усилило бескормицу в животноводстве. В Омской области (в границах 1945 г.) посевы яровых зерновых уменьшились по сравнению с 1942 г. на 33 %, в т.ч. пшеницы – на 44 %. Картофеля в Сибири в 1943 г., напротив, посадили на 12 % больше, чем в предыдущем.

Для зернового хозяйства Сибири 1943 г. стал самым тяжелым за всю войну. В Алтайском крае урожайность зерновых составляла 2,5 ц/га, в Иркутской области и Красноярском крае – 3,8 ц/га. Валовые сборы зерна в колхозах Сибири в 1943 г. уменьшились на 34 %, хлебозаготовки – на 40 %. Неурожай привел к 17%-му снижению сбора картофеля. В то же время его заготовки увеличились на 3 % [1, с. 263; 5, с. 151, 154–157, 160, 297–298; 6, с. 34–36, 41, 67].

В крайне неблагоприятных условиях развивалось животноводство. В первые военные годы ухудшилось ветеринарное обслуживание, распространились эпизоотии, остановилось строительство помещений для скота, сократилось количество и снизилось качество кормов. В 1941 г. на состояние «общественного» поголовья в основных сельскохозяйственных районах Западной Сибири негативное влияние оказал катастрофический неурожай и недород трав 1940 г., который привел к резкому сбросу стада. Весной и летом 1941 г. компенсировать потери не удалось, а осенью и зимой началась сверхнормативная сдача скота в счет мясопоставок. В итоге за 1941 г. в колхозах Западной Сибири число КРС сократилось на 17 %, в Восточной – на 14 %.

Одним из основных источников пополнения «общественного» стада КРС в 1942 г. стало фактически обязательное и безвозмездное отчуждение скота у колхозников. Государственный план по контрактации скота в ЛПХ для комплектования колхоз-

ных ферм увеличился по сравнению с довольно высоким уровнем предыдущих лет в два раза. В первом полугодии 1942 г. темпы его реализации являлись крайне низкими. Объемы изъятия личного скота существенно увеличились после поездки по сельским районам бригад уполномоченных ЦК ВКП(б). В Алтайском крае с 1 января по 1 сентября 1942 г. количество КРС в колхозах выросло на 96 тыс. голов, 52 % которых были взяты у колхозников. В Иркутской области аналогичный показатель равнялся 58 %¹.

Принудительная контрактация скота нанесла индивидуальному животноводству серьезный ущерб. В ЛПХ колхозников Новосибирской области в 1942 г. поголовье коров уменьшилось по сравнению с предыдущим годом на треть, овец и коз – наполовину, свиней – на две трети. Центр осудил практику изъятия скота у колхозников и, более того, потребовал в кратчайшие сроки ликвидировать бескоровность и бесскотность колхозных семей. В итоге в 1943 г. поголовье скота в личном секторе колхозной экономики стабилизировалось, а в 1944–1945 гг. – выросло [7, с. 62–63].

Положение в общественном животноводстве в 1943 г., напротив, резко ухудшилось. Изъяз в счет обязательных поставок значительную часть семенного зерна, государство принуждало колхозы приобретать недостающее количество семян в обмен на скот. В 1943 г. госпоставки мяса вместо зерна возросли в Новосибирской области на 50 %, в Красноярском крае – на 78 %. В Сибири за 1943 г. колхозное поголовье КРС сократилось на 17 %, свиней – на 55, овец и коз – на 10 %.

Впечатляющие успехи на фронте привели к некоторому смягчению давления на колхозы. В мае 1943 г. были ликвидированы политотделы МТС. Сократились масштабы мобилизации колхозного населения на работу в промышленность, несколько увеличились объемы финансирования аграрного производства, частично возобновились поставки хозяйствам техники. Значи-

¹ Государственный архив Российской Федерации. Ф. А-310. Оп. 1. Д. 2489. Л. 9 об., 10, 42.

тельно уменьшились объемы сдачи зерна в хлебный и мясной фонды Красной армии, ежегодно списывались недоимки.

Недород 1943 г. сказался на весенней сельскохозяйственной кампании 1944 г. В этом году в колхозах Западной Сибири посевные площади уменьшились на 18, в Восточной Сибири – на 15 %. Однако погода оказалась более благосклонной к труженикам сельского хозяйства Западной Сибири. Производительность колхозных полей в регионе повысилась, что позволило собрать хлеба на 30 % больше, чем в 1943 г. В Восточной Сибири, напротив, урожайность являлась невысокой, что в сочетании с уменьшением посевных площадей привело к 11%-му снижению валового сбора зерновых культур. Государственные хлебозаготовки в Западной Сибири возросли только на 16 %, а в Восточной – упали на 23 %.

Несмотря на некоторые признаки стабилизации, ситуация в сельском хозяйстве Сибири в конце войны оставалась крайне тяжелой. Тотальное несоблюдение агротехники привело к нарастающему падению плодородия почвы. Урожайность даже в наиболее благоприятном по погодным условиям 1944 г. оставалась крайне низкой (4 ц/га), существенно уступая показателям недородного 1940 г. (7,2 ц/га). В 1945 г. производительность зерновой нивы снизилась до 3,6 ц/га. Рабочий и продуктивный скот в основной массе истощился, его численность сокращалась [8, с. 114–117].

В 1945 г. площадь посева во всех категориях хозяйств Сибири уменьшилась по сравнению с 1940 г. на 24 %, в т.ч. посевов зерновых – на 25, валовой сбор хлеба – на 53, объемы хлебозаготовок – на 39 %. Зато значительно увеличились масштабы выращивания картофеля. С 1940 по 1945 г. в колхозах, совхозах и ЛПХ Сибири его производство возросло на 30 %. поголовье КРС во всех категориях хозяйств в 1941–1945 гг. уменьшилось на 20 %, свиней – на 53, овец и коз – на 41 %¹ [2, с. 211; 3, с. 211, 237].

¹ Народное хозяйство РСФСР в 1958 г.: стат. ежегодник. М., 1959. С. 229–232, 260–261, 264–267; Народное хозяйство РСФСР в 1964 г.: стат. ежегодник. М., 1965. С. 218.

Великая Отечественная война привела сельское хозяйство Сибири и страны в целом в состояние глубокого кризиса. В то же время сформировавшаяся в 1930-е гг. в СССР колхозно-совхозная система показала свою относительную эффективность и устойчивость в экстремальных условиях. Несмотря на невосполнимые людские и материально-технические потери, деревня за счет мобилизации внутренних резервов обеспечила фронт и тыл необходимым минимумом продовольствия и сырья. Сибирь, наряду с Поволжьем и Казахстаном, на первом этапе войны стала главной сельскохозяйственной базой страны.

Список литературы

1. Советская экономика в период Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. М.: Наука, 1970. 503 с.
2. История Сибири с древнейших времен до наших дней: [кол. моногр.] / глав. ред. А.П. Окладников. Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1969. Т. 5: Сибирь в период завершения строительства социализма и перехода к коммунизму. 470 с.
3. Крестьянство Сибири в период упрочения и развития социализма: [кол. моногр.] / отв. ред. В.Т. Анисков, Н.Я. Гущин. Новосибирск: Наука. Сиб. отделение, 1985. 400 с.
4. *Ильиных В.А.* Налогово-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х – начало 1950-х гг. Новосибирск: ГУП РСО СО РАСХН, 2004. 167 с.
5. *Арутюнян Ю.В.* Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 459 с.
6. *Анисков В.Т.* Жертвенный подвиг деревни. Крестьянство Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1993. 246 с.
7. Очерки истории крестьянского двора и семьи в Западной Сибири. Конец 1920-х – 1980-е гг.: [кол. моногр.] / Т.М. Бадалян, В.А. Ильиных, И.Б. Карпунина, А.П. Мелентьева. Новосибирск: Изд-во ИДМИ, 2001. 188 с.
8. Сельское хозяйство Сибири в XX веке: проблемы развития и кризисы: [кол. моногр.] / В.А. Ильиных, С.Н. Андреенков, В.М. Рынков [и др.]. Новосибирск: Сибпринт, 2012. 408 с.

**Основные тенденции развития колхозной
торговли в Алтайском крае в годы
Великой Отечественной войны**

A. V. Rykov

**The Main Trends in the Development of Collective Farm
Trade in the Altai Region During the Great Patriotic War**

Аннотация. В статье анализируются основные тенденции колхозной торговли на материалах Алтайского края. Великая Отечественная война привела к значительным изменениям в системе распределения товаров. В результате большую роль в снабжении сельского населения продовольственными и промышленными товарами стала играть колхозная торговля. Автор приходит к выводу, что в годы войны произошел значительный рост цен на товары, а также распространение спекуляции и самозаготовок. Данные явления были обусловлены рыночными механизмами. Государство, в свою очередь, пыталось разными способами их контролировать.

Ключевые слова: колхозное крестьянство; колхозная торговля; Великая Отечественная война; Алтайский край; спекулянтство; самозаготовки; материальное положение.

В годы Великой Отечественной войны произошли значительные изменения в колхозной торговле. Они касались как самой сущности данного явления, так и его влияния на различные социальные группы. При рассмотрении историографии данной проблемы можно отметить, что в территориальных рамках Алтайского края она разработана фрагментарно, а ряд ее аспектов (в частности, товарообмен) остался вне поля зрения историков [1–3]. Автором на основе ранее не опубликованных источников проведен анализ основных тенденций колхозной торговли в Алтайском крае.

Начало Великой Отечественной войны оказало большое влияние на изменение системы государственной торговли и распределение товаров в СССР. В результате сокращения централизованных товарных фондов, а также загруженности потребительской коопе-

рации произошло увеличение роли рыночной торговли как источника продовольственных и непродовольственных товаров. Важность рыночной торговли для колхозного крестьянства в годы войны была обусловлена и изменившейся налоговой политикой государства. Увеличение денежного налогового обложения вынуждало колхозников продавать продукцию с личных подсобных хозяйств, чтобы произвести уплату налогов. Кроме того, некоторые продукты сдавались колхозниками по обязательным поставкам вне зависимости от их наличия. В результате, рынок был одним из средств получения недостающих продуктов.

Одной из тенденций в рыночной торговле в годы войны стало значительное изменение цен. Из-за нехватки товаров потребности населения не могли быть полностью удовлетворены организованным снабжением. В результате, деньги пошли в рыночную торговлю, которая столкнулась со снижением предложения. Колхозы и колхозные дворы из-за налогового пресса не имели большого числа излишков, которые они могли бы выставить для продажи на рынках. В результате расхождения спроса и предложения началось повышение цен на колхозных рынках. В Алтайском крае повышение цен происходило до 1943 г. По сравнению с 1942 г. в 1943 г. цены на мясо выросли в 6,7 раз, на масло животное – 9,2 раза, на молоко – в 6,4 раза [4, с. 208–209].

Представляется интересным выявление динамики цен на отдельные товары на колхозных рынках разных населенных пунктов Алтайского края. Автором были сопоставлены данные по следующим населенным пунктам: г. Барнаул, г. Рубцовск, пос. Тальменка, с. Быстрый Исток. Выбор данных населенных пунктов был обусловлен отличиями их друг от друга. Барнаул в годы войны – административный центр Алтайского края, крупнейший город на его территории. Рубцовск – быстроразвивающийся город (благодаря строительству Алтайского тракторного завода), узел автомобильных и железных дорог. Тальменка – крупный поселок, находящийся на значимых автомобильной и железной дорогах, вблизи Барнаула. Быстрый Исток – село, находящееся в стороне от крупных дорог, вблизи

Бийска. Динамика изменения цен на колхозных рынках этих населенных пунктов рассматривается на примере продуктов, составляющих основу питания колхозников: картофеля и молока.

Значительное повышение цен на картофель началось с 1942 г. Если в апреле 1941 г. картофель на колхозном рынке Барнаула стоил 2,5 руб. за кг, то через год его стоимость уже возросла до 12 руб. за кг, а к апрелю 1943 г. она достигла 50 руб. за кг¹. Таким образом, в течение 3 лет цена картофеля выросла в 20 раз. Та же тенденция наблюдается и с ценами на картофель в других рассматриваемых населенных пунктах².

Для продажи картофеля были свойственны сезонные колебания. Весной и в начале лета цена на картофель традиционно достигала максимума в связи с исчерпанием его запасов. Снижение цен началось с началом сезона копки (сентябрь-октябрь)³. Если в мае 1943 г. на колхозном рынке в пос. Тальменка 1 кг картофеля стоил 31,25 руб., то к сентябрю цена снизилась до 8,5 руб. (в 3,7 раза)⁴. При этом даже сезонные снижения не достигали уровня довоенного периода. Дороже всего картофель стоил на колхозном рынке г. Барнаула. Сопоставимыми являлись цены в г. Рубцовске и пос. Тальменка. Ниже всего цены были в с. Быстрый Исток.

Схожие тенденции можно проследить и на примере цен на молоко. В течение войны цены на молоко на колхозных рынках

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-374. Оп. 8. Д. 212. Л. 9; Д. 264. Л. 3; Д. 354. Л. 1.

² ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 8. Д. 209. Л. 1, 9, 102; Д. 212. Л. 9, 24, 105; Д. 215. Л. 9, 98; Д. 218. Л. 9, 13, 77; Д. 261. Л. 2, 3; Д. 264. Л. 3–5; Д. 268. Л. 2–3; Д. 274. Л. 1; Д. 348. Л. 1, 2, 4; Д. 354. Л. 1, 2, 4; Д. 360. Л. 1–2; Д. 366. Л. 1–2; Д. 429. Л. 99; Д. 434. Л. 8–9; Д. 435. Л. 31; Д. 440. Л. 10, 12; Д. 441. Л. 17; Д. 445. Л. 7, 11, 109; Д. 500. Л. 14; Д. 503. Л. 10; Д. 509. Л. 8; Д. 514. Л. 9, 97; ГААК. Ф. Р-1359. Оп. 1. Д. 82. Л. 45, 81, 106, 114; Д. 94. Л. 26, 58, 84, 111; Д. 104. Л. 2, 21об., 49, 70об.

³ ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 8. Д. 209. Л. 1, 9, 102; Д. 212. Л. 9, 24, 105; Д. 215. Л. 9, 98; Д. 218. Л. 9, 13, 77; Д. 261. Л. 2, 3; Д. 264. Л. 3–5; Д. 268. Л. 2–3; Д. 274. Л. 1; Д. 348. Л. 1, 2, 4; Д. 354. Л. 1, 2, 4; Д. 360. Л. 1–2; Д. 366. Л. 1–2; Д. 429. Л. 99; Д. 434. Л. 8–9; Д. 435. Л. 31; Д. 440. Л. 10, 12; Д. 441. Л. 17; Д. 445. Л. 7, 11, 109; Д. 500. Л. 14; Д. 503. Л. 10; Д. 509. Л. 8; Д. 514. Л. 9, 97; ГААК. Ф. Р-1359. Оп. 1. Д. 82. Л. 45, 81, 106, 114; Д. 94. Л. 26, 58, 84, 111; Д. 104. Л. 2, 21об., 49, 70об.

⁴ Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф.Р-1359. Оп. 1. Д. 94. Л. 62, 87.

населенных пунктов Алтайского края значительно возросли¹. Для цен на молоко тоже была характерна сезонность. Повышение цен происходило в зимний-весенний период в связи со снижением удоев. Снижение начиналось летом вместе с повышением удоев². В течение всего военного периода цены на молоко на колхозном рынке в г. Барнауле были выше, чем в прочих рассматриваемых населенных пунктах Алтайского края. В Рубцовске и Тальменке цены на молоко являлись сопоставимыми, а в Быстром Истоке оставались на стабильно низком уровне³. На примере данных товаров можно отметить, что в течение Великой Отечественной войны произошел значительный рост цен на колхозных рынках по всему Алтайскому краю.

Определенное влияние на уровень цен на колхозных рынках оказывал объем поставляемой сельскохозяйственной продукции. В начальный период войны из-за сокращения объема поставок произошел значительный рост цен. После середины 1943 г. начинается снижение цен на рынках. Взаимосвязь данных показателей наглядно можно проследить, проанализировав объемы реализованных товаров и цены на них на колхозных рынках г. Барнаула в течение войны⁴. Так, с 25 июня 1941 г. по 25 июня 1942 г. объемы продажи говядины на колхозных рынках г. Барнаула сократились почти в 13 раз, а цена выросла в 7,3 раза. К 1944 г., несмотря на значительный рост объема продаж (более чем в 10 раз) цены выросли еще больше. В 1945 г. объем продажи говядины на колхозных рынках Барнаула достиг уровня 1941 г., а цена сократилась в 3 раза по сравнению с 1944 г., но все еще была значительно выше (в 4 раза), чем в 1941 г. Такая же

¹ ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 8. Д. 209 л. 9; Д. 261 л. 2; Д. 348. л. 1.

² ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 8. Д. 209 л. 1, 9, 102; Д. 212. л. 9, 24, 105; Д. 215. л. 9, 98; Д. 218. л. 9, 13, 77; Д. 261. л. 2, 3; Д. 264. л. 3–5; Д. 268. л. 2–3; Д. 274. л. 1; Д. 348. л. 1, 2, 4; Д. 354. л. 1, 2, 4; Д. 360. л. 1–2; Д. 366. л. 1–2; Д. 429. л. 99; Д. 434. л. 8–9; Д. 435. л. 31; Д. 440. л. 10, 12; Д. 441. л. 17; Д. 445 л. 7, 11, 109; Д. 500. л. 14; Д. 503. л. 10; Д. 509. л. 8; Д. 514. л. 9, 97; ГААК. Ф. Р-1359. Оп. 1. Д. 82. л. 45, 81, 106, 114; Д. 94. л. 26, 58, 84, 111.; Д. 104. л. 2, 21 об., 49, 70 об.

³ Там же.

⁴ ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 8. Д. 254 л. 19; Д. 484. л. 3.

тенденция прослеживается и по другим основным сельскохозяйственным товарам, реализованным на колхозных рынках.

Снижение цен было обусловлено рядом причин. С 1944 г. происходит стабилизация ситуации в сельском хозяйстве Алтайского края, что выразилось в росте производимой продукции и в ослаблении налогового бремени для колхозов и колхозных дворов. Помимо этого, М.С. Зинич выделяет такие важные факторы, как укрепление огородничества и подсобных хозяйств у самих горожан и начало организации государственной коммерческой торговли [5, с. 51–52].

К концу войны объемы реализации ряда товаров значительно превысили уровень начала войны. Объемы реализации сливочного масла на колхозных рынках Барнаула выросли в 19 раз, картофеля – почти в 8 раз, молока – в 2,5 раза, меда – в 3 раза, лука репчатого – в 1,3 раза¹. Это свидетельствует об увеличившейся роли рыночной торговли как инструмента реализации продукции колхозным крестьянством и источника продовольствия для городского населения.

Государство пыталось влиять на цены на колхозных рынках, в частности через привлечение на рынки колхозов и продажу их продукции по фиксированным ценам. В качестве примера можно привести организацию новогодних ярмарок в Барнауле, Бийске и Рубцовске с 28 декабря 1943 г. по 1 января 1944 г. За дни ярмарки подвоз сельскохозяйственных продуктов значительно увеличился, а цены снизились. Всего за пять дней ярмарки в трех городах было привезено продуктов на 9 млн руб.² В результате цены снизились: на мясо – на 20–30 руб. за кг, на масло животное – на 50 руб., а на картофель и вовсе почти в три раза (с восьми руб. до трех)³.

Несмотря на организацию подобных ярмарок и другие попытки регулирования цен на колхозных рынках, колхозы и колхозники преимущественно вели продажу по «произвольным», т.е. по

¹ ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 8. Д. 254. Л. 19; Д. 484. Л. 3.

² ГААК. Ф. П-1. Оп. 18. Д. 804. Л. 36.

³ Там же. Л. 50.

рыночным ценам. Государство не выделяло необходимого количества товаров широкого потребления для встречной продажи.

Важную роль в развитии рыночной торговли играло налаживание товарного обмена между городом и деревней, который стремилось стимулировать государство. В июне 1942 г. в управлении железных дорог получили приказ, в соответствии с которым во всех местных и пригородных поездах, курсирующих на расстоянии 100–150 км, следовало выделять один вагон специально для проезда колхозников, везущих сельскохозяйственные продукты для продажи на городских рынках [6, с. 160]. В районах, находившихся вдали железных дорог и крупных городов, многие колхозники самостоятельно организовывали вывоз продукции в ближайшие крупные города. Несмотря на такие поездки, торговые связи между городом и деревней в годы войны оставались очень слабыми.

Горожане и крестьяне были заинтересованы во взаимном товарообороте. Свидетельством этого является появление таких явлений, как спекуляции и самозаготовки. С.П. Шатилов выделяет такие виды спекуляции, касавшиеся торговли, как мешочничество и товарообмен [7, с. 233; 8, с. 145]. Широкое распространение меновой торговли было связано с повышением цен, приводившим к снижению покупательной способности рубля. В результате, продавать товары за деньги становилось невыгодно [5, с. 50].

Основная торговля и товарообмен шли между самим населением. Колхозы и государственные организации как источник товаров для колхозников являлись второстепенными. С 1943 г. в показателях бюджетных обследований колхозников начинают учитывать количество товаров, которые были приобретены непосредственно у граждан. В 1944 г. из 127,04 руб., потраченных семьями колхозников края на приобретение сельскохозяйственной продукции, 110,78 руб. (87,2 %) были потрачены на ее приобретение у граждан. Из 331,23 руб., потраченных колхозниками края на их приобретение промтоваров в том же году, непосред-

ственно у граждан было приобретено товаров на 320,01 руб. (96,6 %)¹.

Основными тенденциями колхозной торговли Алтайского края в период Великой Отечественной войны были значительная динамика цен на товары, а также распространение спекуляции и самозаготовок. Данные явления были обусловлены рыночными механизмами. В свою очередь государство пыталось разными способами корректировать вышеупомянутые тенденции. Главным итогом для населения стало значительное увеличение роли рыночной торговли для населения как источника продовольственных и промышленных товаров в условиях военного времени.

Список литературы

1. *Анисков В.Т.* Жертвенный подвиг деревни: крестьянство Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1993. 245 с.

2. *Демина Е.В.* Торговля и снабжение населения Восточной Сибири в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. Красноярск: Сиб. гос. аэрокосмич. ун-т им. акад. М.Ф. Решетнева, 2007. 141 с.

3. Крестьянство Сибири в период упрочения и развития социализма / редкол.: В.Т. Анисков (отв. ред.) и др. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1985. 398 с.

4. *Рыков А.В.* Роль рыночной торговли и товарообмена в жизнеобеспечении колхозного крестьянства Алтайского края в годы Великой Отечественной войны // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: сб. мат-лов четвертой Всерос. мол. науч. конф / отв. ред. Р.Е. Романов. Новосибирск, 2015. С. 206–213.

5. *Зинич М.С.* Будни военного лихолетья, 1941–1945: в 2 вып. / М.С. Зинич. Вып. 1. Москва: ИРИ, 1994. 125 с.

¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 323. Д. 26. Л. 219, 425; Оп. 83. Д. 1. Л. 213; Оп. 324. Д. 439. Л. 188; Д. 440. Л. 105; Д. 663. Л. 112; Д. 928. Л. 119, 209; Д. 1427. Л. 96, 196.

6. Любимов А.В. Торговля и снабжение в годы Великой Отечественной войны. М.: Экономика, 1968. 231 с.

7. Шатилов С.П. Органы милиции в реализации правоохранительной функции Советского государства в период Великой Отечественной войны (историко-правовой аспект): монография. Барнаул: [б.и.], 2008. 255 с.

8. Шатилов С.П. Основные направления деятельности милиции в годы Великой Отечественной войны: монография. – Барнаул: Изд-во ААЭП, 2010. 167 с.

УДК 94(47)«1940/1941»

С.В. Шарапов

**Сельское хозяйство Новосибирской области
накануне Великой Отечественной войны
(по материалам поездки А.А. Андреева
в Западную Сибирь)**

S.V. Sharapov

**Agriculture of Novosibirsk Region on the Eve
of the Great Patriotic War (on Documents of Official
Trip of A.A. Andreev to Western Siberia)**

Аннотация. К лету 1941 г. сельское хозяйство Новосибирской области пребывало в условиях острых экономических и социальных затруднений, спровоцированных хлебозаготовительной кампанией 1940 г. В их числе: нехватка продовольствия в ряде районов, резкое сокращение поголовья общественного скота в результате бескормицы и эпизоотий, распространение критических по отношению к советской власти настроений среди колхозников. Реакция центральной власти на проблемы региона была однозначной. С точки зрения политического Центра, ухудшение обстановки было вызвано, во-первых, активизацией «антисоветского элемента» в области, во-вторых, управленческой слабостью руководящего состава областных организаций.

Ключевые слова: аграрная политика Советского государства; сельское хозяйство; Великая Отечественная война; Сибирь.

К началу Великой Отечественной войны сельское хозяйство Алтайского края и Новосибирской области переживало последствия опустошительной хлебозаготовительной кампании 1940/41 г. [1; 2, с. 131–175]. Засушливое лето 1940 г. вкупе с завышенными хлебозаготовительными планами вызвало в ряде районов острую нехватку продовольствия, кормов, семенного материала. Такая ситуация была в значительной степени спровоцирована заготовительной политикой государства, которое на фоне ухудшения международной обстановки и начала Второй мировой войны резко увеличило изъятие продовольственных ресурсов из деревни. С 1939 г. объемы натуроплаты за работы МТС стали определяться, исходя из видовой урожайности зерновых, измеряемой на корню, перед уборкой. Потери урожая во время уборочной кампании не учитывались, а планы натуроплаты, как следствие, оказывались завышенными. Новацией следующего 1940 г. стал переход к т.н. погектарному принципу обложения обязательными зернопоставками. Если раньше последние рассчитывались, исходя из площади запланированных посевных площадей, их объем исчислялся из количества гектаров пашни, закрепленной за колхозами [3, с. 130]. Это позволило резко увеличить хлебозаготовительные планы в 1940 г.

Чрезмерное изъятие зерна из деревни вызвало негативные социальные последствия. По итогам хлебосдачи многие колхозы оказались в затруднительном положении – не хватало зерна для внутреннего потребления и распределения на трудодни. В результате недоедания распространялись болезни, участились случаи голодных смертей, употребления в пищу падали, самовольного бегства семей из голодающих колхозов¹. При этом в наиболее уязвимом положении оказались многодетные семьи.

Экономическое и социальное положение ряда районов Алтайского края и Новосибирской области вызвало беспокойство центральной власти. В июне 1941 г. в Западную Сибирь был командирован секретарь и заведующий сельскохозяйственным

¹ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-4. Оп. 5. Д. 359. Л. 254–259.

отделом ЦК ВКП(б) А.А. Андреев с целью разобраться в сложившейся ситуации и принять необходимые меры. Материалы, собранные А.А. Андреевым во время поездки по Алтайскому краю и Новосибирской области, представляют для исследователей особую ценность. Они не только проливают свет на трудности, которые пришлось пережить аграрному хозяйству Западной Сибири накануне Великой Отечественной войны, но и являются показателями того, каким образом политические верхи реагировали на региональные проблемы.

Сигналы о тяжелом положении в Новосибирской области стали поступать весной 1941 г. по линии НКВД. 8 марта 1941 г. на имя Л.П. Берии была направлена докладная записка от начальника управления НКВД по Новосибирской области Ф.М. Медведева. Ф.М. Медведев сообщал о продовольственных затруднениях в двенадцати районах области. Особую тревогу вызывало положение дел в животноводстве области, где в результате бескормицы и распространения эпизоотических заболеваний начался массовый падеж скота¹.

Другим каналом, по которому информация о неблагополучном положении в Новосибирской области и Алтайском крае достигала политического Центра, были т.н. письма во власть. Примером является письмо двадцатилетней комсомолки В.П. Крыловой, проживавшей в Татарском районе Новосибирской области, отправленное 26 мая 1941 г. на имя И.В. Сталина. Судя по тому, что А.А. Андреев в своих донесениях И.В. Сталину отдельно упоминал В.П. Крылову, И.В. Сталин был знаком с содержанием письма². В.П. Крылова сообщала о массовом падеже скота в Татарском районе, причиной которого стало, по ее мнению, плохое руководство со стороны районных властей. Несмотря на то, что корм в районе имелся, не был организован его подвоз в

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 73. Оп. 2. Д. 35. Л. 28–32.

² 22 июня 1941 г. А.А. Андреев писал И.В. Сталину: «По письму Крыловой – все подтвердилось. В районе навели порядок, руководителей поставили новых, прокуратура и НКВД ведут следствие. Видел второй раз Крылову, передал ей благодарность и обещание ее наградить».

колхозы¹. В.П. Крылова с тревогой описывала политические настроения крестьян, намекая на «вредительскую» активность в районе: «Настроение у жителей, которые находятся в колхозах, деревнях, – плохое, мы проводим с ними беседу, они прямо говорят, что в узких пространствах Советского Союза творятся широкие антисоветские дела»².

Последнее замечание В.П. Крыловой об «антисоветских делах» совпало с интенцией политических верхов найти причины бедственного положения ряда районов Новосибирской области и Алтайского края во «вредительской» деятельности части работников местных организаций, ответственных за сельское хозяйство. По всей видимости, А.А. Андреев, отправляясь в Западную Сибирь, был сориентирован лично И.В. Сталиным провести работу совместно с местными органами НКВД по линии выявления «антисоветского элемента». Косвенным доказательством тому служит телеграмма А.А. Андреева И.В. Сталину по итогам поездки, в которой он в следующих выражениях описывал положение дел в Алтайском крае и Новосибирской области: «...Действительно *подтвердилось Ваше предположение* [Выделено нами. – С. Ш.] о наличии ранее рассаженных и еще неразоблаченных вредителей, главным образом в земельных органах»³. В целом порядок работы А.А. Андреева с органами НКВД и в Новосибирской области, и в Алтайском крае был одинаков. Ознакомившись по приезду с информацией органов НКВД о «засоренности» местных ответственных организаций «антисоветским элементом», А.А. Андреев фактически направлял деятельность «чекистов» по линии проведения арестов тех лиц, которые и должны были понести основную ответственность за провалы сельского хозяйства.

В Новосибирской области А.А. Андрееву пришлось убедить-ся в том, что положение требовало экстренного вмешательства. Наибольшие опасения вызывала ситуация в животноводстве: только за первые пять месяцев 1941 г. пало 12,4 тыс. голов лоша-

¹ РГАСПИ. Ф. 73. Оп. 2. Д. 35. Л. 22–26 об.

² Там же. Л. 22–26 об.

³ Там же. Д. 37. Л. 13.

дей, 39,2 тыс. голов крупного рогатого скота, 64,8 тыс. голов овец, 12 тыс. голов свиней. По отдельным районам общественный скот колхозов сократился на одну треть¹. Весенний сев 1941 г. из-за плохой работы МТС, вовремя не отремонтированных тракторы, был затянут. На 10 июня план сева был выполнен на 87,9 %, а по ряду районов засеяно только от половины до двух третей плана². Наблюдалось массовое бегство из Новосибирской области семей переселенцев. Из 15,6 тыс. крестьянских семей, переселившихся в 1940 г. в Новосибирскую область, за зиму 1940/41 г. уехало 6,6 тыс. семей³. Подтвердились факты продовольственных затруднений в ряде районов области, а также случаи голодных смертей и заболеваний по причине недоедания⁴.

В результате активной работы А.А. Андреева совместно с Управлением НКВД по Новосибирской области было выявлено три направления «вредительства»: умышленное уничтожение общественного скота, создание невыносимых условий для переселенцев, запутывание землепользования и учета земельных фондов. Последнее считалось одной из основных причин продовольственных затруднений в области. Так, якобы в результате «вредительской» деятельности работников областного земельного отдела (облЗО) в фонд колхозов были незаконно включены 518 тыс. га целинных и залежных земель, которые в 1940 г. были обложены обязательными зернопоставками⁵. Хлебозаготовительный план оказался завышенным, что и привело к нехватке продовольствия у самих колхозников.

В июне 1941 г. был арестован начальник управления животноводством Новосибирского облЗО Ю.Н. Голощاپов. Во время допроса 25 июня 1941 г. Ю.Н. Голощاپов не признал за собой «подрывной антисоветской работы», однако не снимал с себя ответственности за «катастрофическое состояние» животноводства

¹ РГАСПИ. Ф. 73. Оп. 2. Д. 35. Л. 1.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Л. 3.

области¹. При этом допрашиваемый полагал, что вместе с ним ответственность должны разделить областные руководители (первый секретарь Новосибирского обкома Г.Н. Пуговкин, третий секретарь обкома Ф.Д. Кузнецов, заведующий сельхозотделом обкома Ф.В. Елисеев, председатель облисполкома Г.Н. Годовицын, заведующий облЗО Г.Ф. Сизов). Показания Ю.Н. Голощапова интересны тем, что проливают свет на структурные проблемы управления данной отраслью сельского хозяйства области. По его словам, Новосибирский обком, облисполком и облЗО руководили животноводством «недостаточно и неконкретно, отделяясь принятием формальных декларативных решений»². Несколько раз Ю.Н. Голощапов сигнализировал о проблемах животноводства, о необходимости принятия экстренных мер, направленных на обеспечение колхозов кормовой базой и борьбу с распространением эпизоотических заболеваний. Однако все докладные записки были положены «под сукно».

В условиях начавшейся летом 1940 г. напряженной хлебозаготовительной кампании проблемы животноводства отходили на второй план. Как утверждает Ю.Н. Голощапов, на одно из обращений, сделанных в августе 1940 г. в связи с угрожающей нехваткой кормовой базы, председатель облисполкома Г.Н. Годовицын ответил: «Сейчас нужно заниматься хлебом, по вопросам заготовки кормов указания даны и больше никаких указаний давать не требуется»³. Когда Ю.Н. Голощапов обратился к секретарю обкома Ф.Д. Кузнецову, то получил схожую реакцию: «У нас не закончено с хлебопоставками, а поэтому возбуждать этот вопрос не можем и нецелесообразно»⁴.

Показания Ю.Н. Голощапова указывают на одну из негативных черт системы управления сельским хозяйством на региональном уровне. Централизация этой системы лишала ее гибкости, когда обком и облисполком в условиях многозадачности

¹ РГАСПИ. Ф. 73. Оп. 2. Д. 35. Л. 129–149.

² Там же. Л. 130.

³ Там же. Л. 136.

⁴ Там же. Л. 137.

занимались теми направлениями работы, которые считались приоритетными и не требующими отлагательств (в сельском хозяйстве – это хлебозаготовки, которые начинались во второй половине года), оставляя другие вопросы на периферии внимания.

В связи с проблемой бегства переселенцев, ранее прибывших в Новосибирскую область, был арестован заместитель начальника областного переселенческого отдела С.П. Пулькин. С.П. Пулькин признал себя виновным в «антисоветской деятельности», цель которой – «сорвать и дискредитировать работу по переселению»¹. Даже если усомниться во «вредительских» помыслах С.П. Пулькина, его показания вскрывают ряд проблемных мест в работе переселенческого отдела. Во-первых, планы переселения не соответствовали располагаемому фонду жилья, которого оказалось недостаточно. Так, из числа прибывших в 1940 г. не было вселено в заранее подготовленные дома 3573 семьи, которые ютились во временно отведенных квартирах, зачастую не приспособленных для жилья. Во-вторых, задерживалась выдача продовольственных и денежных ссуд, в результате чего колхозники-переселенцы зачастую оставались без хлеба или не получали средств на обзаведение хозяйством. Таким образом, переселенцы оказывались в таких условиях, которые вынуждали их возвращаться к прежним местам жительства.

Наконец, по линии «вредительства» в сфере землепользования были арестованы работники управления землеустройства облЗО: начальник управления К.Н. Вьюков, главный инженер Б.И. Агроскин, старший инженер-землеустроитель Н.И. Лукьянов. Если К.Н. Вьюков на допросе 25 июня 1941 г. отказался признать себя виновным во вредительстве², то Б.И. Агроскин и Н.И. Лукьянов дали признательные показания³. Их вредительство, как следует из показаний, заключалось в умышленном саботаже работ по введению севооборота, составлении фиктивной отчетности, а также запутывании учета земель и неправильном определении площадей

¹ РГАСПИ. Ф. 73. Оп. 2. Д. 35. Л. 76–84.

² Там же. Л. 160–163.

³ Там же. Л. 85–103, 151–159.

облагаемых земельных фондов колхозов. Последнее привело к тому, что колхозам Новосибирской области в 1940 г. были спущены завышенные планы обязательных зернопоставок.

Завышенное податное обложение Новосибирской области, как уже отмечалось, стало главной причиной продовольственных затруднений в колхозах. Об их масштабах косвенно свидетельствуют материалы перлюстрации писем, осуществлявшейся органами НКВД, которые подвергали контролю 5–6 % всей корреспонденции, проходящей через Новосибирский почтамт. Как следует из докладной записки, поступившей к А.А. Андрееву, органами НКВД было установлено 621 письмо, в котором отправители сообщают родственникам и знакомым о голоде в ряде колхозов Новосибирской области, а также о тяжелом продовольственном положении в самом городе Новосибирске¹. Следствием ухудшения материального положения крестьянства стало распространение резко критических по отношению к советской власти мнений. В докладной записке исполняющего обязанности заместителя областного прокурора Назарюка от 22 марта 1941 г. отмечалось, что на указанную дату по области находилось в производстве около 80 дел, заведенных по ст. 58 п. 10 УК РСФСР («Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений»)².

Вывод, который сделал А.А. Андреев из анализа обстановки, сложившейся к лету 1941 г. в Новосибирской области, заключался в том, что местное руководство не справилось с задачами управления. В телеграмме И.В. Сталину А.А. Андреев дал следующую оценку местным властям: «Очень плохо выглядело руководство Новосибирского обкома и облисполкома. Распущенность и отсутствие власти, многочисленные жалобы работников: “толку и окончательного решения вопроса от обкома и Пуговкина нельзя добиться”»³. С подачи А.А. Андреева в июне 1941 г.

¹ РГАСПИ. Ф. 73. Оп. 2. Д. 35. Л. 67.

² ГАНО. Ф. П-4. Оп. 5. Д. 359. Л. 258.

³ РГАСПИ. Ф. 73. Оп. 2. Д. 37. Л. 14.

был заменен весь высший управленческий кадровый состав Новосибирской области: сняты с должностей первый секретарь Новосибирского обкома Г.Н. Пуговкин¹, заведующий облЗО Г.Ф. Сизов², председатель облисполкома Г.Н. Годовицын³, заместитель председателя облисполкома Ф.Д. Кузнецов⁴, который, будучи ранее третьим секретарем обкома, непосредственно отвечал за руководство сельским хозяйством.

Поездка А.А. Андреева в Западную Сибирь показательна как пример взаимодействия центральной власти и региона, переживавшего острые хозяйственные затруднения. Последние, в случае Новосибирской области, были вызваны главным образом усилением заготовительного «пресса» со стороны государства. Однако власть предпочла списать вызванные такой политикой проблемы на результат «вредительской» деятельности «антисоветских сил» и частично возложить ответственность на региональное руководство, которое проявило слабость и не справилось с возложенными обязанностями.

Список литературы

1. Рынков В.М. Методы и результаты проведения хлебозаготовительной кампании 1940–1941 годов в Новосибирской области // Сибирь в XVII–XX веках: проблемы политической и социальной истории: Бахрушинские чтения 1999–2000 гг.: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. В.И. Шишкина; Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2002. С. 157–176.

2. Политика раскрестьяничания в Сибири: хроникально-документальный сборник. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2002. Вып. 2: Формы и методы централизованных хлебозаготовок. 1930–1941 гг. 253 с.

3. Ильиных В.А. Налогово-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х – начало 1950-х гг. Новосибирск: ГУП РПО СО РАСХН, 2004. 167 с.

¹ РГАСПИ. Ф. 73. Оп. 2. Д. 35. Л. 11.

² ГАНО. Ф. П. 4. Оп. 33. Д. 373. Л. 6–11.

³ Там же. Л. 19.

⁴ Там же. Л. 18.

А.Е. Чайковский, Н.А. Родина

Советская печать периода Великой Отечественной войны о русском национальном характере

A.E. Tchaikovsky, N.A. Rodina

Soviet Press of the Period of the Great Patriotic War on the Russian National Character

Аннотация. В год празднования 75-летия победы в Великой Отечественной войне усилились попытки переписать историю, вычеркнув из нее решающий вклад нашей страны в победу, обвинить СССР в развязывании Второй мировой войны. Делаются также попытки вывести причины агрессивности русских из самой сути их национального характера. Поэтому представляется актуальным вопрос о том, как в советской периодической печати в годы войны трактовались его особенности. В статье на материалах периодической печати (журналы «Смена», «Работница», «Крокодил») периода Великой Отечественной войны авторы показывают освещение в СМИ особенностей русского национального характера.

Ключевые слова: печать; Великая Отечественная война; культура; литература; писатели; дискуссии; политические деятели; русский национальный характер.

Дискуссии об особенностях русского менталитета, русском характере в исследованиях «советологов» и «русистов» перманентны. Русским пытаются приписать исконную агрессивность, вытекающую из их ментальности.

Особенно эти попытки усилились в год празднования 75-летия победы в Великой Отечественной войне. Целый ряд историков и политических деятелей Запада пытаются переписать историю, вычеркнув из нее решающий вклад нашей страны в победу, обвинить СССР в развязывании Второй мировой войны. В связи с этим будет интересно обратиться к тому, как в советской периодической печати военного времени трактовались особенности национального характера.

«Национальная гордость великороссов», в интерпретации СМИ, базируется на примерах храбрости и стойкости представи-

телей нашей нации, защиты не только своей страны, но и отстаивании свободы других народов.

Говоря об истоках национального характера, средства массовой информации обращались к серьезным научным исследованиям. Например, в журнале «Смена» освещались научные дискуссии о происхождении и особенностях развития русского характера и русского государства. В № 10 за 1944 г. помещена статья академика Б. Грекова «Образование русского государства», в которой он полемизирует с «норманистами», утверждая, что славяне обладали основами государственности, базирующейся на особом укладе их жизни и особенностях национального характера задолго до призвания варягов¹.

Под рубрикой «Беседы с читателями» А.Н. Толстой, в рассказе о своей работе над третьей частью романа «Петр I», особо подчеркивает неизменную воинскую доблесть русских в сражениях Северной войны².

Стойкость и доблесть свойственна не только воинам, но даже тем, кто в силу своих физических особенностей, казалось бы, не может демонстрировать этих качеств, подчеркивает журнал «Смена», помещая на своих страницах картину С. Герасимова «Мать партизана»³.

Для печати периода Великой Отечественной войны было характерно обращение к авторитету русских писателей и поэтов, и это не случайно. Не зря сказано: «Поэт в России больше, чем поэт!» Так, в «Смене» в № 9 и 10 за 1943 г. помещена целая подборка высказываний о русском характере, отличительной чертой которого является чувство высокого патриотизма. Цитируются строки А.С. Пушкина, А.И. Герцена, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, М.Е. Салтыкова-Щедрина.

Отмечая эту черту, А.И. Герцен писал: «...народ этот убежден, что у себя дома он непобедим. Эта мысль лежит в глубине сознания каждого крестьянина, это его политическая ре-

¹ Смена. 1944. № 10. С. 10–11.

² Смена. 1944. № 4. С. 15.

³ Смена. 1944. № 6. Вставка.

лигия... Умирая на поле битвы “за белого царя и пресвятую богородицу”, – как он говорил, – он умирал на самом деле за неприкосновенность русской территории»¹. Эта особенность отражена и в словах известной советской песни, авторами которой были братья Покрасс и Б.С. Ласкин: «Чужой земли мы не хотим ни пяди, но и своей вершка не отдадим!».

Истоки русского характера пытается выявить Н. Яковлев в публикации «Великие предки советских воинов», обращаясь к фигурам А. Невского, Дм. Донского, К. Минина и Дм. Пожарского².

Отражение особого отношения к своей земле авторы заметок в прессе видят в творчестве русских литераторов. Так, статья выдающегося литературного критика В.Б. Шкловского о пейзаже в стихах М.Ю. Лермонтова и рассказах И.С. Тургенева призвана показать влияние природы средней полосы России на формирование мировосприятия россиянина. В комментариях к снимкам с полей сражений критик с долей сарказма замечает, что немцы не вписываются в русский пейзаж даже могилами (на фотографии вода смывает немецкие захоронения)³.

Примером проявления стойкости русского человека служила личность Николая Островского. Несомненно, большое влияние на читателя имел материал, названный «О мечте», в основе которого лежала беседа с писателем корреспондента «Комсомольской правды»⁴.

Пример Н. Островского, А. Маресьева и им подобных, благодаря трансляции через СМИ, вдохновлял на подвиг сотни тысяч патриотов.

Через СМИ пропагандировалась и еще одна черта, свойственная русскому характеру: самоотверженность во имя общего дела. Люди, работавшие в тылу, недоедавшие, недосыпавшие, падавшие с ног от усталости, делились с фронтовиками последним.

Характерно в этом плане обращение секретаря ЦК ВЛКСМ Н. Михайлова к И.В. Сталину: «...Комсомольцы и молодежь

¹ Смена. 1943. № 9-10. С. 14.

² См. Работница. № 2. С. 12–13; № 3. С. 14–15; № 5. С. 10–11.

³ Смена. 1943. № 11-12. С. 8–9.

⁴ Смена. 1943. № 18. С. 5.

Советского Союза готовы пойти на все для выполнения поставленной Вами перед советским народом цели – освободить советскую землю от немецко-фашистских мерзавцев, отстоять честь, свободу, независимость нашей Родины». Тут же опубликован ответ И.В. Сталина: «Передайте комсомольцам, молодежи, пионерам и школьникам, собравшим 181 657 428 рублей на строительство вооружений для Красной Армии, продовольствие и подарки для бойцов и партизан – мой горячий привет и благодарность Красной Армии, мои пожелания им успехов в работе. И.В. Сталин»¹.

«Смена» широко и эффективно использует зрительный ряд с целью демонстрации читателям образцов храбрости, стойкости и отваги наших воинов. Примером может служить картина В. Серова «Балтийский десант», помещенная на вставке журнала в сдвоенном номере за 1944 г.²

На вклейке, в другом сдвоенном номере (11-12) за 1944 г., помещена живописная серия со шкатулки палехского мастера Н. Зиновьева, наглядно демонстрирующего ратную доблесть русских. Начинается она с сюжетов побоища на Чудском озере и кончается рядом изображений подвигов воинов Красной армии в Великой Отечественной войне³.

Национальный характер начинает формироваться в семье. Журнал «Смена» проводит мысль о том, что именно здесь закладываются его основные черты. В качестве иллюстрации можно привести большую статью Льва Успенского «Я горжусь своим родом». Он считает, что русский национальный характер выковывался на протяжении веков. Храбрость и отвага в рукопашном бою была характерна еще для жителей древнего Новгорода, и эти качества сохранились до наших дней, автор ссылается на А.С. Пушкина, который повествует о своей родословной⁴.

Лев Васильевич подчеркивает, что именно род, семья – основа народа, именно здесь формируется менталитет нации. Он утверждает: «Каждый молодой человек должен знать и

¹ Смена. 1943. № 1-2. Обложка.

² Смена. 1944. № 7-8. Вставка.

³ Смена. 1944. № 11-12. Вклейка.

⁴ Смена. 1943. № 17. С. 5.

помнить свои корни, чтобы мог сказать: “Мои предки столетиями защищали Родину от врагов и создавали мое государство. Я буду таким же бесстрашным и трудолюбивым! Я горжусь моими предками – мои потомки будут горды мной!”»¹.

Русские всегда были нацией воинов, славились этим издревле, умели побеждать. Эта мысль лежит в основе заметки полковника М. Лютковского «Русские умеют наступать» в журнале «Смена». Здесь прослеживается история побед русского оружия, начиная со Святослава. Упоминаются имена А. Невского, Дм. Донского, Петра I, А.В. Суворова, победы под Кунерсдорфом и взятие в 1760 г. русскими Берлина².

Для иностранцев даже в советское время житель СССР воспринимался как «русский», и это было справедливо, поскольку русские были титульной нацией, основой культуры Советского Союза была русская культура, а государственным языком был русский язык. В этом ключе идут высказывания о победах СССР и его армии политических деятелей и писателей Запада, Изложены мнения Ф. Рузвельта, У. Черчилля, Томаса Манна, Эрскина Колдуэлла, Дж.Б. Пристли и др.

Ф. Рузвельт, например, отмечает: «Самыми крупными и самыми значительными событиями во всей стратегической обстановке 1942 г. были события, разыгравшиеся на фронтах *России* (выделено нами. – А. Ч., Н. Р.): это, во-первых, непоколебимая оборона Сталинграда, а во-вторых, наступление *русских* (выделено нами. – А. Ч., Н. Р.) армий»³.

Журнал «Смена» постоянно обращается к вопросу о чертах русского характера, особенностях русской ментальности, которые не в состоянии понять его противники и поэтому они терпят поражение за поражением.

Характерно то, что вопросы коммунистической идеологии, противостояния старой и новой России отходят здесь на второй план. Особенно рельефно это отражено в рецензии З. Кедринной

¹ Смена. 1943. № 17. С. 6.

² Там же. С. 7.

³ Смена. 1943. № 7-8. С. 15.

на книгу Ильи Сельвинского «Генерал Брусилов». Обращает на себя внимание точно выписанное противостояние А.А. Брусилова и немецкого полководца Людендорфа. Критик подчеркивает, что если в столкновении с Брусиловым Людендорф терпит поражение, то это происходит благодаря немецкому высокомерию, мешавшему ему понять, что перед ним противник с психологией, неизмеримо более богатой и сложной, чем его собственная. Перед ним русская натура, русский характер. Людендорф, по его признанию, поздно осознает это: «Я исходил из мироощущения любого нормального человека в его положении. Я задал себе вопрос: к чему старику губить свою карьеру? Ответ мог быть только один: ни к чему! Но я упустил из виду, что Брусилов – русский. Русские – странный народ».

Автор рецензии делает справедливое заключение: «Благо всего народа – вот личный интерес каждого русского. Поэтому русские всегда побеждали и будут побеждать своих врагов»¹.

Особенность русских – соборность. Л.Н. Толстой писал, что суровая природа заставляла славянское население действовать совместно. Выживать можно было, по выражению Толстого, «только роем».

Печать использовала и пропагандировала эту черту русского характера. С середины 1943 г. в журнале «Смена» появляется все больше материалов о восстановлении народного хозяйства, разрушенного оккупантами. В номере семнадцать за 1943 г. целый разворот посвящен ударному труду молодежи, приехавшей со всех концов страны восстанавливать Сталинград.

Журнал повествует о благородном порыве молодежи Горького, Иванова, Архангельска, Нижнего Тагила. Например, в сдвоенном номере за апрель-май 1943 г. сообщается, что молодые рабочие Нижнего Тагила отремонтировали в неурочное время и отправили в Сталинград пятнадцать токарных и фрезерных станков, два вагона строительных материалов и сорок тонн чугунного литья².

¹ Смена. 1943. № 13-14. С. 16.

² Смена. 1943. № 7-8. С. 16-17.

В журнале «Крокодил» также содержатся рассуждения о преемственности, традициях и чертах русского характера, обычно подаваемые, в силу формата печатного органа, в юмористической форме. Например, частушки, принадлежащие перу известного поэта Н. Александровича¹.

В средствах массовой информации периода Великой Отечественной войны самым распространенным и доступным из которых была периодическая печать, можно найти еще множество примеров обращения к особенностям русского национального характера для усиления воздействия на читателя и формирования у него чувства патриотизма, любви к Отечеству и стойкости в борьбе с врагом.

На основании вышеизложенного, можно сделать следующие выводы:

- сегодня, когда Россия и ее история подвергается многочисленным нападкам со стороны западных средств массовой информации, особенно актуальное значение приобретает опыт работы периодической печати в годы Великой Отечественной войны, поскольку именно тогда она была особенно эффективна как инструмент идеологической работы;

- методы и формы работы печати военного периода необходимо изучать и использовать в современных условиях;

- изучение и пропаганда лучших черт национального характера способствуют сплочению нации.

¹ Крокодил. 1943. № 42-43. С. 4.

**Демьян Бедный и Окна ТАСС.
Поэт в годы Великой Отечественной войны***

M.L. Fedorov

**Demyan Bedny and Windows TASS.
Poet During the Great Patriotic War**

Аннотация. В статье (в т.ч. и на неопубликованных архивных материалах) рассказывается о возвращении в литературу в период Великой Отечественной войны известного пролетарского поэта Демьяна Бедного. Пережив целый ряд опал, связанных сначала с постановкой его пьесы «Богатыри» в Камерном театре, а затем с несостоявшейся публикацией памфлета «Борись или умирай», поэт в годы войны доказывает властям свою благонадежность. Особенно много работает он в знаменитых «Окнах ТАСС» – уникальном феномене советской культуры времен Великой Отечественной войны. В этот период Демьян Бедный пишет агитационные пьесы и для театра. В статье рассказывается история одной из них «Пришили немцу пуговицу!», сохранившейся в архиве поэта в Отделе рукописей Института мировой литературы.

Ключевые слова: Демьян Бедный; Окна ТАСС; Великая Отечественная война; патриотизм; агитационная литература; архив; памфлет; сатира; театр; история текста.

Демьян Бедный и Демьян Боевой – два псевдонима известного пролетарского поэта Ефима Алексеевича Придворова. Ему свойственно было мистифицировать свою биографию, распространять, например, слухи о своем великокняжеском происхождении. Появление псевдонима – одно из проявлений этой склонности. История первого и самого известного его псевдонима (Демьян Бедный) связана, согласно канонической, закреплённой советскими биографами версии, с дядей Ефима, Демьяном, который от бедности и нелегкой доли ушел на зара-

* Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ № 18-012-00445 «Демьян Бедный и советский театр 1920–30-х годов».

ботки в донские края. Поскольку в этих скитаниях на протяжении двадцати лет он богатства не нажил, в деревне его стали называть «Демьяном-бедным». И поэт в память об этом родственнике избрал себе такой псевдоним. Есть и другая (тоже вполне официальная) версия: в 1911 г. «Звезда» опубликовала стихотворение Ефима Придворова «О Демьяне Бедном, мужике вредном», и с тех пор его так и стали называть.

Демьян Боевой – псевдоним, которым поэт подписывал произведения, созданные в период Великой Отечественной войны. Семантика имени не только отсылает к теме посильного, литературного участия поэта в войне, но и сигнализирует появление нового Демьяна Бедного, усвоившего драматические уроки прошлого, признавшего свои ошибки и промахи, прошедшего через трагические для него 1930-е гг. Как известно, в это время за идеологические промахи поэт был исключен из партии и из Союза писателей.

Сначала это было связано с кампанией по разгрому спектакля «Богатыри», поставленного по пьесе Демьяна Бедного в 1936 г. в Камерном театре. Власти на самом высоком уровне усмотрели в постановке намеренное издевательство над отечественной историей, над национальным эпосом и героями русской старины.

Через год поэт совершил еще одну ошибку, написав стихотворение «Борись или умирай», в котором немецкий рабочий Конрад Роткемпфер, от чьего лица велось повествование, сравнивал страну под властью нацистов с дантовым адом. Своего имени Демьян Бедный под памфлетом не поставил, а подписался «Конрад Роткемпфер». Стихотворение оказалось достаточно смелым, поскольку не составляло никакого труда в описаниях фашистских беззаконий увидеть советскую действительность сталинского времени. И сначала главный редактор «Правды» Л. Мехлис, а позже и лично Сталин именно это и прочитали в описываемой поэтом германской жизни.

Сохранились слова Сталина: «Передайте этому новоявленному «Данте», что он может перестать писать». После этого пролетар-

ского поэта перестали печатать, а в июле 1938 г. его, старого большевика и близкого друга Ленина, исключили из партии.

Шестерка Союза советских писателей на заседании от 9 августа 1938 г., следуя указаниям властей, поставила вопрос об исключении «морально и политически разложившегося» поэта и из Союза советских писателей (ССП). А.А. Фадеев в своем выступлении вспомнил о «Богатырях» как о «вещи, в которой он (автор. – М. Ф.), в сущности, вольно или невольно, но твердо проводил идеологию фашистов, пытался опорочить народных героев прошлого, дал неверное описание русской истории»¹. Сохранилась выписка из протокола заседания президиума ССП от 9 августа 1938 г.: «Слушали: о Демьяне Бедном. Постановили: исключить Демьяна Бедного из Союза советских писателей как человека морально и политически разложившегося, дискредитирующего звание советского писателя»².

Демьян Бедный пробовал вернуться в литературу. За несколько дней до 1 мая 1939 г. из редакций многих центральных газет стали раздаваться звонки с просьбами к поэту дать стихи для первомайских номеров. Он написал праздничные стихотворения и выслал, но в «Правде» своих стихов не обнаружил. Не было их и в других газетах. Через месяц поэт узнал, что было дано указание заказать ему стихи для праздничного номера, а потом за день до выхода в свет номеров запретили печатать Демьяна Бедного.

Первым произведением пролетарского поэта, появившимся в печати с начала Великой Отечественной войны, было стихотворение «Партизаны, вперед!» (заключительная часть повести «Степан Завгородний»). Со дня его опубликования, т.е. с 13 июля 1941 г., поэт регулярно выступал на страницах газет – центральных, периферийных и фронтовых – на протяжении всего периода войны.

Работа эта протекала в трудных условиях. В середине октября 1941 г. по решению Союза писателей Демьян Бедный был эваку-

¹ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 271. Л. 18.

² Там же. Ед. хр. 309. Л. 83.

ирован в Казань. Это ухудшило его связь с центральной печатью, но не уменьшило интенсивности общественной и литературной работы. Поэт сотрудничал с газетами волжских городов (Казань, Куйбышев), подготовил первый сборник своих военных стихов («Наша сила»), выступал в Казани на собраниях агитаторов, участвовал в радиопередачах. Не прекратилась публикация его произведений и в Москве.

Демьян Бедный по природе своего дарования был литератором-газетчиком: его произведения печатались нередко в один день с фронтовой оперативной сводкой или с газетной хроникой, послужившей ему материалом для стихов. Слова его приветствий освободителям городов звучали порою вместе с орудийными салютами.

В годы войны поэту представилась возможность не только послужить на благо Отечеству, но и напомнить обидчикам о своей роли в Гражданской войне, которая стала для него временем не только творческой зрелости, но и ни с чем не сравнимой популярности.

Его друг В.Д. Бонч-Бруевич вспоминал: «...творчество его дало возможность в гражданскую войну перековывать целые дивизии Врангеля, которые, после прочтения посланий Демьяна Бедного, переходили на сторону Красной Армии и лупили всех предателей, помещиков и капиталистов самым лучшим образом, за что Демьян Бедный получил от нашего Правительства и партии высокие знаки орденских наград. Это никогда никому не надо забывать»¹.

В тот период тиражи его произведений были огромны: их общее количество достигало двух миллионов, что значительно превосходило тиражи у самых популярных писателей того времени – Маяковского и Горького². Только за три года Граж-

¹ РО РГБ. Ф. 1059. Ед. хр. 183. Л. 32–33.

² «По справке, любезно мне предоставленной директором Ленинской Государственной (бывшей Румянцевской) библиотеки тов. А. Виноградовым, сочинения Пушкина, популярнейшего из русских поэтов, за время с 1855 года до 1922 года включительно вышли в свет в количестве 1 500 000 экземпляров. Прибавим еще хоть с ¼ миллиона на неучтенные издания, хотя такого пробела допустить нельзя.

данской войны напечатано было сорок пять книжек Демьяна Бедного.

Одно из главных направлений деятельности Демьяна Бедного в годы Великой Отечественной войны – участие в создании знаменитых «Окон ТАСС». Вместе с другими поэтами – С. Михалковым, А. Жаровым, С. Маршаком, С. Щипачевым, С. Кирсановым, В. Лебедевым-Кумачом – и в сотрудничестве с лучшими художниками того времени он участвует в создании этих плакатов (в архиве поэта хранится телеграмма от 27 апреля 1942 г., в которой А. Фадеев от имени руководства ТАСС и Президиума Союза писателей СССР подчеркнул важность участия Демьяна Бедного в этой работе).

За годы войны вручную было создано 1250 плакатов, и первый был выпущен 27 июня 1941 г. Они тиражировались не типографским способом, а вручную с помощью трафаретов. Более 80 поэтов и 130 художников были привлечены к этой работе. Демьян Бедный участвовал в создании свыше сотни «Окон ТАСС», и именно здесь родился его новый псевдоним – Демьян Боевой.

Поэт воспользовался возможностью доказать партии и лично Сталину, что он осознал прошлые промахи, исправил ошибки. Его стихотворения теперь наполнены героическими образами прошлого России: бойцов Красной армии он вдохновляет подвигами Александра Невского и Дмитрия Донского, Суворова и Кутузова. Так, в стихотворении «Помянем, братья, старину!» поэт вспоминает Куликовскую битву. Иллюстрацию к нему сделал художник П. Соколов-Скаля. Плакат состоял из двух рисунков: на первом изображена Куликовская битва, на втором – танковый бой с гитлеровцами на Дону. В стихотворении «Русская

Получится менее двух миллионов экземпляров за столько десятилетий. Такого огромного распространения, бесспорно, не имел ни один русский писатель. Да и трудно ожидать большой читаемости в безграмотной стране. Однако мы подсчитали, что произведения Демьяна Бедного только за 5 лет (1917–1922) вышли в 5 000 000 экземпляров, не считая при этом газет. Если же сосчитать № № газет, в которых печатались его произведения, то получится цифра, измеряемая десятками миллионов, ибо он печатался одновременно во всех столичных газетах и перепечатывался провинциальными» [1, с. 14].

женщина» художником выступил П. Алякринский, который создал плакат из четырех рисунков, изображающих русскую женщину в период Отечественной войны 1812 г., затем в период Севастопольской обороны 1854–1855 гг., далее – во время Гражданской войны и, наконец, под Сталинградом в 1942 г.

Значение этих работ было огромным, поскольку они получили широкое распространение и поддерживали боевой дух советских солдат. Большая их часть пересекала линию фронта и распространялась в глубоком немецком тылу: их можно было увидеть на танках, самолетах, иногда в ярости фашисты их расстреливали. Политуправление Красной армии наиболее популярные листовки выпустило на немецком языке, в них указывалось, что они могут служить пропуском немецким солдатам и офицерам для сдачи в плен.

Безусловно, являясь ежедневной иллюстрированной газетой, они продолжали сатирическую линию знаменитых «Окон сатиры РОСТА», но и имели свою специфику. В условиях военного времени изменилось их назначение: наряду с сатирическим они сочетали в себе агитационный и, что особенно важно, героический характер. Как отмечает один из исследователей: «Можно выделить три направления в изобразительном контенте плаката того периода: стремление многих художников «Окон», как и в печатном плакате, к созданию монументально-обобщенных образов, широко используя условные приемы плакатного искусства; тяготение к более конкретной, живой передаче жизненных фактов, соединяя это с плакатным обобщением; предпочтение плакату повествовательному или плакату-картине» [2, с. 19].

В большинстве своем произведения Демьяна Бедного для «Окон ТАСС» имели сатирический характер. В стихотворении поэта «Неизлечимо больной, или издыхающий Гитлер» художник Б. Ефимов изобразил больного Гитлером и бегущих из Вены фашистов. Бегство это было вызвано успешным продвижением советских войск по территории Венгрии, освобождаемой от фашистского ига. Тот же Б. Ефимов в стихотворении Демьяна Бедного «Последняя ставка, или берлинское происшествие в ночь под рождество 1944» изобразил де-

да, схваченного эсэсовцем и доставленного к гитлеровскому министру пропаганды Геббельсу; у последнего над столом табличка: «Сверхтотальная мобилизация. Предельный возраст 65 (зачеркнуто), 85 (зачеркнуто), 105 лет». Написано оно было в связи с серией «тотальных» (чрезвычайных, всеобщих) мобилизаций, проведенных в 1943–1944 гг. гитлеровским командованием, гнавшим на войну инвалидов и стариков. С Б. Ефимовым Демьян Бедный работал особенно много. Вместе с ним в 1945 г. незадолго до Победы создал несколько произведений. В стихотворении «С той и с этой стороны» Б. Ефимов изобразил взбешенного Гитлера и рядом карту, на которой были отмечены удары советских войск в направлениях Данцига и Кенигсберга. А в стихотворении «Создатель «тысячелетнего рейха»» художник изобразил Гитлера, потрясенного гибелью фашистского «рейха», вдали – на горизонте – огни московских салютов. Гитлер появляется и в стихотворении «На всякий случай...»: фюрер держит в руках «Самоучитель харакири», а Геббельс показывает ему на карте направление ударов советских войск.

Популярность «Окон ТАСС» была столь велика, что даже во время войны устраивались выставки этих плакатов. Одну из них посетил Демьян Бедный и записал в качестве отзыва четверостишие:

Поэт с художником за честь
Считают послужить народу,
Я очень счастлив тем, что есть
Тут и моих три капли меду [3, с. 451].

Помимо «Окон ТАСС» Демьян Бедный написал целый ряд стихотворных агиток для листовок и плакатов, которые выпускались на предприятиях Москвы, выполнявших фронтовые заказы (завод «Серп и молот», Автозавод). Пишет Демьян Бедный и агитационные пьесы для театра. Они во многом повторяют то, что поэт с таким успехом писал в 1920-е гг., когда он стоял у истоков создания в стране уникального сценического феномена – агитационного театра.

Одна из таких пьес отложилась в фонде Демьяна Бедного в ОР ИМЛИ. Поэт назвал ее «Пришили немцу пуговицу!», и автором она не датирована. Но, как и большинство драматургиче-

ских произведений поэта, эта пьеса в качестве источника имеет одноименное стихотворение Демьяна Бедного «Пуговица», которое в свою очередь было написано на основе публикации А. Сидельникова «Пуговица» в газете «Тамбовская правда» от 9 января 1944 г. № 7 (3899). Статья была прислана Демьяну Бедному и сохранилась в его архиве. Поскольку в мае 1945 г. поэта не стало, скорее всего, пьесу можно датировать концом 1944 – началом 1945 г. Пьеса построена схематично, напоминает «Боевые киноборники», которые в период войны регулярно снимались. Во многом ее можно рассматривать и как продолжение работы Демьяна Бедного в «Окнах ТАСС». К концу жизни, в период Великой Отечественной войны, в его драматургии, как и в ранние годы, преобладает плакатность и агитационность. Пьеса «Пришили немцу пуговицу» приобретает политическую заостренность, в ней сочетаются героика и сатирическое начало. Это отвечает общей тенденции эволюции поэта. От фельетона в 1920-е гг. он переходит к комической поэме – гротескной, острой. В конце же жизни возвращается к агитке и плакату.

Во время Великой Отечественной войны вслед за первой книгой стихов – «Наша сила», изданной в 1942 г., Демьян Бедный выпустил вторую – «Несокрушимая уверенность» (1943). Третья книга – «Слава» была подготовлена весной 1945 г., к печати она была подписана уже после смерти поэта. Еще в 1943 г. он писал уральскому фольклористу А.А. Пьянкову: «Писать об Урале, пожить на Урале мне уже не придется. Я и с этим примирился. Дожить бы до полного изничтожения гитлеровской сволочи – и с меня хватит» [4, с. 473]. Мечта поэта сбылась: вместе со всем народом он встретил Великую Победу и посвятил ей несколько стихотворений. В одном из них он писал:

Как радостно звенят сегодня голоса!
Как солнце щедро шлет в столице, в селах, всюду
Весенний яркий свет восторженному люду!
Победный алый стяг взметнувши в небеса.
Ликует Родина. Живой воды роса
Упала на ее поля, луга, леса.

Победной гордостью полны – ее обличье,
Ее могучая краса,
Ее суровое величье!
Как многоцветен, как богат ее убор!
В победно-радостный, единый братский хор
Слилось народностей ее многоязычье! [5, с. 162].

Вскоре после Великой Победы его не стало.

Список литературы

1. *Сосновский Л.* Вступительная статья // Бедный Демьян. Полное собрание сочинений. М.; Л.: Гос. изд-во, 1925. Т. II. 367 с.
2. *Ерошкин В.Ф.* Плакаты «Окон ТАСС» в период Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война: экономика, политика, общество, культура. Омск, 2015. С. 19.
3. Острое перо: Стихи советских поэтов в центральных «Окнах ТАСС» // Литературное наследство. Советские писатели на фронтах Великой Отечественной войны. Кн. 1. Т. 78. М.: Наука. 1966. С. 444–462.
4. *Бедный Д.* Собр. соч.: в 8 т. М.: Худ. лит-ра. 1965. Т. 8. 615 с.
5. *Бедный Д.* Избранное. М.: Гос. изд-во детской лит-ры, 1952. 223 с.

Н.А. Куперштох

**Вклад ученых Сибири в дело Победы:
о первой научной сессии Западно-Сибирского филиала
АН СССР 1945 года**

N.A. Kupershtokh

**Contribution of the Scientists of Siberia to the Victory:
About the Scientific Session of the Western-Siberian Branch
of the AS USSR 1945**

Аннотация. В статье раскрывается большой вклад в дело Победы ученых нашей страны. Источники для изучения их деятельности по созданию оборонного потенциала разнообразны, однако до сих пор не введены в достаточной мере в научный оборот. Это материалы I сессии Западно-Сибирского филиала АН СССР, проведенной в Новосибирске 10–13 мая 1945 г. Хотя сессия была приурочена к 220-летию Академии наук СССР, в докладах ее участников центральной темой стал анализ научных достижений и открытий в годы войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; Академия наук СССР; Западно-Сибирский филиал; научная сессия 1945 г.; академик А.А. Скочинский.

Событие, которому посвящена статья, нельзя рассматривать вне широкого исторического контекста. I сессия Западно-Сибирского филиала (ЗСФ) АН СССР 1945 г. – важная веха в истории первого академического центра Сибири. Предпосылки организации и деятельность ЗСФ АН СССР изучали Е.Т. Артемов, Н.А. Дедюшина, С.А. Красильников, Н.А. Куперштох, В.А. Ламин, Т.Н. Осташко и др. Совокупный историографический задел позволяет не только воссоздать историю Западно-Сибирского филиала АН СССР за весь период его существования (с 1943 по 1958 г.) [1], но и проследить биографии инициаторов его создания – академиков А.А. Скочинского, Л.Д. Шевякова и др. [2; 3]. Однако такое событие, как I сессия ЗСФ АН СССР пока не получило освещения в

историографии. Цель данного исследования: проанализировать обстоятельства, в которых стало возможным проведение сессии; изучить тематику докладов и их значимость для экономики региона; охарактеризовать направления исследований, проводимых учеными филиала в первые годы его существования.

Источниковой базой для подготовки доклада послужили документы Научного архива Сибирского отделения РАН, сосредоточенные в фонде Западно-Сибирского филиала АН СССР. Документы научной сессии ЗСФ 1945 г. включают объемный массив: повестку заседания, списки приглашенных участников, стенограммы докладов, дискуссии по важнейшим научным проблемам, рекомендации сессии и т.д.

Напомним читателю, в силу каких обстоятельств советское правительство в самый разгар войны (октябрь 1943 г.) решило создать первый в Сибири филиал Академии наук СССР. Как известно, Комиссия АН СССР по мобилизации ресурсов Урала на нужды обороны страны во главе с академиком В.Л. Комаровым, созданная в августе 1941 г., расширила свою деятельность также на Западную Сибирь и Казахстан. Работа этой комиссии на территории Западной Сибири наиболее активно протекала в 1942–1943 гг. Комплексные выездные бригады Комиссии В.Л. Комарова оказались наиболее мобильной формой деятельности ученых в годы войны. В своей работе они опирались на потенциал региональных вузов и НИУ, комитеты ученых. Работа в Комиссии В.Л. Комарова академиков А.А. Скочинского, Л.Д. Шевякова и др. сыграла важную роль в кооперации регионального научно-образовательного потенциала для решения важнейших оборонных задач. Это позволило выработать концепцию и наметить основные направления исследований первого академического филиала Сибири.

В 1943 г. СНК СССР постановил учредить Западно-Сибирский филиал Академии наук СССР. Власти Новосибирска всемерно способствовали становлению первого академического филиала. Уже в конце 1944 г. численность работающих в нем

составляла 103 чел., в т.ч. 80 научных сотрудников¹. К окончанию войны в составе ЗСФ АН СССР в Новосибирске действовали четыре института: Транспортно-энергетический, Медико-биологический, Горно-геологический, Химико-металлургический, а также несколько секторов, лабораторий и Ботанический сад.

1945 г. был знаменательным в истории страны во многих отношениях. Помимо победоносного завершения войны, это был год 220-летнего юбилея Академии наук СССР. Юбилей был задуман как масштабная акция с целью «демонстрации силы советской науки» [4, с. 585]. В этом контексте I сессия ЗСФ АН СССР, которая состоялась 10–13 мая 1945 г. в Новосибирске, находилась в русле общесоюзных мероприятий. Она оказалась заметным событием во всем Сибирском регионе, для ее проведения была проделана большая подготовительная работа.

Повестка заседаний I сессии ЗСФ была четко расписана по дням. 10 мая предполагалось открытие научной сессии и выступления с докладами руководителя ЗСФ АН СССР академика А.А. Скочинского и профессора М.К. Коровина. 11 мая планировалось заслушать доклады канд. геол.-минерал. наук И.Н. Звонарева, профессоров Ф.Н. Шахова и В.В. Ревердатто, а также организовать дискуссию (прения) по докладам. 12 мая участникам сессии предстояло заслушать доклад доцента П.Н. Прутовых, продолжить прения по докладам, а вечером посетить театр. 13 мая предполагалось посвятить принятию резолюций по докладам и официально закрыть сессию².

10 мая 1945 г. в Большом зале Новосибирского облисполкома I сессию ЗСФ открыл академик А.А. Скочинский. В докладе «220 лет АН СССР и работы Академии наук в Сибири» он высоко оценил государственную поддержку в организации ЗСФ АН СССР в годы войны³. При этом академик А.А. Скочинский верно уловил суть правительственного решения: государство создавало филиал как своеобразный форпост Академии наук в Сибири

¹ Научный архив Сибирского отделения РАН (НАСО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 145. Л. 58.

² НАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 24. Л. 4–5.

³ Там же. Л. 6.

не только для укрепления оборонной мощи государства в период войны, но и для дальнейшего освоения ресурсного потенциала региона как важной составляющей экономического потенциала страны на послевоенное будущее.

На I сессии ЗСФ прозвучали сообщения о результатах деятельности ученых по важнейшим научным направлениям филиала за недолгий период его существования. Повестка сессии включала доклады: «Перспектива нефтеносности Западной Сибири и пути дальнейших геологических исследований» (профессор М.К. Коровин); «Сырьевая база для производства искусственного жидкого топлива в Сибири» (канд. геол.-минерал. наук И.Н. Звонарев); «Металлогения Западной Сибири и основные задачи научного исследования» (профессор Ф.Н. Шахов); «Новые лекарственные растения Западной Сибири» (профессор В.В. Ревердатто); «Основные проблемы народного хозяйства Барабинской степи и задачи научно-исследовательских организаций» (доцент П.Н. Прутовых)¹.

По докладу профессора М.К. Коровина², известного ученого, зам. директора Горно-геологического института ЗСФ, обосновавшего необходимость дальнейших поисков нефти в Западной Сибири и верившего в успех этого дела, во время дискуссии были высказаны различные точки зрения. И в середине 1940-х, и позднее, в середине 1950-х гг. среди ученых было немало скептиков, сомневающихся в перспективах Западной Сибири как региона, богатого нефтью и газом. В то же время точку зрения на Западную Сибирь как на потенциальный нефтеносный регион в ходе дискуссии на I научной сессии ЗСФ поддержали профессор К.В. Радугин и М.И. Кучин, а также специалисты геологической отрасли. В завершение дискуссии академик А.А. Скочинский предложил обратиться в центральные инстанции, чтобы проверить гипотезы М.К. Коровина и его коллег на практике³.

¹ НАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 24. Л. 2.

² Коровин Михаил Калиникович (Калинникович) // Профессора Томского университета. Биографический словарь. Томск, 1998. Т. 2. С. 198–202.

³ НАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 24. Л. 71.

По решению I сессии ЗСФ проф. М.К. Коровин в октябре 1945 г. сделал доклад о перспективах нефтеносности Западной Сибири в президиуме АН СССР в Москве. После выступления сибирского ученого вице-президент АН СССР академик И.П. Бардин обратился с письмом к наркому нефтяной промышленности Н.К. Байбакову, в котором поставил вопрос о необходимости возобновить прерванные войной поисковые работы и разведочное бурение глубоких скважин в нескольких районах Западной Сибири, перспективных с точки зрения промысловой нефти¹.

Крайне важные проблемы для народнохозяйственного комплекса Сибири были затронуты в докладе известного специалиста И.Н. Звонарева. Он обосновал, что потенциально регион содержит огромные минерально-сырьевые ресурсы, которые могут стать базой для организации промышленности жидкого топлива в крупных масштабах. В условиях, когда запасы нефти и газа в Сибири еще не были открыты, ученый всесторонне охарактеризовал ресурсную базу для новой отрасли промышленности – запасы каменного угля и горючих сланцев бассейнов Западной и Восточной Сибири. Дав исчерпывающее описание качества угля в различных бассейнах, автор доклада пришел к выводу, что наиболее перспективными являются Кузнецкий бассейн в Западной Сибири, Минусинский и Иркутский бассейны в Восточной Сибири². Обсуждение по его докладу показало, насколько была актуальна проблема жидкого топлива для региона. Участники сессии предложили для решения этой проблемы созвать межведомственное совещание работников промышленности и научных организаций, чтобы определить приоритеты и векторы становления новой отрасли³.

Известный ученый профессор Ф.Н. Шахов⁴, сотрудник Горно-Геологического института ЗСФ, в своем докладе остановился на наиболее актуальных подходах в изучении проблемы металлогене-

¹ НАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 21Б. Л. 7.

² Там же. Д. 24. Л. 105.

³ Там же. Л. 125.

⁴ Шахов Феликс Николаевич // Профессора Томского университета. Биографический словарь. Томск, 1998. Т. 2. С. 484–487.

нии Западной Сибири. В предвоенные годы ученому удалось установить закономерности распределения рудных месторождений на Алтае в зависимости от происхождения тектонических структур, что стало основой для поиска месторождений редких и цветных металлов в годы войны. В докладе Ф.Н. Шахов особо подчеркнул перспективность Западной Сибири как региона, богатого месторождениями разнообразных металлов. Одной из проблем, тормозящих открытие новых месторождений, в которых так нуждается страна, он назвал недостаточную изученность генетической связи месторождений с геологическими формациями и вулканическими циклами, а также отсутствие единой схемы металлогенических возрастных формаций¹.

В ходе дискуссии по докладу Ф.Н. Шахова геологи-практики высказали замечания ученым филиала, что они ждут от академической науки не теоретических выводов, а конкретных разработок по методике поиска тех или иных полезных ископаемых. За Ф.Н. Шахова вступились ученые других отраслей знания, которые обосновали важность теоретических изысканий как неотъемлемой части научного процесса.

Актуальность доклада директора Медико-биологического института ЗСФ профессора В.В. Ревердатто² была обусловлена опытом по изучению новых лекарственных растений Сибири и их применению в лечебной практике в годы войны. Сделав исторический экскурс в традиции народной медицины, В.В. Ревердатто обосновал современные подходы к изучению свойств лекарственных растений и необходимость дальнейших междисциплинарных исследований в области биологии, химии, фармакологии и медицины³. Конкретные характеристики важнейших лекарственных растений, прозвучавшие в докладе, свидетельствовали о том, что под руководством В.В. Ревердатто была проделана огромная работа. В 1947 г. В.В. Ревердатто и его коллеги Д.Д. Яблоков и Н.В. Вершинин за разработку методов

¹ НАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 24. Л. 160.

² Ревердатто Виктор Владимирович // Профессора Томского университета. Биографический словарь. Томск, 1998. Т. 2. С. 364–370.

³ НАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 24. Л. 198–199.

извлечения компонентов из лекарственных растений Сибири и внедрение их в практику здравоохранения были удостоены Сталинской премии II степени¹.

Доклад доцента Новосибирского сельскохозяйственного института П.Н. Прутовых был посвящен необходимости всестороннего изучения производительных сил такого уникального экономического и географического объекта, как Барабинская степь². По мнению докладчика, потенциал огромной территории являлся достаточным основанием для его изучения геологами, географами, почвоведом, мелиораторами и другими специалистами.

Доклады ученых Сибири на I сессии ЗСФ имели важное значение для обоснования разработки конкретных проектов по изучению и освоению производительных сил региона. Ход и итоги I сессии ЗСФ освещались на страницах местных газет, информация о сессии была представлена в журнал «Вестник АН СССР». Тезисы докладов и резолюции первой научной сессии филиала были опубликованы в виде брошюр. Сессия 1945 г. заложила традицию проведения научных сессий филиала в 1947 и 1948 г., впоследствии став ежегодной формой подведения итогов работы научных учреждений ЗСФ АН СССР.

Изучение истории сибирской науки военного периода показывает, что ученые в рамках первого академического филиала – ЗСФ АН СССР – получили возможность более четко координировать свои действия и направления научного поиска в условиях жесточайшего дефицита ресурсов и времени. I сессия ЗСФ АН СССР, проведенная на следующий день после завершения Великой Отечественной войны, отразила значительные усилия ученых Сибири, направленные на повышение оборонного потенциала страны. С другой стороны, результаты исследований свидетельствовали о том, что перед наукой ставились новые задачи применительно к мирному времени, и ученые продемонстрировали готовность мобилизовать свои силы на восстановление экономики и развитие

¹ НАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 145. Л. 62–63.

² Там же. Д. 24. Л. 241–242.

многовекторных научных направлений, значение которых выходило далеко за рамки сугубо региональных проблем.

Список литературы

1. *Куперштох Н.А.* Западно-Сибирский филиал Академии наук СССР: проекты и реалии первой половины XX века // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 2 (28). С. 32–40.

2. *Куперштох Н.А.* Академик А.А. Скочинский – организатор науки в Сибири в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарные науки в Сибири. 2015. Т. 22. № 2. С. 11–17.

3. *Куперштох Н.А.* Ученые и война: дневник академика Л.Д. Шевякова // 70-летие Великой Победы: исторический опыт и проблемы современности. Девятые уральские военно-исторические чтения: сб. науч. ст.: в 2 ч. / глав. ред. А.В. Сперанский. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2015. Ч. II. С. 49–53.

4. *Корзун В.П.* Празднование 220-летия АН СССР: иллюзии и надежды июня 1945 года (освоение историографического пограничья) // Мавродинские чтения – 2018: мат-лы Всерос. науч. конф., посв. 110-летию со дня рожд. проф. В.В. Мавродина / под ред. А.Ю. Дворниченко. СПб.: Нестор-История, 2018. С. 583–586.

Изучение и реконструкция боевых действий и жизни на оккупированной территории

УДК 94(47)

В.П. Зиновьев

О готовности СССР ко Второй мировой войне

V.P. Zinovyev

About the USSR's Readiness For World War II

Аннотация: Рассматривается в концептуальном плане актуальный в историографии сюжет о готовности СССР ко Второй мировой войне. Автор доказывает, что СССР по уровню экономики, технологии и культуры был в целом готов к современной войне, в отличие от Российской империи в начале XX в. Руководство страны провело достаточно успешную дипломатическую и идеологическую подготовку к войне, вместе с тем по качеству техники и военных кадров СССР уступал Германии. Этим объясняются поражения в первые месяцы войны. Доводку техники, подготовку кадров пришлось проводить в условиях военных действий.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; подготовка к войне; кадры командиров; качество вооружения; национальные интересы.

Приближающаяся 75-я годовщина Победы советского народа над гитлеровской Германией обострила внимание мировой общественности к интерпретации этого ключевого события XX в. История Второй мировой войны стала частью той информационной войны, которая ведется против России, заявившей в 2007 г. устами Президента России В.В. Путина о суверенной политике и защите своих национальных интересов. Эта политика включает и защиту российского понимания истории своей страны. В этом вопросе современная власть, элита

общества занимает противоречивую двойственную позицию. Сейчас она переживает мучительный переход от компрадорской к национально ориентированной политике. Наглядный пример непоследовательности российской элиты в отношении прошлого показывает роль, которую она отводит в истории Великой Отечественной войне. Она безусловно признает Победу великим достижением, стараясь не заметить остальной истории СССР, без которой победа была немыслима. Победу нельзя не заметить, но ее можно оболгать, принизить ее значение, обесценить. Это и делается ежедневно и в СМИ и в Интернете.

В кратком докладе невозможно остановиться на всех мифах и фальсификациях истории Великой Отечественной войны, заполнивших средства массовой информации в России и за рубежом. Остановлюсь на одном из них – о неготовности СССР к войне. В 1990-е гг. это считалось доказанной истиной, советское руководство обвиняли в косности, в невежестве, бесчеловечности. Рассказывались истории о закупке устаревшей техники за границей, распродаже художественных ценностей, об испытании тачанок вместо танков, о противодействии комиссаров прогрессивным конструкторам, о массовых репрессиях против командного состава, интеллигенции, о сговоре Сталина и Гитлера против демократических стран и т.д.

Рассмотрим ситуацию с нескольких позиций: 1) о готовности к войне технологически и экономически; 2) о готовности кадровой; 3) о дипломатической подготовке к войне; 4) об идеологической подготовке к войне.

1. Международные отношения играли в становлении российского государства и общества гигантскую роль, особенно в последние три века. Участие в европейской политике является мощным фактором модернизации страны. Чтобы не попасть в европейские аутсайдеры и не утратить своих завоеваний, Россия была вынуждена раз за разом идти на техническую и социальную модернизацию раньше, чем для того созревали внутренние предпосылки.

Именно внешними обстоятельствами обусловлены модернизационные скачки начала XVIII в. (поражение в начале Северной войны). Петр I провел реформы управления, армии, промышленности, в организации финансов, в образовании. Он, выражаясь словами А.С. Пушкина, «Россию поднял на дыбы». Петровских реформ хватило на целый век побед. В середине XIX в. произошло поражение в Крымской войне, которая показала технологическую отсталость России. Александр I провел великие реформы, которых оказалось недостаточно, чтобы Россия сохраняла свое место среди великих держав. В начале XX в. последовало поражение в Первой мировой войне, которое привело к Революции 1917 г. и Гражданской войне. Россия была не готова к войне индустриальной, к войне экономик, в которой кроме мужества солдат и мудрости полководцев были необходимы винтовки, пулеметы, пушки, снаряды, патроны, мины, линкоры, бронемашины. Всего этого в России было мало, т.к. не было индустрии военного производства, сравнимой со странами Европы и Северной Америки.

Процесс индустриализации в России отставал от европейского, на основе промышленного переворота он начался в обрабатывающих отраслях и на транспорте в конце XIX в. Россия (СССР) прошла те же этапы трансформации экономики и общества, что и другие развитые страны мира. Но в России в борьбе за лидерство в индустриальном мире победил рабочий класс. В 1917 г. большевики и пролетариат были последними в очереди за властью в стране. Но именно они являлись наиболее последовательными сторонниками индустриализации из всех политических сил, претендовавших на социальное лидерство в стране. Большевики победили потому, что были наиболее индустриальной партией. Их политические цели совпали с объективными потребностями развития страны, которой была необходима индустриализация, чтобы не утратить конкурентоспособности на мировой арене. Большевики же нуждались в расширении социальной базы для сохранения власти, в этом был их шкурный интерес.

Англосаксонский частнокапиталистический вариант становления индустриального общества был заменен русским государственно-капиталистическим вариантом. Ленинский НЭП – наиболее прогрессивная формула индустриализации: сочетание государственного регулирования, рыночной экономики и политического авторитаризма. По этому пути шли Тайвань, Южная Корея, Сингапур, сейчас идут Китай, Вьетнам и другие страны.

В России НЭП был свернут сторонниками быстрой индустриализации во главе с И.В. Сталиным, которые полагались на большую эффективность планово-директивной экономики, принуждения и политического террора. Быстрая индустриализация вела к отказу от рыночных механизмов и демократических способов управления. Мобилизационный путь не был оптимальным, он был вынужденным. Международная конкуренция и рост внешнеполитических угроз требовали усилить обороноспособность страны, а для этого было нужно срочно внедрить современную технологию в тяжелую промышленность и машиностроение и заплатить за это любую цену.

Слова В.И. Ленина, сказанные в сентябре 1917 г., свидетельствуют о понимании большевиками своей главной задачи – необходимости индустриализации страны: «Война неумолима, она ставит вопрос с беспощадной резкостью: либо погибнуть, либо догнать передовые страны и перегнать их также и экономически» [1, с. 198]. Эта мысль была положена в основу стратегии ВКП(б). В 1931 г. И.В. Сталин на I Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности сформулировал ее так: «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут. Вот что диктуют нам наши обязательства перед рабочими и крестьянами СССР» [2, с. 39]. С 1918 по 1941 г. в аграрную страну была пересажена передовая индустриальная технология из США и европейских стран, создано крупное сельскохозяйственное производство, совершена культурная революция, что позволило создать механизированную грамотную армию и выиграть тяжелейшую войну против

объединенной Гитлером Европы. Таким образом технологически страна была готова к войне моторов. По числу самолетов, танков у СССР было превосходство, но качественно он отставал от противника.

2. В СССР за 20 лет после Гражданской войны произошла культурная революция. Безграмотная страна стала страной сплошной грамотности. По подсчетам Б.Н. Миронова, в Российской империи по переписи 1897 г. уровень грамотности среди мужчин в возрасте от 9 до 49 лет составлял 40 %, среди всего населения – 20 %. По данным переписи 1939 г. удельный вес грамотных среди указанных категорий увеличился до 94 и 80 %, соответственно [3].

В Первой мировой войне офицерские кадры были выбиты за 1914–1915 гг. и заменены мобилизацией и производством в офицеры всех более-менее грамотных мужчин – в т.ч. студентов, гимназистов, унтер-офицеров.

К началу же Великой Отечественной войны армия была обеспечена кадровыми офицерами, которые пополнялись в течение всей войны за счет военных училищ. Накануне войны в Красной армии было 659 тыс. командиров или по 1 командиру на 9 рядовых. Хотя надо признать, что уровень образования офицеров был низок. Только 7,1 % командного и начальствующего состава РККА могли похвастаться высшим военным образованием, среднее было у 55,9 %, ускоренные курсы прошли 24,6 %, а оставшиеся 12,4 % не получили вообще никакого военного образования. В «Акте о приеме Наркомата Обороны Союза ССР товарищу Тимошенко от тов. Ворошилова» говорилось: «Качество подготовки командного состава низкое, особенно в звене ротавзвод, в котором до 68 % имеют лишь краткосрочную 6-месячную подготовку курса младшего лейтенанта» [4].

По грамотности и военному образованию командного состава Красная армия отставала от германской, и эту отсталость ликвидировать в течение войны пришлось с большой кровью. Следует учесть и потери от репрессий – 30 тыс. офицеров были арестованы по политическим мотивам (менее 5 %) [5], часть их

потом вернули в действующую армию. Это потери тяжелые, но не катастрофические. Грамотных молодых людей на замену убили хватило на долгую войну. Таким образом можно сделать вывод, что страна смогла обеспечить армию достаточным количеством рядовых воинов и командиров, однако по качеству подготовки они уступали германским кадрам.

3. Советская дипломатия сделала все, чтобы организовать коллективное сдерживание агрессоров. В 1935 г. СССР заключил с Францией и Чехословакией договор о взаимной помощи в случае агрессии со стороны Германии, однако этот договор был обусловлен позициями Румынии и Польши, которые не собирались спасать Чехословакию. В 1938 г., когда в Мюнхене Англия и Франция дали согласие на раздел Чехословакии, стало ясно, что защищать ее некому. В марте 1939 г. Чехословакия под нажимом нацистов сдалась и распалась, оккупированные Чехия и Моравия стали протекторатом Германии, Словакия стала марионеточным образованием. Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом – это межправительственное соглашение, подписанное 23 августа 1939 г. главами ведомств по иностранным делам Германии и Советского Союза. СССР был последним государством, заключившим подобный договор с Германией (после Италии, Великобритании, Франции, Японии, Эстонии, Латвии и Литвы).

Согласно договору, стороны соглашения обязывались воздерживаться от нападения друг на друга и соблюдать нейтралитет в случае, если одна из них становилась объектом военных действий третьей стороны. Участники соглашения также отказывались от союзных отношений с другими державами, «прямо или косвенно направленных против другой стороны». Предусматривался взаимный обмен информацией о вопросах, затрагивающих интересы сторон.

К договору прилагался секретный дополнительный протокол о разграничении сфер интересов в Восточной Европе на случай «территориально-политического переустройства». Протокол предусматривал включение Латвии, Эстонии, Финляндии,

«восточных областей, входящих в состав Польского государства», и Бессарабии в сферу интересов СССР. Литва и западная часть Польши были отнесены в сферу интересов Германии. Все страны заключали такие договора, все имели секретные протоколы к этим договорам, а наши недоброжелатели кричат только о сговоре двух диктаторов Сталина и Гитлера. Всех, кого можно было предать, к 23 августа 1939 г. уже предали. СССР защищал свои интересы, и пакт Молотова-Риббентропа был его дипломатической победой.

4. Говоря об идеологической готовности к войне, надо помнить, что противоречия, порождающие войны, – геополитические, а не идеологические. Идеология носит подчиненный характер по отношению к геополитике. При всех режимах российской власти европейцы обвиняли русских во всех смертных грехах.

Надо помнить, что волна русофобии в Европе поднималась каждый раз, когда Россия шла своим путем. В Средние века православную Русь католические рыцари наряду с исламским востоком подвергали крестовым походам. В XVI–XVIII вв. против России европейские державы организовывали войны в союзе с исламской Османской империей. В XIX в. Россию обвиняли в реакционности. Нам не простили того, что вся Европа во главе с Наполеоном оставила своих сынов на русских заснеженных полях в 1812 г. В 1918 г. Россию бывшие союзники пошли наказывать, в этот раз за несвоевременную революционность. В 1941 г. уже фашистский европейский интернационал разорял советскую землю, и вновь объединенная Европа потерпела поражение.

Идеологическая подготовка шла перед Великой Отечественной войной. Историю вернули в вузы в 1934 г. В 1940 г. открылся исторический факультет в Томском государственном университете. Интернационализм уступил в воспитании подрастающего поколения национальным интересам страны, но не до конца. Коммунистическая партия призывала и готовила народ к борьбе с фашистами, но от пролетарского интернационализма не отказывалась.

Можно сделать вывод, что СССР был в основном готов к войне. Есть мнение, что не хватило до полной готовности года-двух. Не думаю. Сталин не смог бы угадать конкретную дату войны, т.к. у агрессора была инициатива, в этом действительно было его преимущество. Но причина поражений в начале войны не в этом, а в том, что в качестве армейских кадров и техническом вооружении СССР уступал, и качественное превосходство все равно пришлось бы добывать воюя.

Цена Победы оказалась непомерно высокой, мы заплатили за это не только 18–20 млн человеческих жизней в период войны [6], но и рынком, и демократией.

Список литературы

1. Ленин В.И. Грозящая катастрофа и как с ней бороться // Полн. собр. соч. Изд. 5. М.: Политиздат, 1969. Т. 34. С. 151–199.
2. Сталин И.В. О задачах хозяйственников: Речь на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности. 4 февраля 1931 г. // Соч. М.: Госполитиздат, 1951. Т. 13. С. 29–42.
3. Миронов Б.Н. Развитие грамотности в России и СССР за тысячу лет X–XX вв. // *Studia Humanistica*. Исследования по истории и филологии. СПб.: БЛИЦ, 1996. С. 24–46.
4. Красная Армия накануне Великой Отечественной войны. Ч. I [Электронный ресурс]. URL: <https://mihalchik-1974livejournal.com36617/html> (дата обращения: 02.03.2020).
5. Тимонов М., Бакурин Ю. «Погром командиров»: фактические результаты репрессий среди комсостава РККА в 1837–1938 годах [Электронный ресурс]. URL: <https://warspot.ru/3174-pogrom-komandirov-fakticheskie-rezultaty-repressiy-sredi-komsostava-rkka-v-1937-38-godah> (дата обращения: 02.03.2020).
6. Земсков В.Н. О масштабах людских потерь СССР в Великой Отечественной войне (в поисках истины) // Военно-исторический архив. 2012. № 9. С. 59–71.

И.И. Николаев

**Штурм города Цинтен частями
173-й стрелковой Оршанской Краснознаменной
дивизии в феврале 1945 года**

I.I. Nikolaev

**The Assault on the City of Tsinten by Units
of the 173rd Rifle Orsha Red Banner
Division in February 1945**

Аннотация. Представлен один из эпизодов боевого пути 173-й стрелковой Оршанской Краснознаменной дивизии в период Восточно-Прусской наступательной операции. Подсчитаны потери дивизии в боях за город Цинтен 12–17 февраля 1945 г., в т.ч. воинов-сибиряков.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; Восточно-Прусская наступательная операция; Сибирский военный округ; воины-сибиряки.

173-я стрелковая дивизия (3-го формирования) была создана в районе города Старицы Калининской области в мае 1943 г. из 135-й и 150-й отдельных стрелковых бригад. Дивизия принимала участие в Витебско-Оршанской операции, операции «Багратион», освобождении Польши и Восточно-Прусской наступательной операции.

Цинтен – город в Восточной Пруссии в 40 км южнее от Кенигсберга. Во время войны служил узлом коммуникации. Немцы называли город «Северные ворота», т.к. через него проходили сразу восемь дорог: шесть шоссейных и две железнодорожные. Расположенный на естественном рубеже, город стал одним из основных узлов немецкой обороны, прикрывающим дорогу на залив Фришес-Хафф. По воспоминаниям командиров 173-й стрелковой дивизии (сд), бои за город были одними из самых

сложных и ожесточенных¹. Немецкие войска расположились на всех высотах вблизи Цинтена, это позволило держать все подступы к городу под перекрестным огнем не только ручного оружия, но и артиллерии.

Бои за город начались 12 февраля 1945 г., когда части 173-й сд подошли к южной части города в районе замка Дамераум, где встретили ожесточенное сопротивление войск противника. К 13 февраля 1311-му стрелковому полку (сп) удалось обойти с юго-западной стороны город и штурмом овладеть станцией Цинтен. Полк перерезал две шоссе и железную дорогу Цинтен–Мельзак, тем самым перекрыв пути отступления к проливу Фришес-Хафф. Город был взят в частичное окружение. Однако малые группировки противника сумели перерезать дорогу Цинтен–Марунен, по которой 1311-му сп поставляли боеприпасы и эвакуировали раненых².

В ночь с 13 на 14 февраля в город пробились еще два стрелковых полка: 1313-й и 1315-й. Вплоть до 17 февраля части занимались зачисткой от противника зданий и улиц города. Чтобы избежать больших человеческих потерь в составе полков, некоторые здания, занятые неприятелем, подрывали толовыми шашками. 17 февраля 173-я сд передала свою полосу наступления частям 61-й сд и перешла в резерв для отдыха и пополнения личным составом³.

В результате ожесточенных боев за город дивизия понесла значительные потери. Так, в боевом донесении за 12 февраля сохранилась информация о том, что на момент начала боев за г. Цинтен личный состав дивизии составлял 3312 чел. На 14 февраля дивизия имеет 2996 чел. личного состава. После взятия го-

¹ Отчет о боевых действиях 173 сд. за 01.10.1944 г. – 1.05.1945 г. / ЦАМО. Ф. 1419. Оп. 1. Д. 55. Л. 7–8 [Электронный ресурс] // Память народа. URL: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=114922616&backurl=q> (дата обращения: 21.03.2020).

² Боевое донесение штаба 173 сд. от 12.02.1945 г. / ЦАМО. Ф. 1419. Оп. 1. Д. 52 [Электронный ресурс] // Память народа. URL: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=152928423&backurl=q> (дата обращения: 02.04.2019).

³ Там же.

рода и перехода в резерв 17 февраля 1945 г., 173-я сд насчитывала личным составом всего 2621 чел.¹

В результате подсчета личного состава 173-й сд удалось установить, что дивизия с 12 по 18 февраля потеряла 691 военнослужащего ранеными или убитыми. 691 человек – это 21 % от всего личного состава за 12 февраля. Нами на основе изучения материалов ЦАМО было установлено 15 воинов-сибиряков, павших при штурме города: рядовой Н.Г. Акимов, рядовой В.С. Аксёнов, рядовой В.А. Алёшин, ефрейтор С.Я. Бархатов, рядовой В.И. Белявцев, рядовой П.С. Васильев, младший сержант А.Н. Захарчук, рядовой Н.Ф. Посакос, рядовой Ф.З. Прокопьев, рядовой М.Н. Семибратов, рядовой М.И. Сутурин, младший сержант А.М. Тюлькин, младший сержант И.К. Царев, сержант Д.П. Чепелев, рядовой А.Д. Чикмарев. 11 из 15 сибиряков имеют различные боевые награды, самой распространенной из которых являлась медаль «За отвагу». Ей награждены 10 человек.

Солдаты из всех уголков Советского Союза сражались и отдавали свои жизни за Советскую родину. Солдаты сибиряки не стали исключением. Везде, где бы ни шли бои Великой Отечественной войны, можно найти имена павших солдат, родившихся или призванных в Сибири. Именно поэтому работа по поиску и установлению солдат из СибВО будет продолжаться.

¹ Отчет о боевых действиях 173 сд. за 01.10.1944 г.–1.05.1945 г. ... Л. 8; Боевое донесение штаба 173 сд. от 14.02.1945 г./ ЦАМО. Ф. 1419. Оп. 1 Д. 52 [Электронный ресурс] // Память народа. URL: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=152928425&backurl=q> (дата обращения: 02.04.2019); Боевое донесение штаба 173 сд. от 18.02.1945 г./ ЦАМО. Там же [Электронный ресурс] // Память народа. URL: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=152928427&backurl=q> (дата обращения: 02.04.2019).

Н.А. Романенко

**Бои сибирских дивизий в большой излучине Дона
в июле – августе 1942 года**

N.A. Romanenko

**Battles of Siberian Divisions in the Great Bend
of the Don in July–August 1942**

Аннотация. Описывается боевой путь 112-й и 229-й стрелковых дивизий, сформированных в Сибирском военном округе, во время оборонительных боев на Дону в июле-августе 1942 г. Дается краткая информация о предшествующих событиях. Боевой путь стрелковых дивизий описывается с самого формирования и прибытия на фронт до отправки в резерв или на переформирование.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; Сибирский военный округ; лето 1942 г.; воины-сибиряки.

Летом 1942 г. одни из ключевых сражений Великой Отечественной войны происходили на южном участке советско-германского фронта. Майское наступление на Харьков под руководством Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко провалилось. Ситуацией немедленно воспользовалось немецкое командование. Был разработан масштабный план наступления под кодовым наименованием «Блау». Группа армий «Юг» разделялась на две части. Группа армий «А» (командующий – В. Лист) должна была наступать на Кавказ с целью выйти к бакинским и грозненским нефтяным месторождениям. Группа армий «Б» (командующий – М. фон Вейхс) должна была ударить по Сталинграду для захвата переправ на Волге [1, с. 230–252].

Советские войска продолжали отступать, и к началу июля подошли к Дону. В Сталинградской области текущий с севера на юг Дон подходит к Волге почти вплотную, а затем круто поворачивает на юго-запад, образуя большую излучину. В ней заняли

оборону две советские армии Сталинградского фронта: 62-я (командующий – генерал-майор В.Я. Колпакчи) и 64-я (командующий – генерал-лейтенант В.И. Чуйков). За спинами красноармейцев возвышался крутой, высотой 25–30 м берег реки, осложнявший строительство переправ. Солдатам оставалось или остановить врага, или погибнуть. Немецкий удар последовал 17 июля 1942 г. Благодаря мужеству советских солдат и командиров удалось задержать противника почти на месяц. В излучине Дона погибло несколько тысяч бойцов двух стрелковых дивизий (сд) из Сибирского военного округа – 112-й и 229-й [1, с. 249–252]¹.

112-я дивизия (2-го формирования) формировалась в г. Татарске Новосибирской области с 3 декабря 1941 по 20 января 1942 г. как 445-я сд, а затем была переименована. 12 июля 1942 г. прибыла на фронт в распоряжение командования 64-й армии. После стокилометрового марша 19–23 июля прибыла на передовую в район х. Новомаксимовский и ст. Верхне-Чирская на реках Лиска и Чир². Однако полностью подготовиться к боям личный состав не успел. 26 июля дивизия приняла свой первый бой. Рано утром 524-й стрелковый полк (сп) был атакован 524-м пехотным полком (пп) 297-й пехотной дивизии противника при поддержке танков и авиации, жаркий бой длился до 23:00. Под натиском бронетехники, постоянной бомбежки и артиллерийского обстрела бойцы были вынуждены оставить свой рубеж. На следующий день дивизия нанесла контрудар, пытаясь восстановить положение на участке 524-го сп, но успеха не добилась. В ответ немцы силой до полка пехоты при поддержке танков возобновили наступление на позиции 524-го сп,

¹ Журнал боевых действий Сталинградского фронта за период с 11.07.1942 г. по 31.12.1942 г. / ЦАМО. Ф. 345. Оп. 5487. Д. 48. Л. 28 [Электронный ресурс] // Портал «Память народа». URL: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=2600369> (дата обращения: 23.02.2020).

² Краткая история 112-й стрелковой дивизии / ЦАМО. Ф. 1309 Оп. 1 Д. 4. Л. 1 [Электронный ресурс] // Портал «Память народа». URL: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=454473557> (дата обращения: 22.02.2020).

после боя остатки двух батальонов полка отступили, оставив хутора Верхне-Чирский и Ново-Максимовский¹.

28 июля в 5 часов утра 45 танков с автоматчиками при поддержке бомбардировщиков начали атаковать советские позиции, но были остановлены. За день противник потерял 7 танков, свыше батальона пехоты 524-го пп и 3 самолета. После трех дней ожесточенных боев в полосе дивизии наступило некоторое затишье, которое ограничивалось редким огнем немецкой артиллерии. Красноармейцы занялись совершенствованием обороны. В ночь на 3 августа 112-я сд сменила 204-ю сд на рубеже Старо-Максимовский – Ново-Максимовский².

Вскоре начались самые тяжелые бои. В 4:30 утра 7 августа 70 бомбардировщиков начали атаковать боевые порядки дивизии, за день было зафиксировано 432 самолетовылета. На позиции потрепанного в боях 524-го сп 112-й дивизии наступала моторизованная дивизия при поддержке около 120 танков. Дорогой ценой противнику удалось вклиниться в оборону, окружив 385-й и 524-й сп 112-й дивизии. Стрелки, артиллеристы, минометчики, противотанкисты стояли насмерть. Стрельба прекращалась только когда заканчивались патроны или гибли бойцы. Бои шли до 23:00³.

В ночь на 8 августа дивизия предприняла атаку, стремясь прорвать окружение соседней 229-й сд. Пробивавшийся из котла 804-й сп 229-й сд навстречу 112-й дивизии был остановлен. В 4:00 противник пошел в очередное наступление, которое останавливать было уже нечем. В ходе боев 385-й и 524-й полки были окружены. Через 6 часов боя началась переправа дивизии через Дон по центральному железнодорожному мосту. Немцы, стремясь сорвать переправу, начали бить по плацдарму. Вскоре начал гореть мост. Переправу пришлось взорвать⁴. Днем 385-й и 524-й полки смогли пробиться к своим.

¹ Журнал боевых действий 112-й стрелковой дивизии 2-го формирования за период с 18.01.1942 по 20.10.1942 / ЦАМО. Ф. 1309. Оп. 1. Д. 7. Л. 5–7 [Электронный ресурс] // Портал «Память народа». URL: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=110110235> (дата обращения: 22.02.2020).

² Там же. Л. 9–14.

³ Там же. Л. 15.

В журнале боевых действий 112-й сд описан подвиг командира минометного взвода 524-го сп. Красноярец, старший лейтенант Арташкевич Гавриил Иванович, командуя на передовой, за время боя лично сжег 2 танка, сам героически погиб¹.

Новую попытку форсировать реку предприняли ночью 10 августа. В 2:30 десантный отряд захватил небольшой плацдарм, началась переправа под ураганным артминометным огнем, длившаяся до 14:00. Комдив И.П. Сологуб лично руководил переправой, но рано утром получил смертельное ранение осколком снаряда в голову, скончался по пути в медсанбат. Но бойцы успели закрепиться на другом берегу Дона. В течение ночи 11–12 августа через реку перевозили раненых. Последующие два дня бойцы еще сражались за переправу под ураганным огнем противника².

За 20 дней боев (с 26 июля по 14 августа 1942 г.) частями дивизии было уничтожено свыше 7 тыс. немецких солдат и офицеров, 44 танка, 15 станковых и 7 ручных пулеметов, 2 минометные батареи, 7 полевых орудий, 16 автомашин. После оставления позиций на Дону 112-я сд с тяжелейшими боями начала отступать к Сталинграду. Дивизия обороняла аэропорт Гумрак, г. Калач-на-Дону и еще несколько важных стратегических пунктов между Доном и Волгой. В Сталинграде защищала Мамаев курган, завод «Баррикады», тракторный завод³.

229-я стрелковая дивизия (2-го формирования) отправилась на фронт из г. Ишим Омской области. Формирование происходило с 12 декабря 1941 до конца апреля 1942 г.⁴. В первых числах июля дивизия погрузилась в эшелоны и двинулась на фронт – к Сталинграду. От Сталинграда до передовой предстояло пройти 150 км. Марш был исключительно тяжелым: жара, недостаток

⁴ Журнал боевых действий 112-й стрелковой дивизии 2-го формирования за период с 18.01.1942 по 20.10.1942... Л. 16–19.

¹ Там же. Л. 18.

² Там же. Л. 19–21.

³ Краткая история 112-й стрелковой дивизии ... Л. 2.

⁴ Боевой путь 229-й стрелковой дивизии / ЦАМО. Ф. 1505. Оп. 1. Д. 3. Л. 11 [Электронный ресурс] // Портал «Память народа». URL: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=454891969> (дата обращения: 24.02.2020).

воды, постоянная бомбежка, но личный состав организованно прибыл на позиции, отставших не было¹.

Первая стычка с немецкими отрядами произошла 22 июля, через два дня началось наступление по всему фронту. 229-я дивизия оборонялась от двух немецких дивизий – танковой и пехотной. Главный удар наносился по позициям 783-го сп. На этом направлении вели наступление 2 мото-механизированных полка и до 60 танков, но ни одна немецкая атака успеха не имела. Только 26 июля немцы смогли прорвать оборону на участке 804-го сп. Дивизия была вынуждена отступить. За мужество и героизм командование 62-й армии объявило личному составу дивизии благодарность².

Новый мощный удар немцев последовал 1 августа. Два батальона пехоты и 22 танка в 8 часов утра пошли в атаку, но успеха не добились. На следующий день танковой атакой при поддержке до 2-х батальонов пехоты немцам удалось смять позиции 811-го сп и оттеснить его за р. Чир, потеряв при этом 11 танков. Остальные два полка дивизии остались на прежних рубежах, личный состав принялся окапываться, артиллерийские части вели подавляющий огонь по немецким батареям. За период с 24 июля по 3 августа 1942 г. потери в личном составе дивизии составили 1807 человек, из них 986 безвозвратно. В 811-м полку после боя 1–2 августа в строю осталось 612 бойцов. На момент прибытия на передовую численность дивизии составляла 11 346 человек³.

6 августа начались упорные бои на ближних подступах к Дону. 804-й сп по приказу командарма контратаковал, стремясь прорвать окружение 385-го сп 112-й сд. В 7:35 передовыми частями 804-й полк занял западную окраину х. Бурацкого, но был остановлен танковым контрударом немцев. К 15:20 два батальона пехоты

¹ Боевой путь 229-й стрелковой дивизии... Л. 13–14.

² Там же. Л. 14–15.

³ Оперативная сводка штаба 229-й стрелковой дивизии за 01.08.1942 г. / ЦАМО. Ф. 341. Оп. 5312. Д. 14 [Электронный ресурс] // Портал «Память народа». URL: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=131306394> (дата обращения: 23.02.2020); Оперативная сводка штаба 229-й стрелковой дивизии за 02.08.1942 г. / Там же; Оперативная сводка штаба 229-й стрелковой дивизии за 03.08.1942 г. / Там же.

немцев обошли позиции 229-й сд, и перекрыли разъезд Дмитриевский. Дивизия оказалась в окружении, в 20 км от основных сил фронта. Об этом было объявлено всему личному составу. Дальнейшее ведение обороны становилось бессмысленным. 9 августа дивизия получила приказ идти на прорыв окружения. В условиях абсолютного тактического и стратегического превосходства противника выход из окружения был практически невозможен. Но это был единственный выход¹.

Ночью 10 августа было решено пробиваться к своим. Руководил прорывом комдив, полковник Ф.Ф. Сажин. Противнику сразу же удалось обнаружить движение дивизии и начать обстреливать колонну советских пехотинцев. В ответ извне была советская артиллерия. 804-й сп был остановлен огнем немецкого заградотряда. 783-й сп продолжал наступать. Немцы активно использовали зажигательные снаряды. В результате деревянные повозки загорелись, и прорывающиеся бойцы стали видны, как на ладони. Атака остановилась. Тогда Сажин приказал командиру батальона связи майору Крозу выводить батальон связи вместе с ранеными и оставшейся матчастью, а сам с остатками боеспособных подразделений остался прикрывать прорыв. В течение суток бойцы обороняли «коридор», по которому двигались прорывавшиеся. Бойцы 229-й сд отдельными группами вышли из окружения к 16 августа. После прорыва дивизию отправили на фактически новое формирование².

Полковник Федор Федорович Сажин погиб в неравном бою 10 августа 1942 г. у ст. Суровикино³, а командир батальона связи

¹ Боевой путь 229-й стрелковой дивизии ... Л. 15; Журнал боевых действий Сталинградского фронта за период с 11.07.1942 г. по 31.12.1942 г. / ЦАМО. Ф. 345 Оп 5487. Д. 48. Л. 60–63 [Электронный ресурс] // Портал «Память народа». URL: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=2600369> (дата обращения: 23.02.2020).

² Боевой путь 229-й стрелковой дивизии... Л. 16; Журнал боевых действий Сталинградского фронта за период с 11.07.1942 г. по 31.12.1942 г. Л. 63–77.

³ Извещение о смерти командира 229-й стрелковой дивизии полковника Сажина Федора Федоровича / ЦАМО. Ф. 33. Оп. 11458. Д. 197 [Электронный ресурс] // Портал «Память народа». URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_donesenie77873355 (дата обращения: 24.02.2020).

112-й стрелковой дивизии майор Кроз Самуил Залманович за организацию прорыва из окружения и обеспечение устойчивой связи в ходе участия в Сталинградской битве получил орден Отечественной войны II степени¹.

Список литературы

1. Великая Отечественная война 1941–1945 годов. М.: Кучково поле, 2012. Т. 3: Битвы и сражения, изменившие ход войны. 864 с.

УДК 39 (571.63+571.61.62) «1941/1945»

А.Ф. Старцев

Коренные народы Приамурья и Приморья – защитники родины

A.F. Startsev

Indigenous Peoples of Priamurye and Primorye – Defenders of the Motherland

Аннотация. В статье на основе полевых материалов автора рассматривается участие коренных малочисленных этносов Приамурья и Приморья в Великой Отечественной войне. С началом военных действий с фашистской Германией Указом ГКО народы Севера в действующую армию не призывались. Однако патриотический порыв коренных этносов участвовать в борьбе с внешним врагом был настолько сильным, что местные военные органы вопреки решению ГКО из числа коренного населения стали брать добровольцев на фронт. Так в действующей армии СССР оказались нанайцы, удэгейцы, орочи и многие другие коренные жители Хабаровского и Приморского краев, которые изъявили желание защищать свою Родину от врага. Аборигены регионов приняли участие в войне, как с фашистской Германией, так и с милитаристской Японией.

¹ Наградное дело майора Кроза Самуила Залмановича / ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686044. Д. 599 [Электронный ресурс] // Портал «Память народа». URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie18074157 (дата обращения: 24.02.2020).

Ключевые слова: Великая Отечественная война; коренное население; Приамурье и Приморье; добровольцы; патриотизм; милитаристская Япония.

В годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) против фашистской Германии и милитаристской Японии принимали участие представители более ста национальностей СССР, в т.ч. и коренные жители Хабаровского и Приморского краев – удэгейцы, нанайцы, ульчи, орочи, эвенки и др.

Первые добровольцы народностей Амура из Нанайского, Комсомольского, Ульчского, Кур-Урмийского, Тугуро-Чумикагского и др. районов Хабаровского края составили довольно внушительную цифру – свыше 600 человек [1, с. 48]. Из разных районов Приморского края ушли на фронт несколько десятков нанайцев и более 150 удэгейцев из поселков Красный Яр и Олон, Дальний кут и Санчихеза (пос. Островной), Агзу, Гвасюги и других селений.

В первые месяцы войны на фронт добровольцами ушли удэгейцы Суляндзига Степан Сергеевич, Суляндзига Василий Чуфисанович, Суляндзига Иван Батанеевич, нанайцы – Дункай Соза Семенович, Дункай Тидан, Уза Николай Михайлович и многие другие, которые покрыли свои имена славой и уважением со стороны всего советского народа [2].

Наравне с мужчинами принимали участие в боевых операциях и женщины. Уже в июне 1941 г. на Западный фронт была призвана удэгейка Суляндзига Татьяна Васильевна. На Дальнем Востоке с японцами в составе частей особого назначения воевали удэгейки Кукченко Надежда Павловна, Канчуга Екатерина Геннадьевна, Кялундзига Нина Ингилеевна и нанайка Маринка Татьяна Мольдовна [3, с. 71–72].

Воины из числа народностей Севера Приморья и Приамурья – живые свидетели Сталинградской и Курско-Орловской битв, обороны Ленинграда и Москвы, сражений в сопках Маньчжурии и городах Китая не любят рассказывать о тех страшных временах, когда смерть стояла за каждым бугорком поля, за каждым деревом и домом и неумоимо забирала жизни людей разных национальностей. Только многочисленные

документы, биографии фронтовиков и их боевые награды, которые имеются в архивах и экспонируются на стендах музеев страны, являются немymi свидетелями проявленного героизма удэгейцев, нанайцев, эвенков, якутов и других народностей.

В одном из писем командир отделения разведки Кялундзига Тимофей (удэгеец) писал с фронта брату: «За наше правое дело я буду бороться до последнего патрона, до последней капли крови. А если я погибну в бою, на мое место встанешь ты, брат». Когда он погиб, выполняя задание в тылу противника, удэгейцы из рода Кялундзига – Сидор, Удзали, Василий Гайколеевич, Лукса, а также и несколько человек из рода Кимонко ушли на фронт. От Москвы до Берлина прошел хорский удэгеец из с. Гвасюги Кялундзига Василий Дзолотович, от Сталинграда до Дрездена – Кимонко Александр Сесильевич, а его товарищ – нанец Дункай Николай Михайлович – до Лейпцига. Бикинский нанец из Красного Яра Мунов Иван Константинович в составе 40-го гвардейского полка брал города-крепости Пиллау и Кенингсберг, награжден медалью «За боевые заслуги», получил две благодарности от Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина.

Сражаясь в рядах легендарной 81-й гвардейской стрелковой дивизии под Сталинградом, бикинский удэгеец Юрий Канчуга и русский соратник Панкратий Фефелов в поединке с фашистскими танками уничтожили два из них. По всему фронту разнеслась весть о хорском удэгейце – снайпере Кимонко Григории, на счету которого было несколько десятков уничтоженных фашистов. Своим ученикам, молодым снайперам, он говорил, что «метко стрелять совсем не трудно, ведь фашист крупнее и менее подвижен, чем белка».

Суляндзига Степан Сергеевич из поселка Красный Яр воевал в составе Юго-Западного фронта, оборонял Москву и Сталинград. Для него, прирожденного охотника, попадающего в глаз белки с далекого расстояния, не составляло большого труда одного за другим уничтожить несколько фашистских солдат из своей трехлинейки, но снайпером он не стал. В одном из боев удэгеец заменил раненого пулеметчика и сдерживал значитель-

ные силы врага в то время, когда наступление советских войск на немецкие укрепрайоны началось совсем в другом месте. За этот бой С.С. Суляндзига был награжден орденом Славы III степени, а в конце 1943 г. вернулся в родное село инвалидом второй группы и пошел работать в колхоз «Охотник». В 1980 г. за долголетний и добросовестный труд С.С. Суляндзига был награжден медалью «Ветеран труда». Храбрый воин и труженик скончался 1 января 1984 г.

Когда началась война с фашистской Германией, бикинский нанаец Уза Михаил Васильевич учился в педагогическом училище в г. Николаевске-на-Амуре на последнем курсе. Вместе с Михаилом учились Николай Оненко (нанаец) и Николай Мовдунча (ульч). За время учебы ребята подружились и вместе решили уйти на фронт добровольцами. В военкомате их просьбу учли и после окончания училища в декабре 1941 г. их вместе призвали в армию и определили в снайперскую школу, которую друзья успешно закончили в марте 1942 г. После окончания этой школы их увезли в Хабаровск и определили в 88 отдельную бригаду, которая располагалась недалеко от города в с. Вятском.

88-я отдельная стрелковая бригада была создана сразу же с началом войны. Личный состав бригады был сформирован преимущественно из числа эвенков, нанайцев, орочей, удэгейцев, ульчей, тазов и другого аборигенного населения Приамурья и Приморья. Это были молодые, физически здоровые молодые люди, бывшие охотники и следопыты, хорошо знавшие особенно дальневосточного ландшафта. В воинских подразделениях бригады «всемерно поощрялась боевая дружба между воинами разных национальностей, широко популяризировались отличившиеся в учебных боях воины нерусской национальности, смело выдвигались наиболее грамотные и дисциплинированные из них на командирские должности» [1, с. 58–59].

Михаил Васильевич Уза и его товарищи были зачислены в минную роту, которой командовал Иван Чепурнов. Вскоре Михаил Уза получил сержантские погоны и стал заместителем командира взвода. Служба была очень напряженной: кроме должностных обя-

занностей в минной роте молодые бойцы осваивали всю военную технику и стрелковое оружие, а также регулярно изучали ландшафт местностей и осваивали хождение по картам по неизвестной территории, что впоследствии сильно им пригодилось.

5 августа 1945 г. группе молодых разведчиков, состоящей из девяти бойцов, включая радиста – хорского удэгейца из рода Кялундзига, переводчика – нанайца из села Сикачи-Алян из рода Донкан и разведчиков – нанайцев из родов Киле и Бельды было поручено разведать укрепрайон в районе г. Баоцина. При выполнении задания они предотвратили взрыв стратегически важного моста, вступив в перестрелку с группой японцев из 12 человек. За эту операцию Михаил Васильевич Уза был награжден орденом Славы III степени. После войны он вернулся в родное село, длительное время работал в колхозе «Охотник», госпромхозе «Пожарском», а ныне, как и многие другие его сверстники, нашел успокоение среди своих предков [3, с. 73].

На подступах к Харбину, проявив смекалку и находчивость, отличился и хорский удэгеец Илюкта Субиевич Кимонко. Он не был разведчиком, но слыл одним из лучших связистов стрелкового батальона. Однажды в боях за крупный населенный пункт Илюкте ему было поручено обеспечить связь передового батальона со штабом полка. Случилось так, что после получения приказа запас телефонного провода был уничтожен шальным снарядом. Осталось в целости только две катушки провода, длина которого не превышала и 1000 м, а расстояние между батальоном и штабом исчислялось несколькими километрами. Но Илюкта не растерялся в сложной обстановке. Рискуя жизнью, он использовал капитальную телеграфную линию, которая чудом уцелела на поле сражения, проходила недалеко от штабного блиндажа и уходила в сторону атакующего батальона. Менее чем через час под огнем противника Илюкта обеспечил связь батальона со штабом полка и за этот подвиг он был награжден командиром полка медалью «За боевые заслуги».

Боевых наград были удостоены многие удэгейцы и нанайцы из поселков Гвасюги, Красного Яра и Олона. За выполнение

особо важных заданий в тылу врага бикинский удэгеец Канчуга Николай Гайбович (после войны проживал в с. Агзу Тернейского района) был награжден орденом Боевого Красного Знамени, а его односельчанин Геонка Николай и хорский сородич Кялундзига Василий Гайколеевич – орденами Красной звезды. За безупречную службу и выполнение важных поручений командования Илья Петрович Адян был награжден медалью «За боевые заслуги», а удэгеец из Красного Яра Канчуга Петр Найбович был удостоен награды правительства Кореической Народной Республики. За один из кровопролитных боев за обладание стратегически важного объекта отмечен орденом Отечественной войны II степени и бикинский нанаец Дункай Соза Семенович. Орденов и медалей Советского Союза за боевые действия с японцами удостоены удэгейцы из рода Кялундзига – Муса, Удзали, Петр, Семен, Илима, Сидор, Василий и Лукса; орденосцами стали и сородичи рода Кимонко – Санчи, Джанси, Александр и Удзулю; из рода Пеонка отличились Петр, Пимка и Мереван; В числе награжденных боевыми наградами были и удэгейцы Сигдэ Данила, Куенка Лоболо, Алексей, Николай, Александр и Гулино Канчуга, Кукченко Семен, Суляндзига Леонид, Геонка Сусан и многие другие жители национальных поселков Приморского края и удэгейского села Гвасюги, расположенного в Хабаровском крае.

Дорого далась победа советскому народу над фашистской Германией и милитаристской Японией. Среди погибших более чем 20 млн советских граждан были и коренные жители национальных селений Приморья и Приамурья. Из 32 хорских удэгейцев и 78 жителей национальных сел Красного Яра и Олона, участвовавших в боях с фашистами и японцами, каждый третий пал смертью храбрых на полях сражений. При обороне Ленинграда погибли И.В. Суляндзига, Фусхар, Хэцэн и Тидан Дункай. Под Сталинградом сложили головы удэгейцы Я.И. Канчуга, Хайсун Канчуга, Цайсун Канчуга, Николай Суанка, Чулай Суляндзига, А.М. Суляндзига, А.С. Суляндзига, нанаец А.И. Уза, эвенки Н.П. Адян и Дмитрий Адян. При освобождении Польши

погиб удэгеец Василий Сонкуевич Канчуга, в Венгрии – удэгеец Владимир Дейцеевич Куенка. Не вернулись из Маньчжурии разведчики А.Х. Канчуга, Люца Куенка, И.И. Суляндзига, М.Г. Коленчуга, В.Е. Геонка, Нанайцы Василий Уза и Василий Офунка и многие другие.

Примеров беззаветного служения Родине представителей народностей Севера можно приводить множество. Если учесть, что в годы войны количество бикинских, иманских и самаргинских удэгейцев, нанайцев, эвенков и других народностей Приморского края не превышало и двух тысяч человек, то процент участия в войне мужского взрослого населения будет гораздо выше в сравнении с любым крупным по численности народом СССР. Поэтому мы вправе считать, что народности Севера Приморского и Хабаровского краев внесли достойный вклад в разгром немецкого фашизма и японского милитаризма, проявив патриотизм и беззаветную преданность социалистической Родине.

Список литературы

1. *Балицкий В.Г., Кисличко А.С.* Малые народы Дальнего Востока в Великой Отечественной войне. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1985. 112 с.

2. *Старцев А.Ф.* Дороже Родины ничего нет // Дальневосточный ученый. 1985. 29 мая.

3. *Старцев А.Ф.* Удэгейцы на фронтах Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война: итоги и уроки: сб. науч. ст. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2010. С. 70–74.

**Надежный заслон шпионам и диверсантам
(из опыта служебно-боевой деятельности внутренних
войск в период битвы за Москву)**

V.V. Baskakov

**Reliable Barrier to Spies and Saboteurs
(From the Experience of Service and Combat Activities
of the Internal Troops During the Battle of Moscow)**

Аннотация. На основе анализа опубликованных источников и введенных в научный оборот архивных материалов предпринята попытка комплексного исследования служебно-боевой деятельности внутренних войск в период битвы за Москву. Наряду с участием в оборонительных и наступательных операциях, они выполняли ответственные задачи по обеспечению общественного порядка, охране особо важных предприятий промышленности, железных дорог, конвоированию осужденных и военнопленных, ликвидации последствий нападения фашистских самолетов и охране тыла действующей армии. На военнотружущих внутренних войск дополнительно возлагались патрулирование и наблюдение в районах возможной высадки десантов и диверсантов противника.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; битва за Москву; внутренние войска; шпионаж; диверсанты.

29 июля 1941 г. штабом войск Московского военного округа был разработан и утвержден «План борьбы против авиадесантов противника». С этой целью в радиусе 150 км от столицы были созданы Западный и Восточный боевые участки, состоящие из трех секторов каждый и резерва войск Московского гарнизона, в т.ч. внутренних войск НКВД¹. Восточный участок (1-й, 2-й и 6-й секторы) возглавил начальник Московского высшего технического учили-

¹ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 38261. Оп. 1. Д. 60. Л. 49.

ща комбриг Д.П. Жебровский. Руководство Западным боевым участком (3-й, 4-й и 5-й секторы) осуществлял командир отдельной мотострелковой дивизии особого назначения (ОМСДОН) им. Дзержинского генерал-майор М.П. Марченков. В целях своевременного обнаружения и ликвидации вражеских десантов на начальников боевых участков возлагалась задача высылать на важнейших направлениях к столице мобильные передовые отряды, обеспеченные надежной связью с начальниками участков и соответствующих секторов. Такие отряды, представлявшие собой стрелковые роты, усиленные артиллерией и способные автономно действовать в течение недели в заданных районах, были выставлены Западным и Восточным боевыми участками в десяти населенных пунктах на удалении 40–60 км от Москвы.

Критическое положение на Западном фронте начало складываться осенью 1941 г., когда немецко-фашистские войска рвались к Москве, а части Красной армии вели тяжелые оборонительные бои. 5 октября Государственный Комитет обороны (ГКО) принял решение о защите столицы¹. От Западного боевого участка каждым сектором ежедневно высылалось 5–7 передовых отрядов. При этом им нередко приходилось вести боевые действия с превосходящими силами противника.

12 октября 1941 г. заместитель Наркома Обороны СССР генерал армии Г.И. Кулик направил на имя Верховного Главнокомандующего докладную записку, в которой сообщал: «Считал бы необходимым организовать по каждому шоссе, идущему на север, запад и юг от Москвы, группу командного состава, во главе поставить боевого командира, умеющего организовать на поле боя отражение танков противника. Обязательно придать этим группам заградительный отряд для остановки бегущих» [1, с. 236]. В этот же день ГКО принял постановление «Об охране Московской зоны обороны». Исходя из необходимости наведения жесткого порядка на тыловых участках фронта и прилегающих к Москве территорий, приказом НКВД СССР от 13 октября 1941 г. была создана охрана Московской зоны оборо-

¹ РГВА. Ф. 32924. Оп. 1. Д. 227. Л. 324.

ны (МЗО) в составе 7 секторов. Для их укомплектования выделялось 13 оперативных батальонов внутренних войск. Оперативные батальоны дислоцировались в Клину, Можайске, Подольске, Кашире, Бронницах, Истре и ряде других городов Подмосковья. Уже 14–15 октября были выставлены заградительные заставы на наиболее опасных направлениях – Малоярославском и Можайском. Задачи, выполняемые секторами охраны МЗО, во многом были аналогичны задачам, которые выполняли войска НКВД по охране тыла Западного фронта¹.

В связи с приближением фронта к Москве 16 октября был утвержден разработанный НКВД план сосредоточения в городе внутренних войск, в соответствии с которым на них возлагалась задача находиться в готовности к ведению боевых действий на ленинградском, волоколамском, малоярославецком и каширском направлениях, а также к защите городского рубежа обороны. Для ее выполнения вместо двух прежних секторов были образованы три новых: северо-западный, охватывающий территорию между Можайским и Ярославским шоссе, западный и юго-западный – между Можайским и Каширским шоссе, восточный – в пределах Каширского и Ярославского шоссе. Начальниками секторов соответственно стали генерал-майоры К.Р. Синилов, М.П. Марченков и полковник К.Г. Войтелов.

Важное значение для защиты столицы СССР имело постановление о введении в Москве осадного положения, принятое ГКО 19 октября 1941 г. В городе устанавливался более жесткий режим, расширялись полномочия правоохранительных органов, должностных лиц, проводивших в жизнь режим осадного положения и осуществлявших контроль за его соблюдением. Во всех воинских частях и соединениях, защищавших столицу, устанавливался строжайший порядок. Каждый случай нарушения дисциплины решительно пресекался. В целях принятия более эффективных мер по обеспечению порядка и поддержанию законности в Москве, управлению воинскими частями, расположенными в черте города, приказом НКВД СССР № 0452 11-я и

¹ РГВА. Ф. 38260. Оп. 1. Д. 239. Л. 88–89.

12-я дивизии внутренних войск, а также кавалерийский полк ОМСДОН в оперативном отношении были подчинены военному коменданту столицы генерал-майору К.Р. Синилову. По сводкам военной комендатуры Москвы, только с 19 по 20 октября 1941 г. в столице было задержано 1530 человек, в т.ч. 1442 военнослужащих, отставших от своих частей. После проведенной проверки 1375 из них были отправлены на фронт¹.

С выходом немецко-фашистских войск на ближние подступы к Москве подрывная деятельность германских спецслужб стала более активной и изощренной. Однако пути вражеской агентуры оказались надежно перекрыты работниками правоохранительных органов и военнослужащими внутренних войск, о чем свидетельствуют многочисленные примеры. Так, 26 октября 1941 г. во время воздушной тревоги патруль, во главе с ефрейтором Арестовым, задержал неизвестного, который подавал сигналы немецким самолетам². 19 ноября на Белорусском вокзале столицы старший патруля красноармеец В.Ф. Лошилов задержал воентехника 2 ранга В.Г. Раменского, который при проверке оказался агентом германской разведки. Как выяснилось позднее, он был завербован сотрудниками абвера еще в плену и направлен в Москву.

Особое значение служба по охране общественного порядка и безопасности в столице приобрела с введением осадного положения. Перед личным составом внутренних войск была поставлена задача обеспечить порядок в Москве. Постановление ГКО было встречено военнослужащими с пониманием и воодушевлением. Командирами 7-го, 9-го и 20-го полков 2-й ОМСДОН в оперативное подчинение комендантов районов было выделено по одной роте. Уже за первые сутки введения в столице осадного положения личным составом этого соединения было задержано более 400 чел., в т.ч.: 86 дезертиров, 4 провокатора, 311 нарушителей постановления ГКО. 30 октября около 4 часов утра патрульными 7-й роты 20-го мотострелкового полка красноармейцами Ямпольским и Топетиковым на улице Серова были

¹ РГВА. Ф. 38261. Оп. 1. Д. 60. Л. 60.

² РГВА. Ф. 38275. Оп. 1. Д. 32. Л. 139–140.

задержаны двое грабителей, похитивших из кассы магазина 25 тыс. руб. Оба преступника с похищенными деньгами были доставлены в отделение милиции¹.

Следует заметить, что вопросам совершенствования качества патрульной службы в Москве, повышения ее эффективности уделялось большое внимание. Например, во 2-й мотострелковой дивизии с целью улучшения состояния дел в этом вопросе специально были изданы два приказа: № 46 от 14 ноября 1941 г. «О повышении качества несения патрульно-постовой службы частями, обеспечивающими революционный порядок в Москве» и № 66 от 27 ноября «О недостатках в несении патрульной службы заставами». В них на основе анализа, проведенного командованием соединения, были вскрыты имевшие место недостатки, определены меры и сроки по их устранению. К сожалению, пожар в здании Главного управления внутренних войск в 1946 г. уничтожил большинство документов этого соединения [1, с. 94]. Тем не менее сохранившиеся донесения о служебно-боевой деятельности 2-й мотострелковой дивизии за период с 20 октября по 28 декабря 1941 г. позволяют получить представление, свидетельствующее о высоком качестве ее результатов.

Высокую бдительность проявили при выполнении поставленных задач военнослужащие дивизии им. Ф.Э. Дзержинского. Только за первый месяц со дня введения в столице осадного положения личным составом соединения было задержано 29 шпионов, 5 диверсантов, 512 распространителей провокационных слухов, 698 уголовников. Всего же, выполняя постановление ГКО от 19 октября 1941 г., в девяти районах столицы военнослужащие дивизии задержали 485 вражеских агентов, 69 753 дезертира и более 32 000 нарушителей установленного режима².

С объявлением в Москве осадного положения личный состав внутренних войск НКВД должен был находиться в готовности к защите городского рубежа обороны. Он состоял из трех полос, гра-

¹ Центральный архив Министерства обороны РФ. Ф. 117. Оп. 121915. Д. 459. Л. 165.

² РГВА. Ф. 387752. Оп. 1. Д. 2. Л. 236.

ницы которых проходили по окружной железной дороге, Садовому и Бульварному кольцу. Так, 2-я мотострелковая дивизия, в случае прорыва войск противника, должна была прикрывать город с северного и северо-западного направлений (между Ярославским и Можайским шоссе)¹. Отдельный отряд особого назначения НКВД СССР получил задачу совместно с танковым батальоном и артдивизионом дивизии им. Ф.Э. Дзержинского подготовить к обороне центр Москвы – Красную площадь, пл. Свердлова, пл. Маяковского и пл. Пушкина с целью не допустить прорыва противника через Садовое кольцо к Кремлю; в районах прилегающих к ним улиц обеспечить поддержание надлежащего порядка.

Главной задачей для военнослужащих секторов было не допустить проникновения в Москву агентов врага, дезертиров и неорганизованных групп военнослужащих. Распределение сил и порядок действий каждого сектора регламентировались специальными директивами Штаба охраны Московской зоны.

В связи с реальной угрозой захвата противником Москвы, 19 ноября 1941 г. Ставкой Верховного Главнокомандования был издан приказ, которым предписывалось «при вынужденном отходе войск с Можайской линии обороны шоссе Москва–Горький войсками и транспортом не занимать». Горьковское шоссе приобрело в сложившейся ситуации особое значение, поскольку стало основной магистралью восточного направления, по которой шла эвакуация населения и материальных ценностей². В целях поддержания установленного порядка на основной трассе и прилегающих к ней окрестностях приказом НКВД СССР от 27 ноября 1941 г. был сформирован восьмой – Ногинский сектор охраны Московской зоны. Его возглавил начальник автотрассы Москва – Горький полковник В.А. Горишный.

В конечном счете, за период с 14 октября 1941 г. по 1 января 1942 г. секторами охраны Московской зоны обороны были задержаны 161 диверсант, 98 119 военнослужащих, отставших от своих частей, из которых 95 653 чел. были направлены на пункты

¹ РГВА. Ф. 40. Оп. 1. Д. 1033. Л. 115.

² РГВА. Ф. 32924. Оп. 1. Д. 89. Л. 6.

формирования. Кроме вышеперечисленных задач, военнослужащие секторов оказывали помощь местным партийным и советским органам в эвакуации населения, народно-хозяйственных грузов, в проведении мероприятий по укреплению правопорядка.

Важной стороной деятельности секторов охраны были ведение разведки и организация партизанского движения в тылу врага, создание баз продовольствия и боезапаса для партизан. Задачи по организации партизанского движения на временно оккупированной врагом советской территории были определены в директиве СНК СССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей от 29 июля 1941 г. и постановлении ЦК ВКП(б) от 18 июля 1941 г. «Об организации борьбы в тылу германских войск». Созданный в октябре 1941 г. из сотрудников правоохранительных органов, бойцов истребительных отрядов и военнослужащих внутренних войск истребительный мотострелковый полк НКВД уже к 20 мая 1942 г. подготовил и направил в тыл противника 125 отрядов и групп общей численностью 3678 человек.

Высокой эффективностью характеризовалась разведывательная работа, проводимая секторами охраны Московской зоны обороны. Только Волоколамский сектор в октябре 1941 г. направил за линию фронта 5 своих групп, а Малоярославецкий сектор в ночь на 14 ноября 1941 г. через линию фронта 33 армии забросил в тыл противника три диверсионно-разведывательные группы. Смелый рейд в тыл врага юго-западнее г. Зарайска совершил 2 декабря истребительный батальон под командованием лейтенанта Бакшеева (Коломенский сектор)¹. Выполняя разведывательные задачи, военнослужащие внутренних войск нередко совершали дерзкие налеты на фашистские гарнизоны. Так, разведвзвод старшего лейтенанта Захарова (Волоколамский сектор) совместно с ротой пограничников успешно атаковал танковое подразделение противника и выбил его из деревень Юшково и Петровское, уничтожив 80 вражеских солдат и офицеров, 8 танков, 10 орудий и захватив большие трофеи, в т.ч. два боевых знамени. Всего же в ноябре-декабре 1941 г.

¹ РГВА. Ф. 32924. Оп. 1. Д. 228. Л. 3.

штаб охраны МЗО организовал заброску в тыл врага более 1500 человек. Добытые сведения передавались командованию фронтов для нанесения ударов по захватчикам.

Таким образом, деятельность военнослужащих внутренних войск и сотрудников органов внутренних дел сыграла важную роль в организации борьбы в тылу противника, оказала существенную помощь частям Красной армии в разгроме врага под Москвой. Достаточно подчеркнуть, что за весь период Московской битвы личным составом секторов было задержано и профильтровано 116 711 человек, в т.ч. 104 960 военнослужащих.

За проявленные высокую бдительность, стойкость и мужество 106 военнослужащих секторов по охране МЗО Указом Президиума Верховного Совета СССР от 25 апреля 1942 г. были награждены орденами и медалями, в т.ч. 19 – посмертно.

Успешное выполнение личным составом внутренних войск ответственных служебно-боевых задач в период битвы за Москву явилось достойным вкладом в оборону столицы нашей Родины.

Список литературы

1. Смирнов П.А. Советский Союз в первый период Великой Отечественной войны. Л., 1990.

УДК 940.4

А.Т. Абдулина

Казахи в национальном составе Героев Советского Союза

A.T. Abdulina

Kazakh in the National Structure of Heroes of the Soviet Union

Аннотация. Исследуется национальный состав Героев Советского Союза. Как показали статистические данные, казахи занимали шестое место по численности воинов, удостоенных звания Героя Советского Союза, что

свидетельствует о более высокой степени их советизации и сохранении традиций батырства в казахской среде.

Ключевые слова: Вторая мировая война; Герой Советского Союза; героизм; гитлеровская Германия; национальный состав; советизация.

В этом году исполняется 75 лет со дня победы над нацистской Германией, заслуженно получившей эпитет «Великой победы» и признаваемой таковой в большинстве постсоветских государств. Обострение международной обстановки в мире после Крымского кризиса 2014 г., гражданской войны в Украине, событий «арабской весны» и последующего затяжного вооруженного конфликта в Сирии, привело к резкому противостоянию евроатлантических стран во главе с США с Россией, признанию ее т.н. ревизионистской державой, угрожающей мировой безопасности. На этой волне русофобии все активнее звучат призывы пересмотра причин, хода и итогов Второй мировой войны.

В Казахстане на официальном уровне и в среде профессионального сообщества историков не поддерживается линия на ревизию истории самого страшного глобального конфликта человеческой цивилизации в отношении Советского Союза, в составе которого казахстанцы внесли существенный вклад в победу. Историки Казахстана ратуют за объективное, основанное на изучении архивных документов изучение истории войны, в особенности тех проблем, которые были «закрытыми» в советское время: людские потери в начальный период войны, создание штрафных заградительных отрядов, деятельность Туркестанского легиона и пр.

После нападения гитлеровской Германии на СССР Великая Отечественная война стала наиболее значимой частью Второй мировой войны. Война всколыхнула народ, подняла до подлинных высот его дух, готовность сражаться за освобождение страны от захватчиков. На полях сражений, в тылу врага совершались каждодневно безымянные подвиги, которые подобно мелким ручьям, сливающимся в единое русло реки, привели к капитуляции фашистской Германии.

Хотя правительственные награды нашли не всех героев, но имена многих из них уже навечно вписаны в летопись истории

«огненных лет». «Война уже стала историей. Но так ли это? Для меня ясно одно: главные участники в истории – это Люди и Время!» – писал Юрий Бондарев. Казахстанцам есть кого вспоминать. Дивизии и бригады, сформированные в Казахстане, прошли большой путь по фронтовым дорогам, покрыв себя неувядаемой славой. За доблесть и героизм 96 638 воинов-казахов награждены орденами и медалями СССР, 497 воинов Казахстана удостоены высокого звания Героя Советского Союза, из них 97 были казахами [1, с. 271].

Всего до начала Великой Отечественной войны звания Героя было удостоено 626 человек [2, с. 27], но подавляющее количество Героев Советского Союза появилось в годы войны: 11 501 человек или 92 % от общего числа лиц, удостоенных этого звания. Уже 8 июля 1941 г. был издан Указ о награждении летчиков-истребителей С.И. Здоровцева, М.П. Жукова и П.Т. Харитоновых [3], совершивших первые тараны вражеских самолетов. Это были пионеры-герои общенародной войны из рядов военно-воздушных сил, ратное служение которых согласно массовому сознанию тех лет, характерному и для сталинского руководства, было наиболее героическим.

В советское время, несмотря на жесткую линию по формированию единого советского народа, вопрос о национальном составе героев поднимался, но не нашел всестороннего научного изучения в силу ограничений политико-пропагандистского характера. В 2000-е гг. интерес к данной теме возник в рамках нового направления в методике научных исследований – просопографии, метода создания коллективного портрета советского Героя на основе обработки массовых данных первичных источников, т.е. биографий воинов [4]. Просопографический инструментарий позволяет выявить влияние социокультурных, этнических факторов на поведение человека, в т.ч. в экстремальных обстоятельствах боевых действий.

Сопоставление состава Героев Советского Союза в национальном разрезе в соотношении с их численностью по данным

Всесоюзной переписи населения 1939 г. (табл. 1) выявило следующие особенности [5, с. 10]:

Таблица 1

Сравнительный анализ военнослужащих, удостоенных звания Герой Советского Союза, в национальном разрезе в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Националь- ность	Числен- ность	Доля в населении СССР, %	Числен- ность Героев Советского Союза	Доля в общем чис- ле Героев Советского Союза, %	Один герой на тыс. чел.
Русские	99 591 520	58,39	8160	70,96	12 000
Украинцы	28 111 007	16,48	2069	17,99	13 000
Белорусы	5 275 393	3,09	309	2,69	16 000
Татары	4 313 488	2,53	161	1,40	26 791
Евреи	3 028 538	1,78	108	0,94	28 042
Казахи	3 100 949	1,82	97	0,84	31 969
Грузины	2 249 636	1,32	90	0,78	24 996
Армяне	2 152 860	1,26	90	0,78	23 920
Узбеки	4 845 140	2,84	69	0,60	70 219
Мордва	1 456 330	0,85	61	0,53	23 874
Чуваши	1 369 574	0,80	44	0,38	31 127
Азербай- джанцы	2 275 678	1,33	43	0,37	52 923
Башкиры	843 648	0,49	39	0,34	21 632
Осетины	354 818	0,21	32	0,28	11 088
Таджики	1 229 170	0,72	14	0,12	87 798
Туркмены	812 404	0,48	18	0,16	45 134

Литовцы	32 624	0,02	15	0,13	2175
Латыши	114 476	0,07	13	0,11	8805
Кыргызы	884 615	0,52	12	0,10	73 718
Удмурты	606 326	0,36	10	0,09	60 633
Карелы	252 716	0,15	8	0,07	31 590
Эстонцы	143 589	0,08	8	0,07	17 949
Калмыки	134 402	0,08	8	0,07	16 800
Кабардинцы	164 185	0,10	7	0,06	23 455
Адыгейцы	88 115	0,05	6	0,05	14 686
Абхазы	59 003	0,03	5	0,04	11 801
Якуты	242 080	0,14	3	0,03	80 693
Молдаване	260 418	0,15	2	0,02	130 209
<i>Итого</i>	170 557 093	100	11 501	100	–

В национальном составе Советского Союза более 58 % населения составляли русские, но удельная доля героев достигла более 70 %, у украинцев положительная разница между удельными долями не превысила 1,51 %, у осетин – 0,07 %, у литовцев – 0,11 %, у латышей – 0,04 %, у абхазов 0,01 %, у адыгейцев удельные доли совпали. По остальным этносам показатели Героев Советского Союза ниже показателей удельной доли в составе населения страны. По казахам разница составляет 0,98 %, казахи следуют за мордвой, туркменами, чувашами, армянами, грузинами, кыргызами, таджиками, евреями и др. В целом в СССР один герой приходился на 15 000 чел., у русских на – 12 000, у украинцев – на 13 000, у белорусов на – 16 000, у татар – на 26 791, евреев – на 28 042, у казахов – на 31 969 чел.

Таким образом, казахи занимали шестое место по численности воинов, удостоенных звания Героя Советского Союза, но в аспекте соотношения одного героя на численность населения по переписи 1939 г. казахи уступают некоторым национальностям, спустившись на 19 место, за ними узбеки, азербайджанцы, та-

джики, туркмены, кыргызы, удмурты, якуты, молдаване. Однако полученные статистические показатели носят относительный характер, т.к. проведено сравнение количества Героев Советского Союза и численности национальностей по данным переписи 1939 г., которые не дают представление о численности всех призванных на фронт в Великую Отечественную войну за 1941–1945 гг. в национальном разрезе. Вероятно, такой статистики не проводилось в годы войны.

Более точные данные по отдельным национальностям имеются по количеству погибших в Великую Отечественную войну (табл. 2), которые показывают, что казахи находились также на 6 месте (1,45 % от об общего числа погибших), а удельная доля погибших казахов от их общей численности составила 4,05 %. Казахи по последнему показателю занимают 7-е место, следуя после русских, украинцев, белорусов, татар, евреев, чувашей, марийцев [6, с. 22].

Таблица 2

**Сравнительный анализ погибших
военнослужащих в национальном разрезе в годы
Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.**

Националь- ность	Числен- ность в СССР на 1939 г.	Число погибших воен- нослужа- щих	% в насе- лении СССР на 1939 г.	% от общего числа погибших воен- нослужа- щих	% погибших воен- нослужа- щих от общей чис- ленности данной на- ционально- сти
Русские	99 591 520	5 756 000	58,39	66,4	5,78
Украинцы	28 111 007	1 377 400	16,48	15,89	4,9
Белорусы	5 275 393	252 900	3,09	2,92	4,79
Узбеки	4 845 140	117 900	2,84	1,36	2,43

Татары	4 313 488	187 700	2,53	2,17	4,35
Казахи	3 100 949	125 500	1,82	1,45	4,05
Евреи	3 028 538	142 500	1,78	1,64	4,71
Азербай- джанцы	2 275 678	58 400	1,33	1,33	2,57
Грузины	2 249 636	79 500	1,32	0,92	3,53
Армяне	2 152 860	83 700	1,26	0,97	3,89
Чуваши	1 369 574	63 300	0,8	0,73	4,62
Таджики	1 229 170	22 900	0,72	0,26	3,37
Киргизы	884 615	26 600	0,51	0,31	3,01
Народности Дагестана	857 499	11 100	0,5	0,13	1,29
Башкиры	843 648	31 700	0,49	0,37	3,76
Туркмены	812 404	21 300	0,48	0,25	2,62
Удмурты	606 326	23 200	0,36	0,27	3,83
Чеченцы/ Ингуши	500 088	2300	0,29	0,03	0,46
Марийцы	481 587	20 900	0,28	0,24	4,34
Осетины	354 818	10 700	0,21	0,12	3,02

В годы Второй мировой войны 1 366 164 казахстанца были мобилизованы на фронт, составив 21,1 % довоенного населения. Военные потери в результате гибели на полях сражений, от ран, пленения достигли 601 011 человек (44 % мобилизованных), из них более половины – 350 000 были казахами [7, с. 121]. Значительные потери казахов на фронтах войны свидетельствуют об их массовом героизме, стойкости в выполнении воинского долга перед родиной, сохранении древней традиции «батырства», приверженности новым социалистическим идеалам по сравнению с

представителями других центрально-азиатских этносов (узбеков, туркмен, таджиков, кыргызов). Названные факторы повлияли также на национальный состав Героев Советского Союза: у казахов один герой приходится на 31 969 чел., а у таджиков – 87 798, у узбеков на 70 219, у кыргызов – 73 718, у туркмен – 45 134 чел.

Среднеазиатские этносы, расселенные в относительной отдаленности от России и не обладавшие (за исключением Туркмении) значительными запасами углеводородного сырья, в меньшей степени по сравнению с казахами испытали на себе сталинскую модернизацию, связанную с изменением традиционного образа жизни и формированием мировоззрения «строителя социализма». В 1920-е гг. в Средней Азии развивалось мощное басмаческое движение, пытавшееся бороться с новым режимом большевиков. Казахстан же, являясь транзитной территорией между Россией и Средней Азией, уже в XIX в. подвергся атакам массированных волн переселений русскоязычного населения, изменивших национальную карту республики. Кроме того, Казахстан обладал большими запасами сырья, необходимого для индустриализации, что привело к его активной модернизации. Казахи в Центральной Азии оказались этносом более «советизированным», что предопределило его большую социальную активность в период войны.

Таким образом, казахстанцы внесли существенный вклад в победу Советского Союза во Второй мировой войне, заплатив своими жизнями за мирное существование последующих поколений.

Список литературы

1. Книга памяти Казахстана. Алма-Ата, 1995. 401 с.
2. Герои Советского Союза: Историко-статистический очерк / Д.Н. Артамонов, А.А. Бабаков, Н.В. Борисов и др. / под ред. И.Н. Шкадова. М.: Воениздат, 1984. 288 с.
3. Герои Советского Союза: краткий биографический словарь: в 2 т. Т. 1. Абаев – Любичев / пред. ред. коллегии И.Н. Шкадов.

М.: Воениздат, 1987. 911 с.; Т. 2. Любов – Ящук / пред. ред. коллегии И.И. Шкадов. М.: Воениздат, 1988. 863 с.

4. Дьячков Г.В. Герои Советского Союза периода Второй мировой войны: социокультурный облик: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2008. 47 с.

5. Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги. М.: Наука, 1992. 256 с.

6. Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил: Статистическое исследование / под общ. ред. Г.Ф. Кривошеина. М.: Олма-Пресс, 2001.

7. Тасбулатов А.Б., Аманжолов К.Р. Военная история Казахстана: очерки. Алматы: Рауан, 1998. 175 с.

УДК 9471(575.3)

З.И. Акрамов, М.И. Акрамов

**Письма воинов Таджикистана
в годы Великой Отечественной войны
на примере писем Усмона-танкиста**

S.I. Akramov, M.I. Akramov

**Letters from Envoys of Tajikistan
During the Great Patriotic War on the Example
of Letters from Usmon the Tankman**

Аннотация. Проведена реконструкция участия воинов-таджикистанцев, на примере Усмона Ахмедовича Акрамова, который прошел боевой путь от начала Советско-финской и Великой Отечественной войны до момента освобождения советскими войсками стран Восточной Европы. Выявлены из семейного архива письма У. Акрамова, отправленные с фронта, которые свидетельствуют о высоком чувстве патриотизма, искренней преданности идеалам Советского государства, любви к Большой и малой Родине.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; Юго-западный фронт; Сталинградская битва; Воронежский фронт; 1-й Украинский фронт; Восточно-Карпатская операция; Дуклинская операция.

9 мая 2020 г. исполнилась 75-я годовщина Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Ценою невероятных усилий и колоссальных потерь все нации и народности бывшего СССР смогли не только отстоять свободу и независимость своей социалистической Родины, но и, выполняя свой интернациональный долг, освободить народы Европы от фашистского ига и добить врага в его собственном логове. Сегодня как никогда тема Великой Отечественной войны остается актуальной в исторической науке. Рост и популяризация нацизма и фашистской идеологии, фальсификация и попытки пересмотреть роль советского народа в деле разгрома коричневой чумы XX в. вновь обращает внимание научных кругов к событиям тех лет.

С началом Великой Отечественной войны весь многонациональный народ СССР в едином порыве встал на защиту своей Родины. Свой весомый вклад в дело разгрома немецко-фашистских орд внесли и воины Таджикистана. В ряды Красной армии вступили и сражались на фронтах войны более 280 тыс. лучших сынов и дочерей Таджикистана. Из них 90 тыс. не вернулись с фронта домой, пав смертью храбрых на полях сражений. Более 55 тыс. воинов-таджикистанцев за героизм, проявленный в боях с немецко-фашистскими захватчиками, были награждены орденами и медалями. Из них высших наград Героя Советского Союза были удостоены 57 воинов, а 19 воинов-таджикистанцев стали кавалерами орденов Славы трех степеней [1]. Доблестные сыны Таджикистана в дни войны своим личным примером показали образцы мужества, героизма и служения Родине. Одним из них был Акрамов Усмон Ахмедович.

Акрамов Усмон родился в 1921 г. в городе Ленинабаде в семье пекаря. В начале 1930-х гг. отца Усмона направили в Сталинабад работать на только построенном хлебопекарном заводе № 1 и вся семья переехала вместе с ним в Сталинабад. Сам Усмон, окончив школу, поступил на работу в одну из школ Железнодорожного района учителем истории. Позднее стал учителем начальной школы № 1 в городе Гиссаре. Кроме того, он был активным членом Осоавиахима.

Судя по сохранившимся письмам с фронта, Усмон в совершенстве владел русским языком и обладал грамотным письмом как латинскими буквами, так и кириллицей. Творческий талант, безоговорочная вера идеалам своей эпохи, человечность и любовь к своей малой и большой Родине определили дальнейшую его судьбу. Усмон писал письма домой, родным и близким очень много. Любил фотографироваться и фото своих друзей однополчан отправлял домой, в Душанбе. Они хранятся в семейном архиве Акрамовых. Имеется и групповое фото экипажа его танка. С оборотной стороны фото указаны имена и фамилии экипажа с указанием командира.

В своих письмах Усмон использует литературный таджикский язык. Воздерживается от сокращения слов и использования ходжентского диалекта таджикского языка. Это свидетельствует о его начитанности, знакомстве с произведениями классической и новой уже советской таджикской литературы, периодической печати. В одном из писем приводится четверостишие в традициях таджикской культуры. Усмон аргументирует необходимость защищать Родину, свою землю и близких, а также говорит о долге и обязанностях каждого юноши. Поиски автора этого четверостишья ни к чему не привели. Вероятнее всего, оно принадлежит самому У. Акрамову.

Из писем Усмона видна его соответствующая духу времени политическая и идеологическая подкованность. Среди его книг, сохранившихся до сих пор, есть политико-партийная литература, произведения вождей Советского государства.

В письмах проявляется и забота о младшем брате Иноме (отце авторов статьи). Обращаясь с уважением как уже к взрослому юноше, он призывает Инома заботиться о родителях. К тому времени Ином был единственным ребенком, оставшимся с родителями. Остальных детей по разным причинам семья Акрама Ахмедова и Нориниссо Раджабовой потеряла.

Письма У. Акрамова свидетельствуют о его зрелости, убежденности в справедливости Победы своего народа над гитлеровским фашизмом.

30 ноября 1939 г. началась Советско-финская война. У. Акрамова призвали в ряды РККА и направили на Северо-Западный фронт. Вместе со своими братьями по оружию он участвовал в ожесточенных боях на Карельском перешейке. Ни наступившие холода, ни болотистая местность, ни укрепленные сооружения линии Маннергейма не могли сдержать наступательный порыв советских войск.

Войсковые сражения, картины боя, грохот канонады и мощь советского оружия производили на бойцов неизгладимое впечатление. Окреп воинский дух, появилось чувство боевого братства, сплоченности всех наций и народов СССР перед общим врагом. Судя по фотографиям с фронта и надписям на них, можно увидеть, насколько крепка была дружба: «На долгую память фронтовому другу – Саше! Помни друга – Алексея!» Боевые товарищи дружески называли Усмона именем Саша.

В одном из танковых сражений под Суммой на позиции взвода, в котором служил Усмон, враг сосредоточил 16 танков против двух советских тяжелых танков КВ-2. Два советских танка и взвод автоматчиков сумели уничтожить все 16 танков врага. Снаряды же вражеской артиллерии не смогли пробить броню наших танков. Воодушевленный мощью советской бронетехники, Усмон решил во чтобы то ни стало выучиться на танкиста.

Рис. 1. Усмон Ахмедович Акрамов после излечения от полученных ран и в период реабилитации работал над подготовкой кадров для фронта в военном комиссариате города Сталинабад Таджикской ССР. Май, 1943 г.

По окончании Советско-финской войны 18 марта 1940 г. У. Акрамов был направлен в Харьковское танковое училище для прохождения трехмесячных курсов механиков-техников-водителей боевых машин. По окончании курсов в звании младшего лейтенанта механика-водителя его направили в 216-й отдельный танковый батальон в составе 66-й танковой бригады 4-го гвардейского танкового корпуса 27-й армии.

Затем началась Великая Отечественная война. Танковый корпус, в котором служил У. Акрамов, с тяжелыми арьергардными боями отступал к р. Дон. Против советских войск на данном направлении враг бросил 47 дивизии, в т.ч. танковые дивизии СС «Великая Германия», «Рейх», «Тотен Копф». Во время одного из боев танк экипажа У. Акрамов был подбит вражеским снарядом. Усмон со своими ранеными товарищами был выведен с поля боя и переправлен на лечение в один из прифронтовых госпиталей. В результате полученных ранений Усмон потерял два ребра и стал хромать на одну ногу. Он был отправлен на реабилитацию в свой родной Сталинабад.

Рис. 2. Гвардии лейтенант, механик по ремонту боевых машин 12-й танковой бригады в составе 4-го корпуса 6-й армии 1-го Украинского фронта Усмон Ахмедович Акрамов накануне Львовско-Сандомирской операции и взятия стратегического пункта – города Дембница.

Январь, 1943 г.

Оборонная промышленность увеличила производство новых танков Т-34 и других бронемашин. Фронту требовались опытные специалисты. Пламенное желание бить врага рядом со свои-

ми боевыми товарищами сбылось. У. Акрамов снова встал в строй, получив новую технику и быстро разобравшись в ее особенностях.

Вернувшись в свой родной 216-й танковый батальон, осенью 1942 г. Усмон участвовал в боевой операции по блокированию и разгрому 6-й армии Паулюса, в операциях под Курском и на Донбассе, в форсировании Днепра. Танк гвардии лейтенанта Усмона Акрамова сражался за Житомир, Шепетовку, Тернополь, Львов. 2 января 1943 г. за успешное наступление и самоотверженность офицерского, сержантского и рядового состава 66-я танковая бригада переименована в 12-ю гвардейскую Шепетовскую бригаду, а У. Акрамов вместе со своим экипажем был награжден орденом Боевого красного знамени.

За участие в Львовско-Сандомирской операции, в результате которой были освобождены города Тернополь и Львов, У. Акрамов был награжден медалями. За взятие важного стратегического пункта – города Дембица 12-я гвардейская танковая бригада была награждена орденом Суворова II степени и орденом Кутузова II степени. Бригада не раз попадала в окружение, но, каждый раз проявляя мужество и воинское мастерство, с боями выходила из него. Из донесения начальника штаба о боевых безвозвратных потерях следует, что на начало 1944 г. от изначального личного состава бригады осталось 32 %. Бригада более тридцати раз выводилась на доукомплектование и сколачивание.

Рис. 3. Усмон Ахмедович Акрамов и экипаж танка Т-34 накануне проведения Восточно-Карпатской операции и освобождения Чехословакии. Август, 1944 г.

В апреле 1944 г., освободив всю западную Украину, бригада в составе 1-го Украинского фронта начала свое победоносное шествие за освобождение стран Европы от немецко-фашистских захватчиков.

Рис. 4. Письма с фронта, которые Усмон Ахмедович Акрамов писал родным домой. Письма написаны латинским шрифтом и сложены в форме треугольника, что характерно было для периода Великой Отечественной войны.

29 августа 1944 г. в Словакии началось восстание против профашистского правительства. Однако силы были неравны, вскоре фашисты стали теснить повстанцев. 31 августа словацкие повстанцы обратились за помощью к Советскому правительству. Маршал И.С. Конев, докладывая в Ставку, предложил провести Восточно-Карпатскую операцию для оказания помощи повстанцам. Ставка приказала провести операцию на стыке 1-го и 4-го Украинских фронтов, цель которой заключалась в том, чтобы ударом из района Кросно на село Дуклю и Дуклинский перевал и далее на Прешов выйти в Словакию и соединиться с повстанцами.

К концу сентября советские и чехословацкие воины вышли к главному Карпатскому хребту. 20 сентября 1944 г., прорвав оборону противника, вышли к Чехословацкой границе. 21 сентября советские войска освободили первую чехословацкую деревню Калинов (район Медзилаборце). 6 октября в ходе ожесточенных боев 12-я танковая гвардейская ордена Суворова и Кутузова бригада в составе 4-й танкового корпуса 60-й армии 1-го Украинского фронта совместно с 1-м чехословацким армейским корпусом, овладев Дуклинским перевалом, вступили в предгорную долину, которая обозначалась на некоторых военных картах как «Долина смерти».

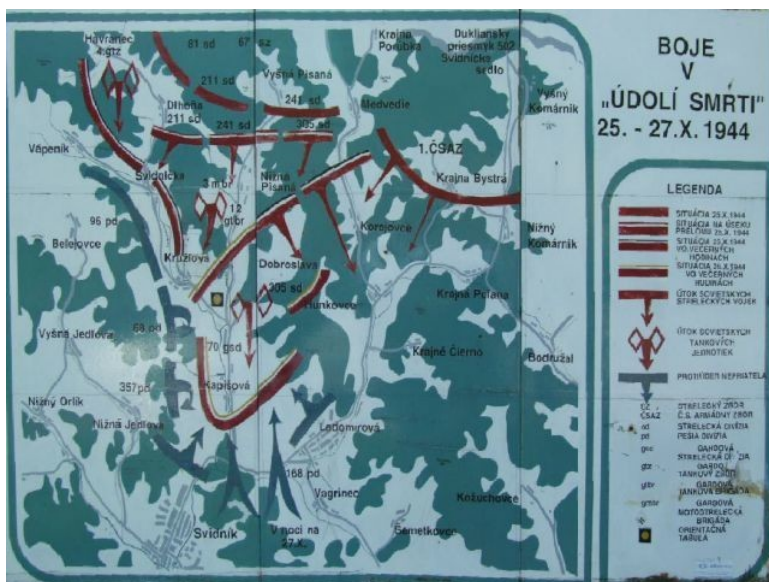

Рис. 5. План-схема боевых действий 12-й танковой бригады, в которой служил Усмон Ахмедович Акрамов в период с 25 по 27 октября, в местности под названием «Долина смерти», и где героически погиб, сражаясь с немецко-фашистскими захватчиками. Октябрь, 1944 г.

В одном из своих последних писем У. Акрамов пишет: «Дорогая Мама, Достопочтенный отец, ваш сын Акрамов Усмон, верный своему воинскому долгу и присяге, ведет ожесточенные бои с врагами нашей Родины. То, что происходит теперь, с каждым часом приближает нашу Великую Победу над злейшим врагом человечества. Надо потерпеть, осталось совсем немного, и мы, добив зверя в собственном логове, с честью вернемся в родные дома. Берегите себя! Дорогая моя Мама и Достопочтенный отец. Ваш сын Усмонджон».

Находясь в авангарде боевых сражений, 12-я танковая бригада вела неравный бой близ селения Капишово и Крузлова до подхода основных сил с превосходящими силами 1-й танковой армии генерал-полковника Хейнрици. Здесь произошло одно из самых кровопролитных сражений, в котором 31 октября 1944 г.

погиб гвардии старший лейтенант Акрамов Усмон, сгорев в танке, подбитый вражеским орудием.

Вместе со своими боевыми товарищами У. Акрамов, верный своей воинской присяге, геройски погиб, выполняя свой долг перед Родиной. Он и еще 26 843 бойца Красной армии погибли на земле Чехословакии, выполняя свой интернациональный долг. До Великой Победы над фашистской Германией оставалось ровно 190 дней. У. Акрамов был захоронен в братской могиле в Чехословакии в местечке Нижняя Писана Зборовского района.

Сегодня в память о военных событиях тех лет в «Долине смерти» установлен музей-заповедник и мемориал с именами погибших за освобождение Чехословакии от фашистских захватчиков.

Рис. 6. Музей-заповедник с мемориальным комплексом в честь советских воинов, павших за освобождение Чехословакии. Установлен в местечке Нижняя Писана Зборовского района Чехословакии.

Список литературы

1. История таджикского народа. Душанбе: Дониш, 2011. Т. VI. 742 с.

**Специфика поведенческой мотивации воинов
казахских национальных формирований
в годы Великой Отечественной войны***

S.A. Asanova

**Specificities of Soldiers' Motivation
in Kazakh National Formations
During the Great Patriotic War**

Аннотация. Статья посвящена выявлению основных факторов поведенческой мотивации воинов – казахов в первый, наиболее трагический период войны. Эта мотивация явилась основой высокой гражданской сознательности казахских солдат, офицеров и участников трудового фронта. Предпринята попытка этнологического анализа моральной мобилизации казахского народа на примере национальных войсковых формирований, что позволяет выявить социально-психологический феномен, обеспечивший высокий патриотический подъем казахских военнослужащих и их готовность к добровольной жертвенности во имя Победы. Казахи с самого первого трагического периода Великой Отечественной войны стали одними из лучших солдат Красной армии и внесли неоценимый вклад в Победу. Раскрываются изменения в содержании пропагандистской работы, дается оценка национальной и религиозной политике советской власти, направленной на мобилизационную мотивацию воюющего народа.

Ключевые слова: национальная политика; мобилизация; нация, пропагандистская работа; войсковые формирования; патриотизм; интернационализм; шовинизм; национализм.

В трагических условиях первого периода войны имела место смена идеологической парадигмы. При этом необходимо отметить эффективность идеологической работы советского правительства. После нападения фашистской Германии на СССР

* Статья написана в рамках реализации проекта «Национальные войсковые формирования Казахстана на фронтах войны (1941–1945 гг.)».

война приобретает оборонительный, а значит благородный характер защиты Отечества. Но здесь возникает очень важный и интересный нюанс – происходит определенная гуманизация пропагандистских лозунгов. Как советские граждане и товарищи в одночасье стали «братьями и сестрами великому вождю», так и образ Родины как общего социалистического отечества становится конкретно твоим домом, твоим народом, который надо защитить. Советское руководство не побоялось сделать поворот на сто восемьдесят градусов в идеологической работе. В одночасье были забыты принципы классового подхода. В качестве героев для подражания были провозглашены исторические личности классово чуждого для советской власти социального происхождения – князья, аристократы ханы и батыры. Впервые за историю уже советского Казахстана лидер местной коммунистической партии Жумабай Шаяхметов в своей речи на митинге, посвященном началу мобилизации в июне 1941 г., призвал казахских юношей обратиться к духу великих предков в лице хана Аблая и хана Кенесары. Точно такие же призывы прозвучали в другом документе – Письме казахского народа воинам-фронтовикам, под которым подписалось 3 млн казахстанцев. Текст письма был опубликован 23 февраля 1943 г. в газете «Правда», а также зачитан на казахском и русском языках по Всесоюзному радио [1, с. 152].

Подобные призывы означали частичную реабилитацию ранее запретных страниц национальной истории, правда, на очень короткий срок. Колебание идеологического курса власти чутко отслеживалось национальными элитами, которые всегда использовали любую политическую возможность для восстановления и сохранения своего культурного наследия. Примером может служить попытка создания первого варианта советской редакции «Истории Казахстана с древнейших времен до наших дней», изданной при содействии эвакуированных ученых института истории РАН во главе с академиком А.М. Панкратовой. Концепция истории казахского народа авторского коллектива основывалась на осуждении колониальной политики царизма и положительной

оценки национально-освободительного движения казахского народа. Особое внимание уделялось восстанию во главе с Кенесары Касымовым (1837–1847), как самому значительному в истории национально-освободительной борьбы казахского народа.

В тот период реанимировались не только отдельные страницы казахской истории, но и формы устной поэтической традиции, героический эпос, творчество акынов и жырау, а также живая национальная традиция – казахский айтыс. Так, по инициативе Карагандинского обкома в 1942 г. началось проведение айтысов между районами. Только за период с 1942–1943 гг. состоялись десятки областных и республиканских айтысов, на которых выступали известные акыны импровизаторы: Ш. Кошкарбаев, К. Айнабеков, Н. Байганин. Они совершали своеобразные турне по городам и аулам, что имело большой агитационно-пропагандистский эффект [2, с. 87].

Создание национальных воинских формирований находилось в том же русле изменения вектора национальной политики в экстремальных условиях первого периода войны. Решением проблемы скорейшего восполнения людских ресурсов стало возвращение, как и в годы гражданской войны, к идее создания национальных воинских формирований. Согласно постановлению Государственного Комитета Обороны от 13 ноября 1941 г., работа по подготовке резервов и формированию воинских частей для фронта должна была проводиться на местах под руководством местных партийных органов и командования военных округов. Восстановление национальных частей стало эффективным и своевременным решением данной проблемы. Оно было принято Государственным Комитетом Обороны в виде постановления за № 894 от 13 ноября 1941 г. «О формировании национальных войсковых соединений». Всего планировалось создать 20 кавалерийских дивизий и 15 отдельных стрелковых бригад: из них в Башкирской АССР – 2 кавалерийские дивизии, в Туркменской ССР – кавалерийскую дивизию и отдельную стрелковую бригаду, в Узбекской ССР – 5 кавалерийских и 9 отдельных стрелковых бригад; в Таджикской ССР – 1 кавалерийскую и

2 отдельные стрелковые бригады; в Казахской ССР – 2 отдельные стрелковые бригады и 1 кавалерийскую дивизию; в Калмыцкой АССР – одну кавалерийскую дивизию; в Киргизской ССР – 3 кавалерийские дивизии; в Чечено-Ингушской и Кабардино-Балкарской АССР – по 1 кавалерийской дивизии¹. «Ввод в бой большинства национальных соединений пришелся на одну из наиболее тяжелых фаз Великой отечественной войны – летне-осеннюю 1942 г. наступательную кампанию немецко-фашистских войск и их союзников. В результате к началу 1943 г. удельный вес представителей неславянских национальностей в действующих войсках был наиболее высоким. Если сравнить представительство различных народов СССР в армии в апреле 1943 г. с данными переписи населения 1939 г., то окажется, что удельный вес этих народов в войсках значительно превышал их удельный вес среди населения СССР накануне войны. Так, к апрелю 1943 г. доля армян в войсках составляла 1,77 %, в то время как среди всего населения этот показатель не превышал 1,27 %. Эти цифры для грузин составили 1,48 и 1,33 %, азербайджанцев – 1,40 (на 1 июля 1943 г. – 1,57) и 1,34 %, узбеков – 2,62 и 2,86 %, казахов – 2,22 (на 1 июля 1943 г. – 2,77) и 1,83 %» [3, с. 175]. Все вопросы формирования и комплектования национальных воинских подразделений находились в полной компетенции соответствующих республик. Это было серьезное важное правительственное задание в чрезвычайных условиях военного времени. Поэтому местные республиканские, областные, городские и районные комиссии, возглавляемые первым секретарем соответствующего партийного комитета (заместитель – председатель исполнительного комитета Совета депутатов трудящихся) со всей ответственностью проводили работу по отбору личного состава, обеспечению формирувавшихся частей и соединений необходимым продовольствием, фуражом, обмундированием, снаряжением, транспортными средствами. В отчетах об этой работе нередко отмечается, что призыв в национальные формиро-

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 644. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

вания во многих местах проходил «исключительно на добровольных началах». «Призывники, отмечалось в справке-отчете Алма-тинского горкома партии, – были полны страстного желания вступить в национальную кавалерийскую дивизию или стрелковую бригаду». Подводя итоги работы по формированию национальных кавалерийских дивизий и стрелковых бригад в докладной записке ЦК КП(б) Казахстана был отмечен большой патриотический подъем, который проявился осенью 1941 г. «в массовой подаче заявлений с просьбой о добровольном зачислении в эти национальные формирования»¹.

Одной из причин возвращения к практике создания национальных формирований в Казахстане в 1941 г. явилось также обострение проблемы знания русского языка со стороны «нерусского» контингента, который влился в армию в результате массовой мобилизации в национальных республиках в связи с необходимостью пополнить потерю людских ресурсов. Национальные войсковые формирования позволяли сократить сроки подготовки к боевым действиям контингента, не владевшего русским языком. Поскольку в национальных формированиях боевая и политическая подготовка велась на родном языке с учетом национальных обычаев и традиций воинов-казахов»².

Незнание русского большинством призывников «нерусской» национальности, в частности казахов, способствовало нарушению внутриармейской коммуникации, приводило к изоляции, ущемлению прав, формированию комплекса неполноценности. Поскольку официальным командным языком был русский, то от понимания команд и распоряжений командиров зависела эффективность и боеспособность воинского подразделения. Были случаи невыполнения приказа вследствие непонимания содержания команды. Воины-казахи чувствовали себя «вторым сортом», поскольку недостаточно знали русский язык, не понимали русской ментальности. Положение усугублялось пренебрежительным,

¹ Архив Президента Республики Казахстан (АПРК). Ф. 708. Оп. 5. Д. 99. Л. 63.

² Там же. С. 23.

предвзятым отношением к воинам нерусской национальности со стороны некоторых командиров как неполноценным, неспособным хорошо сражаться бойцам. Подтверждением служит докладная записка начальника Управления агитации и пропаганды Глав. ПУРККА Рубенштейна начальнику Главного политического управления Красной армии А.С. Щербакову: «...имеются факты проявления великодержавного шовинизма, не чуткого, порой грубого отношения к бойцам и младшим командирам нерусской национальности. Это ведет к тому, что в ряде случаев ...создается почва для чрезвычайных происшествий и аморальных явлений». Политорганы не организовали изучение русского языка бойцами нерусской национальности. Это изучение, имеющее огромное политическое и военное значение, идет самотеком». Сложность и острота вопроса о знании русского языка воинами нерусской национальности в Красной армии подтверждается тем фактом, что в августе 1943 г. было организовано совещание агитаторов среди бойцов нерусских национальностей. В течение 20 дней 192 агитатора, представлявших 24 национальности СССР, слушали лекции ведущих советских историков и генералов армии, профессоров и академиков – И.И. Минца, А.М. Панкратовой, И. Ярославского. Так, 1 ноября 1941 г. выходит Постановление ЦК КП Казахстана об удовлетворении просьбы командующего Дальневосточным фронтом генерала Т. Апанасенко: «...о призыве в Красную Армию и откомандировании на Дальневосточный фронт 250 коммунистов-казахов, хорошо знающих русский язык». Просьба отправить молодых казахов коммунистов, хорошо владеющих русским языком, была связана с тем, что «...из Казахстана на Дальневосточный фронт мобилизовано значительное количество граждан из казахского населения, слабо знающих русский язык». Казахо-коммунистов необходимо использовать в качестве политработников в казахской воинской среде¹.

¹ Рассекреченная война: «особые папки» ЦК КП(б) Казахстана 1941–1945: сб. док-тов. Алматы, 2010. С. 124.

Здесь хотелось бы уделить внимание термину «нерусские народы» – это понятие официально фигурировало во всех документах военного времени, так или иначе затрагивавших национальные вопросы. Хотя как таковой «нерусской национальности» не существовало, сам этот оборот свидетельствовал о том, что имела место своеобразная альтернатива – русские как государствообразующий народ, другими словами, основа государства и остальные народы СССР – нерусские. По существу, это более мягкая замена прошлого имперского понятия «туземцы». Поэтому один из главных тезисов советской историографии об интернациональном единстве народов требует корректировки. Поскольку реального равенства не было. Неравенство существовало, и оно официально закрепилось в послевоенный период в таких идеологемах, как «русский народ первый среди равных» и «старший брат в братской семье народов». «Не русскость» означала незнание русского языка и русской культуры. В силу этих отличий они с трудом входили в русскоязычную армейскую общественность. Это способствовало формированию комплекса неполноценности в сознании казахского народа, который теперь должен был найти свое место в другой – русской культуре. «Второсортность» обосновывалась и другим широко пропагандируемым тезисом о вековой отсталости казахского народа, который к моменту прихода советской власти находился на грани вымирания, и только советская власть открыла путь к прогрессу и процветанию.

Тем не менее создание национальных соединений сыграло свою роль в стимулировании мотивации казахских юношей к службе в армии. Эта служба рассматривалась казахской молодежью как реальная возможность личностного и социального роста. Стоит отметить, что аналогичная ситуация имела место в годы Первой мировой войны, когда в 1916 г. казахов призвали в армию, но не дали оружия и статуса полноценного солдата. Это вызвало волну возмущения и явилось одной из основных причин, приведших к восстанию 1916 г. Кроме того, здесь необходимо также отметить традиционно высокий статус ратного труда,

воинской службы для казахского менталитета. Отношение к войне базировалось на сохранении элементов кочевнического сознания, которые, хотя и во фрагментарных формах, еще сохранялись в национальном менталитете. Воинская служба всегда рассматривалась кочевниками в качестве достойного занятия при условии, что государство дает воину оружие, обмундирование и доставляет к месту боевых действий. Для молодых людей военная служба выступала в качестве реального социального лифта, предоставляла возможность быстрого общественного роста.

Еще одним фактором успешной поведенческой мотивации стало изменение религиозной политики власти. Руководство, страны в трагические первые месяцы войны вынуждено было реабилитировать роль и место религии в жизни советских людей. Причин, из-за которых атеистическая советская власть решилась повернуться лицом к религии, было несколько. Во-первых, представители всех конфессий, в т.ч. и мусульмане, с первых дней войны заняли открытую патриотическую позицию. Позабыв все гонения и преследования, верующие принимали самое активное участие в военных действиях, а также в сборе материальных средств для нужд Красной армии. Исламские священнослужители помогли советскому руководству поднять моральный дух граждан Советского Союза мусульманского вероисповедания и мобилизовать их силы на борьбу с гитлеровским агрессором. В Докладной записке секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову о патриотической роли мусульманского духовенства в годы войны говорится следующее: «...19 октября в Ташкенте закончил работу съезд представителей мусульманства Средней Азии и Казахстана. Одним из вопросов съезд заслушал доклад о патриотическом подъеме в работе духовенства. По этому вопросу было принято обращение ко всем верующим мусульманам. Делегат от Казахстана Аминов Абсолям, обращаясь к делегатам, заявил: «...я твердо уверен, что делегаты единодушно готовы защищать свою Родину, я очень рад, что в такое напряженное время нам предоставляют возможность созы-

вать съезд. Будем молить бога, и просить Аллаха о скорейшей победе над фашизмом» [4, с. 45].

Во-вторых, жесткий контроль общественного сознания, установленный сталинским режимом, а также подавление любых форм инакомыслия в условиях войны оказалось малоэффективным. На фронте и тылу имело место стихийное отправление религиозных обрядов. Многие верующие начали открыто высказывать свои религиозные взгляды, посещать молитвенные здания, игнорируя прежние запреты и ограничения. Обращение к традиционным духовным ценностям еще раз показало, насколько тонкой и поверхностной была укорененность в общественном сознании советской атеистической идеологии.

Нельзя сбрасывать со счетов и такой ресурс власти, как политико-правовые, или, точнее, репрессивные методы, которыми пользовалась власть в чрезвычайных условиях военного положения. К ним относится серия приказов ГКО о расширении карательных полномочий командиров в отношении солдат, а также жесткие методы контроля за трудовой дисциплиной в тылу, репрессивные методы депортации целых народов, уличенных в сотрудничестве с врагом. Продолжением репрессивной политики в условиях войны стало принятие 16 июля 1941 г. постановления ГКО, подписанного Сталиным, где отмечалось: «Государственный Комитет Обороны должен признать, что отдельные командиры и рядовые бойцы проявляют неустойчивость, паникерство, позорную трусость, бросают оружие и, забывая свой долг перед Родиной, грубо нарушают присягу, превращаются в стадо баранов, в панике бегущих перед обнаглевшим врагом». Далее шел список из девяти высших командиров Западного, Северо-Западного и Южного фронтов, расстрелянных за «трусость, бездействие власти, сдачу оружия противнику без боя» [5, с. 130].

Степень влияния мотивации страхом в моральной мобилизации советских граждан достаточно новая тема в истории войны 1941–1945 гг. Обоснованным в этой связи является мнение российского исследователя М.А. Вылцана. Определяя основные

факторы поведенческой мотивации трудовой деятельности крестьянства в годы войны, он отмечает: «В поведенческой структуре крестьянства не последнее место занимало и ощущение страха неотвратимости наказания за неисполнение «своего гражданского долга», приказа высших и местных властей [6, с. 74]. Это положение российского автора можно применить и к оценке мотивационных факторов казахских солдат, которые в основной своей массе были сельскими жителями. Поэтому есть основание предположить, что самоотверженный труд и воинская доблесть казахского народа не являются в полной мере следствием только патриотического подъема. Мотивация страхом стала еще одним ресурсом власти в мобилизации населения.

Однако, как указывалось выше, только репрессивные способы давления не могли быть достаточно эффективными в условиях, когда люди должны были добровольно жертвовать всем, включая собственную жизнь. В такой ситуации должны были быть задействованы более мощные факторы мотивации, чем страх перед наказанием. Таким фактором стала новая «советская идентичность». Наличие такой категории в мировоззрении советских людей подтверждается свидетельством немецкого агента калмыцкого происхождения, посланного немецким командованием в зону оккупации Калмыкии для работы с местным населением в марте 1943 г. Про встречи с молодыми калмыками он рассказывал «...обнаружил довольно сильный советский патриотизм, в особенности среди молодежи. Мне было трудно понять их аргументацию. Они говорили: “Мы конечно не коммунисты, но посмотрите – у нас есть своя республика, своя столица, свои министры, великолепный Дом Советов. Открылось множество школ”. Прошедшие десять лет наложили на население сильный отпечаток, и этого нельзя было не принимать в расчет. Пути назад в прошлое уже не было. Я увидел перед собой поднимающийся новый тип человека, способного на многое, но умеющего приспособливаться и подстраиваться под обстоятельства» [7, с. 127].

Это свидетельство калмыцкого агента констатирует формирование общей системы ценностей граждан большой страны, которая становится общей для всех независимо от национальной принадлежности. Единство народов, объединенных общей трагической судьбой и вынужденных жить и выживать в тяжелейших условиях тоталитарного режима. Это была взаимопомощь народов, которые оказались в беде, и с которыми казахи делили общие тяготы жизни под «всевидящим оком» жестокой власти. Имеется много примеров взаимопомощи и поддержки народов Советского Союза. Дружба народов и советская идентичность к началу войны стали реальностью, которая явилась одним из факторов патриотической мотивации казахских солдат, которые пошли защищать общую страну как советские люди. Казахы вместе с другими народами СССР вместе выстрадали тяготы становления советского государства, более того, в далекие исторические времена они всегда были соседями, всегда жили рядом. Общность исторического прошлого порождала чувство единства трудной судьбы. Это не до конца осознаваемое чувство, больше чем официальные идеологемы сближало народы СССР. Поэтому патриотизм казахских солдат наряду с другими факторами мотивировался этим чувством. Единство советских людей было единством народов, вместе вставших на защиту общего государства, которое оказалось в трудном положении.

Казахские солдаты пошли защищать не коммунистический режим и даже не социалистическое отечество – они разделили судьбу народов, оказавшихся в одном тоталитарном государстве, и с честью выполнили свой воинский и соседский долг. Этот фактор мобилизационной мотивации проявился позже всех, и он не имел ничего общего с политикой государства. Но это была инициатива «снизу» как всенародное явление. Однако значение этого фактора в моральной мобилизации воюющего народа важнее, чем все усилия власти. Поэтому автор считает, что Победа в Отечественной войне 1941–1945 гг. была одержана советским народом не благодаря советской власти и руководству И.В. Сталина, а вопреки ему. Это была народная победа.

Список литературы

1. Все для фронта, все для Победы: сб. Алма-Ата: Казахстан, 1985. 156 с.
2. Козыбаев М.К. Великая Отечественная война: истоки Победы // История и современность. Алма-Ата: Гылым, 1991. 266 с.
3. Безугольный А. Источник дополнительной мощи Красной Армии // Национальный вопрос в военном строительстве в СССР 1922–1945. М.: РОССПЭН, 2016. 271 с.
4. ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос 1933–1945. М.: РОССПЭН, 2009. Т. 2. 1094 с.
5. Мультатули П.В., Музафаров А.А. Великая Отечественная война. Победа духа и традиции. М.: РИСИ, 2016. 180 с.
6. Вылцан М.А. Приказ и проповедь: способы мобилизации ресурсов деревни в годы войны // Отечественная история. 1995. № 3. С. 74.
7. Гарвардский проект: Рассекреченные свидетельства о Великой Отечественной войне. М.: РОССПЭН, 2018. 488 с.

УДК 94 (476) (093.3)

Д.О. Косякова

Минское гетто: «взгляд изнутри» (Минское гетто в устноисторических воспоминаниях его малолетних узников)

D.O. Kosiakova

Minsk Ghetto: “An Inside Look” (Minsk Ghetto in Oral Historical Memoirs of Young Prisoners)

Аннотация. История Минского гетто до сих пор остается слабо исследованной темой в изучении Второй мировой войны. Во многом это связано с недостаточным количеством исторических источников, изучение которых позволило бы написать полную историю одного из крупнейших мест уничтожения на территории Беларуси в годы нацистской оккупации. Использо-

ние устных исторических источников позволяет не только частично решить проблему нехватки информации, но и дает иной угол зрения на произошедшие события глазами его свидетелей. В рамках данной статьи представлены воспоминания малолетних узников Минского гетто, описывающие отдельные стороны его жизни.

Ключевые слова: Минское гетто; Холокост; Великая Отечественная война; Вторая мировая война; дети войны; устная история.

«Потерянное детство...» – именно так белорусский лауреат Нобелевской премии по литературе Светлана Алексиевич сказала о детях, переживших войну. Их также часто называют «маленькими взрослыми»: испытания, выпавшие на плечи детей, стремление выжить, спасти себя и своих близких заставили их стать взрослыми раньше, чем было положено.

Особые испытания пришлось пережить детям еврейской национальности, которые согласно теории расового истребления, принятой в Третьем рейхе, попадали под полное уничтожение. Накануне Великой Отечественной войны в Минске, как и в других белорусских городах, значительную долю жителей составляли евреи. В столице БССР их насчитывалось около 40 % довоенной численности населения города. С началом немецкой оккупации на белорусских территориях развернулся геноцид еврейского народа – гуманитарная катастрофа, получившая в историографии название Холокост.

Оккупированная Беларусь была устлана густой сетью гетто. По последним данным их общая численность составила 153 единицы [1, с. 3]. Существование одних исчислялось днями, другие функционировали по несколько лет. В середине июля 1941 г. гетто было создано и в Минске. Из 100 тыс. его узников более 90 % было уничтожено. Судьбы большинства людей до сих пор остаются неизвестными. Современная наука имеет в своем распоряжении архивные документы, статистические данные и другие источники, на основе которых ученым еще предстоит изучение истории крупнейшего гетто Беларуси. В силу объективных причин этих источников совершенно недостаточно. Тем более остро стоит вопрос сохранения воспоминаний живых свидетелей истории. Они дают не только новую информацию,

важную для комплексного анализа изучаемых событий, но и совершенно иной угол зрения – взгляд на события «изнутри».

В 2011 г. в Республике Беларусь начал свою работу Белорусский архив устной истории – онлайн-хранилище электронных документов по устной истории. Его коллекции содержат более сотни интервью со свидетелями Холокоста как одной из наиболее слабо исследованных тем в отечественной истории прошлого столетия. Вторым источником интервью выступил архив свидетелей белорусско-немецкого проекта «Историческая мастерская имени Л. Левина» в Минске, специализирующийся на сохранении памяти о жертвах Минского гетто и лагеря Малый Тростенец.

19 июля 1941 г. в оккупированном Минске немецкие власти издали приказ, где объявляли о выделении специальной части города исключительно для расселения евреев. Елизавета Левкова (1930 г.р.): «Мы собрали то, что смогли, что можно было взять, конечно, буфет не будешь брать, и диваны, и кровати. Это уже никому не надо, а [брали] такие вещи, на которые потом что-то можно было поменять. Мы собрались и переехали на Немигу»¹.

На переселение евреев в гетто было отведено пять дней. В реальности осуществить перемещение десятков тысяч людей за такое время оказалось невозможным и сроки были продлены до конца месяца. К 1 августа 1941 г. переселение было завершено: на небольшой площади в границах 40 улиц оказалось около 80 тыс. человек [2, с. 162]. Осенью число узников возросло до 100 тыс. Как вспоминал Лев Кравец (1930 г.р.): «В одной комнате нас было человек 20–25. Спали вплотную на полу, как на нарах, не разбирая, где мужчины и где женщины, дети»². Высокая скученность людей и другие тяжелые условия существования в гетто сделали жизнь людей практически невыносимой.

¹ Левкова Е.П. / Архив свидетелей исторической мастерской. 2020 [Электронный ресурс]. URL: <http://zeitzeugenarchiv.gwminsk.com/ru/archiv/minsk/levkova-elizaveta> (дата обращения: 17.03.2020).

² Кравец Л.А. / Архив свидетелей исторической мастерской. 2020 [Электронный ресурс]. URL: <http://zeitzeugenarchiv.gwminsk.com/ru/archiv/minsk/kravec-lev> (дата обращения: 15.03.2020).

Иосиф Грайфер (1926 г.р.) вспоминал: «Отопления не было, каждый устраивался, как мог. Дома были деревянные и могли отапливаться дровами, но их не было. Очень быстро были разобраны все сараи и заборы. Кто ходил на работу, возвращаясь, приносили, кто что мог. Тащили все, что возможно: доски, поленья, куски угля»¹.

Минское гетто нацистские власти рассматривали в качестве источника бесплатной рабочей силы, используя принудительный труд узников. Галина Давыдова (1930 г.р.) вспоминала те дни: «В центре Юбилейной площади находился еврейский комитет и биржа труда. Здесь собирались рабочие колонны для работы вне гетто. Мама работала на расчистке развалин на территории гетто, получая за это пол-литра баланды и сто двадцать пять граммов хлеба»².

Из воспоминаний узников Минского гетто известно, что людей могли направлять не только на организованные работы, но также использовать их труд в хозяйствах представителей немецкой администрации. Эльфрида Аслезова (1935 г.р.) отмечала: «Маму с биржи труда отвезли на площадь Свободы. Там немцы брали себе людей для работы. К ней подошел немецкий офицер и спросил, не боится ли она собак. Мама сказала, что нет. Офицер сказал: «Я беру тебя к себе, будешь смотреть за моей собакой». И так она попала в дом этого офицера. Но каждый день она возвращалась в гетто после работы. Ей этот немец разрешил брать бидончик супа, который давали собакам, приносить домой, и это была хорошая пища в гетто»³.

¹ Грайфер И.О. / Архив свидетелей исторической мастерской. 2020 [Электронный ресурс]. URL: <http://zeitzeugenarchiv.gwminsk.com/ru/archiv/minsk/grayfer-iosif> (дата обращения: 15.03.2020).

² Давыдова Г.Р. / Архив свидетелей исторической мастерской. 2020 [Электронный ресурс] URL: <http://zeitzeugenarchiv.gwminsk.com/ru/archiv/minsk/davydova-galina> (дата обращения: 14.03.2020).

³ Видеоинтервью Э.Д. Аслезовой 1935 г.р. 17.07.2017, г. Минск / Минское гетто. 2017 [Электронный ресурс] // Белорусский архив устной истории. 58(1)–1190–5781. 2011–2020. URL: <http://www.nashapamiac.org/archive/archivetree.html> (дата обращения: 08.04.2020).

Уже в первый год оккупации немцы начали проводить в гетто погромы. В их проведении участвовали СД, СС, полиция, гестапо, жандармерия. Ночные налеты на определенные районы гетто совершались постоянно. Наум Хейфиц (1923 г.р.) вспоминал: «6 ноября 1941 г. с вечера в гетто было как-то беспокойно. Гетто по периметру оцепили полицаи и немцы. Ко мне пришла мама с двумя сестрами и с племянником, чтобы быть вместе, раз что-то тревожное. На улице Островского была детская поликлиника и на чердак дома пришли сотрудники с семьями. Нас было ровно 75 человек, и мы на этом чердаке с 6 уже ночевали до 12. Пять суток без воды и пищи. Через пять дней кто-то из наших пошел в разведку. Первоначально 7 были выстрелы и крики, и все такое прочее, а потом все успокоилось. Часть гетто отрезали, в т.ч. и тот район, где был наш дом. Так, что в свой дом мы уже больше не попали»¹.

Акции, как правило, были спланированы заранее: подготовлены отряды уничтожения, ямы, рвы для массового расстрела и захоронения людей выкопаны накануне погрома. Сима Марголина (1931 г.р.) рассказывала: «28 июля 1942 г. моя мама и сестры на работу не пошли, их не пустили. А меня тетя вывела за ручку в рабочей колонне. И три дня нас не пускали в гетто, потому что был этот страшный погром. В нем погибли мама и сестрички. Те, кто был уничтожен тогда, их вывезли и похоронили в Малом Тростенце»².

История Минского гетто и Малого Тростенца тесно переплелись между собой. В инфраструктуру лагеря входила Благовщина – пригородный лес, место массового уничтожения не только узников гетто, но и других жертв нацистского режима. И уже в

¹ Видеоинтервью Н.А. Хейфица 1923 г.р. 19.07.2017, г. Минск / Минское гетто. 2017 [Электронный ресурс] // Белорусский архив устной истории. 58(1)–1215–5933. 2011–2020. URL: <http://www.nashapamiac.org/archive/archivetree.html> (дата обращения: 08.04.2020).

² Видеоинтервью С.М. Марголиной 1931 г.р. 21.07.2017, г. Минск / Минское гетто. 2017 [Электронный ресурс] // Белорусский архив устной истории. 58(1)–1204–6340. 2011–2020. URL: <http://www.nashapamiac.org/archive/archivetree.html> (дата обращения: 09.04.2020).

1942 г. сюда из Минского гетто начинают курсировать «душегубки». Они появились в Минске не сразу. В августе 1941 г. в Генеральный комиссариат Белоруссии с инспекцией приехал рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер. После его присутствия на массовых расстрелах поступил приказ о направлении в Минск трех таких машин. Обслуживание было возложено на плечи из числа заключенных гетто. Зоя Обоз (1929 г.р.) позднее вспоминала: «Нас, детей, стали выгонять на улицу. Оказывается, приезжали душегубки, и их нужно было чистить. Работа заключалась в чем: вытащить решетку, которая была на полу и вынести машину. Трупов там не было, только какой-то мусор. Одна душегубка, когда мы вычищали, она уезжала, а другая приезжала. Было много душегубок. Мы залазили в эту машину, и я ее помню – она у меня стоит открытая перед глазами. И мы их чистили, а потом уходили в подвал»¹.

Со временем люди поняли истинные цели создания гетто и начали предпринимать попытки для спасения своих жизней. Во время погромов семьи прятались в т.н. «малины» – тайные убежища, созданные прямо внутри дома. Однако быть не найденным еще не означало выжить, т.к. запасы продовольствия, темнота и теснота приводили к гибели людей прямо в укрытиях. Делая убежище, узники пытались спасти своих близких, но иногда возможность спасения одного ставила под угрозу быть найденными всех членов семьи. Майя Крапина (1935 г.р.) вспоминала об этих попытках: «Дедушка мой сказал, что построит “малину” и наша семья останется жива. Он сделал дырки в платяном шкафу и в полу, которыми мы и спускались в “малину”. Он рассчитывал, что только наша семья туда войдет, но все, кто жил в доме, тоже полезли. И попробуй не пусти – тут же скажут, что мы там находимся. Было тесно, дышать нечем, темно, а мама была с грудным ребенком. Когда мы слышали, что фашисты вошли в дом – немецкая речь, топот сапог – сестричка за-

¹ Видеоинтервью З.Я. Обоз 1929 г.р. 20.07.2017, г. Минск / Минское гетто. 2017 [Электронный ресурс] // Белорусский архив устной истории. 58(1)–1227–6009. 2011–2020. URL: <http://www.nashapamiac.org/archive/archivetree.html> (дата обращения: 10.04.2020).

плакала. Мама прижала ее к груди и, наверное, что-то ей положила в рот. Она замолчала, все решили, что все хорошо. Когда после погрома мы вышли из “малины”, услышали мамин крик. Мама страшно кричала. Сестричка была мертва. Так погибла сестра. За все время в гетто всех наших родных погибло 52 человек»¹.

Узники гетто не имели права выходить за колючую проволоку без разрешения властей. Однако, судя по воспоминаниям, проникнуть за колючую проволоку было не так сложно. Другой вопрос – куда было идти и у кого просить помощи? Как правило, чаще всего в «русский район» выходили дети. Во-первых, им было проще остаться незамеченными, во-вторых, детям скорее оказывали помощь местные жители. Нелли Гербовицкая (1933 г.р.) рассказывала: «Был март 1942 г. Мы ждали маму, она не пришла в тот день, и на завтра не пришла. Стало ясно, что она никогда не придет. В доме, где мы жили в гетто, постепенно делалось все более тесно. Ни кусочка хлеба никто не мог ниоткуда принести. Я была маленькая, потому не очень осознавала ужас, который меня на каждом шагу поджидал. Был голод. А брат был старше меня, он траву ел. Я выходила к проволоке, которую сторожили полицаи и ждала, пока полицай отойдет в сторону, и уходила. Попрошу у людей немного хлебца и отнесу брату. Однажды я так ушла и встретила с женщиной Марией Марцулянис. Я почувствовала, что ей можно поверить, она учительница была. Я ей жизнью своей обязана. Она мне сказала, что в гетто я больше не пойду»².

Поддельные документы, крещение, выдача за своих детей или родственников, укрытие в собственном доме или помощь в пере-

¹ Видеоинтервью М.И. Крапиной 1935 г.р. 20.07.2017, г. Минск. / Минское гетто. 2017 [Электронный ресурс] // Белорусский архив устной истории. 58(1)–1220–5975. – 2011–2020. URL: <http://www.nashapamiac.org/archive/archivetre.html> (дата обращения: 06.04.2020).

² Видеоинтервью Н.М. Гербовицкой 1933 г.р. 18.07.2017, г. Минск / Минское гетто. 2017 [Электронный ресурс] // Белорусский архив устной истории. 58(1)–1189–5767. 2011–2020. URL: <http://www.nashapamiac.org/archive/archivetre.html> (дата обращения: 06.04.2020).

праве детей в безопасное место (чаще всего в сельскую местность) – это были основные способы спасения еврейских детей местным белорусским населением. Уже после войны они получили почетное звание Праведников народов мира, которых в настоящий момент, по официальным данным Яд Вашем, насчитывается 660 человек¹.

Гетто было ликвидировано в октябре 1943 г. вместе со всеми оставшимися узниками. Большинство выживших, а, скорее, даже спасенных из Минского гетто, были те, кто сумел бежать ранее, и в основном это были дети. Спасти – не означало не быть жертвой. Бедственное положение детей во время войны было обусловлено отсутствием жизненного опыта и физических сил, что делало их беззащитными, уменьшало шансы на выживание. В то же время дети обладали преимуществами перед взрослыми. Еврейская внешность у детей была менее выражена, что в критической ситуации часто оказывалось решающим обстоятельством. Немцы были менее бдительны в отношении детей, которые, выдавая себя за сирот или нищих, не подвергались проверкам. Дети скорее приспосабливались к обстоятельствам, в момент опасности им было легче спрятаться, а недостаток опыта лишал парализующего страха. Стремление к выживанию у детей было зачастую гораздо выше, чем у взрослых [3, с. 89–90].

Годы войны оставили глубокий след в сознании детей. Психологическую травму, полученную в детстве, бывшие узники пронесли через всю жизнь. Уже будучи взрослыми, они смогли найти в себе силы рассказать миру о том, что пережили в годы войны.

Документы сохранили мало свидетельств, посвященных детям. Почти не осталось описаний их поведения в гетто, мироощущения и стратегий спасения. Выжившие дети долгие годы носили свой трагический опыт внутри и искали объяснение случившемуся. Устная история – это практически единственный источник, дающий представление о происходившем в жизни и

¹ Праведники народов мира [Электронный ресурс] // Мемориальный комплекс истории Холокоста Яд Вашем. 2020. URL: <https://www.yadvashem.org/ru/righteous/statistics.html> (дата обращения: 09.04.2020).

сознании ребенка войны. Благодаря записанным воспоминаниям память об этих людях будет жить, а история получит возможность их «услышать».

Список литературы

1. Справочник о местах принудительного содержания гражданского населения на оккупированной территории Беларуси 1941–1944 / сост. В.И. Адамушко и др. Минск: НАРБ, 2001. 158 с.

2. Черная книга: о злодейском повсеместном убийстве евреев немецко-фашистскими захватчиками во временно оккупированных районах Советского Союза и в гитлеровских лагерях уничтожения на территории Польши во время войны 1941–1945 гг. / под. ред. В. Гроссмана, И. Эренбурга. М.: АСТ: CORPUS, 2016. 768 с.

3. *Смиловицкий, Л.Л.* Катастрофа евреев в Белоруссии 1941–1944 г. Тель-Авив, 2000. 432 с.

УДК 94(47).084.8

А.С. Мартынов

Гуманитарные преступления Украинской вспомогательной милиции и команды СС 10-а в городе Мариуполе в период нацистской оккупации Донбасса

A.S. Martinov

Humanitarian Crimes of the Ukrainian Auxiliary Militia and SS 10-a Command in the City of Mariupol During the Nazis Occupation in Donbass Region

Аннотация. В статье рассматриваются военные преступления в городе Мариуполе за период германской оккупации, совершенные командой СС 10-А и связанной с ней Украинской вспомогательной милицией. Согласно имеющимся данным, коллаборационистские отряды полиции (милиции) Мариуполя

были организованы при активном участии украинских националистов, исполнявших репрессивные задачи германской военной администрации. Основными функциями Украинской милиции Мариуполя являлись охранная служба, борьба с советскими партизанами, вербовка «добровольцев». Статья основана на материалах донецких региональных архивов (в т.ч. на публикациях оккупационной «Мариупольской газеты») и дополнительных источниках.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; гуманитарные преступления; нацистская оккупация, коллаборационизм; украинский национализм; Мариуполь; Донбасс.

Проблема украинского военного коллаборационизма в эпоху Второй мировой войны имеет серьезную научную и общественную актуальность в современной политической обстановке на постсоветском пространстве.

Мероприятия вспомогательной полиции (милиции) Мариуполя, созданной осенью 1941 г. при участии «зондеркоманды» СС 10-А и германских военных властей, частично рассматривались в работах В.Н. Никольского [1] и А. Добровольского [2] по истории украинского националистического подполья в Донбассе, а также в книге В.М. Зиновьевой о фашистской оккупации Мариуполя [3]. Некоторые сведения о преступлениях команды СС 10-А в Мариуполе содержатся в выпуске № 12 известного сборника Главного Политуправления РККА «Зверства немецко-фашистских захватчиков» за 1944 г. [4]. Однако в целом тема гуманитарных преступлений «зондеркоманды» 10-А и Украинской вспомогательной милиции Мариуполя нуждается в более глубоком изучении.

В данной статье на основе материалов Государственного архива Донецкой народной республики (ГА ДНР), прежде всего – данных оккупационной «Мариупольской газеты», анализируются гуманитарные преступления нацистов и украинских коллаборационистов за время оккупации Мариуполя (с 8 октября 1941 г. по 10 сентября 1943 г.).

Сразу же после оккупации Мариуполя в октябре 1941 г. гитлеровцы начали массовые репрессии в городе: расстрелы сотен людей, уничтожение всего еврейского и цыганского населения вместе

с детьми и женщинами, грабежи частных квартир и магазинов [4, с. 24]. В этих карательных акциях изначально участвовали подразделения СС. В советских документах об этом говорится следующее: «В первый день оккупации 8 октября 1941 г. части ССовцев захватили 26 первых попавшихся им граждан и в центре города во дворе здания бывшего НКВД замучили их. Им содрали кожу с рук, отрезали половые органы, уши и носы и полуживыми замуровали в стенах подвала. Через 15 дней эти трупы раскопали и показывали населению под видом жертв НКВД»¹. Подобные массовые убийства в советских областях осенью 1941 г. целенаправленно осуществляли специальные отряды – «зондеркоманды», созданные центральным аппаратом СС и полиции для борьбы с «враждебными элементами» и проведения «зачисток». 29 октября 1941 г. был издан приказ начальника полиции безопасности и СД, в приложении к которому было указано, что формирование «зондеркоманд» СС производилось по согласованию с командованием германской армии, а сами команды обладали особыми полномочиями, в т.ч. работали с контрразведкой [4, с. 6]. На территории «зоны военной администрации», в которую с осени 1941 г. входил Донецкий бассейн, уже в октябре-ноябре 1941 г. оккупанты развернули борьбу с оставленными в регионе советскими подпольщиками и партизанами. В Мариуполе истреблением коммунистов, евреев и других «врагов» Третьего рейха изначально занималась «зондеркоманда» СС 10-А, взявшая на себя карательные и контрразведывательные функции в городе.

Осенью 1941 г. в Мариуполь прибыли участники «походных групп» из Западной Украины, направленные в Донбасс «Центральным проводом» ОУН Бандеры, которые в первые недели оккупации вошли в состав организованной гитлеровцами городской управы и Украинской вспомогательной милиции. В 1942 г. в Мариуполе был создан новый коллаборационистский силовой орган – «криминальная служба», которая вела наблюдение за украинскими националистами и координировала репрессивные мероприятия в городе. Согласно послевоенным показаниям

¹ Государственный архив ДНР (ГА ДНР). Ф. 326. Оп. 2. Д. 51. Л. 68.

начальника «криминальной службы» Петра Бордичевского в НКГБ, бургомистр Комровский, начальник шуцполиции Степаненко и другие чиновники Мариуполя организовали в городе украинское националистическое подполье. Начальник шуцполиции Степаненко находился в интимной связи с артисткой театра Сысоевой, а Сысоева, будучи завербована «криминальной службой», установила «причастность к украинским националистам помощника начальника особой команды 10-А Юрьева». Юрьев (имя и отчество неизвестно) являлся бывшим петлюровским офицером и прибыл в Мариуполь в составе «зондеркоманды» 10-А в чине лейтенанта германской армии. Юрьев был германским подданным и руководил всей карательной деятельностью в городе [2, с. 158–161, 164].

В документах Мариупольского горкома КП(б)У за октябрь 1943 г. в числе фашистских преступников также значится «шеф зондеркоманды СС 10-й армии белый эмигрант Юрьев Иван Васильевич, находящийся на службе у фашистской Германии»¹. Юрьев, будучи заместителем начальника команды СС 10-А Кристмана, принял активное участие в создании и координации подразделений Украинской милиции Мариуполя, поддерживал подполье ОУН.

Из числа бандеровских подпольщиков в Мариуполе отношение к СС имел также «проводник ОУН» из г. Стрыя Иван Билык, служивший переводчиком дивизии СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер», затем переводчиком в гестапо г. Сталино (Донецка), позже Билык перебрался в подполье ОУН г. Днепропетровска [3, с. 156]. Другие бандеровцы служили у бургомистра Комровского в городской управе, милиции и т.д.

Команда СС 10-А вместе с военной комендатурой и полевой полицией координировала всю охранную и репрессивную работу в Мариупольском районе до лета 1942 г., когда «зондеркоманду» переместили в Ростовскую область и затем в Краснодарский край, где полковник гестапо Кристман и его подчиненные продолжили организацию массовых карательных акций.

¹ ГА ДНР. Ф. 19. Оп. 4. Д. 4. Л. 61.

2 декабря 1941 г. в украинско-немецкой «Мариупольской газете» за подписью «СС – Особая команда 10-а» было опубликовано обращение к жителям Мариуполя о запрете распространения ложных слухов (очевидно, антигерманских) и саботажа «мирного нового строительства» под страхом сурового наказания¹. Затем 28 февраля было издано новое обращение о запрете ложных доносов и слухов, которое при этом поощряло «правильное» доносительство: «должен каждый честный и сознательный человек считать для общества и себя самого за счастье помогать мирному строительству и созданию новой лучшей жизни и для этого нужно сообщать ведомости SS – особой Команде 10-а или Украинской милиции о вражеских элементах или опасных для этого нового строя»². Как следует из объявления полевого полицейского секретаря от 11 апреля 1942 г., местные жители наказывались 4 неделями ареста за распространение ложных слухов среди населения³.

Практика доносительства внедрялась нацистами и среди националистов, которых в 1942 г. начали частично репрессировать за чрезмерную «самостийность» и вербовать в гестапо. Так, в 1942 г. немцами был арестован один из лидеров ОУН в Мариуполе Андрей Ирий-Авраменко, который «дал согласие помогать немецкой разведке» и стал агентом команды 10-А, хотя потом был вторично арестован [1, с. 70–71]. Украинским националистам Мариуполя оказывал покровительство один из руководителей гестапо г. Сталино Граф, который прикрывал их от репрессий [2, с. 175].

Для работы в полиции требовались соответствующие кадры, готовые усердно исполнять все указания оккупантов. Одним из таких коллаборационистов являлся начальник «Политического отдела Управы Украинской Полиции» В.Д. Бондаренко, погибший «при исполнении служебных обязанностей», о чем сообщила «Мариупольская газета» в некрологе 25 июня 1942 г.⁴

¹ Мариупольська газета. 1941. 2 грудня.

² Там же. 1942. 28 лютого.

³ Там же. 11 квітня.

⁴ Там же. 25 червня.

В номере газеты от 27 июня 1942 г. бургомистр Комровский конкретизировал «заслуги» украинского полицая Владимира Демьяновича Бондаренко: он «испил до дна горькую чашу жидокоммунистической власти» и с первых же дней стал помогать немецкому командованию в организации в Мариуполе Украинской милиции, но затем погиб в автомобильной катастрофе¹.

В 1942 г. сотрудник команды СС 10-А Юрьев и украинские националисты Мариуполя написали обращение к Гитлеру с просьбой создать «Украинскую добровольческую армию» для борьбы с большевизмом и организовали военный отдел при Украинской полиции для вербовки добровольцев. Набором украинцев в части «добровольческой армии» в Мариуполе также занимался бывший офицер петлюровской армии Науменко, воевавший против Красной армии на Кавказе; Науменко разделял идеи Бандеры и готовил военные кадры для ОУН [2, с. 165–166, 171, 187]. В августе 1942 г. «Мариупольская газета» сообщила о деятельности «украинских часовых» из организованной немецкой полицией «службы порядка». Часовые носили форму оливкового цвета с белой повязкой, служебным номером и полевой шапкой со свастикой. При каждом отделе Украинской полиции порядка служил один переводчик с немецкого языка, обучение «хлопцев» проводили «немецкие полицейанты»².

Основными задачами Украинской милиции (полиции) Мариуполя являлись охрана фашистского «нового порядка» и проведение карательных акций по борьбе с советскими партизанами. Согласно советским документам, в Мариуполе официальными приказами за голову коммуниста была установлена награда в 10 тыс. руб., за одного убитого немца расстреливали 100 человек, за одного убитого полицейского – 10 местных жителей. Когда был убит полицейский начальник Коломойцев, немцы расстреляли 10 жителей [4, с. 26].

В феврале 1942 г. «Мариупольская газета» опубликовала сообщение о ликвидации партизан, в котором говорилось:

¹ Мариупольська газета. 1942. 27 червня.

² Там же. 30 серпня.

«Благодаря чуткости немецкой охраны и украинской милиции их намерение предотвращалось в тот самый миг, как только где-нибудь проявлялось. Мы, украинцы, можем, к счастью, сказать себе, что это именно так. Но чтобы и на будущее уберечь себя от партизан, которые убивают и сжигают, нужно быть настороже». Местные жители должны были сообщать о партизанах немецким органам или создавать самооборону от партизан за вознаграждение от немецкой армии¹.

В июне 1942 г. «Мариупольская газета» вынуждена была косвенно подтвердить, что партизаны продолжают действовать в районе, и вновь призывала местное население к содействию оккупантам: «Большевистские агенты организуют также и подпольные группы, которые проводят подрывную работу в тылу немецкой армии. Обязанность каждого сознательного украинца бороться с этой подрывной работой большевиков, вскрывать ее и помогать вылавливать большевистских агентов и их прислужников»².

Иногда украинским полицаям действительно удавалось поймать советских партизан или разведчиков благодаря доносам. Об одной такой удавшейся акции «Мариупольская газета» в номере от 21 августа 1942 г. сообщила следующее: «На территории сельского участка агробазы приземлился жидо-московский диверсант, чтобы выполнить приказы Москвы. На месте преступления этот «исполнитель» пойман полицейским Управления Укр[аинской] полиции Анисимовым при помощи девушки Виктории Мышак. За их решительные действия комендатура г. Мариуполя выдала денежную награду: Анисимову – 500 руб., а Мышак – 300 руб., а со стороны управления оба награждены одеждой»³. Так благодаря двум коллаборационистам был пойман (и возможно убит) советский парашютист, высадившийся в Мариупольском районе для борьбы с оккупантами.

¹ Мариупольська газета. 1942. 28 лютого.

² Там же. 27 червня.

³ Там же. 21 серпня.

К исходу оккупации фашистский террор в Мариуполе только усилился. По данным Чрезвычайной государственной комиссии (ЧГК) по расследованию преступлений оккупантов (акт от 15 сентября 1943 г.), только за одну ночь 23 июля 1943 г. в отделении гестапо было расстреляно 120 человек, «всего за время оккупации было расстреляно, замучено и истреблено несколько десятков тысяч советских граждан» [4, с. 27]. По более поздним данным ЧГК (акт по г. Мариуполью от 10 января 1944 г.), в Мариупольском районе за период оккупации было уничтожено больше 50 тыс. мирных граждан и военнопленных и больше 50 тыс. чел. было угнано из Мариуполя в немецкое рабство¹. В этих массовых убийствах и отправках гражданского населения в Германию, естественно, участвовали и коллаборационисты Украинской милиции.

В 1943 г. в ходе отступления германских войск из Краснодарского края команда СС 10-А переехала в Крым, но ее сотрудник Юрьев находился в Мариуполе в сентябре 1943 г. Как следует из документов Мариупольского горкома ВКП(б), во время отступления немецкой армии из города 8–10 сентября 1943 г. военные части и местные власти под командованием коменданта генерала Гофмана, шефа гестапо Вульфа и шефа зондеркоманды СС 10-А Юрьева подожгли Мариупольский металлургический институт на заводе Ильича и уничтожили его оборудование². 10 сентября части Красной армии освободили Мариуполь. Часть коллаборационистов, в т.ч. начальник «криминальной службы» Бордичевский вместе с гитлеровцами отступили на запад. Команда СС 10-А была переведена в Белоруссию.

Таким образом, за период нацистской оккупации 1941–1943 гг. при участии команды СС 10-А и связанной с ней Украинской милиции (полиции порядка) в Мариуполе был совершен ряд гуманитарных преступлений, жертвами которых стали около 50 тыс. чел. При этом милиция (полиция) Мариуполя, укомплектованная украинскими националистами, вела систематическую

¹ ГА ДНР. Ф. Р-1838. Оп. 1. Д. 52. Л. 2.

² Там же. Ф. 19. Оп. 4. Д 4. Л. 74.

борьбу с советскими партизанами, а также производила набор коллаборационистов в части «украинской добровольческой армии», находившейся на службе оккупантов.

Список литературы

1. Нікольський В.М. Підпілля ОУН(б) у Донбасі. К., Інститут історії України НАН України, 2001. 177 с.

2. Добровольський О. ОУН на Донеччині (збірник документів та матеріалів). Коломия, Коломийська друкарня ім. Шухевича, 2014. Т. I. 352 с.

3. Зиновьева В.М. Чтобы жизнь продолжалась. Приазовье в период оккупации. 1941–1943. Мариуполь: Приазовский рабочий, 2004. 507 с.

4. Зверства немецко-фашистских захватчиков. Документы. Вып. 12 / сост. Ф.Ф. Матросов. М.: Воениздат НКО СССР, 1944. 64 с.

УДК [94(476.1)+329.18:178]«1941/1944»

И.Ю. Воронкова

Вечная память: уроженцы Новосибирской области, погибшие в нацистском лагере для советских военнопленных Шталаг-352 на территории Белоруссии в 1941–1944 годах

I.Yu. Voronkova

Eternal Memory: Natives of the Novosibirsk Region Who Died in the Nazi Camp for Soviet Prisoners of War Stalag-352 on the Territory of Belarus in 1941–1944

Аннотация. В статье отмечен тяжелый характер оборонительных боев на белорусской земле в июне – августе 1941 г., приведший к трагедии пленения тысяч бойцов и командиров Красной армии. Рассмотрены обстоятельства создания крупнейшего на оккупированной территории Белоруссии concentra-

ционного лагеря для советских военнопленных Шталаг-352 в августе 1941 г. Охарактеризована система нацистских концлагерей для военнопленных, структура лагеря Шталаг-352, основной контингент узников, условия их содержания. Приводятся данные об уроженцах Новосибирска и Новосибирской области, погибших в лагере в 1941–1944 гг.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; Белоруссия; Минск; Мажовщина; Новосибирская область; советские военнопленные; нацистские концлагеря; Шталаг-352.

22 июня 1941 г. по территории Белоруссии нанесла удар наиболее мощная в германских силах вторжения группа армий «Центр». Первыми встали на ее пути пограничники и три армии прикрытия границы, которые насчитывали более 672 тыс. чел. [1, с. 60–61]. Общие потери Западного фронта в ходе тяжелейших оборонительных боев с 22 июня по 9 июля 1941 г. составили более 417,5 тыс. чел. Из них безвозвратные потери погибшими, умершими от ран, плененными, пропавшими без вести – более 341 тыс. чел.¹

6 июля 1941 г. в 3 км от Минска, вблизи деревни Дрозды (ныне – в черте города) был создан транзитный лагерь Дулаг-127 (от нем. Durchgangslager, Dulag), в который поместили около 100 тыс. военнопленных и, с целью проверки – около 40 тыс. гражданских лиц из числа мужского населения Минска. 7 июля непосредственно в Минске начал действовать Дулаг-126, главной базой которого стал бывший военный городок на северо-восточной окраине. Городок примыкал к Пушкинскому поселку, поэтому минчане называли его Пушкинскими казармами. 19 июля 1941 г. Дулаг-126 принял прошедших фильтрацию военнопленных из лагеря в Дроздах. После этого был образован второй пункт Дулага-126 – Нижний лагерь в лесу северо-восточного пригорода Слепянка, предположительно на территории бывшего дачного поселка НКВД БССР.

¹ Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: статистическое исследование / В.М. Андроников, П.Д. Буриков, В.В. Гуркин и др.; под общ. ред. Г.Ф. Кривошеева. М.: Воениздат, 1993. С. 163.

Транзитные Дулаги должны были передавать пленных в стационарные лагеря. В конце августа 1941 г. большинство пленных Дулага-126 отправили в район деревни Масюковщина в 5 км от Минска (ныне здесь расположен одноименный микрорайон города). Там, в бывших военных казармах, был организован стационарный лагерь для рядового и сержантского состава – Шталаг-352 (от нем. Stammlager, Stalag), который чаще называли Лесным лагерем. В Минске оставили два его отделения: в Пушкинских казармах для рядового и сержантского состава и Нижний лагерь для командного состава. С января 1942 г. Нижний лагерь стали именовать «Офицерский лагерь Ролльбан» (от нем. Offizierslager Rollbahn). Название Rollbahn, в переводе – «узкоколейная железная дорога», было связано с наличием вблизи узкоколейки. В одном из документов Шталага-352 от 11 мая 1942 г. о направлении на работы в лагерь Ролльбан девяти военнопленных медицинских сестер и прачек упоминается прачка Нина Евдокименко, 1919 г. р., уроженка Новосибирска.

В ноябре 1942 г. лагерь в Пушкинских казармах получил наименование «Шталаг-352 Городской лагерь». В системе лагерей для советских военнопленных на территории Белоруссии Шталаг-352 был самым крупным. Туда доставляли пленных, захваченных не только в Белоруссии, но также в районах Ярцева, Смоленска, Вязьмы, Рославля, Калинина (Твери), Брянска, Унечи, Калуги, Ржева, Донбасса, Сталинграда. Среди них было немало уроженцев Новосибирска и Новосибирской области.

В конце июля 1941 г. под Бобруйском попал в плен красноармеец Шатунов Федор Дмитриевич (1905 г.р.; уроженец и житель д. Нижние Кинерки бывшего Кузедеевского р-на Новосибирской обл., ныне Новокузнецкого района Кемеровской обл.).

30 августа 1941 г. в районе Чернигова – красноармеец 10-го стрелкового полка 45-й стрелковой дивизии Юго-Западного фронта Чаликов Петр Ильич (1914 г.р.; уроженец Новосибирска; жена Мария проживала в д. Сосновка Новосибирского р-на).

28 октября 1941 г. под Ржевом – красноармеец Никоненко Василий Васильевич (1908 г. р.; уроженец и житель д. Малая Скирла Кыштовского р-на; умер 1 апреля 1944 г.; жена Анна Тимофеевна).

8 ноября 1941 г. под Тулой – красноармеец 239-й стрелковой дивизии Мошкин Николай Петрович (1905 г.р.; уроженец и житель Новосибирска; умер 30 ноября 1944 г.; жена Анна Ивановна проживала в Новосибирске, ул. Кропоткина, 301).

27 мая 1942 г. на территории бывшего Выходского р-на Смоленской области был пленен красноармеец Лагутин Михаил Сергеевич (1911 г.р.; уроженец с. Сунгай бывшего Западно-Сибирского края; проживал: г. Прокопьевск, шахта «Зиминка», ул. Забойщиков, 38; жена Параскунова Мария Илларионовна).

8 июля 1942 г. в районе Болхова Орловской обл. – сержант 105-й стрелковой бригады Смолов Григорий Дмитриевич (1918 г.р.; уроженец Новосибирской обл.; умер 8 июля 1944 г.; мать Вера Петровна проживала в д. Маслянино Маслянинского р-на).

20 июля 1942 г. под Рославлем – красноармеец 220-го запасного батальона Разумных Илларион Емельянович (1902 г.р.; уроженец и житель д. Ново-Николаевка Купинского р-на; умер 13 мая 1943 г.; жена Евдокия Яковлевна).

5 августа 1942 г. в районе Смоленска – красноармеец 50-й кавалерийской дивизии Усольцев Алексей Иванович (1909 г.р.; уроженец Новосибирской обл.; умер 3 апреля 1944 г.; жена Анна Дмитриевна проживала в д. Злыдоровка Купинского р-на).

9 февраля 1944 г., во время Витебской наступательной операции оказался в плену красноармеец 31-й гвардейской стрелковой дивизии 1-го Прибалтийского фронта Пронин Иван Сергеевич (1925 г.р.; уроженец и житель д. Дмитриевка Венгеровского р-на; сестра Елизавета проживала там же).

Территория лагеря в Масюковщине была обнесена несколькими рядами колючей проволоки, по периметру возведены сторожевые вышки с прожекторами. Пленные размещались в восьми деревянных бараках и шести каменных зданиях бывших складов. В каменном трехэтажном здании и в семи деревянных бараках оборудовали лазарет. Сами за себя говорят ежедневные

нормы питания военнопленных, установленные 16 сентября 1941 г.: хлеб для работающих – 320 г, для неработающих – 160 г; крупа – 25 г; мясо – 10 г (с костями); сахар – 5 г; мука – 30 г.

Изматывал голодных людей непосильный принудительный труд. Рабочие команды Шталага-352 действовали на более чем 90 железнодорожных станциях Белоруссии, имея статус отделений лагеря. Лагерными отделениями считались и 22 команды, работавшие на объектах Минска. Одной из крупнейших была команда на заводе по ремонту танков и автотранспорта, принадлежавшем компании «Верлин» автомобилестроительного концерна «Даймлер-Бенц», который немцы развернули в минском пригороде Красное Урочище, где до войны базировалась советская механизированная дивизия.

Оттуда и был доставлен в масюковщинский лазарет, где скончался 6 сентября 1943 г., Зарецкий Александр, 1911 г.р., уроженец д. Успенка Убинского р-на Новосибирской обл.

В составе этой команды находился также Новосёлов Алексей, 1905 г.р., родом из д. Ярки Новосибирской обл.

Также уроженец д. Ярки Онисимов (Анисимов) Тимофей, 1912 г.р., состоял в команде мастерских по ремонту обмундирования и снаряжения группы армий «Центр» в Минске.

Кузменков Василий, 1909 г.р., из Новосибирска работал в минской команде по обслуживанию одной из моторизованных дивизий.

Невыносимый голод, непомерная скученность, антисанитария, жестокое обращение охраны, тяжелый труд доводили пленных до крайнего истощения, приводили к тяжелым заболеваниям, массовой смертности. Самым страшным временем была поздняя осень 1941 – зима 1942 г. В это время в лагере погибла основная масса из находившихся там 140 тыс. пленных. Специальные команды узников не успевали хоронить своих товарищей: тела выносили из бараков и, сняв одежду, «складировали» прямо на территории лагеря. Лишь весной 1942 г., когда оттаяла земля, их вывезли за пределы лагеря, где закопали в заготовленных заранее ямах. Такая же ситуация сложилась в городском от-

делении Шталага-352. Весной 1942 г. скончавшихся ранее пленных, сложенных штабелями в пятидесяти метрах от лагеря, захоронили во рву, вырытом неподалеку (ныне это район улицы Толбухина), а также на территории парка им. Челюскинцев.

Осенью 1943 г., когда Красная армия начала освобождение Белоруссии, лагерь в Пушкинских казармах ликвидировали, отправив всех, кто еще оставался в живых, в Масюковщину. В этот период оттуда начался массовый вывоз пленных в лагеря на территории Германии: нацисты остро нуждались в рабочей силе, их последние резервы выкачивал фронт. Так, Карпенко Дмитрий Акимович (1905 г.р.; уроженец Новосибирска) попал из Масюковщины сначала в Шталаг IIIK в г. Кюстрин, 14 сентября 1943 г. – в Шталаг-VIA в г. Хемер, где заключенных использовали на тяжелейших работах в шахтах Рурского угольного бассейна.

В этом же лагере в Хемере оказался 14 июля 1944 г. и уже 8 сентября скончался его бывший сокамерник по Масюковщине Шуйков (Жуйков) Анатолий Игнатьевич, (1922 г.р., житель Новосибирска; его мать Марфа Степановна проживала в д. Васино Тогучинского р-на).

Уроженец Новосибирска, бывший командир Красной армии Соломко Александр, 1917 г.р., был перемещен сначала в Офлаг XIII D в г. Хаммельбург, затем 16 августа 1944 г. – в Шталаг XIII A в г. Зульцбах-Розенберг.

26 июня 1944 г., за шесть дней до освобождения Минска, нацисты вывезли последних узников Шталага-352 на запад – в литовский г. Алитус, где разместили в местном Шталаге-343, затем отправили в Германию – в г. Милау.

Сразу после освобождения Минска на территории бывшего Шталага-352 начала работать Минская областная комиссия содействия Чрезвычайной государственной комиссии (ЧГК) по выявлению и расследованию преступлений немецко-фашистских захватчиков. Неподалеку от лагерного лазарета были обнаружены спрятанные, вероятно, военнопленными-медиками металлические ящики с документами лазарета. По заданию ЧГК специалисты Государственного научно-исследовательского

института судебной медицины Наркомата здравоохранения СССР провели судебно-медицинскую экспертизу документов. Приводим выдержки из итогового акта, составленного не ранее 3 июля 1944 г.:

«<...> Специальная Судебно-медицинская экспертная комиссия изучила:

а) 4 520 историй болезни лагерного лазарета;

б) справки, акты, рапорты и др. документы, относящиеся к определению и регистрации заболеваний, а также и причин смерти у 9 425 советских военнопленных <...>

Акты, справки, рапорты и сводки <...> устанавливают, что смертность <...> достигала до 175 человек в сутки.

Для погребения трупов военнопленных, умерших в лазарете, для собирания трупов в бараках и на территории лагеря, а также и для захоронения трупов, была организована из медицинского персонала специальная санитарная группа, составлявшая рапорты о своей работе. Из этих рапортов видно, что санитарная группа, кроме трупов лиц, умерших от болезней и голода, собирала и трупы застреленных немцами советских военнопленных в тире, на чердаках бараков, у помойных ям, а также и на кладбище...

Вся совокупность представленных нам медицинских документов дает основание комиссии считать основными причинами смерти больных советских военнопленных в лазарете при «Шталаге № 352» следующие:

а) истощение – в 6 829 случаях из 9 425;

б) колит – в 772;

в) сыпной тиф – в 665.

Таким образом, на почве истощения и колита смерть наступала в 80,6 % <...>.

Из этих материалов следует, что пища, которую получали военнопленные в сутки, состояла: из незначительного количества хлеба – 100–200 грамм, содержавшего 50 % древесных опилок, 3/4 литра теплой воды с примесью картофельных очисток

или гнилого картофеля, или затхлой муки. Это было <...> истребление голодом.

Исключительные антисанитарные условия <...> чрезвычайная скученность в холодных грязных бараках, развитие вшивости из-за отсутствия бань <...> лишение пищи как способ наказания, изнурительная работа, сопровождавшаяся утомительными переходами и систематическими избиениями, – все это приводило к большому и быстрому росту смерти <...>.

Условия жизни в лагере были таковы, что вызывали даже самоубийства военнопленных.

Весь этот режим лагеря и массовые расстрелы советских военнопленных, установленные следствием, <...> с исчерпывающей убедительностью объясняют происхождение возле «Шталага № 352» отдельного кладбища с его 197 могилами и похороненными в них 80 000 советских военнопленных».

Оригиналы обнаруженных медицинских документов поступили сначала в распоряжение ЧГК, затем 28 декабря 1944 г. были отправлены в Управление по учету погибшего и пропавшего без вести сержантского и рядового состава Красной армии Наркомата обороны СССР. В 1953 г. в управление поступили списки и личные карточки советских военнопленных, умерших в лагерях на территории Германии – ША (г. Люкенвальде) и ШД (г. Бранденбург), в т.ч. вывезенных туда из Масюковщины.

9 425 имен узников, установленных по медицинским документам Шталага-352, свидетельствуют, что они были уроженцами многих регионов Советского Союза, в т.ч., как уже говорилось, Новосибирска и Новосибирской области. Эти данные были сведены сотрудниками Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны, открывшегося в Минске в октябре 1944 г., в крупноформатную мемориальную Книгу Памяти. Предпринятые в то время попытки уточнить сведения через военкоматы, архивы и родственников в большинстве случаев окончились безрезультатно.

Приводим имена новосибирцев, которые упоминаются в Книге Памяти [2, с. 395–575] (ряд данных дополнительно обнаружен автором на Интернет-портале «Память народа»):

Агапеев Александр Михайлович, 1908 г.р., Новосибирская обл., умер 11 февраля 1942 г., сыпной тиф.

Андрианов Иван Изотович, 1900 г.р., Новосибирск, Октябрьский р-н, ул. Добролюбова, 107, умер 8 декабря 1941 г., сыпной тиф.

Баранов Василий Иванович, 1906 г.р., Новосибирск, ул. Четвертая Кирпичная Горка, 27, умер 6 июня 1942 г., истощение.

Боровских Василий Николаевич, 1911 г.р., Новосибирская обл., фабрика «Красная Ветка», 183-5, умер 2 мая 1942 г., истощение.

Батищев Илья Семенович, 1910 г.р., Новосибирская обл., Здвинский р-н, с. Здвинское, умер 27 декабря 1941 г., паралич сердца.

Болотов Николай Иванович, 1915 г.р., Новосибирская обл., ст. Болотная (г. Болотное Болотнинского р-на, ул. Советская, 30-1), умер 14 февраля 1942 г., истощение.

Бородин Петр Ав., 1900 г.р., Новосибирская обл., Сузунский р-н, д. Н.-Сургучная, умер 5 февраля 1942 г., паралич сердца.

Булатов Семен Федорович, Новосибирская обл., Анжеро-Судженский р-н, Анжерский леспромхоз (ныне – Кемеровская обл.), умер 3 февраля 1942 г.

Варканист Григорий Федотович, 1918 г.р., Новосибирск, ст. Кривощёково, ул. Ташкентская, д. 16 (ныне – ст. Новосибирск-Западный). Умер 5 января 1942 г.

Володченко М.М., 1913 г.р., Новосибирская обл., ст. Яшкино (ныне – Кемеровской обл.), умер 19 декабря 1941 г., истощение.

Вьюнов Алексей Степанович, 1918 г.р., Новосибирская обл., Татарский р-н, д. Царицыно, умер 10 февраля 1942 г., дистрофия и сепсис.

Гайбович Владимир Егорович, 1907 г.р., Новосибирская обл., Молчановский р-н, д. Алексеевка (бывшего Нарымского округа Новосибирской обл.), умер 17 ноября 1941 г., истощение.

Евкин Егор Власиевич, Новосибирская обл., Воробьевский сельсовет, д. Дурновка (Венгеровский район).

Ильин Дмитрий Сергеевич, 1911 г.р., Новосибирская обл., Венгеровский р-н, Старотартасский сельсовет (ныне Тартасский), умер 15 декабря 1941 г., анемия.

Ильиных Виктор Михайлович, 1921 г.р., Новосибирская обл., Юргинский р-н, д. Граматуха, умер 5 февраля 1942 г., паралич сердца.

Койнов Павел Петрович, 1920 г.р., Новосибирская обл., Черепановский р-н, Местянский рудник, умер 22 апреля 1942 г.

Литвинов Петр Максимович, 1900 г.р., Новосибирская обл., Искитимский р-н, п. Святницкий (возможно, Советский), умер 17 января 1942 г., флегмона левой ноги.

Литесов Порфирий Дмитриевич, 1904 г.р., Новосибирская обл., Молачановский р-н, п. Молчаново Молчановского р-на (ныне Томской обл.), умер 23 мая 1942 г.

Ледаев Василий Тимофеевич, 1914 г.р., Новосибирская обл., г. Прокопьевск, ул. Щетинкина, 43 (ныне Кемеровской обл.), умер 24 января 1942 г.

Марчук Иван Степанович, 1921 г.р., Новосибирская обл., ст. Болотная, ул. Корышная, 57 (г. Болотное, райцентр Болотнинского района), умер 8 июня 1942 г., истощение.

Мастик Василий Онуфриевич, 1900 г.р., Новосибирская обл., Заельцовский р-н Новосибирска, умер 1 марта 1942 г., истощение.

Мехмедов Мадяр, 1912 г.р., Новосибирская обл., д. Онбарево, умер 5 февраля 1942 г.

Мирошников Николай Маркович, 1902 г.р., Новосибирская обл., г. Киселев, ул. Узловая, 11 (ныне – Кемеровская обл.), умер 5 июня 1942 г., истощение.

Мезюха Н.П., 1906 г.р., Новосибирская обл., Тогучинский р-н, п. Барсуки, умер 2 февраля 1942 г., дистрофия.

Недоспасов Петр Иванович, Новосибирская обл., Тисульский р-н, с. Тисуль (ныне – Кемеровская обл.), умер 24 ноября 1941 г., малярия.

Ольховский Николай Михайлович, 1916 г.р., Новосибирская обл., Красинский р-н, Ильинский сельсовет, п. Горск, умер 6 февраля 1942 г., паралич сердца.

Осипов Константин Андреевич, 1914 г.р., Новосибирская обл., Анжеро-Судженский р-н, п. Богословка (ныне – в Кемеровской обл.), умер 24 марта 1942 г., истощение.

Рябушкин Николай, 1905 г.р., Новосибирская обл., Томский р-н, д. Зоркальцево, умер 23 августа 1942 г., туберкулез легких.

Сазонтов Евгений Александрович, 1910 г.р., Новосибирская обл., г. Томск (по другим сведениям, г. Прокопьевск Новосибирской (Кемеровской) обл.), умер 6 февраля 1942 г., дистрофия, энтероколит.

Селезнёв Михаил Васильевич, 1906 г.р., (1908 г.р.), Новосибирская обл., ст. Чулым, д. Орлово (упраздненный поселок Орловский Чулымского р-на), умер 1 марта 1942 г., энтероколит.

Сизиков М.Г., 1913 г.р., Новосибирская обл., д. Локти Мошковского р-на, умер 5 марта 1942 г., истощение.

Скоропупов Яков Федорович, 1902 г.р., Новосибирская обл., Искитимский р-н, д. Китерня, умер 31 декабря 1941 г., паралич сердца.

Скребков Александр Тихонович, 1921 г.р., Новосибирская обл., Чулымский р-н, с. Дуброво, умер 18 февраля 1942 г., дистрофия.

Спериценко Федор Иванович, 1902 г.р., Новосибирская обл., д. Преображенка Искитимского р-на, умер 24 января 1942 г., сыпной тиф.

Тишкин Г.Г., 1909 г.р., Новосибирская обл., Черепановский р-н, с. Дорогино, умер 18 февраля 1942 г., дистрофия, энтероколит.

Трухачёв Алексей Георгиевич, 1920 г.р., Новосибирская обл., Зырянский р-н, д. Вершинка (ныне – Томской обл.), умер 11 мая 1942 г., дистрофия.

Хмель К.Ф., 1901 г.р., Новосибирская обл., Ояшинский р-н, Новокаменский сельсовет д. Камышевка, умер 7 февраля 1942 г.

Чертков Яков Михайлович, 1900 г.р., г. Новосибирск, умер 13 апреля 1942 г., дистрофия.

Яковлев П.А., 1902 г.р., Новосибирская обл., Яшкинский р-н, д. Бараново, умер 8 апреля 1942, дистрофия.

В 1949 г. на месте Масюковщинского лагеря был установлен памятник, в 1964 г. – сооружен мемориал с Вечным огнем. На Логойском тракте Минска, где находилось городское отделение лагеря, установлен памятный знак. Памятным знаком и памятником отмечены братские могилы на улице Толбухина и в парке имени Челюскинцев.

Список литературы

1. Беларусь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 / А.А. Коваленя (руководитель авторского коллектива), А.М. Литвин, В.И. Кузьменко и др. Минск: БЕЛТА, 2005.

2. Памяць: гіст.-дакум. хроніка Минска: у 4 кн. Мінск: БЕЛТА, 2005. Кн. 4-я.

УДК 355. 48-054.65(47+57)+477.75)«1941/1944»

В.А. Иванов

Участие советских военнопленных в антинацистском сопротивлении на территории оккупированного Крыма в 1941–1944 годах

V.A. Ivanov

The Participation of Soviet Prisoners of War in Anti-Nazi Resistance in the Occupied Crimea in 1941–1944

Аннотация. Раскрывается участие советских военнопленных в антифашистском Движении Сопротивления в период оккупации Крымского полуострова нацистской Германией в годы Великой Отечественной войны. На основе вводимых в научный оборот неопубликованных источников из Государственного архива Республики Крым, личных архивов крымчан анализируются места содержания военнопленных, исследуются сведения об антифашистских подпольных ячейках, боровшихся против немецко-румынских оккупантов.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; советские военнопленные; антинацистское сопротивление; оккупация; Крым.

На сегодняшний день тема сопротивления советских военнопленных в нацистских лагерях на территории Крыма фактически не изучена. Во время пребывания Крыма в составе Украины были некоторые попытки уделить внимание тематике пребывания советских военнопленных в нацистском плену, но они остались незавершенными. При этом украинские историки главное внимание уделяли проблемам Холокоста и лишь частично затрагивали аспект изучения плена, в контексте нацистской оккупации Крыма [1].

Определенная работа была проведена после воссоединения Крыма с Российской Федерацией весной 2014 г., однако ее явно недостаточно. Следует также отметить, что эта проблема касается аспекта увековечивания памяти погибших красноармейцев в немецком плену. На сегодняшний день в Крыму есть только одно место – «Мемориал жертвам фашистской оккупации Крыма 1941–1944 гг. Концлагерь “Красный”», посвященное данной проблеме. В частности, у входа в мемориальный комплекс установлен монумент, изготовленный в Смоленске, одной из центральных фигур которого является пленный красноармеец. Этот памятник жертвам концлагеря – собирательный образ узников: мужчины, женщины, партизаны, военнопленные, дети, которые находятся в расстрельной яме. Узники поднимают вверх младенца как символ надежды [2, с. 129–139].

Оборонительные военные действия Красной армии и Черноморского флота в Крыму завершились в июле 1942 г. До сих пор нет единой цифры, каковы же потери среди военнослужащих РККА, особенно пленными, с сентября 1941 по июль 1942 г. Отметим, что в советской историографии вопрос, касающийся количества пленных защитников Севастополя, Керченского сражения 1942 г., Евпаторийского и Судакского морских тактических десантов замалчивался до самого распада СССР.

Причины, по которым военнослужащие могли оказаться в немецком плену во время боевых действий в Крыму, могли быть самыми разными. В частности, Ф.С. Грачев так вспоминает обстоятельства пленения: «В марте 1942 г. я был назначен помощником командира 2-го батальона 3-го морполка. Я прослужил до 4 июля 1942 г. 4 июля 1942 г., будучи раненым и контуженным на Херсонесском маяке, я был взят в плен. В плену я находился в Германии, Судетская область, город Небанитц, лагерь военнопленных № 10458»¹.

Советские патриоты вели политико-пропагандистскую работу среди населения, освобождали советских военнопленных из лагерей, организовывали саботаж распоряжений немецкого командования, спасали население от насильственного угона в Германию, совершали диверсии на вражеских коммуникациях. К началу 1943 г., по советским данным, на полуострове насчитывалось около 60 подпольных групп и организаций, объединивших свыше 2 тыс. чел. [3, с. 56–57]. В частности, уроженка Севастополя, А.А. Величко сообщала следующее: «На протяжении 1942 г. в период оккупации Севастополя гитлеровскими захватчиками мы скрывали у себя на квартире военнопленного Михаила Фетисова. Муж мой в то время работал на станции Севастополь сцепщиком – совершенно не по своей специальности, с работой по железным дорогам он знаком не был, пошел на железную дорогу, чтобы знать все события, происходившие вокруг. Работая на станции, они делали большие дела: пускали под откос целые эшелоны со снарядами и боезапасы, как могли вредили немцам. <...> Когда муж утром приходил со смены, то Михаил Фетисов пользовался его документами на протяжении целого дня, ходил, справлялся со своими делами и виделся с кем ему нужно было. Ходил он по городу, а муж сидел дома без удостоверения. Попадись в тот

¹ Автобиография Грачева Федора Степановича // Личный архив Натальи Дрёмовой (ЛАНД). Л. 2.

момент Михаил, – никому из нас не сдобровать бы. Был большой риск для всей нашей семьи»¹.

Одним из тех, кто оказался в немецком плену в Севастополе, был В.Д. Ревякин, гвардии старшина артиллерийского полка [4, с. 298; 5, с. 63, 187–188; 6, с. 37–38]. Однако ему уже в день пленения удалось бежать, вернуться в Севастополь, где он работал учителем в школе № 28 в Петровской слободе. Укрывшись у Л.Н. Нефедовой, ставшей впоследствии его супругой, он в марте 1943 г. создает подпольную антинацистскую организацию. Эта организация получила название «Коммунистическая подпольная организация в тылу у немцев» (КПОВТН), с ней активно сотрудничали пленные красноармейцы из нацистских лагерей на территории города Севастополя. Работами в лагерях для военнопленных руководил входивший в состав КПОВТН Н.И. Терещенко (1908–1944 гг.), бывший работник Севастопольского горкома ВКП(б). Находясь в последние дни обороны Севастополя, занимаясь эвакуацией гарнизона, он попал в плен на мысе Херсонес, был заключен в лагерь для военнопленных на территории «Холодильника», а с января 1943 г. – в Лазаревских казармах [6, с. 39–56]. Участниками его группы были А.С. Комаров, В.И. Волков, А.А. Смирнов, В. Осокин, И. Рендин, Г. Пустовалов, Ф. Васильев, Г. Смагло и др. Эта группа была создана в мае-июне 1943 г. из пленных красноармейцев.

Бывший красноармеец-топографист А.Я. Пуцягин вспоминал об особенностях лагерного подполья: «Спустя некоторое время я случайно нашел у себя в вещах листовку с сообщениями Совинформбюро. На душе у меня стало радостно при мысли о том, что есть такие люди, которые в неволе ведут борьбу. Естественно, мне захотелось поделиться этой мыслью с кем-либо из товарищей. В этот момент первым мне попался на глаза Михайлов [Терещенко], которому я и рассказал о своей находке. Он поначалу удивился, стал расспрашивать, как это случилось,

¹ Воспоминания тов. Величко Александры Антониновны о помощи военнопленным в период оккупации немцами г. Севастополя // Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. П-849. Оп. 3. Д. 28. Л. 3.

не подвох ли какой. В это время в лагере людей было очень мало, и мы занимались уборкой территории лагеря»¹.

Нет сомнения, что за распространением антинацистской пропагандистской литературы стоял Терещенко, т.к. позднее А.Я. Путягин находит газету «За Родину» в уборной². Обратившись за советом к Терещенко, А.Я. Путягин получил ответ, что ему нужно быть очень осторожным. После ряда проверок А.Я. Путягину Терещенко знакомит его с Осокиным Василием и предлагает ему вступить «в подпольную организацию». Путягин указывает: «Я согласился и передали им свою клятву. Они очень много давали мне советов, говорили о строгой конспирации и большой опасности. Здесь я получил указание, что связь буду поддерживать с Осокиным и только в исключительных случаях обращаться к Михайлову [Терещенко]»³.

Связь с подпольным центром Н.И. Терещенко установил через женщин, которые приносили в лагерь продукты питания, кроме того, в лагерь доставлялись листовки КПОВТН и известия из Большой земли. А.Я. Путягин весьма подробно сообщает о деятельности подпольщиков, возглавляемых Терещенко: «Осокин поручал мне давать читать листовки, которые он мне приносил не сразу, а сперва я должен был хорошо узнать настроение и думы товарищей. Листовки должны были уничтожаться. Иногда листовку я вывешивал в уборной, в моем подопечном заведении. О настроениях пленных в лагере можно было судить по такому факту: немцы решили провести в нашем лагере вербовку во владовскую армию. С этой целью из Симферополя приезжали владовские офицеры. Один из них долго доказывал нам перед строем необходимость бороться вместе с фашистами против коммунистов и советской власти. Однако во всем лагере не нашлось ни одной души, которая согласилась бы продаться за

¹ Воспоминания тов. Путягина Александра Яковлевича – бывшего красноармейца – топографиста о борьбе с немцами в осажденном городе и о жизни в немецком плену // Там же. Д. 143. Л. 11.

² Воспоминания тов. Путягина Александра Яковлевича... Д. 143. Л. 11.

³ Там же. Л. 13.

немецкий паек. Бредовая идея вербовки советских военнопленных в антисоветскую армию провалилась»¹.

Приведенная цитата доказывает успешную подпольную работу в нацистских концлагерях на территории Крыма. Приводит А.Я. Путягин и свидетельства об акциях саботажа, которые проводили участники антинацистского лагерного подполья: «Пленные работали во время выгрузки или обмундирования, старались всячески навредить немцам. Так, на холодильнике, я “Коля Маленький”, Саша “Черный” (Комаров) в бочках с вином проделывали маленькие отверстия, а в некоторые подливали керосину. Консервы в жестяных банках прокалывали специально устроенными гвоздями. Обмундирование разрезали бритвочками, а кто-то из ребят в тюки офицерского обмундирования влил кислоты. Обнаруживая это, немцы выстраивали нас и производили тщательный обыск»².

Иногда заключенные решались на побег. «В последние дни мы с “Колей Маленьким” ходили работать на Холодильник, несколько раз решали бежать. Но помня приказ и потеряв всякую связь, так как охрана лагеря усилилась и всякое сопротивление с гражданским населением было запрещено, мы оставались в надежде получить указания. В тот день, когда мы узнали от самих немцев, что Красная армия прорвала фронт и успешно наступает в Крыму, мы крепко решили бежать. Однако с работы нам бежать не удалось, и мы решили ночью воспользоваться лагерной уборной. Но нас ожидала роковая неудача. Возвратясь в лагерь, мы увидели, что он оцеплен большим конвоем немецких фашистов. Всю ночь была усиленная охрана с собаками, лагерь освещался. В эту ночь никто не заснул, а ранним утром в плотном оцеплении конвоя нас погрузили в трюм корабля, стоявшего на Угольной пристани»³. Всего по данным биобиблиографического справочника «Подвигом прославленные...», в подпольной организации, возглавляемой В.Д. Ревякиным, участво-

¹ Там же. Л. 11.

² Воспоминания тов. Путягина Александра Яковлевича... Д. 143. Л. 14.

³ Там же. Л. 16.

вало около 200 человек, которые вели активную подрывную работу на предприятиях и транспорте, вели разведку [4, с. 299].

В мае 1942 г. в немецкий плен, после Керченской катастрофы, попадает командир 6-й роты 789-го полка 390-й стрелковой дивизии лейтенант Ашот Айвазович Айрапетов [7, с. 159]. Его отправляют в родной город Феодосию, где он с помощью своих родственников устраивается в лагерь для военнопленных переводчиком с немецкого языка и заведующим складом продовольствия. А.А. Айрапетов связался с партийными работниками города и создал подпольную антинацистскую группу Движения Сопротивления, где получает секретный псевдоним «Алеша». Подпольщики установили связь с Ниной Михайловной Листовничей, с разрешения городской управы создавшей салон одежды, услугами которого пользовались связанные с нацистской и местной администрацией сотрудники. Благодаря установленным связям, подпольные организации Феодосии и лагеря для военнопленных действовали в тесном контакте. Как утверждает Г.С. Абрамян в своей работе, свыше 600 советских военнопленных были освобождены из лагеря и проведены в Крымские леса к партизанам, благодаря усилиям Н.М. Листовничей и А.А. Айрапетова [7, с. 159].

Кроме того, подпольщики сообщили народным мстителям информацию о том, что гитлеровцы используют военнопленных для строительства военных объектов. Внедрив в подпольную организацию агентов, СД арестовала 18 марта 1943 г. на квартире Листовничей ее саму, А.А. Айрапетова, Н. Боутрюк, В. Самрина и его дочь Н. Кувшинникову. В мае 1943 г. Н.М. Листовничая и А.А. Айрапетов были расстреляны нацистами на территории бывшего совхоза «Красный» [7, с. 160].

При анализе участия советских военнопленных в Антинацистском Движении Сопротивления на территории оккупированного Крыма в 1941–1944 гг. нам удалось установить следующие факты.

1. В указанный период нацисты захватили в плен около 300 тыс. военнослужащих Красной армии и Черноморского флота;

2. Советские военнопленные тесно взаимодействовали с подпольными организациями крымского полуострова. Самые крупные из них располагались в Симферополе и Севастополе;

3. Условия содержания военнопленных были ужасающими. Людей постоянно избивали, подвергали пыткам, издевательствам, держали на голодном пайке и часто не давали даже глотка воды. Часть военнопленных, желая сохранить себе жизнь, вынуждена была пойти на сотрудничество с оккупантами. Оно могло быть и мнимым, т.к. военнопленные нередко также были членами антинацистского подпольного движения;

4. Общее количество погибших в нацистских лагерях на территории оккупированного Крыма в 1941–1944 гг. советских военнопленных остается до сих пор неизвестно. Условия содержания узников в нацистских лагерях были подчинены программе массового уничтожения и рабского труда: архивные источники из фондов ГАРК свидетельствуют о жестоком обращении, массовых расстрелах, преследованиях по национальному, расовому и идеологическому признакам. Специфика климатогеографических особенностей Крымского полуострова зачастую не позволяла совершать массовые побег из нацистских лагерей и тюрем. Продуктовые нормы, выдаваемые советским военнослужащим, были весьма низкими. Основными сферами применения труда заключенных стали строительные работы.

5. На территории Крыма нацистами был создан 51 лагерь для военнопленных. Они разделялись на три группы: временные (пересыльные лагеря), смешанные (здесь находились как советские военнопленные, так и мирное население, арестованные за подозрение в оказание помощи партизанам и подпольщикам, заложники в результате проведенных операций), концентрационные (с целью уничтожения советских военнопленных в контексте реализации расовой доктрины Третьего рейха).

Проанализированный материал убедительным образом доказывает, что советские военнопленные в Крыму, как и на всех оккупированных территориях, стали жертвами античеловеческой, расово-идеологической, антигуманной политики национал-социалистического режима Германии.

Список литературы

1. Тяглый М. Места массового уничтожения евреев Крыма в период нацистской оккупации полуострова, 1941–1944: справочник. Симферополь, 2005. 120 с.
2. Лагерь смерти: совхоз «Красный» / сост. Г.Н. Гржибовская. Симферополь: Антиква, 2015. 224 с.
3. Очерки по истории Крыма. Крым в период Великой Отечественной войны, в годы восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства / под ред. И.С. Чирвы. Симферополь: Крым, 1967. Ч. 4. 319 с.
4. Подвигом прославленные: Герои Советского Союза – партизаны и подпольщики Украины в годы Великой Отечественной войны / под ред. В.Н. Немятого. К.: Политиздат Украины, 1985. 382 с.
5. Історія міст і сіл Української РСР: В 26 т. Кримська область / під. ред. Л.Д. Солодовника. К.: Головна редакція УРЕ АН УРСР, 1974. 833 с.
6. Задорожная Н.Ф. Дом-музей севастопольских подпольщиков 1942–1944 гг.: путеводитель. Симферополь: Салта, 2012. изд. 2-е, доп. и испр. 120 с.
7. Абрамян Г.С. Мощное оружие советских войск в боях за Крым (1941–1942 гг.). Ереван: Изд-во Ереван. ун-та, 1975. 198 с.

А.В. Добровольский

**О подготовке офицеров службы
военных сообщений и устройства тыла РККА
в Новосибирском институте военных инженеров
железнодорожного транспорта в годы войны**

A.B. Dobrovolsky

**On the Training of Officers of the Voso Service
of the Red Army at the Novosibirsk Institute of Military
Engineers Railway Ttransport During the War**

Аннотация. В статье раскрывается система подготовки инженерно-командных кадров для служб военных сообщений и тыла Красной армии на базе высшего учебного заведения – Новосибирского института военных инженеров железнодорожного транспорта. Показана специфика деятельности вуза в военные годы, отражена работа военных кафедр по подготовке будущих офицеров – командиров транспорта. Сделан вывод, что с началом войны в институте стали уделять приоритетное внимание изучению дисциплин, связанных с военным делом или имеющих военно-прикладное значение.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; РККА; военные учебные заведения; военные кафедры; Новосибирский институт военных инженеров железнодорожного транспорта.

Накануне войны Новосибирский институт военных инженеров железнодорожного транспорта (НИВИТ) представлял собой уникальное высшее учебное заведение. Под одной крышей, под единым руководством параллельно существовали две структуры: с одной стороны – гражданский институт, готовящий инженеров железнодорожного транспорта, с другой стороны – военное учебное заведение, готовящее командиров взводов службы военных сообщений и устройства тыла (ВОСО) для Красной армии.

В начале 1941 г. НИВИТ был полностью укомплектован штатами кадровых преподавателей. В институте «имелось 30 кафедр, 11 лабораторий, 20 кабинетов» [1, с. 13]. Наряду с высокими техническими знаниями институт давал слушателям «необходимый минимум военных знаний, касающихся, главным образом, вопросов транспорта в условиях войны» [2, с. 36]. Вся институтская жизнь, кроме учебного процесса и научно-исследовательской деятельности, определялась и регламентировалась соответствующими уставами РККА. Военная структура вуза полностью соответствовала армейской структуре: учебная группа представляла собой взвод, состоящий из нескольких отделений. Командирами взводов и отделений, по приказу начальника (ректора) института, назначались слушатели (студенты). Курс именовался ротой, которой командовали кадровые офицеры. Командирами батальонов (факультетов) назначались, как правило, лица высшего офицерского состава (майоры, подполковники). «Весь институт именовался полком, им командовал начальник института» [3, с. 36].

В довоенное время, начиная с 1934 г., в НИВИТе работали следующие военные кафедры: «Восстановление железных дорог и устройство на них заграждений», «Военные сообщения», «Тактика», «Общевойсковая и физическая подготовка» [4, с. 7]. Для представления о программе подготовки будущих офицеров ВОСО приводим полный перечень военных дисциплин, которые изучали слушатели (так назывались студенты НИВИТа) в период обучения в институте: 1) Противовоздушная и химическая оборона (ПВХО); 2) войсковой тыл; 3) ведение военных операций; 4) методика проведения командирских занятий; 5) театр военных действий; 6) стрелковое дело; 7) подрывное дело; 8) разрушение и восстановление железных дорог; 9) служба военных сообщений и тыла; 10) воинские перевозки; 11) тактика; 12) военная топография; 13) уставы; 14) строевая подготовка; 15) вооруженные силы¹.

¹ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-1100. Оп. 1. Д. 16. Л. 36.

22 июня 1941 г. стало рубежным событием в жизни советского государства и советского народа. После передачи правительственного сообщения о нападении фашистской Германии в НИВИТе состоялся общеинститутский митинг, на котором была принята резолюция: «В любую минуту обязываемся все, как один, по первому зову вступить в ряды Красной Армии и грудью защищать нашу социалистическую Родину» [5, с. 40–41]. И уже 29 июня институт торжественно проводил на фронт десять добровольцев из числа выпускников 1941 г. [6].

Первые 32 повестки на фронт слушателям НИВИТа вручили 1, 10 и 24 сентября 1941 г. В октябре добровольно ушли на фронт 52 чел., получившие целевое направление в состав 6-го воздушно-десантного корпуса. В ноябре еще 23 слушателя были направлены в распоряжение Особого отдела Сибирского военного округа. По нашим подсчетам, за первые семь военных месяцев (июнь–декабрь 1941 г.) в ряды Красной армии были призваны 129 слушателей и 24 сотрудника НИВИТа, из них 20 преподавателей [7, с. 8]. В декабре 1941 г. в институте состоялась досрочная защита дипломных проектов слушателей VI курса. По результатам защиты институт досрочно выпустил 187 военных инженеров, треть из которых сразу же были отправлены на фронт [8, с. 48].

В 1941/42 уч.г. военной подготовке слушателей стало уделяться приоритетное внимание. В практику обучения ввели военно-тактические учения на местности, военные игры. В итоговом отчете НИВИТа за первый военный год написано, что со слушателями выпускных курсов проведено четыре военные игры, на каждую из которых использовано 3–4 суток. Там же отмечено, что впервые проведено двухстороннее тактическое учение в поле, в котором участвовало 479 слушателей и 47 преподавателей¹.

В 1942 г. по трем военным дисциплинам в институте были введены экзамены. Представители военных кафедр докладывали руководству о существенном повышении интереса и ответственности слушателей за результаты обучения по военным дис-

¹ ГАНО. Ф. Р-1100. Оп. 1. Д. 16. Л. 60об.

циплинам, что подтверждалось впоследствии качественными показателями – 66,17 % слушателей сдали экзамены на «хорошо» и «отлично»¹. К маю 1942 г. на базе института было подготовлено более 400 значкистов ГТО II ступени, 2000 стрелков, 1500 инструкторов ПВХО, 26 снайперов, 527 бойцов-рукопашников, 100 пулеметчиков [2, с. 37; 9].

В мае 1942 г., в связи с серьезными осложнениями на фронтах юго-западного направления, военкоматы осуществили массовые призывы студентов 1923 г.р. в ряды воюющей армии. За четыре дня, с 18 по 22 мая 1942 г., НИВИТ проводил на фронт 412 слушателей I–III курсов². Практически все нивитовцы попали в состав Сибирской добровольческой дивизии, прославившейся позднее в Сталинградском сражении.

В августе 1942 г. специальным приказом ГКО СССР и Наркомата путей сообщения слушатели бывшего первого и второго курсов НИВИТа были призваны в ряды действующей Красной армии. Приказом от 13 августа 1942 г. 163 чел. были отчислены из института «в связи с уходом в РККА» и направлены на учебу в военные училища. «Через девять месяцев, в апреле 1943 г., девятнадцатилетние лейтенанты получают направления на фронт: попадут в горнило Курской битвы, будут освобождать Донбасс и левобережную Украину, форсировать Днепр» [7, с. 26]. Из них трое воспитанников НИВИТа (В.Н. Безукладников, Ю.И. Дерябин, Е.И. Стерин) получили высшую награду Родины – звание Героя Советского Союза [10, с. 74–75, 135–136, 322–323].

В 1942/43 уч.г. в НИВИТе по линии военных кафедр значительно увеличивается количество практических занятий на местности. Кафедра «Военные сообщения и устройство тыла» подготовила и провела военно-тактическую игру по теме «Организация и обеспечение воинских перевозок на ж.-д. участке армии при наступательной операции», в которой приняли участие более 100 слушателей и 13 преподавателей, в т.ч. с граж-

¹ ГАНО. Ф. Р-1100. Оп. 1. Д. 16. Л. 60 об.

² Архив Новосибирского института инженеров железнодорожного транспорта (НИИЖТ) (НИВИТ). Ф. 1100. Оп. 2. Д. 105. Л. 145, 147, 149, 150, 152, 153, 165–166.

данских кафедр. Две игры по линии кафедры «Восстановление железных дорог и устройство на них заграждений» были посвящены работе головного участка в условиях наступательной операции и в условиях отхода армии¹.

В начале 1943 г. в НИВИТе была пересмотрена структура и штатное расписание военных кафедр. В результате реорганизации из пяти военных кафедр оставили четыре и ввели одну самостоятельную дисциплину – «Противовоздушная оборона на железнодорожном транспорте». По штатному расписанию на военных кафедрах вуза полагался 21 преподаватель, по факту, вследствие уменьшения количества слушателей из-за постоянных призывов в Красную армию, работали 17 чел., включая 6 вольнонаемных². Из них три офицера имели реальный опыт боевых действий на фронтах Великой Отечественной войны.

В третий военный год ЦУУЗ НКПС обратил особое внимание на состояние оборонно-спортивной работы в подведомственных транспортных вузах. В январе 1944 г. в НИВИТе было проведено междуротное соревнование по лыжам. А 19 марта 1944 г. в НИВИТе возобновилась военно-спортивная эстафета³.

В годы войны продолжалась практика проведения летних военно-полевых сборов слушателей НИВИТа. Первый военизированный лагерный сбор слушателей НИВИТа был проведен летом 1935 г. на базе Юргинского полигона Сибирского военного округа. Сложившаяся модель проведения месячных военно-полевых сборов была взята за основу и применялась в учебном процессе НИВИТа почти двадцать лет. За период первого лагерного сбора (I курс) будущие офицеры железнодорожных войск получали не только практический опыт по своей будущей специальности, но и непосредственно познавали военную службу –

¹ ГАНО. Ф. Р-1100. Оп. 1. Д. 209. Л. 60.

² Там же. Л. 55.

³ Архив НИИЖТа. Ф. 1100. Оп. 2. Д. 193. Л. 127. Первая оборонно-спортивная эстафета состоялась в марте 1939 г. Предвоенная эстафета прошла в марте 1941 г. В последующие два военных года (1942–1943 гг.) это мероприятие не проводилось.

проходили строевую подготовку, стреляли из пистолета и автомата, получали представление об организации службы суточного наряда, организации питания и бытового обеспечения, снабжении военных подразделений материально-техническими ресурсами. На последующих лагерных сборах (II–III курсы) слушатели отрабатывали тактические задачи, анализировали военные операции, проходили огневую подготовку (стрельба из пистолета, автомата, пулемета), строили и разрушали мосты, проводили подрывы имитированных участков железнодорожного полотна и искусственных сооружений взрывными пакетами и настоящими минами [11, с. 40].

Летняя производственная практика (июль–октябрь 1944 г.) значительно отличалась от предыдущих лет. Слушатели пятого курса Строительного факультета проходили производственную практику на железных дорогах, соприкасающихся непосредственно с зоной боевых действий: «Это была богатая практика по восстановлению пути и мостов в боевых условиях» [8, с. 121]. Несколько нивитовцев стали свидетелями и даже непосредственными участниками знаменитой военной операции «Багратион»¹.

В ноябре 1944 г. высокими правительственными наградами были награждены 15 преподавателей военных кафедр НИВИТа. Орденом «Красного знамени» наградили 9 чел., орденом «Красной звезды» – 2 чел., медаль «За боевые заслуги» получили 4 офицера [7, с. 60]. А через полгода Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 февраля 1945 г. орденом «Ленина» были награждены заместитель начальника института по военной работе, генерал-майор А.В. Котюков, полковники Н.А. Блистинов, Д.И. Заречанский, подполковник Н.П. Гвоздиковский, майоры В.П. Розов, К.А. Ляликов. Высочайшие награды Родины наглядно свидетельствовали о важном вкладе преподавателей НИВИТа в укрепление обороноспособности страны, квалифицированной подготовке молодых специалистов – военных инженеров железнодорожного транспорта.

¹ Архив НИИЖТа. Ф. 1100. Оп. 2. Д. 193. Л. 409.

За три года войны вузы г. Новосибирска дали стране 2801 молодого специалиста, в т.ч. мединститут – 1116, строительный – 393, НИИГАиК – 171 и свыше 1100 военных инженеров подготовил НИВИТ [12, с. 351]. Как правило, после получения гражданского диплома на базе вуза тут же проходила военная аттестация, после которой выпускникам НИВИТа присваивали воинское звание младший лейтенант (или лейтенант) службы ВОСО Красной армии. Воспитанники НИВИТа достойно проявили себя в условиях военного времени. Более 600 выпускников, проходящих военную службу в органах ВОСО, в железнодорожных войсках, в частях Главного управления военно-восстановительными работами, а также работавших в прифронтовой полосе, были награждены правительственными орденами и медалями [1, с. 16–17].

Таким образом, подготовка в НИВИТе инженерно-командных кадров определялась самим военным временем, и в первую очередь, необходимостью подготовки квалифицированных специалистов для действующей армии и служб организации военных сообщений и тыла. За годы войны 1079 слушателей, 49 преподавателей и сотрудников НИВИТа ушли на фронт защищать нашу Родину. На современной территории Сибирского государственного университета путей сообщения стоит монумент, на пилонах которого выгравированы 64 фамилии нивитовцев, погибших на полях сражений Великой Отечественной войны.

Список литературы

1. Кушнерев А.М. Путь института // Школа командиров транспорта: юбилейный сборник, 1932–1952 / Новосиб. ин-т воен. инженеров ж.-д. транспорта. Новосибирск, 1952. С. 5–20.
2. Тридцатилетие Новосибирского института инженеров железнодорожного транспорта (краткий очерк). Новосибирск, 1962. 114 с.
3. Москалев П.И. Этапы пройденного пути: субъективные заметки по истории НИВИТа – НИИЖТа (1932–1990). Новосибирск: Изд-во СГУПС, 1999. 116 с.

4. *Москалев П.И.* Летопись НИВИТа – НИИЖТа за 60 лет в документах и фактах. Новосибирск, 1992. 58 с.
5. Полвека в пути (Очерки о Новосибирском институте инженеров ж.-д. транспорта). Новосибирск, 1982. 127 с.
6. *Исаков Л.М.* Они ушли первыми // Кадры – транспорту. 1990. 19 апр.
7. *Добровольский А.В., Манаков А.Л.* НИВИТ военного времени (1941–1945 гг.). Новосибирск: Изд-во СГУПС, 2017. 128 с.
8. НОПИТ – НИВИТ – НИИЖТ (Очерки истории: 50-летию ин-та посвящается) / под общ. ред. П.И. Москалева. Новосибирск, 1981. 156 с.
9. *Баталов А.* Институт в годы войны // Кадры транспорту. 1965. 6 мая.
10. Новосибирцы – Герои Отечества. Новосибирск: ОАО «НКИ», 2010. 768 с.
11. *Добровольский А.В.* О роли летних лагерных сборов в подготовке военных инженеров транспорта в НИВИТе // Гуманитарные проблемы военного дела. 2018. № 4. С. 48–56.
12. *Петрова Т.Н.* Деятельность партийных организаций Западной Сибири по усилению творческого содружества науки с производством в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Томск, 1968. 390 с.

А.А. Терскова, М.Б. Епина

Повседневность в тылу и на фронте в годы Великой Отечественной войны в эго-документах из фондов музея Сибирского федерального университета

A.A. Terskova, M.B. Epina

Everyday Life in the Rear and at the Front During the Great Patriotic War in the Ego-Documents from the Collections of the Siberian Federal University Museum

Аннотация. В статье реконструированы фрагменты повседневной жизни советских людей в годы Великой Отечественной войны. Основой работы являются письма и воспоминания ветеранов войны – письма-оригиналы и типографские издания с письмами, переданные в музей Сибирского федерального университета родственниками фронтовиков и бывшими работниками университета. Проанализированы отношения к военным действиям и к разлуке, взаимоотношения военнослужащих с родителями и детьми, вопросы материального обеспечения семей фронтовиков в тылу.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; письма военнослужащих; эго-документы; повседневность в годы войны; личная переписка.

В последние несколько десятилетий происходит переосмысление и гуманизация истории Великой Отечественной войны. Без сомнения, большой интерес у исследователей вызывают работы, написанные в русле историко-антропологического подхода, основанные на документах личного происхождения (личная переписка, дневники, воспоминания). Анализ эго-документов военного времени позволяет выявить некоторые характерные черты повседневной жизни советских людей в годы войны, охарактеризовать внутрисемейные отношения этого периода, раскрыть основные проблемы, встречающиеся в переписке.

В фондах Музея Сибирского федерального университета (СФУ), образованного в 2006 г., хранятся письма и воспомина-

ния преподавателей всех высших учебных заведений, вошедших в состав университета¹. Так, в фонд Музея Золотухиной Галиной Ивановной были переданы фронтовые письма ее отца к семье. Иван Афанасьевич Золотухин был заместителем начальника штаба артиллерийского соединения Западного фронта, кавалером ордена Красной Звезды, погиб в Литве в 1944 г. Сама Галина Ивановна Золотухина – кандидат экономических наук, доцент, проработавшая всю жизнь в Красноярском государственном университете, а затем в СФУ, считает, что в университетском музее эти письма позволят сохранить память о ее отце. Другой комплект писем принадлежал красноармейцу-пулеметчику Владимиру Генриховичу Спорту. Эти письма были переданы в музей СФУ его братом, бывшим преподавателем политэкономии Политехнического института Генрихом Генриховичем Спортом. Сам Г.Г. Спорт тоже являлся участником Великой Отечественной войны. В войне с Японией сержант Генрих Спорт служил в составе второй летной эскадрильи 79-го бомбардировочного авиаполка 225-й авиадивизии.

В фонде Музея СФУ находятся изданные письма и воспоминания преподавателей-ветеранов: полковника, кавалера трех орденов Отечественной войны и двух орденов Красной Звезды, начальника учебного цикла военной кафедры Института цветных металлов им. М.И. Калинина Заки Нуриевича Сулейманова; солдата, гвардии сержанта, а впоследствии доктора технических наук, профессора Павла Михайловича Шурыгина, посвятившего свою трудовую жизнь сначала Красноярскому институту цветных металлов, а затем Красноярскому государственному университету. Также в нашем распоряжении имеется переписка гвардии капитана Ивана Ивановича Крушлинского с его супругой и детьми, изданная его сыном Валерием Ивановичем

¹ Сибирский федеральный университет создан в 2006 г. путем присоединения к Красноярскому государственному университету трех вузов: Красноярского государственного технического университета (ранее Красноярский политехнический институт), Государственного университета цветных металлов и золота (ранее Институт цветных металлов им. М.И. Калинина), Красноярской государственной архитектурно-строительной академии.

Крушлинским, доктором архитектуры, профессором Красноярской государственной архитектурно-строительной академии в 2006 г. Большинство перечисленных комплексов документов представляют собой письма с фронта или воспоминания военнослужащих, отражая только мировосприятие фронтовиков. Исключение составляет переписка И.И. Крушлинского, в которой сохранились письма супруги и детей, рассказывающие о тяготах военного времени в далеком городе Чите.

При анализе писем можно отметить большее внимание их авторов к быту, повседневным проблемам, нежели к тому, что происходило с ними на фронте. Этим они отличаются от фронтовых воспоминаний, написанных после Великой Отечественной войны, которые в значительной степени посвящены ходу боевых действий. В письмах особенно отчетливо видно, что расставание с семьей и родными, затяжной характер разлуки с домом вызывали у офицеров и солдат тоску, тяжелую грусть и уныние. И.А. Золотухин писал домой в октябре 1943 г.: «Вера, что-то так скучаю, что порой не знаешь куда деваться, поэтому пишу письмо и этим хотя немного разгоняю тоску и скуку»¹. Во всех письмах с большими надеждами и радостью пишут авторы о скором окончании войны и о прекрасном послевоенном времени, когда семьи воссоединятся и проживут счастливо. Так во многих письмах к детям И.И. Крушлинский рассуждает о скором окончании войны: «Я скоро вернусь домой. Я не могу даже себе представить свою радость возвращения к вам. Четыре года – это очень много для войны!» [1, с. 147].

Особую озабоченность отцов, воюющих на фронте, вызывает здоровье детей. Также участливо пишут с фронта и старшие братья младшим, чувствуя за них большую ответственность. Много внимания уделяется наставлениям ребятишек на хорошую учебу, усердный труд и помощь матерям. Из письма И.А. Золотухина: «Дочка, ты в мороз долго на улице не гуляй, как чувствуешь, что

¹ Письмо И.А. Золотухина от 4.10.1943 г. // Основной фонд Музея СФУ. Коллекция 564.

простыла, то иди в дом и слушай маму»¹. Из письма И.И. Крушлинского: «Ты сынок старайся учиться лучше и следи, чтобы Оля тоже хорошо училась, не балуйте, слушайте учителей – они вам хотят только хорошего. Слушайте свою маму, помогайте ей во всем. Смотрите за Светой и за Сашей-чудачком, а то он вас скоро будет колотить. Не бегайте на улицу раздетыми, берегите себя от болезней – с вами и так намучались прошлую зиму» [1, с. 67]. П.М. Шурыгин в своих письмах очень заботится о будущем младшего брата Петра: «Выбор Пети в связи с Медногорском верен. Только советую еще попасть в школу арттехников или вообще стараться выбрать с техническим уклоном себе специальность: авиатехник, арттехник или морской техник, т.е. быть любым специалистом по вооружению, приборам и т.д. Это пригодится для жизни!» [2, с. 32]. В своем письме от 23 мая 1943 г. В.Г. Спорт наставлял брата не бросать занятия рисованием: «Так что думаю, если бы был дома, то все силы отдал бы учению. Но ничего, после войны мы еще поработаем и достигнем вершины мастерства, если и не вершины, то середины. А ты Гена, сейчас учись и учись, если не будешь учиться, то вспомнишь меня»².

Большой проблемой было материальное благосостояние семей фронтовиков. Помощь своей семье денежными переводами оказывал И.И. Крушлинский. Его супруга Анна Григорьевна писала мужу на фронт: «Твое письмо я получила 9.09, а перевод 18.09.41 г.» [1, с. 49]. Другое письмо от дочери Ольги со словами благодарности: «Очень хорошо, что ты послал мне ботинки, а то подходит весна. Но что бы ты не послал для нас это очень дорого главное от нашего родного папы» [1, с. 60]³.

Также семьи фронтовиков могли оформить справку о том, что отец находится в действующей армии, и получать пособия и материальную помощь. Дети И.И. Крушлинского, в семье которого их было пять человек, упрекали отца в 1943 г. за то, что он до сих пор

¹ Письмо И.А. Золотухина от 25.01.1942 г. // Там же.

² Письмо В.Г. Спорта от 23.05. 1943 г. // Там же. Коллекция 307.

³ Орфография и пунктуация оригиналов писем сохранена.

не прислал им этой справки: «Десятки писем мы тебе написали о том что нужно прислать справку. Четвертый месяц не получаем паек. Как ни говори, а он нас поддерживал. За два года ты не прислал не одной справки, что ты в действующей Армии. Ты папа знаешь, что эта справка нужна нам на каждом шагу» [1, с. 154–155].

Еще одним способом помочь семье было оформление аттестата на получение части зарплаты военнослужащего его родственниками, матерью или супругой. Об оформлении аттестата в своих воспоминаниях пишет З.Н. Сулейманов: «Решил свой денежный аттестат выслать в Каргатский райвоенкомат, на имя мамы, на право получения этих денег. В течение нескольких лет ей регулярно выдавали. После войны как-то подсчитали, что за это время она получила около 30 000 рублей и была благодарна. Она говорила: «Твои деньги поддерживали семью, но самое главное, если выдавали деньги, я знала, что ты живой» [3, с. 78].

Некоторые военнослужащие отправляли посылки своим семьям. Семья И.И. Крушлинского регулярно получала посылки в течение четырех лет. Последние посылки с детской обувью, одеждой и отрезами ткани Иван Иванович отправил из Германии в феврале 1945 г. [1, с. 176–177]. П.М. Шурыгин, который будучи старшим лейтенантом, не имел возможности отправлять домой материальную помощь, в феврале 1945 г. все-таки отправил две посылки матери: «Пять дней назад выслал тебе посылку. Приказ об отправке посылок пришел как-то неожиданно. Приказали отправить всем в течение дня. В это время мы стояли во дворе владельца винного завода, какого-то «фон Линде», майора Германской армии. В его гардеробах взял я костюм, скатерть шелковую, отрез простой. Все подлежит немедленной продаже за исключением женского пиджака, если подойдет тебе» [1, с. 82].

Интересно, что в нескольких письмах разных авторов встречалась мысль о том, что деньги на фронте ничего не значат и их некуда тратить: «Я получаю в месяц 35 рублей. Деньгами здесь делать абсолютно нечего, и мы все сдаем их полностью в Фонд обороны» [2, с. 21].

Большой интерес вызывает описание быта семей, живущих в тылу. Особенно много сведений на этот счет сохранилось в переписке И.И. Крушлинского. Его супруга Анна Григорьевна, не имеющая работы, осталась с четырьмя детьми одна. В 1942 г. родился пятый ребенок Валерий. С отцом вели переписку с начала войны старший сын Анатолий (ему в начале войны 9 лет) и старшая дочь Ольга. В конце войны есть несколько писем от младшей дочери Светланы. Везде семья писала о сложном материальном положении, о нехватке продуктов, картофеля: «Привет Папа! Живем не важно папа. Денег нам не хватает. Мама почти каждый день ходит на базар и продает вещи. Картошки нам дали, мама записалась на землю 1000 м.» [1, с. 77]. Из письма супруги, написанного в 1945 г.: «Я и сейчас нахожусь в затруднении, и твоя помощь будет нам кстати. Весна, запасы кончились, завтра иду просить картошки. Если обеспечат семенами, то постараемся засадить все сотки. Семья растет, нужно много. Я очень много должна, а сейчас трудно расплатиться. Если можно, пришли денег» [1, с. 42]. В суровые военные годы несколько легче было с пропитанием в летнее время: «Правда, весной положение казалось страшным и безвыходным, но сейчас живем гораздо лучше. Во-первых, огород хотя и маленький, но помогает, ребяташки весь день ходят и едят овощи <...> а табак меня здорово выручает, я на него приобретаю хлеб и др. продукты, и вообще всякой зелени продала за три дня на 650 руб. На эти деньги я отдала починить всю обувь, катанки всем подшила, а Толе сошью сапоги из голяшек, а то ему в школу ходить не в чем» [1, с. 104].

Семья Павла Шурыгина, состоящая из матери и младшего брата Петра, также жила в военное время сложно. Однако Мария Ивановна работала учительницей начальных классов, держала огород и коз. Это помогло ей выжить в военные годы.

Особый интерес представляют оценки восприятия внутрисемейных отношений, отраженные в переписке. Довоенные годы, проведенные с семьей, воспринимались как лучшие. Из письма И.А. Золотухина: «Я живу по-старому, думаю о тебе с Галей, как вы живете, и вспоминаю наши счастливые дни, про-

житые со дня вступления в брак, как хороша и прекрасна была жизнь с 1934 года до июня 1941 г.»¹. Видна тесная связь между сыновьями и матерями, между братьями, между отцом и детьми. Из писем И.И. Крушлинского: «Сегодня имею свободное время, немножко взгрустнул, а потом плюнул на это дело. Я же знаю, что у меня есть сын и дочь – грамотные, маленькие и большие Толя и Оля. Что лучше, сел и пишу вам письмо» [1, с. 124]. Из письма П.М. Шурыгина: «Дорогой Петя! Береги маму, старайся, заботься о ней и ничем-ничем ее не огорчай. У нее и так уж горя через край!» [2, с. 34]. В письмах военнослужащие стараются уберечь родных от лишних переживаний, никогда не жалуются на быт, вскользь говорят о своих ранениях и болезнях: «В Ярославле я заболел малярией и так больным и уехал оттуда. Сейчас она меня трепать перестала, только чувствую слабость» [1, с. 82].

Военные, писавшие домой, почти ничего не упоминали о своей повседневной жизни. С удивлением узнаем, что для солдат большим праздником был поход в баню. Из письма П.М. Шурыгина: «Дни, проведенные в санчасти, были для меня днями отдыха. Там находилось нас от 7 до 12 человек, и все мы жили в свое удовольствие: только ели да спали, там я вымылся в бане, сменил белье. Никогда я еще не получал такого удовольствия от бани! Вымылся, и как будто с меня спали тысячи пудов грязи, пота и огрубевшего белья» [1, с. 20]. В письмах Павла Михайловича есть упоминания о том, что солдаты помогали восстанавливать дома на освобожденных территориях, ходили в кино и гуляли: «Позавчера первый раз за полгода был в кино. В кино пришлось по грязи идти за несколько километров, но труды мои даром не пропали. Шло кино: “Секретарь райкома” и “Антоша Рыбкин”. Картины показались мне на редкость интересными, правдивыми, только батальные сцены не жизненные, в них много суеты. В бою все проще. Правда, много неразберихи, но поведение более спокойное» [2, с. 35]. Из другого письма: «Живу я хорошо, на отдыхе около Орла. Досуг свой провожу за чте-

¹ Письмо И.А. Золотухина от 17.07.1942 г. // Основной фонд Музея СФУ. Коллекция 564.

нием книг, которые достаю всеми правдами и неправдами. Товарищам удалось съездить в город в кино и в театр. Всеми силами стремлюсь сделать то же самое. Не знаю, удастся ли?» [2, с. 51] И.И. Крушлинский писал, что на фронте научился играть на баяне: «В часы досуга научился играть на баяне и когда кончится война, приеду домой с баяном, подарю тебе и научу тебя играть» [1, с. 105]. Он просил дочь Ольгу к его возвращению домой научиться играть на гитаре [1, с. 138].

Изучение фронтовых писем позволяет увидеть войну с другого ракурса – через мировосприятие конкретных людей.

Список литературы

1. Крушлинский В.И. Письма войны. Непарадная повесть о Великой Победе. Красноярск: КрасноярскНИИпроект, 2006. 224 с.
2. Голос из военного далека. Фронтовые письма П.М. Шурыгина. Красноярск: Ситалл, 2015. 132 с.
3. Сулейманов З.Н. Страницы жизни (из истории нашей семьи). Красноярск; Павлодар, 2007. 145 с.

УДК 93/94

М.В. Шиловский

Фронтовики Советского района города Новосибирска

M. V. Shilovskiy

War Veterans in the Soviet District of the City of Novosibirsk

Аннотация. Свой вклад в Победу советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. внесли ее участники из числа проживавших на территории Советского района г. Новосибирска. На основе базы данных, собранной в научно-справочном издании «Эстафета Победы» (2010), проанализированы установочные сведения на 3725 фронтовиков. Обобщены данные по их половозрастному составу, времени рождения, воинским званиям,

воинским специальностям, награждениям отдельными орденами и медалями. Приведенные данные свидетельствуют об изменении облика армии, в отношении ее механизации и технического обеспечения.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; участники войны; государственные награды; Новосибирск; Советский район; Новосибирский научный центр.

Всего с территории Сибирского военного округа (СибВО) (Алтайский и Красноярский края, Кемеровская, Новосибирская, Омская и Томская области) призвали 2 641 тыс. чел. 1232 воина-сибиряка стали Героями Советского Союза, 155 – полными кавалерами ордена Славы. Здесь сформировали три общевойсковые армии, более 30 дивизий и бригад, подготовкой офицеров занималось около 40 военно-учебных заведений.

Вклад в увековечивание памяти участников войны и одновременно в формирование источниковой базы данных о них внесли авторы научно-справочного издания «Эстафета Победы» (2010) [1], в котором содержатся поименный список и 250 фрагментов воспоминаний жителей Советского района г. Новосибирска. Нами использована содержащаяся в них информация с целью выявления отдельных параметров военных биографий участников Великой Отечественной войны, проживавших в границах обозначенного городского района, образованного в 1958 г. на базе жилых кварталов Новосибирской ГЭС и Новосибирского научного центра (ННЦ), сельских поселений Новосибирского сельского района Правые и Левые Чемы, Нижняя Ельцовка, Чербусы, станции Сеятель.

В списке содержатся установочные данные (годы жизни, воинские звания, участие в боевых действиях, ранения, награды, должности и место работы в послевоенный период и т.д.). Основным источником информации послужил текущий архив Советского районного военкомата, а также сведения, полученные от респондентов. Всего в источнике упомянуто 3730 чел., в т.ч. 316 (8,4 %) женщин-военнослужащих, 800 (21,4 %) ученых и обслуживающего персонала ННЦ, 2,5 тыс. (69 %) работников промышленных и строительных организаций района, 700 (18 %) сотрудников медицинских, учебных, торговых учреждений,

военнослужащих и пенсионеров. Открытие в Академгородке в 1967 г. Новосибирского высшего военно-политического общевойскового училища (НВВПОУ) привело к появлению в изучаемой совокупности 35 офицеров, бывших фронтовиков.

Введенная в публичный дискурс информация содержит определенные изъяны, не позволяющие полностью определить избранные для изучения элементы облика фронтовиков. Из списка исключены академики М.А. Лаврентьев, С.Л. Соболев, А.А. Трофимук, С.А. Христианович, чл.-кор. Н.А. Чинакал, не принимавшие участия в боевых действиях. Невозможно установить воинские звания и должности на конец войны у подавляющего большинства полковников, подполковников и примерно половины майоров, поскольку они указаны на момент выхода в отставку в 1950–1980 гг. Поскольку часть информации была получена путем опроса респондентов спустя 50 и более лет после окончания войны, вкрались ошибки: не учреждались медали «За освобождение Крыма», «За освобождение Кореи», «За освобождение Ленинграда»; отсутствовали в РККА полевые прачечные полки (их аналог – полевой прачечный отряд). Таким образом, полученные сведения не являются абсолютно выверенными, а дают приблизительную оценку на основе анализа собранных сведений.

Возрастная структура. Всего в списке представлено 38 возрастов с 1891 по 1928 г., за исключением 1893 г. из-за отсутствия родившихся тогда. Не включен появившийся на свет в 1934 г. М.Е. Топчийан, с декабря 1943 г. и до конца войны являвшийся «сыном полка» базы аэродромного базирования. Таким образом, самому «старому» участнику войны по состоянию на 1941 г. старшему сержанту-артиллеристу Г.И. Перевозчикову исполнилось 50 лет, самым молодым, 1928 г.р. (7 чел.), в 1945 г. исполнилось 17 лет. В.И. Новгородцева из д. Суенга Черепановского района призвали в мае 1945 г., а повоевать ему пришлось всего несколько дней в августе того же года на Дальнем Востоке против японцев. По годам рождения изучаемая совокупность с интервалом в пять лет распределилась по нарастающей до пика в

1924 г. (371 чел.) следующим образом: 1894 – 6, 1899 – 9, 1904 – 25, 1909 – 71, 1913 – 125, 1918 – 222, 1923 – 292; с последующим уменьшением до 108 чел., родившихся в 1927 г. В 1945 г. половина (1863) из 3725 чел. находилась в возрасте до 25 лет. Если взять итоговые данные о возрастном составе призванных в армию за годы войны, то в целом по СССР на долю молодых (18–32 года) пришлось 36,5 % [2, с. 43]. В нашем случае этот показатель составил 2857 чел. или 76 %.

Иерархия распределения по воинским званиям также имеет особенности. Больше всего насчитывалось рядовых – 1342 чел. Если к ним прибавить 179 ефрейторов и 20 старших матросов, то общее количество представителей основы вооруженных сил составит 1532 чел. (41 %). На них ложилась основная тяжесть ведения боевых действий. Как вспоминал бывший рядовой А.М. Ярушников, призванный из д. Мильтюши Искитимского района, «В июле 1942 года меня и многих моих сверстников из деревни Мильтюши направили в действующую армию. О какой-либо военной подготовке говорить нечего. <...> Настрой был боевым. Но отсутствовали боеприпасы. В частности, в атаку мне пришлось идти без единого патрона. Были те, кто вообще шел в атаку без оружия, в надежде взять его в бою у раненого или убитого. Тем не менее мы наступали и били немцев» [1, с. 647].

Младший командный состав представлен 984 сержантами, 204 старшинами и 5 мичманами, всего 1193 чел. (32 %). Самую многочисленную группу офицеров составляли лейтенанты: 86 младших, 300 лейтенантов, 187 старших, всего 567 чел. или чуть более половины офицерской корпорации. Капитанов насчитывалось 211, майоров и их флотских аналогов капитанов 3-го ранга – 133, подполковников – 113, полковников – 78 чел. Всего 1102 обер- и штаб-офицеров, пользуясь дореволюционной терминологией. Особенность высшего офицерского состава в звене подполковник–полковник заключается в том, что, согласно биографическим справкам, присвоение им этих персональных воинских званий состоялось уже после окончания войны в процессе их службы в мирное время. Ко времени ее по-

бедоносного завершения многие из них находились на нижних ступеньках служебной лестницы (командиры взводов, рот) и в возрасте 20–25 лет (1920–1925 гг. рождения). После 9 мая 1945 г. их оставили для продолжения службы в мирное время. Подавляющее большинство призванных из запаса в начальный период войны 1891–1909 гг. рождения состояло из рядовых.

Командную пирамиду завершают два генерал-лейтенанта (Б.Н. Волков и В.И. Уранов), два генерал-майора (Н.М. Иванов, В.Г. Зибарев) и контр-адмирал Г.С. Мигиренко. Но, за исключением Уранова, все остальные высокие звания получили также в мирное время, хотя принимали активное участие в военных действиях. Так, будущий начальник НВВПОУ, уроженец Нарымского края Борис Николаевич Волков 1925 г.р. был призван в армию в мае 1943 г. Воевал в артиллерии, командовал взводом, был награжден шестью орденами, в т.ч. Славы 2-й и 3-й степени. Начальник управления строительства «Сибкадемстрой», Герой Социалистического Труда Николай Маркелович Иванов с первого дня войны возглавлял инженерную службу стрелкового полка, а потом являлся заместителем командира 8-й штурмовой инженерно-саперной бригады. Был награжден орденом Отечественной войны 1-й ст., Отечественной войны 2-й ст. (дважды), Красной Звезды.

По исполнению командных функций в представленной совокупности насчитывается 123 командира отделения, 177 командиров взводов, 18 командиров артиллерийских батарей, 41 командир роты, 16 командиров батальонов, по два командира эскадрильи и дивизиона, два начальника штаба полка. Что касается воинских специальностей фронтовиков, то преобладали пехотинцы. Второе по численности место занимали артиллеристы – 307 чел. К ним следует отнести еще 141 минометчика, которые в равной пропорции подразделяются на личный состав минометных расчетов, обслуживающих 82-мм, 120-мм и 160-мм минометы, и военнослужащих частей, вооруженных реактивными системами БМ-13 («Катюши»). За ними идут связисты общим количеством 301 чел. Саперов (минеров) мы насчитали 163 чел.,

танкистов – 122, авиаторов – 146 чел. Примерно каждый десятый из них поднимался в воздух (летчик-истребитель, пилот, штурман, бортрадист, бортстрелок), остальные обеспечивали вылеты на земле. На этом фоне сравнительно немногочисленной выглядела группа кавалеристов – 31 чел. Совсем немного, всего 13 чел. занимались политработой среди военнослужащих (политруки, замполиты, комиссары). Приведенные данные свидетельствуют об изменении облика армии к началу и во время войны в отношении ее механизации и технического обеспечения. Собранные нами сведения относительно военнослужащих-сибиряков периода Первой мировой войны за 1914–1917 гг. свидетельствуют об абсолютном преобладании среди них пехотинцев, а среди последних – малограмотных и неграмотных крестьян в возрасте 19–30 лет [3, с. 93].

В рамках общей совокупности родов и видов вооруженных сил военнослужащие из Советского района распределялись по военно-учетным специальностям, которых мы насчитали более 39. Самой представительной была корпорация медиков: 47 врачей (из них 34 хирурга), 54 санитаря, 40 санинструкторов, 43 фельдшера, 46 медсестер, 1 ветеринарный врач и 2 ветеринара, всего 213 чел. Поскольку основным средством перевозки грузов, боеприпасов и военнослужащих являлись тогда автомобили, численность водителей достигла 120 чел. Но в списке упоминается 3 ездовых, служивших в транспортно-гужевых ротах. Еще одну сравнительно многочисленную группу составляли пограничники – 70 чел., охранявшие государственную границу в Сибири и на Дальнем Востоке. Более десяти по каждому направлению имелось специалистов, обслуживающих технику и стрелковое оружие: 14 механиков, по 13 техников и мастеров по вооружению, 11 топографов, гидрографов, метеорологов-наблюдателей; не больше пяти – писарей, сапожников, поваров, машинистов паровозов, мотористов, по одному кузнецу и сапожнику. Из представителей тыловых служб следует назвать: заведующих складами – 11, финансистов – 9, кладовщиков – 5, интендантов – 3, всего 28 чел. В состав надзирающих органов

входили сотрудники (не оперативники) СМЕРШ – 7, переводчики – 2, шифровальщики – 2, цензоры – 2.

Отдельно следует сказать о женщинах – военнослужащих и вольнонаемных, которых я включил в число рядовых. В 1941–1945 гг. из 35 млн призванных женский «вклад» составил порядка 800 тыс. чел. (2,5 %) [2, с. 44]. В Советском районе их оказалось 316 чел. или 8,4 % от общей совокупности. Сравнительно небольшая часть из их принимала непосредственное участие в боевых действиях (15 санинструкторов, пятеро, служивших в артиллерийских частях, часть из 78 связистов). В качестве примера можно сослаться на лейтенанта Е.Я. Зраеву, командира взвода автоматчиков 1-й [и единственной в РККА. – *М. III.*] отдельной добровольческой стрелковой женской бригады.

Они внесли большой вклад в лечение раненых (военно-полевые, полевые подвижные, эвакуационные госпитали, санитарные поезда, медико-санитарные батальоны и т.д.). Так, полковник медицинской службы А.Ф. Кедрова с августа 1943 по март 1945 г. в качестве хирурга спасала жизнь бойцам 59-й гвардейской стрелковой дивизии, подполковник медицинской службы Т.В. Захаревич была призвана в июле 1941 г., делала операции раненым в качестве врача-хирурга, возглавляла эвакуационный госпиталь № 1739. Медицинскую помощь оказывали во время военных действий 35 врачей, 36 медсестер, 20 фельдшеров, 19 санитарок, 25 санинструкторов, всего 135 чел.

С большой теплотой о своих фронтовых коллегах отозвался академик В.П. Казначеев: «С бесконечной благодарностью и нежностью вспоминаю девчущку-медсестричку, которая со слезами на глазах, шустро работая солдатской лопаткой, выколачивала меня, контуженного, почти заledenевшего, из снежной корки и уговаривала: “Потерпи солдатик!”, а потом тащила в медсанбат. Сотни таких безвестных “ангелов-спасителей” трудились на войне, тысячи-тысяч солдат возвращая в строй. Низкий им поклон» [1, с. 277]. Одна из таких героинь, гвардии капитан медицинской службы, врач хирургического полевого подвижного госпиталя З.М. Мурахтанова свои впечатления о фронтовой

повседневности обобщила следующим образом: «Легких ранений не бывает. Любая рана – боль. Нечеловеческая боль – раненый зубами скрипит. Ругается нещадно. Прикрикнешь: “Не мешайте!”. Умолкнет. А ты думаешь: только бы не умолкал – операция-то кошмарная, особенно у артиллеристов, танкистов, – раздробленные кости, ожоги, а сколько теряли крови» [1, с. 404].

Помимо медицины значительная прослойка женщин служила в подразделениях связи (78 чел.), ПВО (слухач-прожекторист, аэростатчик) – 12 чел. О специфике службы последних младший сержант М.В. Еремеева вспоминала: чтобы помешать вражеским бомбардировщикам отбомбиться по цели (завод, мост, склад), «девушки-бойцы поднимали в воздух аэростаты – этикие огромные “колбасы” по 15 метров в длину. А по ночам слепили прожекторами. Немцы злились, “поливали” нас пулеметными очередями, но бомбы сбрасывали мимо объектов. Мы ликовали, радовались каждой своей маленькой победе – нашему личному вкладу в большую Победу» [1, с. 228]. Еще 12 из списка водили автомобили. Кроме того, 18 чел. служили в штабах (машинистки, делопроизводители, финансовые специалисты, кладовщики, цензоры, переводчики, сотрудники полевой почты). Наконец, заботливые женские руки (9 поваров, 4 пекаря, 2 швеи, 3 прачки, парикмахер) обеспечивали неприхотливый армейский быт. Завершая сюжет о женщинах на войне, воспроизведу резюме по этому поводу капитана медицинской службы П.З. Кузнецовой: «Как специалисты женщины на войне просто незаменимы. У нас повышенное чувство ответственности за порученное дело: будь то врач, радистка снайпер или просто солдат на посту – с места не сойду, пока не сделаю! Стойкость и терпение, терпение и еще раз терпение. Фронт – это смерть, грязь, грубость, постоянное чувство опасности, а присутствие женщин сдерживало мужчин, делало их, если хотите, мужественнее, отважнее, великодушнее» [1, с. 338].

За мужество и героизм практически все упомянутые в «Эстафете Победы» были награждены орденами и медалями, в т.ч. 953 орденами Красной Звезды, 752 медалями «За отвагу». Очень

много награжденных орденами Отечественной войны двух степеней, орденом Славы, медалями «За победу над Германией», «За боевые заслуги». Капитан А.Г. Филипчук удостоился четырех орденов Красной Звезды и двух орденов Боевого Красного Знамени. Командир эскадрильи истребителей Е.И. Горюнов, лейтенант-артиллерист, впоследствии доктор геолого-минералогических наук В.И. Молчанов и командир батареи, доктор технических наук И.Б. Погожев стали кавалерами ордена Красной Звезды трижды. Подобных примеров можно приводить множество. В Советском районе проживали и состояли на воинском учете три Героя Советского Союза, получившие высшую государственную награду СССР. Сапер В.А. Бердышев (1908–1981) – единственный из них родился на его территории в с. Нижние Чемы. Высокую награду получил за форсирование Днепра в октябре 1943 г. сапер Г.М. Ивлев (1908–1960). Командир артиллерийского дивизиона М.М. Юрьев (1918–1994) также форсировал Днепр в сентябре 1943 г.

В боевых действиях приняли участие многие в будущем видные ученые и научные сотрудники ННЦ, в т.ч. академики и чл.-кор. Д.К. Беляев, С.Т. Беляев, Г.И. Будкер, О.Ф. Васильев, Б.В. Войцеховский, В.П. Казначеев, Л.В. Канторович, Д.А. Косыгин, С.С. Кутателадзе, И.В. Луцицкий, А.А. Ляпунов, А.В. Ржанов, М.Г. Слинько, В.С. Сурков, Э.Э. Фотиади, А.И. Ширшов, Н.Н. Яненко. В общей сложности воевали 42 кандидата и 79 докторов наук. Среди них были и мои старшие коллеги, историки Института истории СО РАН и НГУ, доктора наук О.Н. Вилков, З.В. Гоголев, Г.А. Докучаев, Д.М. Зольников, А.Н. Копылов, А.С. Московский, В.Л. Соскин, Б.М. Шерешевский.

Боевые действия невозможны без потерь. В поселения будущего Советского района не вернулось 589 их жителей [1, с. 62]. 39 военнослужащих попали в плен.

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. показала, что главным героем и спасителем Отечества явился простой советский человек, вынесший на своих плечах все ее тяжести и заплативший кровью за будущее своих детей и России в целом. «Наи-

более ярким в моей жизни был тот день, – вспоминал полковник Н.И. Кистанов, – когда на ступеньках поверженного рейхстага я вместе с сотнями солдат, сержантов и офицеров, штурмовавших фашистское логово, расстреливал из своего ППШ последний диск патронов» [1, с. 295].

Список литературы

1. Эстафета Победы: статьи, документы, фото, воспоминания. Новосибирск: Наука-Центр, 2010. 724 с.

2. *Серебрянников В.В.* Советский солдат в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. // СОЦИС. 2005. № 3. С. 43–67.

3. *Шиловский М.В.* Первая мировая война 1914–1918 гг. и Сибирь. Новосибирск: Автограф, 2015. 330 с.

Война и Победа на страницах учебников

УДК 94(47)084.8(575.4)

Д.С. Аннаоразов, М.Т. Аннаоразова

Великая Отечественная война в учебниках истории постсоветского Туркменистана

J.S. Annaorazov, M.T. Annaorazova

The Great Patriotic War in the History Textbooks of Post-Soviet Turkmenistan

Аннотация. В статье впервые в туркменской историографии сделана попытка проанализировать содержание туркменских учебников постсоветского периода, касающиеся трактовки вопросов Великой Отечественной войны. Показано, что туркменские историки, развивая лучшие традиции советской исторической школы, и по сей день продолжают в позитивном свете оценивать вклад СССР, в т.ч. и Туркменистана, в Великую Победу над фашизмом.

Ключевые слова: Постсоветская туркменская историография; Великая Отечественная война; учебники истории.

В советское время история Великой Отечественной войны была очень актуальной темой исторической науки, которая освящалась как эпохальное событие всемирного значения. Для советских историков эта война была всенародной, справедливой и освободительной, которую вел Советский Союз за освобождение народов мира от фашизма. Однако за истекший период после распада СССР трактовка истории Второй мировой и Великой Отечественной войн претерпела большие изменения, что очень сильно отразилось в учебниках истории.

За последние годы в России тщательному анализу были подвергнуты учебники истории стран СНГ, Балтии, Грузии, Украи-

ны и бывшего социалистического блока, отражение в них истории Второй мировой и Великой Отечественной войн. Эти исследования показали, что трактовка истории прошедшей войны в учебной литературе коренным образом изменилась. По степени концептуальных изменений в изложении истории Второй мировой и Великой Отечественной войн в учебниках эти страны были условно разделены на три группы [1, с. 14].

В первую группу вошли такие страны, как Казахстан, Узбекистан, Белоруссия и Армения, где степень концептуальных изменений в учебниках была определена как «близкие к традиционной (позднесоветской) версии». Во вторую группу были отнесены Россия, Чехия, Азербайджан, Болгария, Молдавия, Таджикистан, Сербия, Хорватия, Венгрия, Словакия, учебники которых были определены как «трансформированные версии учебников». А что касается третьей группы, то ее составляли такие страны, как Латвия, Литва, Эстония, Украина, Грузия, Польша, в учебниках которых произошли коренные изменения («радикальный пересмотр») [1, с. 14–15].

Как показывают вышеприведенные данные, там ничего не сказано о туркменских учебниках. Это было связано с тем, что у нас долгие годы отсутствовали учебники по истории Туркменистана, а когда они появились после 2008 г., то были только на туркменском языке и в связи с чем оставались еще несколько лет недоступными для российских рецензентов [2, с. 16]. Однако, забегаая вперед, отметим, что наименьшим изменениям подверглись и учебники, подготовленные в постсоветский период туркменскими авторами, что позволяет отнести их к первой группе.

После обретения Туркменистаном политической независимости коренным образом изменились тематика и направления научных исследований, подходы и взгляды туркменских историков ко многим вопросам отечественной истории, в т.ч. и советской. Так было не только у нас, но, как уже показано выше, во всех бывших советских республиках и социалистических странах. Однако туркменские историки события 1941–1945 гг. по сей день называют «Великой Отечественной войной»; в

туркменских учебниках нет никакого нигилизма по отношению к этому событию, ибо на войну с фашистскими захватчиками Туркменская республика, численность населения которой в то время едва достигала миллионной отметки, отправила около 300 тыс. своих сыновей и дочерей, почти треть из них погибли на фронте [3, с. 114].

Как и в советское время, в наши дни историю в школах Туркменистана изучают с ранних лет. Первым школьным учебником, где была освещена история Великой Отечественной войны, является работа Н. Рахимова, опубликованная еще в 1993 г.¹ Это был первый школьный учебник, подготовленный в независимом Туркменистане, исходя из новых реалий времени. Данный учебник долгие годы оставался единственным в своем роде, а впоследствии частично был использован в качестве образца. В конце 90-х учебник был дополнен и переиздан², а затем опубликован на русском языке³.

Заслуживает внимания учебник истории, подготовленный в формате «материалов по истории Туркменистана» К.Б. Мухаммедбердыевым и Я.О. Оразклычевым, в котором на основе новых материалов и фактов, извлеченных из трудов предыдущего периода, по-новому была изложена история Туркменистана советского периода, в т.ч. и Великой Отечественной войны⁴.

Обращает на себя внимание и тот факт, что в этом учебнике часто встречаются такие словосочетания, как «вероломное нападение фашистской Германии», «Великая Отечественная война советских народов»⁵ и т.д. Авторы при изложении событий в основном использовали позитивные исторические факты,

¹ Рахимов Н. История Туркменистана (на туркм. яз.): учебник для учеников 4-го класса средних школ. Ашхабад: Туран-1, 1993. 144 с.

² Рахимов Н. История Туркменистана (на туркм. яз.): учебник для учеников 4-го класса средних школ. 2-е издание. Ашхабад: Магарыф, 1998. 183 с.

³ Рахимов Н. Краткая история Туркменистана: учебник для учеников 4-го класса средних школ Туркменистана с русским языком обучения. Ашхабад: Магарыф, 2000. 176 с.

⁴ Мухаммедбердыев К.Б., Оразклычев Я.О. Материалы по истории Туркменистана. 1917–1994 гг. (на туркм. яз.). Ашхабад: Изд-во «Рух», 1997. С. 121–129.

⁵ Там же. С. 121.

свидетельствующие о героизме и отваге воинов-туркменистанцев, самоотверженном труде тружеников тыла, всенародной помощи фронту и т.д., но при этом иногда упоминаются и негативные события, происходившие в тылу.

После президентских выборов в феврале 2007 г., в Туркменистане началось реформирование образовательной системы страны, где особое внимание было уделено вопросу подготовки учебников. Начиная с 2008 г. один за другим стали выходить новые учебники по истории, которые получили неплохие оценки в России.

История Великой Отечественной войны была отражена в соответствующей главе учебника истории Туркменистана для учеников 9-го класса¹, где события 1941–1945 гг. описаны как справедливая и освободительная война против фашизма. По мнению авторов, «Великая Отечественная война являлась решающим фронтом Второй мировой войны», и целью фашистов было «уничтожение Советского государства и порабощение народов, входивших в ее состав»². Как отмечено в учебнике, «в годы Великой Отечественной войны вместе со всеми народами СССР туркменский народ, и его отважные сыновья и мужественные дочери, выдерживая невероятные трудности жестокой войны, героически боролись за свободу и независимость Родины. Туркменский народ проявил непоколебимость и доблесть на фронте и в тылу, внес свой весомый вклад в достижение великой Победы»³.

В книге четко прослеживается идея, что туркменские воины, участвуя на фронтах Великой Отечественной войны, защищали и свою малую родину – Туркменистан. Свидетельством тому служит использованная авторами учебника выдержка из обращения туркменского народа фронтовикам-туркменам, где есть такие пафосные строки: «Помни, джигит! На берегах Азовского моря, в степях Украины, в русских равнинах и под Ленинградом

¹ Нуриев А., Мошев М. История Туркменистана: учебник для учеников 9-го класса средних школ. Ашхабад: Туркменгосиздат, 2009. С. 258–267.

² Там же. С. 258.

³ Там же. С. 267.

ты защищаешь солнечную Туркмению, родной аул, мать, жену и детей своих»¹.

В учебнике также красной нитью проходит мысль о том, что если бы не Великая Победа, достигнутая в мае 1945 г., то туркменский народ не смог бы обрести сегодняшнюю великую Независимость². Эти слова авторов еще раз подтверждают, что Победа, достигнутая героизмом воинов и самопожертвованием тружеников тыла, по своей значимости является судьбоносным событием для туркменского народа.

Заслуживает внимания также учебник для учеников 4-го класса³. В настоящее время этот учебник по новой школьной учебной программе, рассчитанной на 12-летнее обучение, изучают с 5-го класса⁴, где наряду событиями многовековой истории туркменского народа дети получают первые представления о Великой Отечественной войне. Участие туркменских воинов в Великой Отечественной войне в этих учебниках характеризуется как «освобождение Родины» от фашистских захватчиков⁵.

Вопросы Второй мировой войны также изложены в школьном учебнике «Всемирная история», авторами которого являются Дж. Хатамов и Дж. Гурбангельдыев⁶. Они же являются и авторами учебников для студентов по истории стран Азии и

² Там же.

³ Айдогдыев М., Оразгылыджов Я., Нурыева Г. «Моя Родина»: учебник для учеников 4-го класса общеобразовательных средних школ. Ашхабад: Туркменгосиздат, 2009. 133 с.

⁴ Айдогдыев М., Нурыева Г., Атабабаева О. История Туркменистана: учебник для учеников 5-го класса общеобразовательных средних школ. Ашхабад: Туркменгосиздат, 2017. 133 с.

⁵ Там же. С. 58.

⁶ Hatamow J., Gurbangeldiýew J. Dünýä taryhy (XX–XXI asyrlar). II bölek, 1939–2018. Orta mekdepleriň 10 synp okuwçylary üçin synag okuw kitaby. Aşgabat: Türkmen döwlet neşirýat gullugy, 2008. 293 sah; Хатамов Дж., Гурбангельдыев Дж. Всемирная история (XX–XXI века). 2-я ч., 1939–2010 гг.: Пробный учебник для учеников 10-го класса общеобразовательных средних школ. Ашхабад: Туркменгосиздат, 2010. 310 с.

Африки¹ и стран Европы и Америки², в соответствующей главе которых освещается история Второй мировой войны. Эти учебники – единственные в своем роде, ибо раньше такие работы на туркменском языке в Туркменистане не были опубликованы.

При характеристике роли Советского Союза в том или ином событии Второй мировой войны авторами были использованы такие термины и понятия, как «вероломное нападение Германии на СССР», «освобождение народов Европы от фашистского рабства советскими солдатами» и т.д., которые характерны для советских и большинства современных российских учебников.

Вместе с тем в рассказе о начале Второй мировой войны в этом учебнике имеется некоторое расхождение с российскими учебниками, не говоря уже о советских. Здесь действия СССР на начальном этапе Второй мировой войны в отношении Польши и Румынии, а также стран Балтии, рассматриваются как чисто завоевательный акт. В соответствующей главе учебника на этот счет есть подтема с названием «завоевательные военные действия СССР»³.

Несмотря на указание авторов, что «Победа СССР в Сталинградской и Курской битвах вошла в историю как коренной перелом, не только на советско-германском фронте, но и в ходе Второй мировой войны»⁴, тем не менее есть некоторые нестыковки в определении значений этих событий. Например, по мнению авторов, «коренной перелом в ходе Второй мировой войны начался на Тихом океане», т.е. после победы американцев над японцами в районе острова Мидуэй в июне 1942 г.; кстати, на это указал и российский исследователь А.Ю. Скаков [4, с. 117]. Однако уже в следующем абзаце авторы отмечают: «но судьба

¹ Хатамов Дж., Гурбангельдыев Дж. История стран Азии и Африки (XX–XXI века). Учебник для высших учебных заведений. Ашхабад: Туркменская государственная издательская служба, 2018. С. 127–142

² Хатамов Дж., Гурбангельдыев Дж. История стран Европы и Америки (XX–XXI века). Учебник для высших учебных заведений. Ашхабад: Туркменская государственная издательская служба, 2016. С. 178–200.

³ Там же. 180–182.

⁴ Там же. С. 200.

войны решалась на Восточном фронте. На этом фронте коренной перелом начался со Сталинграда»¹. Если следовать логике изложенного материала, это означает, что коренной перелом начался не под Сталинградом, а в Тихом океане и в Северной Африке и что победа на Сталинградском фронте является переломным событием не в ходе Второй мировой войны, а лишь на Восточном фронте. К тому же в подтеме «Коренной перелом в ходе войны» первым по очередности и значимости идет битва у острова Мидуэй, а потом – при Эль-Аламейне, и только после них – Сталинградская битва. Таким образом, Сталинградская битва, в ходе которой тысячи воинов-туркменистанцев бок о бок воевали с представителями братских народов против фашистов, стоит третьей по своей значимости².

Как показывает анализ туркменских учебников, история Великой Отечественной войны в них, за некоторым исключением, наполнена высоким пафосом патриотизма, и поэтому в них полностью отсутствуют факты, например, о красноармейцах-туркменах, попавших в плен к немцам, и о коллаборационизме.

Выводы и оценки, касающиеся войны 1941–1945 гг., во многом совпадают с оценками современных российских историков официального направления. Термин «Великая Отечественная война» используется в туркменских учебниках чаще, чем «Вторая мировая война». Иными словами, в туркменских учебниках нет никакого нигилизма по отношению к этому событию. Следовательно, интерес к истории Великой Отечественной войне и ее изучению в Туркменистане не угасает, а, наоборот, с удалением от нас суровых и трагических событий тех военных лет, обретает смысл святости, наполняя нашу жизнь гордостью Народа-Победителя!

Список литературы

1. Гузенкова Т.С. «Своя война»: Великая Отечественная война в учебниках истории и представлениях школьников России, Бе-

¹ Хатамов Дж., Гурбангельдыев Дж. История стран Европы и Америки... С. 199.

² Там же.

лоруссии, Украины и Приднестровья / Великая Победа. Т. XI. Интернет издание, 2015. С. 13–19.

2. Освещение общей истории России и народов постсоветских стран в школьных учебниках истории новых независимых государств / ред. А.А. Данилов, А.В. Филиппов. М., 2009. 389 с.

3. Фундаментальный труд о боевой доблести павших героев // Türkmen arhiwi, 2000-2001-2002. Ашхабад, 2004. С. 111–115.

4. Скаков А.Ю. Пробные учебники истории для классов с русским языком обучения средних школ Туркменистана // Историческая экспертиза. 2016. № 1. С. 110–120.

УДК 372.016:94(47+57)+373(575.2)+373(574)

Ю.В. Дружинина, Е.Ф. Бехтенова

**Великая Отечественная война
на страницах школьных учебников истории
Республики Казахстан и Киргизской Республики**

J.V. Druzhinina, E.F. Bekhtenova

**The Great Patriotic War on the Pages
of School Textbooks of the History of the Republic
of Kazakhstan and the Kyrgyz Republic**

Аннотация. Статья посвящена анализу текстов учебников по истории Республики Казахстан и Киргизской Республики с целью выявления в них сюжетов о Великой Отечественной войне. Осуществлен анализ содержательного и методического компонентов учебников. Выявлено, что в казахстанских и киргизских школьных учебниках – схожая логика изложения основных событий войны. Создатели учебников, описывая конкретный военный сюжет, акцентируют внимание на участии в нем земляков. Слова-маркеры свидетельствуют о том, что авторы учебников идентифицируют воинов-соотечественников как граждан СССР. В учебниках отмечен вклад всех жителей Советского Союза в борьбе с фашистскими захватчиками.

Ключевые слова: учебник; история; образование; исторический источник; Республика Казахстан; Киргизская Республика; война; идентичность; историческая память; Советский Союз.

Обращение к изучению специфики изложения истории Великой Отечественной войны на страницах школьных учебников истории Республики Казахстан и Киргизской Республики достаточно актуально. Знание о том, как в этих странах объясняется школьникам важный сюжет для наших стран, дает понимание взаимоотношений и влияния на характер выстраивания связей между Россией и названными республиками. В настоящее время продолжаются миграционные процессы из Казахстана и Киргизии в Россию. В образовательных учреждениях РФ обучаются дети, которые начали изучать школьный курс истории у себя на Родине. В таких условиях российским педагогам важно понимать, на какие сюжеты делается акцент в казахстанских и киргизских учебниках при объяснении истории войны.

Заметим, что мы разделяем мнение Евы Замойской о том, что учебник является «специфическим текстом культуры, элементом образовательного дискурса и дискурсом общества» [1, с. 9]. Учебник позволяет увидеть, какие представления об историческом прошлом формируются у учеников, которые изучают историю преимущественно на основе его текста.

К учебнику как историческому источнику обращаются как отечественные [2; 3, 4; 5 и др.], так и зарубежные исследователи [4, 5; 6; 7; 8 и др.]. Существуют работы, авторы которых исследуют представления событий Великой Отечественной войны в отечественных и зарубежных школьных учебниках истории [9; 10; 11; и др.]. Многие работы уже не отражают современное содержание учебников. В связи с этим цель статьи – раскрыть особенности репрезентации периода Великой Отечественной войны на страницах школьных учебников по истории Республики Казахстан и Киргизской Республики.

Источниковой базой исследования стали школьные учебники основной школы по истории Республики Казахстан для 8–9-х

классов¹ и Киргизской Республики для 9-го класса². Эти учебники рекомендованы для использования в учебном процессе в этих странах³ и применяются в практике преподавания.

Отметим, что в учебнике по истории Республики Казахстан военным действиям Великой Отечественной войны посвящена отдельная глава, в которую входят шесть параграфов: «Начало Великой Отечественной войны. Мобилизация военных формирований в Казахстане», «Участие казахстанцев в боевых действиях в начальный период войны. Оборона Ленинграда», «Героизм и судьба казахстанцев в годы Великой Отечественной войны», «Казахстанцы – Герои Советского Союза. Б. Момышулы – легендарная личность», «Участие казахстанцев в наступательных операциях и в партизанских движениях в годы войны», «Великая Отечественная война и Казахстан: итоги, уроки войны»). В киргизском учебнике этот сюжет освещается в одном параграфе «Воины Кыргызстана на полях сражений Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)». Количество и названия параграфов позволяют говорить о том, что казахстанские школьники более детально знакомятся с военными событиями войны и участием в ней своих земляков.

¹ Ускембаев К.С. История Казахстана (1900–1945 гг.): учебник для 8–9 кл. общеобразоват. шк. Ч. 1 / К.С. Ускембаев, З.Г. Сактаганова, Л.И. Зуева. Алматы: Мектеп, 2019. 240 с.

² Иманкулов М.К. История Кыргызстана (XX–XXI вв.): 9 кл.: учебник для общеобразоват. шк. Б.: 2014. 240 с.

³ Об утверждении перечня учебников, учебно-методических комплексов, пособий и другой дополнительной литературы, в т.ч. на электронных носителях [Электронный ресурс] // Приказ Министра образования и науки Республики Казахстан от 17 мая 2019 года № 217. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1900018696> (дата обращения: 22.03.2020); Об утверждении перечня учебников, рекомендуемых для использования образовательными организациями Кыргызской Республики с кыргызским, русским, узбекским и таджикским языками обучения на 2019–2020 учебный год [Электронный ресурс] // Приказ Министра образования и науки Кыргызской Республики от 21 августа 2019 года № 1002/1. URL: <http://kutbilim.kg/2019/08/29/perechen-uchebnikov-rekomendovannyh-ministerstvom-obrazovaniya-i-nauki-kyrgyzskoj-respubliki-na-2019-2020-uchebnyj-god-dlya-shkol-s-russkim-yazykom-obucheniya/> (дата обращения: 22.03.2020).

Заметим, что в казахстанском учебнике истории школьников знакомят с планами германской армии по захвату СССР¹, с мобилизационными процессами в стране («Казахстан вступил как составная часть СССР»). Отмечается, что Великая Отечественная война носила «подлинно народный характер», поэтому удалось осуществить быструю мобилизацию «ресурсов на отпор врагу»². Сообщается, что «казахстанцы показали массовый героизм и самоотверженность на фронтах»³. Учащиеся узнают о событиях в районе Бреста, у Владимира-Волынского, у Мурманска, о подвиге экипажа самолета А. Маслова «(в состав экипажа последнего входил Б. Бейсекбаев)»⁴. В учебнике подчеркивается вклад казахстанцев и в освобождение Ленинграда⁵. В описании битвы за Москву внимание уделяется деятельности 316-й алматинской стрелковой дивизии под командованием генерал-майора И.В. Панфилова и подвигу Тулегена Тохтарова⁶.

Авторы учебника подробно описывают подвиг казахстанцев в обороне Сталинграда. В честь них названа улица города – Казахская. В книге отмечается огромная помощь тыла – Казахстана Сталинградскому фронту⁷.

Создатели учебника наполняют историю войны историей конкретных людей. Отдельный параграф посвящен казахстанцам – Героям Советского Союза. Значительное внимание обращено на Б. Момышулы⁸, который «был кумиром Эрнесто Че Гевары», а написанная им книга являлась «одной из любимых книг команданте Че и Фиделя Кастро»⁹.

¹ Ускембаев К.С., Сактаганова З.Г. Зуева Л.И. История Казахстана (1900–1945 гг.): учебник для 8–9 кл. общеобразоват. шк. Ч. 1. Алматы: Мектеп, 2019. С. 179.

² Там же. С. 180.

³ Там же. С. 181.

⁴ Там же. С. 183–184.

⁵ Там же. С. 184–187.

⁶ Там же. С. 188.

⁷ Там же. С. 189–195.

⁸ Там же. С. 194.

⁹ Там же. С. 197.

В учебнике рассказывается об участии жителей Казахстана в Курской битве, в боях за освобождение Украины, Белоруссии, Прибалтийских республик, Молдавии, в освободительной миссии Советской армии в Европе и на Востоке, в партизанском движении на оккупированных врагом территориях¹, подчеркивается участие в войне 5183 женщин из Казахстана. Биографии некоторых из них (Х. Доспанова, М. Маметова, А. Молдагулова и др.) приведены в учебнике².

Завершается изложение событий войны объяснением причин победы СССР в войне с Германией и Японией. Отмечено, что «казахстанцы как часть Советского Союза героически сражались с фашистами»³.

Для более полного формирования у школьников представлений о войне в шести параграфах учебника размещены дополняющие основной текст источники информации (выдержки из научных трудов, интересные факты о войне и участниках сражений, биографии воинов-казахстанцев). В этих параграфах учебника содержится 20 фотографий, из них – 10 портретов участников военных событий (Н. Абдиров, Б. Бейсекбаев, Т. Бигельдинов, Х. Доспанова, К. Кайсенов, Р. Кошкарбаев, С. Луганский, М. Маметова, А. Молдагулова, Б. Момышулы). Карты в учебнике нет, но школьникам предлагается задание рассказать о планах «Барбаросса» и «Ост», используя карту⁴.

В учебнике присутствуют репродуктивные задания, а также множество творческих заданий («Сделайте макет военных сооружений – дота и дзота?», «Подготовьте презентацию о казахстанцах – участниках обороны Ленинграда»), задания исследовательского характера («Напишите исследовательскую работу по содержанию плакатов военных лет», «Напишите доклад на тему “Военное искусство” по книгам Б. Момышулы»).

В учебнике Киргизской Республики боевые сражения войны представлены в одном параграфе. Повествование о «беспощад-

¹ Ускембаев К.С., Сактаганова З.Г. Зуева Л.И. История Казахстана... С. 200–201.

² Там же. С. 210.

³ Там же. С. 206.

⁴ Там же. С. 182.

ной войне» начинается с информации о нападении Германии и ее союзников на СССР, описывается процесс мобилизации в Кыргызстане и роль партийного руководства в этом процессе («являлись истинным авангардом») и сообщается, что война носила всенародный характер¹.

Авторы акцентируют внимание на подвиг дивизии под командованием И.В. Панфилова, политрука Василия Клочкова. Описывается подвиг 28 панфиловцев, перечисляются поименно воины-кыргызстанцы из их числа², рассказывается о героизме Кубата Жуматаева³, о подвигах кыргызстанцев Чолпонбай Тулебердиева, Дайыр Асанова и других кыргызстанцев-героев, об участии земляков в освобождении Ленинграда от фашистов⁴. Повествуется о том, что Николай Рудь, выпускник средней школы № 7 города Фрунзе, был мужественным летчиком. Уроженец Кыргызстана Жапар Асаналиев совершил подвиг во время форсирования Западной Двины⁵. Отмечается, что отличилась в боях 385-я стрелковая дивизия, которая была сформирована на территории Кыргызстана, а также рассказывается о капитане Талгате Бегельдинове и лейтенанте Калыйнуре Усенбекове.

Далее представлена телеграмма К.К. Рокоссовского, повествующая о ратных подвигах кыргызстанцев. Второй исторический источник – выдержка из письма на фронт от имени трудящихся кыргызстанцев «кыргызским сыновьям»⁶.

Проанализировав текст киргизского учебника, мы согласились с мнением А.А. Данилова о том, что события Великой Отечественной войны в нем описаны «в советских (или близких к советским) определениях и тональности» [9, с. 22].

Дополняют текст параграфа четыре иллюстрации (плакат «Родина-мать зовет!» и портреты кыргызстанцев-героев). Карт в

¹ Иманкулов М.К. История Кыргызстана (XX–XXI вв.): 9 кл.: учебник для общеобразоват. шк. Б.: 2014. С. 107–108.

² Там же. С. 108–109.

³ Там же. С. 110.

⁴ Там же. С. 111.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 112.

параграфе нет, но в конце учебника во вкладке есть карта «Кыргызстан в годы Великой Отечественной войны»¹. К параграфу предложены вопросы, половина которых репродуктивного уровня («Используя материалы урока, расскажите о военной мобилизации в Кыргызстане», «Расскажите об участии воинов-кыргызстанцев в битвах Великой Отечественной войны»). Творческие задания связаны с написанием эссе и сбором информации о наградах земляков или родственников, об их подвигах.

Анализируя тексты учебников Казахстана и Киргизии, мы выявили слова-маркеры, характеризующие военные события Великой Отечественной войны, и определили десять самых часто употребляемых (табл. 1 и 2). При подсчете учитывались все однокоренные слова. Некоторые слова употреблялись одинаковое количество раз, что стало причиной объединения их под одним номером.

Таблица 1

**Слова-маркеры, характеризующие события
Великой Отечественной войны в школьном учебнике
по истории Республики Казахстан**

№	Слова-маркеры	Количество повторений в тексте
1	Война, военных, военного, воин	202
2	Казахстан, казахи	130
3	Советского, советские, советской, Советский Союз, ССР, СССР	99
4	Героизм, герой	77
5	Враг, противник	55
6	Гитлер, гитлеровские, гитлеровцы, ан- тигитлеровской, немцы, немецкие, немецкий	48
7	Фронт	47
8	Дивизия, дивизии, дивизий	36

¹ Иманкулов М.К. История Кыргызстана... С. 235.

9	Отечественная, Отечественной, отечество	35
10	Армия, армию, трудармейцев	33

Таблица 2

**Слова-маркеры, характеризующие события
Великой Отечественной войны в школьном учебнике
по истории Киргизской Республики**

№	Слова-маркеры	Количество повторений в тексте
1	Война, военных, военного, воин	54
2	Кыргызстан, кыргызстанцы	39
3	Героизм, герой	23
	Советского, советские, советской, Советский Союз, ССР, СССР	23
4	Дивизия, дивизии, дивизий	22
	Гитлер, гитлеровские, гитлеровцы, антигитлеровской, немцы, немецкие, немецкий	22
5	Враг, противник	18
6	Фашизм, фашист	15
7	Танк, противотанковой	12
	Отечественная, Отечественной, отечество	12
8	Смертью, посмертно, бессмертный	11
9	Панфилов, панфиловская, панфиловец	8
10	Фронт	7
	Уничтожил, уничтожить, уничтожили	7
	Борьба, бой, бойцы	7

Данные таблиц свидетельствуют о том, что при описании Великой Отечественной войны используются одинаковые слова-маркеры. Авторы наполняют тексты параграфов «война» и производными от него. Создатели учебников акцентируют внимание на активности в военных событиях представителей своего государства, но при этом идентифицируют их и как граждан СССР, подчеркивают героизм всех жителей Советского Союза в борьбе с фашистскими захватчиками.

Подвиг 28 панфиловцев описан в учебниках обеих стран. Авторы акцентируют внимание на участии в событиях земляков их земляки. Однако ни в одном из учебников не отмечено, что панфиловцами являлись и граждане соседнего теперь государства – России. В каждом из учебников встречается лишь по одному упоминанию дружественной страны.

Заметим, что в казахстанском учебнике школьникам сообщают о женщинах, воевавших во время Великой Отечественной войны, а в учебниках Киргизии таких сюжетов нет. Интересно, что в учебниках обеих стран нет информации о детях на войне.

В целом же логика построения текста учебника истории о войне в Казахстане и Киргизии аналогична, свидетельствует о процессе формирования идентичности в этих странах. Однако школьники Казахстана более подробно знакомятся с событиями войны. В казахстанских учебниках подчеркивается, что историческая память о казахстанцах-воинах жива до сих пор.

Обозначенная в публикации тема предполагает дальнейшее развитие. Актуально выявить специфику описания жизни тыла во время Великой Отечественной войны, описанной в учебниках Киргизии и Казахстана.

Список литературы

1. *Zamojska E. Równość w kontekstach edukacyjnych: wybrane aspekty równości w polskich i czeskich podręcznikach szkolnych. Wydawnictwo Naukowe UAM. Poznań, 2010. 336 s.*

2. Бехтенова Е.Ф., Дружинина Ю.В. Сибирь на страницах школьных учебников истории в Республике Беларусь // Сибирский учитель. 2019. № 2 (123). С. 40–47.

3. Вяземский Е.Е. Уроки истории: думаем, спорим, размышляем: работаем по ФГОС. М.: Просвещение, 2012. 192 с.

4. «Расскажу вам о войне...»: Вторая мировая война в учебниках и сознании школьников славянских стран. М.: РИСИ, 2012. 432 с.

5. Преподавание военной истории в России и за рубежом: сб. ст. / под ред. К.А. Пахалюка. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. 432 с.

6. Кушева Р. Диалог в истории через новое поколение учебников для средней школы в Болгарии // Образование в истории, история в образовании: мат-лы Всерос. (с международным участием) науч.-практ. конф. «Интеграция исторического и образовательного пространства», посвященной 50-летию со дня рождения Максима Юрьевича Брандта / под. ред. В.А. Зверева. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2011. С. 73–83.

7. Carr E. Historia: czym jest? Zysk i S-ka Wydawnictwo. Poznan, 1999. 222 s.

8. Ronikier J. Mit i historia: mitotwórcze funkcje podręczników szkolnych. Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego. Kraków, 2002. 174 s.

9. Данилов А.А. Проблемы Второй мировой и Великой Отечественной войн в школьных учебниках на постсоветском пространстве // Преподаватель XXI век. 2010. № 2-1. С. 13–23.

10. Лошков Д.Б. Освещение героических страниц Великой Отечественной войны в украинских учебниках истории // Преподавание истории в школе. 2015. № 1. С. 19–24.

11. Македонская В.А. Великая Отечественная война в учебниках стран СНГ: проблемы, оценки // Современные проблемы гуманитарных и общественных наук. 2016. № 1 (9). С. 43–50.

А.А. Кочергин

«В бой идут одни казаки» (по страницам учебников истории кубанского казачества)

A.A. Kochergin

“Only Cossacks go to Battle” (on the Pages of Schoolbooks of the History of the Kuban Cossacks)

Аннотация. В статье анализируется репрезентация казаков как самостоятельного актора Великой Отечественной войны в школьном курсе по истории и современности кубанского казачества. Признавая их участие на стороне обеих противоборствующих сил, авторы нарратива демонстрируют методологическую растерянность в описании такой реальности. Выход за рамки глорификации войны, попытка рассказа о многоаспектности событий и поливариативности практик ее участников актуализирует проблему перестроения всего образовательного дискурса.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; Краснодарский край; Кубань; кубанские казаки; идентичность; дискурс; Красная армия; партизанское движение; коллаборационизм; В.Г. Науменко.

Основным вектором реализуемой в Краснодарском крае этнокультурной политики является культивирование казачьей идентичности региона. Важным ее механизмом служит развитие системы казачьего образования, которым к 2020 г. было охвачено более 85 тыс. школьников, а казачьи классы в обязательном порядке были созданы в каждом общеобразовательном учреждении края. Непременным условием их деятельности является преподавание дисциплины по истории и современности кубанского казачества. Краевые историки разработали линейку соответствующих учебных пособий для классов всех возрастов. Тема Великой Отечественной войны представлена в учебнике

для 9-х классов «Истории Кубанского казачества» в главе «Казачество Кубани в Великой Отечественной войне»¹.

Отличительной чертой нарратива является постулирование казаков как отдельного актора Великой Отечественной войны. Придерживаясь культивируемого в крае дискурса этнизации казачества, авторы учебника проявляют склонность категоризировать в этническом контексте и субъектов военных событий. При таком подходе казаки репрезентируются как один из народов. Они предстают и как представители всех народов Советского Союза, мобилизовавшихся на оборону страны, и как этнический групповой субъект непосредственно регионального сообщества Краснодарского края: «Позабыли обиды на советскую власть и кубанские казаки. Общая беда объединила все народы края: русских, украинцев, белорусов, адыгов, армян...»². В то же время как казачий категоризируется весь регион: «Всего за время войны казачья Кубань дала фронту около миллиона бойцов»³.

Переходя к рассказу о воинских соединениях как непосредственных участниках боевых действий, авторы учебника продолжают попытку манифестации казаков как самостоятельного актора: «С начала войны у нас начали формироваться кавалерийские части. Они состояли в большинстве своем из казачьего населения»⁴. Однако оказываются вынуждены признать, что в реалиях войны все армейские подразделения были социально разнородными, и ключевым фактором формирования состава даже получивших название «казачьих» частей выступало не столько казачье происхождение, сколько политическая благонадежность. И как раз по поводу последней у советского режима были опасения относительно казаков: «75 % соста-

¹ Матющенко П.П., Черный В.И. История Кубанского казачества: учебник для 9-х классов учреждений дополнительного образования детей и классов казачьей направленности образовательных учреждений Краснодарского края. Краснодар: Традиция, 2010. 240 с. С. 157–178.

² Там же. С. 159.

³ Там же.

⁴ Там же.

ва казачьих сотен были красными партизанами и участниками Гражданской войны. Не принимали казаков, служивших некогда в белых частях, имевших родство с репрессированными казаками, «врагами народа», имевших родственников за границей, эмигрантов, покинувших Россию после революции и Гражданской войны»¹. Тем не менее общей линией нарратива остается имплицитное подчеркивание характеристики поименованных «казачьими» воинских соединений как не номинально таковых, а сущностно.

Как пример участия в войне такого казачьего формирования в учебнике выступает повествование о боевом пути 17-го казачьего кавалерийского корпуса, впоследствии преобразованного в 4-й гвардейский Кубанский казачий кавалерийский корпус. Уже одно из первых масштабных боевых действий, в которых он участвовал, получившее впоследствии название «Кущевская атака», стало символом участия казаков в Великой Отечественной войне в целом. Рассказ о нем в учебнике представлен посредством цитат из источников того периода: «Удар казаков корпуса был стремительным и неожиданным для гитлеровцев. Немецкий солдат, участник этого боя, в письме домой говорил об ужасе, испытанном при встрече с казаками. «Казаки – это какой-то вихрь, который сметает на своем пути все препятствия. Мы боимся казаков, как возмездия Всевышнего»². О значении события свидетельствует ссылка на советскую прессу: «Газета “Красная звезда” в статье “Воевать, как воюют кубанские казаки под руководством генерала Кириченко” писала: “Остановить немцев на юге возможно! Их можно бить и разбить! Это делали казаки»³. При этом отмечается, что в начале битвы за Кавказ это был едва ли не единственный успех наших войск. И «бой дорого обошелся не только немцам, но и кавалеристам. Сотни казаков сложили головы»⁴. В повествовании о дальнейшем боевом пути корпуса подчеркивается немалая заслуга его бойцов в за-

¹ Матющенко П.П., Черный В.И. История Кубанского казачества... С. 161.

² Там же. С. 163.

³ Там же. С. 163–164.

⁴ Там же. С. 164.

щите г. Туапсе, отмечается, что казаки освобождали Украину, Белоруссию, Польшу, Венгрию, Словакию, Чехию.

Таким образом, авторы учебника закрепляют репрезентацию казачьей субъектности во время войны посредством дискурса генерализации, прежде всего прибегая к манифестации кавалерийских соединений как казачьих. И упоминание в аналогичном контексте иных воинских формирований только призвано способствовать утверждению предлагаемого видения ситуации: «Казаки Кубани сражались с фашистскими захватчиками не только в кавалерийских сотнях. Весной 1944 года здесь была сформирована 9-я Краснодарская пластунская дивизия. Она, с боями дойдя до фашистского логова, приумножила славу отцов, дедов, прадедов»¹.

Вместе с тем в учебнике представлена и проблема казачьего коллаборационизма, участия казаков в войне на стороне Германии. Как движущая сила данной практики характеризуются нацисты: «После оккупации большей части края они постарались привлечь на свою сторону в первую очередь казачье население, представителей национальных меньшинств»². В отношении них оккупанты проводили проактивную политику: «Немцы обещали вернуть казакам собственность и привилегии, провели некоторые преобразования. Возрождались органы казачьего самоуправления, открывались храмы и мечети; оккупанты не противились казачьим обычаям и традициям. И часть казачьего населения поверила гитлеровцам, стала сотрудничать с ними»³. Коллаборанты предстают как затаившие обиду и злобу на существовавший в СССР политический режим, мечтавшие вернуть отнятое и отомстить обидчикам. Одновременно отмечается, что «на помощь немцы привезли белоэмигрантов, борцов с советской властью в годы Гражданской войны. Они формировали боевые казачьи сотни для борьбы с партизанами, для охраны коммуникаций. Стали активно создавать казачьи части из военнопленных»⁴. Приводя

¹ Матющенко П.П., Черный В.И. История Кубанского казачества... С. 165–166.

² Там же. С. 168.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 168.

примеры действовавших на стороне германцев соединений, авторы учебника подчеркивают, что «в боях с Красной армией казаки почти не участвовали. Там же, где им доводилось сталкиваться с советскими частями, бой шел до полного уничтожения: Красная армия в плен их не брала»¹.

Признается широкое распространение казачьего коллаборационизма и непосредственно на территории Краснодарского края: «На Кубани также шло формирование казачьих частей для немецкой армии. В край из Германии прибыли бывшие царские генералы П.Н. Краснов и А.Г. Шкуро. Казачьи части в помощь немцам были созданы во многих станицах, но наиболее активно вступали в сотни в Афипской, Верхнебаканской, Ильской, Крымской, Северской»². При этом замечается, что «в этих станицах проживало больше черноморцев, и они, видимо, поверили: немцы помогут им образовать то самое мифическое независимое государство – «Казакию»³. Деятельность указанных соединений характеризуется негативно: «Сражаться на Кубани сформированным немцами казачьим сотням не пришлось, хотя «новый порядок» они защищали от партизан преданно: охраняли концлагеря, выполняли полицейские и карательные функции»⁴. В итоге постулируется вывод, что «расчеты фашистской Германии на кубанских казаков – как на союзников в борьбе со “сталинской тиранией” – не оправдались. Казачье население Кубани в своем большинстве оказалось верным Родине, присяге»⁵. Однако непосредственные количественные показатели коллаборационизма в крае не приводятся. Между тем, по имеющимся оценкам, в начале 1943 г. вместе с отступающими германскими войсками эвакуировалось на Украину порядка 94 тыс. кубанских казаков и членов их семей [1, с. 78]. Это свидетельствует о том, что ситуация с лояльностью советскому режиму в среде казачества была более противоречивой, как и понимание идеи патриотизма.

¹ Матющенко П.П., Черный В.И. История Кубанского казачества... С. 169.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 171.

Утверждению тезиса об активной прогосударственной позиции кубанских казаков посвящен рассказ о партизанском движении в крае. Авторы учебника отмечают, что германская сторона предпринимала попытку установления здесь щадящего оккупационного режима: «Немцы пытались убедить население: тяжелая жизнь – следствие правления большевиков; они обещали вернуть землю казакам и коренным жителям, а жизнь их сделать свободной и богатой»¹. Однако характеризуется это лишь как их тактический ход. «Заигрывание скоро закончилось террором. По отношению ко всем, в т.ч. и к казакам, и к адыгам; ко всем, кто оказывал хоть малейшее сопротивление оккупантам»². Основным способом антифашистской борьбы представляется централизованно организованное партизанское движение. Всего в крае было создано семь партизанских объединений, в них входило 86 партизанских отрядов. При этом подчеркивается, что «в партизанских отрядах и подпольных группах были в основном коммунисты и комсомольцы, их жены и даже дети»³. Авторы учебника не скрывают, что казаки и здесь были по обе противоборствующие стороны, одновременно отмечая моральное господство оставшихся на просоветских позициях: «Захватчики с семьями партизан были предельно жестоки, арестовывали, подвергали истязаниям, брали в заложники... Врагу помогали предатели. В их числе были и казаки. Но казаки были и в партизанских отрядах, спасали эвакуированное население, выполняли поручения командования Красной армии. Высокие человеческие качества никогда не покидали большинство казаков»⁴. Об этом свидетельствуют многочисленные жертвы среди жителей края за годы Великой Отечественной войны: «Погибли, замучены, задушены газом более 61 тысячи кубанцев. Не вернулись в отчие дома 476 тысяч человек. Их имена – в краевой Книге памяти.

¹ Матющенко П.П., Черный В.И. История Кубанского казачества... С. 172.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 173.

Среди не пришедших с полей сражений – более 200 тысяч пропавших без вести. В их числе немало и казаков»¹.

В то же время как драматическая характеризуется постигшая коллаборантов участь, которая репрезентируется как «Трагедия казаков в Лиенце». Прослеживается стремление квалифицировать их судьбу как вынужденную, как спасительную реакцию на действия внешних сил: «Вслед за отступающими немецкими частями потянулись обозы многочисленных беженцев. Как утверждает атаман кубанских казаков в зарубежье В.Г. Науменко, за немцами стихийно двигались тысячи семей, одиночки и группы, старики и дети. Не всегда, однако, стихийно. Во многих районах, станицах и хуторах немцы жестко требовали от казачьих семей уходить с Кубани вместе с бегущей с нашей земли сильно побитой гитлеровской армией. С ними шел и будущий (и нынешний) атаман Кубанского казачьего войска за рубежом Александр Михайлович Певнев. Ему было 14 лет»². Аналогичным образом объясняется и непосредственное участие казаков в прогерманских воинских соединениях: «Созданное в Германии Главное управление казачьих войск занималось комплектованием казачьих частей, в основном из военнопленных. Многие казаки, попавшие в плен не по собственному желанию, соглашались вступать в эти части, надеялись: им удастся перейти на сторону или Красной армии, или союзников, спасти жизнь. Были и такие, кто люто ненавидел большевиков и готов был бороться с ними до конца»³. Скорее сочувственно к казакам характеризуются доставшиеся им трудности последних месяцев войны, ознаменовавшиеся передислокацией казачьих формирований в Австрию: «Поход был одновременно героическим и трагическим. Тысячи казаков – женщин, стариков, детей – преодолели покрытые снегом Альпы в поисках спасения»⁴. Но спасения, как отмечают авторы учебника, они не нашли, английское командование передало казаков вместе с женщинами и детьми советской

¹ Матюценко П.П., Черный В.И. История Кубанского казачества... С. 173.

² Там же. С. 175.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 176.

стороне: «Всего в Россию для следствия и суда было вывезено более 50 тысяч человек. Половина – гражданское население. Многие выданные казаки были противниками не только Советского Союза, но и союзников. Таковы законы войны... Пострадали не только те, кто воевал на стороне немцев, но и те, кто ушел с Кубани вместе с мужем, сыном, отцом»¹. С определенным почтением репрезентируется и поведение казачьих лидеров в данных обстоятельствах: «Были арестованы и переданы СССР и командиры казачьих частей, предупрежденные английским командованием о предстоящей судьбе Казачьего стана и поэтому имеющие возможность скрыться, спасти себя. Никто из них этого не сделал: они разделили судьбу тех, кого собрали под свои знамена. Русские генералы, непримиримые враги советской власти со времен Октябрьской революции и Гражданской войны, П.Н. Краснов и А.Г. Шкуро были осуждены в СССР к смертной казни и в 1946 году повешены»². Оценивая события в Лиенце, авторы учебника ссылаются все на того же атамана В.Г. Науменко, назвавшего действия англичан «великим предательством», а судьбу казаков – «великой трагедией», в противовес которому приводится позиция английской стороны: «Англичане же заявили: они всего лишь выполняли условия Крымского протокола и предателями себя не считают»³. И тем не менее заключительный вывод о судьбе коллаборантов делается осуждающий: «Трагедия многих тысяч наших казаков в Лиенце, других участников войны на советско-германском фронте, сражающихся на стороне фашистских агрессоров, свидетельствует: измена Родине, своему народу – всегда наказуема. Физически или морально. Чем бы ее ни оправдывали»⁴.

Установка авторов учебника на репрезентацию казачества как самостоятельного актора Великой Отечественной войны вылилась в непроизвольное представление казачества как сложного социального феномена, пронизанного противоречиями и много-

¹ Матющенко П.П., Черный В.И. История Кубанского казачества... С. 177.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 177–178.

аспектностью практик участников. Однако это стало для них и методологической проблемой, проявило, прежде всего, отсутствие продуктивного языка описания такой реальности. Свою ограничительную роль сыграло и стремление авторов соответствовать культивируемому в Краснодарском крае мифу кубанского казачества. Как следствие, наблюдается преувеличение субъектности казаков, действовавших на советской стороне, и принижение самодеятельности тех, кто так или иначе оказался на противной стороне.

Показательно, что представленный в учебнике рассказ о войне по преимуществу состоит из общих фраз и минимально обращается к эмпирике. С одной стороны, можно предположить, что его авторы исходили из предпосылки, что потенциальные читатели и так хорошо ее знают. Однако не менее возможным обстоятельством представляется и то, что при конкретизации нарратива тот неизбежно стал бы наглядно вступать в противоречие с современным краевым казачьим дискурсом. Также примечательно, что авторы учебника ограничиваются немногочисленными упоминаниями персоналий. Среди представителей советской стороны актуализируются некоторые командиры воинских соединений, руководитель края (П.И. Селезнев), а из числа рядовых героев – братья Игнатовы. При этом все они не были казаками. Противоположный лагерь представлен даже большим количеством имен, преимущественно эмигрантскими казачьими лидерами. Среди них выделяется фигура атамана Кубанского казачьего войска за рубежом В.Г. Науменко. На страницах учебника в других главах он изображается как герой Белой армии, спаситель регалий ККВ, организатор обустройства казаков в Югославии в 1920–1930-е гг., много сделавший для сохранения исторической памяти кубанского казачества. Однако в главе о Великой Отечественной войне атаман предстает, скорее, как сторонний наблюдатель происходивших событий, отсутствует указание на его сотрудничество с нацистскими властями и образованными ими структурами, в частности, участие в руководстве упоминавшегося Главного управления казачьих войск. Объяс-

нить это можно тем, что во время написания учебника своего пика достиг сформированный в крае местной элитой культ почитания и героизации В.Г. Науменко как носителя истинного казачьего духа [2, с. 110–115].

Пример рассмотренного учебника демонстрирует методологические лакуны имеющегося образовательного нарратива о Великой Отечественной войне. Выход за рамки исключительно ее глорификации, попытка рассказа о многоаспектности событий и поливариативности практик участников требует переформатирования всего соответствующего дискурса. В условиях наблюдаемой актуализации исторической политики как антагонистической это представляется нетривиальной задачей, требующей интеллектуального мужества и мировоззренческой зрелости.

Список литературы

1. Александров К.М. Русские солдаты Вермахта. Герои или предатели. М.: Яуза, Эксмо, 2005. 752 с.
2. Кочергин А.А. Современное кубанское казачество в поисках героев: случай атамана В.Г. Науменко // Историческая память: травмы прошлого, противоречия настоящего, перспективы будущего / под ред. В.Н. Сырова. Саратов: ИЦ «Наука», 2018. С. 110–115.

УДК 93/94

И.С. Огоновская

Великая Отечественная война: имена на страницах школьных учебников истории XXI века

I.S. Ogonovskaya

World War II: Names on the Pages of School Textbooks of History of the 21st Century

Аннотация. В статье рассматривается раскрытие темы Великой Отечественной войны через персоналии, представленные в учебниках издательств «Дрофа», «Просвещение», «Русское слово – учебник» последних лет; проана-

лизированы характеристики, данные участникам войны авторами этих изданий; сделан вывод о частичном соответствии персонального ряда учебников требованиям Историко-культурного стандарта; обращено внимание на необходимость дополнения списка имен как в Историко-культурном стандарте, так и в учебных изданиях.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; Историко-культурный стандарт; персоналии; учебники истории России.

В Год памяти и славы, 75-летия Великой Отечественной войны актуальным становится обращение к школьным учебникам последней волны, прошедшим многочисленные экспертизы, получившим благоприятные отзывы и вошедшим в перечень учебных изданий министерства образования/просвещения. В нашем случае речь идет о трех учебниках истории России для 10-го класса, выпущенных издательствами «Дрофа», «Просвещение» и «Русское слово – учебник» в 2016–2019 гг.¹ Объектом исследования данной статьи является раздел «Великая Отечественная война», представленный в названных учебниках, предметом – персоналии, выделенные авторами в соответствии с Историко-культурным стандартом.

Персональный ряд по теме Великой Отечественной войны определен Историко-культурным стандартом (ИКС), утвержденным Российским историческим обществом (РИО) 30 октября 2013 г. В этом документе в теме «Великая Отечественная война» названы 59 персоналий, которые являются обязательными для изучения в школе. Условно эти персоналии можно разбить на несколько групп.

Первая группа состоит из одного человека – И.В. Сталина, занимавшего в годы войны посты председателя Государственного Комитета Обороны ГКО, Ставки Верховного главнокомандова-

¹ Волобуев О.В. История России: начало XX – начало XXI в. 10 кл.: учебник / О.В. Волобуев, С.П. Карпачёв, П.Н. Романов. 2-е изд., стереотип. М.: Дрофа, 2017. 367 с.; История России. 10 кл.: учеб. для общеобразоват. организаций: в 3 ч. М.: Просвещение, 2016. Ч. 2 / М.М. Горинов, А.А. Данилов, М.Ю. Моруков и др.; под ред. А.В. Торкунова. 176 с.; Никонов В.А., Девятов С.В. История. История России. 1914 г. – начало XXI в.: учебник для 10 класса общеобразоват. организаций. Базовый и углубленный уровни: в 2 ч. М.: Русское слово – учебник, 2019. Ч. 1. 1914–1945 / под науч. ред. С.П. Карпова. 312 с.

ния, Совета Народных Комиссаров Верховного главнокомандующего, наркома обороны, секретаря ЦК ВКП(б). По вполне понятным причинам его имя употребляется чаще других: 11 раз в учебнике «Дрофы», 14 раз в учебнике «Русского слова», 16 раз – в учебнике «Просвещения». Важно отметить, что эти упоминания касаются не только формальных аспектов (вхождение в определенные структуры), но и действий этого человека: «...Сталин мало кому доверял, он верил только своим собственным прогнозам и считал сообщения разведчиков недостоверной информацией»¹, «хотя Сталин получал из разных источников сведения о готовящемся нападении, известие о начале войны стало неожиданностью для советского руководства»². Отметим, что в учебниках отражена современная дискуссия о роли И.В. Сталина в войне: «Против одновременного наступления советских войск на всех трех главных стратегических направлениях возражал Г.К. Жуков... Однако под давлением Сталина Ставка приняла решение о наступлении на всех направлениях», «Сталин полагал, что весной – летом 1942 г. немцы предпримут новое наступление на Москву, и приказал сосредоточить на западном направлении значительные резервные силы»³; «...И.В. Сталин, воодушевленный успехами зимней кампании, настоял на проведении наступательных операций сразу на нескольких стратегических направлениях... наступление в Крыму в конце апреля оказалось плохо подготовленным и закончилось поражением и потерей Керченского полуострова», «И.В. Сталин предполагал, что гитлеровцы, не взяв Москву, не бросят свою главную группировку на захват Кавказа и Юга страны, однако в качестве направления для главного удара Гитлер избрал именно южное», «...противник обладал большей подвижностью и господством в воздухе, чего не учитывала Ставка при организации противодействия ему»⁴.

¹ Волобуев О.В. История России... С. 154.

² Никонов В.А., Девятков С.В. История. История России... С. 194.

³ История России. 10 класс... С. 25.

⁴ Никонов В.А., Девятков С.В. История. История России... С. 212, 213.

Вторая группа имен, записанных в ИКС, принадлежит членам Ставки Верховного главнокомандования: К.Е. Ворошилову, Г.К. Жукову, В.М. Молотову, С.К. Тимошенко, Н.Г. Кузнецову. Все эти имена названы в учебниках, хотя состав членов Ставки этими фамилиями не исчерпывается. Естественно, чаще всех в учебных изданиях встречается имя Г.К. Жукова, его развернутая биография дана авторами учебников «Просвещения» и «Русского слова»¹. При этом во всех трех учебниках названо имя К.Е. Ворошилова², о деятельности которого в годы войны существуют противоречивые мнения. В учебнике «Просвещения» указано, что в 1942 г. он был назначен главнокомандующим партизанским движением³, что формально поднимает статус этого человека в глазах учащихся. Вместе с тем авторам учебника следовало бы обратить внимание на то, что назначение состоялось в сентябре, а уже в ноябре Ворошилов был снят с этого поста [1, с. 159].

В третью группу имен можно объединить членов Государственного Комитета обороны, в который входили И.В. Сталин, В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов, Л.П. Берия, Г.М. Маленков и др. Имена Берии и Маленкова в ИКС отсутствуют, но упоминаются в учебниках «Дрофы» и «Русского слова» в перечне членов ГКО⁴.

К четвертой группе мы отнесем имена членов правительства, которые вслед за ИКС «под копирку» названы в учебниках «Дрофы» и «Русского слова»: Б.Л. Ванников (нарком боеприпасов), В.А. Малышев (нарком танковой промышленности), М.Г. Первухин (нарком химической промышленности), Д.Ф. Устинов (нарком вооружений), А.И. Шахурин (нарком авиапромышленности), председатель Госплана Н.А. Вознесенский⁵. Вместе с тем отметим, что простое перечисление фамилий ничего не говорит обучающимся. Ни одного примера деятель-

¹ История России. 10 класс... С. 25.; Никонов В.А., Девятков С.В. История. История России... С. 207–208.

² Волобуев О.В. История России... С. 157; История России. 10 класс... С. 12; Никонов В.А., Девятков С.В. История. История России... С. 198.

³ История России. 10 класс... С. 29.

⁴ Волобуев О.В. История России... С. 157; Никонов В.А., Девятков С.В. История. История России... С. 198.

ности этих людей не приведено, а в учебнике «Дрофы» даже неверно указаны инициалы Малышева (К.А. вместо В.А. – *Авт.*)¹. Авторы издательства «Просвещение» эти имена пропустили вовсе. Кроме того, ни в одном из учебников не упомянуто имя Н.М. Шверника, возглавлявшего в годы войны Совет по эвакуации.

Пятая группа – это маршалы и генералы, имена которых заданы в Историко-культурном стандарте в алфавитном порядке: А.И. Антонов, И.Х. Баграмян, А.М. Василевский, Н.Ф. Ватутин, Л.А. Говоров, А.А. Жданов, Г.К. Жуков, И.С. Конев, Н.Г. Кузнецов, Р.Я. Малиновский, К.А. Мерецков, Д.Г. Павлов, И.В. Панфилов, К.К. Рокоссовский, С.К. Тимошенко, Ф.И. Толбухин, И.Д. Черняховский, В.И. Чуйков, М.С. Шумилов. Авторы учебников не во всем следуют рекомендациям авторов ИКС: А.И. Антонов упоминается только в учебнике «Дрофы»², И.Х. Баграмян – в учебнике «Русского слова»³, имена Н.Ф. Ватутина, Л.А. Говорова, Н.Г. Кузнецова, Р.Я. Малиновского, К.А. Мерецкова, Д.Г. Павлова, И.С. Шумилова и В.И. Чуйкова не вошли в учебник «Просвещения», имя С.К. Тимошенко – в учебник «Дрофы», Ф.И. Толбухина и И.Д. Черняховского – в учебники «Дрофы» и «Просвещения». Член Политбюро ЦК ВКП(б) А.А. Жданов упоминается в учебнике «Русского слова» в качестве руководителя обороны Ленинграда⁴.

В целом внимательное знакомство с содержанием учебных изданий позволяет сделать вывод о том, что самым «безымянным» в отношении советских военачальников является учебник «Просвещения»: если в разделе «Битва за Москву» названы имена Г.К. Жукова, К.К. Рокоссовского, И.В. Панфилова, И.В. Болдина, И.С. Конева, в разделе «Разгром немецких войск под Сталинградом» называются авторы операции «Уран» (И.В. Сталин, Г.К. Жуков, А.М. Василевский), в разделе «Битва на Курской ду-

⁵ Волобуев О.В. История России... С. 175; Никонов В.А., Девятков С.В. История. История России... С. 224.

¹ Волобуев О.В. История России... С. 175.

² Там же. С. 157.

³ Никонов В.А., Девятков С.В. История. История России... С. 255.

⁴ Там же. С. 210.

ге» речь идет о Г.К. Жукове и К.К. Рокоссовском¹, то в разделах «Героическая оборона Ленинграда», «Битва за Днепр», «Десять сталинских ударов», «Боевые действия в Восточной и Центральной Европе. Освободительная миссия Советской Армии» имена военачальников отсутствуют вообще. В принципе такой подход был бы оправданным, если бы отдельный параграф был посвящен военачальникам, сыгравшим важную роль в освобождении территории СССР и других государств. В противном случае учителю очень трудно объяснять обучающимся недопустимость сноса памятников Н.Ф. Ватутину (Украина), И.С. Коневу (Чехия), И.Д. Черняховскому (Польша) и т.д.

В шестую группу историко-культурного стандарта можно объединить фронтовиков, имена которых вошли в историю благодаря примерам героизма. Это М.А. Егоров, М.В. Кантария, В.Г. Клочков, И.Н. Кожедуб, А.И. Покрышкин, В.В. Талалихин. Обо всех этих людях рассказывается в учебниках «Дрофы» и «Русского слова»², авторы «Просвещения» по-прежнему следуют своей логике, упомянув только В.В. Талалихина, М.А. Егорова и М.В. Кантария³. Михаил Егоров и Мелитон Кантария названы во всех трех учебниках как бойцы, водрузившие флаг победы над Рейхстагом. Между тем авторы современных энциклопедий пишут о том, что в ходе штурма над рейхстагом было водружено несколько штурмовых флагов (т.е. Егоров и Кантария – не единственные «водрузители» знамени), что официально Знаменем Победы считается штурмовой флаг 150-й стрелковой дивизии 3-й ударной армии 1-го Белорусского фронта, который был установлен 1 мая на куполе рейхстага не только сержантами Егоровым и Кантария, но и лейтенантом А. Берестом [1, с. 250].

Седьмая группа имен касается руководителей партизанского движения (П.К. Пономаренко, С.А. Ковпак, А.Ф. Фёдоров), а также членов диверсионных групп и подполья (З.А. Космодемьянская, О.В. Кошевой, Н.И. Кузнецов). Именно эти фами-

¹ История России. 10 класс... С. 16–19, 48.

² Волобуев О.В. История России... С. 160, 167, 197; Никонов В.А., Девятов С.В. История. История России... С. 205, 217, 260, 261.

³ История России. 10 класс... С. 37, 61.

лии названы в стандарте, хотя очевидно, что этот список не исчерпывающий. П.К. Пономаренко упоминается во всех рассматриваемых учебниках как начальник Центрального штаба партизанского движения¹, Ковпак и Фёдоров – как командиры «настоящих партизанских армий»². В учебнике «Просвещения» также отмечено, что Ковпак и Фёдоров стали дважды Героями Советского Союза³.

Более детально представлены в учебниках события, связанные с Зоей Космодемьянской – «партизанкой Таней», казненной в подмосковной деревне Петрищево в ноябре 1941 г.⁴ В учебнике «Дрофы» при этом написано, что Зоя Космодемьянская стала первой женщиной – «героем Великой Отечественной войны», причем слово «герой» начинается с маленькой буквы⁵. Очевидно, что авторы хотели написать о «Герое Советского Союза», но по каким-то причинам произошло искажение текста.

О деятельности подпольной организации «Молодая гвардия» сообщается в учебниках «Дрофы» и «Русского слова». При этом авторы «Русского слова» называют ее руководителем Олега Кошевого⁶, а авторы «Дрофы» – Ивана Туркенича и 16-летнего Олега Кошевого⁷. В настоящее время точно установлено, что И.В. Туркенич был командиром, а О.В. Кошевой – комиссаром подпольной организации [1, с. 373].

Н.И. Кузнецов удостоен в рассматриваемых изданиях нескольких строк: в учебниках «Дрофы» и «Русского слова» называются конкретные имена уничтоженных им оккупантов⁸. В разделе для самостоятельного изучения под названием «Совет-

¹ Волобуев О.В. История России... С. 183; История России. 10 класс... С. 29; Никонов В.А., Девятков С.В. История. История России... С. 240.

² Волобуев О.В. История России... С. 184.

³ История России. 10 класс... С. 29.

⁴ История России. 10 класс... С. 37–38; Никонов В.А., Девятков С.В. История. История России... С. 239.

⁵ Волобуев О.В. История России... С. 159.

⁶ Никонов В.А., Девятков С.В. История. История России... С. 241.

⁷ Волобуев О.В. История России... С. 184.

⁸ Волобуев О.В. История России... С. 29; Никонов В.А., Девятков С.В. История. История России... С. 241.

ская разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны» авторы учебника издательства «Просвещение» еще более подробно рассказывают о деятельности Н.И. Кузнецова¹.

В отдельную, восьмую группу можно выделить советского разведчика Рихарда Зорге, татарского поэта Мусу Джалиля и генерала Д.М. Карбышева, казненных в тюрьмах и лагерях. Авторы «Дрофы» пишут, что находившийся в Японии германский журналист сообщал Сталину о планируемом Гитлером военном вторжении в СССР², авторы «Просвещения» уточняют, что Зорге сообщал не только о перебросках немецких войск, но и о сроках нападения Германии³. И в том, и в другом случае обучающимся не сообщается о дальнейшей судьбе этого человека. Что касается Мусы Джалиля, то в учебнике «Русского слова» говорится о том, что автор «Моабитской тетради» был замучен в Берлинской тюрьме⁴, в учебнике «Дрофы» уточняется, что он был казнен за подготовку восстания военнопленных⁵. Ни в одном из учебников, к сожалению, не говорится о сложностях восстановления его честного имени в послевоенный период.

В учебниках «Русского слова» и «Дрофы» присутствуют сведения о Д.М. Карбышеве. В первом учебнике сообщается, что он был ранен, попал в плен, вел антифашистскую агитацию в лагерях и был замучен гитлеровцами в лагере Маутхаузен⁶, во втором уточняются подробности гибели – «его заморозили, поливая водой на холоде»⁷. Представляется, что авторы учебников не отметили главного: в течение трех лет инженерные службы вермахта пытались склонить его к сотрудничеству, но ничего не добились [1, с. 268, 269].

Еще одна группа имен, о которой идет речь в Историко-культурном стандарте, касается советских конструкторов и изоб-

¹ История России. 10 класс... С. 70–71.

² Волобуев О.В. История России... С. 154.

³ История России. 10 класс... С. 12.

⁴ Никонов В.А., Девятков С.В. История. История России... С. 243.

⁵ Волобуев О.В. История России... С. 184.

⁶ Никонов В.А., Девятков С.В. История. История России... С. 236–237.

⁷ Волобуев О.В. История России... С. 184.

ретателей: С.В. Ильюшина, М.И. Кошкина, А.Н. Туполева, А.С. Яковлева, С.А. Лавочкина. Каждый из них внес огромный вклад в общую победу, и об этом подробно написано в учебниках «Дрофы» и «Русского слова». Мало того, авторы этих учебников называют также имена Ф.Ф. Петрова, Б.И. Шавырина, В.Г. Грабина, Г.С. Шпагина, А.И. Судаева, В.А. Дегтярёва, С.Г. Симонова¹, В.М. Петлякова, А.И. Микояна и М.И. Гуревича². В учебнике «Просвещения» данный сюжет по какой-то причине не отражен.

В десятую группу персоналий входят, согласно Историко-культурному стандарту, советские дипломаты В.М. Молотов, А.А. Громыко, М.М. Литвинов, И.М. Майский. Имя В.М. Молотова в названных учебниках встречается в разделах, рассказывающих о первых месяцах войны: приведены фрагменты его выступления по радио 22 июня 1941 г., сообщается о его участии в составе Ставки и ГКО³, в учебнике «Русского слова» приводится фрагмент его выступления о материальных потерях в годы войны⁴. Три остальных имени один раз упомянуты только в учебнике «Дрофы», в котором говорится, что в налаживании отношений с Великобританией и США «большую роль сыграли В.М. Молотов и советские дипломаты М.М. Литвинов, И.М. Майский, А.А. Громыко»⁵.

Последняя группа имен касается деятелей литературы и искусства, к которым отнесены в Историко-культурном стандарте писатели и журналисты К.С. Симонов, М. Джалиль, А.Т. Твардовский, О.Ф. Бергольц, Ю.Б. Левитан, музыканты Д.Д. Шостакович и Л.А. Русланова. Отметим сразу, что все эти имена представлены в анализируемых учебниках с разной степенью полноты.

¹ Никонов В.А., Девятков С.В. История. История России... С. 250.

² Волобуев О.В. История России... С. 175.

³ Волобуев О.В. История России... С. 156–157; История России. 10 класс... С. 12; Никонов В.А., Девятков С.В. История. История России... С. 195, 198.

⁴ Никонов В.А., Девятков С.В. История. История России... С. 270–271.

⁵ Волобуев О.В. История России... С. 179.

В задачу автора статьи не входит критика Историко-культурного стандарта, однако хотелось бы обратить внимание, что в теме «Великая Отечественная война» в персональном перечне ИКС нет ни одного имени известных тружеников тыла, ставших в годы войны инициаторами многих трудовых начинаний. Нет имен этих людей и в учебнике «Дрофы». В учебнике «Русского слова» упоминаются «двухсотники», «пятисотники», «тысячники»¹, но, к сожалению, конкретика отсутствует. В учебнике «Просвещения» в разделе «Народы СССР в борьбе с фашизмом» написано, что представители всех наций и народностей страны участвовали во всесоюзном движении новаторов производства (русская Е.Г. Барышникова, грузин Н.В. Геладзе, татарин Г.Б. Максудов, украинка Е.М. Чухнюк), а в сельском хозяйстве колхозники разных национальностей равнялись на П.Н. Ангелину, Ч. Берсиева, М.И. Бровко, Т.С. Мальцева и др.² Между тем из текста не совсем понятно, в чем были достижения этих людей, почему они стали примером для многих тружеников тыла и, кроме того, этот раздел рекомендуется школьникам для самостоятельного изучения. Для сравнения можно вспомнить учебные издания 1970-х гг. Так, в учебнике под редакцией М.П. Кима (1977) не просто названы, а охарактеризованы фрезеровщик Д.Ф. Босый, приехавший в Нижний Тагил вместе со своим заводом из Ленинграда и выполнивший 15 февраля 1942 г. сменное задание почти на полторы тысячи процентов, уральские сталевары Д.Д. Сидоровский, Н.Х. Базетов, А.Я. Сороковой, криворожский и уральский бурильщики А.И. Семиволос, И.П. Янкин, машинист Н.А. Лунин, зачинатель соревнования женских тракторных бригад Д.М. Гармаш и др.³

В целом, подводя итоги вышеизложенному, можно сделать вывод о том, что персональный ряд учебников в основном соответствует требованиям Историко-культурного стандарта, однако авторам учебных изданий можно порекомендовать более

¹ Никонов В.А., Девятков С.В. История. История России... С. 226.

² История России. 10 класс... С. 52.

³ История СССР (1938–1976 гг.): учеб. для 10 класса / под ред. чл.-кор. АН СССР М.П. Кима. Изд. 6-е, доп. М.: Просвещение, 1977. С. 83, 84.

тщательно отбирать материал для характеристики тех или иных личностей.

Список литературы

1. Великая Отечественная война. 1941–1945: энциклопедия. 2-е изд., испр. и доп. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2015. 672 с.

УДК 373.1

Т.Ю. Ерёмкина

Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны на страницах школьных учебников

T.Yu. Eremina

Partisan Movement During the Great Patriotic War on the Pages of School Books

Аннотация. В статье рассматривается, как представлено партизанское движение в годы Великой Отечественной войны на страницах современных учебников по истории России. Автор выделяет следующие линии сравнения: наличие в учебниках определения понятия «партизанское движение»; организационная основа и характер партизанского движения; количественный состав советских граждан, участвовавших в партизанском движении; взаимоотношения партизан и местного населения; результаты партизанского движения; герои-партизаны; наличие в учебниках изобразительной наглядности, а также вопросов и заданий по теме.

Ключевые слова: учебная литература; учебники по истории России; Великая Отечественная война; партизанское движение.

Современный учитель должен владеть универсальными компетенциями, эффективно взаимодействовать со всеми участниками образовательного процесса [1, с. 3]. О.Ю. Стрелова отнесла использование учебной литературы педагогом к внутрипредметному этапу разработки содержания образования [2, с. 9–10].

В современном историческом образовании существует несколько подходов к определению места и роли учебника в

образовательном процессе. Сторонники первого полагают, что он является важнейшим источником знаний, основой формирования мировоззрения. Авторы второго подхода поддерживают идею вариативности учебной литературы, многообразия трактовок и оценок прошлого. Третьи считают, что учебник следует исключить из образовательного процесса, поскольку он противоречит личностноориентированной модели педагогики [3, с. 32–42].

Помимо указанных дискуссий, в школьном историческом образовании актуальным является вопрос об интерпретации фактов, событий отечественной истории, в частности, связанных с историей Великой Отечественной войны в контексте гражданско-патриотического воспитания обучающихся [4, с. 100]. Целью нашей статьи является анализ того, как представлено партизанское движение в годы Великой Отечественной войны авторами современных учебников по истории России.

В этой связи мы предлагаем рассмотреть следующие линии сравнения: наличие в учебниках определения понятия «партизанское движение»; организационная основа и характер партизанского движения; состав советских граждан, участвовавших в партизанском движении; взаимоотношения партизан и местного населения; результаты партизанского движения; героипартизаны; наличие в учебниках изобразительной наглядности, а также вопросов и заданий по теме.

Согласно Приказу Министерства просвещения Российской Федерации от 28.12.2018 г. № 345 «О федеральном перечне учебников, рекомендуемых к использованию при реализации имеющих государственную аккредитацию образовательных программ начального общего, основного общего, среднего общего образования»¹ в образовательном процессе на уровне старшей школы могут быть использованы учебники по истории

¹ Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 28.12.2018 г. № 345 «О федеральном перечне учебников, рекомендуемых к использованию при реализации имеющих государственную аккредитацию образовательных программ начального общего, основного общего, среднего общего образования» [Электронный ресурс]. URL: <https://rulaws.ru/acts/Prikaz-Minprosvescheniya-Rossii-ot-28.12.2018-N-345/> (дата обращения: 20.02.2020).

России издательств «Просвещение», «Русское слово», корпорации «Российский учебник» («Дрофа»–«ВЕНТАНА-ГРАФ»).

В указанных учебниках не представлено понятие «партизанское движение». В двух учебниках рассмотрено понятие «партизанские отряды»: «составная часть антифашистского движения Сопротивления против Германии и ее союзников на оккупированных территориях СССР и других стран»¹ и «организационно самостоятельные боевые единицы, предназначенные для ведения партизанских действий, удержания и обороны в тылу врага определенных территорий, а также осуществления диверсионно-разведывательных операций»². Вместе с тем понятие «партизанское движение» носит более общий характер, поскольку деятельность партизан на территории Советского Союза – составная часть движения Сопротивления во время Второй мировой войны.

Организационную основу и характер партизанского движения авторы учебников характеризуют так: «создание партизанских отрядов шло по двум линиям: организации партизанского движения «сверху» и стихийного формирования по инициативе оказавшихся в окружении граждан и военных лиц»³; «сопротивление врагу возникло с первых дней войны сначала стихийно. Среди первых партизан были окруженцы, местные жители, партийные и советские активисты, комсомольцы»⁴, а «30 мая 1942 г. решением ГКО был создан Центральный штаб партизанского движения при Ставке Верховного главнокомандования»⁵; «советское подпольное движение возникло уже в первые недели войны. В местах, подвергшихся оккупации, были созданы

¹ Горинов М.М., Данилов А.А., Моруков М.Ю., Семененко И.С. и др. История России. 10 кл.: учеб. для общеобразоват. организаций. Базовый и углубл. уровни. М.: Просвещение, 2019. Ч. 3. 5-е изд., перераб. 159 с. С. 147.

² Никонов В.А., Девятков С.В. История. История России. 1914 г. – начало XXI в.: учеб. для 10 кл. общеобразовательных организаций. М.: Русское слово, 2018. Ч. 1. 1914–1945. 2-е изд. 312 с. С. 288.

³ Волобуев О.В., Карпачев С.П., Романов П.Н. История России: начало XX – начало XXI в. 10 кл.: учеб. М.: Дрофа, 2016. 367 с. С. 183.

⁴ Никонов В.А., Девятков С.В. История. История России... С. 238.

⁵ Там же. С. 239.

подпольные органы ВКП(б), выступавшие координаторами всей подпольной работы»¹.

Таким образом, большинство авторов учебных изданий указывают на первоначально стихийный, а затем организованный характер партизанского движения на оккупированной территории СССР. Авторы учебников отмечают, что «партизанское движение было поистине народным. Оно объединяло сопротивление народа в тылу врага»².

По количественному составу советских граждан, участвовавших в партизанском движении, оценки разнятся: от 2 тыс. партизанских отрядов, насчитывающих в своих рядах около 90 тыс. чел. (к концу 1941 г.)³ до 25 тыс. чел. в составе 1770 партизанских отрядов и бригад (к концу 1942 г.)⁴ или даже 6 тыс. партизанских отрядов⁵.

В учебниках проанализированы взаимоотношения партизан и местного населения: «Большинство населения ненавидело оккупантов и их прислужников, особенно полицейских, которые не столько следили за порядком, сколько использовались для борьбы с партизанами, подпольщиками, противниками оккупационного режима»⁶; «Партизанские отряды поддерживались местным населением, которое, несмотря на угрозу расстрела на месте, пополняло отряды новыми бойцами, снабжало продовольствием, одеждой, давало информацию о местонахождении противника»⁷. Хотя авторы учебных изданий отмечают и то, что часть местного населения (например, жители Прибалтики и Западной Украины) могла поддерживать оккупантов⁸.

¹ Горинов М.М., Данилов А.А., Моруков М.Ю., Семененко И.С. и др. История России. 10 кл.: учеб. для общеобразоват. организаций. Базовый и углубл. уровни. М.: Просвещение, 2019. Ч. 2. 5-е изд., перераб. 176 с. С. 28–29.

² Никонов В.А., Девятков С.В. История. История России... С. 242.

³ Волобуев О.В., Карпачев С.П., Романов П.Н. История России... С. 183.

⁴ Никонов В.А., Девятков С.В. История. История России... С. 240.

⁵ Горинов М.М., Данилов А.А., Моруков М.Ю., Семененко И.С. и др. История России ... Ч. 2. ... С. 29.

⁶ Волобуев О.В., Карпачев С.П., Романов П.Н. История России... С. 182.

⁷ Никонов В.А., Девятков С.В. История. История России... С. 238–239.

⁸ Там же. С. 237.

Авторы учебников оценивают вклад партизанского движения в победу над нацистской Германией как существенный, приводя различные факты в поддержку данного положения. Например, отвлечение до 10 % сил вермахта на борьбу с партизанами¹, или непосредственная помощь партизанских отрядов в войсковых операциях: «для помощи наступлению Воронежского и Степного фронтов под Курском в ночь на 3 августа 1943 г. была начата операция «Рельсовая война». С июля по октябрь 1943 г. партизаны пустили под откос 2946 эшелонов, объем военных перевозок гитлеровцев сократился на 35–40 %»². Отмечается нанесение ущерба врагу на оккупированной территории Советского Союза: «советскими партизанами было уничтожено, ранено и взято в плен более 1 млн вражеских солдат и офицеров, представителей оккупационной администрации, выведено из строя более 4 тыс. танков и бронемашин, 65 тыс. автомашин и 1100 самолетов. Они разрушили и повредили 1600 железнодорожных мостов, пустили под откос свыше 20 тыс. железнодорожных эшелонов»³.

Авторы учебников указывают, что немцы в годы Великой Отечественной войны столкнулись в СССР с массовым детским и подростковым героизмом. Среди героев-партизан упоминаются: Марат Казей, Валя Котик⁴, Леня Голиков, Зина Портнова⁵, Лиза Чайкина⁶. В учебнике издательства «Русское слово» рассказывается о подвиге Зои Космодемьянской: «в ноябре 1941 г. в подмосковной деревне Петрищево была казнена выполнявшая диверсионное задание «партизанка Таня», настоящее имя которой – З.А. Космодемьянская»⁷.

¹ Волобуев О.В., Карпачев С.П., Романов П.Н. История России... С. 184.

² Никонов В.А., Девятков С.В. История. История России... С. 240–241.

³ Горинов М.М., Данилов А.А., Моруков М.Ю., Семенов И.С. и др. История России ... Ч. 2. ... С. 29.

⁴ Волобуев О.В., Карпачев С.П., Романов П.Н. История России... С. 184; Никонов В.А., Девятков С.В. История. История России... С. 241.

⁵ Горинов М.М., Данилов А.А., Моруков М.Ю., Семенов И.С. и др. История России ... Ч. 2 ... С. 30.

⁶ Никонов В.А., Девятков С.В. История. История России... С. 239.

⁷ Там же.

Изобразительная наглядность о партизанском движении в годы войны представлена в учебниках достаточно полно: фотографии участников¹ и руководителей партизанских отрядов², героев-партизан³; плакат «Партизан! Мсти за Родину! (1943 г.)⁴; картина «Таня (подвиг Зои Космодемьянской)» (1942 г.)⁵.

В учебных изданиях по истории России обучающимся для осмысления партизанского движения в годы Великой Отечественной войны даны вопросы и задания репродуктивного характера. Например, в учебнике издательства «Просвещение» в разделе «Работаем с картой» требуется показать на карте главные районы партизанского движения⁶.

Присутствуют вопросы и задания конструктивного характера на осмысление форм партизанской борьбы: «Как партизаны и подпольщики боролись с врагом на оккупированной территории?», «Подготовьте сообщение (презентацию) об одном из организаторов или героев борьбы против врага на оккупированной территории и в плену. Расскажите о подвиге героя, значении этого поступка»⁷; в разделе «Изучаем документ» учебника издательства «Просвещение» представлен отрывок из отчета секретаря Борисовского подпольного ГК и РК КП(б) Белоруссии А.И. Белесова за 3 мая – 25 июня 1943 г. и к нему предложен следующий вопрос: «Определите, какие формы борьбы с врагом были распространены на оккупированной территории»⁸; в разделе «Думаем, сравниваем, размышляем» учебной книги того же

¹ Горинов М.М., Данилов А.А., Моруков М.Ю., Семененко И.С. и др. История России ... Ч. 2 ... С. 29.; Никонов В.А., Девятков С.В. История. История России... С. 240.

² Горинов М.М., Данилов А.А., Моруков М.Ю., Семененко И.С. и др. История России ... Ч. 2 ... С. 30

³ Никонов В.А., Девятков С.В. История. История России... С. 241.

⁴ Волобуев О.В., Карпачев С.П., Романов П.Н. История России... С. 183.

⁵ Никонов В.А., Девятков С.В. История. История России... С. 239.

⁶ Горинов М.М., Данилов А.А., Моруков М.Ю., Семененко И.С. и др. История России ... Ч. 2 ... С. 33.

⁷ Волобуев О.В., Карпачев С.П., Романов П.Н. История России... С. 184–185.

⁸ Горинов М.М., Данилов А.А., Моруков М.Ю., Семененко И.С. и др. История России ... Ч. 2 ... С. 34.

издательства необходимо, используя дополнительную литературу и Интернет, подготовить сообщения о возникновении и деятельности одного из партизанских отрядов или подпольных организаций периода Великой Отечественной войны.

Об определении места и роли партизанского движения в борьбе с врагом свидетельствуют такие вопросы и задания: «Составьте характеристику партизанского движения по плану: состав участников, организация, формы борьбы, масштабы (территории, охваченные движением), вклад в борьбу против врага»¹, «В чем причины массового партизанского движения? Какую роль оно сыграло в борьбе с врагом?»²

Проблемное задание представлено в разделе «Думаем, сравниваем, размышляем» учебника издательства «Просвещение»: «Объясните название книги партизана П.П. Вершигоры «Люди с чистой совестью»»³.

Таким образом, партизанское движение в годы Великой Отечественной войны авторами современных учебников по истории России охарактеризовано многопланово. Оно имело народный характер и явилось одним из факторов Победы СССР в Великой Отечественной войне.

Список литературы

1. *Ерёмина Т.Ю.* Развитие предметной компетентности учителей в формировании системы учебных умений и навыков на уроках истории и обществознания: учебно-методический комплекс базовой образовательной программы повышения квалификации учителей истории, обществознания, права и краеведения (инвариантная часть). Модуль 3. Киров: Типография «Старая Вятка», 2012. 68 с.

2. *Стрелова О.Ю.* Историческое образование в условиях новых стандартов: от программы-конспекта содержания – к

¹ Никонов В.А., Девятков С.В. История. История России... С. 242.

² Горюнов М.М., Данилов А.А., Моруков М.Ю., Семененко И.С. и др. История России ... Ч. 2 ... С. 33.

³ Там же. С. 34.

программе-плану деятельности // Преподавание истории в школе. 2010. № 6. С. 5–8.

3. Вяземский Е.Е., Стрелова О.Ю. Как преподавать историю в современной школе: теория и методика: учебник истории как сложный социокультурный, научно-исторический и педагогический феномен // Первое сентября: История. 2006. № 22. С. 32–42.

4. Першина Ю.В., Ерёмкина Т.Ю. Цивилизационный подход к развитию идей патриотизма в России в XX – начале XXI в.: учебно-методическое пособие. М.: Компания КноРус, 2019. 150 с.

УДК 94(476):94(47):94(100):372.893

С.И. Коровянская

Великая Отечественная война в белорусских и российских учебных пособиях для средней школы

S.I. Korovianskaya

The Great Patriotic War in Belarusian and Russian Textbooks for Secondary Schools

Аннотация. В статье предпринята попытка сравнительного анализа учебного материала по теме Великой Отечественной войны в содержании белорусских учебных пособий для 10-х классов по всемирной истории и истории Беларуси и российских учебных пособий издательств «Дрофа» и «Просвещение». На основе проведенного исследования отмечаются преимущества и недостатки сравниваемых учебников, подводятся итог и выделяются наиболее успешные, с точки зрения структуры и содержания, учебные пособия.

Ключевые слова: Вторая мировая война; Великая Отечественная война; всемирная история; история Беларуси; история России; средняя школа; учебные пособия; урок обобщения.

В рамках реализации научно-методического проекта студенческой научно-исследовательской лаборатории «Клио» кафедры всеобщей истории и методики преподавания истории БГПУ «Беларусь – Россия. Изучение истории в средней школе: общее и особенное» в данной статье проводится сравнение содержания

учебного материала о Великой Отечественной войне в российских и белорусских учебниках.

История Великой Отечественной войны в контексте Второй мировой войны является одним из важнейших тематических блоков в изучении предмета. Российские учреждения общего среднего образования, в отличие от белорусских, имеют возможность выбирать серию учебников по истории от различных издательств, утвержденных в Федеральном перечне учебников. Наиболее распространенными в учебном процессе являются учебники издательств «Дрофа», «Просвещение», «Русское слово и др. В Республике Беларусь существует единая линейка учебных пособий по истории. В 2019/2020 уч.г. история Великой Отечественной войны изучается в 9-х и 10-х классах.

Из российских учебников нами будут рассмотрены пособия издательств «Дрофа» и «Просвещение», т.к. они наиболее распространены в школах России. Для сравнительного анализа были выбраны белорусские и российские учебники для 10-х классов, поскольку они написаны для учащихся одной возрастной категории.

В белорусских учебниках Великая Отечественная война рассматривается в курсе истории Беларуси и в курсе всемирной истории. Данная тема занимает по одному разделу в каждом из учебников и включает от семи до десяти параграфов¹.

Великая Отечественная война в учебниках издательства «Просвещение» изучается в содержании из шести параграфов². В учебнике издательства «Дрофа» данная тема содержится в третьем разделе и включает в себя также шесть

¹ История Беларуси, 1917–1945 гг.: учеб. пособие для 10-го кл. учреждений общ. сред. образования с рус. яз. обучения / Е.К. Новик; автор метод. аппарата В.В. Гинчук; пер. с белорус. яз. Н.Л. Стрехи. Минск: Нар. асвета, 2012. 182 с. С. 181–182; Всемирная история Новейшего времени: 1918–1945 гг.: учеб. пособие для 10-го кл. учреждений общ. сред. образования с рус. яз. обучения / Г.А. Космач, В.С. Кошелев, М.А. Краснова; под ред. Г.А. Космача. Минск: Нар. асвета, 2012. 214 с. С. 3.

² История России. 10 класс: учеб. для общеобразоват. организаций: в 3 ч. Ч. 2 / М.М. Горинов, А.А. Данилов, М.Ю. Моруков [и др.]; под ред. А.В. Торкунова. М.: Просвещение, 2016. 176 с. С. 176.

параграфов¹. Но особенностью данных учебников является наличие дополнительных тем для самостоятельной и творческой работы, таких, как «Советская разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. Материал для самостоятельной работы и проектной деятельности» и др.

Можно сделать вывод о том, что в белорусских учебниках больше параграфов, и, следовательно, учебных часов отведено на изучение Великой Отечественной войны, однако в российских учебниках присутствуют специальные материалы для проектной деятельности и расширения кругозора учащихся.

Белорусские учебники по всемирной истории и истории Беларуси, а также российский учебник издательства «Просвещение» начинают освещение материала с начала Второй мировой войны, затрагивают вопросы предпосылок, причин и непосредственного начала войны – нападения Германии на Польшу.

Учебник издательства «Дрофа» в этом плане выделяется среди остальных. В нем рассматривается только Великая Отечественная война. В начале параграфа приводится список основных терминов (план «Барбаросса», блицкриг, Ставка Верховного Главнокомандования, Государственный совет обороны, народное ополчение) и личностей (Н.Ф. Гастелло, Л.М. Доватор, Г.К. Жуков, В.М. Молотов, И.В. Панфилов, К.К. Рокоссовский, Б.М. Шапошников), а также лента времени, охватывающая период от 22 июня 1941 г. до 5–6 декабря 1941 г., тем самым реализуя принцип наглядности в обучении².

События начала Великой Отечественной войны все рассматриваемые учебники начинают с начала нападения Германии на СССР 22 июня 1941 г. Белорусский учебник по всемирной истории приводит следующую информацию: «Утром 22 июня 1941 г. фашистская Германия без предварительного объявления войны напала на Советский Союз. Против СССР она направила 80 % общей численности своих войск»³.

¹ История России: начало XX – начало XXI в. 10 кл.: учебник / О.В. Волобуев, С.П. Карпачёв, П.Н. Романов. М.: Дрофа, 2016. 367 с. С. 366.

² Там же. С. 152–153.

³ Всемирная история Новейшего времени... С. 160.

Пособие по истории Беларуси начинает изложение материала о Великой Отечественной войне со слов: «Нарушив советско-германский договор о ненападении от 23 августа 1939 г., нацистская Германия 22 июня 1941 г. вероломно напала на СССР»¹. Далее в параграфах приводятся структурированные факты, карты, таблицы. Также для белорусских учебников характерна определенная строгость в изложении учебного материала.

Что касается российских учебников, то учебник издательства «Просвещение» раскрывает исследуемую тематику следующим образом: «На рассвете 22 июня 1941 г. без объявления войны, нарушив договор о ненападении, германская армия обрушилась всей мощью на советскую землю. Тысячи артиллерийских орудий открыли огонь по советской территории...»² Учебник издательства «Дрофа» предоставляет следующую информацию: «Война началась внезапно для расположенных вдоль границ советских воинских частей. 22 июня в 3 ч 15 мин, перед рассветом, гитлеровские войска вторглись на территорию СССР...»³ Для параграфов российских учебников по данному вопросу характерен более описательный стиль изложения материала. Важно отметить, что в данной теме все учебники придерживаются лаконичности, определенной строгости, достаточно подробного описания событий.

Великая Отечественная война, длившаяся с 1941 по 1945 г., подразделяется историками, как правило, на три периода: начальный этап, коренной перелом, заключительный этап. Далее будет приведен анализ изложения каждого из них в российских и белорусских учебных пособиях.

Первый этап Великой Отечественной войны (22 июня 1941 г. – 18 ноября 1942 г.) в белорусском учебном пособии по всемирной истории занимает один параграф. В его содержании рассматриваются: нападение Германии на СССР, битва под Москвой, создание антигитлеровской коалиции, бои на советско-

¹ История Беларуси... С. 122.

² История России. 10 класс... С. 4.

³ История России: начало XX – начало XXI в. ... С. 153.

германском фронте летом 1942 г. Приводятся выдержки из воспоминаний очевидцев, фрагменты документов, историческая справка, фотографии, плакаты, карта, таблица, исторические портреты¹.

Учебник по истории Беларуси уделяет данному этапу несколько параграфов. Их содержание рассматривает начало Великой Отечественной войны, германский оккупационный режим на территории Беларуси, начало массовой борьбы против германских оккупантов и ее дальнейшее развертывание. Параграфы содержат большое количество портретов, документов, карт, репродукций художественных произведений. Авторами учебного пособия делается упор на подробное описание положения страны и трагической судьбы народа².

В учебнике издательства «Дрофа» первый этап войны занимает один параграф и включает в себя следующие пункты: план «Барбаросса», начало «молниеносной войны», мобилизация сил и отпор врагу, битва за Москву. Приведены плакат, картина, фотография и схема главных органов власти СССР в военное время. Про оккупацию говорится «в общем», без указания конкретных территорий³.

В учебном пособии издательства «Просвещение» начальному этапу войны уделяется два параграфа: «Начало Великой Отечественной войны. Первый период войны (22 июня 1941 – ноябрь 1942 г.)» и «Поражения и победы 1942 г. Предпосылки коренного перелома». Первый параграф включает в себя следующие пункты: канун войны, начало войны, характер войны, силы и планы сторон, неудачи Красной армии летом – осенью 1941 г., битва за Москву, героическая оборона Ленинграда; второй параграф: ситуация на фронте весной 1942 г.; планы сторон; немецкое наступление летом 1942 г.; начало Сталинградской битвы; битва за Кавказ; немецкий оккупационный режим; партизанское и подпольное движение; сотрудничество с врагом: при-

¹ Всемирная история Новейшего времени... С. 160–168.

² История Беларуси... С. 122–133.

³ История России: начало XX – начало XXI в. ... С. 153–160.

чины, формы, масштабы; образование антигитлеровской коалиции; итоги первого этапа войны¹.

Примечательно, что в учебнике издательства «Просвещение» используется большое количество фрагментов документов, выступлений руководителей государств и военных деятелей. Также разработаны специальные задания для работы с картой. Все это способствует подробному изучению данной темы, совершенствованию аналитических навыков учащихся.

Второй этап Великой Отечественной войны, получивший в отечественной историографии название «коренной перелом», охватывает период с 19 ноября 1942 г. по конец 1943 г.

Учебное пособие издательства «Просвещение» содержит материалы по следующей тематике: разгром немецких войск под Сталинградом, битва на Курской дуге, битва за Днепр, Тегеранская конференция, итоги второго периода войны, а также карты, фрагменты документов, фотографии, плакат².

В учебном пособии издательства «Дрофа» рассматриваются военные действия в первой половине 1942 г., начало коренного перелома в войне, изгнание оккупантов с Кавказа, Курская битва, освобождение Левобережной Украины и битва за Днепр, положение блокадного Ленинграда. Параграф насыщен дополнительными материалами для любознательных учащихся и для осуществления их проектной деятельности³.

В белорусском учебнике по всемирной истории рассматриваются Сталинградская и Курская битвы, военные действия союзников в конце 1942 – 1943 г., укрепление антигитлеровской коалиции. Следует отметить очень содержательные пункты параграфа, в которых приводятся исторические справки, документы, портреты, карты, фотографии⁴.

В учебнике по истории Беларуси на этапе коренного перелома раскрываются темы подпольного и партизанского движения на территории Беларуси. Белорусские учебники в освещении дан-

¹ История России. 10 класс... С. 4–24.

² Там же. С. 45–50.

³ История России: начало XX – начало XXI в. ... С. 161–172.

⁴ Всемирная история Новейшего времени... С. 169–176.

ной темы отличаются большим количеством сухих фактов, когда в российских учебниках наблюдается более грамотное соотношение фактологического и нарративного материала¹.

Заключительный этап войны, длившийся с января 1944 г. по 9 мая 1945 г., в каждом рассматриваемом учебнике представлен по-разному. К примеру, в учебном пособии издательства «Просвещение» данной теме предшествует информация для проектной деятельности под названием «Народы СССР в борьбе с фашизмом».

Заключительный этап войны в этом пособии освещается в параграфе «Третий период войны. Победа СССР в Великой Отечественной войне. Окончание Второй мировой войны» и раскрывается в содержании следующих пунктов: завершение освобождения территории СССР; «десять сталинских ударов»; боевые действия в Восточной и Центральной Европе; освободительная миссия Советской армии; Крымская (Ялтинская) конференция; битва за Берлин и окончание войны в Европе; Потсдамская конференция; разгром милитаристской Японии; итоги Великой Отечественной и Второй мировой войны. Параграф охватывает большое количество материала, но его содержание представлено обобщенно и лаконично².

Заключительному этапу Великой Отечественной войны в учебнике издательства «Дрофа» предшествует параграф под названием «Человек и война: по обе стороны фронта» со следующими пунктами: эвакуация; «Все для фронта! Все для победы!»; военно-техническое оснащение Красной армии; повседневная жизнь в советском тылу; вклад творческой интеллигенции в Победу; СССР и союзники; оккупационный режим: управление устрашением; вместе с врагом: сотрудничество и пособничество; «Партизан! Мсти за родину!» Параграф содержит хороший фактологический материал.

Непосредственно главная тема раскрыта в параграфе «1944-й: год изгнания врага» с пунктами: сражения зимой и весной

¹ История Беларуси... С. 134–148.

² История России. 10 класс... С. 56–66.

1944 г.; летнее наступление и Белорусская операция; начало крушения «нового порядка» в странах Восточной и Юго-Восточной Европы.

В следующем параграфе «Год Победы: капитуляция Германии и Японии» рассматриваются военные операции советских войск в Восточной и Центральной Европе, Берлинская операция и капитуляция Германии, Крымская (Ялтинская) и Потсдамская (Берлинская) конференции глав союзных держав, вступление СССР в войну с Японией и ее капитуляция, итоги войны и цена Победы. Приведены карты и список тем для проектной деятельности. Параграф содержит хороший структурированный учебный материал¹.

Что касается белорусских учебников, то по всемирной истории рассмотрению заключительного этапа Великой Отечественной войны предшествуют параграфы «Борьба с захватчиками на оккупированной территории» и «Советский тыл во время войны». В параграфе «Заключительный этап Второй мировой войны. Разгром фашистского блока (1944–1945)» рассказывается об освобождении Красной армией территории СССР и европейских стран в 1944–1945 гг., открытии второго фронта в Европе, Крымской конференции, завершении разгрома Германии, поражении Японии, Потсдамской конференции, цене и значении Победы².

Учебный материал третьего этапа войны в курсе истории Беларуси представлен в параграфах под названием «Освобождение БССР от германских захватчиков» и «Вклад белорусского народа в победу над нацистской Германией». Данные вопросы рассматриваются подробно, в отличие от российских учебников, в которых освобождению БССР посвящен всего один пункт³.

Итоги Великой Отечественной войны подводятся в каждом учебнике в конце раздела, однако заключения авторов существенно различаются.

¹ История России: начало XX – начало XXI в. ... С. 172–206.

² Всемирная история Новейшего времени... С. 176–202.

³ История Беларуси... С. 149–159.

В учебном пособии издательства «Просвещение» итоги подводятся в краткой форме, в отличие от других учебников: «Советский Союз и его Вооруженные Силы внесли решающий вклад в разгром главных сил Германии, Японии и их союзников. Победа многонационального советского народа в самой кровавой и жестокой войне в истории человечества стала наиболее выдающимся событием для нашей страны в XX в. Подвиг победителей никогда не будет забыт»¹.

В учебнике издательства «Дрофа» итог формулируется в развернутом виде и состоит из краткого описания основных событий и расстановки сил в течение всего периода Великой Отечественной войны².

В курсе истории в школах Республики Беларусь предусмотрены уроки обобщения по данной теме с разноуровневыми заданиями. Так, в учебнике всемирной истории урок обобщения состоит из 10 заданий, которые требуют развернутого ответа от учащихся на примере составления таблиц, вопросов, требующих от учащихся задействования нескольких видов мышления³.

По курсу истории Беларуси проводится урок под названием «Наш край в годы Второй мировой и Великой Отечественной войн» и урок обобщения. Урок «Наш край» является специфическим, т.к. для подготовки к нему учащимся предлагается найти в местном краеведческом музее, дополнительной литературе, историко-документальной хронике своего района сведения об участии земляков в Великой Отечественной войне и подготовить сообщения, презентации, доклады. Если есть возможность, то предлагается организовать встречу со своими земляками, принимавшими участие в Великой Отечественной войне, и записать их воспоминания. На самом уроке учащиеся характеризуют развитие родного края в период Второй мировой войны в экономическом, политическом и социальном аспектах⁴.

¹ История России. 10 класс... С. 66.

² История России: начало XX – начало XXI в. ... С. 205–206.

³ Всемирная история Новейшего времени... С. 203–204.

⁴ История Беларуси... С. 167.

Урок обобщения в курсе истории Беларуси по форме проведения схож с аналогичным уроком по всемирной истории, но вопросы и задания отличаются формулировками и способами выполнения¹.

Таким образом, можно сделать вывод, что изучение Великой Отечественной войны в курсе истории как в Беларуси, так и в России занимает одно из центральных мест. При конструировании содержания учебного материала авторы учебных пособий активно используют принцип наглядности. Учебные пособия издательства «Дрофа» содержат большее количество наглядных и систематизирующих материалов, что является наиболее удобным для практического применения как при обучении в классе, так и при самостоятельной работе учащихся. Белорусские учебники делают упор на изучение истории своей страны, а проведение урока «Наш край» позволяет связать теоретический материал с жизненной практикой учащихся и способствует развитию их интереса к изучению военной истории, а также дает возможность проявить себя в научно-исследовательской деятельности.

¹ История Беларуси... С. 168–169.

**Проблема коллаборационизма на страницах
современных учебников и учебных пособий**

Yu.V. Pershina

**The Problem of Collaboration on the Pages
of Modern Textbooks and Tutorials**

Аннотация. В статье проанализирована проблема коллаборационизма, представленная авторами современных учебников и учебных пособий по истории России, рассмотрены сюжетные и методические линии: наличие в учебниках определения понятия «коллаборационизм»; оценки количественного и качественного состава советских граждан, действовавших на стороне Германии; причины коллаборационизма на территории СССР; описание воинских частей, сотрудничавших с нацистами; характеристика отношения местного населения к пособникам немцев; наличие в учебно-методических комплексах заданий и вопросов по теме.

Ключевые слова: коллаборационизм; современные учебники по истории России; учебные пособия; история Второй мировой войны; оценки количественного и качественного состава сотрудничавших с нацистами; причины коллаборационизма; описание союзных гитлеровцам воинских частей; отношение местного населения к пособникам нацистов; задания и вопросы по теме; наличие фотографий.

В 2020 г. в России отмечается важная дата – 75-летие Победы СССР над нацистской Германией и ее союзниками. Между тем в истории Второй мировой войны есть много сложных для восприятия обучающимися вопросов. Одной из них, на наш взгляд, является проблема коллаборационизма. Целью нашей статьи является анализ представления указанной проблемы для обучающихся старших классов российских общеобразовательных организаций авторами современных учебников и учебных пособий по истории России.

Для достижения поставленной цели мы предлагаем рассмотреть следующие сюжетные и методические линии: наличие в учебниках определения понятия «коллорабационизм»; оценки количественного и качественного состава советских граждан, действовавших на стороне Германии; причины коллабационизма на территории СССР; описание воинских частей, сотрудничавших с нацистами; характеристику отношения местного населения к пособникам немцев; наличие в учебно-методических комплексах заданий и вопросов по теме.

В современных учебниках по истории России издательств «Просвещение», «Русское слово», корпорации «Российский учебник» рассматривается понятие «коллорабационизм». Оно понимается авторами как сотрудничество с оккупантами в годы Второй мировой войны [1, с. 355]; осознанное, добровольное и умышленное сотрудничество с врагом в его интересах и в ущерб своему государству [2, с. 283]; осознанное, добровольное и умышленное сотрудничество с врагом в его интересах и в ущерб своему государству в годы войны [3, с. 141].

Авторы учебников по истории России приводят разные оценки количества состоявших на службе у нацистов за годы войны: от 800 тыс. до 1,2 млн советских граждан [2, с. 237], включая гражданскую администрацию на оккупированных территориях, работников железных дорог и т.п. Около 400 тыс. человек находилось на военной службе, около 70 тыс. – в войсках по поддержанию порядка, около 80 тыс. – в «восточных» батальонах. 183 тыс. человек работали на железной дороге в Киеве и Минске [4, с. 30].

В учебниках проанализирован национальный и социальный состав пособников нацистов. Активно сотрудничали с оккупантами жители Прибалтики и Западной Украины [2, с. 237]. Украинцам, белорусам, крымским татарам, калмыкам, народам Прибалтики, Кавказа, Средней Азии гитлеровцы обещали самоуправление в разных формах.

На службу к немцам попадали из-за невыносимого существования в лагерях военнопленных, голодной жизни в оккупированных городах. Среди полицейских были криминальные

элементы, люди, обиженные Советской властью, обманутые нацистской пропагандой. Оккупация была объявлена освобождением от большевизма и комиссаров. Немцы говорили крестьянам о роспуске колхозов, возврате им земли, отобранной Советской властью [1, с. 181]. Для некоторых были привлечательными отдельные мероприятия новой власти: например, раздача земли и скота лицам, лояльным режиму [4, с. 31].

Среди коллаборантов были старосты, переводчики, журналисты. Многочисленной категорией были «хиви»¹, служившие в воинских частях на вспомогательных должностях. Они работали на кухнях, в мастерских, конюшнях и т.д. [2, с. 237].

Нередкими были случаи принудительной мобилизации мужчин под угрозой привлечения к суду по законам военного времени, взятия из семей заложников, выселения из домов и др. [2, с. 237].

Авторский коллектив (М.М. Горинов, А.А. Данилов, М.Ю. Моруков, И.С. Семененко и др.) показывают тенденцию к сужению социальной базы коллаборационизма. Она была максимальной в первые 6 месяцев войны, когда войска вермахта шли в наступление, а «новый порядок» еще находился на стадии становления. По мере изменения ситуации на советско-германском фронте намерений сотрудничать с оккупантами у населения становилось все меньше [4, с. 31].

В учебниках по истории России показано создание национальных воинских частей. Вспомогательные воинские подразделения формировались в Калмыкии, на оккупированных территориях Северного Кавказа. Отряды самообороны были во многих крымско-татарских селах [1, с. 181–182]. К созданию «восточных» частей гитлеровцы приступили с весны 1942 г. Среди них были эсэсовские – украинская («Галичина»), литовская, латышская, эстонская дивизии, пехотная дивизия из тюркских народов Кавказа, Поволжья и Средней Азии [2, с. 237–238].

Нацистская пропаганда репрессии сталинского режима, преступления сотрудников НКВД накануне Великой Отечественной войны, массовые расстрелы заключенных при отступлении

¹ «Хильфсвиллиге» – желающие помогать.

Красной армии приписывала евреям. Организация украинских националистов (ОУН) начала сотрудничать с немецкой разведкой в 1930-е гг. Еще до начала войны с СССР в немецких тренировочных лагерях представителей ОУН обучали военному делу. В марте 1943 г. ОУН при поддержке германских оккупационных властей начала создание Украинской повстанческой армии. Появились специальные батальоны «Нахтигаль» и «Роланд». Бойцы ОУН-УПА присягали А. Гитлеру и отличались особой жестокостью. Националистическая пропаганда главными врагами Украины представляла «Москву и жидовство» [5, с. 29].

В учебниках по истории России представлено создание нацистами с начала 1943 г. Русской освободительной армии, которой руководил бывший командующий 2-й ударной армией генерал А.А. Власов. Ее формирования, насчитывавшие около 45 тыс. человек, должны были стать основой вооруженных сил Комитета освобождения народов России [2, с. 237–238]. В учебнике издательства «Просвещение» показана карательная функция Советского государства: за сотрудничество с врагом генерал А.А. Власов и его окружение были приговорены к повешению. Десятки тысяч солдат РОА были отправлены в лагерь [4, с. 31].

Большинство местного населения ненавидело оккупантов и их пособников, особенно полицейских, которых нацисты использовали для борьбы с партизанами, подпольщиками, противниками нацистского режима [1, с. 182].

В учебно-методических комплексах по истории России обучающимся даны вопросы и задания на осмысление причин коллаборационизма [4, с. 34–35], например, на основании текста учебника выписать причины, которые заставляли советских людей сотрудничать с врагом [6, с. 17]. Школьникам предлагается для актуализации знаний вспомнить материал из курса всеобщей истории – что означал термин «коллаборационизм» в годы Второй мировой войны [2, с. 237], высказать суждения об этом явлении и аргументировать свою точку зрения [1, с. 182]. Для проверки знаний – написать термин, о котором идет речь: «добровольное сотрудничество с навязанным извне силой

политическим режимом, с оккупантами» [7, с. 17]; дать определение понятий «коллорабационизм», РОА [6, с. 17].

Что касается визуального ряда (наличие фотографий) в отечественных учебниках, то он присутствует только у издательства «Просвещение». Представленная фотография «Казаки-коллорабационисты. 1944 г.» [4, с. 31] не сопровождается вопросами, заданиями, поэтому предоставляет педагогу возможность самому спроектировать образовательный процесс на уроке.

Учебное пособие Института Яд Вашем¹ (Иерусалим, Израиль) содержит достаточно большое количество разнообразных фотографий с вопросами и заданиями к ним. Например, к фотографии «Каунас, Литва, 26 июня 1941. Расправа местных жителей над евреями. На заднем плане – глазеющие на погром немцы» дано задание и вопрос: «Сравните эту фотографию с фотографиями на стр. 28² и 42³. Почему в данном случае именно немцы выступают в роли «bystanders⁴»?» [5, с. 32].

Таким образом, можно сделать вывод, что сложная проблема коллорабационизма на территории СССР в годы Второй мировой войны представлена в современных учебниках и учебных пособиях многоаспектно, учитывая необходимость реализации гражданско-патриотического воспитания у обучающихся на уроках истории.

Список литературы

1. Волобуев О.В., Карпачев С.П., Романов П.Н. История России: начало XX – начало XXI в. 10 кл.: учеб. М.: Дрофа, 2016. 367 с.

2. Никонов В.А., Девятков С.В. История. История России. 1914 г. – начало XXI в.: учеб. для 10 кл. общеобразовательных

¹ Израильский национальный мемориал Катастрофы (Холокоста) и Геноцида. Находится в Иерусалиме на Хар ха-Зикарон (Горе Памяти).

² Львов, 1941. Три немецких военных оператора снимают еврейский погром.

³ Литовские солдаты и местные жители заставляют еврея плясать себе на потеху.

⁴ «Стоящие в стороне».

организаций. М.: Русское слово, 2018. Ч. 1. 1914–1945. 2-е изд. 312 с.

3. *Горинов М.М., Данилов А.А., Моруков М.Ю., Семенов И.С. и др.* История России. 10 кл.: учеб. для общеобразоват. организаций. Базовый и углубл. уровни. М.: Просвещение, 2019. Ч. 3. 5-е изд., перераб. 159 с.

4. *Горинов М.М., Данилов А.А., Моруков М.Ю., Семенов И.С. и др.* История России. 10 кл.: учеб. для общеобразоват. организаций. Базовый и углубл. уровни. М.: Просвещение, 2019. Ч. 2. 5-е изд., перераб. 176 с.

5. *Абрамская И.* Стоящие в стороне или стоящие рядом: учеб. пособие. Иерусалим: Яд Вашем, 2007. 84 с.

6. *Чернова М.Н.* Рабочая тетрадь по истории России. 10 кл.: к учебнику под ред. А.В. Торкунова «История России. 10 класс». ФГОС (к новому учебнику). М.: Экзамен, 2018. Ч. 2. 110 с.

7. *Чернова М.Н.* Тесты по истории России. 10 кл.: к учебнику под ред. А.В. Торкунова «История России. 10 класс». ФГОС (к новому учебнику). М.: Экзамен, 2018. Ч. 2. 94 с.

УДК [94(4)“1939/1945”+94(470“1941/1945”)]-37.091.64

А.А. Корзюк

**Изучение Второй мировой
и Великой Отечественной войн
в средней школе Республики Беларусь**

А.А. Korzyuk

**Study of the World War II and Great Patriotic War in the
Secondary School of the Republic of Belarus**

Аннотация. В статье рассказывается об освещении истории Второй мировой и Великой Отечественной войн в учебной литературе для средней школы, изданной в Республике Беларусь в период с 1993 по 2019 гг. Особое внимание уделяется анализу содержания учебного материала в действующих пособиях для 9-х и 10-х классов. Рассказывается об опыте преподавания фа-

культатива «Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны)». Представлены краткие результаты исследований российских ученых, посвященных анализу представления истории Беларуси в учебных пособиях для средней школы. Выделяются основные содержательные линии учебного материала по истории Второй мировой и Великой Отечественной войн, дается краткая характеристика основных изучаемых вопросов и аппарата организации усвоения знаний учащимися.

Ключевые слова: Вторая мировая война; Великая Отечественная война; всемирная история; история Беларуси; учебная программа; учебное пособие; средняя школа; школьное историческое образование; содержание учебного материала; факультативные занятия.

Система школьного исторического образования в Республике Беларусь за более чем 25-летний срок своего существования претерпевала неоднократные изменения. Последнее из них было связано с возвращением с 2015 г. к концентрическому изучению истории. С 1992 по 2019 г. вышло пять поколений учебных пособий по всемирной истории и истории Беларуси. Первые три и пятое поколение были составлены в соответствии с концентрическим принципом построения учебных программ. Четвертое поколение пособий было построено на линейном принципе изучения истории. Современные учебные пособия (пятого поколения) начали выходить с 2016 г.

Изучение событий Второй мировой и Великой Отечественной войн занимало важное место на протяжении всего времени существования национальной системы школьного исторического образования в Республике Беларусь. В условиях реализации концентрического подхода соответствующий учебный исторический материал изучался и будет изучаться в 9-х и 11-х классах, при линейном изучении истории – в 10-м классе.

Кроме этого, в период с 2004/2005 уч.г. в 11-х классах общеобразовательных школ республики осуществлялось изучение обязательного факультатива «Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны)» в объеме 18 часов: 8 часов за счет учебного времени, предусмотренного на изучение всемирной истории и истории Беларуси, 10 часов – за счет часов школьного компонента. Разработка и

введение факультатива были посвящены 60-летию освобождения Беларуси и Победы в Великой Отечественной войне. Авторским коллективом под руководством тогдашнего директора Института истории Национальной академии наук Беларуси А.А. Ковалени был создан оригинальный учебно-методический комплекс по факультативу, который был признан лучшим в СНГ¹. В период реализации 12-летнего срока обучения указанный факультатив изучался в 10 классе.

Отечественные учебные пособия по истории для средней школы неоднократно выступали в качестве предмета исследования российских ученых. В 2006 г. заведующим лабораторией этнической социологии и психологии Научно-исследовательского

¹ Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны): программа факультатива для учреждений, обеспечивающих получение общ. сред. образования. Минск: НИО, 2014. 78 с.; Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны): учеб. пособие для 11-го класса общеобразоват. учреждений с рус. яз. обучения / А.А. Коваленя, М.А. Краснова, В.И. Лемешонок [и др.]; под ред. А.А. Ковалени, Н.С. Сташкевича. Минск: Изд. центр БГУ, 2004, 2009, 2020. 232 с.; Коваленя А.А. Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны): справочник: пособие для учащихся 11 класса общеобразоват. учреждений / А.А. Коваленя, М.А. Краснова, В.И. Лемешонок; под ред. А.А. Ковалени. Минск: Изд. центр БГУ, 2007, 2009. 235 с.; Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны): хрестоматия: пособие для учащихся 11 класса общеобразоват. учреждений / сост. А.А. Коваленя, М.А. Краснова, В.И. Лемешонок, С.Е. Новиков; науч. ред. А.А. Коваленя. – Минск: Белорусская наука, 2008. 350 с.; Коваленя А.А. Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны): рабочая тетрадь: пособие для учащихся 11 класса общеобразоват. учреждений / А.А. Коваленя, М.А. Краснова, Н.Н. Ганущенко. Минск: Аверсэв, 2010. 64 с.; Изучение факультатива «Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны)»: планирование и примерные модели уроков / авт.-сост.: М.А. Краснова, К.И. Секацкая. Минск: Технопринт, 2005. 82 с.; Коваленя А.А. Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны): материалы для учителя / А.А. Коваленя, М.А. Краснова, Н.Н. Ганущенко. Минск: Аверсэв, 2007. 240 с.; Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны): атлас: учеб. пособие для 10-го класса учреждений общ. сред. образования с рус. яз. обучения / А.А. Коваленя, М.Г. Жилинский, А.А. Лукашов. Минск: Белкартография, 2015. 51 с.

института комплексных социальных исследований Санкт-Петербургского государственного университета З.В. Сикевич было подготовлено исследование, посвященное анализу интерпретации истории Беларуси в учебных пособиях для средней школы¹. В отношении учебного исторического материала, посвященного Великой Отечественной войне, в исследовании отмечается, что «трактовка ее событий полностью совпадает с интерпретацией в российских учебниках, большее внимание уделяется оккупации Беларуси и массовой партизанской войне».

К подобному выводу пришли и авторы научного доклада «Освещение общей истории России и народов постсоветских стран в школьных учебниках истории новых независимых государств» [1]. Результаты исследования были коротко представлены и на страницах российского журнала «Преподавание истории в школе» [2].

В исследовании рассматривается освещение основных моментов общей истории России и постсоветских стран в школьных учебниках истории. В качестве одного из таких моментов определена Великая Отечественная война. Что касается учебных пособий по истории Беларуси, то авторами доклада было рассмотрено содержание восьми изданий, выпущенных в период 2001–2009 гг. При этом события Великой Отечественной войны анализировались по содержанию только одного учебного пособия – для 11-го класса 2002 г. издания².

В содержании доклада отмечается, что в белорусской школе Вторая мировая война и Великая Отечественная война как ее составная часть изучаются достаточно подробно. Отсутствуют нигилизм по отношению к Советскому Союзу и ревизионизм, оправдывающий коллаборацию и политику нацистской Германии национальными интересами белорусов. Причины Второй мировой

¹ Сикевич З.В. История Белоруссии в интерпретации учебников для средней школы (аналитическое исследование) [Электронный ресурс]. URL: http://img.rosbalt.ru/doc/File/sikevich_brest_2.doc#sthash.6B4hjGgY.dpuf (дата обращения: 29.02.2020).

² Качалаў І.Л. Гісторыя Беларусі: канец XVIII ст. – 1999 г.: вучэб. дапам. для 11 кл. агульнаадукац. шк. з бел. і рус. мовамі навучання / І.Л. Качалаў, Г.С. Марцуль; пад рэд. Я.К. Новіка. 2-е выд. Мінск: Нар. асвета, 2002. 206 с.

войны связываются с тем, что она была развязана нацистской Германией с целью установления господства над иными народами и переустройства всего мирового порядка на расовых принципах. Общая оценка Великой Отечественной войны в учебном пособии заключается в том, что это была справедливая война, целью которой был разгром нацистской Германии как захватчика и уничтожение самой нацистской идеологии [1, с. 323].

В 2019/2020 уч.г. Вторая мировая и Великая Отечественная войны изучаются в 9-м классе по новым учебным пособиям¹ и в 10-м классе по учебным пособиям 2012 г.² По данной теме в 9-х и 10-х классах изучается примерно одинаковый объем учебного материала. Это связано с тем, что и в 9-м (в условиях концентра), и в 10-м классах (учащиеся которых доучиваются по «линейке») этот материал изучается впервые. Этим же фактом может объясняться несколько меньшее количество часов на изучение событий Второй мировой и Великой Отечественной войн в 9-м классе, т.к. впоследствии в 10-м классе (во втором концентре) данная тема будет изучаться повторно, но уже на проблемно-теоретическом уровне. Факультатив «Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны)» в настоящее время не является обязательным для учащихся и предлагается к изучению в 10-м классе.

¹ Кошелев В.С. Всемирная история Новейшего времени, 1918 – начало XXI в.: учеб. пособие для 9-го кл. учреждений общ. сред. образования с рус. яз. обучения / В.С. Кошелев, М.А. Краснова, Н.В. Кошелева; под ред. В.С. Кошелева. Минск: Изд. центр БГУ, 2019. 255 с.; Панов С.В. История Беларуси, 1917 – начало XXI в.: учеб. пособие для 9-го кл. учреждений общ. сред. образования с рус. яз. обучения / С.В. Панов, В.Н. Сидорцов, В.М. Фомин. Минск: Изд. центр БГУ, 2019. 180 с.

² Космач Г.А. Всемирная история Новейшего времени: 1918–1945 гг.: учеб. пособие для 10-го кл. учреждений общ. сред. образования с рус. яз. обучения / Г.А. Космач, В.С. Кошелев, М.А. Краснова; под ред. Г.А. Космача. Минск: Нар. асвета, 2012. 214 с.; Новик Е.К. История Беларуси, 1917–1945 гг.: учеб. пособие для 10-го кл. учреждений общ. сред. образования с рус. яз. обучения / Е.К. Новик; автор метод. аппарата В.В. Гинчук. Минск: Нар. асвета, 2012. 182 с.

Закономерным является тот факт, что освещение истории Второй мировой и Великой Отечественной войн в трех учебных пособиях (по всемирной истории, истории Беларуси и факультативу) происходит с одинаковых научно-методологических позиций.

Мюнхенское соглашение рассматривается как поворотное событие, которое привело к началу Второй мировой войны. Договор о ненападении между СССР и Германией и секретный протокол к нему, а также советско-германский договор 28 сентября 1939 г. и секретный протокол к нему рассматриваются в качестве вынужденных шагов СССР, вызванных нежеланием Великобритании, Франции и Польши пойти на серьезный антигерманский союз с СССР.

Большое внимание уделяется воссоединению Западной Беларуси с БССР. Поход Красной армии в Западную Беларусь и Западную Украину 17 сентября 1939 г. трактуется как освободительный. Положительно рассматривается объединение белорусов в рамках БССР. Подчеркивается, что в результате объединения территория и численность населения БССР выросли примерно вдвое. Обращается внимание на массовую поддержку населением Западной Беларуси похода Красной армии.

Подробно разбираются план операции «Барбаросса» и план «Ост». Рассматриваются военные действия первых недель войны, особенно происходившие на территории БССР: оборона границы, Брестской крепости, Минска, Могилева.

Дается развернутая характеристика германскому оккупационному режиму. Особое внимание обращается на целенаправленное уничтожение евреев. При изучении факультатива особое внимание уделяется формированию коллаборантских структур, прежде всего из числа белорусских националистов. История коллаборации изучается достаточно подробно и трактуется крайне негативно.

Достаточно подробно изучается также история партизанского движения в Беларуси. В каждой местности Беларуси при рассмотрении этой темы внимание уделяется местной истории и местным партизанским отрядам и подпольным группам (уроки «Наш край в период становления советского общества и в годы Второй мировой и Великой Отечественной войн» в 9-м классе, «Наш край в годы

Второй мировой и Великой Отечественной войны» в 10-м классе). Подъем партизанского движения связывается с организацией 30 мая 1942 г. Центрального штаба партизанского движения.

Подробно разбираются наиболее известные акции партизан и подпольщиков: убийство гауляйтера Вильгельма Кубе, операция «рельсовая война», действия в поддержку Красной армии во время операции «Багратион» летом 1944 г. Подчеркивается возрастающая год от года организованность и массовость партизанского движения, превращение партизанской войны во всенародную войну против нацистов. Акцентируется многонациональный характер партизанского движения в Беларуси.

В конечном счете учащиеся подводятся к пониманию причин провозглашения Днем независимости Беларуси Дня освобождения Советской армией Минска от нацистов – 3 июля 1944 г. Подробно раскрывается деятельность уроженцев Беларуси на фронтах Великой Отечественной и Второй мировой войн. Особое внимание уделяется включению БССР в состав стран – основательниц ООН.

Следует отметить, что с 2021/2022 уч.г. в Беларуси завершится переход на концентрическое изучение истории, в связи с чем события Второй мировой и Великой Отечественной войн будут изучаться в 9-м и 11-м классах. К этому времени в школы должны поступить новые учебные пособия для выпускного класса, ориентированные на реализацию компетентностного подхода в обучении предмету.

Таким образом, изучение событий Второй мировой и Великой Отечественной войн занимает значительное место в содержании учебного материала по истории Новейшего времени в средней школе Республики Беларусь. Их освещение в учебных пособиях, которые использовались ранее и используются в образовательном процессе в настоящее время, осуществлялось преимущественно с одинаковых научно-методологических позиций и в целом соответствует подходам, принятым в современной российской историографии. В то же время большее внимание, чем в российской учебной литературе по истории для средней школы, уделяется вопросам начального этапа Второй мировой войны, что связано с

воссоединением Западной Беларуси с БССР; германскому оккупационному режиму; партизанской и подпольной борьбе; освобождению Беларуси, а также вкладу белорусского народа в Победу. Все это способствует более четкому усвоению учащимися знаний об истории и героической борьбе белорусского народа в годы Великой Отечественной и Второй мировой войны.

Список литературы

1. Освещение общей истории России и постсоветских стран в школьных учебниках истории новых независимых государств / Д.Я. Бондаренко [и др.]; ред. А.А. Данилов, А.В. Филиппов. М.: [Б.и.], 2009. 389 с.
2. Освещение общей истории России и постсоветских стран в школьных учебниках истории новых независимых государств // Преподавание истории в школе. 2010. № 2. С. 76–78.

УДК 94(470)

О.П. Кобзева

Преподавание истории Великой Отечественной войны в вузах Узбекистана в контексте сохранения исторической памяти

O.P. Kobzeva

Teaching the History of the Great Patriotic War in Higher Education Institutions of Uzbekistan in the Context of Preserving Historical Memory

Аннотация. В статье анализируются основные аспекты преподавания истории Великой Отечественной войны в вузах Узбекистана. Рассматриваются вопросы, связанные с методикой преподавания, поиском новых форм и методов подачи и объяснения материалов, акцентируется внимание на интерпретации исторических событий, сохранении и популяризации исторической памяти о Великой Отечественной войне, недопущении ее искажения.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; историческая память; преподавание истории; методология; лекции; семинары; учебники; уроки

прошлого; коллективная память народа; интерпретация; объективность; новые ресурсы; популяризация знаний.

В истории человечества вряд ли мы отыщем пример столь кровопролитных сражений, огромных человеческих жертв, разрушений памятников культуры, как в Великой Отечественной войне. Не было и войны, которая отличалась бы столь высоким самопожертвованием и самоотверженностью среди простых людей, от мала до велика, отстаивающих свободу, честь и достоинство человека.

Неоспоримым фактом является то, что полнота исторических знаний о той страшной войне, о совместной победе над фашизмом народов бывшего СССР должна способствовать сохранению связей поколений, обеспечивать преемственность в патриотическом воспитании, в формировании у молодежи глубоких человеческих качеств, уметь охранять и защищать Родину, и если надо, пожертвовать своей жизнью за родную землю, жить в мире с соседями, оказывать помощь и поддержку нуждающимся.

Узбекистан внес свой огромный вклад в дело разгрома фашистских захватчиков. Участниками войны из Узбекистана стали 1 433 230 человек. На фронте сражалось 22 % населения Узбекистана – более 40 % трудоспособного населения республики.

Из общего состава воинов-узбекистанцев, выступивших с оружием в руках против фашистских захватчиков, 263 005 погибли, 132 670 пропали без вести, 395 725 человек не вернулись на Родину, 60 452 стали инвалидами. Звание Героя Советского Союза получили 338 узбекистанцев, 53 воина из Узбекистана награждены орденами Славы трех степеней. За мужество и отвагу многие узбекистанцы были награждены орденами и медалями Польши, Венгрии, Франции, Италии и других стран.

За все годы войны Узбекистан спас от голода и смерти эвакуированных сюда более 1,5 млн людей, среди них – почти 300 тыс. осиротевших детей разных национальностей, вывезенных из блокадного Ленинграда, Белоруссии, Польши и Украины. Узбекистан стал одним из центров оборонной промышленности. Кроме переориентации его производства на изготовление вооружения и военной техники, сюда было эвакуировано более 100

промышленных предприятий. А в годы войны было построено более 280 предприятий различных отраслей индустрии, работавших на нужды фронта.

Интеллигенция, деятели науки и культуры Узбекистана также внесли свой весомый вклад в дело Победы, способствуя поднятию боевого духа на фронтах, самоотверженному труду в тылу, поддержке и взаимопомощи в то трагическое время.

С первых дней независимого развития республики Узбекистан государственная политика по вопросу сохранения памяти о войне оставалась и остается неизменной. Она базируется на основополагающем постулате: «Узбекский народ вечно будет хранить священную память о предках и склоняет голову перед их героизмом и мужеством». В частности, Первый Президент И.А. Каримов говорил: «Выполняя священный долг – увековечивая имена павших во имя свободы Родины и проявляя уважение и любовь к живущим с нами, облегчая им жизнь, наш народ отмечает 9 Мая, как день памяти и почестей»¹. Именно по его инициативе в 1995 г. к 50-летию Великой Победы, в республике была издана 36-томная «Хотира китоби» («Книга памяти»), в которой увековечены имена всех павших узбекистанцев.

Президент Узбекистана Ш.М. Мирзиёев на торжественной церемонии, посвященной Дню памяти и почестей 9 мая 2019 г., отметил: «Безусловно, сколько бы ни прошло десятилетий, ценность и значение этой Победы будут только расти... Это наша общая великая история, которая никогда не забудется, это наше великое духовное богатство, которое никто не сможет отнять у нас»².

Исходя из концептуальных установок политических лидеров по сохранению памяти о войне, строилось и преподавание раздела курса «Истории Узбекистана» и «Всемирной истории», посвященного Великой Отечественной войне и Второй мировой войне в вузах Узбекистана.

¹ Каримов И.А. Мы никогда не забудем вклада народа в победу [Электронный ресурс] // Газета.uz. 9 мая 2015 г. URL: <http://www.gazeta.uz>

² Выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на торжественной церемонии, посвященной Дню памяти и Почестей // Правда Востока. 2019. 9 мая.

Необходимо отметить, что курс «Истории Узбекистана» читается во всех вузах Узбекистана: на исторических факультетах более углубленно (4 года в бакалавриате) и в сокращенном виде (один год в бакалавриате) на других факультетах. Часов на изучение данной темы отводится немного. Так, в частности, в Национальном Университете Узбекистана на историческом факультете 4 часа составляют лекции, 6 часов – семинары по теме «Вклад народов Узбекистана в победу над фашизмом». Две лекции, как следует из типовой и рабочей программ и учебно-методического комплекса, освещают следующие вопросы, связанные с Великой Отечественной войной:

- начало войны, вклад Узбекистана в борьбу против фашизма;
- экономика Узбекистана в годы войны;
- трудовой подвиг тружеников села;
- вклад узбекской науки и культуры в победу;

Учебники по истории Узбекистана (на русском языке) содержат в основном следующие разделы, освещающие Великую Отечественную войну:

- начало войны. Трудности начального этапа;
- перестройка экономики на военный лад;
- промышленность, транспорт и связь Узбекистана в годы войны;
- самоотверженный труд работников сельского хозяйства Узбекистана в военный период;
- наука и культура Узбекистана в годы войны;
- материально-бытовое положение населения Узбекистана;
- воинская доблесть узбекистанцев;
- Народ – Победитель;
- эвакуация в Узбекистан.

На лекциях по «Всемирной истории» более подробно изучаются вопросы, связанные с приходом фашистов к власти в ряде стран Европы (Италия, Германия, Испания), созданием т.н. оси «Берлин–Рим–Токио», с попытками сформировать антигитлеровскую коалицию. Внимание акцентируется на оккупации Рейнской демилитаризованной зоны, Мюнхенском сговоре и разделе Чехословакии, на аншлюсе Австрии и реакции на эти события ев-

ропейских стран. Подробно рассматривается пакт Риббентропа–Молотова, причины начала Второй мировой войны.

Отдельная лекция посвящена событиям и ходу войны, с обязательной констатацией ведущей роли СССР в разгроме гитлеровской Германии и квантунской Японии.

Можно с уверенностью утверждать, что узбекистанские и российские историки имеют абсолютно схожие трактовки событий Великой Отечественной и Второй мировой войны.

На семинарах студентам предлагаются различные формы подготовки и сдачи материала. Широко практикуются слайд-презентации, написание эссе, видеоконференции с участием ветеранов ВОВ, непосредственных участников тех или иных боевых действий и битв.

Конечно, за почти 30-летний период независимого развития Узбекистана были времена, когда от историков, преподавателей вузов требовалась определенная личная гражданская позиция. В первую очередь, в Узбекистане это касалось переименования Дня Победы в День Памяти и Почестей и негласного запрета на название «Великая Отечественная война» (в учебниках писалось «Участие узбекистанцев во Второй мировой войне»). Однако исторические события и общий подвиг всех народов страны никогда не подвергались сомнению.

Актуальны дальнейшие совместные усилия историков, деятелей культуры, общественных активистов по сохранению памяти о событиях 1941–1945 гг. Существует необходимость более глубокого изучения нелегкого жизненного пути наших соотечественников, внесших достойный вклад в великую Победу, их мужества и героизма, проведения по этой тематике новых научных исследований, создания ярких художественных произведений, кинофильмов, спектаклей. Молодежь должна осознавать, благодаря кому в течение 75 лет мы живем в мире и спокойствии, не зная, что такое война. К большому сожалению, все меньше остается тех, кто принимал непосредственное участие в кровопролитных боях. И такие люди, каждое их слово имеют для нас особую ценность. Очевидна необходимость целенаправленного сбора всех свидетельств очевидцев вой-

ны, данных о героях и доведения их до населения. Было бы целесообразно организовать на местах, в образовательных учреждениях постоянно действующие экспозиции: «Герои нашей махалли», «Защитники Родины». При этом здесь должны быть отражены фактические данные не только об участниках Второй мировой войны, но также о солдатах и офицерах, проявивших мужество при защите нашей мирной и благополучной жизни в годы независимости. Именно так мы сможем донести до потомков свою Великую историю, передать им славные традиции мужества и отваги. Если не начать эту работу сегодня, завтра уже может быть поздно.

В 2019 г. по инициативе Президента Узбекистана стала проводиться комплексная работа по увековечиванию памяти о Великой Отечественной войне в Узбекистане¹. Историки Академии наук Узбекистана и ведущих вузов Республики были привлечены к подготовке книги-альбома, посвященной вкладу народов Узбекистана в победу над фашизмом. Для осуществления этого проекта были созданы рабочие группы, в т.ч. с привлечением студенческой молодежи.

Министерство Инновационного развития Республики Узбекистан выделило гранты для финансирования ряда подобных исследований. Один из грантов выиграла кафедра всемирной истории исторического факультета Национального университета Узбекистана имени Мирзо Улугбека, которая привлекла к его исполнению своих магистрантов. Также по предложению Президента Республики Узбекистан Ш.М. Мирзиёева в Ташкенте в 2019 г. началось строительство Парка Победы с Музеем Славы.

ЗаклЮчить статью хотелось бы бессмертными строками Р. Рождественского:

Помните! Через века, через года, –
Помните! О тех, кто уже не придет никогда, –
Помните! <...> Это нужно – не мертвым,
Это надо – живым!

¹ Постановление Президента Республики Узбекистан от 23.10.2019 г. № ПП-4495 «О достойном праздновании 75-й годовщины Победы во Второй мировой войне» [Электронный ресурс] // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. 24 октября 2019 г. URL: <http://www.lex.uz>

Список литературы

1. Голованов А.А., Саидов И.М. Вклад Узбекистана в победу над фашизмом: в 2 ч. Самарканд: СамГУ, 2006.
2. Хотира китоби. Книга памяти (1941–1945): в 36 т. Ташкент, 1995.
3. Помним, гордимся. 1941–1945 / авт.-сост. В.А. Костецкий. Ташкент: Extremum Asus, 2010. 180 с.
4. История Узбекистана: учебник для студентов неисторических специальностей / под ред. Р.Х. Муртазаева. Ташкент, 2014.
5. История Узбекистана (1917–1991 гг.) / под ред. акад. Аскарова. Ташкент, 1995.
6. Сиддигов Р.Б. История Узбекистана (1917–1991 гг.) (УМК для студентов исторических специальностей). Ташкент, 2019.

УДК 372.894

Е.Е. Вяземский, О.Ю. Стрелова

День Победы: педагогические основы коммеморативных образовательных событий в современной школе

Е.Е. Vyazemskiy, O.Yu. Strelova

Victory Day: Pedagogical Bases of Commemorative Educational Events at the Modern School

Аннотация. В статье анализируются современные педагогические подходы к подготовке и проведению школьных уроков и мероприятий, посвященных Дню Победы с использованием результатов историко-педагогического проекта памяти о Великой Отечественной войне, на основе интерпретации ключевых понятий представлены два формата коммеморативных образовательных событий в современной школе. Шире и разнообразнее они раскрыты в авторском пособии для педагогического сопровождения «Календаря образовательных событий», который Министерство просвещения ежегодно (с 2016 г.) направляет в субъекты Российской Федерации.

Ключевые слова: День Победы; историческая память; проект памяти; коммеморация; культура памяти; Календарь образовательных событий; коммеморативное образовательное событие.

Историю празднования Дня Победы советского народа в Великой Отечественной войне условно делят как минимум на три периода. Первый берет свое начало в исторический день 9 мая 1945 г. Второй – через четверть века, прошедшие в СССР с момента возвращения празднику статуса выходного дня (1965 г.). Третий период – еще почти через четверть столетия, в начале 1990-х гг., уже в Российской Федерации. Каждому периоду свойственны особые историческое пространство и время, особые «культурные герои», «субъекты памяти» и «зоны антипамяти», словом, – свои проекты и представления памяти о Великой Отечественной войне и свои коммеморативные практики [1].

Память (поскольку ее носители – живые люди) постоянно эволюционирует «в открытой диалектике воспоминания и забвения» (Пьер Нора). Отсюда призывы «сохранить и передать» молодым поколениям историческую память о чем-либо – в лучшем случае – являются следствием психолого-культурологического и педагогического заблуждения, ведущего к неэффективным стратегиям обучения и воспитания поколения Z, для которого Великая Отечественная война осталась в прошлом веке, в другой стране, в мире «без компьютера» и «до интернета»...

В XXI столетии День Победы каждый следующий год встречают все меньше реальных участников сражений 1941–1945 гг. и тружеников тыла, сужается круг «последних свидетелей» (С. Алексиевич), т.е. людей, переживших войну в детском возрасте и остающихся последней нитью, связывающей прошлое с настоящим. Сама собой прервалась традиция неофициальных встреч однополчан у Большого театра в Москве...

В современном пространстве памяти утверждаются внешние, зрелищные и демонстративные формы коммеморации: милитари-практики, исторические карнавалы, перфомансы, военные реконструкции и т.п. В майские дни в одежде детей и взрослых, декорировании транспорта, зданий, улиц и площадей

российских городов широко используется военная символика. Новые ритуалы постепенно замещают память о войне как трагедии памятью о победе. «Праздник со слезами на глазах» превращается в повод для самоутверждения сквозь призму Победы, завоеванной другим поколением. Беседы с уже ушедшими и немногими оставшимися в живых фронтовиками показывают, что в подавляющем большинстве ветераны Великой Отечественной войны отрицательно относятся к театрализованным представлениям и костюмированным реконструкциям. Для них драматизм и трагизм памяти о войне, масштаб цены Победы столь значительны, что не оставляют места для поверхностных суждений, символов и оценок. А надпись «На Берлин», нарисованная в День Победы на стекле автомобиля, произведенного в современной Германии, могла бы им показаться кощунством.

Вместе с тем формирование исторической памяти обучающихся – одна из важнейших функций гуманитарного образования. Социально-психологический и педагогический смыслы этой функции заключаются в воспитании общероссийской гражданской идентичности личности.

Понятие «историческая память» теснейшим образом также связано с понятием «культура памяти». Потребность в ее формировании в документах государственной образовательной политики РФ в четкой и явной форме не сформулирована, но просматривается в требованиях государственных образовательных стандартов (в частности в ФГОС основного общего образования), прежде всего, к личностным результатам: «знание <...> основ культурного наследия народов России и человечества; усвоение гуманистических, демократических и традиционных ценностей многонационального российского общества; <...> осознанное, уважительное и доброжелательное отношение к другому человеку...; готовность и способность вести диалог с другими людьми и достигать в нем взаимопонимания; <...> коммуникативная компетентность в общении и сотрудничестве <...>»¹.

¹ Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования / М-во образования и науки Рос. Федерации. М.: Просве-

С 2016 г. Министерство образования и науки РФ ежегодно направляет руководителям органов субъектов Российской Федерации, осуществляющих государственное управление в сфере образования, Календарь образовательных событий, приуроченных к государственным и национальным праздникам Российской Федерации, памятным датам и событиям российской истории и культуры. Он издается «в целях приобщения обучающихся к культурным ценностям своего народа, базовым национальным ценностям российского общества, общечеловеческим ценностям в контексте формирования у них российской гражданской идентичности»¹.

Календарь образовательных событий (далее – Календарь) – не просто перечень памятных дат, событий и имен в отечественной истории и культуре. Этот Календарь – новое педагогическое средство воспитания российской гражданской идентичности школьников, а вместе с нею – исторической памяти и культуры памяти. В его основе лежит Федеральный закон от 13 марта 1995 г. № 32-ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах России» с последующими изменениями и дополнениями².

Ключевым в Календаре выступает понятие «образовательное событие». В его основе – английское слово «event», означающее специальное мероприятие, специальную акцию и т.п. В словаре по PR-технологиям и рекламе [2, с. 42] «ивент» описывается как «специально подготовленное событие, которое чувственно переживается участниками на месте и используется для дальнейшего развития коммуникаций. Воздействуя на чувства представителей целевой аудитории, ивент работает на улучшение имиджа

щение, 2011. С. 7–8.

¹ Письмо Минпросвещения России от 27.05.2019 № ТС-1314/04 «О календаре образовательных событий на 2019/20 учебный год» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_329231/ (дата обращения: 15.04.2020).

² Федеральный закон от 13 марта 1995 г. № 32-ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах России» с последующими изменениями и дополнениями [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/1518352/> (дата обращения: 15.04.2020).

личности, организации, продукта. Если событие позволило *испытать положительные эмоции*, человек уже не может безразлично относиться к мероприятию, а, следовательно, к идее, которая лежит в его основе. Важно создать такую ситуацию, чтобы представитель аудитории *почувствовал себя соучастником события*, начиная от совместного участия в мероприятии и обсуждения до обычного принятия к сведению» (курсив. – Авт.).

В контексте воспитания исторической памяти и культуры памяти школьников основное понятие было интерпретировано нами следующим образом: «*Образовательное событие* – это специально разработанное мероприятие, которое эмоционально-чувственно переживается его участниками, способствует личностному приобщению к историко-культурному прошлому своей страны, воспитанию уважительного и бережного отношения к людям старших поколений и национальным ценностям, оказывает позитивное воздействие на интеллектуальное и духовно-нравственное развитие учащихся, обогащает их социально-коммуникативный опыт установками на диалог, взаимодействие, поддержку культурного разнообразия, саморазвитие и реализацию своих способностей в гармонии с окружающим миром» [3].

В рамках образовательных событий коммеморативной направленности важно, чтобы в обращении современных школьников к фактам и реликвиям прошлого пробуждались эмоции и чувства, а на их основе запускался *процесс* понимания. В философско-педагогическом плане понимание – это вершина интеллектуальной, коммуникативной и эмоционально-рефлексивной деятельности обучающихся; оно нацелено на выявление того, что имеет для человека смысл, проясняет его цели, поступки и место в окружающем мире (Б.М. Бим-Бад, В.А. Ельчанинов, Ю.В. Сенько, М.Н. Фроловская и др.).

Школьные мероприятия, приуроченные ко Дню Победы (равно как и другие коммеморативные события), не должны замыкаться на конкурсах стихов, песен, плакатов, сочинений и презентаций, экскурсиях в военно-исторические музеи, возложении цветов к памятникам героям. Кратко охарактеризуем два из

возможных форматов коммеморативных образовательных событий, моделируемых с учетом современных вызовов и реалий.

1. Тематический урок «Вахта памяти» направлен на вовлечение учащихся основной и старшей школы, их родителей, педагогов и представителей общественности в активную деятельность по увековечиванию памяти погибших при защите Отечества. Он является составной частью общероссийского «Поискового движения России»¹ и, точнее, его пропедевтическим этапом, на котором:

- школьники узнают о данном движении, его целях, традициях и результатах деятельности поисковиков в разных регионах страны и за ее пределами;

- знакомятся с тематическими информационно-поисковыми сайтами и элементарными приемами работы с их базами данных.

В дальнейшем они могут целенаправленно изучить и освоить методы работы поисковиков с различными документами, архивами и ресурсными сайтами, овладеть умениями вести поиск нужных источников, критически их анализировать, устанавливая подлинность и достоверность содержащихся в них сведений, составлять различного рода запросы и обращения, вступать в переписку с родственниками погибших, обращаться к историкам и военным специалистам за консультациями, обратиться с запросом о судьбе своего родственника или знакомого в Обобщенный банк данных «Мемориал» Министерства обороны РФ, воспользоваться Общедоступным электронным банком документов «Подвиг народа».

Личностными результатами участия школьников в тематическом уроке и поисковой экспедиции «Вахта памяти» прогнозируются:

- пробуждение интереса к этической стороне проблемы установления имен погибших за Родину;

¹ Портал «Поисковое движение России»: общероссийское общественное движение по увековечиванию памяти погибших при защите Отечества [Электронный ресурс]. URL: <http://rf-poisk.ru/> (дата обращения: 15.04.2020).

– одобрение нравственных качеств личности, отличающих поисковиков;

– готовность поддерживать в порядке места воинских захоронений и мемориальные комплексы [4, с. 50–58].

2. Исследовательский проект «Праздник со слезами на глазах». В его основе – поиск и запись интервью с «последним свидетелем», расшифровка, комментирование и интерпретация устного исторического источника. Сегодня именно они, «дети войны», прабабушки и прадедушки наших школьников, являются хранителями памяти о тяжелых днях войны и долгожданном Дне Победы 9 мая 1945 года! Именно их жизненный опыт, их воспоминания о войне бесценны своей реалистичностью и искренностью! Неформально организованные встречи с этими людьми, размышления над их воспоминаниями, документальными интервью и записями собственных бесед с ними [4, с. 133–139] могут лечь в основу школьных мероприятий к юбилею Победы и помочь ребятам найти ответы на вопросы:

– почему 9 мая 1945 г. навсегда остался в памяти людей старшего поколения?

– какое место детские воспоминания о Дне Победы занимают в памяти пожилых людей сейчас? С какими чувствами они встречают очередные годовщины Победы? Какие современные ритуалы празднования Дня Победы они, скорее всего, приемлют, какие – нет?

– что нового о Великой Отечественной войне и Дне Победы открывают интервью «детей войны»? Чем еще значимы встречи и разговоры со взрослыми?

Личностными результатами участия школьников в данном исследовательском проекте прогнозируются: формирование устойчивого интереса к жизни и мировосприятию представителей различных поколений и социальных групп, развитие эмпатических способностей, воспитание уважения к старшим поколениям, с честью выдержавшим испытания XX столетия; осознание феноменов многоуровневости и многоаспектности исторического процесса и памяти людей о прошлом, версионной природы исто-

рического знания, ответственности исследователя перед современниками и героями своих исторических сюжетов, развитие коммуникативной и коммеморативной культуры школьников.

Осмысление актуальных научно-педагогических подходов к проведению тематических уроков по Календарю образовательных событий подвело нас к созданию специального методического пособия [4] и цикла статей в разных педагогических изданиях [5; 6 и др.]. Они адресованы педагогам, желающим понять феномены «политика памяти» и «культура памяти», познакомить школьников с современными коммеморативными практиками нашей страны и зарубежья, содействовать становлению гуманистического опыта участия в важных коммеморативных мероприятиях.

Список литературы

1. Бордюгов Г.А. Октябрь. Сталин. Победа. Культ юбилеев в пространстве памяти. М.: АИРО-XXI, 2010. 256 с.

3. PR и реклама: словарь-справочник / под ред. М.Н. Булатовой. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2009. 198 с.

4. Вяземский Е.Е., Стрелова О.Ю. Как провести тематический урок по Календарю образовательных событий // Преподавание истории в школе. 2019. № 10. С. 7–10.

5. Тематические уроки к Календарю образовательных событий: методическое пособие / О.Ю. Стрелова, Е.Е. Вяземский, Т.В. Болотина. М.: Русское слово – учебник, 2019. 144 с.

6. Стрелова О.Ю., Вяземский Е.Е. Методические рекомендации по организации и проведению тематического урока по Календарю образовательных событий: День Неизвестного солдата // Преподавание истории в школе. 2019. № 9. С. 48–57.

7. Вяземский Е.Е., Стрелова О.Ю. Тематические уроки по Календарю образовательных событий: педагогические основы подготовки и проведения // Школьные технологии. 2020. № 1. С. 41–48.

Н.Н. Лазукова, А.Г. Музюкин

**Образ Великой Отечественной войны
в сознании школьников (результаты
экспериментального исследования)**

N.N. Lazukova, A.G. Muzukin

**The Image of the Great Patriotic War
in the Students' Mindsets (the Results
of the Experimental Study)**

Аннотация. В статье анализируются российский и французский учебники как механизмы по формированию образов прошлого у учащихся. Выделяются сходства и различия в структуре, логике построения содержания и методическом аппарате данных пособий. Учебники рассматриваются по темам, посвященным Великой Отечественной и Второй мировой войне. Также приводятся результаты исследования, проведенного среди учащихся 5–10 классов, целью которого было определить, какой образ Великой Отечественной войны существует у школьников. Авторы делают выводы о зависимости образов от различных механизмов их формирования.

Ключевые слова: методика; образ прошлого; историческая память; Великая Отечественная война; французские учебники истории; российские учебники истории; механизмы формирования исторической памяти; визуальные источники; рисунки учащихся; образ Великой Отечественной войны.

В современных социальных науках все чаще объектом исследования становится историческая память. Ее рассматривают как один из факторов, участвующих в процессе становления социальной идентичности личности. По мнению ряда авторов, историческая память является механизмом «закрепления, накопления и трансляции комплекса знаний, образов, представлений о прошлом в культуре социума»¹. Принято рассматривать «источники истори-

¹ Леонтьева О.Б., Репина Л.П. Образы прошлого, мемориальная парадигма и «историография памяти» в современной России [Электронный ресурс] // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2015. Т. 6. Вып. 9 (42). URL: <https://history.jes.su/s207987840001259-3-1/> (дата обращения: 10.04.2020).

ческой памяти» и «механизмы формирования исторической памяти». Историческая наука, искусство, литература, личный опыт, культурная среда, – это источники исторической памяти, а система образования, СМИ, семья, музеи, праздники и т.д. – механизмы формирования исторической памяти [1, с. 243–256].

Каким в сознании человека будет образ прошлого, зависит не только от источников и механизмов, воздействующих на него, но и от характеристик самой личности: ценностных ориентиров, познавательных способностей, готовности воспринять, осмыслить и присвоить знания о минувшем.

В школьном возрасте на становление исторической памяти системно воздействует процесс обучения, в первую очередь – преподавание истории. Работа М. Ферро «Как рассказывают историю детям в разных странах мира» [2] наглядно демонстрирует, насколько разные образы прошлого об одних и тех же исторических процессах конструируются в зависимости от требований государства и культурной среды общества. Однако недостаточно только «передать» учащемуся определенное представление о прошлом, необходимо также создать такие условия, чтобы образ был личностно-значим для ученика. Только в этом случае он будет присвоен учащимся и закрепится в долговременной памяти. Это предполагает поиски новых, более глубинных подходов именно к методике формирования исторической памяти у учащихся.

Отправным моментом для разработки методики является исследование существующих механизмов конструирования образов прошлого у учащихся и диагностики этих результатов. Л.Н. Мазур при исследовании механизмов формирования, поддержания и трансформации исторической памяти молодежи выделяет следующие этапы формирования образа прошлого:

- 1) получение исторических знаний через работу с источниками (в данном случае источниками могут быть как текст учебника, речь учителя, так и непосредственно текстовые первоисточники);
- 2) эмоциональный окрас через работу с визуальными источниками (фотографии, фильмы, музеи и т.д.);
- 3) закрепление в долговременной памяти [3].

Ключевым, официальным транслятором исторической информации для учеников является школьный учебник, носитель тех фактов и ценностей, которые государство/культурная среда считает нужным «передать» подрастающему поколению. Текстовая часть учебника отвечает за первый этап формирования образа прошлого, визуальные источники в учебнике – за второй, методическое сопровождение – за третий. Рассмотрим, как реализуются данные этапы в учебниках истории для старших классов на примере темы «Великая Отечественная война».

Рассмотрим методическое и визуальное сопровождение содержания текста учебника истории России для 10-х классов из федерального комплекта под редакцией А.В. Торкунова¹. На изучение темы отводится 5 параграфов, в которые включены 39 визуальных источников: 32 фотографии, 4 плаката, 3 картины. Отметим, что количество иллюстраций достаточно велико.

Визуальные источники взаимосвязаны с текстом учебника. Например, в параграфе «Начало Великой отечественной войны. Первый период» говорится, что «мужество и героизм красноармейцев... были беспримерными». В подтверждение этой фразы рядом дается фотография героической надписи, оставленной последними защитниками Брестской крепости. Далее, при описании действий немецких войск на оккупированной территории («людей расстреливали, сжигали, травили газом...») приводится фотография убитых мирных граждан деревни. В другом параграфе, освещающем действия советских войск в зарубежных странах, говорится: «...советская армия начала освободительный поход в Европу». Для подкрепления текста представлена фотография: жители одного болгарского города радостно встречают советских воинов-освободителей. На этих примерах мы видим способ формирования образов прошлого за счет подкрепления авторского текста визуальным источником. Аналогично формируется и ряд других образов войны. В сумме задейство-

¹ История России. 10 класс: учеб. для общеобразоват. организаций: в 3 ч. М.: Просвещение, 2016. Ч. 2/ [М.М. Горинов, А.А. Данилов, М. Ю. Моруков и др.]; под ред. А.В. Торкунова. 176 с.

ванный видеоряд формирует у учащихся определенный образ прошлого. Вроде бы в данном учебнике действует механизм становления исторической памяти о войне, но это не совсем так.

Отсутствует методическое сопровождение иллюстраций: практически нет вопросов, направленных на развитие способности школьников считывать визуальный текст, осмыслять его. Фотографии, плакаты, картины не выступают как самостоятельные первоисточники знаний, с которыми учащийся может и должен работать. Вследствие чего выделенные нами этапы формирования образа прошлого не реализуются в полной степени.

Сравним с тем, как формируется образ войны в французских учебниках издательства Lelivrescolaire¹ для старших классов.

В теме «Вторая мировая война» дается примерно столько же единиц иллюстративного материала: 26 фотографий, 12 плакатов. Сходство в отечественном и французском учебнике прослеживаются в отборе и тематике источников: показ военных действий, уничтожение фашистами мирных жителей, работа тыла и т.д.

И в том, и другом учебнике одна и та же логика формирования образов прошлого – текст иллюстрируется визуальным источником. Например, в одной из тем во французском учебнике дается текст с показаниями одного из узников концентрационного лагеря Трешанк о депортации, который сопровождается фотографией вывоза польских евреев из гетто в концентрационный лагерь в 1942 г. А фрагмент речи Ф. Рузвельта об успехах в производстве вооружений и о его благодарности «мужчинам и женщинам» за этот труд, подкрепляется фотографией работающих женщин в цехе по производству бомбардировщиков. Однако отличия между отечественными и французскими учебниками в формировании образов прошлого кроются в методике и структуре пособий: визуальные источники во французских учебниках иллюстрируют не авторский текст, а документы, содержащиеся в пособии (рис. 1).

¹ Julia Manuello, Florent Figon. Histoire-Géographie-EMC 3e. Gauchy: rotoaisne, 2016. 336 p. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.calameo.com/read/000596729dc5e7968d39c> (дата обращения: 13.03.2020).

Структура предъявления материала во французских учебниках.

Учебник по новейшей истории для старших классов, тема: «Нацистское насилие: гетто и айнзацгруппы».

La violence nazie: ghettos et Einsatzgruppen

1. CONTEXTE: JEUX DE RELATION DES DOCUMENTS

Des 1939, les nazis enferment les Juifs polonais dans des ghettos, où les conditions de vie sont effroyables. Après l'évacuation de l'URSS en juin 1941, des unités spéciales nazies, les Einsatzgruppen, commencent des massacres à grande échelle.

2. Quelles violences sont perpétrées par les nazis à l'encontre des Juifs ?

3. Le ghetto juif de Lodz en Pologne occupée (1940-1944)

4. Les massacres de Juifs par les Einsatzgruppen

5. La vie dans le ghetto de Varsovie

1. L'Europe

2. Les ghettos et Einsatzgruppen dans l'Europe occupée (1939-1942)

3. Les massacres de Juifs par les Einsatzgruppen

4. La vie dans le ghetto de Varsovie

5. Les Einsatzgruppen : unités de soldats SS et de policiers allemands chargés d'arrêter et d'exterminer les Juifs dans les territoires occupés.

1. Auteur(s) du texte

2. Visuels (sources)

3. Textes (sources)

4. Système de questions et de tâches

Рис. 1. Структура предъявления материала о Второй мировой войне во французском учебнике.

Структура предъявления материала во французских учебниках такова, что сначала ученики последовательно изучают материал сами, работая с источниками, создавая свои представления о событиях и явлениях, и лишь в конце появляется авторский текст, систематизирующий и обобщающий всю проделанную школьниками работу. Система вопросов и заданий, отобранные источники – подводят учащихся к выводам, и они воспринимаются ими осознанно. Школьников постоянно учат умениям читать и анализировать как текстовые источники, так и изобразительные. Например, их учат атрибуции источников всех видов, в т.ч. – визуальных. Чтобы был расшифрован визуальный текст, дается краткое описание сюжета изображения, перевод фраз плаката (если необходимо), отдельно выделяются и разъясняются сложные для понимания элементы изображений, вводятся имена отображаемых неизвестных персонажей, даются и

разъясняются термины для словесного обозначения незнакомых ученикам объектов вооружения и т.д.

Так, при изучении истории концентрационных лагерей учащимся предлагается по фотографии, карте и текстовому источнику изучить события в Треблинке. С помощью вопросов и дополнительных пояснений информации источников обеспечивается самостоятельное изучение вопроса и возникновение в сознании учеников вполне определенного образа. Образ будет не только неразрывно связан с текстом, но и локализован в пространстве (карта депортации). При этом также складывается культура работы с визуальными и другими источниками.

Поэтому при работе с российскими учебниками школьники могут «смотреть и не видеть» всего смысла, заключенного в визуальных источниках, в то время как французские ученики сами соединяют словесное повествование о войне с образами, и значит, задаваемое содержание будет более прочно освоено и присвоено.

Для анализа того, какие образы сформированы у учащихся, преимущественно используются опросы на знания исторических событий, персонажей и т.д. Однако такой подход не позволяет проанализировать историческую образную память. Поэтому на кафедре методики обучения истории и обществознания РГПУ разрабатываются приемы диагностики исторических представлений и исторической памяти учащихся с помощью анализа исторических рисунков.

Например, был проанализирован большой массив рисунков учащихся об образе революции 1917 г. [4]. В данном исследовании были выделены методологические основы такого способа диагностики. Результаты изучения рисунков показали, что образные представления учащихся старших классов расходились с идеологическими подходами к освещению революции в наших учебниках. Рисунки представляли собой совершенно разные представления о революции, вплоть до снисходительно-пренебрежительных отображений.

Нами было проведено аналогичное исследование, но рассматривались образы учащихся о Великой Отечественной войне. Основными источниками исследования были рисунки учащихся 5–8-х классов (174 работы), дополнительными были оцифрованные и атрибутированные рисунки школьников 5–10-х классов, работы участников всероссийских, региональных конкурсов (порядка 100 работ). Для изучения изменения образов о войне нами были изучены рисунки школьников 1941–1945 гг.

Наиболее часто встречающийся образ – или изображения военных действий, причем ключевым элементом практически во всех случаях выступает военная техника (танки, самолеты), или символика войны (мемориалы, памятные символы, георгиевская ленточка и т.д.). Чуть реже встречаются репродукции известных и тиражируемых фотографий (знамя победы над рейхстагом). Среди учащихся 5–7-х классов особенно часто встречаются изображения блокадного Ленинграда, что объясняется влиянием регионального компонента в обучении. При изображении людей преобладают два сюжета – или солдат, вернувшийся с фронта домой, или ветеран, рассказывающий что-то своим внукам.

Чем старше класс, тем больше становится рисунков, содержащих образ войны как трагедии. Например, рисунки, на которых изображен ребенок с матерью (или один) на фоне горящего дома (рис. 2). Появляются и художественные интерпретации войны, но их количество крайне невелико.

Если сравнивать рисунки современных школьников с работами учащихся – современников войны, то обнаруживается изменение акцентов в отображении войны. Если школьники военных лет при изображении военных действий на первый план выносили самих солдат, изображали реальных героев войны (казнь Зои Космодемьянской), акцентировали внимание на подвиге солдат пусть и ценой собственной жизни, то сейчас в военных действиях изображают преимущественно технику, вместо действительных героев – типологический (собираТЕЛЬный) образ, а образ подвига ценой собственной жизни «заменяется» идеей ценности каждой жизни (рис. 3). В тех редких случаях,

когда учащиеся изображают не клишированные образы, проявляется образ войны как трагедии, что, возможно, свидетельствует о некой гуманизации сознания.

Образ прошлого формируется под влиянием как источников и механизмов формирования исторической памяти, так и личностных характеристик каждого отдельного ученика. Анализ работ показывает, что большая часть учащихся по своему усмотрению и независимо друг от друга изображают примерно одни и те же образы войны. Этот факт свидетельствует о том, что основным механизмом формирования образов о Великой Отечественной войне все же являются СМИ, памятные мероприятия. Влияние личностных характеристик на представления о войне проявляется на примере того небольшого числа рисунков (из общей массы однотипных), в которых учащиеся по-своему интерпретировали образ войны. Анализ же работ учащихся старших классов показывает, что те образы, которые формируются в школьном учебнике истории, не закрепляются в их исторической памяти. Следовательно, роль учебника как одного из ключевых трансляторов исторической информации не реализуется в полной мере. Безусловно, факторов, влияющих на конструирование исторической памяти школьников, – великое множество. Сравнение российского и французского пособий дают нам основания предполагать, что роль учебника среди всего этого множества факторов может быть усилена при условии некоторых изменений в его структуре и методической составляющей.

Образ войны как трагедии

Рисунок ученицы 7 класса

Рисунок ученицы 8 класса

Рис. 2. Образ войны как трагедии.

Изменения образов о войне

Рисунок Н. Науменко, 1942.
РГАСПИ. Ф. М-7. Оп. 1. Д. 3545. Л. 12.

Рисунок участницы конкурса «Дети рисуют войну», 8 класс.

Рис. 3. Изменения образов о войне.

Список литературы

1. Мазур Л.Н. Образ прошлого: формирование исторической памяти // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2013. № 3 (117). С. 243–256.
2. Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира / пер. с фр. М.: Высшая школа, 1992. 351 с.
3. Мазур Л.Н. События советского прошлого в исторической памяти современной молодежи: механизмы формирования, поддержания, трансформации // Событие в исторической памяти и нарративах идентичности / под ред. Л.П. Репиной. М.: Аквилон, 2017. С. 309–341.
4. Лазукова Н.Н., Волгин О.В. Образы революции 1917 года в сознании школьников (результаты экспериментального исследования) // Международная научно-практическая конференция «Революции в современной истории: факты, интерпретации, образовательные стратегии. трудные вопросы истории. К 100-летию Великой Российской революции»: сб ст. / сост. К.О. Битюков. СПб.: Изд-во СПб АППО, 2018.

Л.Д. Тузикова

**Организация и проведение профильной смены,
посвященной Великой Отечественной войне**

L.D. Tuzikova

**Organization of the Special Meeting Devoted
to the Second World War**

Аннотация. В статье анализируется опыт МАОУ «Гимназия № 7, «Сибирская» – регионального ресурсного центра развития образования Новосибирской области по реализации проекта «Лаборатория социально-гуманитарного образования» в контексте подготовки профильной смены «Панорама Победы» для учащихся 8-х классов. В основу проведения профильной смены положены элементы кейс-технологии, технологии развития критического мышления, технологии проектного обучения и т.д. Ученикам предлагается использовать как традиционные, так и цифровые образовательные ресурсы. Предусмотрены разнообразные формы проведения испытаний – индивидуальные, групповые, коллективные. Этапы игры не только отражают военную историю времен Великой Отечественной войны, но и включают элементы истории повседневности, личной истории.

Ключевые слова: информационное общество; гуманитарное образование; функциональная грамотность; достоверность информации; исторический источник; профильная смена; мотивация; идентичность; историческая память.

Отвечая на вызовы цифровизации, система образования предлагает различные варианты решения задачи подготовки кадров для цифровой экономики. Ввиду этого вектор российского образования ориентирован на подготовку инженерных кадров. Это проявляется в открытии в общеобразовательных школах специализированных классов инженерно-технологического и естественнонаучного направлений, проведении профильных смен, поддерживающих данные направления, конкурсных мероприятий для одаренных обучающихся в области технического и естественнонаучного образования, сокращении бюджетных

мест по подготовке гуманитарных специальностей в системе высшего профессионального образования и т.д.

Вместе с тем большую актуальность в информационном обществе приобретает функциональная грамотность человека, способность ориентироваться в потоке информации, критически ее анализировать и эффективно использовать для решения конкретных жизненных проблем и ситуаций¹. В этом контексте гуманитарное образование в школе выполняет важнейшую функцию – формирование опыта получения и верификации информации, полученной из исторических и современных источников. Именно в школьном возрасте дети активно встречаются с разноречивой информацией из разных источников, но у них не хватает умений оценить полученную информацию и информационные ресурсы с точки зрения достоверности, объективности и содержательной ценности [1]. Это относится и к информации о событиях Великой Отечественной войны.

Согласно новой структуре содержания исторического образования, события Второй мировой войны изучаются только на уровне среднего общего образования. Поэтому очень важно использовать систему внеурочной деятельности для формирования знаний об этой войне на основе интеграции предметов широкой гуманитарной направленности, а также для формирования умения критически анализировать информационные ресурсы по военной истории².

¹ Шевченко Н.И., Махотин Д.А. Формирование функциональной грамотности школьников и студентов: исследование условий развития [Электронный ресурс] // Интернет-журнал «Интерактивное образование». 2019. URL: <https://interactiv.su/page/5/> (дата обращения: 15.04.2020).

² Письмо Министерства образования и науки Российской Федерации от 12.05.2011 № 03-296 «Об организации внеурочной деятельности при введении федерального государственного образовательного стандарта общего образования»; Письмо Министерства образования и науки от 18.08.2017 г. № 09-1672 «О направлении Методических рекомендаций по уточнению понятия и содержания внеурочной деятельности в рамках реализации основных образовательных программ, в т.ч. в части проектной деятельности»; Письма Министерства просвещения РФ от 05.09.2018 г. № 03-ПГ-МП-42216 «Об участии учеников муниципальных и государственных школ РФ во внеурочной деятельности».

МАОУ «Гимназия № 7 «Сибирская» является региональным ресурсным центром развития образования Новосибирской области по реализации проекта «Лаборатория социально-гуманитарного образования». Творческой группой учителей гимназии подготовлена профильная смена «Панорама Победы» для учащихся 8-х классов Новосибирской области (инновационных площадок регионального ресурсного центра).

Образовательными задачами программы стали: расширение и систематизация знаний о фактах и событиях Великой Отечественной войны на основе междисциплинарного подхода; совершенствование умения критически анализировать информацию из исторических и современных источников в ходе совместной и индивидуальной деятельности обучающихся; формирование патриотических качеств у молодого поколения, чувства сопричастности к истории России, ее героическим страницам.

В основу проведения профильной смены была положена логика квест-технологии. Восемь команд (по пять человек) последовательно проходят этапы игры, приобретая на каждом определенный элемент кода. В результате к завершающему этапу команда получает полный набор инструментов для решения ключевой задачи. Каждый этап игры рассчитан в среднем на 15–20 минут. Команде необходимо преодолеть девять этапов, каждый из которых состоит из познавательной-мотивирующей части и части по выполнению определенного типа задания – испытания. При проведении испытаний на этапах применяются элементы разнообразных педагогических технологий (кейс-технологии, технологии развития критического мышления, технологии проектного обучения и т.д.); история Великой Отечественной войны предстает перед учениками через призму разных сфер общественной жизни. Ученикам предлагается использовать как традиционные, так и цифровые образовательные ресурсы; созданы условия для развития креативных способностей учащихся и проявления их творческого потенциала. Например, знакомство с историей создания военных песен и исполнение их под караоке, изготовление боевого листка (отбор содержания,

оформление) с использованием информационных технологий, просмотр фрагментов художественных фильмов, посвященных Великой Отечественной войне, с обсуждением поступков героев с позиции нравственного выбора. Предусмотрены разнообразные формы проведения испытаний – индивидуальные, групповые, коллективные. Этапы игры отражают содержание не только по военной истории времен Великой Отечественной войны, но и включают элементы истории повседневности, личной истории. Деятельность участников на каждом этапе игры связана с формированием и развитием практических навыков функциональной грамотности (см. *таблицу*).

**Информационная карта этапов
профильной смены «Панорама Победы»**

Этап	Вид деятельности	Развитие компонентов функциональной грамотности
«Военный парад»	Анализ визуальных источников	Умение извлекать сведения из визуальных источников, проводить внешний и внутренний анализ
«Эшелон героев»	Критический анализ текста	Владение приемами смыслового чтения, критического анализа текстовой информации
«Мобилизация духа»	Тренинг по коммуникативному взаимодействию	Осуществление эффективной коммуникации для совместного принятия решения
«Кинематографический рубеж»	Ценностно-смысловое тестирование	Способность оценивать события прошлого и настоящего с нравственно-этических позиций, выбор целевых и смысловых установок для своих действий и поступков

«Поэтический привал»	Декламация	Использование приемов ораторского искусства, повышение уровня общекультурной осведомленности
«Музыкальный блиндаж»	Сценическое выступление	Развитие навыка публичных выступлений при презентации творческих способностей
«Родина-мать зовет!»	Художественное конструирование	Проявление «малой креативности» через генерирование идей и образов с помощью разнообразных изобразительно-выразительных средств
«Арсенал Победы»	Военный практикум	Владение приемами действий в нестандартных ситуациях с соблюдением основ безопасной жизнедеятельности
«Голоса войны»	Создание мини-проекта	Использование традиционных и цифровых образовательных ресурсов в проектной деятельности

С каждым годом участников и очевидцев войны становится все меньше. Для сохранения исторической памяти важно сформировать познавательную мотивацию школьников к изучению событий Великой Отечественной войны, компетенции, необходимые для объективного анализа информационных ресурсов, посвященных военной истории. Такой подход позволит школьникам определить личное ценностно-смысловое отношение к событиям Великой Отечественной войны, будет способствовать формированию социальной идентичности личности школьника, чувства гордости за историю своей страны, края, семейную историю, а также утверждению личностной позиции к событиям современной действительности.

Список литературы

1. Визуальные образы прошлого: новые стратегии использования в образовательной практике: коллективная монография / под ред. В.А. Зверева, О.М. Хлытиной; Мин-во образования и науки РФ, Новосиб. гос. пед. ун-т. Новосибирск: Изд-во Новосибир. гос. пед. ун-та, 2014. 180 с.

Подвиг милосердия: врачи и святые

УДК: 94(571.17)«1941/43»:355.721

Е.А. Орлова

Формирование сети эвакуационных госпиталей в Кузбассе во время Великой Отечественной войны

Е.Е. Orlova

The Formation of the Evacuation Hospitals Network in Kuzbass During the Great Patriotic War

Аннотация. Во время Великой Отечественной войны на территории Кемеровской области была сформирована мощная госпитальная база. Летом-осенью 1941 г. Сибирским военным округом здесь было развернуто 22 лазарета, 5 госпиталей были открыты при участии профсоюзов кузбасских угольных и металлургических предприятий. 45 эвакуогоспиталей прибыли в города и поселки Кузбасса из Харьковского военного округа в связи с отступлением советских войск на начальном этапе войны. Всего за годы войны на территории Кемеровской области действовало 72 лазарета.

Ключевые слова: эвакуационные госпитали; Кемеровская область – Кузбасс; Великая Отечественная война; Сибирский военный округ; Харьковский военный округ; профсоюзные организации; военная медицина; историческое краеведение.

Во время Великой Отечественной войны на карте Советского Союза появилась новая область – Кемеровская, образованная 26 января 1943 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР. Она была выделена из состава Новосибирской области, что объяснялось ее возросшей ролью как одного из крупнейших поставщиков угля и металла. Из кузбасской стали было изготовлено более 50 тыс. танков и 45 тыс. самолетов. В Кемеровскую область из оккупированных районов было эвакуировано оборудование 71 предприятия, большинство из которых затем оста-

лись здесь. На фронтах Великой Отечественной сражалось более 300 тыс. кузбассовцев.

С самого начала войны в регионе разворачивается госпитальная база.

Целью данной статьи является рассмотрение формирования в Кузбассе сети эвакуационных госпиталей в годы Великой Отечественной войны.

Территориальные рамки ограничены Кемеровской областью, однако самостоятельной административно-территориальной единицей она стала только в начале 1943 г., входя до этого времени в состав Новосибирской области.

Формирование в регионе первых военных лазаретов началось сразу же после нападения гитлеровской Германии на СССР, в конце июня 1941 г. Согласно мобилизационному плану Сибирского военного округа (СибВО) в различных населенных пунктах Кузбасса было развернуто около двадцати госпиталей.

Так, в первые недели войны в Анжеро-Судженске было организовано четыре эвакуационного госпиталя – № 1245, 1246, 2487 и 2498¹. В Белово – один (№ 3619)².

В Кемерово согласно мобилизационному плану СибВО и Томского эвакуационного пункта № 47 летом были сформированы пять тыловых госпиталей № 1230, 1242, 1243, 2344 и 2495³.

В то же время в Киселевске был создан госпиталь № 2496.

Большую работу по развертыванию лазаретов проделали военкомат и городской отдел здравоохранения Ленинска-Кузнецкого. Их усилиями были организованы два военных госпиталя № 2497 и 1244⁴.

В Мариинске местными властями был создан тыловой госпиталь № 1401⁵.

¹ Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. П-1. Оп. 5. Д. 20. Л. 33 об.–34.

² ГАКО. Ф. П-81. Оп. 1. Д. 11. Л. 191.

³ ГАКО. Ф. П-14. Оп. 1. Д. 334. Л. 42; Ф. П-15. Оп. 8. Д. 25. Л. 180–181.

⁴ ГАКО. Ф. П-127. Оп. 2. Д. 45. Л. 235.

⁵ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-29. Оп. 2. Д. 22. Л. 14 об.

В Сталинске (современном Новокузнецке) разместились госпитали № 1247, 2488 и сортировочный госпиталь № 1241¹.

В Прокопьевске были развернуты лазареты № 1250, 2491 и 3623 [1, с. 106–110].

В августе 1941 г. на крупной узловой железнодорожной станции в городе Тайга стал функционировать эвакогоспиталь № 1400².

В октябре 1941 г. в поселке Барзас был сформирован госпиталь № 2598.

Таким образом, в июле-августе 1941 г. в Кузбассе было развернуто 22 госпиталя, хотя мобилизационный план СибВО предусматривал организацию в два раза меньшего числа лазаретов.

К лазаретам Сибирского военного округа, действовавшим некоторое время на территории Кузбасса, также относилось несколько военно-медицинских учреждений, организованных властями других территориально-административных единиц Новосибирской области. Так, в Ленинск-Кузнецкий весной 1942 г. были передислоцированы два госпиталя, подчиненные Томскому эвакупункту № 47 – эвакогоспитали № 3622 (из Болотного Новосибирской области) и № 1505 (из Томска). В марте 1942 г. в Кемерово был переведен томский госпиталь № 1507, разместившийся в здании тылового госпиталя № 2729, который был переброшен в Тихвин. В Кемерово томский лазарет находился до сентября 1942 г.

В середине июля 1941 г. были выпущены постановления СНК и ВЦСПС, обязывающие краевые и областные отделы здравоохранения совместно с профсоюзами приступить к организации дополнительных лазаретов.

Согласно плану, в августе 1941 г. в стране должно было быть развернуто 40 тыс. профсоюзных коек. Причем в Новосибирской области, куда входил и Кузбасс, предусматривалось создание около 3 тыс. коек.

¹ ГАНО. Ф. Р-29. Оп. 2. Д. 1. Л. 103.

² ГАКО. Ф. П-33. Оп. 1. Д. 35. Л. 47.

Профсоюзные организации крупных угольных и металлургических предприятий Кузнецкого бассейна выделили свои дома отдыха для устройства в них лазаретов. Всего в Кузбассе было открыто 5 эвакогоспиталей ВЦСПС – № 2487 (Анжеро-Судженск), 2489 и 4092 (Сталинск), 4095 (Прокопьевск) и 4097 (Гурьевск)¹.

Профсоюзные госпитали № 2489 и 4092 функционировали на территории области до 1943 г. Остальные были переброшены ближе к линии фронта в 1944 г.

На начальном этапе Великой Отечественной войны, когда линия фронта быстро смещалась с запада на восток, оккупированными оказались урбанизированные, промышленно развитые области, обладавшие сложившейся системой медицинских учреждений, в т.ч. и военных госпиталей. Государственный комитет обороны принял решение об эвакуации госпиталей из регионов, оставляемых отступающей советской армией. Часть лазаретов перебрасывалась в Сибирь, включая и Кузбасс. В основном это были госпитали Харьковского военного округа.

В июле-августе 1941 г. разместил у себя эвакуированный из Украины госпиталь № 3383 Киселевск. Вскоре по прибытии лазарет был объединен с киселевским госпиталем № 2496 и функционировал под номером 2496/3383.

В октябре-ноябре 1941 г. власти Анжеро-Судженска приняли в своем городе четыре военных госпиталя, переброшенных сюда из Украины. Это были эвакогоспитали № 1755/3617, 3433, 1975 и 1973². Госпиталю № 1755, дислоцировавшемуся ранее в Богодухове Харьковской области, в Сибири был присвоен дополнительный № 3617. Также из Харьковской области прибыл и госпиталь № 1975, находившийся в Занках. Остальные два лазарета были переброшены в Анжеро-Судженск из Донбасса –

¹ ГАКО. Ф. Р-625. Оп. 1. Д. 3. Л. 9 об; Ф. П-74. Оп. 6. Д. 57. Л. 69 об; Ф. П-74. Оп. 6. Д. 48. Л. 80; Государственный архив Кемеровской области Новокузнецкий филиал (ГАКО НФ). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 300. Л. 58.

² ГАКО. Ф. П-1. Оп. 5. Д. 20. Л. 33 об.–34.

госпиталь № 3433 (из г. Сталино, современный Донецк) – и из Житомирской области – эвакогоспиталь № 1973 (из г. Овруч).

Осенью 1941 г. два госпиталя прибыли с Украины в Белово. Это были эвакуационные госпитали № 1136 и 3356. Кроме того, сюда из Темиртау в 1942 г. был переведен госпиталь № 3437¹.

Принял три госпиталя с Украины и Гурьевск. Осенью первого военного года власти этого небольшого города разместили у себя эвакогоспитали № 3337, 1337 и 435.

Ряд военно-медицинских учреждений был переведен осенью 1941 г. из западных областей СССР в Кемерово. Преимущественно это были госпитали Харьковского военного округа – № 3629², 1027 и госпиталь № 3328, который был объединен со сформированным в Кузбассе тыловым госпиталем № 2495 и действовал под двойным номером – 2495/3328. Еще два лазарета (№ 1924 и 2729) прибыли в Кемерово в сентябре 1941 г. из Белгорода. Кроме того, в то же время сюда был эвакуирован из Ельца госпиталь № 2580³.

Крупным госпитальным центром Западной Сибири стал город Ленинск-Кузнецкий, принявший ряд эвакогоспиталей. Причем основное их количество прибыло в город в октябре 1941 г. вместе с украинским госпитальным эвакуационным пунктом № 99 (штаб которого разместился в Ленинске-Кузнецком в двух бараках воинской части № 3008). Это были военные госпитали № 2704, 1049, 1744, а также эвакогоспитали № 2030 и 1058, которые были доукомплектованы местными кадрами и поставлены на учет в СибВО под номерами 2030/3623 и 1508/3905⁴.

Тыловой базой нескольких военных госпиталей в годы Великой Отечественной войны стал Мариинск, имевший дореволюционный опыт реабилитации раненых солдат [2, с. 105]. Осенью 1941 г. здесь появились эвакуированные с Украины госпитали

¹ ГАКО. Ф. П-81. Оп. 1. Д. 15. Л. 303 об.

² ГАКО. Ф. П-14. Оп. 1. Д. 334. Л. 42.

³ Там же. Л. 42; Ф. П-15. Оп. 8. Д. 25. Л. 180–181.

⁴ ГАКО. Ф. П-127. Оп. 2. Д. 45. Л. 235.

№ 2714 и 3407¹ [3, с. 199]. В апреле 1943 г. в Мариинск был перебазирован из Кемерово эвакогоспиталь № 1230².

Сортировочно-эвакуационный госпиталь № 1931, прибывший из прифронтовой полосы, принял у себя осенью 1941 г. небольшой поселок Мундыбаш, обладавший развитой транспортной сетью и хорошо снабжавшийся продовольствием.

Значительной госпитальной базой не только Кузбасса, но и Западной Сибири стал в военные годы Сталинск, лазареты которого могли принять около шести тысяч раненых и больных военнослужащих. В дополнение к тыловым госпиталям, организованным местными властями, в городе были размещены военно-медицинские учреждения из других областей страны. В октябре 1941 г. из прифронтовой полосы в город прибыли несколько госпиталей Харьковского военного округа. Это были лазареты № 1777 (поставлен на учет в Сибирском военном округе под номером 1777/3627), 2034 (доукомплектован по прибытии и известен под номером 2034/3626), 3625 и 3329. Кроме того, после отъезда из Сталинска эвакогоспиталя № 3329 в его освободившиеся корпуса весной 1943 г. был переведен кемеровский госпиталь № 1242 [4, с. 134–137].

В октябре 1941 г. два украинских военных госпиталя – № 1032 и 3432 были переброшены из районов боевых действий в Осинники.

Осенью первого военного года к тыловым госпиталям, развернутым сибирскими властями в Прокопьевске, были присоединены три украинских госпиталя – № 2751, 1814 и 1026. Эвакогоспиталь № 1026 был объединен с госпиталем № 3616 и получил двойной номер 1026/3616³.

В то же время с прифронтовых территорий в Салаир был вывезен госпиталь № 1148⁴.

Осенью 1941 г. эвакуированные госпитали приняли населенные пункты, расположенные на узловых железнодорожных

¹ ГАНО. Ф. Р-29. Оп. 2. Д. 22. Л. 14 об.

² ГАКО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 77. Л. 28.

³ ГАКО. Ф. П-26. Оп. 6. Д. 5. Л. 80; Д. 6. Л. 124.

⁴ ГАКО. Ф. П-112. Оп. 1. Д. 61. Л. 223 об.

станциях Транссибирской магистрали – Тайга, Топки, Тяжин, Яшкино. В Тайгу был переведен эвакогоспиталь № 1323, в Топки три госпиталя – № 3335, 3905 [5, с. 25] и 2594 (находился здесь на доукомплектовании). Эвакогоспиталь № 3045 был направлен в Тяжин¹, а госпиталь № 1103 – в Яшкино. Он располагался в этом поселке до марта 1942 г., а в мае того же года его освободившиеся корпуса занял направленный сюда из Новосибирской области военный госпиталь № 3624. Этот лазарет находился в Яшкино также меньше года².

Таким образом, в 1941–1943 гг. на территории современной Кемеровской области была развернута мощная госпитальная сеть, насчитывавшая 72 лазарета. Из них 22 были сформированы Сибирским военным округом, 5 – кузбасскими профсоюзными организациями. 45 эвакогоспиталей прибыли в города и поселки Кузбасса из Харьковского военного округа. Подавляющее большинство эвакуационных госпиталей было развернуто в первые месяцы войны, в 1942–1943 гг. происходили лишь единичные перемещения лазаретов.

Список литературы

1. Прокопьевск: вклад в победу / ред. А.И. Грохов. Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 1995. 303 с.

2. Горелов Ю.П. Сибиряки на защите Отечества в войнах начала XX века. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2003. 385 с.

3. Щерба Т.Л. Мариинск и Мариинский район в годы Великой Отечественной войны // Так начиналась война: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф., посв. 65-летию начала Великой Отечественной войны и битве под Москвой (Кемерово, 21 ноября 2006 г.). Кемерово: Кузбассвуиздат, 2006. С. 198–202.

4. Ивашкевич Т.Ф., Малёхина Г.М. Военные госпитали города Сталинска // Сибирь – фронту: мат-лы всерос. науч. конф., Кемерово, 12 мая 2000 года / КемГУ. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2000. С. 134–137.

¹ ГАКО. Ф. П-115. Оп. 1. Д. 41. Л. 96; Д. 45. Л. 205–206.

² ГАКО. Ф. П-122. Оп. 1. Д. 22. Л. 8.

5. Летопись города Топки и Топкинского района / авт.-сост. Л.В. Грибова. Топки: [б.и.], 2004. 48 с.

УДК: 94(47).084.8+354+355.721

С.А. Кусков

**Роль представителей политического руководства СССР
в решении вопросов обеспечения деятельности
эвакогоспиталей в 1939–1945 годах**

S.A. Kuskov

**The Role of Representatives of the Political Leadership
of the USSR in Solving Issues of Ensuring the Operation
of Evacuation Hospitals in 1939–1945**

Аннотация. В статье рассмотрена роль партийно-государственного руководства СССР в формировании и осуществлении политики по отношению к эвакогоспиталям в 1938–1945 гг. Особое внимание уделено И.В. Сталину, Автор приходит к выводу о вынужденном характере этих действий, вызванных сбоями мобилизационного наращивания сети военно-медицинских учреждений, большим количеством ведомств, ответственных за обеспечение работы эвакогоспиталей, недостаточностью полномочий у руководителей этих ведомств.

Ключевые слова: эвакогоспитали; Вторая мировая война; ЦК ВКП(б); СНК СССР; управление здравоохранением; И.В. Сталин; А.А. Андреев; В.М. Молотов; А.Н. Косыгин.

Профессиональная автономия сообщества врачей считалась одной из базовых характеристик советской системы здравоохранения. Зримым ее воплощением была практика назначения врачей не только руководителями лечебных учреждений и районных, городских, областных здравотделов, но и даже наркомками здравоохранения [1, с. 19]. Это считалось одним из достижений революции в пике периода самодержавия, когда бал правили чиновники и генералитет [2, с. 27]. Советское здравоохранение имело профилактическую направленность и в решении своих за-

дач активно взаимодействовало с другими общественными институтами. Здравоохранение, и в особенности военная медицина, в условиях военного времени должно было подчиняться военно-политической стратегии, которая определялась лично И.В. Сталиным и его соратниками, возглавлявшими Коммунистическую партию и правительство Советского Союза.

В 1938–1945 гг. в СССР сложилась уникальная система управления и обеспечения деятельности эвакуационных госпиталей. Она совершенствовалась постепенно в ходе преодоления возникающих проблем. Но для оформления какой-либо новации в работе учреждений военной медицины или одномоментного крупного вливания в нее материальных ресурсов требовалось вмешательство лидеров советского государства. Иногда факты вмешательства представителей военно-политической элиты в управление военной медициной кажутся случайными. В других случаях причиной инициатив оказывались ведомственные интересы курируемых отраслей, а также личные качества ведущих политических деятелей страны. Советский опыт, накопленный в этой области управления эвакогоспиталями, представляет особый интерес.

В рассматриваемый период фактический глава советского государства И.В. Сталин максимально дистанцировался от руководства здравоохранением. Письма, адресованные И.В. Сталину, в которых затрагивались проблемы военной медицины, передавались по линии ЦК ВКП(б) А.А. Андрееву, а по линии правительства – В.М. Молотову, А.И. Микояну, Р.С. Землячке, Г.А. Митерёву, Е.И. Смирнову. Например, секретное письмо секретаря Молотовского обкома партии Н.И. Гусарова на имя Сталина с предложением о развертывании массового производства антисептических йодобромных индивидуальных пакетов было в январе 1941 г. передано в Наркомздрав СССР. Проверкой лечебных свойств антисептических пакетов занимался лично академик Н.Н. Бурденко¹.

¹ Пермский государственный архив новейшей истории (ПермГАНИ). Ф. 105. Оп. 7. Д. 72. Л. 5, 12.

Помимо участия И.В. Сталина в заседаниях Политбюро ЦК ВКП(б), Совнаркома СССР, ГКО, на которых принимались решения по вопросам формирования, передислокации, материально-технического оснащения эвакуогоспиталей, начальником Военно-санитарного управления Красной армии Е.И. Смирновым и наркомом здравоохранения Г.А. Митерёвым несколько раз предпринимались попытки привлечь его к урегулированию конфликтных ситуаций. Согласно их воспоминаниям, эти инициативы не одобрялись Сталиным. Например, осенью 1941 г. обозначился конфликт между органами Наркомздрава и Военно-санитарного управления Красной армии по вопросу подчиненности тыловых госпиталей. И.В. Сталин потребовал от них самим договориться о разграничении полномочий и внести на рассмотрение ГКО совместный проект [3, с. 19, 20].

Весной 1942 г. у Е.А. Щаденко, начальника Главного управления формирования и укомплектования войск Красной армии, родилась инициатива сокращения сети эвакуогоспиталей. Поскольку против нее возражал Е.И. Смирнов, то, как нарком обороны, И.В. Сталин должен был принять необходимое решение. Но он не стал этого делать, а поручил разобраться в этом вопросе А.И. Микояну. На комиссии под председательством уполномоченного ГКО А.И. Микояна все заинтересованные ведомства (кроме Военно-санитарного управления) поддержали сокращение пустовавших в июне 1942 г. госпиталей. Теперь не только Е.А. Щаденко, но и А.И. Микоян добивался проведения в жизнь коллективного решения. Эти мероприятия разворачивались на фоне начавшейся Сталинградской битвы и резко возросшего потока раненых. Для возобновления деятельности закрытых эвакуогоспиталей потребовалось совместное обращение начальника Генерального штаба А.М. Василевского и начальника тыла Красной армии А.В. Хрулёва [4, с. 203–209].

В годы Великой Отечественной войны И.В. Сталин лично отслеживал эпидемическую ситуацию в тылу и войсках. Регулярно интересовался работой госпиталей для военнопленных [5, с. 115].

В воспоминаниях Т.И. Избицких (ее отец И.Н. Лоцилов в годы Великой Отечественной войны занимал должность начальника Управления госпиталями ВЦСПС по Челябинской области) сообщается, что «однажды ему в Челябинск позвонил И.В. Сталин: он хотел знать, как готовятся к отправке на фронт формируемые военно-санитарные поезда. Но отец был в области (в командировке. – С. К.), и разговор не состоялся. С тех пор Иван Николаевич (Лоцилов. – С. К.) работал до 3–4 ночи ежедневно» [6, с. 50]. Если все это было именно так, то не трудно представить, что раздраженный разговором с «ночным сторожем» Сталин перезвонил в Челябинский обком партии, где были готовы к его звонкам. Но и здесь ответить на его вопросы не могли, т.к. Н.С. Патоличев передоверил руководство госпиталями второму секретарю и начальникам отделов обкома [7, с. 287]. Эти события могли происходить в марте 1943 г., когда военно-медицинская служба столкнулась с исчерпанием врачебных кадров и оборудования для формирования все новых военно-лечебных учреждений. В регионах в этот период возникли конфликты между эвакуационными пунктами, обязанными выполнять военные приказы, и отделами госпиталей облздравотделов, протестовавших против перегрузки госпиталей и дальнейшего формирования военно-медицинских учреждений [5, с. 115].

Таким образом, в период Второй мировой войны на возникавшие проблемы в сфере санитарного обеспечения войск И.В. Сталин отвечал делегированием полномочий руководителям профильных ведомств и других коллегиальных органов.

В сентябре 1941 г. для этих же целей был создан специальный партийный орган – Комитет помощи по обслуживанию больных и раненых бойцов и командиров Красной армии [8, с. 188]. Комитет помощи возглавлял А.А. Андреев, член Политбюро и председатель Комиссии партийного контроля ЦК ВКП(б). В обкомы партии была разослана телеграмма за подписью Сталина об организации областных, городских и районных комитетов

помощи¹. Формально Комитет был общественной организацией с рекомендательными правами. Однако фактически это была сеть специализированных советов при начальниках отделов кадров парторганизаций, контролирующих партийную номенклатуру. Из документов фонда Комитета помощи личный вклад А.А. Андреева выделить сложно. Служащими Комитета проводилась большая работа по решению технических проблем госпиталей и организации шефской помощи, и они располагали большой властью. Например, когда председатель советского Красного Креста С.А. Колесников выступил с инициативой сбора средств на именную эскадрилью, секретарь Комитета Крюков вызвал его к себе и потребовал «улучшить работу по оказанию шефской помощи раненым в госпиталях», а не заниматься сбором пожертвований².

В декабре 1941 г. после выписки из одного из московских эвакогоспиталей раненый пожаловался в Комитет на плохое бытовое обслуживание. В жалобе раскрывались недостатки, характерные для многих лечебных учреждений того периода. Командование эвакопункта провело проверку госпиталя, но «криминала» не нашло, сослалось на временные трудности начального этапа работы госпиталя. К тому времени руководство в госпитале уже сменилось, а наказывать новоназначенных начальника и его заместителей было несправедливо.

В отличие от других жалоб, которые не попадали в руки А.А. Андреева, эта, судя по всему, легла к нему на стол. Объяснение, полученное из эвакопункта, вызвало гнев А.А. Андреева. В результате среди сотрудников злополучного госпиталя стали искать затесавшихся «врагов». Искали их, проверяя личные дела, и, конечно, нашли. Всего было уволено шесть сотрудников, на которых имелся «компромат». Жертвою стал повар, виновный в том, что он по национальности кубинец, еще уволили санитарку, т.к. ее муж был арестован. К моменту увольнения его уже

¹ Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. П-288. Оп. 4. Д. 3. Л. 365.

² Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 603. Оп. 1. Д. 2. Л. 208.

выпустили, как арестованного по ошибке. В силу того, что шпионов и диверсантов в госпитале обнаружить не удалось, пришлось под надуманными предложениями привлечь к ответственности обычных людей.

При ознакомлении с документами Комитета помощи возникает стойкое ощущение, что им руководил секретарь, который фильтровал материал и докладывал А.А. Андрееву только тогда, когда решались принципиальные вопросы или нужно было выбить для госпиталей дефицитные ресурсы. Вместе с тем председатель Комитета также стремился облегчить деятельность госпиталей, что видно из деталей его встречи с С.А. Лозовским.

В августе 1943 г. заместитель наркома иностранных дел и член ЦК ВКП(б), «старый большевик» С.А. Лозовский обратился в Комитет помощи раненым и был принят членом Политбюро А.А. Андреевым. С.А. Лозовский рассказал, что у него гостил его старый друг, работавший начальником госпиталя. В дружеской, доверительной атмосфере начальник госпиталя сетовал, что в октябре 1941 г. в результате передачи в ведомство Наркомздрава СССР и ВЦСПС медицинский персонал тыловых госпиталей утратил все социальные льготы, положенные военнослужащим. Лишение сотрудников эвакогоспиталей статуса военнослужащих диктовалось недостатком пайков в распоряжении Главного интендантского управления¹. С тех пор продовольствие они получали по карточкам, а обмундирование и спецодежду им вовсе не выдавали. В этих условиях особенно тяжело полуголодным врачам было выдерживать суточные дежурства.

По договоренности с А.А. Андреевым на имя С.А. Лозовского было составлено письменное заявление от начальника госпиталя П.Л. Островер, переданное в Комитет помощи раненым². А.А. Андреев дал ход этой бумаге. Уже 5 августа 1943 г. СНК СССР было дано распоряжение о выдаче питания врачам и мед-

¹ Национальный архив республики Башкортостан (НАРБ). Ф. Р-444. Оп. 1. Д. 491. Л. 29.

² РГАСПИ. Ф. 603. Оп. 1. Д. 14. Л. 95, 96, 97.

сестрам во время дежурств в госпиталях без вырезки карточек. Этим же распоряжением старший и средний медперсонал одновременно обеспечивался промтоварами, главным образом, одеждой. На этом история не закончилась: в марте 1944 г. начальник тыла Красной армии А.В. Хрулёв добился распространения действия этого распоряжения на персонал военного санатория Красной армии «Сосновая горка», в котором лечились туберкулезные больные¹.

Участие Комитета помощи в обеспечении работы эвакуогоспиталей сказывалось вплоть до окончания Великой Отечественной войны. Например, в феврале 1945 г. на докладе о прекращении отгрузки в госпитали перевязочных материалов А.А. Андреев наложил резолюцию: «Надо бы помочь и заставить наркоматы выполнить свои обязательства». Власти и авторитета члена Политбюро ЦК ВКП(б) для этого хватало². Кроме А.А. Андреева проблемами деятельности госпиталей занимались и другие члены Политбюро ЦК ВКП(б).

Как председателю Совнаркома СССР, В.М. Молотову приходилось обсуждать и утверждать большинство решений об организации эвакуогоспиталей. Большая часть постановлений и решений СНК СССР имела секретный характер. Например, 4 апреля 1935 г. было принято постановление о порядке формирования эвакуогоспиталей в тылу в военное время³. В случае втягивания Красной армии в вооруженный конфликт основанием для развертывания эвакуогоспиталей также могло быть только постановление правительства⁴. Однако пробные развертывания эвакуогоспиталей раз за разом проваливались. В этих неудачах во второй половине 1930-х гг. модно было винить шпионов и диверсантов, а никак не слабость провинциального здравоохранения. В период вооруженного конфликта на озере Хасан В.М. Молотову лично пришлось вмешиваться в процесс формирования

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5446. Оп. 46. Д. 3885. Л. 1.

² РГАСПИ. Ф. 603. Оп. 1. Д. 19. Л. 19, 21.

³ ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 141. Д. 1657. Л. 1, 2.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 24а. Д. 343. Л. 2.

госпиталей на Дальнем Востоке. Он поддерживал связь с Дальневосточным краевым отделом здравоохранения¹. В следующих вооруженных конфликтах такая ситуация не повторялась, т.к. Наркомздрав СССР и Военно-санитарное управление РККА возглавили молодые и инициативные руководители, которым доверяли советские лидеры. В одном из последних постановлений СНК СССР по вопросам организации эвакуогоспиталей, принятом 8 мая 1945 г. под председательством И.В. Сталина, констатирувалось, что «на приспособление зданий под госпитали израсходованы крупные средства и их мобилизационная готовность должна быть сохранена» (для последующих войн)².

Проблемы эвакуогоспиталей вынуждены были решать и заместители председателя Совнаркома. В период советско-финской войны заместитель председателя Совнаркома СССР А.Я. Вышинский контролировал процесс формирования эвакуогоспиталей³.

В 1939–1943 гг. в правительстве Советского Союза за деятельность в сфере здравоохранения отвечала Р.С. Землячка [9, с. 499]. Она имела грозную репутацию, бескомпромиссный и жесткий характер. Из всех советских лидеров была наиболее подготовленной для руководства эвакуогоспиталями, т.к. до революции училась на медицинском факультете Лионского университета. Многие проблемы госпиталей она понимала лучше, чем кто-либо из ее высокопоставленных коллег. Например, по ее инициативе уже в 1941 г. было развернуто шефство спортивных обществ над госпиталями⁴. Для досуга раненых она спасла от отпуска (за ненадобностью в военное время) Всесоюзную секцию шахматистов [10, с. 60]. В декабре 1941 г. Р.С. Землячка и А.А. Андреев направили письмо на имя Е.А. Щаденко о восстановлении ранее расформированных батальонов выздоравливающих. В результате совместного решения партии и правительства удалось не только разгрузить госпитали, но и повысить

¹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 962. Л. 42, 43, 47.

² ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 20. Д. 8. Л. 89, 89 об.

³ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 965. Л. 76.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 43. Д. 4578. Л. 228.

в них дисциплину¹. В 1943 г. нарком здравоохранения Г.А. Митерев и облизполкомы запросили у правительства премиальный фонд в связи с 25-летием советского здравоохранения. Например, Челябинская область просила 200 тыс. руб. Однако Р.С. Землячка запретила выдачу премий, но при этом были выделены средства на издание книг и проведение памятных мероприятий². Не соответствует сложившимся стереотипам ее работа с проштрафившимися подчиненными, которых она наказывала, но не добивалась их увольнения³.

После перевода в 1943 г. Р.С. Землячки в Комиссию партийного контроля при ЦК ВКП(б) ее обязанности в правительстве СССР стал выполнять А.Н. Косыгин. До этого он занимал ключевые должности, например, являлся главой правительства РСФСР. Выполняя поручения ГКО и ЦК ВКП(б), председатель совнаркома РСФСР рассматривал и вопросы, связанные с деятельностью эвакуогоспиталей. Например, А.Н. Косыгин был ответственным за перевод народного хозяйства на местное топливо, являлся автором проекта постановления СНК СССР об обеспечении топливом эвакуогоспиталей⁴. Как руководитель правительства России, он курировал деятельность крупнейшего в Советском Союзе управления эвакуогоспиталями (при Наркомздраве РСФСР)⁵.

К 1943 г. система руководства эвакуогоспиталями была уже выстроена и перед политическим руководством СССР стояла задача обеспечения нормальной работы эвакуогоспиталей в условиях нарастающей усталости от войны. В 1944–1945 гг. в адрес А.Н. Косыгина поступали обращения с мест о свертывании и передислокации эвакуогоспиталей, т.к. предприятия и учреждения стремились в кратчайший срок вернуть занятые госпиталями помещения. Противостоять этому ведомственному напору

¹ РГАСПИ. Ф. 603. Оп. 1. Д. 1. Л. 88.

² ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 4. Д. 255. Л. 4, 5.

³ Там же. Д. 114. Л. 71.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 43. Д. 965. Л. 201; Оп. 46. Д. 3499. Л. 15.

⁵ Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 31. Д. 402. Л. 75.

было сложно. Как правило, он шел навстречу этим пожеланиям даже вопреки мнению Главного военно-санитарного управления РККА¹. Отчасти эту волну удалось сбить благодаря обращению секретаря Свердловского обкома ВКП(б) В.М. Адрианова к А.Н. Косыгину, в котором он просил правительство наложить мораторий на сокращение сети эвакуогоспиталей, т.к. при их передислокации демобилизованные врачи и ценное оборудование оказывались за пределами Свердловской области².

Имело место вмешательство в работу эвакуогоспиталей и со стороны других советских лидеров. При этом они считали, что защищают интересы госпиталей. Как правило, все это касалось положения дел в одном или нескольких эвакуогоспиталях. Например, в сентябре 1942 г. член Ставки Верховного Главнокомандования С.М. Будённый воспрепятствовал расформированию госпиталя в г. Сухуме. В 1944 г. председатель ВЦСПС В.В. Кузнецов отстоял в ГКО находившийся в стадии расформирования Уктусский госпиталь № 4007 в Свердловской области, что, однако, не мешало ему добиваться скорейшего возвращения профсоюзам других объектов, занятых эвакуогоспиталями³.

В 1938–1945 гг. представителям политического руководства СССР приходилось часто вмешиваться в работу эвакуогоспиталей и обеспечивать их жизнедеятельность. Вопреки идеологическим клише, в рассматриваемый период централизовать систему военной медицины не удалось, что делало ее зависимой от влияния различных партийно-государственных и военных структур. И.В. Сталин был вынужден принимать решения по вопросам противоэпидемической работы в тылу и на фронте, организации госпиталей для военнопленных, урегулирования междуведомственных конфликтов в сфере санитарного обеспечения войск. Все остальные вопросы в сфере военной медицины он перепоручал своим соратникам, которые стремились решать возникающие трудности, исходя из своего жизненного опыта и

¹ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 47. Д. 2070. Л. 24, 39, 179; Д. 2071. Л. 138, 139.

² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 611. Л. 81, 82.

³ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 43. Д. 2328. Л. 20, 59.

понимания государственных интересов. Их влияние на положение дел в эвакуогоспиталях было огромным, они определяли содержание воспитательной работы, количественный состав госпитальных коллективов, размер заработной платы и категории снабжения сотрудников. Важную роль в принятии данных решений играла информация, поступающая по неформальным каналам от представителей профессионального медицинского сообщества.

Список литературы

1. Семашко Н.А. Основы советской медицины. М., 1919. 20 с.
2. Виноградов Н.А. Здравоохранение в годы иностранной военной интервенции и Гражданской войны. М.: Медгиз, 1954. 30 с.
3. Митерев Г.А. В дни мира и войны. М.: Медицина, 1975. 256 с.
4. Смирнов Е.И. Война и военная медицина. М.: Медицина, 1979. 528 с.
5. Смирнов Е.И. Фронтовое милосердие. М.: Воениздат, 1991. 432 с.
6. Избицких Т.И. Владимир Лоцилов. Заслуженный мастер спорта. Основатель научной школы. М.: Изд-во «А2-А4», 2008. 239 с.
7. Патоличев Н.С. Испытание на зрелость. М.: Политиздат, 1977. 287 с.
8. Коржихина Т.П. История государственных учреждений СССР. М.: Высшая школа, 1986. 399 с.
9. Землячка (Самойлова) Розалия Самойловна // Большая советская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1972. Т. 9. С. 499.
10. Вайнштейн Б. Турниры, чемпионаты, шефская работа: воспоминания // Шахматы сражаются: сборник. М.: Физкультура и спорт, 1985. С. 53–140.

С.Г. Петров

**К вопросу о памятных местах, связанных
с пребыванием архиепископа Луки
(Войно-Ясенецкого) в Новосибирске
в годы Великой Отечественной войны**

S.G. Petrov

**On the Issue of Memorable Places
Associated With the Stay of Archbishop Luke
(Voino-Yasenetsky) in Novosibirsk During
the Great Patriotic War**

Аннотация. Рассмотрены проблемы, связанные с определением памятных мест пребывания в сибирских городах видного иерарха Русской православной церкви и выдающегося ученого-хирурга XX в. – архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого). На основе анализа исторических источников и литературы такие места установлены в Новосибирске, в т.ч. два здания, в которых красноярский архипастырь жил и работал, когда в марте 1943 г. приехал в сибирскую столицу для участия в научной конференции хирургов Сибирского военного округа.

Ключевые слова: Русская православная церковь; архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий); Великая Отечественная война; Сибирь; Новосибирск; памятные места.

Святитель Лука Крымский, в миру Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий (1877–1961), – видный иерарх Русской православной церкви и крупнейший отечественный ученый-хирург XX в. В 1946 г. он был удостоен Сталинской премии первой степени за 1943–1944 гг. «за научную разработку новых хирургических методов лечения гнойных заболеваний и ранений, изложенных в научных трудах “Очерки гнойной хирургии”, законченном в 1943 году, и “Поздние резекции при инфицированных огнестрельных ранениях суставов”, опубликованном в

1944 году»¹. Большую часть премии архиепископ Лука пожертвовал сиротам павших в Великой Отечественной войне².

В 1995 г. в Симферопольской и в 1999 г. в Красноярской епархиях его канонизировали как местночтимого святого. В 2000 г. на Архиерейском соборе Русской православной церкви он был причислен к лику святых для общецерковного почитания как священноисповедник³.

Еще до общецерковной канонизации и особенно после нее памятные места архиерейского служения и хирургической деятельности святителя стараниями как церковных, так и светских его почитателей были отмечены установкой мемориальных досок и памятников. Так, в Сибири, в Красноярском крае, где архиепископ Лука отбывал в годы Великой Отечественной войны свою третью ссылку, памятные доски появились на зданиях больницы в районном центре Большая Мурта, где он работал до осени 1941 г., кладбищенской Николаевской церкви в Красноярске, в которой святитель совершал богослужения в 1943 г., бывшего эвакогоспиталя № 1515, связанного с его хирургической деятельностью в краевом центре. В 2002 г. в Красноярске рядом с архиерейским домом, использовавшимся в годы войны под медицинские нужды того же эвакогоспиталя, был открыт памятник архиепископу Луке. В 2007 г. имя его присвоили Красноярскому медицинскому университету, напротив главного корпуса которого в 2017 г. был установлен второй памятник. Можно также еще говорить о сооруженных в честь святого храмах и часовнях, посвященных ему музеях и мемориальных залах, названных его именем улиц.

Широкомасштабной деятельности по увековечиванию памяти об архиепископе Луке в Красноярском крае, конечно же, предшествовала большая работа по определению самих памятных мест, которой, пожалуй, не может похвалиться ни один другой

¹ Правда. 1946. 27 янв.

² Журнал Московской патриархии. 1946. № 3. С. 44.

³ Сборник документов и материалов Юбилейного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви (Москва, 13–16 августа 2000 г.). Нижний Новгород, 2001. С. 93, 129.

сибирский регион, связанный с историей жизни видного иерарха и выдающегося ученого-хирурга. Итогом данной деятельности стали не только составленные маршрутные указатели и путеводители по памятным местам пребывания святителя в Красноярске¹, но и повседневная живая работа с обширной аудиторией жителей края и его гостей.

Схожая проблема стоит и перед Новосибирском, но, правда, не столь значительная, как в Красноярске, где он прожил практически два с половиной года, работая ведущим хирургом в эвакогоспитале и возглавляя местную епархию. В Новосибирске архиепископ Лука находился эпизодически, в основном проездом. В 1904 г. в связи с начавшейся Русско-японской войной он проследовал по Транссибу через Новосибирск (тогда Новониколаевск) в Читу, где в ее окрестностях и самом городе работал терапевтом, а затем хирургом. После окончания военных действий по железной дороге через Новосибирск он возвратился в европейскую часть страны. Во второй и третий раз, после революции, архиепископ Лука находился в Сибири по решениям Особого совещания при НКВД СССР как административно ссыльный. С 1924 по 1926 г. он находился в ссылке в Енисейске, деревне Хая на реке Чуне, Туруханске, станке Плахино на Ледовитом океане. С 1940 по 1944 г. – в селе Большая Мурта Красноярского края и самом Красноярске. В Новосибирске, таким образом, архиепископ Лука был, когда дважды конвоировался по этапу в Восточную Сибирь и возвращался по окончании ссылок в Ташкент (1926) и Тамбов (1944).

Сохранились его собственные воспоминания о кратковременном пребывании в Новосибирске. В автобиографии по поводу конвоирования в 1924 г. в ссылку и остановки в новосибирской тюрьме он сообщил: «От Омска мы ехали до Новосибирска в “стольпинском” арестантском вагоне, состоявшем из отдельных камер с решетчатыми дверями и узкого коридора с маленькими,

¹ Памятные места Святителя Луки Войно-Ясенецкого в Красноярске / авт.-сост. О.С. Кечин. Красноярск, 2015; Красноярск святителя Луки [Электронный ресурс]. URL: <https://www.krsk.kp.ru/daily/26551/3567288/> (дата обращения: 15.03.2020).

высокорасположенными оконцами. В камеру, отведенную для меня и моих спутников – двух протоиереев, посадили, кроме нас, бандита, убившего восемь человек, и проститутку, уходившую по ночам на “практику” к нашим стражникам. Бандит знал, что я в Таганской тюрьме отдал свой полушубок дрожавшему шпаненку, и был очень вежлив со мной. Он уверял меня, что никогда нигде меня не обидит никто из их преступной братии. Однако уже в новосибирской тюрьме при мытье в бане у меня украли несколько сот рублей, а позже, в той же тюрьме, украли чемодан с вещами. В этой тюрьме нас сначала посадили в отдельную камеру, а вскоре перевели в большую уголовную камеру, где нас шпана встретила настолько враждебно, что я должен был спастись бегством от них: стал стучаться в дверь под предлогом необходимости выйти в клозет и, выйдя, заявил надзирателю, что ни в коем случае не вернусь в камеру»¹.

Как видим, приведенный текст из автобиографии архиепископа Луки однозначно свидетельствует о том, что в Новосибирске он находился в здании пересыльной тюрьмы (угол улиц Нарымской и 1905 года). Однако это здание не сохранилось, несмотря на протесты общественности и пикеты, оно было снесено в 2012 г.

В своих воспоминаниях архиепископ Лука о конвоировании в 1940 г. во вторую сибирскую ссылку рассказал следующее: «Везли меня на этот раз уже не через Москву, а через Алма-Ату и Новосибирск. По дороге до Красноярска меня очень подло обокрали жулики в вагоне. На глазах всех заключенных ко мне подсел молодой жулик, сын ленинградского прокурора, и долго “заговаривал мне зубы”, пока за его спиной два других жулика опустошали мой чемодан»².

После начала Великой Отечественной войны архиепископу Луке было разрешено работать хирургом в эвакогоспитале № 1515 в Красноярске. По сведениям Ю.Л. Шевченко, вначале Лука исполнял обязанности старшего ординатора первого хирургического от-

¹ Лука (Войно-Ясенецкий), архиепископ. «Я полюбил страдания...»: автобиография. М., 1995. С. 43–44.

² Там же. С. 83.

деления красноярского госпиталя № 1515 Наркомата здравоохранения РСФСР, затем стал начальником одного из хирургических отделений, а в 1942–1944 гг. являлся «главным или, точнее, ведущим хирургом этого учреждения» [1, с. 459–460].

Весной 1943 г. ему разрешили поездку в Новосибирск. Архиепископа Луку, доктора медицины и университетского профессора, пригласили участвовать в научной конференции хирургов Сибирского военного округа, которая проходила с 24 по 29 марта 1943 г. О поездке в 1943 г. на конференцию в Новосибирск архиепископ Лука написал в частных письмах родным и знакомым, фрагменты которых приведены в литературе. В этих письмах он отметил, что его доклад на конференции был восторженно принят аудиторией. Многие из присутствовавших сочли необходимым представиться ему и побеседовать с ним. А один из «заправил съезда» помог ему получить архиерейское облачение и «все принадлежности служителя», которых он не имел в Красноярске [2, с. 344–345]. Полученное архиерейское облачение позволило ему после 16-летнего перерыва возобновить в Красноярске богослужебную деятельность. После возвращения из Новосибирска он писал в частном письме: «Служу и проповедую каждый праздник и каждое воскресенье» [3, с. 49; 4, с. 213].

На конференции в Новосибирске подводились итоги работы тыловых госпиталей Сибирского военного округа за 1942 г., в форуме участвовало 344 хирурга. Согласно сохранившемуся экземпляру программы конференции, ее организаторами были санитарный отдел Сибирского военного округа, Новосибирский облздравотдел, управление госпиталей ВЦСПС Новосибирской области и Алтайского края при участии медицинских вузов и научно-исследовательских институтов Новосибирска, Томска и Омска. Форум хирургов сибирских госпиталей проходил в малом зале Окружного дома Красной армии (Красный проспект, 63)¹.

Докладом святителя Луки «Остеомиелиты» вечером 25 марта 1943 г. открылось заседание конференции по теме «Огнестрель-

¹ Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Р29. Оп. 2. Д. 88. Л. 23–33.

ные остеомиелиты и их лечение». Ему, единственному из всех участников, если не брать во внимание выступавших на открытии, на доклад было отведено 40 мин. В сборнике, выпущенном по итогам конференции, доклад профессора Войно-Ясенецкого получил название «Наш опыт лечения огнестрельного остеомиелита в госпитале глубокого тыла»¹.

По воспоминаниям профессора П.Т. Приходько, встречавшего архиепископа Луку на железнодорожном вокзале, на время конференции ему была выделена для проживания комната в эвакуогоспитале № 1504 в центре города [5, с. 126–127]. Эвакуогоспиталь располагался в учебном корпусе областных партийных курсов по адресу Красный проспект, 40. Этот адрес подтверждается отчетными документами эвакуогоспиталя за 1943 г. После войны в данном здании размещалась Новосибирская высшая партийная школа. Сейчас здесь находится Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств, изменился и адрес – Красный проспект, 38².

По просьбе руководства эвакуогоспиталя № 1504, как свидетельствуют архивные документы, 23 марта 1943 г., т.е. за день до начала конференции, профессор Войно-Ясенецкий консультировал тяжелораненого лейтенанта К.И. Зайцева, находившегося в крайне сложном состоянии, а на другой день после ее окончания, 30 марта, прооперировал его³. Через четыре часа К.И. Зайцев скончался от сердечной недостаточности и истощения организма⁴. В литературе имеются сведения о ходе этой операции, которые сообщили принимавшие в ней участие известные новосибирские врачи – будущий главный уролог Новосибирской области А.В. Голубчанская и будущий директор Новосибирского

¹ Труды окружной хирургической конференции госпиталей Сибирского военного округа, 24–29 марта 1943 г. г. Новосибирск / отв. ред. А.И. Мануйлов. Красноярск, 1944. Вып. 3. С. 81–90.

² Эвакуогоспитали Новосибирской области [Электронный ресурс]. URL: <http://www.soldat.ru/forum/viewtopic.php?f=2&t=16821> (дата обращения: 08.12.2009); ГАНО. Ф. Р29. Оп. 2. Д. 77. Л. 36, 156, 251; Д. 88. Л. 44.

³ ГАНО. Ф. Р29. Оп. 2. Д. 77. Л. 250.

⁴ Там же; Д. 73. Л. 83.

научно-исследовательского института травматологии и ортопедии К.И. Харитонов. Согласно мемуарным свидетельствам, в день проведения операции, после ее окончания, архиепископ Лука выехал в Красноярск. Таким образом, архиепископ Лука находился в Новосибирске с 23 по 30 марта 1943 г.

Из всего вышеизложенного следует, что с пребыванием архиепископа Луки в Новосибирске связано три достоверно устанавливаемых памятных места:

1) не сохранившееся здание пересыльной тюрьмы (угол улиц Нарымской и 1905 года), в котором, по его собственному свидетельству, в 1924 г. он находился, следуя в первую сибирскую ссылку (снесено в 2012 г.);

2) Дом офицеров Новосибирского гарнизона Сибирского военного округа Министерства обороны РФ (Красный проспект, 63), где, согласно архивным документам, архиепископ Лука выступил 25 марта 1943 г. с докладом на научной конференции хирургов Сибирского военного округа;

3) здание Новосибирского государственного университета архитектуры, дизайна и искусств (Красный проспект, 38), в котором находился эвакуогоспиталь № 1504, где, по воспоминаниям очевидцев и сведениям архивных документов, была отведена с 23 по 30 марта 1943 г. комната для проживания архиепископа Луки и он консультировал и оперировал.

Для сохранения памяти о пребывании архиепископа Луки в Новосибирске в годы Великой Отечественной войны оптимальным вариантом является размещение на здании Новосибирского государственного университета архитектуры, дизайна и искусств мемориальной доски следующего содержания: «В этом здании с 23 по 30 марта 1943 года жил, консультировал и оперировал священноисповедник Лука (В.Ф. Войно-Ясенецкий), архиепископ Русской Православной Церкви и выдающийся хирург».

Список литературы

1. Шевченко Ю.Л. Приветствует вас Святитель Лука, врач возлюбленный. СПб., 2007. 624 с.

2. Поповский М. Жизнь и житие Войно-Ясенецкого, архиепископа и хирурга. Париж, 1979. 519 с.
3. Мир и благословение: письма архиепископа Луки / публ. Н.П. Пузина // Слово. 1991. № 3. С. 47–49.
4. Пузин Н.П. Несколько штрихов к биографии профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого, архиепископа Луки (по неопубликованным письмам и воспоминаниям) // Вестник русского христианского движения. 1994. № 170. С. 205–215.
5. Петров С.Г. Пребывание архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого) в Новосибирске (свидетельство очевидца) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер.: История. История Русской Православной Церкви. 2011. № II:3 (40). С. 117–132.

УДК 93/94

А.Е. Овчинникова

**Интерактивная музейная форма представления
школьникам работы медиков в годы
Великой Отечественной войны**

А.Е. Ovchinnikova

**Interactive Museum Form of Presentation
to School Children of the Work of Doctors During
the Great Patriotic War**

Аннотация. В статье рассматривается процесс использования музейно-педагогических форм работы музея в рамках взаимодействия с образовательными организациями с целью популяризации историко-культурного наследия, патриотического воспитания молодежи и подрастающего поколения Заельцовского района и города Новосибирска. На основе опыта проведения в музее «Заельцовка» музейно-педагогического занятия «Эвакогоспиталь № 2492» показана возможность создания у школьников представления о героизме медиков в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; эвакогоспиталь; героизм медиков; патриотизм; музейная педагогика; Музей «Заельцовка»; музейно-педагогические занятия.

Гражданско-патриотическое воспитание как составная часть общего воспитательного процесса в настоящее время является одним из приоритетных направлений систематической и целенаправленной деятельности органов государственной власти, образовательных и общественных организаций, культурно-досуговых учреждений.

Общественно-значимая роль в этом процессе отводится музеям. Их деятельность значительно активизировалась в связи с проведением в 2020 г. Года памяти и славы в Российской Федерации, в ознаменование Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Каждый музей, в т.ч. и музеи локального типа, каким является музей «Заельцовка», могут внести существенный вклад в формирование исторического и патриотического сознания и воспитания молодежи на основе использования современных музейных технологий и разнообразных форм работы с музейной аудиторией.

В рамках музейно-педагогической деятельности эти социокультурные учреждения разрабатывают и внедряют коммуникативные формы и методы работы с посетителями по популяризации и трансляции наследия Великой Победы как фактора патриотического воспитания школьников.

Приоритетное направление деятельности музея «Заельцовка» – это система взаимодействия с образовательными организациями. В соответствии с нормами федерального государственного образовательного стандарта для учащихся школ разработаны музейно-педагогические программы с использованием интерактивных и партисипативных технологий и методов музейной педагогики с дифференцированным учетом аудитории разных типов и психолого-педагогических характеристик. Музей имеет успешный опыт реализации музейно-педагогических программ с 2014 г.

В программы входят темы по истории Заельцовского района и г. Новосибирска в целом, общеобразовательные темы, темы по гражданскому и патриотическому воспитанию.

В 2020 г. в рамках Года памяти и славы и городской акции «Эстафета патриотизма поколений» в музее «Заельцовка» открылась выставка «Вперед, в победный 1945-й!», функционирует зал «Заельцовцы в годы Великой Отечественной войны» в постоянной экспозиции музея.

На базе экспозиционно-выставочного пространства, помимо использования традиционных форм работы с посетителями, была разработана и успешно апробирована музейно-педагогическая программа «Детям о войне», направленная на патриотическое воспитание. Программа состоит из 5 музейно-педагогических занятий для 5–7-х классов. Целью данных мероприятий является формирование и развитие у молодежи и подрастающего поколения Заельцовского района и города Новосибирска патриотического сознания, воспитание к почтению памяти героев-земляков, жителей Заельцовского района. При этом на основе предметно-деятельностного подхода посредством игровых методик решается комплекс задач: формирование национального и регионального самосознания; обеспечение исторической преемственности; изучение истории Заельцовского района и города Новосибирска, развитие коммуникативной культуры.

К периоду Великой Отечественной войны относятся занятия по темам:

– «55 чемоданов». Занятие посвящено истории заселения территории города Новосибирска, в т.ч. Заельцовского района. Ребята выясняют, кто переселялся в строящийся город Новониколаевск, а затем в Новосибирск. Отдельно рассмотрен вопрос об эвакуации предприятий и людей в годы Великой Отечественной войны;

– «Военными тропами». Участники узнают, какой вклад в общую победу внесли предприятия и жители Заельцовского района, проходят квест по залу, посвященному Великой Отечествен-

ной войне, расшифровывают радиogramму с помощью азбуки Морзе;

– «Коты блокадного Ленинграда». Участники узнают о событиях тех дней, о том, как жители мужественно обороняли свой город. Отдельно рассмотрен вопрос об эвакуации предприятий и людей в город Новосибирск из *Ленинграда*. Также в ходе занятия освещены исторические подробности того, каким образом кошки спасли от смерти ленинградских жителей;

– «Эвакогоспиталь № 2492». Участники знакомятся с историей Заельцовского района в период Великой Отечественной войны: определяют, где находился госпиталь под № 2492, а также какой вклад в Победу внесли врачи;

– «Все для фронта, все для Победы!» Участники помогают в сборе фронтовой посылки: шьют на швейной машинке кисет, пишут письмо ветеранам, а также участвуют в викторине, посвященной предприятиям и героям Заельцовского района.

В качестве примера организации и проведения такой формы работы с музейной аудиторией, пользующейся у нее большим интересом, рассмотрим занятие по теме «Эвакогоспиталь № 2492». Это занятие рассчитано на один академический час. Оно начинается с деления участников по командам.

В начале занятия командам выдается карточка с воспоминанием Надежды Поисовны Новиковой, жительницы Заельцовского района, ветерана Великой Отечественной войны: «Когда объявили о начале войны, все сразу пошли в военкомат проситься на фронт. В военкомате служащий сказал, что сначала нужно два года учиться на врачей санитарных, и через два года поедете на фронт работать в госпитале.

Я смогла выпроситься на фронт только в феврале 1943 г. Дивизия в это время вышла под Великие Луки. В нашей дивизии служили Лермонтов и Пушкин (потомки великих русских поэтов). Я была зачислена в минометную батарею в расчет сержанта Алехина. Так я стала минометчиком и медсестрой в своем расчете. Нам нужно было пройти в Локнинский район в составе 6-го Сибирского корпуса в направлении города Локни. А это

90 км! Начались тяжелые бои, места болотистые. Командир строго-настрого приказал идти след в след. Когда прошли весь путь, смотрим на Чернышева, он весь бледный и пот с него градом, спрашивает: «Старшина, целые все?» Старшина отвечает: «Все целы». «Ну, слава Богу». Мы шли по минному полю».

Далее происходит своеобразная разминка – «Минное поле» – это викторина на тему медицины (результаты каждой команды записываются на магнитной доске, за каждый правильный ответ – 1 балл команде). Участники по командам подходят к столу с табличкой «Минное поле». На столе разложены карточки с вопросами, команды поочередно отвечают. Рассмотрим несколько примеров вопросов:

1. Антибиотик – это

а) герой телесериала, б) вещество, подавляющее рост микроорганизмов, в) вещество, стимулирующее рост микроорганизмов, г) так по-другому называется аспирин.

2. Это замечательное средство для восполнения витамина D, жаль только очень противное (Рыбий жир).

3. Этого врача обычно называют «Ухо, горло, нос», а какая вывеска висит на его кабинете? (Отоларинголог).

В викторине также представлены вопросы, связанные с писателями и литературными произведениями:

1. Врач, писатель, автор рассказа «Палата № 6» (А.П. Чехов).

2. Этого доктора придумал Борис Пастернак (Доктор Живаго).

3. Он и врач, и автор известного романа «Мастер и Маргарита» (М. Булгаков).

Затем проводится квест по экспозиции. Квест – это активная поисковая игра, где нужно решать логические и интеллектуальные задачи. Каждая команда получает по маршрутному листу и отправляется по экспозиции выполнять задания. Выделяются три точки маршрута, содержащие определенные интеллектуальные и аттрактивные задания.

Так в точке № 1 дети получают карточку: «Вы успешно преодолели «минное поле». Возможно, в вашей команде не все справились с заданиями и, соответственно, «подорвались на ми-

нах». Им нужно оказать медицинскую помощь. Для этого необходимо собрать сумку фронтового врача. Отыщите необходимые предметы в типологическом уголке «Блиндаж»».

Типологический уголок «Блиндаж, весна 1943 года». В этом разделе в разных местах среди экспонатов военной тематики разложены медицинские принадлежности: бинты, жгут, индивидуальный перевязочный пакет, ножницы, вата и т.д. Ребятам нужно их отыскать и собрать в сумку фронтового врача.

В точке № 2 маршрута по экспозиции музея учащиеся должны были выполнить такое задание: «Молодцы! Вы отлично справились с заданием, сумка врача собрана. Теперь можете идти в санитарную часть, которая находится напротив блиндажа, и оказывать медицинскую помощь товарищам».

«Санитарная часть» – зал № 2, напротив типологического уголка «Блиндаж, весна 1943 года». Ребята находят стол с табличкой «Санитарная часть», за которым сидит медсестра (антураж – халат, перчатки, медицинский колпак). Медсестра объясняет и показывает с помощью схемы, как делать наложение повязки на руку, ребята по очереди тренируются делать повязку друг другу.

В точке № 3 находится карточка с инструкцией: «Медицинская помощь оказана безупречно. Но у медсестер заканчиваются медикаменты. Вам необходимо доставить новый запас. Отгадайте, о каком предприятии идет речь, и тогда поймете, где искать этот запас». Далее на карточке следует текст для справки:

«Производство лечебных препаратов из органов и тканей убойных животных организовалось на этом предприятии в 1937 году. Открытый новый цех назывался цехом спецфабрикатов, позднее он стал заводом медицинских препаратов. Из собираемого сырья цех спецфабрикатов начал выпускать аморфный инсулин, адреналин, миоль, жидкий гематоген и др. Вся продукция в годы Великой Отечественной войны отправлялась солдатам на фронт».

Витрина, посвященная старейшему предприятию Заельцовского района, – мясоконсервному комбинату. К витрине при-

креплены конверты, в которых находятся фотографии медикаментов военных лет, информационные тексты о предприятии и карточка с новым заданием: «Ваша команда отлично справилась с заданиями и спасла раненых бойцов, следующий ваш остановочный пункт – эвакогоспиталь № 2492.

Эвакогоспиталь № 2492 – зал № 1, раздел «Городская клиническая больница № 1». Участники квеста в ходе поиска ответов на вопросы изучают экспозиционный раздел, осуществляют поиск дополнительных информационных карточек, используют смартфоны для считывания QR-кодов, размещенных в разделе, и т.д. Усвоив полученную информацию, участники квеста должны ответить на следующие вопросы:

1. Итак, вы оказались в эвакогоспитале № 2492. Что такое эвакогоспиталь?

Ответ: Эвакуационный госпиталь (ЭГ, эвакогоспиталь) – госпиталь военного времени, в котором оказывается медицинская помощь и происходит лечение пораженных и больных; не имеет собственных транспортных средств, используется в составе госпитальных баз.

2. В военные годы остро стояла необходимость в размещении тяжелораненых больных, лечении и уходе за эвакуированными людьми. В относительной безопасности и спокойствии, в Западной Сибири, была развернута крупная сеть эвакогоспиталей. Подавляющее их большинство в 1941–1945 гг. было сосредоточено в Омской и Новосибирской областях. Почему именно эти территории были определены для размещения госпиталей?

Ответ: В условиях начавшейся войны Сибирь являлась глубоким тылом. Новосибирск располагал необходимыми ресурсами для производства почти всего спектра оборонной продукции. Удобное транспортное положение Новосибирска, а также наличие аэропорта «Северный» круглогодичного действия позволяли обеспечивать армию боеприпасами и военной техникой (но ведь речь про эвакогоспитали? Ожидаешь, что ответ будет об удобстве транспортировки в Новосибирскую и Омскую область больных и о наличии в регионах определенной инфраструктуры (зда-

ний, кадров, вспомогательного персонала) для быстрого развертывания госпиталей).

3. Одним из самых крупных эвакуогоспиталей в Новосибирске был госпиталь № 2492, на территории какой организации он располагался?

Ответ: Одним из самых крупных эвакуогоспиталей в Новосибирске был госпиталь № 2492, который с сентября 1941 г. располагался на территории Городской клинической больницы № 1. Первоначально госпиталь был рассчитан на 800 человек, но с каждым месяцем поток раненых становился все более обширным, а количество сотрудников сокращалось, многие врачи и особенно младший медицинский персонал уезжали на фронт в составе военных формирований. В августе 1941 г. мобилизационные повестки получили сразу 35 человек, среди которых были медсестры, хирурги, терапевты, офтальмологи, в ноябре ушли еще 30 сотрудников. К концу 1945 г. в пяти больничных корпусах размещалось уже 1100 коек.

4. Этот профессор был назначен главным консультантом эвакуогоспиталей Сибирского военного округа в Новосибирске и одновременно продолжал работать в хирургических клиниках Новосибирского государственного медицинского института и института для усовершенствования врачей. Кто это?

Ответ: Это Владимир Михайлович Мыш. Владимир Михайлович по праву считается родоначальником развития хирургии в Новосибирске. До конца своих дней он заведовал кафедрой хирургии Института усовершенствования врачей и в то же время с 1936 г. являлся заведующим кафедрой факультетской хирургии Новосибирского мединститута. В годы Великой Отечественной войны стал главным консультантом эвакуогоспиталей Новосибирска, одновременно продолжая врачебную практику в клиниках, а также научную и преподавательскую деятельность.

В.М. Мыш разработал и внедрил принципиально новые методики проведения операций, что повлияло на качество лечения раненых и на их возвращение в строй в более короткое время. Трудно назвать область хирургии, которой бы не занимался

Владимир Михайлович за годы своей деятельности. В.М. Мыш опубликовал свыше 130 научных работ, в т.ч. руководства и монографии по абдоминальной и грудной хирургии, онкологии, неоднократно переиздавались его «Клинические лекции по урологии» и «Очерки хирургической диагностики» и многое другое.

Участники квеста в ходе поиска ответа на этот вопрос изучают экспонаты – личные вещи В.М. Мыша, а также с помощью QR-кода просматривают хронику с Владимиром Михайловичем и закадровым биографическим текстом.

Занятие завершается высказыванием известного советского военачальника маршала А.Х. Баграмяна о медиках: «То, что сделано советской военной медициной в годы Великой Отечественной войны, по всей справедливости может быть названо подвигом, олицетворением высокого гуманизма, мужественности и самоотверженности военных медиков».

Подчеркивается, что свыше 70 % пациентов-фронтовиков было возвращено в строй после благополучной реабилитации – таков вклад Новосибирской городской клинической больницы № 1 в общее дела народа.

Подобные музейные занятия являются успешным опытом формирования и развития у молодежи и подрастающего поколения Заельцовского района и города Новосибирска патриотических чувств, почтения памяти героев-земляков. С внедрением современных технологий и использованием музейно-выставочных средств, при комбинации педагогических форм и методов, музейно-педагогические занятия проходят на новом уровне, удовлетворяют потребности современного поколения и вносят свой вклад в представление о патриотизме и героизме медиков в годы Великой Отечественной войны.

В.А. Синенко

Деятельность военных медиков в Восточно-Прусской наступательной операции 1945 года

V.A. Sinenko

Activities of Military Medics in the East Prussian Offensive of 1945

Аннотация. В статье на примере сибирской 5-й гвардейской стрелковой дивизии, принимавшей участие в боях в Восточно-Прусской наступательной операции, продемонстрирован вклад в победу военных медиков. Представлены различные медицинские подразделения, которые делали все необходимое для исцеления раненого или больного. Перечислены все медицинские работники 5-й гвардейской стрелковой дивизии, участвовавшие в Восточно-Прусской операции и награжденные орденами и медалями.

Ключевые слова: медицинские работники; 5-я гвардейская стрелковая дивизия; Восточно-Прусская наступательная операция; вклад в победу.

В этом году отмечается 75-летие Великой Победы. Несмотря на минувшие десятилетия, мы должны помнить о страшных годах войны и чтить память о советских солдатах, которые отдавали жизни ради своей Родины. 1945 год стал решающим для обеих сторон, фашистская Германия потерпела поражение в Восточно-Прусской наступательной операции, одной из двух последних в войне.

Восточно-Прусская наступательная операция (19 января – 25 апреля 1945 г.) была одной из самых кровопролитных за все время Великой Отечественной войны. В ходе ее погиб главнокомандующий 3-го Белорусского фронта Иван Данилович Черняховский, которого привезли в медсанбат для оказания неотложной медицинской помощи, однако спасти главнокомандующего

работникам медико-санитарного отделения не удалось из-за смертельного ранения осколком в грудь¹.

В столь кровопролитном сражении особую важность имели профессионализм и самоотверженность медицинских работников. На примере 5-й гвардейской стрелковой дивизии можно проследить значимость труда медперсонала в боях за Восточную Пруссию.

5-я гвардейская стрелковая дивизия изначально называлась 107-й стрелковой дивизией и была сформирована на территории Алтайского края. Дивизия успела проявить себя уже в первые месяцы войны. За героизм и отвагу, проявленные под Ельней, дивизия была преобразована в 5-ю гвардейскую стрелковую².

Дивизия принимала активное участие во многих сражениях, в т.ч. и в Восточно-Прусской наступательной операции, где проявила себя при штурме Кенигсберга, военно-морской базы Пиллау, а также в боях за Веллау. Дивизии за весь период войны были присуждены награды, среди которых:

- орден Красного Знамени – был вручен дивизии за доблесть и мужество в боях под Москвой;
- наименование «Городокская» дивизия получила за овладение г. Городок на Витебском направлении;
- орден Суворова II степени – за форсирование р. Березины и освобождение г. Борисова;
- орден Ленина за образцовое выполнение боевого задания при штурме Кенигсберга.

Эти награды дивизия не смогла бы получить без хорошо слаженной работы всех ее подразделений, в т.ч. медсанбатов, полкового медицинского пункта, батальонного медицинского пункта, санитарного отделения.

Основной задачей всех санитарных подразделений было своевременное возвращение в действующие войска 75 % бойцов и

¹ Горбатов А.В. Годы и войны. М.: Воениздат, 1989 [Электронный ресурс]. URL: <http://militera.lib.ru/memo/russian/gorbatov/index.html> (дата обращения: 23.02.2020).

² 5-я гвардейская стрелковая дивизия-соединение РККА в Великой Отечественной войне [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rkkawwii.ru/division/5gvsdf1> (дата обращения: 09.02.2020).

командиров, выбывших в результате ранения или болезней. Военные медики прекрасно справлялись с данной задачей, всего в строй за время войны было возвращено 90,6 % больных и 72,3 % раненых, в то время как немецким медикам удавалось возвращать лишь 40 % раненых¹. Это свидетельствует о хорошей организации всех медицинских отделений и учреждений Красной армии.

Самую первую и простую помощь бойцам оказывало санитарное отделение стрелковой роты, состоящее из санитаров и санинструктора. Основной его задачей являлась доставка раненого с поля боя и перемещение его в тыл роты. После необходимой помощи санитарные носильщики или санитарный транспорт доставляли раненого в батальонный медпункт, где трудились три санинструктора и четыре санитаров под командованием офицера-военфельдшера. Их инструментарий был шире, однако не позволял оказывать помощь при серьезных ранениях. Дальше раненый направлялся в полковые медпункты, где раненых осматривали квалифицированные врачи, которые сортировали их по тяжести ранений. Боец с легкой раной мог дальше не перемещаться, те же, кому необходима была хирургическая помощь, немедленно попадали в самое главное звено дивизии – медсанбаты. Именно здесь совершались крупные хирургические операции.

Медсанбаты не служили настоящими госпиталями, в их задачу входила квалифицированная помощь больным и их распределение по госпиталям, а дальнейшее лечение проделывали полевые подвижные госпитали.

Следует отметить, что фронтовые медики имели определенные военные знания, в отличие от медиков, работавших в тылу. Медицинские работники также воевали, имели оружие и рисковали своей жизнью, спасая раненого. Правительство высоко

¹ Чиж И.М. Экстремальная медицина: краткий курс: учебное пособие для студентов, обучающихся по специальностям высшего профессионального образования группы «Здравоохранение» / И.М. Чиж, В.Г. Баженов. М.: Альфа-М: ИНФРА-М, 2014. 191 с. [Электронный ресурс]. URL: https://studref.com/371384/meditsina/voyna_meditsina (дата обращения: 12.02.2020).

ценило деятельность медицинских работников. Вышел приказ «О порядке представления к правительственной награде военных санитаров и носильщиков за хорошую боевую работу», подписанный 23 августа 1941 г., в котором отмечалось, что за вынос 15 раненых медицинского работника представляли к медали «За боевые заслуги» или «За отвагу», 25 раненых – к ордену Красной Звезды, 40 раненых – к ордену Красного Знамени, 80 раненых – к ордену Ленина¹.

**Военные медики, получившие медаль «За отвагу»
в ходе Восточно-Прусской наступательной операции²**

ФИО и должность	Обстоятельства подвига	Шифр документа в Центральном архиве Министерства обороны, электронная ссылка на копию документа
Санитар стрелковой роты Ф.И. Янушкевич	В боях за город Тапиау под ураганным огнем противника вынес с поля боя 13 тяжело раненых бойцов и офицеров с оказанием первой медицинской помощи	Ф. 33. Оп. 717037. Ед. 95. http://podvignaroda.ru/?#id=150804189&tab=navDetailDocument
Санитаринструктор 1-й стрелковой роты М.И. Шуляк	Под деревней Гросс Дендау вынес с поля боя 12 раненых бойцов и одного офицера с их личным оружием	Ф. 33. Оп. 717037. Ед. 116. http://podvignaroda.ru/?#id=150879622&tab=navDetailDocument
Санинструктор	При наступлении на де-	Ф. 33. Оп. 717037.

¹ Медики в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов [Электронный ресурс]. URL: <https://fb.ru/article/191910/mediki-v-godyi-velikoy-otechestvennoy-voynyi---godov-podvig-medikov-v-godyi-velikoy-otechestvennoy-voynyi> (дата обращения: 10.02.2020).

² Наградные документы // Подвиг народа [Электронный ресурс]. URL: http://podvignaroda.ru/?#people_search (дата обращения: 15.03.2020).

5-й стрелковой роты М.А Дыбань	ревню Цопен вынес с поля боя 43 раненых солдат и двух офицеров с их личным оружием	Ед. 116. http://podvignaroda.ru/?#id=150880907&tab=navDetailDocument
Санитар 1-й стрелковой роты С.Я. Азарко	С 23 января под сильным огнем противника своевременно оказывал первую помощь раненым бойцам, за это время вынес 16 раненых бойцов с их личным оружием	Ф. 33. Оп. 717037. Ед.116. http://podvignaroda.ru/?#id=150881202&tab=navDetailDocument
Санитар 8-й стрелковой роты А.К. Осокин	В боях за железнодорожную станцию Клайнхоф вынес с поля боя 14 раненых бойцов с их оружием и, будучи сам легко раненым, с поля боя не ушел	Ф. 33. Оп. 717037. Ед.116. http://podvignaroda.ru/?#id=150881202&tab=navDetailDocument
Санитар 1-й стрелковой роты А.В. Наумчик	С 23 по 28 января своевременно оказывал помощь раненым бойцам. Всего за это время он вынес 14 бойцов с их личным оружием	Ф. 33. Оп. 717037. Ед. 116. http://podvignaroda.ru/?#id=150881202&tab=navDetailDocument
Санитар 1-го стрелкового батальона Н.М. Гайченко	В условиях ожесточенных боев вынес с поля боя 15 тяжело раненных бойцов с их личным оружием	Ф. 33. Оп. 717037. Ед. 71. http://podvignaroda.ru/?#id=150673033&tab=navDetailDocument
Санитар 2-го стрелкового батальона Б.П. Гусев	В условиях ожесточенных боев вынес с поля боя 17 тяжело раненных бойцов с их личным оружием	Ф. 33. Оп. 717037. Ед. 71. http://podvignaroda.ru/?#id=150673033&tab=navDetailDocument

Санитар 2-го стрелкового батальона Д.И. Конов	Во время ожесточенных боев с немецкими захватчиками за один день вынес с поля боя 16 раненых бойцов с их личным оружием	Ф. 33. Оп. 717037. Ед. 71. http://podvignaroda.ru/?#id=150673033&tab=navDetailDocument
Санинструктор 8-й стрелковой роты И.Ф. Придачин	В районе населенного пункта Зиланкен за один день вынес с поля боя 19 тяжело раненых бойцов с их личным оружием	Ф. 33. Оп. 717037. Ед. 71. http://podvignaroda.ru/?#id=150673033&tab=navDetailDocument
Ездовой санитарной роты старшина И.Н. Бурмистров	В период наступательных боев 23–29 января вывез с поля боя под огнем противника 45 раненых с их оружием	Ф.33. Оп. 717037. Ед. 17. http://podvignaroda.ru/?#id=150900720&tab=navDetailDocument
Санитар санитарного взвода 1-го стрелкового батальона И.Ф. Радионов	В бою под деревней Попен убил 5 немцев и взял исправный пулемет. После перевязывал раненых бойцов и эвакуировал в тыл. Всего вынес с поля боя 20 бойцов	Ф. 33. Оп. 717037. Ед. 117. http://podvignaroda.ru/?#id=150900720&tab=navDetailDocument
Санитар 7-й стрелковой роты гвардии рядовой Ф.И. Гончаренко	В бою за крепость Кенигсберг с 6–8 апреля оказал первую медицинскую помощь и вынес с поля боя 9 тяжело раненых бойцов, одного офицера с их оружием	Ф. 33. Оп. 717037. Ед. 98 http://podvignaroda.ru/?#id=150744719&tab=navDetailDocument
Санитар санитарной роты И.В. Засименко	Во время штурма г. Кенигсберг под сильным артиллерийским минометным огнем вынес с поля боя 23 раненых красноармейца	Ф. 33. Оп. 717037. Ед. 98. http://podvignaroda.ru/?#id=150744889&tab=navDetailDocument

Санитар стрелковой роты гвардии рядовой Я.И. Муха	В бою за г. Кенигсберг под сильным артиллерийским и минометным огнем противника оказал помощь и вынес с поля боя 14 тяжело раненных бойцов и одного офицера с оружием	Ф. 33. Оп. 717037. Ед. 98. http://podvignaroda.ru/?#id=150744889&tab=navDetailDocument
---	---	---

В каждой дивизии во время Великой Отечественной войны существовал отдельный медико-санитарный батальон. В 5-й гвардейской стрелковой дивизии действовал 377-й отдельный медико-санитарный батальон, в котором медали «За отвагу» в Восточно-Прусской наступательной операции получили санитары эвако-транспортного взвода: Я.П. Головин, А.Д. Чихутин, М.А. Брага, В.Г. Бутымов¹.

Орден Красной Звезды из состава 377-го медсанбата 5-й гвардейской стрелковой дивизии в ходе Восточно-Прусской наступательной операции получили:

- командир санитарной роты А.В. Бессарабский в боях за г. Кенигсберг и Пиллау как опытный врач оказывал медицинскую помощь раненым, за период апрельских боев из 350 раненых умерших в санитарной роте не было²;

- помощник начальника части медицинского снабжения Г.Т. Зеленко, несмотря на трудности в связи с недостатками медицинского имущества, создавал запасы, поэтому не было проблем с перебоем перевязочного материала и медикаментами, что способствовало своевременному и полноценному оказанию медицинской помощи раненым и больным³;

- старший фельдшер В.В. Пуздрач лично принял на себя более 800 раненых, работая сутками без смены и отдыха. Он сумел правильно своевременно произвести сортировку по срокам ока-

¹ Приказ подразделения № 23/Н от 21.05.1945 [Электронный ресурс] // ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686196. Ед. 5962. URL: <http://podvignaroda.ru/?#id=27579932&tab=navDetailDocument> (дата обращения: 12.02.2020).

² Там же.

³ Приказ подразделения № 23/Н от 21.05.1945...

зания хирургической помощи, поэтому смертность в медсанбате была значительно сокращена¹;

– санитар А.Н. Савран за период последних двух операций в условиях уличного боя под огнем противника, рискуя жизнью, производил эвакуацию раненых, в результате чего им транспортировано 349 человек².

Из медицинских работников, боровшихся за жизни советских бойцов, присутствуют и сибиряки, среди них:

– санитар стрелковой роты А.Д. Ревякин из Коченевского района Новосибирской области получил медаль «За отвагу», после того как в боях за г. Кенигсберг под сильным артиллерийско-минометным и пулеметным огнем противника безустанно оказывал помощь пострадавшим и эвакуировал раненых с поля боя. При форсировании реки Прегель спас жизнь двум тонувшим раненым бойцам;

– сестра хирургического операционно-перевязочного взвода 377-го медсанбата 5-й гвардейской стрелковой дивизии П.П. Дианова из Алтайского края получила орден Красной Звезды за то, что «упорно» оказывала медицинскую помощь, выполняла обязанности фельдшера с 1941 г., сама являлась донором. За создание уюта и хорошую организацию питания имела несколько благодарностей от бойцов и офицеров³.

Таким образом, большую роль в годы войны играли военные медики, которые смогли вернуть в строй более 75 % раненых и больных. За свой нелегкий труд медики получали награды, о чем свидетельствуют наградные документы на 25 медиков 5-й гвардейской стрелковой дивизии периода Восточно-Прусской наступательной операции⁴.

¹ Приказ подразделения № 23/Н от 21.05.1945...

² Там же.

³ Там же.

⁴ Подвиг народа: обобщенный банк данных / Управление М-ва обороны РФ по увековечиванию памяти погибших при защите Отечества [Электронный ресурс]. URL: http://podvignaroda.ru/?#people_search (дата обращения: 12.03.2020).

Сведения об авторах

Абдулина Аксункар Турсуновна, кандидат исторических наук, Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, Алматы, Республика Казахстан.

E-mail: abd_aksunkar@mail.ru

Акрамов Закирьё Иномович, доктор исторических наук, Таджикский национальный университет, Душанбе, Республика Таджикистан.

E-mail: Akrami.1961@mail.ru

Акрамов Муртазо Иномович, Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Академии наук Республики Таджикистан, Душанбе, Республика Таджикистан.

E-mail: murtazo.akramov@mail.ru

Аманжолова Дина Ахметжановна, доктор исторических наук, Институт российской истории Российской академии наук, Москва, Россия.

E-mail: amanzholova19@mail.ru

Андреенков Сергей Николаевич, кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия.

E-mail: andreenkov_sn@mail.ru

Аннаоразов Джумадурды Сейтекович, кандидат исторических наук, Туркменский государственный университет им. Махтумкули, Ашхабад, Туркменистан.

E-mail: j.annaorazow@gmail.com

Аннаоразова Мехри Туркишбердыевна, Общеобразовательная средняя школа № 24 имени «Рухнамы», Ашхабад, Туркменистан.

E-mail: j.annaorazow@gmail.com

Асанова Салтанат Амиргалиевна, кандидат исторических наук, Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, Алматы, Республика Казахстан.

E-mail: saltasanova@gmail.com

Ахметова Калампыр Кукеевна, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Нур-Султан, Республика Казахстан.

E-mail: Kalampyr1947@mail.ru

Баскаков Виктор Вячеславович, кандидат исторических наук, свободный исследователь, Реутов-1, Россия.

E-mail: baskakov@luding.ru

Белов Сергей Геннадьевич, Казанский научный центр Российской академии наук, Казань, Россия.

E-mail: sgb-79@mail.ru

Белоногов Юрий Геннадьевич, кандидат политических наук, Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермь, Россия.

E-mail: ugb78@mail.ru

Бехтенова Елена Федоровна, кандидат педагогических наук, Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия.

E-mail: bekhtenova@mail.ru

Богданова Альмира Абдулхаевна, кандидат педагогических наук, Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета, Стерлитамак, Россия.

E-mail: almira-bogdanova@mail.ru

Воронкова Ирина Юрьевна, Институт истории Национальной академии наук Беларуси, Минск, Республика Беларусь.

E-mail: irinaiiinanb@mail.ru

Вяземский Евгений Евгеньевич, доктор педагогических наук, Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия.

E-mail: viazemskiy@rambler.ru

Герштейн Илья Захарьевич, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия.

E-mail: zaharych77@mail.ru

Голодяев Константин Артемович, Музей Новосибирска, Новосибирск, Россия.

E-mail: golod62@mail.ru

Джамбулатов Руслан Темирсултанович, Дагестанский некоммерческий фонд «Россия – Моя История. Город Махачкала», Махачкала, Россия.

E-mail: djam.rus@mail.ru

Дзadzиева Елизавета Александровна, Институт истории и археологии Республики Северная Осетия – Алания, Владикавказ, Россия.

E-mail: liza.dzadzиеva@mail.ru

Добровольский Анатолий Владимирович, доктор исторических наук, Сибирский государственный университет путей сообщения, Новосибирск, Россия.

E-mail: dobr@sgyps.stu.ru

Дроздов Федор Борисович, кандидат исторических наук, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия.

E-mail: fedorus_kurgan@mail.ru

Дружинина Юлия Викторовна, кандидат исторических наук, Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия.

E-mail: druzok5111@yandex.ru

- Дядченко Маргарита Владимировна*, кандидат филологических наук, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия.
E-mail: margarita-martynenko@yandex.ru
- Епина Марина Борисовна*, Музей Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия.
E-mail: MEpina@sfu-kras.ru
- Ерёмина Татьяна Юрьевна*, Институт развития образования Кировской области, Киров, Россия.
E-mail: socium@kirovipk.ru
- Зиновьев Василий Павлович*, доктор исторических наук, Томский государственный университет, Томск, Россия.
E-mail: vpz@tsu.ru
- Иванов Вячеслав Александрович*, кандидат исторических наук, Государственное бюджетное учреждение Республики Крым «Центральный музей Тавриды», с. Мирное, Симферопольский район, Россия.
E-mail: slavik1855@gmail.com
- Ильиных Владимир Андреевич*, доктор исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия.
E-mail: agro_iwa@mail.ru
- Казак Анатолий Альбертович*, первый секретарь Советского районного комитета Коммунистической партии Российской Федерации; член Союза журналистов России; общественный помощник Уполномоченного по правам человека Новосибирской области по Советскому району, Новосибирск, Россия.
E-mail: kazak_1954@mail.ru
- Капаева Айжан Токановна*, доктор исторических наук, Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, Алматы, Республика Казахстан.
E-mail: kapaeva.59@mail.ru
- Кирюхин Дмитрий Вячеславович*, кандидат исторических наук, Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия, Нижний Новгород, Россия.
E-mail: bagerlock@gmail.com
- Кобзева Ольга Петровна*, доктор исторических наук, Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека, Ташкент, Республика Узбекистан.
E-mail: okobzeva75@mail.ru
- Корзюк Александр Александрович*, кандидат педагогических наук, Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка, Минск, Республика Беларусь.
E-mail: alkor.77@mail.ru

Коровянская Сюзанна Игоревна, студент, Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка, Минск, Республика Беларусь.

Е-mail: snil_klio@mail.ru

Косякова Дарья Олеговна, магистр исторических наук, Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка, Минск, Республика Беларусь.

Е-mail: daryamoya@gmail.com

Кочергин Алексей Анатольевич, Распределенный научный центр межатнических и религиозных проблем, Краснодар, Россия.

Е-mail: a-coch@mail.ru

Куперштох Наталья Александровна, кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия.

Е-mail: nataly.kuper@gmail.com

Кусков Сергей Александрович, кандидат исторических наук, Объединенный государственный архив Челябинской области, Челябинск, Россия.

Е-mail: kuskov_1981@mail.ru

Лазукова Наталия Николаевна, кандидат педагогических наук, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия.

Е-mail: lazukovann@yandex.ru

Мазур Людмила Николаевна, доктор исторических наук, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия.

Е-mail: LN.Mazur@urfu.ru

Мартынов Алексей Сергеевич, историк, свободный исследователь, Донецк, Донецкая Народная Республика.

Е-mail: project2070@mail.ru

Мельников Никита Николаевич, кандидат исторических наук, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия.

Е-mail: meln2011kit@gmail.com

Мозговая Оксана Станиславовна, кандидат исторических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия.

Е-mail: mozgowaja@mail.ru

Музюкин Александр Германович, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: misterchak2016@gmail.com

Николаев Илья Игоревич, студент, Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия.

E-mail: nikolaev.ilia.ru@mail.ru

Овчинникова Алена Евгеньевна, Музей «Заельцовка» – филиал «Музея Новосибирска», Новосибирск, Россия.

E-mail: super.muzej@yandex.ru

Огоновская Изабелла Станиславовна, кандидат исторических наук, Специализированный учебно-научный центр Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия.

E-mail: izabella-irto@mail.ru

Орлова Елена Александровна, кандидат исторических наук, Историко-культурный и природный музей-заповедник Томская Писаница, Кемерово, Россия.

E-mail: orlovaea42@gmail.com

Павлова Оксана Сергеевна, кандидат исторических наук, Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета, Стерлитамак, Россия.

E-mail: oksana.s.pavlova@mail.ru

Палецких Надежда Петровна, доктор исторических наук, Государственный исторический музей Южного Урала, Челябинск, Россия.

E-mail: palenad@mail.ru

Першина Юлия Валерьевна, кандидат исторических наук, Институт развития образования Кировской области, Киров, Россия.

E-mail: socium@kirovipk.ru

Петров Станислав Геннадьевич, кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия.

E-mail: petrov_istochnik@mail.ru

Полиновская Евгения Анатольевна, кандидат исторических наук, Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия.

E-mail: iskra2017@mail.ru

Рахимов Мирзохид Акрамович, доктор исторических наук, Институт истории Академии наук Республики Узбекистан, Ташкент, Республика Узбекистан.

E-mail: mirzonur@yahoo.com; mirzohidr@mail.ru

Родина Наталья Александровна, кандидат психологических наук, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Институт экономики и предпринимательства, Нижний Новгород, Россия.

E-mail: na4aikovskaya@mail.ru

Романенко Никита Алексеевич, студент, Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия.

E-mail: Nromane99@yandex.ru

Романов Роман Евгеньевич, кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия.

E-mail: rromanov1981@mail.ru

Рыжкова Ольга Васильевна, кандидат исторических наук, Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт, филиал Российского государственного профессионально-педагогического университета, Нижний Тагил, Россия.

E-mail: olimp_a49@mail.ru

Рыков Алексей Викторович, Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия.

E-mail: avrykov@bk.ru

Синенко Виктория Александровна, студент, Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия.

E-mail: sinenko.viktoriya.99@mail.ru

Старцев Анатолий Федорович, доктор исторических наук, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук, Владивосток, Россия.

E-mail: starcev.42@mail.ru

Стрелова Ольга Юрьевна, доктор педагогических наук, Хабаровский краевой институт развития образования, Хабаровск, Россия.

E-mail: strelovaprof@gmail.com

Сузрюкова Елена Леонидовна, кандидат филологических наук, Новосибирская православная духовная семинария Новосибирской епархии Русской Православной Церкви, г. Обь, Новосибирская область, Россия.

E-mail: sellns@mail.ru

Суслов Алексей Юрьевич, доктор исторических наук, Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева-КАИ, Казань, Россия.

E-mail: plusha131333@yandex.ru

Терскова Аида Александровна, кандидат исторических наук, Музей Сибирского федерального университета, Красноярск, Россия.

E-mail: teraida@yandex.ru

Тимошук Алексей Станиславович, доктор философских наук, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Россия.

E-mail: human@vui.vladinfo.ru

Тихонов Сергей Семенович, кандидат исторических наук, Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (Омская лаборатория археологии, этнографии и музееведения), Омск, Россия.

E-mail: semchi957@gmail.com

Толмачева Анна Валерьевна, кандидат исторических наук, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, Красноярск, Россия.

E-mail: Tolm-anna@yandex.ru

Трофимов Андрей Владимирович, доктор исторических наук, Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия.

E-mail: 2519612@rambler.ru

Трушкова Анастасия Викторовна, студентка, Мордовский государственный педагогический институт им. М.Е. Евсевьева, Саранск, Россия.

E-mail: trushckowa2016@yandex.ru

Тузикова Лариса Дмитриевна, Гимназия № 7, «Сибирская», Новосибирск, Россия.

E-mail: tuzikovald@mail.ru

Упоров Иван Владимирович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, Краснодар, Россия.

E-mail: uporov@list.ru

Федоров Максим Львович, кандидат филологических наук, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия.

E-mail: maksimfyodorov@yandex.ru

Цысь Валерий Валентинович, доктор исторических наук, Нижневартковский государственный университет, Нижневартковск, Россия; МАУ «Экоцентр», г. Мегион, Россия.

E-mail: roshist@mail.ru

Чайковский Александр Евгеньевич, кандидат исторических наук, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия.

E-mail: alex.chajkovskij@yandex.ru

Чекулаев Николай Дмитриевич, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук, Махачкала, Россия.

E-mail: koctin1974@mail.ru

Чуркин Михаил Константинович, Доктор исторических наук, Омский государственный педагогический университет, Омск, Россия.

E-mail: proffchurkin@yandex.ru

Шарапов Сергей Валерьевич, кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия.

E-mail: sharapovsv1@yandex.ru

Шарифов Рахмонали Ятимович, доктор исторических наук, Таджикский национальный университет, Душанбе, Республика Таджикистан.

E-mail: rahmon6060@mail.ru

Шиловский Михаил Викторович, доктор исторических наук, Новосибирский государственный университет; Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия.

E-mail: kapital@history.nsc.ru

Эгамбердиева Гузаль Акрамжановна, докторант, Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека, Ташкент, Республика Узбекистан.

E-mail: egamberdiyevag@bk.ru

Contributors

Abdulina Aksunkar T., Candidate of Historical Sciences, Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology, Almaty, Republic of Kazakhstan.

E-mail: abd_aksunkar@mail.ru

Akhmetova Kalampir K., L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Republic Kazakhstan.

E-mail: Kalampyr1947@mail.ru

Akramov Murtazo I., Institute of History, Archaeology and Ethnography named after A. Donish, Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan, Dushanbe, Republic of Tajikistan.

E-mail: murtazo.akramov@mail.ru

Akramov Sakire I., Doctor of Historical Sciences, Tajik National University, Dushanbe, Republic of Tajikistan.

E-mail: Akrami.1961@mail.ru

Amanzholova Dina A., Doctor of Historical Sciences, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

E-mail: amanzholova19@mail.ru

Andreenkov Sergey N., Candidate of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia.

E-mail: andreenkov_sn@mail.ru

Annaorazov Jumadurdy S., Candidate of Historical Sciences, Turkmen State University named after Magtymguly, Ashgabat, Turkmenistan.

E-mail: j.annaorazow@gmail.com

Annaorazova Mekhri T., Secondary School No. 24 named after “Ruhnama”, Ashgabat, Turkmenistan.

E-mail: j.annaorazow@gmail.com

Asanova Saltanat A., Candidate of Historical Sciences, Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology, Almaty, Republic of Kazakhstan.

E-mail: saltasanova@gmail.com

Baskakov Viktor V., Candidate of Historical Sciences, Reutov-1, Russia.

E-mail: baskakov@luding.ru

Bekhtenova Elena F., Candidate of Pedagogical Sciences, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia.

E-mail: bekhtenova@mail.ru

Belonogov Yury G., Candidate of Political Sciences, Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russia.

E-mail: ugb78@mail.ru

Belov Sergei G., Kazan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Kazan, Russia.

E-mail: sgb-79@mail.ru

Bogdanova Almira A., Candidate of Pedagogical Sciences, Sterlitamak Branch of Bashkir State University, Sterlitamak, Russia.

E-mail: almira-bogdanova@mail.ru

Chekulaev Nikolay D., Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia.

E-mail: koctin1974@mail.ru

- Churkin Michail K.*, Doctor of Historical Sciences, Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russia.
E-mail: proffchurkin@yandex.ru
- Dobrovolsky Anatoly V.*, Doctor of Historical Sciences, Siberian State Transport University, Novosibirsk, Russia.
E-mail: dobr@sgyps.stu.ru
- Drozdov Fedor B.*, Candidate of Historical Sciences, Lobachevsky University, Nizhny Novgorod, Russia.
E-mail: fedorus_kurgan@mail.ru
- Druzhinina Yuliya V.*, Candidate of Historical Sciences, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia.
E-mail: druzok5111@yandex.ru
- Dyadchenko Margarita V.*, Candidate of Philology, RUDN University, Moscow, Russia.
E-mail: margarita-martynenko@yandex.ru
- Dzadzieva Elizaveta A.*, Institute of History and Archaeology of the Republic of North Ossetia – Alania, Vladikavkaz, Russia.
E-mail: liza.dzadzieva@mail.ru
- Dzhambulatov Ruslan T.*, “Russia – My History. City of Makhachkala”, Makhachkala, Russia.
E-mail: djam.rus@mail.ru
- Egamberdiyeva Guzal A.*, PhD Student, National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek, Tashkent, Republic of Uzbekistan.
E-mail: egamberdiyevag@bk.ru
- Epina Marina B.*, Museum of the Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia.
E-mail: MEpina@sfu-kras.ru
- Eryomina Tatyana Yu.*, Institute of Educational Development of the Kirov Region, Kirov, Russia.
E-mail: socium@kirovipk.ru
- Fedorov Maksim L.*, Candidate of Philology, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
E-mail: maksimfyodorov@yandex.ru
- Gerstein Ilya Z.*, Lobachevsky University, Nizhny Novgorod, Russia.
E-mail: zaharych77@mail.ru
- Golodyaev Konstantin A.*, Museum of Novosibirsk, Novosibirsk, Russia.
E-mail: golod62@mail.ru

Ilinykh Vladimir A., Doctor of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia.

E-mail: agro_iwa@mail.ru

Ivanov Vyacheslav A., Candidate of Historical Sciences, State Budget Institution Republic of Crimea “Tavrida Central Museum”, Village Mirnoe, Simferopol Region, Russia.

E-mail: slavik1855@gmail.com

Kapayeva Aizhan T., Doctor of Historical Sciences, Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology, Almaty, Republic of Kazakhstan.

E-mail: kapaeva.59@mail.ru

Kasiakova Darya O., Master of History, Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk, Republic of Belarus.

E-mail: daryamoya@gmail.com

Kazak Anatoly A., First Secretary of the Soviet District Committee of the Communist Party of the Russian Federation, Member of the Union of Journalists of Russia, Public Assistant to the Commissioner for Human Rights of the Novosibirsk Region for the Soviet District, Novosibirsk, Russia.

E-mail: kazak_1954@mail.ru

Kiryukhin Dmitriy V., Candidate of Historical Sciences, Nizhny Novgorod State Agricultural Academy, Nizhny Novgorod, Russia.

E-mail: bagerlock@gmail.com

Kobzeva Olga P., Doctor of Historical Sciences, National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek, Tashkent, Republic of Uzbekistan.

E-mail: okobzeva75@mail.ru

Kochergin Aleksey A., Distributed Research Center for Interethnic and Religious Issues, Krasnodar, Russia.

E-mail: a-coch@mail.ru

Korovyanskaya Syuzanna I., Student, Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk, Republic of Belarus.

E-mail: snil_klio@mail.ru

Korzyuk Aleksandr A., Candidate of Pedagogical Sciences, Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk, Republic of Belarus.

E-mail: alkor.77@mail.ru

Kupershtokh Natalia A., Candidate of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia.

E-mail: nataly.kuper@ gmail.com

- Kuskov Sergey A.*, Candidate of Historical Sciences, Joint State Archive of the Chelyabinsk Region, Chelyabinsk, Russia.
E-mail: kuskov_1981@mail.ru
- Lazukova Nataliya N.*, Candidate of Pedagogical Sciences, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia.
E-mail: lazukovann@yandex.ru
- Martinov Aleksey S.*, Historian, Free Researcher, Donetsk, Donetsk People's Republic.
E-mail: project2070@mail.ru
- Mazur Ludmila N.*, Doctor of Historical Sciences, Ural Federal University Named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia.
E-mail: Lmaz@mail.ru
- Melnikov Nikita N.*, Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia.
E-mail: meln2011kit@gmail.com
- Mozgovaya Oksana S.*, Candidate of Historical Sciences, Saratov State University, Saratov, Russia.
E-mail: mozgowaja@mail.ru
- Muzyukin Aleksandr G.*, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia.
E-mail: misterchak2016@gmail.com
- Nikolaev Ilia I.*, Student, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia.
E-mail: nikolaev.ilia.ru@mail.ru
- Ogonovskaya Izabella S.*, Candidate of Historical Sciences, Specialized Educational and Scientific Center of the Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.
E-mail: izabella-irro@mail.ru
- Orlova Elena A.*, Candidate of Historical Sciences, Historical-Cultural and Natural Museum-Reserve "Tomskaya Pisanitsa", Kemerovo, Russia.
E-mail: orlovaea42@gmail.com
- Ovchinnikova Alena E.*, The Zayeltsovka Museum, a Branch of Museum Novosibirsk, Novosibirsk, Russia.
E-mail: super.muzej@yandex.ru
- Paletskikh Nadezhda P.*, Doctor of Historical Sciences, State Historical Museum of the Southern Urals, Chelyabinsk, Russia.
E-mail: palenad@mail.ru

- Pavlova Oksana S.*, Candidate of Historical Sciences, Sterlitamak Branch of Bashkir State University, Sterlitamak, Russia.
E-mail: oksana.s.pavlova@mail.ru
- Pershina Yuliya V.*, Candidate of Historical Sciences, Institute of Educational Development of the Kirov Region, Kirov, Russia.
E-mail: socium@kirovipk.ru
- Petrov Stanislav G.*, Candidate of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia.
E-mail: petrov_istochnik@mail.ru
- Polinovskaya Evgeniya A.*, Candidate of Historical Sciences, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia.
E-mail: iskra2017@mail.ru
- Rakhimov Mirzokhid A.*, Doctor of Historical Sciences, Institute of History of Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Republic of Uzbekistan.
E-mail: mirzonur@yahoo.com, mirzonur@hotmail.com
- Rodina Natalya A.*, Candidate of Psychological Sciences, Lobachevsky University, Nizhny Novgorod, Russia.
E-mail: na4aikovskaya@mail.ru
- Romanenko Nikita A.*, Student, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia.
E-mail: Nromane99@yandex.ru
- Romanov Roman E.*, Candidate of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia.
E-mail: rromanov1981@mail.ru
- Rykov Aleksey V.*, Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia.
E-mail: avrykov@bk.ru
- Ryzhkova Olga V.*, Candidate of Historical Sciences, Nizhny Tagil State Social-Pedagogical Institute, Branch of the Russian State Vocational Pedagogical University, Nizhny Tagil, Russia.
E-mail: olimp_a49@mail.ru
- Sharapov Sergey V.*, Candidate of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia.
E-mail: sharapovsv1@yandex.ru
- Sharifov Rahmonali A.*, Doctor of Historical Sciences, Tajik National University, Dushanbe, Tajikistan.
E-mail: rahmon6060@mail.ru

Shilovskiy Mikhail V., Doctor of Historical Sciences, Novosibirsk State University; Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia.

E-mail: kapital@history.nsc.ru

Sinenko Victoria A., Student, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia.

E-mail: sinenko.viktoriya.99@mail.ru

Starcev Anatoly F., Doctor of Historical Sciences, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia.

E-mail: starcev.42@mail.ru

Strelova Olga Yu., Doctor of Pedagogical Sciences, Khabarovsk Regional Institute of Education Development, Khabarovsk, Russia.

E-mail: strelovaprof@gmail.com

Suslov Aleksei Yu., Doctor of Historical Sciences, Kazan National Research Technical University named after A.N. Tupolev-KAI, Kazan, Russia.

E-mail: plusha131333@yandex.ru

Suzryukova Elena L., Candidate of Philology, Novosibirsk Orthodox Theological Seminary of Novosibirsk Diocese of the Russian Orthodox Church, Ob, Novosibirsk Region, Russia.

E-mail: sellns@yandex.ru

Tchaikovsky Alexander E., Candidate of Historical Sciences, Lobachevsky University, Nizhny Novgorod, Russia.

E-mail: alex.chajkovskij@yandex.ru

Terskova Aida A., Candidate of Historical Sciences, Museum of the Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia.

E-mail: teraida@yandex.ru

Tikhonov Sergey S., Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Omsk Laboratory of Archaeology, Ethnography and Museology), Omsk, Russia.

E-mail: semchi957@gmail.com

Timoshchuk Alexey S., Doctor of Philosophy, Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russia.

E-mail: human@vui.vladinfo.ru

Tolmacheva Anna V., Ph.D., Candidate of Historical Sciences, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafieva, Krasnoyarsk, Russia.

E-mail: Tolm-anna@yandex.ru

Trofimov Andrey V., Doctor of Historical Sciences, Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia.

E-mail: 2519612@rambler.ru

Trushkova Anastasia V., Student, Mordovian State Pedagogical Institute named after M.E. Evseev, Saransk, Russia.

E-mail: trushckowa2016@yandex.ru

Tsys Valery V., Doctor of Historical Sciences, Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russia; Ecocentr, Megion, Russia.

E-mail: roshist@mail.ru

Tuzikova Larisa D., Gymnasium No. 7 “Sibirskaya”, Novosibirsk, Russia.

E-mail: tuzikovald@mail.ru

Uporov Ivan V., Doctor of Historical Sciences, Candidate of Law, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia, Krasnodar, Russia.

E-mail: uporov@list.ru

Voronkova Irina Yu., Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Republic of Belarus.

E-mail: irinaiinanb@mail.ru

Vyazemskiy Evgeniy E., Doctor of Pedagogical Sciences, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia.

E-mail: viazemskiy@rambler.ru

Zinovyev Vasily P., Doctor of Historical Sciences, Tomsk State University, Tomsk, Russia.

E-mail: vpz@tsu.ru

Содержание

От редколлегии.....	3
---------------------	---

Меморизация войны и Победы

<i>Д.А. Аманжолова. Память о Великой Отечественной войне в Казахстане – особенности интерпретации.....</i>	<i>8</i>
<i>И.З. Герштейн. Негативные и позитивные практики использования памяти о Великой Отечественной войне.....</i>	<i>20</i>
<i>А.С. Тимощук. Меморизация войны и Победы.....</i>	<i>27</i>
<i>А.Т. Капаева. Историческая память о войне в Казахстане.....</i>	<i>34</i>
<i>М.К. Чуркин. Великая Отечественная война в поколенческом срезе коллективной памяти российского общества.....</i>	<i>45</i>
<i>С.С. Тихонов. Воспоминания детей о войне и глубина исторической памяти.....</i>	<i>55</i>
<i>Р.Я. Шарифов. Вклад Рахмона Сафарова в сохранение памяти о Великой Отечественной войне.....</i>	<i>61</i>
<i>С.Г. Белов, А.Ю. Суслов. Писательская эвакуация в Чистополь и Елабугу в годы Великой Отечественной войны (1941–1943): проблемы современного восприятия.....</i>	<i>69</i>
<i>А.А. Богданова. Эпистолярные источники в формировании исторической памяти о Великой Отечественной войне.....</i>	<i>76</i>
<i>Е.Л. Сузрюкова. Тема Великой Отечественной войны в романе П. Дедова «Светозары».....</i>	<i>82</i>
<i>Е.А. Дзадзиева. Мемориальное пространство как опредмеченный источник памяти о Великой Отечественной войне (Республика Северная Осетия – Алания).....</i>	<i>90</i>
<i>Ф.Б. Дроздов. «Долина смерти» как пространство памяти.....</i>	<i>98</i>
<i>Г.А. Эгамбердиева. Сохранение истории Великой Отечественной войны в Узбекистане посредством развития молодежного историко-краеведческого туризма по памятным местам и мемориалам.....</i>	<i>104</i>

<i>Н.Н. Мельников. Историческая память и бронетехника: военные музеи как источник новых данных о периоде Великой Отечественной войны.....</i>	<i>112</i>
<i>Л.Н. Мазур. Советская деревня в годы войны: эволюция образа в художественном кинематографе.....</i>	<i>119</i>
<i>М.В. Дядченко. Сохранение исторической памяти и формирование патриотизма у молодежи средствами современного российского кинематографа (на материале фильмов о Великой Отечественной войне, вышедших в прокат в 2015–2020 гг.)....</i>	<i>128</i>
<i>Е.А. Полиновская. Подпольная организация «Молодая гвардия» в кинематографической коммеморации....</i>	<i>136</i>
<i>А.В. Трофимов. Образ Великой Отечественной войны в советском кинематографе второй половины 1940-х годов.....</i>	<i>145</i>
<i>О.В. Рыжкова. Гражданско-патриотическое воспитание молодежи в пространстве педагогического ВУЗа.....</i>	<i>153</i>
<i>К.К. Ахметова. Помним, поклоняемся, не забудем.....</i>	<i>162</i>

Цена Победы: демографические, социальные и культурные последствия Великой Отечественной войны

<i>Н.П. Палецких. Материально-вещная среда тыловой повседневности на Урале (по свидетельствам эго-документов).....</i>	<i>172</i>
<i>Ю.Г. Белоногов. Оценка эффективности профилактики трудового дезертирства периода Великой Отечественной войны в современной российской историографии.....</i>	<i>181</i>
<i>Р.Е. Романов. Постсоветская историография проблемы стимулирования труда рабочих в военное время (1941–1945 годы).....</i>	<i>189</i>
<i>О.С. Мозговая. Вклад немецкого населения СССР в победу в Великой Отечественной войне.....</i>	<i>197</i>
<i>М.А. Рахимов. Участие Узбекской ССР в войне против фашизма и вопросы послевоенного мироустройства..</i>	<i>205</i>
<i>Р.Т. Джамбулатов, Н.Д. Чекулаев. О вкладе населения Дагестана в фонд обороны в годы Великой Отечественной войны.</i>	<i>214</i>

<i>Д.В. Кирюхин. Вклад Большемурашкинской средней школы в победу в Великой Отечественной войне.....</i>	<i>219</i>
<i>К.А. Голодяев. Прием и размещение в Новосибирске гражданского населения и организаций, эвакуируемых из западных регионов СССР в 1941–1942 годах в социальной памяти горожан.....</i>	<i>225</i>
<i>О.С. Павлова. Производственная деятельность эвакуированного населения в Башкирской АССР в годы Великой Отечественной войны.....</i>	<i>236</i>
<i>В.В. Цысь. Об участии Главного управления военно-промышленного строительства при СНК СССР в восстановлении народного хозяйства на завершающем этапе Великой Отечественной войны (1944–1945 гг.).....</i>	<i>244</i>
<i>И.В. Упоров. Уголовно-правовая политика в отношении лиц, совершивших преступления против государства, в период Великой Отечественной войны.....</i>	<i>252</i>
<i>А.В. Толмачева. Проблема плена и ее влияние на соотношение потерь противоборствующих сторон на советско-германском фронте в годы Великой Отечественной войны.....</i>	<i>259</i>
<i>А.В. Трушкова. Демографический кризис в военный и послевоенный период.....</i>	<i>268</i>
<i>С.Н. Андреенков, В.А. Ильиных. Сельское хозяйство Сибири в годы Великой Отечественной войны.....</i>	<i>273</i>
<i>А.В. Рыков. Основные тенденции развития колхозной торговли в Алтайском крае в годы Великой Отечественной войны.....</i>	<i>281</i>
<i>С.В. Шарапов. Сельское хозяйство Новосибирской области накануне Великой Отечественной войны (по материалам поездки А.А. Андреева в Западную Сибирь). .</i>	<i>288</i>
<i>А.Е. Чайковский, Н.А. Родина. Советская печать периода Великой Отечественной войны о русском национальном характере</i>	<i>297</i>
<i>М.Л. Федоров. Демьян Бедный и Окна ТАСС. Поэт в годы Великой Отечественной войны.....</i>	<i>304</i>

<i>Н.А. Куперштох. Вклад ученых Сибири в дело Победы: о первой научной сессии Западно-Сибирского филиала АН СССР 1945 года.....</i>	<i>313</i>
---	------------

***Изучение и реконструкция боевых действий и жизни
на оккупированной территории***

<i>В.П. Зиновьев. О готовности СССР ко Второй мировой войне.</i>	<i>321</i>
<i>И.И. Николаев. Штурм города Цинтен частями 173-й стрелковой Оршанской Краснознаменной дивизии в феврале 1945 года....</i>	<i>329</i>
<i>Н.А. Романенко. Бои сибирских дивизий в большой излучине Дона в июле – августе 1942 года.....</i>	<i>332</i>
<i>А.Ф. Старцев. Коренные народы Приамурья и Приморья – защитники родины.....</i>	<i>338</i>
<i>В.В. Баскаков. Надежный заслон шпионам и диверсантам (из опыта служебно-боевой деятельности внутренних войск в период битвы за Москву)...</i>	<i>345</i>
<i>А.Т. Абдулина. Казахи в национальном составе Героев Советского Союза.....</i>	<i>352</i>
<i>З.И. Акрамов, М.И. Акрамов. Письма воинов Таджикистана в годы Великой Отечественной войны на примере писем Усмона-танкиста.....</i>	<i>360</i>
<i>С.А. Асанова. Специфика поведенческой мотивации воинов казахских национальных формирований в годы Великой отечественной войны.....</i>	<i>369</i>
<i>Д.О. Косякова. Минское гетто: «взгляд изнутри» (Минское гетто в устноисторических воспоминаниях его малолетних узников).....</i>	<i>380</i>
<i>А.С. Мартынов. Гуманитарные преступления «Украинской вспомогательной милиции» и команды СС 10-а в городе Мариуполе в период нацистской оккупации Донбасса....</i>	<i>388</i>

<i>И.Ю. Воронкова. Вечная память: уроженцы Новосибирской области, погибшие в нацистском лагере для советских военнопленных Шталаг-352 на территории Белоруссии в 1941–1944 годах.....</i>	<i>396</i>
<i>В.А. Иванов. Участие советских военнопленных в антинацистском сопротивлении на территории оккупированного Крыма в 1941–1944 годах.....</i>	<i>407</i>
<i>А.В. Добровольский. О подготовке офицеров службы военных сообщений и устройства тыла РККА в Новосибирском институте военных инженеров железнодорожного транспорта в годы войны.....</i>	<i>416</i>
<i>А.А. Терскова, М.Б. Епина. Повседневность в тылу и на фронте в годы Великой Отечественной войны в эго-документах из фондов музея СФУ.....</i>	<i>424</i>
<i>М.В. Шиловский. Фронтовики Советского района города Новосибирска.....</i>	<i>431</i>

Война и Победа на страницах учебников

<i>Д.С. Аннаоразов, М.Т. Аннаоразова. Великая Отечественная война в учебниках истории постсоветского Туркменистана....</i>	<i>441</i>
<i>Ю.В. Дружинина, Е.Ф. Бехтенова. Великая Отечественная война на страницах школьных учебников истории республики Казахстан и Киргизской республики.....</i>	<i>448</i>
<i>А.А. Кочергин. «В бой идут одни казаки» (по страницам учебников истории кубанского казачества).....</i>	<i>458</i>
<i>И.С. Огоновская. Великая Отечественная война: имена на страницах школьных учебников истории XXI века...</i>	<i>467</i>
<i>Т.Ю. Ерёмина. Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны на страницах школьных учебников.....</i>	<i>477</i>
<i>С.И. Коровянская. Великая Отечественная война белорусских и российских учебных пособиях для средней школы.....</i>	<i>484</i>
<i>Ю.В. Першина. Проблема коллаборационизма на страницах современных учебников и учебных пособий.....</i>	<i>494</i>

<i>А.А. Корзюк. Изучение Второй мировой и Великой Отечественной войн в средней школе Республики Беларусь....</i>	<i>499</i>
<i>О.П. Кобзева. Преподавание истории Великой Отечественной войны в вузах Узбекистана в контексте сохранения исторической памяти.....</i>	<i>506</i>
<i>Е.Е. Вяземский, О.Ю. Стрелова. День Победы: педагогические основы коммеморативных образовательных событий в современной школе.....</i>	<i>512</i>
<i>Н.Н. Лазукова, А.Г. Музюкин. Образ Великой Отечественной войны в сознании школьников (результаты экспериментального исследования).....</i>	<i>520</i>
<i>Л.Д. Тузикова. Организация и проведение профильной смены, посвященной Великой Отечественной войне.....</i>	<i>530</i>

Подвиг милосердия: врачи и святые

<i>Е.А. Орлова. Формирование сети эвакуационных госпиталей в Кузбассе во время Великой Отечественной войны.....</i>	<i>536</i>
<i>С.А. Кусков. Роль представителей политического руководства СССР в решении вопросов обеспечения деятельности эвакогоспиталей в 1939–1945 годах.....</i>	<i>543</i>
<i>С.Г. Петров. К вопросу о памятных местах, связанных с пребыванием архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого) в Новосибирске в годы Великой Отечественной войны.....</i>	<i>554</i>
<i>А.Е. Овчинникова. Интерактивная музейная форма представления школьникам работы медиков в годы Великой Отечественной войны.....</i>	<i>561</i>
<i>В.А. Синенко. Деятельность военных медиков в Восточно-Прусской наступательной операции 1945 года.....</i>	<i>570</i>
<i>Сведения об авторах.....</i>	<i>578</i>
<i>Contributors.....</i>	<i>585</i>

Contents

Preface.....	3
--------------	---

Memorization of War and Victory

<i>D.A. Amanzholova. Memory of the Great Patriotic War in Kazakhstan – Peculiarities of Interpretation.....</i>	<i>8</i>
<i>I.Z. Gerstein. Negative and Positive Practices of Using the Memory of the Great Patriotic War in the Framework of Historical Policy...</i>	<i>20</i>
<i>A.S. Timoshchuk. Memorization of War and Victory.....</i>	<i>27</i>
<i>A.T. Kapayeva. The Historical Memory of the War in Kazakhstan.....</i>	<i>34</i>
<i>M.K. Churkin. The Great Patriotic War in the Generation of the Collective Memory of the Russian Society.....</i>	<i>45</i>
<i>S.S. Tikhonov. Children’s Memories of the War and the Depth of Historical Memory.....</i>	<i>55</i>
<i>R.Y. Sharifov. Rakhmon Safarov’s Contribution to Reserving the Memory of the Great Patriotic War.....</i>	<i>61</i>
<i>S.G. Belov, A.Yu. Suslov. Writers’ Evacuation in Chistopol and Yelabuga During the Great Patriotic War (1941–1943): Problems of Modern Perception.....</i>	<i>69</i>
<i>A.A. Bogdanova. Epistolary Sources in the Formation of Historical Memory of the Great Patriotic War.....</i>	<i>76</i>
<i>E.L. Suzryukova. The Topic of the Great Patriotic War in the P. Dedov’s Novel “The Heat Lightnings”.....</i>	<i>82</i>
<i>E.A. Dzadzieva. Memorial Space as an Subjectified Source of Memory of the Great Patriotic War (Republic of North Ossetia – Alania).....</i>	<i>90</i>
<i>F.B. Drozdov. “Death Valley” as a Memory Space.....</i>	<i>98</i>

<i>G.A. Egamberdieva. Preserving the History of the Great Patriotic War in Uzbekistan Through the Development of Youth Historical and Local History Tourism to Memorable Places and Memorials..</i>	104
<i>N.N. Melnikov. Historical Memory and Armored Vehicles: Military Museums as a Source of New Data About the Great Patriotic War.....</i>	112
<i>L.N. Mazur. Soviet Village in the War: Evolution of the Cinema Image.....</i>	119
<i>M.V. Dyadchenko. Preservation of Historical Memory and Patriotism Instilling in Young People by Means of Modern Russian Cinema: Genre Characteristics, Artistic Expressions and Facts Interpretation (Based on the Great Patriotic War Movies That Had Been Released in the Period 2015–2020).....</i>	128
<i>E.A. Polinovskaya. Underground Organization “Young Guard” in the Movie Memory.....</i>	136
<i>A.V. Trofimov. The Image of the Great Patriotic War in Soviet Cinema of the Second Half of the 1940s.....</i>	145
<i>O.V. Ryzhkova. Civil-Patriotic Education of Youth in the Space of a Pedagogical University.....</i>	153
<i>K.K. Akhmetova. Remember, Bow Down, do not Forget.....</i>	162

***The Price of Victory: Demographic,
Social and Cultural Consequences of the Great Patriotic War***

<i>N.P. Paletskikh. Material-Proprietary Environment of the Rear Everyday Life in the Urals (According to the Evidence of Ego Documents).....</i>	172
<i>Yu.G. Belonogov. Evaluation of the Effectiveness of Prevention of Labor Desertion During the Great Patriotic War in Modern Russian Historiography.....</i>	181
<i>R.E. Romanov. Post-Soviet Historiography of the Problem of Stimulating the Labor of Wartime Workers (1941–1945).....</i>	189

<i>O.S. Mozgovaya.</i> Contribution of the German Population of the USSR to Victory During the Great Patriotic War.....	197
<i>M.A. Rakhimov.</i> Participation of the Uzbek SSR in the War Against Fascism and Issues of the Post-War World Order.....	205
<i>R.T. Dzhambulatov, N.D. Chekulaev.</i> About the Contribution of the Population of Dagestan to the Defense Fund in the Great Patriotic War.....	214
<i>D.V. Kiryukhin.</i> Bolshoe Murashkino Secondary School's Contribution to the Victory in the Great Patriotic War.....	219
<i>K.A. Golodyaev.</i> Reception and Accommodation of Civilians and Organizations Evacuated in 1941–1942 From the Western Regions of the USSR in the Social Memory of Novosibirsk.....	225
<i>O.S. Pavlova.</i> Production Activities of the Evacuated Population in the Bashkir ASSR During the Great Patriotic War.....	236
<i>V.V. Tsys.</i> On the Participation of the Main Department of Military-Industrial Construction Under SNK of the USSR in the Establishment of the People's Economy at the Final Stage of the Great Patriotic War (1944–1945).....	244
<i>I.V. Uporov.</i> Personal Policy for Persons Criminals Against the State, in the Period of the Great Patriotic War.....	251
<i>A.V. Tolmacheva.</i> The Problem of Captivity and its Influence on the Ratio of Losses of the Opposing Sides on the Soviet-German Front During the Great Patriotic War.....	259
<i>A.V. Trushkova.</i> Demographic Crisis in the Military and Post-War Period.....	268
<i>S.A. Andreenkov, V.A. Ilinykh.</i> Agriculture of Siberia During the Great Patriotic War.....	273
<i>A.V. Rykov.</i> The Main Trends in the Development of Collective Farm Trade in the Altai Region During the Great Patriotic War....	281
<i>S.V. Sharapov.</i> Agriculture of Novosibirsk Region on the Eve of the Great Patriotic War (on Documents of Official Trip of A.A. Andreev to Western Siberia).....	288

<i>A.E. Tchaikovsky, N.A. Rodina.</i> Soviet Press of the Period of the Great Patriotic War on the Russian National Character.....	297
<i>M.L. Fedorov.</i> Demyan Bedny and Windows TASS. Poet During the Great Patriotic War.....	304
<i>N.A. Kupershtokh.</i> Contribution of the Scientists of Siberia to the Victory: About the Scientific Session of the Western-Siberian Branch of the AS USSR 1945.....	313

Study and Reconstruction of Combat Operations and Life in the Occupied Territory

<i>V.P. Zinovyev.</i> About the USSR's Readiness For World War II.....	321
<i>I.I. Nikolaev.</i> The Assault on the City of Tsinten by Units of the 173rd Rifle Orsha Red Banner Division in February 1945.....	329
<i>N.A. Romanenko.</i> Battles of Siberian Divisions in the Great Bend of the Don in July–August 1942.....	332
<i>A.F. Startsev.</i> Indigenous Peoples of Priamurye and Primorye – Defenders of the Motherland.....	338
<i>V.V. Baskakov.</i> Reliable Barrier to Spies and Saboteurs (From the Experience of Service and Combat Activities of the Internal Troops During the Battle of Moscow).....	345
<i>A.T. Abdulina.</i> Kazakh in the National Structure of Heroes of the Soviet Union.....	352
<i>S.I. Akramov, M.I. Akramov.</i> Letters from Envoys of Tajikistan During the Great Patriotic War on the Example of Letters from Usmon the Tankman.....	360
<i>S.A. Asanova.</i> Specificities of Soldiers' Motivation in Kazakh National Formations During the Great Patriotic War....	369
<i>D.O. Kosiakova.</i> Minsk Ghetto: “An Inside Look” (Minsk Ghetto in Oral Historical Memoirs of Young Prisoners)...	380
<i>A.S. Martinov.</i> Humanitarian Crimes of the Ukrainian Auxiliary Militia and SS 10-a Command in the City of Mariupol During the Nazis Occupation in Donbass Region.....	388

<i>I.Yu. Voronkova. Eternal Memory: Natives of the Novosibirsk Region Who Died in the Nazi Camp for Soviet Prisoners of War Stalag-352 on the Territory of Belarus in 1941–1944.....</i>	<i>396</i>
<i>V.A. Ivanov. The Participation of Soviet Prisoners of War in Anti-Nazi Resistance in the Occupied Crimea in 1941–1944....</i>	<i>407</i>
<i>A.B. Dobrovolsky. On the Training of Officers of the Voso Service of the Red Army at the Novosibirsk Institute of Military Engineers Railway Ttransport During the War.....</i>	<i>416</i>
<i>A.A. Terskova, M.B. Epina. Everyday Life in the Rear and at the Front During the Great Patriotic War in the Ego-Documents from the Collections of the Siberian Federal University Museum.....</i>	<i>424</i>
<i>M.V. Shilovskiy. War Veterans in the Soviet District of the City of Novosibirsk.....</i>	<i>431</i>

War and Victory on The Pages of Textbooks

<i>J.S. Annaorazov, M.T. Annaorazova. The Great Patriotic War in the History Textbooks of Post-Soviet Turkmenistan.....</i>	<i>441</i>
<i>J.V. Druzhinina, E.F. Bekhtenova. The Great Patriotic War on the Pages of School Textbooks of the History of the Republic of Kazakhstan and the Kyrgyz Republic.....</i>	<i>448</i>
<i>A.A. Kochergin. “Only Cossacks go to Battle” (on the Pages of Schoolbooks of the History of the Kuban Cossacks).....</i>	<i>458</i>
<i>I.S. Ogonovskaya. World War II: Names on the Pages of School Textbooks of History of the 21st Century.....</i>	<i>467</i>
<i>T.Yu. Eremina. Partisan Movement During the Great Patriotic War on the Pages of School Books.....</i>	<i>477</i>
<i>S.I. Korovianskaya. The Great Patriotic War in Belarusian and Russian Textbooks for Secondary Schools.....</i>	<i>484</i>
<i>Yu.V. Pershina. The Problem of Collaboration on the Pages of Modern Textbooks and Tutorials.....</i>	<i>494</i>
<i>A.A. Korzyuk. Study of the World War II and Great Patriotic War in the Secondary School of the Republic of Belarus.....</i>	<i>499</i>

<i>O.P. Kobzeva. Teaching the History of the Great Patriotic War in Higher Education Institutions of Uzbekistan in the Context of Preserving Historical Memory.....</i>	<i>506</i>
<i>E.E. Vyazemskiy, O.Yu. Strelova. Victory Day: Pedagogical Bases of Commemorative Educational Events at the Modern School.....</i>	<i>512</i>
<i>N.N. Lazukova, A.G. Muzukin. The Image of the Great Patriotic War in the Students' Mindsets (the Results of the Experimental Study).....</i>	<i>520</i>
<i>L.D. Tuzikova. Organization of the Special Meeting Devoted to the Second World War.....</i>	<i>530</i>

Feat of Mercy: Doctors and Saints

<i>E.E. Orlova. The Formation of the Evacuation Hospitals Network in Kuzbass During the Great Patriotic War.....</i>	<i>536</i>
<i>S.A. Kuskov. The role of Representatives of the Political Leadership of the USSR in Solving Issues of Ensuring the Operation of Evacuation Hospitals in 1939–1945.....</i>	<i>543</i>
<i>S.G. Petrov. On the Issue of Memorable Places Associated With the Stay of Archbishop Luke (Voino-Yasenetsky) in Novosibirsk During the Great Patriotic War.....</i>	<i>554</i>
<i>A.E. Ovchinnikova. Interactive Museum Form of Presentation to School Children of the Work of Doctors During the Great Patriotic War.....</i>	<i>561</i>
<i>V.A. Sinenko. Activities of Military Medics in the East Prussian Offensive of 1945.....</i>	<i>570</i>
<i>Contributors (in Russian).....</i>	<i>578</i>
<i>Contributors.....</i>	<i>585</i>

Научное издание

**Великая Отечественная война в исторической памяти народа:
изучение, интерпретация, уроки прошлого**

Сборник материалов
Всероссийской научно-практической конференции
с международным участием

Корректурa
Д.В. Снытникова

Верстка
В.В. Введенский

Подписано в печать 10.09.2020 г.
Формат: 60х84/16. Гарнитура: Liberation Serif
Уч.-изд. л. 27,5. Усл. печ. л. 35,22.
Тираж 300 экз. Заказ № 1009

Отпечатано в типографии ООО «Параллель»
630090, г. Новосибирск, ул. Институтская, 4/1
Телефон: 8 (383) 330-26-98